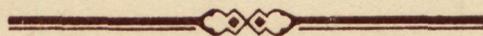

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК

XXI

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

Т о м ХХІ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1962

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик *М. Н. Тихомиров* (отв. редактор),
Б. Т. Горянов, член-корреспондент АН СССР *П. В. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*, *Е. Э. Липшиц*,
Г. Г. Литаврин, *Р. А. Наследова* (отв. секретарь),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюсюмов*, *З. В. Удальцова*
(зам. отв. редактора).

СТАТЬИ

И. А. ДВОРЕЦКАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ОСТГОТСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Проблема генезиса феодализма в Западной и Восточной Европе является одной из важнейших проблем истории раннего средневековья. Усилия советских ученых направлены на изучение двух сторон развития феодальных отношений — социально-экономической и политической. Несомненный интерес представляет изучение конкретной истории отдельных раннефеодальных образований, так называемых «варварских» королевств. Среди различных государств, сложившихся на территории Римской империи, менее изученным долгое время оставалось Остготское королевство. В 1959 г. была опубликована монография З. В. Удальцовой¹, подводившая итог многолетним исследованиям автора в области изучения своеобразия формирования феодальных отношений в Италии в конце V — начале VI в. В первой части монографии освещены вопросы социально-экономических отношений в Италии в период владычества остготов. Наряду с этими основными вопросами автор рассматривает также вопросы политического строя Италии в этот период, подчеркивая своеобразие государственного устройства остготской Италии, справедливо отмечая влияние римских и германских институтов. Настоящая работа имеет целью изучение особенностей формирования государства у остготов, синтеза римских государственных учреждений и начал нового раннего государственного образования, сохранившего еще пережитки строя военной демократии.

Основным источником для изучения системы управления в Остготском государстве служат «Варии»², составленные и систематизированные Кассиодором, который долгое время исполнял обязанности личного секретаря у остготских королей и сам оформлял все королевские приказы и распоряжения. Большое значение имеют разнообразные королевские указы, приказы и предписания; они дают фактический материал о деятельности чиновников и особенностях государственного управления при остготах, для изучения характера и границ компетенции той или иной должности. В «Вариях» имеются формулы назначения должностных лиц. Каждая формула состоит из трех частей: в первой говорится о степени почета и достоинства указанной должности, во второй описываются функции и права чиновников, в третьей должностным лицам предписывается следовать законам и правосудию, охраняя общественный порядок.

«Варии» также дают материал для характеристики состояния армии и финансов при остготах.

---

¹ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.

² Cassiodori Variarum, ed. Th. Mommsen. MGH, AA, t. XII. Berolini, 1894 (далее — Cassiod.), p. 1—385.

Другим ценным источником служит эдикт Теодориха ³, где уделяется большое внимание организации суда и судебной власти. Анализ постановлений дает возможность восстановить принципы судостроительства и судопроизводства в Остготском королевстве.

В буржуазной специальной литературе вопрос о политической организации Остготского королевства является наиболее разработанным и вместе с тем наиболее запутанным. Одни ученые обращают внимание лишь на остатки римского государственного аппарата управления, придавая им решающее значение и игнорируя появление нового в политической организации Остготского государства ⁴. Эти исследователи высказывают мнение о несовершенности политической системы Остготского королевства, в котором будто бы наблюдалось вырождение римской государственности. Не учитывая своеобразия раннефеодального государства и даже не считая таковым Остготское королевство, они принимают его особенности за недостатки, за признаки крушения римского государственного строя, поддерживаемого якобы механически. Другие ученые, отстаивая принцип дуализма в организации государственного управления, признавали неизменность римских государственных форм для римлян и существование особой системы управления для остготов, составлявших военное сословие ⁵.

В действительности образование государства у остготов приняло своеобразную форму, так как Остготское королевство сложилось в Италии, в центре римской цивилизации, где римские традиции и формы государственности были наиболее живучи. Несомненно, они оказали большое влияние на политическую организацию остготов. Степень романизации Остготского королевства была более высокой, чем других «варварских» королевств, но все же оно не было лишено и своих особенностей, характерных для раннего государственного образования.

Остготское завоевание привело к глубоким социально-политическим изменениям. Завоевание увеличило число свободных средних и мелких землевладельцев, углубило имущественную дифференциацию в среде свободных остготов, привело к образованию остготской крупной служилой землевладельческой знати — *potentes*, которая получила значительные привилегии. Процесс классового образования у остготов привел к изменению их политической организации. Господствующий класс был заинтересован в создании аппарата насилия для удержания в подчинении покоренного римского населения и эксплуатируемой массы свободных остготов, в создании такой силы, которая защищала бы права и привилегии остготской знати. Армия, бюрократический аппарат, финансы, право были использованы в интересах остготской знати для подчинения и угнетения подданных. Образование государства у остготов, как и у других народов Европы, было естественным результатом имущественного и социального расслоения, а по времени было связано с завоеванием Италии. Раздел земли, переход ее в частную собственность способствовали дальнейшему росту социального неравенства и классовому образованию. Эта социальная предпосылка образования государства сочеталась с политической, ибо господство над покоренным народом было несовместимо с сохранением прежних

³ *Edictum Theoderici regis*, ed. Bluhme (MGH, Leges, t. V, 1875, p. 145—171).

⁴ Th. Mommsen. *Ostgothische Studien*. Gesammelte Schriften, Bd. VI. Berlin, 1910, S. 482—483; W. Enßlin. *Theoderich der Grosse*. München, 1947, S. 94, 159, 162.

⁵ F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. III. Leipzig, 1883, S. 3, 92, 254—255; M. Dumoulin. *Le gouvernement de Theodoric*. «Revue historique», t. 78, 1902, p. 250; F. Lot. *Les invasions Germaniques*. Paris, 1945, p. 139—140.

институтов родового строя и строя военной демократии. У остготов, как и у других германских народов, государство возникает в результате завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств ⁶.

Государство, возникающее на определенной ступени общественного развития, характеризуется рядом признаков, отличающих его от старой родовой организации. Первой отличительной чертой государства является разделение подданных государства по территориальному признаку ⁷. В Италии было оставлено прежнее административное деление на провинции. Для римлян это не явилось нововведением, более важен факт включения остготов в систему административного деления. Остготы, поселившиеся в Италии, не составляли обособленного округа: они расселились по всей стране и наравне с римлянами были разделены по территориальному признаку. Ряд королевских указов адресован готам и римлянам какой-нибудь одной провинции или городской общины ⁸. Основными административными единицами были признаны провинция и городской округ — *civitas*.

Второй отличительной чертой государства является учреждение публичной власти, которая не совпадает непосредственно с населением, организующим себя как вооруженная сила ⁹. Значение королевской власти у остготов коренным образом изменилось с завоеванием Италии. Важно отметить, что в самом имени Теодориха слились воедино два обозначения: старейшины племени — *reiks* и военачальника — *thiudans*. Теодорих, возглавивший массовое переселение народа, являлся действительно остготским рейксом в Паннонии, но после вторжения в Италию и свержения Одоакра он был вторично провозглашен королем не только остготской части населения, но и римской ¹⁰. Иордан отметил и внешнюю сторону перемены, происшедшей в положении Теодориха: на третий год после вторжения в Италию он оставил жизнь частного человека и сменил одежду своего племени на королевское одеяние, как повелитель готы и римлян ¹¹. Остготские короли стали считаться правителями всей страны, повелителями готы и римлян; и те, и другие одинаково расценивались как подданные одного, единого королевства ¹². В результате завоевания Италии король-военачальник превратился в короля — носителя высшей государственной власти.

Отличительной чертой такого превращения является установление порядка наследования королевской власти. Остготские короли постоянно указывали на то, что род Амалов — царственный (*genus purpuratum*... *Namalogum regalem prosapiam, blatteum german... infantiam purpu-*

⁶ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 169.

⁷ Там же, стр. 170.

⁸ *Cassiod.*, I, 17, 28; II, 19; III, 9, 24, 34, 40, 42, 44, 48—50; IV, 8, 26, 45, 49; V, 9, 15; VIII, 7, 26, 29; IX, 10; XI, 15, 16.

⁹ См. Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 170.

¹⁰ *Cassiod.*, II, 41.

¹¹ *Iordanis Getica*, LVII, 295. MGH, AA, t. V, pars 1. Berolini, 1882.

¹² После смерти Теодориха от имени наследника Аталариха были обнародованы эдикты с изъяснением королевской воли, извещающие о вступлении на престол законного наследника Теодориха. Эдикты были адресованы отдельно готам (*Cassiod.*, VIII, 5), италийцам и далматинцам (*ibid.*, VIII, 4) и жителям Рима (*ibid.*, VIII, 3). Во всех эдиктах новый король призывал подданных к беспрекословному повиновению. Ряд королевских постановлений относился к готам и римлянам одновременно (*ibid.*, V, 5; VIII, 27). Король говорил своим подданным, что им свойственны одинаковый образ жизни, одинаковые законы, над ними одна власть (*ibid.*, VII, 3.3: *unum vos amplectatur vivendi votum, quibus unum esse constat imperium; ibid.*, III, 13. 2: *nec permittimus discreto iure vivere quos uno voto volumus vindicare*).

ratam¹³). Амаласунта, назначая соправителя, заявила, что принадлежащий к роду Амалов по праву получает королевское достоинство¹⁴. В послании римскому сенату от имени короля Аталариха основание для получения королевского достоинства усматривается в принадлежности к роду Амалов¹⁵. Тем самым остготские короли, во-первых, хотели подчеркнуть законность своих притязаний на королевскую власть, во-вторых, утвердить строгий порядок назначения королей из одного рода, рода Амалов. Более того, остготские короли называли себя законными наследниками римских императоров на том основании, что они якобы освободили Италию от тирании Одоакра¹⁶. Сам Теодорих стремился установить наследование королевской власти по нисходящей линии. Не имея сыновей, он назначил преемником зятя, представителя рода Амалов¹⁷. После его кончины король собрал ко двору знать и чиновников-графов и при них путем оглашения завещания назначил наследником своего внука Аталариха¹⁸.

После смерти Аталариха королевская власть перешла к его матери (дочери Теодориха) Амаласунте, но пережитки патриархальных отношений были еще настолько сильны, что она вынуждена была поделить власть с мужским представителем дома Амалов, сделав своим соправителем двоюродного брата Теодата, который не был прямым наследником Теодориха¹⁹. Впоследствии, в период гото-византийских войн установленный порядок назначения наследника был нарушен, но характерно, что избранные короли всегда стремились каким-либо способом доказать свою близость к королевскому дому. Так, Витигис после избрания его королем взял себе в жены Матасунту, дочь Амаласунты, чтобы этим родством с родом Теодориха упрочить свою власть. Впоследствии, когда короли избирались не из рода Теодориха, они также старались придерживаться порядка наследственной передачи власти: Тотила, например, был племянником короля Ильдибада.

Хотя династический порядок наследования королевской власти соблюдался не всегда, стремление установить наследственность королевской власти было совершенно новым явлением, существенно отличавшим остготских королей от прежних рейксов-военачальников, которые избирались не столько по знатности, сколько благодаря доблести и военным способностям. Основная функция рейксов — военное предводительство — отходит на второй план. Например, Теодорих до завоевания Италии был только военным предводителем своего народа; он личным примером воодушевлял в сражениях воинов, умножая военную славу предков²⁰. После завоевания Италии и провозглашения его королем он передал военные полномочия своим ближайшим соратникам — полководцам Иббе, Питце, Тулуину. Осуществляя верховное руководство, он не принимал личного участия ни в одном походе остготского войска.

¹³ Cassiod., VIII, 1.1; IV, 39.2; VIII, 5.2.

¹⁴ Ibid., X, 3.3: Namalorum stirpe progenitus regalem habeat in artibus dignitatem.

¹⁵ Ibid., VIII, 2.3: qui ex hac familia progreditur, regno dignissimus approbatur.

¹⁶ Ibid., IV, 1; VIII, 2.3. Теодориха называли чужеземным наследником империи — externus heres imperii (ibid., VIII, 3.1), Аталариха — его наследником (ibid., VIII, 3.4; IX, 24.8).

¹⁷ Jordanis Getica, XIV, 81; LVIII, 298.

¹⁸ Ibid., LIX, 304.

¹⁹ Прокопий. Война с готами, V, 4, § 10. М., 1950. Иордан указывает, что Амаласунта боялась презрения готов из-за слабости своего женского пола (Jordanis Getica, LIX, 306).

²⁰ Ennodii Panegyricus, VIII, 43: Telis agendum est, ut avorum per me decora non pereant sine causa parentum titulis nitimur, nisi propriis adjuvemur (MGH, AA, t. VII. Berolini, 1885).

В определении характера королевской власти романисты исходили из взгляда на Остготское королевство как на неудавшуюся попытку восстановления Западной Римской империи под протекторатом восточного императора ²¹. В остготских королях видели военачальников на службе у византийского императора, его восставших заместителей, подобных тем, которых римские императоры нанимали командовать имперскими и федератскими войсками.

В действительности остготские короли являлись правителями суверенного государства. Самостоятельность и независимость Остготского королевства — важный фактор в оценке положения остготских королей. Сами короли, особенно Теодорих, расценивали свою власть подобно императорской, со всеми ее прерогативами; такого же мнения придерживались современники. Прокопий Кесарийский называл Теодориха «настоящим императором, ничуть не ниже наиболее прославленных, носивших с самого начала этот титул» ²².

Остготский король приобрел единоличную власть над подданными, в источниках не зафиксированы даже остатки народного собрания. Все прерогативы центральной власти в мирное и военное время сосредоточивались в руках короля.

Король обладал законодательной властью, предписывая неуклонное исполнение своих эдиктов и распоряжений. Теодорихом был издан специальный эдикт, служивший основным руководством для судей в уголовных и гражданских процессах. Он представлял собой свод законоположений, действующих на территории Остготского государства. Помимо общего эдикта, король издавал специальные указы и постановления по частным вопросам государственного управления; они составляют большую часть «Варий» Кассиодора. В источниках нет ни одной ссылки на законодательство Восточной Римской империи: все эдикты, указы и предписания остготский король издавал от своего собственного имени и особо подчеркивал, что подданные должны следовать его приказаниям беспрекословно ²³.

Будучи самостоятельными правителями, остготские короли чеканили свою монету. Правда, Теодорих наряду с собственной монограммой чеканил на аверсе и изображение восточного императора. Однако известны монеты с изображением остготских королей, надписи на них вполне соответствуют положению самостоятельных правителей ²⁴. Медные монеты остготских королей большей частью вообще чеканились без изображения императора, а на монетах Тотилы и Тейи имеется изображение умершего Анастасия, который формально признал самостоятельность Остготского королевства. На реверсе многих монет чеканилось изображение готского воина во весь рост, в полном вооружении. Таким образом, остготские мо-

²¹ R. L a t o u c h e. Les grandes invasions et la crise de l'Occident au V siècle. Paris, 1946, p. 131; J. S t r a u e r. The Middle Ages, 395—1500. New York—London, 1942, p. 38—40; F. L o t. Op. cit., p. 138—140.

²² П р о к о п и й. Война с готами, V, 1, § 29. Прокопий отмечает, что своими подданными Теодорих управлял твердо, держа их в подчинении, как это вполне подобает настоящему императору (там же, V, 1, § 26).

²³ Т. Момзен (Th. Mommsen. Op. cit., Bd. VI, S. 459—461), Гартман (L. M. Hartman a n n. Geschichte Italiens im Mittelalter, Bd. I, Gotha, 1897, S. 90), Энсслин (W. E n s l i n. Theoderich der Grosse. München, 1947, S. 239—241), отрицая законодательную власть остготского короля, указывали на то, что он подобно римским магистратам издавал эдикты (edicta), в то время как право издавать законы (leges) принадлежало только императорам. Однако следует отметить, что еще в эпоху Римской империи грань между законами в строгом смысле и императорскими эдиктами постепенно стиралась. Фактически эдикты остготских королей имели силу закона и действовали без ограничения во времени.

²⁴ D. N.—dominus noster, rex, domnus, Rex Theodericus pius princis, Rex Theodericus victor gentium.

неты существенно отличаются от византийских и не дают повода для отрицания монетной прерогативы остготских королей.

Остготские короли пользовались высшей административной властью: они назначали должностных лиц, которые отчитывались перед королем, регламентировали их деятельность, даже расходы на содержание при разъездах²⁵, только король мог разрешать отпуска на определенный срок²⁶, он же осуществлял непосредственный контроль за должностными лицами.

Остготским королям принадлежала верховная судебная власть: королевский комитат был высшей судебной инстанцией, кроме того, король лично направлял судебные решения судьям на местах.

В области внешней политики остготские короли также действовали как суверенные правители. Были установлены дипломатические отношения с Византией, вандалами²⁷, варнами²⁸, тюрингами и герулами²⁹, франками³⁰, бургундами³¹, вестготами³², эстами³³. Теодорих стремился укрепить внешнеполитическое положение королевства путем заключения династических браков³⁴. Остготские короли лично руководили всеми делами внешней политики: принимали и направляли посольства, решали вопросы войны и мира, от своего имени заключали союзы и договоры.

Итак, остготские короли обладали суверенной верховной властью в государстве, однако власть их в значительной степени ограничивалась участием знати в делах управления. Моммзен и Дюмулен утверждали, что власть остготского короля распространялась только на готов, а римлянам якобы были сохранены старые формы государственности³⁵. В действительности остготский король был провозглашен королем всей Италии, современники называли Теодориха законным владыкой готов и италийцев³⁶, государем Рима³⁷.

Для готов и римлян устанавливалась единая система управления, издавались единые законы и указы³⁸, существовала единая система финан-

²⁵ Cassiod., V, 14.7.

²⁶ Ibid., III, 21.

²⁷ Ibid., V, 43, 44.

²⁸ Ibid., V, 1.

²⁹ Ibid., III, 3; IV, 1.2.

³⁰ Ibid., II, 41; III, 4; А г а ф и й. О царствовании Юстиниана, кн. I, гл. 5. М.—Л., 1955; П р о к о п и й. Война с готами, V, 13, § 26—29.

³¹ Cassiod., I, 46; III, 2.

³² Ibid., III, 1.

³³ Ibid., V, 2.

³⁴ Свою племянницу Амалабергу, дочь сестры Амалафриды, Теодорих выдал замуж за тюрингского короля Герменефрида [П р о к о п и й. Война с готами, V, 12, § 22; Cassiod., IV, 1; Chronica Anonymi Valesiani (далее — Anon. Vales.), pars posterior, 12.70; Iordanis Getica, LVIII, 299], дочь Теодихузу — за вестготского короля Алариха Младшего (Iordanis Getica, LVIII, 298; П р о к о п и й. Война с готами, V, 12, § 22), дочь Остроготу — за бургундского короля Сигизмунда (Iordanis Getica, LVIII, 298; Gregorii Turonensis Historia Francorum, lib. III, 5. MGH. Scriptorum rerum Merovingicarum, I. Hannoverae, 1885), сестру Амалафриду — за вандалского короля Тразимунда (Cassiod., V, 43; Anon. Vales., pars posterior, 12, 68; Iordanis Getica, LVIII, 299), дочь Амаласунты — за Евтариха вестготского, происходившего из рода Амалов. Сам Теодорих женился на Аудофледе, сестре франкского короля Хлодвига (Anon. Vales., pars posterior, 12, 63; Gregorii Turonensis Historia Francorum, lib. III, 31).

³⁵ Th. Mommsen. Op. cit., Bd. VI, S. 477—478, 481; M. Dumoulin. Op. cit., p. 249, 251.

³⁶ П р о к о п и й. Война с готами, V, 1, § 25; 20, § 11.

³⁷ Там же, V, 20, § 12. В надписях Теодорих обозначается не иначе, как dominus noster (CIL, VI, 1665, 1794; X, 6850; XIII, 10030; XV, 1665, 1669). Римлянин Епнодий называл Теодориха dominus noster, rex, rector Italiae (Eppodii Panegyricus, XXI, 92), dominus Italiae (vita Epifani, 163), princeps (vita Epifani, 164, 169; Libellus pro sinodo, 13).

³⁸ Cassiod., III, 13.2: nec permittimus discreto iure vivere quos uno volumus vindicare.

сов, единое административное деление, единое войско, хотя и состоявшее только из остготовов.

Остготские короли не приняли титула римского императора. Теодорих сохранил за собой титул племенного вождя — *geiks*, но с образованием государства это понятие приобрело новое содержание. Считая себя верховным правителем государства, он принял некоторые звания, входившие в титулатуру римских императоров. Остготские короли именовались *prinsep*s³⁹ или *Flavius*; все, что касалось особы короля, объявлялось священным — *sacrum*⁴⁰. Короли рассматривали свою власть выше закона, признавая за собой право преступать границы законов⁴¹.

Остготские короли искали освящения своей власти в религии⁴².

Церковь была призвана служить идеологическому оформлению власти остготского короля. Теодорих, Аталарих, Витигис не раз лично обращались к римскому папе и епископам, католическим и арианским, с тем, чтобы их проповеди укрепляли в мирянах преданность королю, «божьему избраннику»⁴³.

Остготские правители заботились и о внешнем оформлении власти. Теодорих добился возвращения из Константинополя императорских знаков власти (инсигний), его пурпурные одежды были роскошны и украшены драгоценностями⁴⁴. На сохранившейся монете король изображается со скипетром в руке. Заново были отстроены королевские дворцы в Риме, Равенне и Вероне. В некоторых городах Италии были сделаны изображения короля из мозаики; наряду с изображениями императоров были выставлены королевские статуи⁴⁵.

Укреплению королевской власти должна была способствовать официальная историография: Кассиодор прославил королевский род Амалов, епископ Еннодий посвятил Теодориху панегирик; в котором превозносил доблести остготского короля, «мудрейшего и справедливейшего принцепса»⁴⁶.

Особенностью королевской власти в Остготском государстве было исключительное, присущее только королю право своеобразного покровительства — *tuitio*. Королевская защита могла жаловаться отдельным лицам (как римлянам, так и остготам), церкви⁴⁷, целой народности (например иудеям)⁴⁸, области⁴⁹, иногда имуществу⁵⁰. Королевская защита предоставлялась по просьбе и оформлялась выдачей грамоты, которая должна была королевским именем защищать того, кому покровительствовал сам король⁵¹. Королевская защита выражалась в самых разнообразных формах: 1) в предоставлении привилегированного правового положения, при

³⁹ Ibid., III, 22; 28.2; 42.1; IV, 3.1; 36.1; V, 27.2; VIII, 7.1; 11.1; IX, 24.1; X, 3.4; 13.2; 17.1.

⁴⁰ *Sacrum praeceptio* (ibid., IV, 29.2; VI, 15.1; 5.4), *sacra iussio* (ibid., III, 15), *sacrae lectiones* (ibid., X, 16.2; 17.2), *comitatus sacratissimus* (ibid., VIII, 32.1), *sacra vestis* (ibid., VI, 7.6), *sacra orationes* (ibid., VIII, 8.2).

⁴¹ Ibid., II, 9: . . . principis est ad clementiae commodum transilire terminos aequitatum.

⁴² Ibid., VIII, 8.2: rex caelestis humana nobis regna confirmet.

⁴³ Cassiod., VIII, 8. 3; X, 34; XI, 2.

⁴⁴ E n n o d i i Panegyricus, VIII, 44; XXI, 89.

⁴⁵ П р о к о п и й. Война с готами, V, 24, § 22; V, 6, § 5; VII, 20, § 29; Cassiod., II, 36.

⁴⁶ Magni Felicis E n n o d i i opera (MGH, AA, t. VII. Berolini, 1885).

⁴⁷ Сицилийскому патримонию Миланской церкви была пожалована *tuitio*, обязанность покровителя исполнял граф Адила (Cassiod., II, 29).

⁴⁸ Иудеи получили грамоту об освобождении их от вмешательства христианского духовенства и о сохранении за ними собственности на синагоги (ibid., V, 37).

⁴⁹ Ibid., V, 39. Защиту осуществлял специальный карательный отряд.

⁵⁰ Ibid., I, 15.

⁵¹ Ibid., VII, 39: Formula tuitionis.

этом устанавливалась подсудность комитату и освобождение от юрисдикции обычных судов⁵²; 2) в предоставлении находящемуся под защитой специального королевского чиновника для осуществления права защиты⁵³. Защита поручалась главным образом сайонам из числа остготов, которые одни могли носить оружие; 3) в угрозе денежным штрафом за преследование находящегося под защитой⁵⁴.

Ф. Дан, основываясь на официальном определении королевской защиты, выводит ее из верховного права опеки над всеми подданными; он настаивает на внеклассовом характере *tuitio*⁵⁵. Однако в действительности защита всегда жаловалась представителям господствующего класса для охраны их имущества и усиления политического влияния⁵⁶. Предоставление королевской защиты, с одной стороны, надо рассматривать как выражение особого значения королевской власти, усиления ее авторитета, как выражение исключительного положения короля, верховного главы государства⁵⁷. С другой стороны, *tuitio* является следствием неразвитости государственного строя у остготов, пережитком строя военной демократии, когда публичная власть еще не была отделена от народа, когда любой дружинник мог рассчитывать на покровительство военачальника.

При анализе характера королевской власти существенным является вопрос о ее социальной природе. Буржуазные ученые приписывают остготским королям римскую государственную идею общественного блага, они пытаются представить королевскую власть надклассовой защитницей интересов всех слоев общества⁵⁸. При этом используют тенденциозные утверждения источников, в особенности политическую направленность идеологов господствующего класса и официальных документов. Королевские грамоты подчеркивают, что остготские короли в проведении внутренней политики руководствуются принципами правосудия (*iustitia*), гуманности (*humanitas*) и гражданственности (*civilitas*)⁵⁹. Фактически содержание принципа правосудия сводилось к требованию неукоснительного исполнения законов, королевских указов и предписаний⁶⁰, а сущность закона в классовом обществе всегда заключается в защите господствующего положения угнетателей и сохранении подчиненного положения эксплуатируемых слоев населения. На случай самым тяжким преступлением против принципа справедливости было объявлено нарушение прав собственности, домогательство чужого имущества⁶¹.

Принцип гражданственности требовал от подданных беспрекословного подчинения властям, соблюдения порядка⁶² и гражданского мира⁶³.

Принцип гуманности выражался в требовании, чтобы чиновники не злоупотребляли властью и руководствовались в своей деятельности ко-

⁵² Cassiod., I, 37; IV, 9, 41.

⁵³ Ibid., I, 15, 36, 37; II, 4, 29; III, 27; IV, 41; V, 29, 39; IV, 27; IX, 2.

⁵⁴ Ibid., VI, 13; IV, 27; IX, 18.10.

⁵⁵ F. Dahn. Op. cit., Bd. III, S. 111—116.

⁵⁶ В Салической правде также упоминается о защите королевским именем — *tuitio in verbum regis*. Похищение девушки, находившейся под покровительством короля, каралось большим штрафом (*Lex Salica*, XIII, § 6).

⁵⁷ Характерно, что преступления против лица, находившегося под королевской защитой, считались более тяжкими, чем обычные. Преступник, осмелившийся поднять руку на человека, которому покровительствует сам король, рассматривался как виновный в оскорблении короля (Cassiod., IX, 18.10).

⁵⁸ F. Dahn. Op. cit., Bd. III, S. 111—116; Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1922, стр. 211.

⁵⁹ Король называл себя *auctor civilitatis* (Cassiod., VIII, 2.2).

⁶⁰ Ibid., III, 20; IV, 32, 33; VIII, 20; XI, 9; XII, 3.

⁶¹ Ibid., IV, 39. 1.

⁶² Ibid., II, 24; IV, 33; IX, 19; XII, 8.

⁶³ Ibid., III, 38; IX, 19; X, 14.

ролевскими распоряжениями⁶⁴. Король считал высшим признаком гуманности предоставление средств на содержание армии, оплату должностных лиц, а также тех, кто находился на службе у короля⁶⁵.

Таково действительное содержание внутренней политики остготских королей. Оно очень ярко отражает классовую сущность и направленность всей деятельности остготских правителей. Буржуазная историография подняла на щит декларативные заявления королей и считала, что они отражали фактическое положение вещей. Дан, Гартман, Энслин в доказательство приводили налоговую политику, в частности снижение налоговых сумм и даже освобождение от податей, что якобы делалось для улучшения благосостояния населения⁶⁶.

Обратимся к документам и попытаемся раскрыть истинный смысл налоговой политики остготских королей. В большинстве случаев остготские короли запрещали взимание податей сверх установленной суммы; однако это диктовалось заботой о том, чтобы предотвратить окончательное разорение средних и мелких землевладельцев, основного ядра остготской армии, сохранить их платежеспособность и устранить недовольство⁶⁷. Идеалом считался добровольный налогоплательщик: *grata enim nobis est sine instantia compulsoris exactio et hoc devotum facere, quod vix poterat coactus implere atque utinam possessor ultroneus et nobis necessitatem morarum tolleret et sibi damna competentibus illationibus abrogaret*⁶⁸. В «Вариях» имеется ряд документов, подтверждающих факт снижения налоговых платежей на определенное время. Например, в 534 г. лигурийские налогоплательщики получили такую льготу в связи с опустошением провинции врагами и засухой⁶⁹. Во время гото-франкской войны была освобождена от подати область Массилии всего на один год; на следующий год подать уже собиралась, хотя и в уменьшенном размере⁷⁰. В галльских областях, абсолютно разоренных войной, налог был уменьшен всего в течение одной индикции⁷¹. В 535—536 гг. налоговые платежи были сокращены в Лигурии, Эмилии и Венетии, потому что поля этих провинций, опустошенные бургундами и свевами, не дали урожая⁷², а Венетия к тому же пострадала от сильной засухи⁷³.

Таким образом, провинциям снижали подать только в редких случаях, после опустошительного набега врагов или стихийного бедствия, причем подать снижали лишь в течение одной индикции в точном соответствии с причиненным ущербом⁷⁴. Освобождение от подати, снижение налога было исключительным явлением в налоговой политике королей, оно диктовалось крайней необходимостью и проводилось в интересах фиска, чтобы на будущее обеспечить правильное поступление налоговых платежей. В предписании префекту претория Фаусту король раскрыл истинный смысл проводимых мероприятий по снижению налога: «имеет большое значение облегчение налоговых платежей с тем, чтобы подкрепить положение налогоплательщиков для исполнения обычных платежей; лучше в настоящее время пренебречь убытками, чем из-за незначительной при-

⁶⁴ Ibid., I, 22; III, 20; VIII, 20; XI, 9.

⁶⁵ Ibid., II, 9; III, 42; IV, 24, 26; VI, 3, 6; XI, 33; XII, 26, 28.

⁶⁶ F. D a h n. Op. cit., Bd. II, S. 140; L. M. H a r t m a n n. Op. cit., Bd. II, S. 122—123; W. E n ß l i n. Op. cit., S. 212, 248—249.

⁶⁷ C a s s i o d., IX, 12; XI, 16; XII, 8.

⁶⁸ Ibid., XII, 8.3.

⁶⁹ Ibid., XI, 15.

⁷⁰ Ibid., IV, 26.

⁷¹ Ibid., III, 32, 40; IV, 36.

⁷² Ibid., XII, 28.

⁷³ Ibid., XII, 7, 26.

⁷⁴ Ibid., II, 38; IV, 50; IX, 10; XI, 39.

были не иметь постоянных, обычных доходов»⁷⁵. Вообще же король предписывал должностным лицам строго взыскивать установленные подати и не щадить уклоняющихся⁷⁶.

Внутренняя политика остготских королей была направлена на защиту интересов господствующего класса — римской аристократии⁷⁷ и остготской знати, ее богатств и привилегий. Еннодий, говоря о социальной политике остготского короля, указывал, что он покровительствовал богатым владельцам и обуздывал строптивого бедняка, предоставлял почести верноподданым и нес гибель мятежным⁷⁸. Королевская власть закрепляла за крупной землевладельческой знатью право эксплуатации зависимых слоев населения. Об этом свидетельствуют указы королей о возвращении прежним владельцам рабов и колонов, о запрещении использовать труд и тягловую силу чужих рустиков, о возвращении беглых рабов, колонов, рустиков их господам, законы, пресекающие всякое неповиновение и протест против угнетения⁷⁹. Посредством налогов и других повинностей государство эксплуатировало свободных готов-налогоплательщиков⁸⁰.

Итак, королевская власть в Остготском государстве являлась институтом публичной власти, выражавшим интересы господствующего класса. Она представляется нам как единоличная, хотя и не свободная от пережитков строя военной демократии. В период гото-византийской войны, когда возникла реальная опасность для существования Остготского королевства, эти пережитки сказались в большей степени. Наследственность королевской власти намечалась, но строгий порядок династического правления не был установлен. Во время войны порядок наследования престола не соблюдался. После Теодориха правило семь королей, из них четверо не принадлежали к королевскому роду Амалов: Ильдибад, Эрарих, Тотила, Тейя. Короли опять стали избираться в зависимости от доблести и военных качеств, так как на первый план выступила функция военного предводительства, как прежде, в паннонский период. Например, Витигис был незнатного рода, но еще при Теодорихе прославился в войне с гепидами. Тотила также не отличался знатностью рода, но, как отмечает источник, был человеком большого ума, энергичным; он командовал гарнизоном в Тарвизии и в силу этих своих качеств пользовался большим влиянием среди готов⁸¹. Остготские короли стали лично командовать войском, разделяя командование с ближайшими сподвижниками. Осаждая Рим, Витигис поручил укрепление на Нероново равнине Марцию, остальными войсками командовал сам⁸². Тотила также лично командовал готским войском; в последнем бою он сражался рядом с простыми войнами⁸³. Иногда короли избирались войском прямо в лагере по древнему германскому обычаю — через поднятие на щит: так были провозглашены Витигис⁸⁴ и Ильдибад, человек энергичный и знающий военное

⁷⁵ Cassiod., IV, 36.

⁷⁶ Ibid., II, 24; IV, 14; V, 14; XII, 10.

⁷⁷ П р о к о п и й. Война с готами, VII, 21, § 12. Тотила, обращаясь к римским сенаторам, говорил, что они много хорошего видели от Теодориха и Аталариха, всегда привлекались ими к участию в государственном управлении, награждались великими богатствами.

⁷⁸ E n n o d i i Panegyricus, II, 8; XXI, 91.

⁷⁹ Edictum Theoderici regis (MGH, Leges, t. V, § 84—87, 97, 150, 151, 104, 77).

⁸⁰ Cassiod., IV, 14.

⁸¹ П р о к о п и й. Война с готами, VII, 2, § 7.

⁸² Там же, V, 19, § 12.

⁸³ Там же, VIII, 32, § 34; VIII, 29, § 2; 31, § 18—19.

⁸⁴ Cassiod., X, 31; Jordanis Getica, LX, 309—310: exercitus . . . sibi ductorem suum Vitiges. . . in regem levandum. . . et mox in campos Barbaricos Vitiges, in regno levatus.

дело ⁸⁵. Ильдигада специально пригласили из Вероны, резиденции короля, в Тичино, где стояло остготское войско; здесь он был облачен в королевскую порфиру. Однако остготская знать была достаточно сильной, чтобы не допустить возрождения народной власти, народного собрания. Чаще короли избирались и смещались советом остготской знати, состоявшим из влиятельных лиц в государстве, военачальников ⁸⁶. Даже избрание Витигиса носило характер заговора. Витигиса провозгласили королем в войске в то время, когда у власти еще стоял Теодат. Витигис послал своих приближенных из числа знати в Равенну, чтобы они убили Теодата. Только после этого Витигис был объявлен народу — римлянам и готам — как король Италии ⁸⁷.

Во время гото-византийской войны остготские короли и по внешнему оформлению своей власти более походили на прежних военачальников: они покинули королевские дворцы, сами командовали войском, ведя простую, лагерную жизнь. Одежды их утратили прежний блеск, так же просто одевались и члены королевского дома ⁸⁸. Однако, несмотря на простоту частной жизни, остготские короли не расставались с королевскими инсигниями. Аригерн, брат Тейи, задумав совершить предательство, передал Нарсесу королевские инсигнии, лишив тем самым остготских королей внешнего оформления власти ⁸⁹.

Вообще надо отметить, что королевская власть в период гото-византийской войны стала слабее, а совет знати, наоборот, приобрел большое значение: все важнейшие дела в государстве король обсуждал и решал в согласии с королевским советом, советом старейшин ⁹⁰. Но поскольку королевская власть была призвана защищать интересы господствующего класса, его экономическое и политическое значение, что она успешно и исполняла, постольку остготская знать, несмотря на свое усиление, и не помышляла об уничтожении королевской власти.

Остготские короли осуществляли свою власть через систему управления, отчасти заимствованную у Римской империи, отчасти созданную заново. Король Теодорих в письме византийскому императору Анастасию писал, что Остготское государство является подобием византийского ⁹¹. Однако в действительности остготские короли сохранили лишь названия некоторых римских должностей, вложив в старую форму новое содержание или оставив только названия, лишив носителей титулов прежних функций.

Центральное управление было сосредоточено при дворе короля, в Равенне. Большую роль играл королевский совет, высший судебный орган, одновременно военный совет, состоявший из представителей остготской знати и римской аристократии, привлеченной на государственную службу

⁸⁵ Проконий. Война с готами, VI, 30, § 14, 16, 17.

⁸⁶ Так сместили с королевского трона Теодата, подобным же образом хотели поступить с Витигисом, но потом решили оставить за ним титул, а фактическую власть передать Ураю. Именно знатные готы, очевидно, руководили заговором против Эдариха и пригласили королем Тотилу (Проконий. Война с готами, VII, 2, § 10—11, 18).

⁸⁷ Jordanis Getica, LX, 310.

⁸⁸ Проконий. Война с готами, VII, 1, § 38—39; VIII, 31, § 18; 32, § 34.

⁸⁹ Агафий. О царствовании Юстиниана, кн. I, 20. Аригерн передал Нарсесу все инсигнии готской власти и говорил франкам, что если кто в дальнейшем и будет объявлен королем готов, то не будет иметь знаков отличия и достоинства, он должен надевать простую воинскую одежду и по внешнему виду оставаться простым человеком.

⁹⁰ Проконий. Война с готами, VI, 9, § 8; 22, § 13; 28, § 23 и 35.

⁹¹ Cassiod., I, 1.3: regnum nostrum imitatio vestra est, forma boni propositi, unici exemplar imperii.

остготским королем⁹². В королевском совете — *regale convivium, comitatus, aula regis* — огромным влиянием пользовались готы: Тулуин, ближайший советник короля в мирных и военных делах⁹³, Триван, начальник королевской спальни (*praepositus cubiculi*), советник короля в религиозных вопросах⁹⁴, Тэвдис, оруженосец (*armiger*) Теодориха⁹⁵, Витигис — оруженосец Теодата⁹⁶, полководцы-военачальники Ибба, Гудила, Питца, Аригерн, Бедеульф⁹⁷; в королевский совет входили также сайоны⁹⁸.

Король от своего имени составлял грамоту о приглашении в комитат. Комитат представлял собой ближайшее окружение короля (*nostrum obsequium*)⁹⁹, мало походившее на регулярно действующий орган власти с определенно очерченной компетенцией. Королевский совет носил в себе черты того комитата, о котором упоминал Иордан в «Гетике»: там термин «комитат» означал свиту военачальника, его приближенных дружинников и близких советников¹⁰⁰. Во время готско-византийской войны, когда вновь усилилась военная функция королевской власти, комитат состоял преимущественно из телохранителей короля, знатных, энергичных, хорошо знающих военное дело людей¹⁰¹.

В документах «Варий» Кассиодора комитат чаще всего представлен как высшая судебная инстанция, в которой судебные дела разбирал сам король или советники под его непосредственным контролем¹⁰². Главной фигурой в комитате был сам король, часто он отождествлял королевский совет с собственной персоной; когда речь шла о комитате, всегда подразумевалось непосредственное присутствие самого короля¹⁰³.

Комитат имел более широкое значение, чем королевский совет, а тем более королевский суд. В ряде случаев комитат мыслился как королевский двор, резиденция короля. В предписании Теодориха сайону Гудуину говорится о том, чтобы в комитат (*ad comitatum*) в определенное время являлись военнообязанные готы за получением донативы (очевидно, здесь речь идет о приглашении ко двору)¹⁰⁴.

Комитат, как совет приближенных к королевской особе лиц, должен был помогать королю в осуществлении его верховной власти; в комитат могли быть направлены как апелляции, так и жалобы частного порядка на злоупотребления должностных лиц, например сборщики налогов¹⁰⁵. Комитат ведал назначением служителей церкви, епископов; он взимал сумму, вносимую при возведении в сан епископа¹⁰⁶. Членам комитата король мог давать самые разнообразные поручения: некоторых направлял

⁹² Теодорих привлек в свой комитат тех представителей римской аристократии, которые хорошо были знакомы с делами управления. Это были опытные государственные мужи — Кассиодор, Артемидор, Агапит, Либерий, Фауст, Альбин, Павлин, Симмах, Бозций.

⁹³ Тулуин давал советы королю при назначении консулов (*Cassiod., VIII, 11*). О нем говорили, что, давая советы, он сам управлял правителем (*ibid., VIII, 10.5, 6: ministrando consilium regebat ipse rectorem*).

⁹⁴ *Anon. Vales., pars posterior, 14.82.*

⁹⁵ *Jordanis Getica, LVIII, 302.*

⁹⁶ *Ibid., LX, 309.*

⁹⁷ *Cassiod., IV, 17; Jordanis Getica, LVIII, 300; CIL, XI, 268.*

⁹⁸ *Cassiod., II, 20.*

⁹⁹ *Ibid., II, 6; III, 22; V, 28.*

¹⁰⁰ *Jordanis Getica, XXVI, 136.*

¹⁰¹ Проконий. Война с готами, VII, 8, § 14; *Jordanis Getica, LX, 309.*

¹⁰² *Cassiod., I, 7, 8; II, 18; III, 36; IV, 9, 39, 40, 44, 46; V, 12.*

¹⁰³ *Nostra praesentia (ibid., III, 22; IV, 9, 40). Nostra colloquia (ibid., III, 22).*

¹⁰⁴ *Ibid., V, 27.*

¹⁰⁵ *Ibid., V, 15.*

¹⁰⁶ *Ibid., IX, 15.7.*

с посольством ¹⁰⁷, других назначал на высшие государственные должности, например Сенария, Кассиодора, Артемидора. Комитат по своему характеру приближался к совещательно-исполнительному органу королевской власти, хотя и не имел строго очерченной компетенции.

Большую роль в центральном управлении играли сайоны. Должность сайона была неизвестна римскому управлению и представляла собой одно из нововведений остготского короля в области политической организации. В специальной литературе этому вопросу не уделено должного внимания. Одни ставят сайонов в разряд низших чиновников исполнительной власти, наряду с должностными лицами, ведавшими раскладкой и сбором податей и контролировавшими правильное их поступление в казну, — канцеляриями (*cancellarii*), нумерариями (*numerarii*), каноникариями (*canonicarii*), цензиториями (*censitorii*) ¹⁰⁸; другие отождествляют их с курьерами (*agentes in rebus*) ¹⁰⁹; третьи видят в них политический институт, призванный защищать римлян от притеснений готов ¹¹⁰.

Должность сайона не была определенной, поэтому в «Вариях» Кассиодора мы не находим соответствующей формулы назначения сайона — есть только формула о назначении жалования сайону. В каждом конкретном случае король давал поручение сайону от своего имени. Сайоны назначались королем и были ответственны только перед ним; на сайонов не распространялась власть других должностных лиц, даже высших чиновников. Судя по именам, сайоны назначались из числа остготов, близких к королю. Компетенция их была обширной, они выполняли самые различные функции. Основной и наиболее общей была функция контроля за деятельностью высших чиновников, магистра оффиций и префекта претория. Подобное поручение король Теодорих дал сайонам Гудизалу и Маннилу: они должны были строго следить за использованием курьерских лошадей по назначению и могли налагать штраф за нарушение королевского постановления ¹¹¹. В королевском постановлении прямо указывалось на основную обязанность сайона — удваивать надзор за исполнением государственной службы, королевских предписаний ¹¹². По своему должностному положению сайон был поставлен выше магистра оффиций и префекта претория. Король предупреждал, чтобы сайон не присваивал функций и привилегий этих сановников: очевидно, такая узурпация их власти была вполне возможна ¹¹³. На сайона был возложен строгий надзор за должностными лицами и осуждение их неправильных действий теми мерами, которые предписывал сам король ¹¹⁴. Когда префекту претория Абундацию и графу патримония Вилие король приказал отыскать мастеров корабельного дела и моряков для набора во флот, к указанным

¹⁰⁷ Ibid., II, 6.

¹⁰⁸ J. G. F. M a n s o. Geschichte des Ost-Gothischen Reiches in Italien. Breslau, 1824, S. 361.

¹⁰⁹ Th. M o m m s e n. Op. cit., Bd. VI, S. 410; J. B. B u r y. The Invasion of Europe by the Barbarians. London, 1928, p. 201; W. E n b l i n. Op. cit., S. 167.

¹¹⁰ L. B. M o s s. The Birth of the Middle Ages, 395—814. London, 1947, p. 69. Ф. Дан считает их готскими военными чиновниками наряду с *duces* и *comites* (F. D a h n. Op. cit., 3d. III. Leipzig, 1883, S. 65, 180—187).

¹¹¹ C a s s i o d., IV, 47; V, 5. За использование одной лошади не на государственной службе взимался штраф в размере 100 солидов, за превышение положенного груза — 500 солидов и даже 2 унции золота.

¹¹² Ibid., V, 5.1: *laudabile est in illa parte geminare custodiam, quam constat rei publicae necessitatibus exquisitam.*

¹¹³ Ibid., V, 5.4: *praeterea commonemus ut praepositorum commoda non praesumas nec quicquid eos potestatis habere reverenda sanxit antiquitas, aliqua usurpatione degenies . . . Nos enim per te geminare volumus custodiam, non antiquae consuetudinis removere cautelam.*

¹¹⁴ Ibid., IV, 47.6.

должностным лицам был приставлен сайон Гудинанд для контроля за выполнением королевского распоряжения¹¹⁵. Гудинанду поручалось препроводить набранных моряков в Равенну. Кроме того, к префекту претория Абундацию и графу патримония Вилие был послан сайон Алиульф, который должен был руководить строительством королевского флота: он ведал набором мастеров и покупкой корабельного леса, ему поручался надзор за судоходством на реках¹¹⁶.

Сайоны осуществляли контроль за деятельностью канцеляриев провинции, которые подчинялись префекту претория и наблюдали за правильным взисканием налогов¹¹⁷. Если сайон обнаруживал нарушения установленного порядка взимания податей, он привлекал виновных к своему суду¹¹⁸. Сайону Гезилу специально была указана мера наказания для злостных неплательщиков налога среди готов в Пицене и Этрурии — конфискация земельного участка и хижины¹¹⁹. Судебно-карательная функция сайонов была непременным условием осуществления полномочий контроля над должностными лицами.

Сайонов назначали не только к римским чиновникам, но и к готским графам, давая им при этом военные полномочия. Например, к графу Вилиарию король Теодорих послал сайона Татана с отрядом стрелков¹²⁰. Военный отряд гепидов, направленный королем Теодорихом в Галлию, сопровождал сайон Веран; король поручил ему снабжать воинов продовольствием и следить за дисциплиной в походе¹²¹. Во время галльского похода снабжение войска снаряжением и оружием было поручено сайону Нанду¹²². В Сиракузы для контроля за деятельностью графа Гильдилы был назначен сайон Квидилан¹²³.

Если должностные лица допускали злоупотребления своей властью, король также посылал сайонов для устранения правонарушений¹²⁴.

В любом деле сайон представлял интересы короля, иногда он выступал как доверенное лицо короля в имущественных исках¹²⁵.

В ряде случаев короли поручали сайонам самостоятельное исполнение особо важных заданий. Сайону Леодефриду король Теодорих приказал руководить строительством укреплений в Верукке¹²⁶, сайону Дуде поручил изыскание клада золотых и серебряных монет, так как в стране чувствовался недостаток благородных металлов¹²⁷; на сайона Вилигиса был возложен контроль за транспортировкой хлеба из равеннских зернохранилищ в Лигурию¹²⁸; сайону Гудуину король приказал организовать военный сбор готов в Равенне¹²⁹; сайону Думериту он препоручил нака-

¹¹⁵ Cassiod., V, 19.

¹¹⁶ Ibid., V, 20.

¹¹⁷ Ibid., XII, 3.3.

¹¹⁸ Ibid., XII, 3.2: ad forum trahe, qui iusta non recipit: sub continentia irascere, sub maturitate distringe.

¹¹⁹ Ibid., IV, 14.

¹²⁰ Ibid., V, 23.

¹²¹ Ibid., V, 10.

¹²² Ibid., I, 24.

¹²³ Ibid., IX, 10.

¹²⁴ Например, наместник Венанций взял на себя поручительство за долг, а требуемую сумму хотел взискать с рустиков, его незаконные действия должен был пресечь сайон Фрумари (ibid., II, 13). Префект претория Фауст несправедливо конфисковал имение Кастория, сайон Тривил был послан для восстановления в правах Кастория и наказания Фауста (ibid., III, 20).

¹²⁵ Сайону Дуде была поручена конфискация имущества в пользу королевской казны, он должен был контролировать ход судебного процесса (ibid., IV, 32).

¹²⁶ Ibid., III, 48.

¹²⁷ Ibid., IV, 34.

¹²⁸ Ibid., II, 20.

¹²⁹ Ibid., V, 27.

зание разбойников (*latrones*) ввиду особой важности этого дела, так как для ликвидации разбоя и водворения порядка нужна была вооруженная сила; в королевской грамоте указывалось, что преступники в Фавентинской области не поддавались ни увещаниям короля, ни его приказам¹³⁰. Иногда король поручал сайонам ведение судебных дел, если в суд привлекалась знатная и высокопоставленная особа¹³¹. Если подданный не хотел подчиниться суду графа, он мог обратиться в суд сайона с условием уплаты судебных пошлин, значительно увеличенных¹³². Сайон следил не только за исполнением приговора, но и за расследованием дела и вынесением приговора. Сайоны осуществляли право королевской защиты *tuitio*¹³³. Они могли требовать исполнения королевского приказа даже от членов королевского дома: сайон Дуда был послан к Теодату, чтобы восстановить Домиция в правах на его имущества¹³⁴.

Сайоны представляли собой штат королевских чиновников, получавших за свою службу вознаграждение — донативу — и особую милость короля¹³⁵. Сайоны стояли очень близко к королю, входили в состав его комитата¹³⁶, король называл их своими людьми — *nostrī sajones*¹³⁷. Судить сайонов, заключать их под стражу мог только король или, по его приказу, другой сайон или граф, указанный королем¹³⁸. Сайоны пользовались большим влиянием в королевстве; они поощряли насилия знати над куриалами, иногда даже нарушали королевские приказы и наставления¹³⁹. Не случайно в каждой грамоте король предупреждает сайона, чтобы он не преступал границ своей власти и компетенции и не чинил насилия тем, кому покровительствует сам король¹⁴⁰.

Институт сайонов представлял собой попытку создания остготскими королями исполнительного органа королевской власти, всецело зависящего от короля. Сайонам поручались самые важные государственные дела и контроль за деятельностью высшей администрации. Правда, этот орган не имел постоянного состава и точно определенной компетенции, что является признаком слабости политической организации у остготов, но это вполне объяснимо в условиях перехода к новой ступени общественного развития, к государственному строю.

Ближайшим помощником короля в делах управления был глава королевских служб — магистр официий (*magister officiorum*), назначаемый королем¹⁴¹. Его основная обязанность заключалась в соблюдении установленного порядка в королевском дворце (*disciplina palatii*)¹⁴². В его распоряжении находился штат мелких чиновников, агентов, курьеров (*agentes in rebus, agentes vices, comitiaci, magisteriani*), дворцовых служащих, поставщиков продовольствия (*peraequatores rerum victualium*)¹⁴³.

По сравнению с римской эпохой функции магистра изменились в сторону сужения его компетенции. Если прежде он стоял во главе личной охраны

¹³⁰ Ibid., VIII, 27.

¹³¹ Ibid., II, 13; III, 20; IV, 39; VIII, 27.

¹³² Ibid., IX, 14.4. Король Аталарих точно определил величину денежных пошлин, требуемых в суде сайона.

¹³³ Ibid., II, 4; IV, 27.

¹³⁴ Ibid., IV, 39.

¹³⁵ Ibid., VII, 42. В этой формуле эдикта квестору говорится о том, что сайону следует платить сообразно с его заслугами.

¹³⁶ Ibid., II, 20.

¹³⁷ Ibid., III, 48; V, 23.

¹³⁸ Ibid., IV, 27, 28.

¹³⁹ Ibid., IV, 27, 28, VII, 42; IX, 2.3.

¹⁴⁰ Ibid., IV, 27.

¹⁴¹ Ibid., I, 12.

¹⁴² Ibid., VI, 6: *Formula magisteriae dignitatis*.

¹⁴³ Cassiod., XI, 4, 5; XII, 25.

императора, то теперь он возглавляет низших служащих двора. Из ведения магистра было изъято право контроля за деятельностью всего аппарата управления, руководство государственными оружейными мастерскими¹⁴⁴, командование преторианскими когортами и отрядами городской префектуры. Магистр в Остготском королевстве руководил только придворной жизнью и был помощником короля в соблюдении придворного этикета и дворцовых церемоний¹⁴⁵.

Близко к королю стоял квестор дворца (*quaestor palatii*), его личный секретарь. Квестором король назначал образованного римлянина, юриста, хорошего стилиста — *atmagium legum*¹⁴⁶. Квестор не имел большого веса в государственном управлении, его компетенция ограничивалась только изложением в соответствующей форме королевских указов.

Кроме квестора, обязанности королевских секретарей выполняли референдарии (*referendarii*), докладывавшие о полученной корреспонденции, о наиболее важных событиях, о прошениях; через них король отвечал на последние¹⁴⁷. Фактически должности магистра и квестора сосредоточивались в одном лице, приобретая значение секретарских¹⁴⁸.

Остготские короли сохранили при дворе должности дворцовой стражи — силенциариев, domestikов, схоластиков, но сделали их чисто номинальными, оставив только звания и пенсии. Прокопий совершенно правильно объясняет этот факт стремлением короля Теодориха сохранить следы старого государственного управления¹⁴⁹.

Центральное финансовое управление находилось в руках комита священных щедрот (*comes sacrum largitionum*). Он ведал таможенными пошлинами¹⁵⁰, соляной монополией, монетным делом, государственными расходами на войско и флот¹⁵¹, добычей жемчуга¹⁵². Комит частных имуществ (*comes rerum privatarum*) ведал основными доходами королевского фиска, принимал подати, выморочное имущество,клады монет, конфискованное по суду имущество (в уголовных процессах по кровосмешению и осквернению могил)¹⁵³.

Компетенция этих чиновников не была строго разграничена: комит священных щедрот и комит частных имуществ выполняли различные обязанности, связанные с осуществлением одной функции финансового управления.

В Остготском государстве в условиях укрепления королевской власти особое внимание было обращено на ее материальную основу — крупное землевладение. Из ведения комита частных имуществ было изъято управление доменальным хозяйством короля, которое было передано комиту патримония (*comes patrimonii*), управлявшему королевскими именьями. На эту должность назначались преимущественно готы, о чем свидетельствуют имена графов патримония¹⁵⁴. Граф патримония ведал именьями короля, собирал подати, по королевскому распоряжению производил

¹⁴⁴ Cassiod., VII, 18, 19.

¹⁴⁵ Ibid., VI, 6; X, 33.

¹⁴⁶ Ibid., VI, 5.

¹⁴⁷ Ibid., VI, 17.1—2.

¹⁴⁸ Кассиодор после исполнения должности квестора был назначен магистром; по должности составление королевских документов ему не подлежало, но фактически границы компетенции в этом отношении не соблюдались. Кассиодор отмечал, что, даже будучи префектом претория, он выполнял обязанности квестора (ibid., IX, 25.8).

¹⁴⁹ Прокопий. Тайная история, XXVI, 27—28 (ВДИ, 1938, № 4).

¹⁵⁰ Cassiod., VI, 7.7: *curas quoque litorum adventicia lucri provisione committis.*

¹⁵¹ Ibid., II, 31.

¹⁵² Ibid., VI, 7: *Formula comitivae sscrarum largitionum.*

¹⁵³ Ibid., III, 53; IV, 7, 11, 13; VI, 8.

¹⁵⁴ Ibid., I, 16; IV, 3, 4; V, 18, 19; VIII, 23; IX, 3, 13.

увеличение или снижение арендной платы, наблюдал за транспортировкой хлеба в государственные хранилища ¹⁵⁵, поставлял продукты в королевский дворец ¹⁵⁶, руководил горными работами и добычей золота ¹⁵⁷. Он осуществлял надзор за королевскими слугами, рабами, рустиками, имел право суда над ними и свободными арендаторами ¹⁵⁸, ведал дромонариями — морскими королевского флота, обязанными королю личной службой ¹⁵⁹.

Отдельными королевскими доменами ведали управляющие (*vicedomini*), подчинявшиеся комиту патримония ¹⁶⁰.

Итак, центральное управление в Остготском королевстве сосредоточивалось в руках королевского совета, комитата, сайонов, комита патримония, комита священных щедрот и комита частных имуществ, магистра и квестора. Наиболее влиятельными были комитат, сайоны, комит патримония. Эти должности, призванные способствовать укреплению королевской власти, приобрели первостепенное значение. Должности, учрежденные остготскими королями, замещались остготами, приближенными короля. Должности комита священных щедрот и комита частных имуществ, магистра и квестора, сохранившиеся еще от времен Римской империи, были лишены ряда важнейших функций и приобрели значение финансовых и секретарских. На эти должности назначали римлян, образованных и опытных в делах управления.

Наряду с перечисленными институтами в Остготском государстве сохранились некоторые старые римские учреждения, потерявшие прежний вес в политической жизни и сохранившие только внешний блеск и достоинство. Мы имеем в виду сенат и консулат.

Ведению сената подлежали второстепенные дела городской жизни Рима: школьное образование ¹⁶¹, правильное денежное обращение ¹⁶², восстановление общественных зданий ¹⁶³. За деятельностью сената наблюдали специальные чиновники — при Теодорихе граф Аригерн, при Аталарихе граф Сигизмер. Они присутствовали на заседаниях и давали соответствующие указания от имени короля. Даже судебная коллегия сената выносила решение, уже определенное королем через графа ¹⁶⁴. Политика остготских королей в отношении сената строилась на основе признания и уважения; в то же время остготские короли приняли все меры к тому, чтобы он перестал быть влиятельным политическим учреждением. Сенат в Остготском королевстве сохранил только свое название и церемонию заседаний. Как орган политической жизни, а тем более государственного управления сенат уже не существовал.

Столь же призрачной властью обладал консул, назначаемый королем ¹⁶⁵. Основной обязанностью консулов была организация игр и зрелищ ¹⁶⁶. В формуле консулата подчеркивается, что прежде консулы обязаны были доблестно защищать граждан на войне, а теперь радовать их своей щедр-

¹⁵⁵ Ibid., I, 16; V, 7; VIII, 23.4; IX, 9.

¹⁵⁶ Ibid., VI, 9.7; XII, 4.2.

¹⁵⁷ Ibid., IX, 3.

¹⁵⁸ Ibid., VI, 9; En. epist., VII, 1.

¹⁵⁹ Cassiod., IV, 15; V, 18.

¹⁶⁰ Ibid., V, 14.8; Edictum Theoderici regis, § 155.

¹⁶¹ Cassiod., I, 39; II, 22; IV, 6; IX, 21.

¹⁶² Ibid., I, 10. Сенатору Боэцию было поручено проверить соответствие солидов принятому образцу.

¹⁶³ Ibid., IV, 51. Сенатору Симмаху поручили восстановление театра Помпея. Сенатору Фесту было приказано отправить мрамор из Рима в Равенну (ibid., III, 10).

¹⁶⁴ Ibid., IV, 16, 22.

¹⁶⁵ Консулы в Остготском королевстве назначались из числа как римлян, так и варваров. В 515 г. консулат получил зять Теодориха — Евтарих.

¹⁶⁶ Cassiod., II, 2; III, 39; IX, 22.

ростью¹⁶⁷. Таким образом, в Остготском королевстве консулы были лишены своей важнейшей функции — военной. В итоге следует отметить, что римские должности не играли существенной роли в центральном управлении.

В провинциальном управлении наряду с римскими должностными лицами стояли готские начальники, обладавшие широкой компетенцией и реальным основанием административной власти — военным отрядом. Пограничные провинции — Реция, Южная Галлия, Норик, Сирмиенская Паннония — управлялись готскими военачальниками — *duces*. Военные наместники обладали не только военной властью, но и функциями гражданского управления. В предписаниях военным наместникам Теодорих указывал, что им надлежит не только командовать войсками, но и разбирать судебные дела, следить за соблюдением законов, т. е. выполнять функции гражданской администрации¹⁶⁸. В силу особых условий главной обязанностью военного наместника считалась защита границ от нападения соседних народов. Функции гражданского управления стояли на втором плане, именно в таком разрезе рассматривалась должность военного наместника Реции. Формула назначения наместника Реции (*formula ducatus Raetiarum*) гласит, что наместник (*dux*) назначен не столько наблюдать за правовым порядком в области, сколько следить за спокойствием границ¹⁶⁹. Военный наместник обладал судебной властью над римским и готским населением как в уголовных, так и в гражданских делах¹⁷⁰. В его компетенцию входила охрана гражданского, правового положения свободных готов: в суде военного наместника разбирались дела о насильственном и произвольном обращении свободных в рабов¹⁷¹, о прелюбодеяниях¹⁷².

Военные наместники назначались королем только из числа остготов, им предоставлялись неограниченные полномочия в пограничных областях. Характерно, что король не так строго регламентировал деятельность военных наместников, как римских должностных лиц.

Значительную роль в провинциальном управлении играли готские графы — *comites*¹⁷³. Первоначально готские графы выполняли функции военачальников, предводителей дружин, так было в Паннонии и в период завоевания Италии¹⁷⁴. В Остготском королевстве графы имели значение

¹⁶⁷ Cassiod., VI, 4.

¹⁶⁸ Ibid., V, 30: Quos duces eligimus eis simul et aequitatis momenta iure delegamus, quia non tantum armis quantum iudiciis vos effici cupimus clariiores; ibid., IV, 17.3: qui es bello clarus, civilitate quoque reddaris eximius; ibid., I, 11; IV, 17.

¹⁶⁹ Ibid., VII, 4.

¹⁷⁰ Ibid., VII, 4.3: ut milites tibi commissi vivant cum provincialibus iure civili.

¹⁷¹ Ibid., V, 30.

¹⁷² Ibid., V, 33.

¹⁷³ Буржуазные ученые отрицали участие графов в гражданском управлении. И. Глэден (J. Glöden. Das Römische Recht im ostgothischen Reiche. Jena, 1843, S. 49), Л. Гартман (L. M. Hartmann. Op. cit., S. 97), В. Энсселин (W. Enßlin. Op. cit., S. 197) принимали их за командующих гарнизонами. И. Манзо (J. G. F. Manso. Op. cit., S. 95) и Ф. Дан (F. Dan. Op. cit., Bd. III, S. 65) видели в них германских судей, судивших по готскому праву. Э. Штейн рассматривал графов как противовес римским должностным лицам в системе управления (E. Stein. Beiträge zur Geschichte von Ravenna in spätrömischer und byzantinischer Zeit. «Klio», XVI, 1—2, 1920). Л. Шмидт, ссылаясь на то, что одни и те же готы упоминаются то как *comites*, то как *duces*, отождествляет эти должности (L. Schmidt. Die Comites Gothorum, «Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung». Wien, 1924, Bd. XL. 1, 2. Heft, S. 132—133); он рассматривает их как две последовательные ступени на служебной лестнице, хотя в «Вариях» имеются абсолютно различные формулы назначения.

¹⁷⁴ Например, Астат и Инвиляна на службе у Теодемира (Iordanis. Getica, LVI, 285), военные командиры в войне с Одоакром (Anon. Vales., pars posterior, XI, 52).

государственных чиновников провинциального управления. Графы (*comes provinciae*) назначались во все провинции, несмотря на наличие в них римских наместников¹⁷⁵, в том числе и в те, где готов было небольшое число, например в Сицилию, Луканию, Бруттий. Графы назначались королем и были ответственны только перед ним; в своей деятельности графы руководствовались королевскими распоряжениями, а не предписаниями местных властей, префектов, наместников. Характер их компетенции не ограничивался военными делами: графам были подведомственны все дела гражданского управления. Граф, как и римский наместник, имел своей официум из *domestici* и *milites*¹⁷⁶, а также вооруженный отряд для осуществления карательных функций¹⁷⁷. Формула назначения графов провинции (*Formula comitivae provinciae*) ставит графов над всеми провинциальными властями (*nam si bene provinciarum administrationibus praesidetis*)¹⁷⁸. Власть графов распространялась не только на готов, жителей данной провинции, но и на римлян¹⁷⁹. Готским графам провинций принадлежало право суда над уголовными преступниками; граф имел право арестовывать похитителей скота (*abactores*), воров (*fures*), разбойников (*latrones*)¹⁸⁰. Готский граф (а не римский наместник) фактически осуществлял надзор за порядком.

Готские графы назначались не только в провинции, но и в отдельные города, имевшие важное стратегическое значение: Тицин, Ком, Неаполь, Сиракузы, Рим и др.¹⁸¹ Они выполняли обязанности начальников гарнизонов и в то же время гражданских чиновников, разбирая уголовные и гражданские дела¹⁸². Графы городов обладали широкими полномочиями и сводили на нет значение римских городских должностей: например, Гудила, граф Фавентины, был одновременно и куратором¹⁸³. Границы компетенции тех и других, как видно, различны, как и различна их роль в провинциальном и городском управлении. Энслин приравнивает графа Рима к куратору статуи¹⁸⁴, однако такая попытка противоречит фактам. В Риме граф не только контролировал деятельность сената, но вмешивался во все дела городского управления, сам король поручил ему охранять порядок в Риме¹⁸⁵. Граф судил государственных чиновников¹⁸⁶, рассматривал имущественные иски римской церкви¹⁸⁷, направлял тяжбы в королевский суд¹⁸⁸, участвовал в судебной коллегии сената и контролировал ее¹⁸⁹, ведал продовольственным снабжением

¹⁷⁵ Cassiod., V, 14, 24; VII, 25.

¹⁷⁶ Ibid., V, 14; VI, 22; VII 25.

¹⁷⁷ Ibid., I, 40; V, 23, 39.

¹⁷⁸ Ibid., VII, 1, 24.2: *comiti quidem provinciarum potestas data est.*

¹⁷⁹ Граф Аригерн, например, одно время был послан в Южную Галлию для приведения в порядок дел гражданского управления (*ibid.*, IV, 16.1—2). Граф Озуин, назначенный Аталарихом, управлял даже двумя провинциями — Далмацией и Савией (*ibid.*, IX, 8). Должность наместника Сицилии исполнял граф в Сиракузах: в его ведении находились налоги, городское строительство, морская торговля (*ibid.*, IX, 11, 14.2, 3).

¹⁸⁰ Ibid., VII, 1.

¹⁸¹ Ibid., II, 7; III, 34; 36; 45; IV, 23; 43; 45; V, 35; VI, 23; VII, 13; 14; 26; IX, 14; X, 29; CIL, t. XI, p. 268.

¹⁸² Cassiod., VII, 27; IX, 14.

¹⁸³ CIL, XI, 268.

¹⁸⁴ W. Enßlin. *Op. cit.*, S. 186.

¹⁸⁵ Cassiod., IV, 23: *Quamvis oporteat commissam tibi disciplinam Romanae civitatis in omnibus custodiri.*

¹⁸⁶ Ibid., V, 35.

¹⁸⁷ Ibid., III, 45.

¹⁸⁸ Ibid., III, 36.

¹⁸⁹ Ibid., IV, 23.

города¹⁹⁰. В распоряжении графа Рима находился отряд вооруженной стражи, с помощью которого фактически он, а не префект стражи (*praefectus vigilium*) осуществлял ночную и дневную охрану в городе¹⁹¹. На графа Рима возлагалась одна из главных задач — устранение беспорядков, народных волнений, подавление бунта и наказание виновников, главных зачинщиков и участников¹⁹².

Равенна, столица Остготского королевства, также управлялась готским графом. Формула назначения графа Равенны (*Formula comitivae Ravennatis*) предоставляла ему все дела гражданского управления, не указывая точно границ его компетенции¹⁹³.

Готские графы назначались в некоторые обособленные округа, например на острова¹⁹⁴.

Итак, основной обязанностью готских графов было сохранение спокойствия в государстве. Им была предоставлена судебная власть, право судебного разбирательства по уголовным и гражданским делам¹⁹⁵. Юрисдикция готских графов распространялась на готов и римлян, в смешанных процессах граф должен был привлекать римского юриста¹⁹⁶. Суд готских графов был первой и последней инстанцией перед королевским судом¹⁹⁷. Особенностью должности графа является то, что граф всегда располагал военным отрядом или небольшой стражей, с помощью которой мог осуществлять карательную функцию государственной власти. В мирное время графы управляли областями, во время войны получали командование над большими войсковыми соединениями¹⁹⁸. Исторически в Остготском государстве к военной функции графов присоединилась функция гражданского управления. Графы были влиятельными чиновниками провинциального управления, они же входили в свиту короля, его совет¹⁹⁹. Графы обладали большим весом в государстве и почти единолично распоряжались во вверенных областях²⁰⁰.

Наряду с готскими графами сохранились должности римского провинциального управления. Почетной считалась должность префекта претория: в формуле назначения префект по традиции назван *pater imperii*. Он подчинялся магистру оффиций, его судебная власть ограничивалась незначительными гражданскими делами²⁰¹, административная власть распространялась только на чиновников его канцелярии²⁰². Префект претория ведал сбором земельного налога, городским благоустройством, наблюдал за правильным ведением внешней и внутренней торговли, выполнял специальные задания короля совместно с другими должностными лицами

¹⁹⁰ Cassiod., V, 35.

¹⁹¹ Ibid., VII, 13.3—4.

¹⁹² Ibid., IV, 43.

¹⁹³ Ibid., VII, 14.3.

¹⁹⁴ В «Вариях» есть формула назначения графа на Куританские и Цельзинские острова. Граф исполнял там обязанности судьи, причем судебная власть графа распространялась на всех жителей, без различия народностей (*ibid.*, VII, 16).

¹⁹⁵ Ibid., I, 5; IV, 18, 27; V, 29.

¹⁹⁶ Ibid., VII, 3.1: *Formula comitivae Gothorum per singulas civitates.*

¹⁹⁷ Апелляции в королевский суд принимались в исключительных случаях (*ibid.*, IV, 9), чаще король отказывал в судебном разбирательстве, ссылаясь на окончание тяжбы в суде графа (*ibid.*, I, 5).

¹⁹⁸ *Iordanis Getica*, LX, 312; LVIII, 300, 302.

¹⁹⁹ Когда Теодорих назначал наследника, он собрал ко двору знать и представителей власти на местах — графов (*ibid.*, LIX, 304).

²⁰⁰ Равеннский хронист сообщает, что в 504 г., придя в Рим, Теодорих убил графа Одоина, а в 514 г. убил графа в Милане, очевидно, боясь усиления их власти в стратегических пунктах страны. Хронист отмечает, что они строили козни против Теодориха (*Anon. Vales., pars posterior*, XII, 68—69).

²⁰¹ Cassiod., Praefatio, 6; III, 20; V, 34.

²⁰² Ibid., VI, 3.5.

под контролем сайонов ²⁰³. По сравнению с римской эпохой из ведения префекта претория были изъяты: право высшей апелляции, забота о содержании войска, вторичное право законодательства, управление военными лагерями, финансовое управление Далмацией и Сицилией. Военные полномочия префекта претория потеряли прежнюю силу, он превратился в гражданского чиновника, которому была поручена одна, весьма важная отрасль управления — взимание налогов. Эту функцию префект претория разделял с наместниками провинций ²⁰⁴. Наместники ведали в провинциях двумя отраслями управления: налогами ²⁰⁵ и судом по гражданским делам ²⁰⁶, фактически выполняя функции префекта претория в данной провинции.

Городское управление во многом сохранило видимость римского. Должностные лица (*honorati*) контролировали куриалов, магистраты (*duumviri* и *quinquennales*) ведали составлением документов, купчих, дарственных грамот, кураторы (*curatores*) наблюдали за городской курией и следили за соблюдением рыночных цен ²⁰⁷. Дефензоры (*defensores*) должны были наблюдать за правильным ведением торговли и соблюдением законов в отношении граждан ²⁰⁸. Трибун зрелищ (*tribunus voluptatum*) ведал устройством празднеств, театральных представлений, игр и других увеселений ²⁰⁹. Префект Рима (*praefectus urbis*) председательствовал в сенате, объявлял королевские указы ²¹⁰, входил в судебную коллегия ²¹¹, отпускал средства на городское строительство ²¹². Ему подчинялся префект продовольствия (*praefectus annonae*), назначаемый королем для выдачи хлеба римскому плебсу ²¹³, префект стражи (*praefectus vigilium*), который выслеживал по ночам воров ²¹⁴; *comes formarum* ведал водоснабжением ²¹⁵, *comes riparum* следил за состоянием клоак и берегов Тибра, *comes portus urbis Romae* — начальник гаваней с помощником, *architectus in urbe Roma* — главный архитектор Рима, *praepositus calcis* — начальник снабжения известью. Все это — римские должности узкогородского управления, не имевшие значения в системе государственного управления, номинально сохранившие свои функции. В отличие от Рима, новая столица Равенна была избавлена от пестроты старых названий городских чиновников (остался только префект городской стражи (*praefectus vigilium*) ²¹⁶, городом управлял готский граф.

²⁰³ *Ibid.*, Praef., 6; I, 3, 14, 34, 35; IV, 36, 50; II, 5, 9, 26, 30, 37; V, 23; IX, 4; XII, 22, 23, 26; VI, 3.6; V, 16, 17, 19, 20.

²⁰⁴ Наместники обозначаются в «Вариях» по-разному — *consulares*, *rectores* и просто *iudices*.

²⁰⁵ Наместников назначал сам король, определяя их основную задачу — взимание податей (*ibid.*, Praef., 6; I, 3, 14, 35; II, 5; IV, 36, 50; V, 23; XII, 22, 23, 26).

²⁰⁶ Суду наместников подлежали только гражданские тяжбы: имущественные иски, споры о владельческих правах на имение, недоразумения, возникающие по поводу долговых обязательств, наказание сборщиков, злоупотребляющих служебным положением, расхитителей налоговых поступлений (*ibid.*, Praef., 6; III, 20; V, 34; VI, 3).

²⁰⁷ *Ibid.*, VII, 12.2.

²⁰⁸ *Ibid.*, VII, 11.2.

²⁰⁹ *Ibid.*, VII, 10.

²¹⁰ *Ibid.*, I, 42; VI, 4.1; IX, 16.

²¹¹ *Ibid.*, VI, 4.3; IX, 7.

²¹² *Ibid.*, II, 34; III, 29, 30; X, 30.

²¹³ *Ibid.*, VI, 18.

²¹⁴ *Ibid.*, VII, 7.2.

²¹⁵ *Ibid.*, VII, 6.

²¹⁶ *Ibid.*, VII, 8. Его защите поручалось имущество горожан; он должен был вести борьбу с ворами, не имея в своем распоряжении даже отряда стражников; фактически его должность тоже была чисто номинальной.

В целом следует отметить, что в провинциальном управлении наряду с римскими должностными лицами стояли готские начальники, обладавшие широкой компетенцией и реальным основанием административной власти — военными отрядами.

Во время правления Аталариха была учреждена должность *patricius praesentalis* с функцией военной власти. Введение ее обусловлено стремлением привлечь к командованию войсками некоторых преданных римлян, а готов, занимавших высокие посты, наградить высшей римской титулатурой²¹⁷. Учреждение этой должности лишней раз опровергает теорию дуализма в организации управления в Остготском королевстве, согласно которой гот не мог замещать римские должности, а римлянин — готские.

Большое внимание в Остготском королевстве было уделено организации суда. Сторонники дуализма считают, что суды были разделены на готские и римские: римские судьи якобы руководствовались римским правом, готские — готским в гражданских делах, римским — в уголовных²¹⁸. В действительности остготский король приказывал судьям следовать единому закону как в отношении римлян, так и в отношении остготов²¹⁹. Что касается разграничения судов, то речь может идти только о гражданских тяжбах²²⁰, уголовные дела подлежали ведению готских графов²²¹. Смешанные процессы, гражданские и уголовные, вели готские судьи, иногда с привлечением римского юриста, однако участие последнего не было обязательным²²². Высшая судебная инстанция для готов и римлян была одна — королевский суд. Он разбирал главным образом апелляции по имущественным искам²²³, в исключительных случаях (для знати, родственников короля) он являлся первой судебной инстанцией²²⁴.

Учреждение судебной власти, отделенной от народа, было совершенно новым явлением для готов, поэтому король должен был постоянно требовать от подданных подчинения судебной власти государственных чиновников, разрешения всех споров в специальных судах, не допуская произвола, запрещаая кровную месть и поединок²²⁵.

²¹⁷ В этой должности известны два лица — гот Тулуин и патриций Либерий. Тулуин обладал всей полнотой власти — *potestas summa* (*ibid.*, VIII, 9).

²¹⁸ F. D a h n. *Op. cit.*, Bd. III, S. 92.

²¹⁹ C a s s i o d., III, 13.2: *nec permittimus discreto iure vivere*; *ibid.*, VII, 3.2: *sub diversitate iudicum una iustitia complectatur universos*; *ibid.*, VIII, 3.4: *Gothis Romanisque apud nos ius esse commune*.

²²⁰ *Ibid.*, VII, 3.1.

²²¹ Готские графы распространяли свою юрисдикцию и на римское население. Например, в Сисцию и Савию Фридибад был назначен исключительно для ведения уголовных процессов (*ibid.*, IV, 49). Часто готские графы разбирали в своих судах даже гражданские тяжбы римлян. Интересна одна деталь: граф Сиракуз делал это против желания тяжущихся; очевидно, по согласию тяжущихся могли обращаться и в суд графа (*ibid.*, IX, 14.7).

²²² В предписании готскому судье Суниваду говорилось лишь о том, чтобы он вершил суд по законам, а о привлечении римского юриста умалчивалось. Если римский юрист и привлекался графом, то он использовался в качестве консультанта по вопросам права и не имел полномочий судебной власти. Ему не предоставлялось даже право опротестовать судебный приговор или решение, все апелляции подавали только истцы или ответчики.

²²³ Жалобы на захват имений (*ibid.*, II, 18; III, 37; IV, 39, 40, 44; V, 12), несправедливый раздел наследства (*ibid.*, I, 7, 8).

²²⁴ *Ibid.*, I, 38; IV, 46; V, 12, 32.

²²⁵ *Ibid.*, III, 17, 23.3, 24; IV, 10; VIII, 26; . . . *ut nihil manu, nihil proprio ageretur impulsu . . .* (IV, 10.1); *in causa possint iura, non brachia . . .* (VII, 3.2). Не случайно все королевские постановления твердят о законности, которую должны соблюдать подданные (VIII, 26) и чиновники (III, 23). Интересно, что даже конфискации имущества в пользу фиска был придан вид законной

Серьезное внимание уделялось организации суда и укреплению авторитета судебной власти. Эдикт Теодориха строго карал судей за взятки и вымогательства²²⁶. Устанавливался строгий порядок ведения судебного процесса; судебный процесс был гласным. Судья обязан был принимать обвинения и иски официальным образом, в письменной форме²²⁷, непосредственно от обвинителя или истца; передача обвинений и исков третьему лицу запрещалась²²⁸. В ходе судебного разбирательства судья обязан был рассмотреть показания сторон, представленные документы, выслушать показания свидетелей, при этом судебным доказательствам придавалось первостепенное значение²²⁹. Судебный процесс завершался объявлением судебного решения или приговора, что судья делал в присутствии сторон²³⁰. Для обжалования предоставлялся 30-дневный срок²³¹.

Безусловно, этими мерами король старался укрепить авторитет судебной власти и способствовать правильному ведению судебных дел, с тем чтобы поднять и утвердить значение суда как основного органа насилия над подданными²³².

Военная организация в Остготском королевстве отличалась большим своеобразием. Если в предшествующий период (паннонский) остготское войско представляло собой народное ополчение, то в Италии в период образования государства мы видим отделение войска от остальной массы населения. В мирное время была мобилизована только часть готов²³³, даже войны велись регулярной армией; всеобщая мобилизация остготов не проводилась. Военные гарнизоны и пограничные войска составляли регулярную армию остготского короля.

Второе отличие остготского войска от народного ополчения заключается в том, что оно снабжалось продовольствием и снаряжением за счет государства²³⁴. Такой порядок сохранился и во время готто-византийской войны, когда войско пополнилось народным ополчением ввиду угрожавшей опасности²³⁵.

передачи согласно судебному решению. Была учреждена особая должность адвоката фиска, который предъявлял иски в суде и защищал в процессе интересы фиска (*ibid.*, I, 22; *Edictum Theoderici regis*, § 25).

²²⁶ *Edictum Theoderici regis*, § 1—4, 91.

²²⁷ Тайные, негласные доносы не могли служить основанием для возбуждения судебного дела (*ibid.*, § 13, 50; *Cassiod.*, IV, 22).

²²⁸ *Edictum Theoderici regis*, § 14, 43.

²²⁹ *Ibid.*, § 7. В исключительных случаях допускалась очистительная присяга (*ibid.*, § 119), как и по другим «варварским» правдам (*Lex Burg.*, l. VIII, XX, 2; *Lex Sal.*, XVI, 4; XLII, 5; LII; LVI, 1; *Lex Alam.*, XC; XCI; XLIII; LIV, 2); хотя в этих правдах пережитки обычного права значительнее. Эдикт отдавал предпочтение судебным доказательствам. Если обвинитель не мог представить убедительных доказательств предъявленного обвинения, он подвергался наказанию (*Edictum Theoderici regis*, § 13). Свидетели, привлекаемые по делу, должны были давать правдивые показания под страхом наказания ссылкой (*ibid.*, § 42); подкуп свидетелей карался либо смертной казнью, либо конфискацией имущества (*ibid.*, § 91).

²³⁰ *Edictum Theoderici regis*, § 5.

²³¹ *Cassiod.*, IX, 20. Отказ в принятии апелляции наказывался штрафом в 10 фунтов золота (*Edictum Theoderici regis*, § 55), вторичная подача апелляций запрещалась (*Cassiod.*, IX, 18.11), как и возобновление судебного разбирательства по делу, по которому уже было вынесено судебное решение или приговор (*Edictum Theoderici regis*, § 106).

²³² Тем не менее в организации суда видны и следы народного суда. Эдикт Теодориха (§ 74) говорит о присутствии *boni viri*, которые имели значение представителей из народа, обнаруживая сходство с рахинбургими (*Lex Sal.*, L, 3; LVI, Ad. I, 1; LVII).

²³³ Гарнизоны помещались отчасти в италийских городах, отчасти в пограничных провинциях, где были построены заново и восстановлены старые крепости (*Ennodii Panegyricus*, XI, 59).

²³⁴ При мобилизации воин получал оружие из государственных мастерских (*Cassiod.*, VII, 18, 19), лошадей (*ibid.*, I, 24), а во время несения службы — жалованье деньгами (*ibid.*, V, 10, 11, 16) или натурой (*ibid.*, II, 5; III, 41; IV, 13; V, 23).

²³⁵ *Проконий*. Война с готами, V, 11, § 28; 29, § 1.

Помимо сухопутной армии, остготские короли имели в своем распоряжении флот, состоявший из быстроходных судов—дроменов ²³⁶.

Остготская армия была невелика, в случае необходимости король прибегал к помощи наемников — гепидов или герулов ²³⁷. Войсками командовали графы (comites) и военачальники (duces). Для подготовки военных кадров существовали специальные школы для знатных юношей ²³⁸.

Таким образом, в Остготском государстве войско — народное ополчение было заменено регулярной армией. От прежнего народного ополчения остался обычай сбора всех боеспособных готв при королевском дворце для смотра и выдачи донативы ²³⁹.

Содержание администрации, суда, армии требовало огромных средств. Основным источником их была эксплуатация подданных через налоговую систему. В Остготском государстве была заимствована хорошо разработанная римская система налогового обложения, чрезвычайно удобная и выгодная для господствующего класса.

* * *

Итак, мы рассмотрели организацию управления в Остготском королевстве и на основании изложенного можем прийти к некоторым выводам относительно его структуры и особенностей. Во-первых, следует отметить значительную степень романизации Остготского государства. В нем были сохранены многие должности аппарата управления Римской империи, многие порядки ²⁴⁰.

Во-вторых, нельзя не признать романизацию чисто внешним явлением. Остготские короли старались сохранить только видимость римского управления: многие должности утратили всякое значение и рассматривались лишь как почетное звание (например, comes domesticorum, консулат, сенат, префектура), у некоторых должностей центрального управления были изменены функции; чиновники провинциального управления разделили свои функции с готскими чиновниками. В Остготском государстве не существовало строгого разграничения гражданского и военного управления, как в Римской империи.

В-третьих, особое внимание обращают на себя черты нового государственного строя, которые составляют своеобразие раннефеодального государства. Укрепление королевской власти наложило свой отпечаток на положение чиновников аппарата управления. Все должности жаловал сам король, чиновники были ответственны только перед ним. Слияние гражданских и военных функций в одном должностном лице явилось следствием влияния строя военной демократии, усиления значения военной знати. Первостепенную роль в гражданском управлении играли готские должности сайонов и графов. Во вверенных областях графы со-

²³⁶ Моряки, как и войны, получали аннову и жалованье в размере 2—5 солидов (Cassiod., V, 16).

²³⁷ Ibid., IV, 45; V, 11.

²³⁸ Ibid., I, 40; Ennodii Panegyricus, XIX, 83—86. Особенно славилась школа Марция (Cassiod., V, 23).

²³⁹ Донатива в Остготском королевстве приобрела значение королевских даров, так как выдавалась всем, даже немобилизованным готам (ibid., IV, 14; V, 16, 26, 27, 36; VIII, 26.4; Прокопий. Война с готами, V, 12, § 48—49). Королевские смотры, подобные мартовским полям, составляли пережиток первобытнообщинных отношений: первоначально такой смотр у германцев совпадал с жертвенными праздниками и общим народным собранием.

²⁴⁰ Остготские короли даже приняли меры для подготовки кадров римских чиновников, они проявили заботу об организации школьного образования в Риме для детей знати (Cassiod., I, 39; IV, 6).

бирали налоги, вершили суд, командовали гарнизоном; во многих отношениях готские графы сходны с франкскими. В эпоху раннего средневековья землевладение стало основой политического могущества, поэтому в Остготском королевстве большое значение приобретают должности комита патримония и управляющих королевскими имениями. Свидетельством неразвитости государственного строя у остготов является личное вмешательство остготских королей во все дела гражданского управления. Черты дружинных отношений проявлялись в том, что оплата чиновников короля происходила не из государственной казны, а из средств патримония; чиновники, таким образом, рассматривались как личные слуги короля²⁴¹. Неразвитость государственного строя сказывалась и в том, что многие должностные лица не имели строго очерченной компетенции, функции готских и римских чиновников часто перекрещивались, поэтому в своей деятельности они должны были следовать специальным королевским указам и распоряжениям. Часто король поручал дела управления своим приближенным, которые формально не занимали должностей: их называли деятельными, опытными мужами (*strenui, experientissimi*)²⁴². Король Теодат поручил свое имущество Феодосию, который не обладал титулом, и назвал его просто *suus homo*, а фактически тот выполнял обязанности комита патримония²⁴³. Вуакцену, приближенному короля, старшему домоправителю (*major domus nostrae*), было поручено снабжение войска²⁴⁴. Евтропию и Агроенцию король поручил выдачу анноны²⁴⁵, Сатурнину и Умбизву — сбор податей²⁴⁶, Вандиле, начальнику гарнизона в Авиньоне, — гражданское управление²⁴⁷, Гемеллу — снабжение войска продовольствием²⁴⁸, Гебериху — обеспечение возврата церкви захваченного имущества и наказание виновника²⁴⁹, Павлу — сбор продовольствия для войска и закупку вина²⁵⁰, Лаврентию — закупку продовольствия в счет налоговых платежей²⁵¹, Танциле — розыск украденной статуи²⁵², Констанциану — восстановление Фламиниевой дороги²⁵³, Иоанну — приведение в порядок клоаки Рима (хотя этим ведал специальный чиновник)²⁵⁴; иногда король поручал доверенным лицам ведение судебных дел²⁵⁵.

Совершенно новым явлением в политическом строе Остготского государства было наследование должностей²⁵⁶. Король Теодорих назвал этот порядок назначения на должность родственника нововведением: *novam in te fecimus legem parentes in amministrazione succedere*²⁵⁷. Далее, следует заметить, что в Остготском государстве не было разделения должностей на римские и готские: готам были доступны римские, а римлянам готские должности, хотя и в исключительных случаях. Тулуин, например, получил патрициат и был избран в сенат²⁵⁸. Ев-

²⁴¹ Ibid., IX, 13.

²⁴² Ibid., XII, 18, 23, 26.

²⁴³ Ibid., X, 5.

²⁴⁴ Ibid., X, 18.

²⁴⁵ Ibid., V, 13.

²⁴⁶ Ibid., I, 19.

²⁴⁷ Ibid., III, 38.

²⁴⁸ Ibid., III, 41.

²⁴⁹ Ibid., IV, 20.

²⁵⁰ Ibid., XII, 26.

²⁵¹ Ibid., XII, 22, 23.

²⁵² Ibid., II, 35.

²⁵³ Ibid., XII, 18.

²⁵⁴ Ibid., III, 30.

²⁵⁵ Ibid., I, 38; III, 13; V, 29, 32; VIII, 28.

²⁵⁶ Ibid., II, 15; V, 3, 4; VIII, 16.

²⁵⁷ Ibid., V, 3.1.

²⁵⁸ Ibid., VIII, 9, 10.

тарих был назначен даже консулом, гот Бакауд пожизненно получил должность трибуна зрелищ (*tribunus voluptationum*)²⁵⁹. Среди чиновников королевской опочивальни (*cubicularii*) также были готы²⁶⁰. Некоторые римляне привлекались к военной службе. Префект Галлии Либерий назван в источнике *exercitialis*²⁶¹. Он командовал остготскими войсками в Испании²⁶². Киприан участвовал в Сирмиенской войне²⁶³. Кассиодор руководил обороной берегов Италии²⁶⁴. Тем не менее центральное место в государственном управлении занимали знатные готы: они командовали войсками, составляли королевский совет и оказывали влияние на внешнюю и внутреннюю политику; из их среды назначались сэйоны и графы, важнейшие чиновники центрального и провинциального управления.

Таким образом, остготская знать, экономически господствовавшая в королевстве, становилась и политически господствующим классом и приобретала новые средства для подавления и эксплуатации трудящихся масс римлян и остготов.

---

²⁵⁹ Cassiod., V, 25.

²⁶⁰ CIL, XI, 310; Anon. Vales., pars posterior, 14.82.

²⁶¹ Cassiod., XI, 1.16.

²⁶² Jordanis Getica, LVIII, 303.

²⁶³ Cassiod., VIII, 21.3.

²⁶⁴ Ibid., IX, 25. 8: . . . primordia regni nostri et armis iuvit, Ducatum sumpsit.

Н. Н. ВОРОНИН

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ И ЛУКА ХРИЗОВЕРГ

(Из истории русско-византийских отношений XII в.)

1

XII столетие в истории Руси ознаменовано быстрым и блистательным расцветом культуры и искусства, связанным с ростом старых и новых городов, с подъемом политической роли городского населения. На той же исторической почве рождается сознание гибельности феодального дробления страны, нашедшее наиболее яркое выражение в «Слове о полку Игореве», где прозвучал призыв к объединению русских сил перед лицом половецкой опасности. Но еще до появления «Слова» эти тенденции проявились в политической борьбе Владимиро-Суздальского княжества, где при Андрее Боголюбском (1157—1174) складывается союз крепнущей княжеской власти и горожан и ведется целеустремленная борьба за общерусский приоритет Владимирской земли, за подчинение владимирским монахам других русских княжеств, за превращение столицы княжества — Владимира — в общерусский политический центр.

Сильнейшим средством в этой борьбе могла бы стать церковь, могущественная феодальная организация, в руках которой были сосредоточены и все средства пропаганды: многочисленные покрывавшие Русь храмы, искусство, литература. Простирая свою духовную власть через рубежи феодальных княжеств в границах «всех Руси», церковь могла бы содействовать ее сплочению. Вспомним характеристику подобных возможностей католической церкви, данную Ф. Энгельсом: «Европейский мир, фактически лишенный внутреннего единства, был объединен христианством против общего внешнего врага, сарацин. . . Это теологическое объединение было не только идеальным. Оно в действительности существовало не только в лице папы, своего монархического центра, но прежде всего в организованной на феодальных и иерархических началах церкви, которая в каждой стране владела приблизительно третьей частью всей земли и составляла поэтому крупную силу в феодальной организации. Церковь с ее феодальным землевладением служила реальной связью между различными странами; феодальная организация церкви освящала религией светский феодальный государственный строй»¹. Однако нити церковной субординации прочно связывали русскую церковь с ее верховным зарубежным главой — византийским патриархом — и его агентом на Руси — митрополитом-греком в Киеве. Последний стремился сделать управление русской церковью средством реализации

---

¹ Ф. Энгельс. Юридический социализм. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XVI, ч. I, стр. 295.

имперской политики на Руси. Будучи почти независимым от местной княжеской власти, он вмешивался в русские междукняжеские отношения в интересах Византии. Разветвленная система церковного аппарата — от константинопольского патриарха, через киевского митрополита, епископов в русских княжествах и подчиненное им местное духовенство — пронизывала всю русскую жизнь вплоть до личного быта человека. Митрополит-грек, сидя в Киеве, всегда знал течение дел в любом отдаленном углу Русской земли и мог оказать свое влияние на его ход.

Поэтому уже в XI в. стала ясной необходимость ослабления этой зависимости. Ярослав Мудрый добился поставления в митрополиты русского — Илариона. Его знаменитое «Слово о законе и благодати» с предельной силой выражало патриотическую гордость Русской землей и ее величием, мысль о ее равенстве с Византией и ее праве на независимость. Однако русский на митрополичьем престоле был единичной удачей, а затем там неизменно появлялся византиец. В беспринципности и лживости церковников-греков на Руси убедились давно — «суть бо греци льстиви и до сего дня», а о черниговском епископе Антонии сказано еще острее: «се же молвяше им, леть тая в себе — бяше бо родом гречин»².

Стремление к освобождению русской церкви от греческой опеки усилилось в XII в., когда греческие происки осложняли и запутывали политическую борьбу, направляя ее развитие в интересах византийского императора, который и теперь, в условиях приближавшегося ослабления Империи, еще продолжал рассматривать Русь как имперскую провинцию. И естественно, что особую тревогу и внимание Византии вызывали ясно обнаружившиеся в XII в. тенденции преодоления феодальной раздробленности и борьба за усиление и преобладание той или иной династии на Руси.

Позиция русской церкви по отношению к усилению княжеской власти была очень противоречивой и двойственной. Церковь была, с одной стороны, заинтересована в могущественном покровительстве, способном защитить ее владения от разорительных феодальных усобиц и опасности народных восстаний. С другой стороны, будучи связана с верховной властью своего главы — константинопольского патриарха, она являлась проводником византийской политики, направленной против объединения и усиления русских княжеств, с неизбежностью порождавших стремление к национализации церкви и освобождению ее от греческой «игемонии». Для достижения этого нужно было установить порядок, при котором русский митрополит ставился бы собором русских епископов. Такую попытку предпринял Изяслав Мстиславич киевский, которому удалось добиться избрания на митрополичью кафедру своего ставленника Климента Смолятича; но с захватом Киева Юрием Долгоруким он был смещен и вновь заменен греком — Константином I. «Греки ценили в эту эпоху византийского митрополита дороже, чем даже вспомогательные войска, в которых они так нуждались»³.

Андрей Боголюбский не уступал Изяславу Мстиславичу ни в решительности, ни в энергии. Но он ясно оценивал из опыта своего участия в борьбе отца за Киев силу сопротивления его политическим планам не только в самой Владимирской земле и даже не только на Руси, но и за ее пределами. Византия зорко следила за событиями, развивавшимися на далеком Северо-Востоке Европы, и росшей здесь силой, способной

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 121; ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 523.

³ П. С о к о л о в. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, стр. 116.

нарушить и порвать грекофильскую политическую линию Юрия Долгорукого. «Империя, — замечает М. Д. Приселков, — только в дроблении сил нового сильнейшего Ростово-Суздальского княжества в это время и в ближайшие годы видела свою основную задачу»⁴. К тому же византийский император Мануил, этот «политический фантаст XII в.»⁵, мечтавший о восстановлении могущества Римской империи, вынашивал и планы более непосредственной связи Руси с Ромейской империей: предполагая подчинить своей власти Венгрию, Мануил рассчитывал, что это сольет Русь с территорией его державы⁶. Все это осложняло положение, делая насущным и вопрос о самостоятельности русской церкви. Давний опыт Ярослава Мудрого и попытка Изяслава с поставлением Климасмолятича показывали, что нужно продолжать эту борьбу, чтобы, освободив церковь от византийской опеки, поставить ее на службу русским политическим целям.

Проведенное нами исследование ряда церковно-литературных произведений Владимирской Руси 60-х годов XII в. раскрывает интенсивную, руководимую самим князем Андреем работу владимирских писателей, труд которых был направлен на создание своих владимирских святынь, на приурочение к Владимирской земле главных христианских культов, на аргументацию древности христианства на Северо-Востоке. Крупной фигурой в этой церковно-литературной работе был выпгородский выходец поп Микула, ставший духовником и советником князя Андрея и главой капитула владимирского Успенского собора. Так создается культ Владимирской иконы богородицы, пропаганде которого посвящено специальное «Сказание» о ее чудесах, составленное Микулой⁷. Богородице посвящаются новые белокаменные храмы стольного Владимира и Боголюбского замка⁸. Учреждается без санкции митрополита и патриарха новый владимирский праздник Покрова богородицы, прокламирующий ее особый патронат Владимирской земле и ее князю. Связанные с новым культом произведения говорят о его реальных политических целях — защите союза князя и горожан («князь, город и люди») и их борьбе против «тмы разделения нашего». Здесь подвергается антигреческой обработке и переосмыслению известное по житию Андрея Юродивого «влахернское чудо»⁹. В связи с победой над болгарами (1164 г.) во Владимире устанавливается княжеско-воинский праздник Спаса 1 августа, в «Сказании» о котором, составленном при непосредственном участии Андрея Боголюбского, прокламируется мысль о его равенстве с императором Мануилом Комнином¹⁰. Наконец, организованное князем и церковниками в 1160 г. «открытие мощей» епископа ростовского Леонтия дает повод для создания в его «Житии» (первой редакции) мифа о хри-

⁴ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 77.

⁵ А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, V, 1927, стр. 260—261.

⁶ П. Соколов. Указ. соч., стр. 117.

⁷ Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери (с предисловием В. О. Ключевского). М., 1878.

⁸ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. 1. М., 1961, гл. XIV—XXI.

⁹ Слово на Покров: Прологи XIV в. Отдел рукописей ГИМ, Синод. библ., № 239 (л. 42 об.—43) и № 248 (л. 29 об.); Великие Миней четьи, собранные митрополитом Макарием. Октябрь, дни 1—3. М., 1870, стб. 4—5; Служба на Покров: псалтырь XIV в. Синод. библ., III-431 (л. 126—128); Сергий. Андрей Юродивый и праздник Покрова богородицы. СПб., 1898; М. А. Остроумов. Происхождение праздника Покрова. «Приходское чтение», 1911, № 19.

¹⁰ И. Е. Забелин. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. «Археологические известия и заметки», 1895, № 2—3; Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 19—22.

стианизации Северо-Восточной Руси в конце X в., о первых греческих епископах¹¹. В этой связи возникает также легендарная летописная версия об основании Владимира не Владимиром Мономахом, а Владимиром Святославичем¹². Все эти новые культы и святыни, а также церковно-политические сочинения были призваны дать религиозную санкцию политическим мероприятиям Андрея, аргументировать права его княжества на церковную независимость, облечь ореолом «небесного покровительства» Владимир и Владимирскую землю, которые претендовали на то, чтобы перенять руководящую роль «матери градов русских» — Киева.

2

Если можно охарактеризовать работу владимирских писателей и оценить идейные цели их произведений, то самый ход церковно-политической борьбы за самостоятельность владимирской церкви крайне скудно и противоречиво освещен источниками. Сопоставление сведений о ней в летописях свидетельствует о специальной цензурной чистке текстов, откуда изымались все сведения об основной фигуре этой борьбы — епископе Федоре, или Федорце, ставленнике князя Андрея на владимирскую кафедру. О его деятельности мы, в сущности, узнаем лишь из пространного и злобного повествования о его казни, занесенного под разными годами в летописные своды Севера и Юга, что ясно свидетельствует об интерполяции этого текста. Видимо, в связи с этой редакционной обработкой летописей оказался запутанным и вопрос о греческих ставленниках на Ростово-Суздальскую епископию — Несторе и Леоне. Ипатьевская летопись совершенно ничего не знает о епископе Несторе и борьбе с ним Андрея, она рассказывает только о Леоне, ничего не сообщая также и о Федоре вплоть до рассказа о его казни¹³. Лаврентьевская же летопись говорит о Несторе и Леоне и об их конкуренции, связывая спор о постах с Леоном¹⁴. Видимо, следом редакционного просмотра летописи является и отсутствие каких-либо записей под 1162—1163 гг., предшествующих тексту 1164 г., знакомящему нас уже с итогами происходившего в предыдущие годы. В этом суммарном тексте случайно сохранилось упоминание о «владыке Федоре», который переспорил Леона в диспуте о постах¹⁵. Здесь редактор, очевидно, усомнился, кто этот Федор, и, вероятно, принял его за киевского митрополита Федора, занимавшего престол в течение десяти месяцев¹⁶.

Уже эти самые общие наблюдения над источниками о церковных делах 60-х годов, скудость и противоречивость их данных сами по себе говорят об остроте и необычности происходившего, которое либо получало разное освещение, либо просто замалчивалось.

Неясность картины событий 60-х годов и их связи долгое время поддерживалась тем, что единственный важнейший греческий документ, освещающий церковно-политическую борьбу этой поры, — грамота константинопольского патриарха Луки Хризотерга к Андрею Боголюбскому — не подвергался должной исторической критике. Грамота

¹¹ А. А. Титов. Житие св. Леонтия, епископа ростовского. М., 1893. Текст старшей редакции: пролог XIII—XIV вв. Отдел рукописей ГИМ, Синод. библ., № 246 (л. 102—103); «Православный собеседник», 1858, ч. 1, стр. 297; В. О. Ключевский и др. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 3—22.

¹² След этой версии сохранил текст владимирского свода 1177 г. (ПСРЛ, т. I. Л., 1926—1928, стб. 378).

¹³ Там же, т. II, стб. 491—551.

¹⁴ Там же, т. I, стб. 347—357.

¹⁵ Там же, т. I, стб. 351—352.

¹⁶ Там же, т. II, стб. 522.

дошла до нас лишь в русском переводе в двух редакциях — краткой, видимо, близкой к подлиннику, известной по списку в сборнике XVII в. Кирилло-Белозерского монастыря¹⁷, и пространной, помещенной под 1160 г. в Никоновской летописи¹⁸. Эта последняя редакция, где обозначено имя ростовского епископа Нестора, содержала множество неясностей и противоречий и вызывала различные оценки виднейших историков русской церкви — Макария, Е. Голубинского, М. Д. Приселкова¹⁹, и только П. Соколов дал правильное толкование источника²⁰. Исследователь доказал, что грамота Хризверга говорит о деле не Нестора, а Леона, что имя Нестора произвольно внесено позднейшим переписчиком. Это позволило датировать грамоту не 1160 г., как полагал А. С. Павлов²¹, а 1168 г.²² Датировка грамоты не ранее 1164 г. подтверждается также и тем, что она упоминает «церкви многи», построенные князем Андреем во Владимире: к 1160 г. здесь только заканчивался Успенский собор, две же другие церкви — Спасская на новом дворе Андрея и Положение риз на Золотых воротах — построены лишь в 1164 г. Эти новые определения времени и самого сюжета грамоты, а также раскрытие путаницы, внесенной Никоновской летописью в изложение дела Федора (появление двух Федоров и пр.), позволили П. Соколову восстановить с большей или меньшей бесспорностью основные факты и ход церковно-политической борьбы 60-х годов²³. В дальнейшем изложении мы и придерживаемся этих выводов, дополняя, а в ряде случаев отклоняя некоторые из них.

Уже на другой год после прихода Андрея на Север, в 1156 г., митрополит проявляет особое внимание к судьбам местной церкви. Об этом говорит глухая летописная запись: «на ту же зиму иде епископ Нестер в Русь и лишиша и епископы»²⁴. Летопись не уточняет причин изложения Нестора. Летом этого года митрополичий престол занял новый митрополит — грек Константин, торжественно встреченный и чествованный Юрием Долгоруким²⁵. Возможно, что Константин вызвал Нестора в Киев и поставил ему в вину его нерадивость в церковном строительстве, его уклонение от присутствия на соборе 1147 г., избравшем Клима Смолятича, а также то, что он не поспешил на поклон к новому митрополиту²⁶. Никоновская летопись добавляет, что Нестор «от своих домашних оклеветан бысть... и в запрещении бысть»²⁷. Если это не

¹⁷ Макарий. История русской церкви, т. III. СПб., 1868, стр. 351, прим. 33.

¹⁸ ПСРЛ, т. IX, стр. 226—229. Новое издание грамоты А. С. Павловым — РИБ, т. VI. СПб., 1908, стб. 63 (текст грамоты краткой редакции — стб. 63—68; дополнение по Никоновской летописи — стб. 68—76). Далее пользуемся этим изданием.

¹⁹ Макарий. Указ. соч., т. III, стр. 105—111; Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 1. М., 1901, стр. 330—332, 439—443; ч. 2, стр. 462—474; М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 395 и сл.; см. также Н. Ф. Лавров. Религия и церковь. «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 105.

²⁰ П. Соколов. Указ. соч., стр. 98—99.

²¹ РИБ, т. VI, стб. 63—64.

²² П. Соколов. Указ. соч., стр. 134.

²³ М. В. Левченко в своей работе не учел исследования П. Соколова и остался на почве ложных сведений Никоновской летописи (М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 469). Также не учел работы П. Соколова И. У. Будовиц, рассматривающий борьбу Андрея за самостоятельность русской церкви в свете данных Никоновской летописи [И. У. Будовиц. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960, стр. 246—248].

²⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 347.

²⁵ Там же, т. II, стб. 485.

²⁶ П. Соколов. Указ. соч., стр. 97.

²⁷ ПСРЛ, т. IX, стр. 207.

домысел позднего сводчика, то можно думать, что уже грек Нестор испытал гонение Андрея, которому подвергся позднее и его преемник грек Леон. Далее мы ничего не знаем о судьбе Нестора; возможно, что он оставался на покое в Суздальской земле. Во всяком случае он был жив в 1158 г., когда на епископскую кафедру был прислан очередной грек — Леон, которого суздальцы обвиняли, что он «не по правде поставился Суждалю, Нестеру пискупу Суждальскому живу сущю, перехватив Нестеров стол»²⁸. Назначение нового епископа-грека показывало, что патриарх и император стремились поставить Ростовскую епископию под особо близкий надзор и теснее связать ее с митрополичьим центром. Е. Голубинский не без основания заметил, что «была одна епархия, которую вследствие ее особых обстоятельств грекам удавалось замечать особенно часто, так что они считали ее как бы своей епархией, и которую они, если верить известиям, до некоторой степени сделали епархией полугреческой. Это епархия Ростовская»²⁹.

Между низложением Нестора и назначением Леона в 1156—1158 гг. епископская кафедра оставалась незамещенной, и возможно, что в этот период у Андрея и складывается мысль об организации во Владимирской земле независимой от митрополита епископии или особой митрополии³⁰. Во всяком случае в 1158 г. он закладывает во Владимире новый обширный городской Успенский собор. Возможно, что уже в это время он наметил своего кандидата на владимирскую кафедру — некоего Федора. Это был не монах, а мирянин, «сестричич», т. е. сын сестры близкого к Юрию Долгорукому и Андрею киевского боярина Петра Бориславича³¹.

Естественно, что появление нового митрополичьего ставленника грека Леона осложняло обстановку, и уже на другой год, в 1159 г., он был изгнан. По словам летописи, Андрей якобы не имел к этому отношения: епископ был удален решением городского веча («выгнаша Ростовци и Суждальци Леона епископа, зане умножил церковь, грабящ попы») ³². Едва ли можно думать, что Леон «обложил попов тяжкими поборами на постройку новых церквей»³³. Известно, что он не принимал никакого участия в церковном строительстве во Владимирской земле, так что выражение «умножил церковь» (или «церкви») говорит о другом. Суть этого обвинения, видимо, можно раскрыть, исходя из более поздней аналогии. Так, назначенный в 1485 г. на архиепископство в Новгород Геннадий Гонзов, стремясь поднять и упрочить поступление архиепископской подати с церквей, провел в Новгороде и Пскове скрупулезную перепись всех церквей с их приделами и престолом, чтобы ни один из престолов не избежал обложения. Псковичам это напомнило татарское «число», они «не дашася в волю его», а стригольник Захар рассылал по-

²⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 352.

²⁹ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 359.

³⁰ Ср. в Никоновской летописи под 1157 г.: Андрей «мышляше в себе еже бы како митрополии быти в Ростове или в Суздале, или паки град велий воздвигнути Володимерь, его же созда блаженныи и великий князь Владимирь, иже крести всю Русскую землю» (ПСРЛ, т. IX, стр. 209).

³¹ ПСРЛ, т. IX, стр. 239. Вторая версия Никоновской летописи (т. IX, стр. 225), что Федор был родственником смоленского епископа — грека Мануила, видимо, поздний домysel. Маловероятно, чтобы, задумывая освободиться от греческой зависимости, Андрей взял для этой цели грека. П. С о к о л о в. Указ. соч., стр. 100—101. См. также В. Н. Т а т и щ е в. История Российская, кн. III. М., 1774, стр. 167; Д. С. Л и х а ч е в. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 238—239. О Петре Бориславиче см. Б. А. Р ы б а к о в. Боярин-летописец XII века. «История СССР», 1959, № 5, стр. 56—79.

³² ПСРЛ, т. I, стб. 349; т. II, стб. 493.

³³ П. С о к о л о в. Указ. соч., стр. 96.

слания, обличавшие корыстолюбие Геннадия³⁴. Вероятно, и Леон произвел подобную операцию — учет каждого придела, которых некоторые церкви имели несколько, чем явно «умножил» количество облагаемых епископской податью объектов, ударив не только по низшему духовенству, но и по его пастве, поборы с которой возрастали. Возможно, что непосредственной причиной алчности Леона было то, что он занял кафедру при помощи «мзды» митрополиту и теперь стремился скорее возместить немалые расходы, что и вызвало сопротивление «ростовцев и суздальцев». Видимо, действительно их протест принял довольно широкие масштабы, подняв и низшее духовенство, и горожан. «Подобно тому как в настоящее время буржуазия требует *gouvernement à bon marché*, дешевого правительства, точно так же и средневековые бюргеры требовали прежде всего *église à bon marché*, дешевой церкви»³⁵. Этим движением, очевидно, и воспользовался Андрей, изгнавший Леона. Конечно, это был лишь повод для освобождения от надзора греческого агента.

В 1160 г. была закончена постройка владимирского Успенского собора, которому Андрей торжественно дал обширные земельные владения и десятину с доходов, явно подражая строителю киевской митрополичьей Десятинной церкви Владимиру Святославичу. Никоновская летопись сообщает, что Андрей собрал по этому поводу большое совещание и «глагола князем и боаром своим сице: „град сей Владимирь во имя свое созда святыи и блаженныи великий князь Владимир, просветивый всю Русскую землю святым крещением, ныне же аз грешный и недостойный, божиею благодатью и помощью пречистыа Богородици разширих и вознесех его наипаче, и церковь в нем создах во имя пречистыа Богородица святого и славного ея Успения, и украсих и удоволих имениемь и богатством, и властью, и селы и в торгах десятыя недели, и в житех, и в стадах, и во всемь десятое дах Господу Богу и пречистей Богородице: хощу бо сей град обновити митропольею, да будеть сей град великое княжение и глава в сем“. И сице возлюбиха и боаре его все тако быти»³⁶. О созданной владимирскими писателями легенде об основании Владимира не Мономахом, а Владимиром Святославичем мы говорим в специальной работе! Здесь же для нас важно подчеркнуть связь сооружения Успенского собора с утверждением церковного и политического главенства молодой столицы — Владимира — на Руси.

Нельзя не отметить, что в том же году, когда был достроен Успенский собор, претендовавший на то, чтобы перенять кафедральные права ростовской епископии, Ростов был истреблен страшным пожаром, в котором погибла и епископская кафедральная церковь — «чудный» дубовый собор, построенный еще епископом Леонтием³⁷. Совпадение двух фактов наводит на мысль, что пожар Ростова не являлся случайным, а был связан с борьбой за политический и церковный приоритет Владимира. Данные

³⁴ А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, стр. 188.

³⁵ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 361.

³⁶ ПСРЛ, т. IX, стр. 222. Нельзя не отметить, что подчеркнутые в приведенной цитате слова Андрея очень близко напоминают текст византийского «Слова» Георгия о чуде 860 г. с отражением русов от стен Царьграда, где автор, отмечая изобилие здесь богородичных храмов, особо говорит о Влахернском храме: среди других он является «как бы некоею главою и митрополиею... он есть акрополь сего царствующего града, в котором все прибегающие в опасностях спасаются...». Хр. Лопарев. Старое свидетельство о положении ризы богородицы во Влахернах в новом истолковании... ВВ, II, вып. 4, 1895, стр. 588—590.

³⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 351.

«Жития епископа Леонтия» свидетельствуют, что Андрей сначала не собирался строить на месте сгоревшего ростовского собора новый большой каменный храм. По его указанию была заложена маленькая белокаменная церковь: «и бе церковь основана мала, и начаша людие молитися князю, дабы повелел боле церковь заложити, едва же умолен бысть поведе воле их быти». Новый белокаменный собор превосходил по величине владимирский собор³⁸. Этому способствовало открытие «мощей» епископа Леонтия, почитание которого было использовано Андреем как в борьбе с Ростовом, так и для доказательства прав северной церкви на самостоятельность.

Мы не знаем, где в это время находился изгнанный епископ Леон. Под 1162—1163 гг. в Лаврентьевской летописи зияет отмеченный выше выразительный пробел. И лишь под 1164 г. мы находим суммарную запись о волнующих событиях этих лет: о поднявшейся в этом году «ереси Леонтианьской» и о занятии Леоном суздальской кафедры «не по правде» при жизни Нестора; о неудачном для Леона споре о постах в господские праздники в среду и пятницу с назначенным князем на епископский стол Федором; о поездке Леона в Царьград «на исправленье» и новой неудаче в диспуте о постах перед лицом «цесаря Мануила». Приведя эту историческую справку, летописец отметил, что вспомнил обо всем этом для верных людей, чтобы они не впадали в соблазн «о праздницех божиих»³⁹.

Едва ли можно согласиться с предположением М. Д. Приселкова⁴⁰, что текст 1164 г. о «Леонтианьской ереси» был внесен уже при цензурном просмотре владимирского свода 1177 г. по указанию киевского митрополита, как и рассказ о гибели епископа Федора под 1169 г. (о последнем см. ниже). Текст 1164 г. отражает провал митрополичьего ставленника грека Леона в его борьбе с епископом Федором и дальше в споре перед лицом императора Мануила. Этот рассказ шел вразрез с интересами митрополита.

Новые детали о тех же событиях сообщает Ипатьевская летопись, помещая свой рассказ под 1162 г. Здесь изгнание Леона связано с удалением Андреем своих братьев и племянников вместе с «передними мужами» Юрия Долгорукого. Оказывается, Андрей скоро одумался, вернул Леона и продержал его на епископии четыре месяца. Тут-то и возник знаменитый спор о постах, после чего Андрей и изгнал Леона. Тот ушел сначала в Чернигов, а затем в Киев⁴¹.

События, освещенные в этих двух летописных рассказах, разворачивались следующим образом. Леон после своего изгнания, видимо, скоро вернулся и нашел приют при суздальском дворе вдовы Долгорукого и мачехи Андрея княгини-гречанки, где она жила с младшими сыновьями Юрия. Вероятно, вокруг княгини группировались недовольные политическим курсом Андрея старые бояре, члены княжеской думы — «передние мужи» Юрия. В Суздале образовалась крайне опасная для планов Андрея группировка, которую усиливал теперь опальный грек Леон. Он, очевидно, нашел поддержку и сочувствие княгини-гречанки и мог в своих интересах опереться на ее родство с императорским домом. Эта комбинация усиливала линию церковного сопротивления Андрею. Едва ли «передние мужи» были особенно заинтересованы в церковных делах,

³⁸ А. А. Титов. Житие св. Леонтия, епископа ростовского. М., 1893, стр. 7; Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, стр. 187.

³⁹ ПСРЛ, т. 1, стб. 351—352.

⁴⁰ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись. УЗ ЛГУ, № 32, 1939, стр. 106—107.

⁴¹ ПСРЛ, т. II, стб. 520. Сопоставление данных Киевского и Владимирского сводов сделал К. Н. Бестужев-Рюмин («О составе русских летописей до конца XIV в.». СПб., 1868, стр. 127—128).

но их связывала с Леоном и княгиней общая вражда к Андрею, который, по-видимому, сразу же проявил свои самовластные намерения по отношению к боярской знати. Как показывают дальнейшие события, эта антикняжеская группировка имела поддержку за рубежами Владимирской земли, почему была особенно опасна. Андрей и решил покончить с ней одним ударом.

Высылка мачехи-гречанки с младшими братьями Андрея и думными боярами Юрия была лишь одновременной с изгнанием Леона. Его удалили отдельно от единомышленников, так как он был вскоре возвращен Андреем. Конечно, причина этого — не раскаяние в греховности насилия над епископом (Андрей якобы «покаялся от греха того»): Андрей, видимо, спохватился, что для изгнания Леона не было достаточных оснований, — епископ, в сущности, не был ни в чем обвинен, и нужен был хотя бы формальный «состав преступления». Для исправления этого промаха и вернули Леона. Возможно, инициатором этого ловкого хода явился нареченный епископ Федор, который и выступил потом главным обвинителем своего соперника. Любопытно, что Андрей вернул Леона «в Ростов, а в Суздаль не да ему сядети и держа и 4 месяца в епископии»⁴². Как в сообщении о том, что Леон в 1158 г. «поставися Суздалью» и что Нестор был «пискупом Суздальским», так и теперь мы видим как бы колебание в отношении епископского местопребывания: вместе с Ростовом резиденцией епископа является и Суздаль. Не было ли у Андрея мысли о разделении епархии под главенством владимирской митрополии или архиепископии?

Видимо, Андрей и Федор хорошо знали взгляды Леона на вопрос о порядке постов. Можно ли есть мясную и скоромную пищу в постные дни среду и пятницу, если на них придется господские или богородичные праздники? На эту тему спорили в самом Царьграде. Более строгий порядок поддерживал патриарх, более мягкую практику защищали на Афоне и в киевском Печерском монастыре⁴³. Страстность этих споров вокруг, казалось бы, узкого вероисповедного вопроса на Руси свидетельствует, что, в частности, в нем олицетворялась византийская «игемония» и усиление борьбы с ней. Леон придерживался крайне строгих взглядов, превосходя самого патриарха. По-видимому, Леон выразил свои взгляды публично на одном из княжеских обедов, где был скоромный стол, чем и вызвал гнев Андрея. Для разбирательства Андрей собрал «местный церковно-земский собор, состоявший из священников и всех людей»⁴⁴, где произошел диспут, на котором владыка Федор и «упрел» Леона, признанного повинным в ереси. Здесь характерно, что Андрей второй раз смело берется решать церковные дела средствами светской власти. Как и первое изгнание Леона в 1159 г. происходит по инициативе «ростовцев и суздальцев», т. е., видимо, веча и князя Андрея, так и теперь спор Леона с Федором идет «пред благоверным князем Андреем и предо всеми людьми», т. е. опять-таки перед светским синклитом. В этом Андрей опирался на канонические правила о правах византийского императора, который мог назначать гражданского судью, чтобы судить епископа или другое посвященное лицо, привлекаемое к суду, или заменить церковный суд светским⁴⁵. Что владимирский собор был правомочен судить Леона,

⁴² ПСРЛ, т. II, стб. 520.

⁴³ Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, ч. 2, стр. 468; П. Соколов. Указ. соч., стр. 106—107; А. А. Шахматов. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. СПб., 1897, стр. 37—38.

⁴⁴ Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, ч. 2, стр. 468.

⁴⁵ А. П. Лебедев. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV в. М., 1902, стр. 108.

свидетельствует и грамота Луки ХризOVERга, упоминающая, что его дело разбиралось «во своем тамо у вас соборе», т. е. на соборе во Владимире.

Судя по выражению летописца — «вста ересь Леонтианская», — узкий церковный спор о постах как-то задел интересы горожан и вызвал брожение умов. Возможно, что вообще суровая дисциплина постов, утверждавшаяся Леоном, слишком противоречила бытовым традициям этих горожан — недавних язычников⁴⁶.

После владимирского собора, происходившего в 1164 г., Андрей с полным основанием «противу вину погна из своей земли» Леона⁴⁷.

3

Здесь и сказалась связь враждебных Андрею сил внутри Владимирской земли с его внешними противниками. Леон ушел в Чернигов, где Святослав Ольгович, «утешив его добре», переправил изгнанника в Киев к великому князю Ростиславу. Но здесь митрополита не было, и Леон отправился в Царьград. Инициатива этой поездки, видимо, принадлежала Святославу черниговскому и киевскому князю Ростиславу, которые, очевидно, не сомневаясь в поддержке Леона Мануилом, рассчитывали вызвать вмешательство Византии во владимирский конфликт и тем осложнить положение Андрея. Леон нашел императора Мануила в Болгарии, в пути из похода на Венгрию. Во временном императорском лагере оказались русские послы: киевский, суздальский — Илья, переяславский и черниговский. Характерно, что посол Андрея назван на втором месте, а посол Чернигова, оказавшего поддержку Леону, — на последнем (новое свидетельство владимирского происхождения летописной статьи 1164 г.). Съезд послов был вызван вопросом о русской военной помощи Мануилу; по-видимому, был затронут и вопрос о митрополите. Перед лицом Мануила, любителя богословских дискуссий, произошел диспут о постах между Леоном и епископом болгарским Андрианом, который и «упрел» Леона. Сам Мануил был сторонником льготной практики постов, и, видимо, в пылу спора Леон начал поносить императора («молвящую на цесаря»), так что «удариха слугы цесаревы Леона за шью и хотеша и в реце утопити. . .»⁴⁸. Леон пошел в Царьград

⁴⁶ Вспомним, что в кругу слов и поучений, направленных церковниками против пережитков язычества, значительное место занимал вопрос о постах. См. Н. Г а л ь к о в с к и й. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 1913, № 1, 16, 26, 31.

⁴⁷ П. Соколов несколько иначе и подробнее реконструирует ход изложенных событий. В праздник рождества 1163 г., приходившийся на постный день — среду, Андрей по совету Федора устроил пир для своих бояр; Леон, приглашенный к столу, увидев скромные, мясные яства, публично и резко указал князю на недопустимость этого по греческим правилам. При стечении большого числа гостей и придворных Федор вступил в спор с Леоном и «упре его». По-видимому, Леона поддержали Андреева мачеха-гречанка и его младшие братья вместе с некоторыми старыми боярами — «передними мужами» Юрия. Они, видимо, отказались от княжеского обеда, вызвав вспышку ярости оскорбленного Андрея. Это и было формальным поводом к их изгнанию. Леона же Андрей послал в Ростов. В 1164 г. Андрей хотел смягчить дело и пригласил Леона в Суздаль, снова поставив перед ним вопрос о разрешении от поста по средам и пятницам праздничной пасхальной поры. Но Леон снова ответил запретом и был теперь решительно изгнан из Суздальской земли (П. С о к о л о в. Указ. соч., стр. 103—104).

⁴⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 352; П. С о к о л о в. Указ. соч., стр. 129. По словам Никиты Хониата, Мануил Комнин «любил перетолковывать то, что правильно уяснено отцами церкви». Однажды он предложил архиереям сделать изменения в чине оглашения, но встретил среди них несочувствие своему намерению, за что «осыпал архиереев бранью и назвал их всесветными дураками» (С а в в а. Московские цари и византийские вассалы. Харьков, 1901, стр. 67). Тем церковникам, которые не соглашались с мнени-

к патриарху, куда поехал и суздальский посол с хлопотами о владимирской митрополии.

Как явствует из патриаршей грамоты, посол Андрея доставил в Царьград несколько документов. В первом послании Андрей извещал о своем большом церковном строительстве, в особенности во Владимире, и ставил вопрос о новой владимирской митрополии, предлагая своего кандидата Федора: «Сказывает же нам писание твое, иже град Володимерь из основания воздвигл еси велик со многим человек, в нем же церкви многи создал еси; не хочещи же его быти под правдами епископы Ростовския и Суждальския, но обновити е митрополиею и поставити от нас в нем митрополита, тамо сущего у благородия твоего Федора». Вместе с этим посланием посол привез несколько актов, определявших обвинения, предъявленные Леону на Владимирском соборе. Однако обстановка в Царьграде была в высшей степени неблагоприятна для Андрея. Изгнание им мачехи-гречанки с его младшими братьями, хорошо принятыми в Византии, насторожило императора. Патриарх же не согласился разбирать дело Леона, минуя суд киевского митрополита, и дело вновь вернулось на его рассмотрение.

В 1165 г. в Киев прибыл новый патриарший ставленник, митрополит Иоанн, в сопровождении императорского посла с богатыми дарами Ростиславу — это была плата за отказ от попытки вернуть на престол Климасмолятича и аванс с целью получения русской военной помощи против венгров. Ростислав пошел навстречу Мануилу в обоих вопросах. Суд по делу Леона явился первым мероприятием Иоанна. На соборе «пред великим князем всеа Руси» обвинения Леона излагались послом Андрея («пришедшим о том неким мужем благородия твоего», как сказано в грамоте Хризоверга). Леона оправдали («оправлен убо сий епископ своим собором»). Патриарх был информирован о действиях собора грамотой митрополита Иоанна и епископов, сообщением участвовавшего в соборе «самого посла дръжавнаго и святаго нашего царя» и «от иных многих», т. е. из других донесений о происходящих на Руси событиях. Возможно, что одним из таких информаторов был епископ туровский Кирилл.

Вопреки приговору митрополичьего суда, Андрей упорствовал, не допускал Леона на епископию и оставался со своим любимцем — нареченным владыкой Федором. Смелые мероприятия Андрея и Федора по церковно-политическому возвышению Владимира дерзко нарушали интересы не только других русских князей и киевского митрополита, но и самого «Восточного Рима». Это и вызвало острую полемику Андрея и Кирилла Туровского.

По-видимому, в связи со своей церковной политикой Андрей обратился к Кириллу с посланием об интересовавших его вопросах церковного права и догмы, и Кирилл, по словам его Жития, «Андрею Боголюбскому князю многа послания написа от евангельских и пророческих указаний, и яже суть на праздники Господския слова и ина многа душеполезная словеса и си вся и ина множайшая написа и церкви предаде»⁴⁹. Это были, видимо, советы по поводу той церковно-литературной работы, о которой мы говорили выше. В каком тоне и о чем писал Андрей туровский епископ специально по делу Федора, ясно говорит другое место того же проложного жития Кирилла: «Федорца же, еретика епископа, за укоризну

нием Мануила, он грозил отлучением от сана (А. П. Лебедев. Указ. соч., стр. 135). Андрей Боголюбский был во многом похож на своего византийского современника.

⁴⁹ Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 805, прим. 1.

так о нарицаемого, сего блаженный Кирилл ересь обличи и проклят его. . .»⁵⁰.

Из обличительных «слов» Кирилла туровского, направленных против Федора (если полагать, что их было несколько), известна «Притча о человечьстей души и о телеси, о преступлении божия заповеди, и о воскресении телес человекь, и о будущем суде, и о муце». В этой притче остроумно использован сюжет о слепце и хромце, о том, как господин поставил их охранять свой виноградник и как они решили обокрасть «вся благая» их хозяина: слепой посадил хромого на плечи, они обокрали сад, но господин узнал об этом и изгнал обоих. Под слепцом весьма открыто разумелся Андрей, споспешествовавший хромцу — Федору⁵¹.

Внимательно вчитываясь в текст притчи и разбирая сложный смысл ее символических толкований и отступлений, можно извлечь из этого источника больше, чем это было сделано, и получить новые данные для истории епископа Федора и новые черты его облика. Кирилл, видимо, не напрасно направляет искусно отточенные стрелы своего поучения против тщеславных, которые угождают большим людям, а многих меньших презирают своей «буестью»; бог отнимает у таких гордецов данный им «талант». Но ничто так не мерзко богу, как самоуверенная гордость того, кто дерзнет взять на себя духовный сан «не о бозе», — вот основной мотив поучения Кирилла⁵². Он подчеркивает, что одному из героев притчи уподобляется некий церковник, который «через закон [т. е. помимо закона]. . . священническаа ищет взяти сана» и который, будучи недостойн даже иерейства, «имени деля высока и славна житиа, на епископский зыти дерзну сан». Собственно, из этого пренебрежения Федора к законному пути посвящения в епископский сан, из его «самозванства» Кирилл выводит мысль и о его ереси — «разумном грехе». Никто из правоверных не дерзнет принять священнический сан «не о бозе», т. е. не по церковным правилам, так как все правоверные боятся кары своей душе на «Страшном суде». Так дерзновенно преступать церковные каноны может только человек, считающий свою душу «суетным паром», который развеет ветер, и не думающий о воскресении мертвых. «Горе в разуме согрешающим!» — восклицает Кирилл. «Древа разумения зла и добра» вкусил Адам и был изгнан из рая, того же древа вкусили еретики, которые думали, что своей злохитростью знают правый путь души, но заблудились и без покаяния погибли. Отсюда рукой подать до отрицания бессмертия души! Есть единственный путь спасения — раскаяние в совершенном грехе, отлучение от сана и изгнание лживого епископа. К этому ведут все витиеватые доказательства и толкования Кирилла. Рассказав о печальном финале истории о слепце и хромце, Кирилл угрожающе восклицает: «Разумейте же ныне, безумнии сановници и буи в иереих! Когда умудритесь? Господь бо. . . изметаает нечестивых из власти, изгонит и нечестивыя от жертвенника, никый же бо сан мира сего от муки избавит, преступающих божия заповеди».

Из этого литературного памятника, являющегося настоящим публицистическим произведением Кирилла, совершенно ясно, как реагировали крупнейшие деятели церкви на деятельность Андрея и Федора. Кириллу была ясна «историческая ценность» названных выше созданных во Влади-

⁵⁰ Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 442, прим. 1.

⁵¹ И. Еремин. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. ИОРЯС, т. XXX, 1925. Цитируем «Притчу» по списку сборника Чудова монастыря. Отдел рукописей ГИМ, № 40.

⁵² А. И. Клибанов видит основной нерв полемики Кирилла туровского в обличении «недостойнства» священников, претендующих на славу и власть (А. И. Клибанов. Реформационные движения..., стр. 95—96).

мире произведений, идейно обосновывавших притязания Андрея и Федора. Именно поэтому он не стесняется сопоставить Андрея и Федора «буих» «сановника» и «иерея» с обманщиками и ворами — «хромцом и слепцом». Вот в чем была главная сила его символического обличения.

Это говорит также и о глубине разбушевавшихся политических страстей, развязанных владимирскими владыками и взволновавших русскую общественную мысль. Кирилл, призывая прислушаться к выводам его притчи, в то же время предвидит и такого читателя, который «зол слух имать» и «не ищет, что бы ему на ползу обрести, но зазирает чимже бы нас потязал и укорил». Иными словами, идеи, лежавшие в основе политики владимирского князя и владимирской церкви, встречали не только противников, но и таких сочувствующих, которые могли со знанием дела разобраться в «притче» Кирилла и выступить с возражением и упреками. Думаем, что таким оппонентом был прежде всего сам князь Андрей. На позицию Кирилла мог оказать влияние туровский князь Юрий Ярославич, стоявший во время усобицы Долгорукого и Изяслава на стороне Долгорукого и стремившийся помешать ее мирному разрешению.

Не принятый Андреем и после митрополичьего суда, Леон теперь, «надеяся на свою правду», обратился вновь к патриарху.

Около 1168 г. и состоялось решение по его делу — спору о постах и по вопросам, поставленным в посланиях Андрея 1164 г., — изложенное в грамоте Хризоверга.

В своем требовании об открытии новой владимирской митрополии Андрей мог опираться на законы Юстиниана, которые в Византии были уже забыты, так как митрополитов назначал уже патриарший синод⁵³. Поэтому на ходатайство о митрополии патриарх ответил решительным отказом: «а еже отъяти таковый град [т. е. многолюдный и богатый Владимир] от правды [т. е. от юрисдикции] епископы Ростовския и Суждальския и быти ему митрополиею, — не мощно есть то». Этого якобы не допускают «божественные и священные правила», так как Владимир — город «не иная страны есть ни области, не ново бо есть зашел к любви и к твоему княжению», но принадлежит тому же наследственному владению Андрея, где «едина епископя была издавна и един епископ по всей земле той, ставим же по временом священным митрополитом всеа Руси, иже есть от нас святые и великия церкви ставим и посылаем тамо». В Царьграде отчетливо поняли всю опасность планов Андрея, стремившегося разорвать традиционную цепь субординации византийской и русской церковей. Е. Голубинский замечает в этой связи, что патриарший отказ в сущности не имел под собой никаких канонических оснований⁵⁴. Осуществление «зависимости русской церкви от константинопольской через посредство избранных в Константинополе ставленников было удобнее при сохранении единства русской митрополии»⁵⁵. Серьезность положения заставила патриарха и собор пренебречь юридическими тонкостями, глухо пригрозив, что никто не смеет нарушить целостность системы митрополий и епископий, если не хочет быть отлучен от церкви («аще не странен от бога хочет быти»). Определения, изложенные в грамоте Хризоверга, имели не только местное значение для владимирского конфликта. Они еще раз недвусмысленно отвергали право русских князей избирать своего митрополита, который должен ставиться только патриархом из греческих церковников. Отказ в особой владимирской епископии подчеркивал, что Византия настаивала

⁵³ П. Соколов. Указ. соч., стр. 118.

⁵⁴ Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 331.

⁵⁵ В. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889, стр. 7, 10—12; М. Д. Приселков. Летописание, стр. 76—77.

на независимости епископа от князя. Все это очень умаляло политическую и церковную самостоятельность русских князей⁵⁶.

Что касается обвинений Леона, изложенных в грамотах Андрея («на них же бяху обинныи вины на боголюбиваго епископа твоего»), то они «явилася некрепка, якоже бы епископу спакостити», т. е. были якобы по существу клеветой, что выяснилось уже на митрополичьем соборе в Киеве. Этого решения патриарх не стал пересматривать, так как «священныя правила не велят нам того творити: иже велят коемуждо епископу своим собором судитися». А на патриаршем суде Леон якобы «в оправду силно по правилам отвещал естъ». Патриарх выражал надежду, что Андрей не станет «ся противити суду всех святитель и нашему смиренню» и вернет Леона. Он разрешал, если того хочет Андрей, чтобы Леон жил не в Ростове, а во Владимире. Однако здесь рядом с Андреем жил и действовал его избранник «ложный епископ» Федор, о чем с бесспорностью свидетельствует замечание в рассказе о его казни, что бог и богородица совершили чудо, изгнав «лжгао владыку Федорца из Володимеря от свята Богородица церкви Златоверхыя»⁵⁷. Было совершенно ясно, что Андрей, стремившийся вообще удалить из Владимирской земли епископа-грека, не мог желать иметь его рядом в своей столице. Поэтому следом за этим жестом лобзости Хризверг угрожал Андрею, что если он станет «гонити» Леона, «повинуяся инем чрес закон поучением», то сколько бы храмов он ни построил, — «то не церкви, то хлеви, ни единая же ти будеть мзды и спасения. . . ».

Последующий текст патриаршей грамоты, известный по редакции Никоновской летописи, дополнительно освещает владимирские события. Патриарх считал, что гонение на Леона Андрей проводил только ради своего ставленника Федора, защищавшего противоречащую церковным правилам практику постов «и иная многая грубая и несмысленная творяще и учаще. . . Воистину убо сей совершенна смысла отпаде и разум погуби». Хризверг требовал, чтобы Андрей отстранил Федора и заставил его идти с повинной к епископу Леону. Если же Федор будет упорствовать и «учнеть, тамо пребывая, церковныя смущати и мльвити вещи, и укоризны и досады на епископа наводити», то патриарх грозил отлучением от церкви не только Федору. В этом случае, писал патриарх, мы отлучим не только его, «но и единомысленники и споспешники и сопричастники его вся, послушающих чреззаконных его поучений». Угроза отлучения, видимо, нависала и над самим Андреем⁵⁸.

4

Однако и теперь Андрей не отказался от своих планов, полагая, что при отказе в митрополии вопрос о назначении епископа на новую епископию может осуществить митрополит, как это было с отделением смоленской епископии и образованием епископии в Галиче⁵⁹. Поэтому он настаивал на поездке Федора к митрополиту. Федор же, видимо, ясно понимал безнадежность и опасность этого хода: митрополит, оправдавший Леона, мог изменить свою позицию лишь за огромную взятку. Здесь начинался конфликт Федора с князем.

⁵⁶ П. С о к о л о в. Указ. соч., стр. 137, 141.

⁵⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 355.

⁵⁸ Грамота Луки Хризверга полностью опровергает предположение некоторых исследователей, что Федор якобы был в Царьграде и добился посвящения в архиепископский сан (см., например, Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., т. I, ч. 2, стр. 468, прим. 1). Патриарх продолжал поддерживать своего ставленника Леона.

⁵⁹ П. С о к о л о в. Указ. соч., стр. 132.

С этим мы должны обратиться к летописному рассказу о гибели Федора. Это, собственно, даже не рассказ, а озлобленное посмертное обличение, направленное против сраженного врага, чья память еще пугает и должна быть искажена. Этого автор достиг при помощи тяжких обвинений Федора и со вкусом описанной чудовищной казни, поучительно грозной для единомышленников Федора. Приводим эту вставку в переводе почти целиком ⁶⁰:

«В тот же год чудо сотворил бог и святая богородица новое во Владимире городе: изгнал. . . злого, и пронырливого, и гордого обманщика лживого владыку Федора из Владимира от Златоверхой церкви святой богородицы и от той всей Ростовской земли. Не захотел [Федор] получить благословения [от митрополита], удалялся от него, и так этот нечестивец не захотел послушаться христоролюбивого князя Андрея, велевшего ему идти ставиться к митрополиту в Киев. . . Бог, когда хочет показнить человека, отнимает у него ум, так и над этим сотворил бог, отняв у него ум. Князь же хотел ему только добра. Этот же [Федор] не захотел поставления от митрополита, но и церкви все во Владимире затворил, и ключи церковные взял, и не было ни звона, ни пения по всему городу. [Так же] и в соборной церкви, в которой чудотворная мать божия и все другие ее святыни. . . , и эту церковь [Федор] дерзнул затворить и так разгневал бога и святую богородицу, и был изгнан месяца мая в 11 день на память святого Ивана Богослова. Много пострадали от него люди в его правление, и сел лишились, оружия и коней, другие же попали в рабство, заточение и были ограблены. Не только простым людям, но и монахам, игуменам и иереям он был беспощадным мучителем: одних он обезглавливал или резал [им] бороды, иным выжигал глаза и вырезывал язык, иных распинал на стене, мучая немилостиво, стремясь овладеть всех их имением: имением же он не мог насытиться подобно аду. Послал же его Андрей к митрополиту в Киев; митрополит же Константин обвинил его во всех преступлениях и повелел его сослать на Песий остров, и там его „осекоша“ и отрезали язык, как злодею еретику, отсекали правую руку и ослепили, так как он произнес хулу на святую богородицу. Грешники истребятся на земле, как будто их не было. . . Так же и этот [Федор] не имел покоя до последнего издыхания, — уподобившийся злым нераскаившимся еретикам погубит свою душу и тело. И погибла память его с шумом — так чтут бесы почитающих их; так и этого довели бесы, вознеся мысль его до облаков, и сделав из него второго Сатанаила, и сведя его в ад. Обратилась болезнь на главу его, и на верх его снизошла неправда: ров изрыл, ископал яму и сам упал в них. Так зло испроверг он свою жизнь».

Далее следует молитва «кротких людей» Ростовской земли, «озлобленных. . . от звероядвого Федорца» и погибающих от него, богу, спасшему их «рукою крепкой, мышцей высокой, рукой благочестивою царскою правдивого благоверного князя Андрея». «Это мы написали, — заключает автор свой текст, — чтобы некоторые не наскакивали на святительский сан, но только те, кого позовет бог. . . Кого благословят люди на земле — будет благословен, а кого люди проклянут — будет проклят. Так и этот Федорец — не захотел благословения и удалился от него: злой зло и погибнет».

Этот текст столь полон злости и желчи, что и теперь способен волновать своей горячей напряженностью. Невольно кажется, что его автор только что вычеркивал неугодные записи летописи и затем, удовлетворенный, внес свой отравленный ядом ненависти рассказ. Самое место этого памфлета в Лаврентьевской летописи под 1169 г. указывает на его вставку.

⁶⁰ ПСРЛ, т. I, стб. 355—357; т. II, стб. 551—554.

Он разъединяет сообщение о посажении Мстиславом в Киеве своего дяди Глеба Юрьевича и явно следовавший за ним пространный рассказ о покровительстве Глебу богородицы Десятинной в походе на половцев — сюжет, говорящий и здесь о богоизбранности владимирской династии и ее членов. Еще более очевидна случайность помещения памфлета в киевской летописи под 1172 г., так как митрополит Константин II, казнивший Федора, занимал престол до 1169 г. Следовательно, и самая поездка Федора в Киев, и его казнь не связаны с 1169 г., а относятся к более раннему времени. Текст в обоих вариантах почти идентичен; только в Ипатьевской летописи есть опущенная Лаврентьевской подробность, что Федор был сослан на Песий остров, где и погиб от руки митрополичьего палача.

Рассказ о казни епископа Федора привлек внимание С. М. Соловьева, назвавшего его «страшным явлением» в истории русской иерархии. Приведя полностью текст сказания, исследователь полагал, что летописный рассказ представляет собой переработку послания киевского митрополита, сделанную составителем летописи. К истолкованию истории Федора Соловьев привлек показания Никоновской летописи о намерении Андрея организовать независимую от Киева митрополию, в чем встретил отказ патриарха. Федор не захотел подчиниться митрополиту, не покорился решению патриарха и затворил церкви во Владимире, и князь Андрей послал его насильно в Киев. Впрочем, Соловьев не отрицал вероятности показания Никоновской летописи, что Федор был поставлен патриархом на епископию, но не захотел идти на благословение к киевскому митрополиту. Историк отметил также сомнительность данных о злодействах Федора над «кроткими» ростовцами и о разрыве его с князем Андреем⁶¹.

М. Д. Приселков согласился с гипотезой Соловьева и развил ее, указав, что во владимирский свод 1177 г. попало изложение следственного дела о епископе Федоре, который рассматривался в качестве политического (а не церковного) преступника перед лицом императора и заслужил, как таковой, жестокую смертную казнь. Как полагает исследователь, первоначально в своде 1177 г. была только краткая запись об изгнании Федора. Пространное же изложение его преступлений и казни было внесено по требованию митрополита. Указание писца этого текста: «се же списахом», показывает, что он имел перед собой какой-то письменный документ, который и изложил в своде⁶². Обращают на себя внимание некоторые детали, указывающие на связь этого летописного текста с рассмотренной нами выше грамотой Луки ХризOVERга. Так, характерно, что и здесь, и там к Федору применена одна и та же характеристика. В летописи он «злой и пронырливый, и гордый льстец, ложный владыка». В патриаршей грамоте он «льстивый и пронырливый человек». В летописи глухо сказано, что Федор «хулу измолви на святую богородицу», а в грамоте подробно разбирается вопрос о священности «девства». Очевидно, что при составлении летописного памфлета на Федора использовались официальные документы по его делу. Вспомним, что автор «Повести об убийстве Андрея Боголюбского» Микула также использовал следственные материалы о боярском заговоре и убийстве Андрея⁶³.

Во введении к неосуществленному изданию летописных повестей, где был приведен и интересующий нас рассказ о ереси и изгнании Федора,

⁶¹ С. М. Соловьев. Взгляд на состояние духовенства в древней Руси до половины XIII в. «Чтения ОИДР», 1847, № 6, стр. 9—13; см. также И. П. Хрущев. Древнерусские исторические повести и сказания XI—XIII столетия. Киев, 1878, стр. 132; К. Н. Бестужев-Рюмин. Указ. соч., стр. 134.

⁶² М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись, стр. 106—107; его же. Летописание, стр. 77.

⁶³ Анализ летописной «Повести об убийстве Андрея Боголюбского» дан нами в специальном исследовании.

С. А. Бугославский писал, что этот текст «отражает наиболее ярко и обнаженно эпизод многовековой борьбы в среде высшего духовенства»; здесь «епископ Федор пренебрежительно назван Федорцем». «Рассказ базируется, несомненно, на официальном приговоре; написан он владимирцем, по-видимому, лицом духовного звания. Церковная борьба, кончившаяся осуждением епископа Федора, возникла в тесной связи с соперничеством Владимира и Ростова, с борьбой между братьями и племянниками Андрея Боголюбского. Рассказ о Федоре носит характер суровой обличительной проповеди, направленной против „лживого владыки Федорца“; помимо воли автора последний бичует не одного Федора, но дикие нравы всего духовенства, подрывая его моральный авторитет. Епископ Федор применил впоследствии часто повторяющуюся меру борьбы духовенства — закрытие церквей; он совершал ограбления, он заточал, пытал и казнил. Но не это основная вина епископа Федора по летописному рассказу — все его злоключения произошли от того, что он воспротивился воле князя Андрея Боголюбского и не пошел на поставление к киевскому митрополиту. Изгнание епископа Федора наивно-цинично изображено как сверхъестественное чудо»⁶⁴.

Страстность и ярость рассмотренного текста, его неприкрытая тенденциозность и злобный гиперболизм подрывают наше доверие к его сведениям и требуют осторожности в их использовании.

Конфликт Андрея и Федора здесь, видимо, сильно преувеличен. Как грамота Хризоверга, так и притча Кирилла туrowsкого очень ясно стремятся разъединить Андрея и Федора, обличая их общий «грех» против церковных преданий и правил. Федор мог возражать князю, спорить с ним, но едва ли Андрей, столь долго отстаивавший своего любимца, мог попросту предать его. В сущности никакого «изгнания» Федора не было. Федор упорно отвергал предложение Андрея идти в Киев на поставление к митрополиту. Этот мотив автор текста вспоминает не раз — это болезненное место и главное преступление. Федор, видимо, отлично понимал, что митрополит, только что оправдавший Леона, даже за крупную «мзду» не согласится рукоположить его противника. К тому же дело Федора так долго волновало Русь и патриарха, что никакой надежды на успех не было. Князь же настаивал на его поездке в Киев, вовсе не желая освободиться от Федора и не считая, что дело уже проиграно. Даже автор изложенного выше памфлета счел нужным отметить, что, решаясь на посылку Федора в Киев, «князю же о немь добро мыслящю и добра ему хотящю». Возможно, что, протестуя против княжеского решения, Федор и пошел на такую меру, как интердикт, наложенный им именно на владимирские церкви и даже на Успенский собор с его Владимирской иконой. Здесь, как говорится, нашла коса на камень, и Андрей, может быть, применил силу и отправил Федора в Киев⁶⁵.

Однако оправдались худшие опасения Федора. Митрополит Константин II «обини его всеми винами и повеле его вести в Песий остров и тамо его осекоша и языка урезаша, яко злодею еретику, и руку правую отсекоша, и очи ему выныша, зане хулу измолви на святую богородицу»⁶⁶.

В чем заключалась «хула» Федора на богородицу, памфлет не объясняет. Грамота Хризоверга содержит обширные доказательства преимуществ

⁶⁴ Рукопись С. А. Бугославского в архиве Н. К. Гудзия, л. 38—39. Последние две фразы восстанавливаем, так как угол л. 39 наполовину оборван.

⁶⁵ По образному выражению Б. А. Романова, Федор «выскочил из упряжки, в которой до того шел дружно с князем, не сумев вовремя остановиться в тот момент, когда князь решил прекратить добиваться церковной самостоятельности за безнадёжностью этого дела в Константинополе. На этом Федор и сломал себе шею» (Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 199).

⁶⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 552—553.

«девства» над браком. Этот мотив обычно истолковывается как опровержение взглядов Федора, который, будучи простым священником, покинувшим свой приход («лишившаяся в ней же церкви поставлен»), не был монахом и, даже будучи наречен епископом, не оставил жены, понося монашество и защищая честный брак. В этом смысле он не был оригинален — в самой Византии некоторые епископы не покидали своих жен⁶⁷. Не был ли затронут Федором в пылу этих споров и догмат о «непорочном зачатии»?

Вторым обвинением, вытекавшим из оправдания взглядов Леона на практику постов, считавшихся в Владимире «ересью Леонтианской»⁶⁸, было обвинение в ложных взглядах Федора на этот спорный вопрос. В это же время митрополит «запретил» печерского игумена Поликарпа за ту же льготную практику постов, которая была вменена в вину Федору, как ересь⁶⁹. По словам грамоты Хризверга, Федор «и иная многая грубая и несмысленная творяще и учаще. . . Воистину убо сей совершенна смысла отпаде и разум погуби. . .». О вольнодумстве Федора говорит и рассмотренная выше притча Кирилла туровского, который очень ловко подводил деяния Федора чуть ли не к отрицанию им бессмертия души.

И, конечно, ярость митрополита отвечала длительному сопротивлению Федора, лишь нареченного князем, но не посвященного ни митрополитом, ни патриархом в епископы, а потому и «лжяго владыки» — самозванца, занимавшего при поддержке князя Андрея также не признанную патриархом владимирскую кафедру рядом с законным ростовским епископом Леоном и клеветавшего на него. Если соответствует истине указание летописи на прозвище Федора «белый клобучок»⁷⁰, говорящее о присвоении им знаков митрополичьего достоинства, то «буесть» Федора станет действительно неслыханной. В глазах митрополита Федор не был духовным лицом. Его судили как мирянина, с неслыханной дерзостью поправшего церковные догматы и правила. Отсюда и свирепость его казни, напоминающей аналогичную казнь оклеветавшего в 1055 г. новгородского епископа Луку холопа Дудика или массовую казнь и ослепление восставших в 1068 г. киевлян⁷¹.

Однако изложенных в памфлете обвинений было, видимо, все же недостаточно, чтобы оправдать чудовищную расправу над Федором, и в непосредственном соседстве с описанием казни, предшествуя ему, было внесено пространное описание не менее изысканных злодеяний самого Федора, его ненасытства в грабеже и накоплении сокровищ. Последнее обвинение предшествует фразе о посылке Федора в Киев («именя бо бе не сыт аки ад, посла же его Андрей митрополиту в Кыев»). Поэтому весьма вероятно предположение, что алчность Федора была усилена в связи с накоплением казны для взятки митрополиту⁷². Более чем вероятно, что, срочно собирая богатство для этой цели, он не стеснялся в средствах. Характеризуя

⁶⁷ П. Соколов. Указ. соч., стр. 142, 145—147.

⁶⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 351.

⁶⁹ В эту пору борьба Печерского монастыря с митрополитом завершилась успешно для монастыря — он был возведен в независимую от митрополита архимандрию, права которой были закреплены особой грамотой, позднее утерянной. В XVI в. ее попытались восстановить и сочинили подложную грамоту от имени Андрея Боголюбского (А. А. Шахматов. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. СПб., 1897, стр. 30, прим. 1). Не является ли эта позднейшая ассоциация о получении монастырем независимости с именем Андрея указанием на поддержку монастырем его церковной политики? (Е. Болховитинов. Описание Киево-Печерской лавры. Киев, 1831, стр. 167 и сл.; И. Захревский. Описание Киева, т. II. М., 1868, стр. 607—608).

⁷⁰ П. Соколов. Указ. соч., стр. 101; ПСРЛ, т. XXIV, стр. 80.

⁷¹ ПСРЛ, т. I, стб. 173—174.

⁷² П. Соколов. Указ. соч., стр. 133.

позднейших немецких князей церкви, Ф. Энгельс писал: «Они не только эксплуатировали своих подданных так же беспощадно, как дворянство и князя, но действовали еще более бесстыдно. Для того чтобы вырвать у подданных последний грош или увеличить долю наследства, завещаемую церкви, пускались в ход наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедальни»⁷³. Эта характеристика может быть отнесена и к русским церковникам.

Перечень злодеяний Федора, однако, связан не только с его роковой поездкой с дарами к митрополиту, а характеризует его деятельность в целом, пока он сидел на владимирской епископии, пока люди были «в держаньи его». Мы знаем, что владимирская церковь была щедро награждена за свою деятельность Андреем. Лучшие села владимирской округи находились в руках епископа Федора, в его казну стекались огромные богатства. Федор был крупнейшим феодалом, и нет оснований думать, что он стеснялся эксплуатировать своих смердов «простьцов». Он являлся в своем роде типичным представителем той жестокой эпохи.

Но дело шло не только о «простьцах». Федор не стеснялся прижимать и самих феодалов, которые лишались сел, оружия и коней, а некоторые попадали и под холопий ярем, и в заточение. К этим сжатым формулировкам первоначальной редакции памфлета Никоновская летопись дает свой комментарий, в сущности развивая древнюю основу рассказа. Федор «нача искати сокровищ богатых, и сих восхищаше, таже и мн о г ы х к н я з е й и б о а р и з м у ч и и имение их восхити»; он якобы даже покусился на очень богатого княжеского «постельничего», которого за сопротивление повелел «стремглав распяти». Перечень казней здесь еще более развернут, возможно, на опыте эпохи Ивана Грозного⁷⁴. При всей своей гиперболичности эти данные памфлета содержат зерно истины. Можно думать, что это не только борьба могущественного князя церкви с его собратьями по классу за расширение и без того обширных владений и умножение сокровищ, но и борьба единомышленника Андрея с княжескими противниками, которая осталась по понятным причинам за пределами летописания «боголюбивого» князя, где лишь в «Повести об убийстве» самого Андрея отразился как единичный случай конфликт князя с Кучковичами; здесь же она всплыла во всей своей жестокой конкретности, придавив своей тяжестью память верного Андреева соратника — Федора⁷⁵.

Памфлет утверждает, что злодеяния Федора касались не только сельского населения — «простьцов» и светских феодалов, — но и монахов, игуменов и священников. Федор и им «безъмилостив сый мучитель». Видимо, и здесь дело было не в простом «восхищении имений», а в той же ожесточенной борьбе, на сей раз с церковными противниками политики Андрея и Федора. Об этой группе оппозиции мы имеем лишь глухое упоминание в «Повести об убийстве Андрея Боголюбского», где мельком сказано, что какие-то «старейшие игумены» сопротивлялись погребению убитого князя⁷⁶.

Что касается перечня мучительств и казней всех этих враждебных людей, то при всей их преувеличенности нельзя ли думать, что Федор учредил нечто вроде инквизиции?

Таковы позитивные данные, какие мы можем извлечь из разобранного памфлета.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 351.

⁷⁴ ПСРЛ, т. IX, стр. 240.

⁷⁵ Там же, т. II, стб. 591.

⁷⁶ Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 440—443.

Трудно избежать соблазна привести характеристику Федора, данную в Никоновской летописи, хотя можно не сомневаться в ее позднейшей редакции, если она не была сочинена целиком: «бе же сей дръзновенен зело и безстуден, не срамляше бо ся сей ни князя, ни боарина, и бе телом крепок зело, и язык имеа чист, и речь велеречиву, и мудрование кознено, и вси его боахуса и трепетаху, никто же бо можаше противу его стоати, неци же глаголаху о нем, яко от демона есть сей, инии же волхва его глаголаху. . . и бе страшен и грозен всем, и вси боахуса его и трепетаху; рыкаше бо глас его аки лвов, и величеством бе аки дуб и крепок, и силен, яко от неприязни, и язычная чистота и быстрость преудивлена, и дръзновение и безстудие таково, якоже никогда же никого обиноватися, но без сомнения наскакаше на всех и мучаше отнюдь без милости. . .»⁷⁷. Видимо, действительно это был умный, властолюбивый, смелый и яркий человек сильного характера, блестящий оратор, «упревший» ученого грека Леона. Федор был под стать князю Андрею. «Пред нами крутой и властный (в стиле того же Андрея Боголюбского, тоже кончившего плохо в конце концов) организатор церковного центра с претензией на самостоятельность и с готовностью на борьбу, что называется, „до конца“»⁷⁸. Андрей и Федор, пока действовали вместе, составляли могучую силу, способную на самые смелые и рискованные предприятия, волновавшие их решительностью Русь и Византию.

Для византийской политической системы была характерна теснейшая связь власти императора и церкви, причем церковь подчинялась светской власти. Но столь откровенное для Руси объединение меча политической власти и «меча духовного», которое обнаружилось в деятельности Андрея и Федора, вызвало особо острое сопротивление митрополита и Византии. Этот союз церкви и князя делал несравненно более мощным союз князя и горожан, а следовательно, умножал силу новой Владимирской державы, что никак не входило в планы императора и патриарха. В иных условиях, двумя веками позже, когда Византия быстрыми шагами пойдет к своему упадку, московские митрополиты Петр и Алексей за свою действительную помощь объединению Руси получат нимб святых. В XII в. их предшественник владыка Федор погиб в муках, как еретик и самозванец, предрешив кровавую трагедию смерти Боголюбского.

Описанные события 60-х годов протекали, когда еще была свежа память о русском митрополите Климе Смолятиче. Сменивший Клима грек Константин сурово расправился с его сторонниками, ряд епископов был смещен и заменен греками или отлучен от церкви, часть их лишили сана. Софийский собор был заново освящен, как оскверненный службой схизматика Клима («испровергше Климову службу»); наконец, покойный князь Изяслав, любимец киевлян и инициатор избрания Клима, был предан торжественной анафеме⁷⁹. «Можно представить себе, — пишет П. Соколов, — какое впечатление должны были произвести на русских, в особенности на киевлян, эти первые шаги нового митрополита-грека. Все были посажены на скамью подсудимых, начиная с мирян и кончая епископами и князьями. . . Для киевлян такие акты нетерпимости со стороны митрополита-грека едва ли могли представляться справедливыми. . .»⁸⁰. Теперь Русь стала свидетельницей беспрецедентной по напряжению новой попытки

⁷⁷ ПСРЛ, т. IX, стр. 239—240. Образ Федора в Никоновской летописи имеет общие черты с характеристикой, данной ниже также «лживому владыке» XIV века — Митю, которому покровительствовал Дмитрий Иванович московский (ПСРЛ, т. XI, стр. 36).

⁷⁸ Б. А. Романов. Указ. соч., стр. 200.

⁷⁹ П. Соколов. Указ. соч., стр. 52.

⁸⁰ Там же, стр. 89—92.

порвать с византийской «игемонией» и нового, еще более трагического, кровавого конца «лживого епископа Федорца». Все это не могло не взволновать умы, не вызвать опасного общественного брожения. Масштаб «митрополичьей неправды» во многом и определил ярость удара, нанесенного Андреем Киеву в 1169 г. Северный самовластец странно мстил митрополиту и его столице — жестокому грабежу были подвергнуты киевские церкви и монастыри. Не только политический, но и церковный престиж Киева был непоправимо подорван. Pamфлет против Федора имел своей целью реабилитировать митрополита и предать поруганию память о владимирской попытке порвать узы греческой «игемонии».

Pамфлет против Федора вышел из определенных кругов. Не владимирцы страдали от него, его враги были там же, где и враги Андрея, — в Ростове. Там приходился по душе нерадивый и бездеятельный епископ Нестор, а энергичный, не останавливавшийся перед крайними острыми мерами для достижения своих целей «звероядивый Федор», который «без покоя пребысть и до последнего издыхания», «озлобил» «людей своих сих кротких Ростовския земля», так что бог и богородица изгнали его «от всея земля Ростовская». Весьма вероятно, что в Ростове еще сидел упорно отвергаемый Андреем Леон. По свидетельству «Жития Леонтия» («Слово о внесении телесе»), Леон жил до 1184 г., когда после его смерти («посему представлшуся Леону епископу ростовскому») был поставлен Лука⁸¹. Леон и мог приложить руку к посмертному посрамлению своего врага. Однако непосредственный «списатель» рассказа сделал все, чтобы обелить Андрея: он представлен сторонником митрополита, божественный промысел наказал Федора «рукою крепкою и мышцею высокою, рукою благочестивого царскою правдиваго и благовернаго князя Андрея». Более того, удаление Федора представлено как чудо Владимирской иконы, для прославления которой Федор сделал, конечно, много. Исследование показывает, что владимирские витии немало потрудились над аргументацией «божественного» «самовластства» Андрея, мерцавшего уже царским блеском. И почетная для Андрея интерпретация в сущности провала его борьбы за независимость владимирской церкви была лишь хорошей миной при плохой игре.

В этой связи нельзя не отметить существенного места Лаврентьевской летописи, показывающего, как реагировали во Владимире на гибель Федора. В 1185 г. произошел конфликт между Всеволодом III и митрополитом Никифором по вопросу о замещении владимирской епископской кафедры. Всеволод прочил на это место «смеренаго духом» берестовского игумена Луку, а митрополит «на мзде поставил Николу Гръчина». Однако обстановка теперь была не та, что при Андрее Боголюбском, — Всеволод был всемогущ, и митрополит быстро отозвал своего кандидата и послушно поставил угодного владимирскому князю Луку. Владимирский летописец по этому поводу записал: «несть бо достойно наскакати на святительский чин на мзде, но его же бог позоветь и святая богородица, князь въсхочеть и людь»⁸². Автор этой ремарки с сарказмом и удовлетворением язвительно цитирует здесь концовку вставки 1169 г. — памфлета о епископе Федоре: «Се же списахом да не наскакають неции на святительский сан, но его же позовет бог...». Нельзя не отметить умения владимирского летописателя использовать оружие противника против него самого.

Оценивая рассмотренную нами церковно-политическую борьбу, поднятую Андреем Боголюбским, нельзя не сопоставить ее с тем, что проис-

⁸¹ А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 10. В списках ростовских епископов Леон помещен перед Лукой (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 165).

⁸² ПСРЛ, т. I, стб. 390—391.

ходило в эту же пору на Западе Европы. Там шла подобная же борьба между французскими королями, стремившимися к объединению страны и усилению королевской власти, и папским престолом, интересы которого защищала так называемая «теократическая партия», возглавлявшаяся знаменитым Бернаром Клервоским и поддерживаемая крупной феодальной знатью, борющейся с королевской властью за свою независимость против централизации страны. На Руси роль «теократической партии» играла высшая греческая церковная власть — митрополит-грек и греческий епископат. Как королевская власть на Западе, так и здесь крепнущая княжеская власть стремилась порвать нити зависимости местной церкви от ее зарубежного центра, взять в свои руки замещение высших церковных постов, выступала против папских и патриарших ставленников. Подобно митрополиту-греку на Руси, Бернар Клервоский считал допустимыми любые средства борьбы с королевской властью⁸³. В своих исторических путях Владимирская Русь оказывается идущей наравне с передовыми тенденциями европейской истории⁸⁴.

⁸³ Н. А. Сидорова. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953, стр. 100, 127 и сл., 156—157, 161.

⁸⁴ Нельзя согласиться со странной оценкой борьбы Андрея за митрополию, данной И. У. Будовницем: «она знаменательна как отражение уже вполне определившейся феодальной раздробленности Руси, при которой отдельные области, отделившись от Киева в политическом отношении, стремились сбросить с себя зависимость от древней столицы и в религиозной области» («Общественно-политическая мысль», стр. 248). Конечно, сила Владимирской земли выросла в процессе феодального дробления, который определял и самостоятельность политики отдельных княжеств. Но церковно-политическая борьба Андрея была, как мы видели, не отражением феодальной раздробленности, а, напротив, одним из средств ее преодоления и утверждения церковной независимости не Владимира от Киева, а Руси от Царьграда.

Г. ДИТТЕН

ИЗВЕСТИЯ ЛАОНИКА ХАЛКОКОНДИЛА О РОССИИ

(I, 122.5—126.9)¹

I ЭКСКУРС О „СКИФАХ“

В третьей книге своего исторического труда, состоящего из 10 книг, Лаоник Халкокондил, рассказывая о столкновении между османским султаном Баязидом I (1389—1402)² и Тимурленгом (род. в 1336, ум. в 1405), говорит о росте державы Тимура. Среди его многочисленных походов описываются также те, которые он предпринимал против «скифов», как в архаизированной манере Халкокондил называет татар Золотой Орды³. В этом экскурсе сообщается также об истории и быте «скифов»⁴. О них речь идет уже в первой книге, где говорится о происхождении турок⁵. Халкокондил знает, что оба народа являются

¹ И использованные издания: Лаоника Халкокондила — *Laonica Chalcocondylae Historiarum demonstrationes, ad fidem codicum recensuit, emendavit, annotationibusque instruxit E. Darkó, t. I—II. Budapestini, 1922—1927*; Кривогула — *FNH, vol. V, pars prior, edidit, prolegomenis, annotatione, indicibus instruxit C. Müller. Parisiis, 1938, p. LI—LV (Prolegomena); 40—461 (Argumentum и текст с примечаниями); 191—209 (указатель); Георгия Сфрандза — *Georgii Phrantzae Chronicon minus (PG, t. 156, col. 1023—1083); Georgii Phrantzae Chronicon, ed. J. V. Papadopoulos, vol. I. Lipsiae, 1935 (для I и II книг); Georgius Phrantzes, ex rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838 (для III и IV книг); Дуки — *Duciae Historia Turcobyzantina (1341—1462), ex rec. B. Grecu (Bucuresti), 1958 (= «Scriptores Byzantini», I).***

И использованные переводы: на латинском языке — *Laonici Chalcocondylae Atheniensis Historiarum de origine ac rebus gestis Turcorum, Conrado Clausero Tigurino interprete. Basileae, 1556; 1562, in: Laonici Chalcocondylae Atheniensis Historiarum libri decem, ex rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1843, p. 126—140; на немецком языке — K. Dieterich. *Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde (5.—15. Jhd.), Teil 2: Das Gebiet der neueren Wandervölker. Leipzig, 1912 (= «Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde», Bd. 5), S. 32 f.; 165—107 (с примечаниями на стр. 142 сл., 162 сл.); «Aus dem Geschichtswerk des Laonikos Chalkokondyles», übers., eingeleitet und erklärt von F. Grabler, in: «Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen». Graz, Wien und Köln, 1954 (= «Byzantinische Geschichtsschreiber», hrsg. von E. v. Ivánka, Bd. 2), S. 29—40 (Der Osten Europas) (с примечаниями на стр. 91—93); на румынском языке — *Laonic Chalcocondil. Exponeri istorice în românește de V. Grecu. București, 1958 (= «Scriptores Byzantini», II), p. 89—96.***

² В опубликованной мною ранее работе [H. Ditten. *Laonikos Chalkokondyles und die Sprache der Rumänen, in: «Aus der byzantinistischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik», I. Berlin, 1957 (= «Berliner Byzantinistische Arbeiten», Bd. 5), S. 93—105] на стр. 94, где упоминается имя этого султана, к сожалению, вкралась опечатка; там должно стоять «Баязид I» вместо «Баязид II».*

³ *Chalc.*, I, 118.9—130.17. Для идентификации «скифы» — татары Золотой Орды см., например, *Chalc.*, I, 119.5 sq.; 120.4 sq. и 20—23; ср. также ниже, стр. 52, прим. 13. Вообще об использовании архаизма *Σχόδα* см. Gy. Moravcsik. *Byzantinoturcica, II: Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen. 2. Aufl. Berlin, 1958 (= BBA, Bd. 11), S. 13 f., а также S. 279—283, s. v. Σχόδα.*

⁴ *Chalc.*, I, 120.11—122.4; 126.10—128.3.

⁵ *Ibid.*, I, 7.10—9.10.

родственными, и придерживается мнения тех, кто, вероятно, правильно, как он считает, видит в турках Σκυθῶν ἀπογόνους⁶, поскольку оба народа похожи друг на друга по образу жизни, быту, языку и одежде⁷.

«Скифы», как сообщает Халкокондил в экскурсе в третьей книге⁸, уже с давнего времени распались на множество племен, которые жили в области, простиравшейся от Дуная до Кавказа⁹. Такой отколовшейся частью «скифов» являются, должно быть, живущие к востоку от этой области в Азии Σαχαταῖοι¹⁰, в приведенном здесь грецизированном названии которых нетрудно узнать чагатаев в Туркестане¹¹, из которых, по словам Халкокондила, должно быть, происходил и Тимур¹². Остальные «скифы» были связаны политически и подчинялись «королю», а именно хану Золотой Орды (κατὰ Οὐρδάν τὴν καλουμένην ἀγορὰν τὰ βασιλεία ποιούμενοι)¹³. Кроме того, имелся еще также ἀλλαγῶ τῆς Εὐρώπης ἐς τὸν Βόσπορον (Киммерийский, а не Фракийский Боспор!) μῆτρα τούτων οὐκ ολίγη, ἀνὰ τὴν χώραν ταύτην διεσκεδασμένον, ὑπὸ βασιλεῖ ταπτόμενον, οἴκου τῶν βασιλέων (а именно ханов Золотой Орды), ὄνομα δὲ τούτῳ Ἀτζικερίης¹⁴. Под греческим обозначением здесь скрывается имя Хаджи Гирея (Hāǧī Girāi), знаменитого хана крымских татар (1420—1466), которые во время его правления стали независимыми от Золотой Орды¹⁵. Большая часть этих татар поселилась на Дунае¹⁶; большинство их, правда, подчинилось султану Баязиду I, после того как он перешел эту реку¹⁷. Остальные жили под властью литовского «короля» Казимира IV (в 1447—1492 гг. также польский король), а не Казимира III Великого (1333—1370), как полагает В. Греку¹⁸.

⁶ Chalc., I, 7.11 sq.

⁷ ἐς ἥδη οὐ πολὺ διεσπάρη κατισταμένους γλώττη σύγγεγος μάλα διαχρήσθαι, ἐτι καὶ νῦν τῇ αὐτῇ (I, 7.13 sq.). — Ἀσία τὴν κάτω χώραν ἐνοικοῦντα βάρβαρα ἔθνη Τούρκων, Λυδῶν, Καρίων, Φρυγῶν τε καὶ Καππαδοκῶν, Σκύθαις τὴν ἀπὸ Ταναΐδος ἐπὶ Σαρματίαν χώραν ἐπιγεγενημένοις ὁμόγλωττά τε ἐστί καὶ ὁμόσχευα (I, 8. 3—6). — Σκύθας τοὺς ἐν τῇ Εὐρώπῃ πρὸς ἑὼ ἐτι καὶ νῦν διαγενομένους κατὰ τὴν ἀγορὰν καλουμένην τῶν ἐν τῇ Ἀσίᾳ Τούρκων ἐπαίειν οὐ χαλεπῶς, διατῆ τε καὶ σκευῆ ἐπὶ καὶ νῦν τῇ αὐτῇ ἄμφω τῷ γένει διαχρωμένους (I, 9.4—7).

⁸ Ibid., I, 120.11 sq.

⁹ Халкокондил, следовательно, смешивает татар, которых он в архаизированной манере называет «скифами», с настоящими иранскими скифами древности. Ср. ниже, стр. 80, прим. 211.

¹⁰ Σαχαταῖοι ἐκλήθησαν (Chalc., I, 120. 15 sq.).

¹¹ E. Dargó. Op. cit., I, p. 334, Index historicus, s. v. Σαχαταῖοι; F. Grabler. Op. cit., S. 91, Anm. 32; Gy. Moravcsik. Op. cit., II, S. 310, s. v. Τζαχαταῖδες.

¹² Chalc., I, 120.17 sq.: ἀρῶν δὴ καὶ τμήρην αὐτὸν οἰόνται γεγονέναι τινές.

¹³ Ibid., I, 120.22 sq.; ср. также ibid., I, 119.5 sq.: ἐπὶ Σκύθας... ἐπὶ τὴν ἀγορὰν αὐτῶν τὴν Οὐρδάν καλουμένην; I, 120.4 sq.: Σκύθας... καὶ τὴν τρώτων ἀγορὰν Οὐρδάν καλουμένην. См. также: Gy. Moravcsik. Op. cit., I: Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. 2. Aufl. Berlin, 1958 (= «Berliner Byzantinistische Arbeiten», Bd. 10), S. 237, s. v. Οὐρδάν; K. Dieterich. Op. cit., Teil 2; S. 143; прим. к стр. 32, стк. 24; F. Grabler. Op. cit., S. 91, Anm. 33.

¹⁴ Chalc., I, 120.24—121.2.

¹⁵ См. G. Moravcsik. Op. cit., II, S. 78, s. v. Ἀτζικερίης; «Enzyklopädie des Islam», Bd. 2. Leiden und Leipzig, 1927, S. 216 f., s. v. Hāǧǧī-Girāi. Ср. также F. Grabler. Op. cit., S. 91, Anm. 34; B. Spuler. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223—1502. Leipzig, 1943 (= «Das Mongolische Weltreich. Quellen und Forschungen», hrsg. v. E. Haenisch u. H. H. Schaeder, Bd. 2.), S. 157, 168, 170—176; K. Stählin. Geschichte Rußlands von den Anfängen bis zur Gegenwart, Bd. I. Stuttgart, Berlin u. Leipzig, 1923, S. 216; V. Gitterman и П. Geschichte Rußlands, Bd. I, Hamburg, 1949, S. 131; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.» (далее — Очерки. IX—XV вв.), ч. II. М., 1953, стр. 449—451.

¹⁶ Chalc., I, 121.6 sq.: καὶ πολλὰ μὲν τοῦ γένους τούτου αὐτοῦ παρὰ τὸν Ἴστρον ἐνέμεναν.

¹⁷ Ibid., I, 121.7 sq.: ὧν τὸ πλεόν ἐπὶ Παιαχίττω διαβάν τὸν Ἴστρον φησίθη.

¹⁸ В. Греку в указателе к своему переводу труда Халкокондила на румынский язык (Laonic Chalcocondil. Exrneri..., p. 323, s. v. Cazimir cel Mare) отождествляет этого Казимира с Казимиром III Великим (1333—1370), между тем как последний был только польским королем, поскольку Литва стала связана

Для Казимира IV они оказались весьма полезными в его войне против своих соседей¹⁹.

О крымских же татарах Хаджи Гирея далее говорится, что они живут вокруг «Боспора», т. е. Киммерийского Боспора, нынешнего Керченского пролива, и вокруг «Таврического [полу]острова», т. е. Крыма, который расположен между «Меотийским» (Азовским) морем и «Эвксинским Понтом» (Черным морем)²⁰. Они обложили данью окрестные народы, в том числе крымских готов²¹ и генуэзцев из Кафы (ныне Феодосия); им должна была уплачивать дань также часть «сарматов», т. е. часть жителей России²². В то же время другие «сарматы», живущие в направлении к Черному морю, а также к «океану», платили дань τῷ μεγάλῳ Σκυθῶν βασιλεῖ τῶν ἐν τῇ ἀγορᾷ (= Οὐρδάν)²³, хану Золотой Орды, с тех пор как татары частично поработили «сарматов», частично разграбили их земли и на долгое время оккупировали их территорию. Потому «сарматы» были обязаны ежегодно уплачивать дань²⁴. Впрочем, то, что под античным наименованием народа «сарматы» подразумеваются русские, доказывает сам Халкокондил еще в первой книге: *Σαρματίας τῆς νῦν οὐτῶ Ῥωσίας καλουμένης*²⁵.

династически с Польшей только с 1386 г., когда Польша перешла под власть Ягеллонов. Вернее всего, здесь имеется в виду Казимир IV (1447—1492), брат польского (с 1434) и венгерского (с 1440) короля Владислава III (как венгерского короля — Владислава IV), погибшего в сражении с турками при Варне (1444). Еще при его жизни (с 1440) этот Казимир, родившийся в 1427 г., был великим князем Литовским [ср. Th. Schieman n. Rußland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert, Bd. 1. Berlin, 1886 (= «Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen», hrsg. v. W. Oncken, 2. Hauptabt., Teil 10), S. 566—570; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 551—554]. Так как он умер только в 1492 г., то, следовательно, он был жив, когда Халкокондил писал свой труд [между 1480 и 1490 г.: см. E. D a r k ó. Zum Leben des Laonikos Chalkondyles. BZ, Bd. 24, 1923/24, S. 35 f.; Gy. M o g a c s i k. Op. cit., I, S. 392]. В связи с этим становится более ясным, почему Халкокондил употребляет настоящее время τὴν διαταν ἔχουσι (Chalc., I, 121.10 sq.); см. след. прим. 1, чего В. Греку также не учел (ср. ниже, стр. 90—92).

¹⁹ Chalc., I, 121.9—12: τὸ δὲ ὑπολειφθὲν μέρος αὐτοῦ πέραν τοῦ Ἰστροῦ (πὰρὰ Καζιμήρῳ τῷ βασιλεῖ Λιτουάνων τὴν διαταν ἔχουσι, τὴν γῆν νεμόμενοι ἐς ἔτι καὶ νῦν, ἐς τε τὸν πρὸς τοὺς περιοίκους αὐτῶ πόλεμον συμβαλλόμενοι τὰ κράτιστα. Ср. также I, 72.5—9: Σκυθῶν τῶν νομάδων μοῖραν οὐκ ὀλίγην, γένος... ὑπὸ Καζιμήρῳ τῷ βασιλεῖ ταττόμενον ὑφ' ἑῶν δὴ καὶ Σκυθαὶ οἱ νομάδες ταττόμενοι στρατεύονται ἢ ἀν. ἐξηγήσαι... О татарах, поселившихся в Литве, см. Д. Александрович. Литовские татары. Краткий исторический очерк. Баку, 1926; A. S z y s z m a n. Osadnictwo karaimskie na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego. Wilno, 1936; S. K r y c z y ŋ s k i. Tatarzy Litewscy. Próba monografji historyczno-etnograficznej. Warszawa, 1938 (= «Rocznik Tatarski», t. 3); R. B ä c h t o l d. Südwestrußland im Spätmittelalter. Territoriale, wirtschaftliche und soziale Verhältnisse. Basel, 1951 (= «Basler Beiträge zur Geschichtswissenschaft», hrsg. v. E. Bonjour, W. Kaegi, F. Stähelin, Bd. 38), S. 23; G. R h o d e. Die Ostgrenze Polens. Politische Entwicklung, kulturelle Bedeutung und geistige Auswirkung, Bd. 1: Im Mittelalter bis zum Jahre 1401. Köln u. Graz, 1955, S. 354. Ср. также F. G r a b l e r. Op. cit., S. 88, Anm. 13 (к Халкокондилу — I, 72.5—9); S. 91, Anm. 35 (к месту, о котором идет речь).

²⁰ Chalc., I, 121.14—16: οἱ δὲ περὶ τὸν Βόσπορον καὶ τὴν Ταυρικὴν νῆσον καλουμένην, διεύρουσαν λίμνην τε τὴν Μαίωτιδα καὶ τὸν γε Εὐξείνιον πόντον.

²¹ Ср. E. S c h w a r z. Die Krimgoten. «Saeculum», Bd. 4, 1953, S. 156—164. Эти готы названы Халкокондилом просто Γότθοι (Chalc., I, 121.18; II, 37.21), а их страна — Γοτθία (Chalc., II, 37.19); ср. также K r i t. I m b r., I, 68.7 (Γότθοι — «вестготы»); G e o r g. P h r a n t z., Chron. minus, col. 1051 B; Chron. maius, I, 200.25 P (Γοτθία в Крыму) и далее, например, N i c. G r e g., I, 36.14 (ed. Bonnæ) (Γοτθοί в Крыму); Act. patr. Const., ed. Miklosich-Müller, II, Index, p. 591, s. v. Γοτθία (Крымская митрополия); Not. Graec. episc., in: Hier. Syn. et Not. Graec. episc., ed. Parthey, Index, p. 344, s. v. Γοτθία (архиепископство и позднее Крымская митрополия).

²² См. ниже, прим. 25.

²³ Ср. выше, стр. 52, прим. 13.

²⁴ Chalc., I, 121.16—122.4.

²⁵ Ibid., I, 31.2 sq. Ср. также заметки на полях к *Σαρματία* (I, 122.5) в рукописи L (см. критический аппарат к этому месту в издании Э. Дарко): ἡ Ῥωσία

С этого места начинается собственно экскурс о России («Сарматии») и других соседних странах и народах²⁶, который должен быть в центре моего исследования, причем я хочу заняться не столько вопросами композиции и параллелиями с экскурсами Геродота, а также не столько формальной стороной (способ рассмотрения, который мог бы, разумеется, привести к весьма интересным результатам), сколько, напротив, намереваюсь сделать попытку истолковать текст этого экскурса с точки зрения его исторического, этнографического и географического содержания.

После экскурса о России продолжается экскурс о «скифах»²⁷ и следуют дальнейшие географические и исторические известия об этом народе — как о крымских татарах, так и о Золотой Орде²⁸; между прочим, речь идет о разбойничьих набегах крымских татар на соседей — черкесов, мингрелов и русских (Τσαρκίωv καὶ Μιγρηλίωv καὶ Ἰαπωνάτωv). После этих набегов они по дешевке продают награбленную добычу в Кафе венецианским и генуэзским торговцам.

II ЭКСКУРС О РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Вернемся, однако, к экскурсу о России, который входит составной частью в экскурс о «скифах». В этот экскурс также включены географические, этнографические и исторические известия о других народах Восточной Европы; при этом Халкокондил описывает сначала русских, затем рассказывает о пермяках, немцах в Пруссии, жмудинах, чехах, поляках, литовцах и жителях «Черной Богданий» и снова возвращается к русским.

О РОССИИ (САРМАТИИ)

Прежде всего речь идет о географическом положении России: Ἰαπωνία²⁹ μὲν οὖν διήκει ἀπὸ Σκυθῶν τῶν νοτιῶν³⁰ ἐπὶ Δάκας τε καὶ Λιθουάνους (I, 122.5 сл.) — «Сарматия (т. е. Россия) простирается от кочевников-скифов (т. е. татар) до даков и литвинов (литовцев)». Под архаизированным названием «даки» следует понимать румын³¹, которые,

καλούμενη. См. примеры из труда Халкокондила: Ἰαπωνία — I, 14.23; 31.2; 121.5 sq.; 19; 122.1; 5; 16—17; 20; 123.4; 13; 125.4; 126.5; 127.12; 193.2; II, 68.11; 158.22; 277.22; Ἰαπωνία — I, 31.20; 72.10; 121.20; 122.12; 123.9—11; 125.1; 6; 10; 18; 126.1; 5; 127.1; 193.2; II, 277.17. Однако и Дука и Георгий Сфрандзи употребляют только Ἰαπωνία. У Дуки см. Index nominum et regum в издании V. Græci (p. 467, s. v. Ἰαπωνία); у Сфрандзи — Chron. minus, col. 1027 C; 1062 C; Chron. maius, I, 114.13 p; p. 254.15; 312.12; 325.4B.

²⁶ Chalc., I, 122.5—126.9.

²⁷ Ibid., I, 126.10 sq.: Ἐπίνομι δὲ ἐπὶ Σκυθίας τοὺς νομάδας и т. д.

²⁸ Ibid., I, 126.10—128.3.

²⁹ В рукописи L на полях заметка: ἡ ῥωσία καλούμενη. Ср. выше, стр. 53, прим. 25.

³⁰ К вопросу об обозначении татар как Σκυθῶν οἱ νομάδες здесь (Chalc., I, 122.5), а также, например, Chalc., I, 123.23, см. географическо-исторический труд Энея Сильвия Пикколомини (папы Пия II, 1458—1464) о Европе (Aeneae Sylvii Piccolomini postea Pii II papae Opera geographica et historica. Helmstadii, 1699), например, p. 228: Nomades Scytharum.

³¹ Ср. Н. Ditten. Op. cit., S. 93. Примеры из труда Халкокондила: Δακία — I, 31.15; 71.16; 72.1; 73.10—11; 74.17; 93.19; 160.12—13; 172.8; 17; 190.18; 20; 191.6; 8; 23; 203.25; II, 17.9; 36.13; 21; 37.12; 108.23; 109.4; 15; 17; 127.18; 250.3; 23; 251.13; 16; 19; 253.9; 11; 17; 255.2; 257.9; 23; 258.9; 11; 261.25; 262.14; 265.21; 267.3—4; 271.16; 279.24; 295.26; Δάξ — II, 151.12; Δάκας — I, 64.5; 67.8; 68.3; 69.23; 71.16; 18; 72.11; 122.6; 125.6; 11; 127.11; 161.1; 21; 172.18; II, 31.6; 81.21; 92.2—3; 97.20; 103.21; 104.14; 108.13; 17; 20; 109.20; 22; 110.16; 127.21; 134.3; 13; 23; 135.6; 17, 22; 254.3; 255.20; 22; 257.3; 11; 261.19; 262.15; 264.16; 22; 265.5; 10

как говорит Халкокондил в другом месте, разделяются на два княжества, на «Богданию» и на область, расположенную непосредственно на Дунае³² (Молдавию и Валахию)³³. Русские как соседи румын, а именно молдаван, упоминаются также в одном месте еще не разбившегося нами экскурса о Литве, включенного в экскурс о России, где сказано, что «Черная Богдания» простирается от «даков на Дунае», т. е. Валахии, до литовцев и русских (I, 125.4—7: ἡ μὲν μέλαινα Πορδανία . . . ἀπὸ Δακῶν τῶν παρὰ τὸν Ἰστρον ἐπὶ Λιτουάνους καὶ Σαρμάτας διήκει). Это относится к тому времени, когда Халкокондил писал свой труд, а также к более раннему периоду и, конечно, только к русским как народу, поскольку соседние с Молдавией области, населенные русскими, образовали тогда часть Великого княжества Литовского³⁴, которое во второй половине XIV в. продвинулось до Днестра³⁵ (или Польского королевства). С середины XIII в. Литва завладела почти всеми белорусскими и украинскими областями, находившимися под татарским игом, и подчинила их своему господству³⁶. Указание, что Россия простирается до литовцев, никак не противоречит этому: русский народ был тогда соседом литовцев, и русские княжества, не находившиеся под литовским господством, граничили с Великим княжеством Литовским.

Затем Халкокондил сообщает о языке русских³⁷: он говорит, что они являются γένος τῶν Ἰλλυριῶν φωνῇ τὰ πολλὰ διαχρόρονον (I, 122.6 сл.) «народом, который в основном пользуется иллирийским языком». Это указание повторяется в конце экскурса (I, 126.1—9), где Халкокондил занимается вопросом происхождения («origo») этого народа³⁸.

О том, что следует понимать под явно архаизированным наименованием Ἰλλυριοί, Халкокондил говорит в других местах своего труда. Что под ним отнюдь не подразумеваются албанцы, свидетельствует уже одно то, что последние повсюду обозначены их нынешним названием,

13; 23; 266.4; 8; 267.1; 276.7; 280.1; Δακῶν — II, 58.2; 82.22; 90.17; 125.9; 253.25; но также Βλαχία — II, 258.7; Βλάχοι — I, 31.16; II, 92.1. Кривоул для обозначения румын также употребляет архаизм Γέται. Примеры: ср. 8; I, 14.7; 14.17 (единственное число); IV, 10.1; 2 (единственное число); 3; 6—7; 10; Γετικῆ (sc. χώρα) — II, 7.1 (у Халкокондила Γέται, помимо Δάκας, — предполагаемые предки венгров; см. Chalc., I, 67.24—68.3); между тем Δάκας, как и Παίονες, означают венгров и у Кривоула, ср., например, I, 14.15; 14.17; 16.10; II, 6.3; 7.1—2; 6; 8.1; 9.2; 18.4; IV, 10.2; V, 4.1; Δαχία — II, 18.1. Однако Дука и Сфрандзи употребляют только название Βλαχία и Βλάχοι; у Дуки см. Index nominum et regum изд. Греку, р. 455, s. v. Βλαχία и Βλάχοι; у Сфрандзи — Chron. minus: Βλαχία col. 1031 B (μεγάλη); 1072 D (μεγάλη); 1073 A (μικρά); 1079 A; Βλαχοί — col. 1063 A; Chron. maius: Βλαχία — I, 86.23; 122.26 p (μεγάλη); p. 414.8 (μεγάλη); 16 (μικρά); 451.3; 5 B; Βλάχοι — I, 94.20 (вместе с Молδοβλάχοι); 22; 95.2 p.

³² Chalc., I, 73.1—3; ἐς δύο μέντοι διηρημένον ἀρχάς, ἔστε τὴν Πορδανίαν καὶ αὐτὴν παρ' Ἰστρον χώραν. См. также ниже, стр. 87.

³³ См. Н. Ditten. Op. cit., S. 94. f.; F. Grabler. Op. cit., S. 92, Anm. 45.

³⁴ Ср. R. Bächtold. Op. cit., passim; Атлас по истории средних веков, изд. 2-е. М., 1956, стр. 38 сл.; о различных степенях господства Литвы в этих областях см. также G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 339 f.

³⁵ Ср. G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 220, 348, 368; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 544 сл. См. также ниже, стр. 86, где речь идет о литовско-молдавской границе: (sc. ἡ Λιτουανία) τῆ μελαίνῃ Πορδανίᾳ ἕμρος τὰ πολλὰ οὖσα (Chalc., I, 125.18 sq.).

³⁶ Ср. G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 325—380; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 475—556 (глава пятая).

³⁷ Это указание, конечно, должно относиться к русским, а не к литовцам, как правильно заметил Греку (V. Греси. Op. cit., p. 91, п. 2), однако, насколько мне известно, оно никогда иначе и не понималось. Ср., например, латинский перевод Клаузера в боннском издании (p. 131); K. Dieterich. Op. cit., Teil 2, S. 105. 25 f.; F. Grabler. Op. cit., S. 31.

³⁸ Ср. стр. 89, прим. 296 и 297.

а именно как Ἄλβανοί³⁹. В одном месте (II, 277.16) об Ἰλλυριοί говорится: καλοῦνται δὲ οὗτοι τὰ νῦν Βόστροι; в другом (II, 26.10 сл.): Πόσθνη δὲ ἡ χώρα αὕτη (sc. τῶν Ἰλλυριῶν) καλεῖται. Таким образом, под «иллирийцами» здесь следует понимать боснийцев⁴⁰. Далее, в последнем цитированном отрывке говорится, что эта область (Босния) является гористой и суровой и простирается ἐπὶ Ἰλλυριούς, τοὺς πρὸς τὸν Ἴόνιον (sc. κόλπον) φημισμένους παρὰ τὴν θάλασσαν — «до иллирийцев, живущих у моря, около Ионийского залива» (т. е. Адриатического моря), а именно до «иллирийцев» далматинского побережья (II, 26.11—13). Отсюда мы видим, что Халкокондил знает также других «иллирийцев», в данном случае «далматинцев», и это название народа мы действительно снова находим в первом цитированном выше отрывке, где в связи с замечанием: καλοῦνται δὲ οὗτοι (sc. οἱ Ἰλλυριοί) τὰ νῦν Βόστροι, говорится: ἀλλ' οἱ μὲν Δαλμάται καὶ Μυσοὶ ἅμα καὶ Τριβαλλοὶ καὶ πρὸς γε ἐπὶ Σαρμάται τοῦτοις τὴν αὐτὴν ἔχουσι τὴν φωνὴν καὶ τῷ παντὶ παραπλησίαν, ὡς μὴ χαλεπῶς συνίεναι ἀλλήλων αὐτούς (II, 277.16—19). В связи с этим ставится вопрос о происхождении всех этих родственных по языку — как мы в дальнейшем увидим, еще более ясно — славянских народов⁴¹. Затем Халкокондил отвергает отождествление Ἰλλυριοί = Ἄλβανοί⁴², которое мы встречаем, например, у его современника — историографа Кривоцула из Имброса⁴³. Несмотря на то, что народы, именуемые Ἰλλυριοί (λαχεῖν τοῦνομα τοῦτο Ἰλλυριούς καλούμενους), говорят на совершенно различных языках (γένη... σφίσι διενηχοῦσα πάντων ἐς τὴν φωνήν) и это название, как он его употребляет, является неправильным (εἰ δὲ μὴ τοῦνομα αὐτὸ ἐς γένος τοῦτο ὀρθῶς εἴρηται), однако он имеет право использовать его в отношении страны, населенной народами, обозначенными им как «иллирийцы», поскольку она, несомненно, является страной древних иллирийцев (διὰ δὲ τὴν χώραν, ἣν ἐνοικοῦν, φαίνεται τὴν Ἰλλυριῶν, ἄξιόν ἐστι φέρεσθαι οἱ τοῦνομα τοῦτο — II, 278.1—22). В заключение Халкокондил дает еще раз определение

³⁹ Chalc., passim, например, I, 24.1—2; 12; 45.17; 75.17; 196.15; 197.5 II, 16.22; 17.1; 29.20; 30.14; 92.9; 169.21; 174.6; 176.15; 205.2; 17 и т. д. Ср. также Е. Б. Веселаго. Известия Лаоника Халкокондила об албанцах. ВВ, X, 1956, стр. 133—160. Дука и Сфрандзи также употребляют название Ἄλβανοί (или Ἀλβανίται) для обозначения албанцев. У Дуки см. Index nominum et regum изд. Греку, р. 454, s. v. Ἀλβανίται Ἀλβανοί; у Сфрандзи — Chron. minus: Ἀλβανίται — col. 1030 C; 1064 A; 1064 D; 1066 C; Ἀλβανίτια — col. 1074 B; 1075 D; Chron. maius: Ἀλβανίται — I, 121.7 p.; p. 383.8; 14 sq.; 385.4; 389.5; 391.11; 20 B; Ἀλβανίτια (Ἀλβανίτια) — I, 86.22 p.; p. 425.13 sq.; 430.1 B; Ἀλβανία — p. 385.23 B.

⁴⁰ Ср. Н. Ditten. Op. cit., S. 101, Anm. 4. Примеры из труда Халкокондила: Ἰλλυριός — II, 279.22; 284.23 sq.; 285.5; Ἰλλυριοί — I, 23.15; 18; 23; 24.2; 9; 30.21; 31.19; 49.13; 54.22; 61.9; 94.18; 122.6; 126.1; 4; 7; 174.10; 204.4—6; II, 26.6; 9—10; 12; 15; 22; 27.2; 178.14; 202.17; 19; 216.24; 277.13—14; 278.1—2; 12; 17 sq.; 20; 26; 279.3; 280.2; 4; 6; 11; 15; 21; 281.5; 8; 18; 22; 282.16; 23; 283.15; 17; 22; 284.3; 12; 285.10; 16; 287.9; 11; 19; 22; 24; 288.5; 18; 289.6; 15; 17; 293.12; 295.26; 296.15; 304.21; Ἰλλυρικὸν γένος — II, 27.1; 278.11; 14. Кривоцул называет боснийцев Βόστροι: ср. 10; I, 14.7(?); III, 2.1—2; IV, 15.1; 5; 11; 16.9; V, 4.1; 5.1—2; 6.1 (часто вместе с названием народа Δαλμάται; примеры для Δαλμάται у Кривоцула: ср. 10; I, 14.7; III, 2.1; IV, 15.1; 11; V, 4.1). Ср. также Georgii Phrantzae Chron. minus, col. 1065 C; Chron. maius, I, 95.16 p.; p. 387.1 sq. B.

⁴¹ Chalc., II, 277.19—278.1.

⁴² Ibid., II, 278.1—4; 12 sq. Ср. Н. Ditten. Op. cit., S. 101, Anm. 4.

⁴³ Ср. Н. Ditten. Ibidem. Примеры употребления Кривоцулом названия Ἰλλυριοί в смысле: Ἀλβανοί: ср. 10; I, 14.6—7; 74.1; III, 1.1—2; 16.1; 5; 7; 19.3; 22.4; IV, 15.2; 16.7; V, 11.1; 4—5; 7—10; 12.1; 3; 6; 16.1—2; 5. В одном месте рукописи (III, 19.3) относительно названия Ἰλλυριῶν (в тексте) на полях стоит Ἀλβανῶν (ср. критический аппарат к этому месту у К. Мюллера — FHG, vol. V, pars prior, p. 131); впрочем, у Кривоцула вообще не встречается термин Ἀλβανοί. Возможно, что Халкокондил был уже знаком с трудом Кривоцула и полемизировал против отождествления Ἰλλυριοί = Ἀλβανοί именно у этого историка.

Ἰλλυριοί, как он понимает это название народа: καλεῖσθωσαν δὲ μοι τῷ ὀνόματι τούτῳ Ἰλλυριοί οἱ περὶ τὸν Ἴόνιον (sc. κόλπον) οἰκοῦντες ἄχρις ἄκρας Ἰστρίας καλουμένης πρὸς τῷ μυχῶ τοῦ κόλπου... καὶ οἱ περὶ τὴν ταύτη μεσόγειον οἰκοῦντες Ἰλλυριοί (II, 278.26—279.3—см. также II, 278.4—10).

Итак, Халкокондил употребляет название Ἰλλυριοί для обозначения славян всего Адриатического побережья и прилегающих к нему внутренних областей. Хотя он знает, что античные иллирийцы говорили на ином языке, чем обозначаемые им так же славяне, жившие на территории древней Иллирии, несмотря на это, он использует название древних иллирийцев для ныне живущих там славянских племен, поскольку любит архаизировать⁴⁴.

Приведем встречающиеся далее места, в которых речь идет о родстве языков славян и где снова появляется название Ἰλλυριοί. Мы встречаем в приведенном выше перечне родственных по языку славянских народов⁴⁵ два архаических названия — Μυσοί («мезийцы»)⁴⁶ и Τριβαλλοί («трибаллы»)⁴⁷. Сам Халкокондил (I, 26.11 сл.) объясняет: Βουλγαρούς μὲν τούτους, οὓς γε Μυσοὺς ὀνομάζομεν, Σέρβους δὲ ἐκείνους <οὓς> καὶ Τριβαλλοὺς⁴⁸.

⁴⁴ Прекрасным примером того, что архаизмы встречаются иногда еще и в наше время, является наименование французов в новогреческом языке («галлы» — οἱ Γάλλοι): Название «иллирийцы» для обозначения южных славян употреблялось даже в новое время; в качестве примера можно привести наполеоновские «Иллирийские провинции».

⁴⁵ См. выше, стр. 56.

⁴⁶ Μυσοί или Μυσία имеет у Халкокондила два значения: 1) «мезийцы» — архаизированное название вместо «болгары»; 2) Мизия — область в северо-западной части Малой Азии (например, Μυσία — Chalc., I, 13.3; 35.15; 60.8; 145.5; Μυσοί — Chalc., I, 116.5; ср. Μυσοί — Crit. Imbr., IV, 11.6; Μυσία — Ducas, p. 33.19; 75.7; 323.3, изд. Греку).

⁴⁷ Халкокондил употребляет оба эти названия, поскольку область античных мезийцев частично совпадает с областью, населенной болгарами, а область античных трибаллов — с областью, населенной сербами. Примеры из труда Халкокондила: Μυσοί — II, 98.15; Μυσοί — I, 19.10; 20.1; 26.12; 30.7—8; 19; 31.19; 33.8; 34.16; 35.5; 45.15; 49.7; 93.16; 170.17; II, 137.23; 270.5; 277.17; 278.10; Μυσία — I, 33.7; 126.6; II, 125.2; Τριβαλλός — I, 49.21; 50.17; 51.1; 53.2; 198.5; 14; II, 90.8; 126.8; 138.20; 196.8; Τριβαλλοί — I, 14.21 sq.; 15.14; 25; 16.17; 19.9; 20.3; 23.3—5; 8—11; 24.12; 26.12; 30.8; 19; 31.19; 32.21; 33.3; 35.5; 45.17; 49.1—2; 53.14; 16 sq.; 54.15; 67.9; 75.17; 93.16; 94.16; 18; 126.6; 139.11; 141.6; 146.9; 161.21; 165.10 sq.; 166.11; 168.16; 169.18; 170.3; 12; 20; 172.15; 199.21; II, 20.8; 10; 14; 23.20; 25.6; 33.9; 13; 34.1; 5; 59.4; 81.22; 82.22; 89.14; 97.23; 99.6; 112.16; 124.18; 125.2; 7; 16; 131.5; 137.11; 138.1; 15; 22; 139.9—10; 22; 142.24; 176.21; 177.3; 17; 179.1; 202.15; 216.20; 217.1—3; 7; 14; 270.5; 277.17; 278.9; 280.24; 281.2—3; 6; 8—9; 22; 295.23; 297.14; 298.12. См. также, Gy. Moravcsik. Op. cit., II, S. 207—209, s. v. Μυσία, Μυσοί; S. 329, s. v. Τριβαλλοί. Кривовул употребляет те же архаизированные наименования для обоих этих народов. См., например, I, 14.6; II, 22.2 (Μυσοί); II, 7.1; 8.3; 12.2; 17.2; V, 19.3 (Μυσία); ср. 5; I, 14.6; 74.1; II, 6.1; 7.1—2; 4; 8.3; 9.1; 17.2; 18.1; 20.1; 10—11; 21.2; 22.2; IV, 3.7; 15.2 (Τριβαλλοί); II, 19.7 (Τριβαλλίς sc. γῆ). Ср. также у Дуки в издании Греку — Index nominum et rerum, p. 464, s. v. Μυσοί; p. 469, s. v. Τριβαλλοί и Τριβαλλός, а также Chron. maius, I, 44.17; 19 p (Μυσοί). Дука и Сфрандзи вообще употребляют названия Βουλγαροί и Σέρβοι. У Дуки см. Index nominum et rerum в изд. Греку, p. 456, s. v. Βουλγαρία и Βουλγαροί; p. 467, s. v. Σερβία и Σέρβοι; у Сфрандзи см. Chron. minus: Σερβία — col. 1051 B; 1053 D; 1054 C; 1054 D; 1055 A; 1056 B; 1061 D; 1063 A; 1064 B; 1064 C; 1065 B; 1065 C; 1072 C; 1077 A; Σέρβοι — col. 1063 A; Chron. maius: Βουλγαρία — I, 47.17; 51.23; 59.9; 63.5; 9; 19; 85.5; 87.1; 92.12 p; p. 313.1 B; Βουλγαροί — I, 43.20; 50.22; 60.13 p; p. 322.9 sq. B; Βουλγαροκτόνος — p. 313.18 sq. B; Σερβία — I, 32.11; 47.10; 16; 51.23; 62.5; 85.5; 8; 11; 87.1; 90.11; 20; 92.12; 97.26; 200.14 p; p. 213.3; 215.4; 216.17; 220.3; 6; 21; 221.1; 17; 323.10; 325.22 sq.; 384.2; 7; 11 sq.; 386.7; 18; 413.5; 447.2 B; Σέρβοι — I, 50.22 p; p. 322.9; 326.6 B. См. также Gy. Moravcsik. Op. cit., II, S. 98—106, s. v. Βουλγαρία, Βουλγαροί; S. 207—209, s. v. Μυσοί.

⁴⁸ Ср. также, Chalc., I, 32.16 sq.: τούς... Βουλγαρούς, οὓς κάτω Μυσίαν καλοῦσιν οἱ ἄμεινον Ἑλληνικῆς ἐπαίοντες φωνῆς. Интересным является также даваемое ранее объяснение терминов ἄνω и κάτω Μυσία (I, 32.10—16). Под ними Халкокондил

Сербы (Τριβαλλοί) обозначаются (I, 23.15) как Ἰλλυριῶν γένος, затем — τῇ τε φωνῇ παραπληροῖα χρώμενοι ἐκείνοις (sc. τοῖς Ἰλλυριοῖς) (I, 23.17), а вскоре после этого (I, 23, 21 сл.) об обоих этих народах (сербах и иллирийцах) говорится: φωνῇ τε γὰρ ἀμφοτέρω τῇ αὐτῇ χρώνται ἐτι καὶ νῦν, καὶ ἦθεσι τοῖς αὐτοῖς καὶ διαίτῃ. Вслед за этим снова отвергается отождествление Ἰλλυριοί = Ἀλβανοί⁴⁹ и говорится о территории, населенной сербами и албанцами⁵⁰. Несколько далее, говоря о болгарах и сербах, Халкокондил, хотя он прежде всего занимается «origo» славян⁵¹, снова указывает на родство славянских языков и далее продолжает: τοσόνδε μέντοι ἐπίσταμαι, ὡς τοῖς ὀνόμασι ταῦτα δὴ τὰ γένη διεστηκότα ἀλλήλων ἦθεσι μὲν οὐκέτι, γλώττῃ δὲ καὶ φωνῇ τῇ αὐτῇ χρώμενοι κατάδηλοι εἰσιν ἐτι καὶ νῦν (I, 31.9—12) — «насколько, однако, я знаю, эти народы, несмотря на различные названия, очевидно, и сейчас еще пользуются одним и тем же языком и наречием, в то время как их обычаи больше не являются теми же самыми». Как и влахи (румыны), славяне также жили рассеянно на большой территории⁵². О последних далее говорится: οὕτω (т. е. как влахи в Пинде и в Румынии) δὴ κἀνταῦθα τοὺς τε Τριβαλλοὺς καὶ Μυσοὺς καὶ Ἰλλυριοὺς καὶ Κροατίους καὶ Πολάνους καὶ Σαρμάτας τῇ αὐτῇ ἐπίσταμαι ἰέντας φωνῇν (I, 31.18—20). Отсюда Халкокондил делает заключение: τοῦτο τὸ γένος ταῦτό τε καὶ ἐν καὶ δρόφυλον ἑαυτῷ (I, 31—21 сл.).

В этом последнем перечне славянских народов названы также Πολάνοι, поляки. Об их родстве с русскими речь идет также в одном месте рассматриваемого здесь эскурса о России, где говорится: Πολάνοι δὲ ἔχονται Σαρματῶν, καὶ τῇ φωνῇ τούτων νομιζοῦσι (I, 124.2—125.1). В перечне славянских языков у Халкокондила⁵³ мы не находим только Воέμοι (чехов)⁵⁴, о которых, впрочем, часто идет речь⁵⁵.

От языка русских Халкокондил переходит к их религии: καὶ διαίτῃ τε καὶ ἦθεσι τοῦ Θεοῦ νόμοις ἐπήκοοι⁵⁶, ἐπὶ τοῖς Ἑλληνας μᾶλλον τετραμμένοι οὐ πάνυ συμφέρονται τῷ Ῥωμαίων ἀρχιερεῖ, Ἑλληνικῷ δὲ ἀρχιερεῖ χρώνται, καὶ τούτῳ πείθονται τὰ ἐς θρησκείαν τε καὶ διαίταν σφίσι. καὶ ἦθεσι τοῖς αὐτοῖς Ἑλλήνων διαχρώμενοι (I, 122.7—11) — «в своем быте и в обычаях они следуют законам христианства; ориентируясь при этом больше на греков⁵⁷,

отнюдь не понимает того, что мы обычно понимаем под «Moesia superior» или «inferior». Ср., напротив, (ἀνω) Μοισία у Критулула: II, 7.1; 8.3; 12.2; 17.2; V, 19.3, особенно II, 17.2; ср. также Chron. maius, I, 95.15 p; p. 312.11; 403. 4 В. Относительно отождествления Τριβαλλοί = сербы ср. также Chalc., I, 32.20 sq.: ὁ τῆς Σερβίας κράλης, ὁ τῶν Τριβαλλῶν ἡγεμῶν.

⁴⁹ Chalc., I, 23.22—24.2 (I, 24.2—11 о происхождении албанцев). Ср. также выше, стр. 56, прим. 42.

⁵⁰ Chalc., I, 24.11—17.

⁵¹ Ibid., I, 30.19—31.9.

⁵² Ibid., I, 31.12—18. По поводу этого места (I, 31.12—20) см. также Н. Ditten. Ср. cit., S. 100 f.

⁵³ Ср. Н. Ditten. Op. cit., S. 100 f. и особенно S. 105, Anm. 3. В целом же относительно слова ἀρόγλωσσος, встречавшегося у Геродота, который послужил образцом для Халкокондила, см. Н. Ditten. Op. cit., S. 94, 95—98 f., 100—105 и особенно S. 102—104 и 105, Anm. 3.

⁵⁴ Ср. Chalc., I, 67.9 sq.: Воέμοις, τοὺς Κέχιους καλουμένους; II, 35.15 sq.: τοὺς Τρέχους, τοὺς Воεμίους καλουμένους.

⁵⁵ Ср. ниже, стр. 82, прим. 233.

⁵⁶ Такую конъектуру дает Куртц (E. Kurtz. Zu Laonicos Chalkokondyles. BZ, Bd. 25, 1925, S. 114); Э. Дарко, напротив, придерживается стоящего в рукописи ἐποικοι. Я отдаю предпочтение конъектуре Куртца; ἐποικοι, по моему мнению, может быть только опиской при написании слова ἐπήκοοι, которая, как мне представляется, основана на одинаковом произношении букв η и οι в новогреческом языке.

⁵⁷ Ср. Negrod., IV, 78: πρὸς τὰ Ἑλληνικά μᾶλλον τετραμμένος. См. также ниже, стр. 90.

они вовсе не считаются⁵⁸ с римским первосвященником (т. е. папой), но имеют греческого первосвященника (т. е. православного митрополита)⁵⁹ и повинуются ему в том, что касается их религии и быта; у них те же обычаи, что и у греков». Это место показывает, что для Халкокондила понятие *ἑθνησία* тесно связано с понятиями *ἥθη* и *δαίτα*. Нравы и быт являются основными элементами культуры, которая, с другой стороны, тесно связана с религией⁶⁰.

Русские, таким образом, являются греко-православными, но *σκευῆ τῆ Σκοθῶν παραπλήσια προσχωῶνται* (I, 122.1 сл.) — «их одежда походит на татарскую одежду»⁶¹.

В дальнейшем речь идет о территориальном делении России и о важнейших городах. Прежде всего сообщается о *τὰ μέρη πρὸς Εὐξεινον πόντον Σαρματῶν γένη, ἀπὸ Λευκοπολίχης καλομένης* (I, 122.12 сл.) —

⁵⁸ Ср. Herod., I, 173; II, 44; 80; IV, 13; 154; VI, 59; 60 (см. также J. E. Powell. A Lexicon to Herodotus. Cambridge, 1938, p. 343, s. v. *σμφέρω*, Pass. 5).

⁵⁹ Здесь именно православного митрополита, а не митрополита греческой национальности (несмотря на то, что, например, еще в 1441 г. смещенный митрополит киевский Исидор (см. ниже, стр. 62, прим. 81) был греком по национальности, как и многие его предшественники (см. K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 149), так как если бы Халкокондил имел в виду «греческую нацию», то он сказал бы не *Ἑλληνισμός*, а *Ἑλληνί* (ср. Chalc., I, 2.16; II, 111.5, 252.1, 301.5, 8). Однако у Халкокондила также сказано: *Ἑλληνικοὶ μὲν παῖδες ἀπὸ Βυζαντίου, κοῦτε εἶχεν παρ' ἐαυτῷ βασιλεὺς* (т. е. османский султан), *ἐς μέγα ἐχώρησαν δυνάμειος* (II, 197.2 сл.) и напротив: *παῖδα τὸ γένος Ἑλλήνα* (II, 111.5). В совокупности я насчитал у Халкокондила 17 мест, где встречается *Ἑλληνικός* и т. д.: I, 2.12; 14.18; 20.15; 25.12; 27.5; 32.17; 33.16; 88.1; 122.9; 124.7; 153.21; II, 106.5; 155.7; 197.2; 219.5; 226.16; 228.11, в которых оно связывается со следующими существительными: *φωνή*, *δαίτα*, *γένος*, *χώρα*, *πόλις*, *στράτευμα*, *προούριον*, *ναῦς*, *ξίφος*, *μέδωνος*, *παῖδες*, *ἀρχιερέος*.

⁶⁰ Может быть, правильно, что Халкокондил, в отличие, например, от автора *Chronicon maius* (см., например, Chron. maius, p. 328.20—378.9 В), не интересовался специально вопросам веры (см. Е. Б. Веселаго. К вопросу об общественно-политических взглядах и мировоззрении византийского историка XV века Лаоника Халкокондила. «Вестник МГУ», серия IX. Исторические науки, 1960, № 1, отр. 48), хотя он должен был быть священником, если вместе с Дарко (E. Dargó. Neue Beiträge zur Biographie des Laonikos Chalkokandyles. BZ, Bd. 27, 1927, S. 276—285) считать, что Лаоник — адресат некоторых писем Михаила Апостолиса (см. «Letters inédites de Michel Apostolis», ed. H. Noiret. Paris, 1889. «Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome», fasc. 54) — является именно нашим автором, Халкокондилом (ср. Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 392); однако вообще в историческом труде Халкокондила, и прежде всего в этнографических экскурсах, встречается термин *ἑθνησία* наряду с другими терминами, как *γλώττα* (или *φωνή*), *σκευῆ*, *ἔσθης*, *νόμοι* и т. д. (ср. H. Ditten. Op. cit., S. 104, Anm. 4). Примеры употребления *ἑθνησία* у Халкокондила: I, 4.18; 5.3; 6.1; 3; 66.16; 67.18; 82.21; 95.12; 20—21; 96.2—3; 20 sq.; 97.16; 99.3; 111.17; 112.17; 115.15; 122.10; 123.21; 124.15; 20; 132.14; 16; 23—24; 167.16; II, 62.11; 67.19; 68.1; 4; 130.3; 180.17; 20—21; 186.14; 24; 187.2; 223.18; [249.5;] 275.7; 15; 296.10. По моему мнению, Халкокондил интересовался не религией как таковой, но религией как историческим явлением в жизни народов и как важным элементом их культуры; указывают, помимо вышеупомянутого места в тексте, также на другие места, где слово *ἑθνησία* не употребляется и заменяется *δαίτα* и *ἥθη* (например, Chalc., I, 66.14 sq.; 124.6 sq.; 125.1 sq.; 16—18). Значение, которое придает религии Халкокондил, очень хорошо выясняется, как я полагаю, из тех мест, где глагол *πολιτεύεσθαι* связывается с *ἑθνησία* или с охватывающими по своему значению *δαίτα* и *ἥθη*: Chalc., I, 66.14—17; 95.21—96.3; II, 223.17 sq. Мне, правда, представляется, хотя Дарко этого и не отметил, что последнее из названных мест или является позднейшей интерполяцией или же представляет собой недостаточно обработанный Халкокондилем и приспособленный к архаизированному стилю его труда материал, поскольку рядом с другими выражениями раздела (Chalc., II, 223.5—224.14: экскурсы о Грузии) необычный для Халкокондила способ выражения *τὴν τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἑθνησίαν* кажется мне подозрительным (ср., однако, также Chalc., II, 186.14: *τὴν τοῦ κυρίου Ἰησοῦ ἑθνησίαν*). В отношении значения слова *πολιτεύεσθαι* ср. также Chalc., I, 2.19 — важное место введения (пророчество о государственном возрождении греческого народа).

⁶¹ Ср. также V. Gutsch. Op. cit., p. 83, n. 5; p. 91, n. 5.

«о племенах России, которые живут в направлении к Черному морю»; их области начинаются у Λευκοπολίχνη — «белого городка», в котором мы без труда узнаем бессарабский пограничный город на Днестре — турецкий Аккерман (турецк. ак означает «белый», kerman — «лагерь», «укрепленное место», «склад») ⁶², по-русски называемый Белгородом и по-румынски Четатеа Альба (Cetatea Albă); в другом месте (I, 125.4 сл.) он характеризуется как резиденция князя «Черной Богдании» (Молдавии): ἡ μὲν μέλαινα Πογδανία, ἡ ἐν τῇ Λευκοπολίχνη καλουμένη τὰ βασιλεία ἔχουσα ⁶³. Там и начинается Россия, т. е., как мы видели, территория, населенная русским народом, но не территория Русского государства, поскольку почти все украинские княжества тогда уже подчинялись Великому княжеству Литовскому ⁶⁴ и местные князья были вассалами великого князя Литовского ⁶⁵.

Согласно Халкокондилу, ἡγεμονίαι τε διαλαχάνουσι τὰ πολλὰ, τὸ τε Μοσχόβιον τε καὶ Κίεβος καὶ Τοφάρι ⁶⁶ καὶ Χωρόβιον (такова рукописная традиция — I, 122.13—15). Таким образом, среди княжеств (ἡγεμονίαι) упомянуты Μοσχόβιον — Москва, Κίεβος — Киев ⁶⁷, Τοφάρι, под которым явно подразумевается Тверь, нынешний Калинин на Верхней Волге (что также отмечает в своем переводе Ф. Граблер) ⁶⁸, и Χωρόβιον, который Л. Ф. Тафель ⁶⁹ предположительно исправил на Χαρχόβιον. С этой конъектурой впоследствии согласились как Э. Дарко, последний издатель истори-

⁶² См. J. Th. Zenker. Türkisch-Arabisch-Persisches Handwörterbuch, Teil 1—2. Leipzig, 1876—1877, S. 746: Kirmen — «Lager, befestigter Platz, Stapelplatz». Akkirmen — «der weiße Stapelplatz». Под своим славянским названием, которое он снова носит теперь, Белгород (ныне Белгород Днестровский) упоминается еще в древнерусской Воскресенской летописи (ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 240: «На усть Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ...»). В средние века он был важнейшим торговым пунктом на пути, проходившем из Германии и Польши через Бессарабию и дальше в Азию. Ср. БСЭ, т. 4, стр. 411, ст. «Белгород Днестровский»; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 639 сл.; N. Jorga. Geschichte der rumänischen Volkes in Rahmen seiner Staatsbildungen, Bd. 1. Gotha, 1905 (= «Allgemeine Staatengeschichte», hrsg. v. K. Lamprecht, 1. Abt.: Geschichte der europäischen Staaten, Bd. 34), S. 176, 188—192, 304 f., 357. До начала XV в. генуэзцы имели здесь свой опорный пункт (N. Jorga. Op. cit., Bd. 1, S. 189 f.); затем город перешел во владение молдавских князей, которые неоднократно его укрепляли (N. Jorga. Op. cit., Bd. 1, S. 304 f., 318, 355; БСЭ, т. 4, стр. 411). Согласно Н. Йорге (op. cit., Bd. 1, S. 357; ср. также Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 644), город в 1484 г. сдался туркам, султан которых Баязид II похвалялся, что вместе с этой крепостью он получил «ключ и ворота ко всей Польше, России, Татарии и к Черному морю». С этого времени город носил турецкое название «Аккерман» (см. N. Jorga. Op. cit., Bd. 1, S. 189—191, 368; БСЭ, т. 4, стр. 411; ср. также K. Dieterich. Op. cit., Teil 2, S. 162; S. 107.5. Anm.; F. Grabler. Op. cit., S. 92, Anm. 44; N. Jorga. Studii asupra Chilieii și Cetății-Albe. București, 1900; А. Н. Зограф. Древний город Тира—Белгород—Аккерман. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 63—67).

⁶³ Ср. Н. Диттен. Op. cit., S. 94 f. Здесь находилась резиденция родственника молдавского князя Стефана II — его племянника Александра II, который также был здесь похоронен (1455 г.). (N. Jorga. Geschichte des rumänischen Volkes... Bd. 1, S. 190, 323). Столицей Молдавии была тогда, правда, Сучава в принадлежавшей впоследствии (с 1772 до 1919 г.) Австрии части Буковины (Южной Буковине). О значении Четатеа Альба (Cetatea Albă) см. предыдущее прим.

⁶⁴ Украинская Червоная Русь (Восточная Галиция) была, правда, польской.

⁶⁵ См. G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 339 f.; R. Bächtold. Op. cit., S. 13—23; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 497 сл., 509—517.

⁶⁶ Конъектура Л. Ф. Тафеля вместо традиционного τὸ φάρι (см. критический аппарат к данному месту в издании Э. Дарко).

⁶⁷ См. ниже, стр. 61.

⁶⁸ F. Grabler. Op. cit., S. 31; точно такое же объяснение дает Э. Дарко в «Историческом указателе» своего издания (II, 338).

⁶⁹ См. критический аппарат к II, 122.14 в издании Э. Дарко, а также предисловие последнего (стр. VII).

ческого труда Халкокондила, так и Ф. Граблер⁷⁰ и В. Греку⁷¹ в своих переводах. Благодаря этой конъектуре украинский город Харьков — поскольку именно это и хотели вывести с помощью конъектуры — признавался более древним, чем на самом деле. Халкокондил умер около 1490 г., как это можно заключить из нескольких изданий его трудов, и написал свой труд в 80-х годах XV в.⁷² Достаточно было бы только заглянуть в энциклопедический словарь или посмотреть на соответствующую карту в историческом атласе, чтобы доказать несостоятельность этой конъектуры: ведь Харьков основан только в XVII в., точнее — около 1655 г.⁷³; таким образом, это произошло почти через 200 лет после составления труда Халкокондила! Район, где расположен нынешний Харьков, находился во времена Халкокондила еще вне территории русских княжеств; он входил в состав пограничной области между Литвой и татарами.

Итак, старая конъектура привела бы к абсурду. Но что же тогда можно поставить на это место? Посмотрим, какие русские города вообще упоминаются Халкокондилем. Кроме загадочного Χωρόβιον, названы также Μοσχόβιον (Москва), Κίεβος (Киев), который тогда уже в течение длительного времени — примерно с 1362 г. — принадлежал Великому княжеству Литовскому⁷⁴, и Τοφάρι (Тверь). Кроме того, несколько позднее упоминается также Новгород (Οὐγκράτης), о чем речь будет идти ниже⁷⁵. Эти города в действительности были самыми значительными городами России в XV в.⁷⁶ До второй половины этого столетия Новгород и Тверь, старые противники возвышавшейся Москвы, отстаивали свою независимость (Новгород — до 1478 г., Тверь — до 1485 г.)⁷⁷. С другой стороны, Киев, бывшая столица Древней Руси, принадлежал тогда, как уже было сказано, могущественному Великому княжеству Литовскому, которое находилось в династической унии с Польшей. Киев, «мать городов русских»⁷⁸, в качестве столицы Киевской земли оставался крупным городом. Когда русский митрополит впервые (в 1299 г.) переселился во Владимир и позднее (после 1326 г.) в Москву⁷⁹, он все же продолжал

⁷⁰ F. Grabler. Op. cit., S. 31.

⁷¹ V. Grecu. Op. cit., p. 91. 21; n. 7.

⁷² См. E. Darkó. Zum Leben des Laonikos Chalkondyles, S. 35 f.; Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 392.

⁷³ См., например, БСЭ, т. 46, стр. 79, ст. «Харьков»; «Der Große Brockhaus», Bd. 2. 16. Aufl. Wiesbaden, 1953, S. 581, s. v. «Charŕkow». «Εγκυκλοπαίδειον Λεξικόν (Ελευθεροδάχτυς)», т. 12, Αθήνα, 1931, σελ. 836, άρθρ. «Χάρκοβον».

⁷⁴ Ср. G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 332; Ann. 171; R. Bächtold. Op. cit., S. 20; Очерки IX—XV вв., ч. II, стр. 521; «История Української РСР», т. I. Київ, 1953, стр. 108.

⁷⁵ См. ниже, стр. 67—71.

⁷⁶ Ср. Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 299; см. также K. Stählin. Op. cit., Bd. 1, S. 200—202.

⁷⁷ Очерки IX—XV вв., ч. II, стр. 283, 324; БСЭ, т. 30, стр. 74, ст. «Новгородская феодальная республика»; Очерки IX—XV вв., ч. II, стр. 284 сл.; БСЭ, т. 19, стр. 423, ст. «Калинин»; там же, т. 42, стр. 53, ст. «Тверское княжество». Ср. также Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 312 f., 328 f.; В. О. Ключевский. Соч., т. 2. М., 1957, стр. 112; K. Stählin. Op. cit., Bd. 1, S. 202 f., 243 f.; V. Gitermann. Op. cit., Bd. 1, S. 134, 138 f., 141; P. Johansen. Nowgorod und die Hanse, in: «Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte. Gedächtnisschrift für Fritz Rösig». Lübeck, 1953, S. 141; H. Koch. Die ältere Geschichte der Slawen, in: «Die Neue Propyläen-Weltgeschichte», Bd. 2. Berlin, 1940, S. 538.

⁷⁸ В. О. Ключевский. Соч., т. 1. М., 1956, стр. 198, 318, 319; см. также K. Stählin. Op. cit., Bd. 1, S. 103, 169, 208 f.

⁷⁹ Ср. В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 23 сл.; Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 288—292; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 96, 145 f.; V. Gitermann. Op. cit., Bd. 1, S. 123; Очерки IX—XV вв., ч. II, стр. 192, 202.

именоваться киевским митрополитом (так назывался, например, еще в 1441 г. смещенный Исидор)⁸⁰.

Возникает вопрос, какой же другой значительный в то время город может скрываться за явно искаженным названием Χωρόβιον? Ведь Халкокондил говорит только о самых крупных городах России. Таким городом тогда, несомненно, был Псков, по-немецки — Плескау. Благодаря помощи, которую этот город оказал Москве в ее борьбе с Новгородом, он смог сохранить формальную независимость вплоть до 1510 г.⁸¹ Поправка Ψωχόβιον вместо Χωρόβιον, которую я хочу предложить, оправдана, на мой взгляд, и с точки зрения палеографии. Поскольку все рукописи предлагают здесь Χωρόβιον вместо Ψωχόβιον, а непосредственно перед этим явно ошибочно стоит τὸ φάρι вместо Τοφάρι, следует думать, что это имело место уже в полной ошибке первоначальной копии рукописи, составленной самим Халкокондилем. К такому заключению приходит Дарко в предисловии к своему критическому изданию (р. XI—XIV; Stemma, р. XIII)⁸² на основании двух явно интерполированных мест, которые имеются во всех традиционных рукописях. Дарко говорит следующее: «Textus genuinus nonnumquam in omnibus codicibus, praesertim quod ad nomina propria attinet, corrupte traditur» (р. XIV)⁸³. Ясно, что собственные имена в тексте — тем более трудно читаемой рукописи — всегда являются особенно большим источником ошибок. В дальнейшем я еще раз вернусь к предлагаемой мной конъектуре Ψωχόβιον.⁸⁴

О перечисленных княжествах — Москве, Киеве, Твери и, как я хочу предложить, Пскове — говорится, что они являются πόλεις ὑπὸ τυράννοισι εὐθύνόμεναι (I, 122.15)⁸⁵; тем самым они явно противопоставляются не

⁸⁰ Об Исидоре, митрополите Киевском, см. Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 261 сл.; «Энциклопедический словарь», т. 25. СПб., 1894, стр. 364 сл., ст. «Исидор»; G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 501 f.; Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 300—310; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 180; «Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche». 3. Aufl., hrsg. v. A. Hauck, Bd. 6. Leipzig, 1899, S. 46—48, s. v. Ferrara—Florenz; ibid., Bd. 14. Leipzig, 1904, S. 445, s. v. Orientalische Kirche; ibid., Bd. 17. Leipzig, 1906, S. 249, s. v. Rußland; «Die Religion in Geschichte und Gegenwart. Handwörterbuch für Theologie und Religionswissenschaft». 2. Aufl., hrsg. v. H. Gunkel und L. Zscharnack, Bd. 2. Tübingen, 1928, Sp. 73, s. v. Einigungsbestrebungen; ibid., Bd. 3. Tübingen, 1929, Sp. 751, s. v. Kiew; ibid., Bd. 4. Tübingen, 1930, Sp. 249, s. v. Rußland; 3. Aufl., hrsg. v. K. Galling, Bd. 2. Tübingen, 1958, Sp. 380, s. v. Einigungsbestrebungen; Bd. 3, Tübingen, 1959, Sp. 1271, s. v. Kiew; «Lexikon für Theologie und Kirche», 2. neubearb. Aufl. des Kirchlichen Handlexikons, hrsg. v. M. Buchberger, Bd. 5. Freiburg in Breisgau, 1933, Sp. 625, s. v. Isidor v. Kiew; 2. Aufl., Bd. 5. Freiburg, 1960, Sp. 788, s. v. Isidoros v. Kiew. Об Исидоре см. также Chalс., II, 68.1—13; 69.1—6; 163.5—10 (см. ниже, стр. 90, прим. 302); Ducas, p. 267.19 sq.; 315.7—18, над. Греку; Georgii Phrantzae Chron. minus, col. 1062 C (τὸ Καρδηνάλιον Ῥωσσίας); Chron. maius, p. 254.15 (τὸ δὲ καρδινάλιον Ῥωσσίας); 325.4B (τὸ καρδηνάλιον Ῥωσσίας).

⁸¹ Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 285 сл., 367; В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 112; Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 287, 363—368; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 238 f.; H. Koch. Op. cit., Bd. 2, S. 538; V. Gitermann. Op. cit., Bd. 1, S. 140. См. также ниже, стр. 63—64.

⁸² Ср. также E. Dargó. Zum Leben des Laonikos Chalkondyles, S. 37—39 и, с другой стороны, K. Güterbock. Laonikos Chalkondyles. «Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht», Bd. 4, 1910, S. 94—96.

⁸³ Ср. также E. Dargó. Zum Leben des Laonikos Chalkondyles, S. 39.

⁸⁴ См. ниже, стр. 64—65.

⁸⁵ Ссылаясь на Chalс., I, 73.1—5, где говорится о «народе даков», следовательно, о румынах: «ὁδὸ πάντων τῶν εὐνομεϊσῶν», а князя Валахии названы «τύραννος», E. B. Веселого (указ. соч., стр. 47 и прим. 23) считает, что «тирания» является для Халкокондила якобы чем-то отрицательным; однако мне кажется, что тот факт, что εὐνομεϊσῶν может быть связано также о стране, где есть τυράννιδες, а

монархическому, а «аристократическому», т. е. республиканско-олигархическому, образу правления Новгорода⁸⁶, который является ἐς ἀριστοκρατίαν τετραμμένη (I, 122.18 сл.). Эти четыре княжества, говорится далее, ἐς τὴν μέλαιναν οὐτῶ ὑπὸ σφῶν αὐτῶν καλουμένην Σαρματίαν τελοῦσι (I, 122.15 сл.) — «принадлежат к Черной, как сами они называют, Руси. И напротив, племя, живущее у Северного Океана, они называют Белой Русью»: τὰ δὲ πρὸς ὠκεανὸν ὑπὸ τῆν ἄρκτον οἰκουμένα γένη λευκῆν Σαρματίαν καλοῦσι (I, 122.16—18).

Эти сведения, правда, не согласуются прямо с моей конъектурой Ψωρόβιον из Χωρόβιον, поскольку Псков, который вначале был лишь пригородом Новгорода⁸⁷, в действительности находился скорее πρὸς ὠκεανὸν ὑπὸ τῆν ἄρκτον, как и Новгород, и относился бы скорее к «Белой Руси», чем к «Черной Руси»; кроме того, по форме своего государственного управления Псков ближе был к Новгороду, который, как говорит Халкокондил, являлся ἐς ἀριστοκρατίαν τετραμμένη⁸⁸ и не походил на другие города, которые названы πόλεις ὑπὸ τυράννοισ ἐδδιδόμεναι⁸⁹. Однако какой же другой город можно тогда иметь в виду? Это может быть еще Ростов Великий, который в XI—XII вв. был самым значительным городом в районе Верхней Волги⁹⁰ (не следует смешивать этот Ростов со значительно более известным ныне Ростовом-на-Дону). Оставшуюся часть Ростовского княжества его князья продали Москве в 1474 г.⁹¹ Ко времени, к которому относятся известия Халкокондила, а именно к середине XV в. — об этом речь будет впереди⁹², — существовало еще самостоятельное Ростовское княжество. Можно представить себе, что при переписывании ρωσάβιον превратилось в Χωρόβιον.

именно о Германии (I, 65.6—11), показывает, что τυράννις и τυράννος являются у Халкокондила лишь синонимами ἡγεμονία и ἡγεμών; эти выражения Халкокондил употребляет как в I, 65.16 sq. (экскурсе о Германии), так и в I, 73.3—5 (цитированное выше место о румынах) совершенно в одном и том же значении. То же самое относится и к приведенному Е. Б. Веселаго (указ. соч., стр. 46 и прим. 24) месту, где идет речь об итальянских τυράννοι и ο ἡγεμών Милана (Chalc., II, 79.12 sq.); в конце того же абзаца (Chalc., II, 79.20—23) говорится, наоборот, αὶ τῆς Ἰταλίας ἡγεμονίαи τὸν Μεδιολάνου τυράννον. Место из экскурсии о России (Chalc., I, 122.12—15), не приведенное Е. Б. Веселаго, является доказательством того, что τυράννις (или τυράννος) и ἡγεμονία (или ἡγεμών) являются синонимами «ἡγεμονία... ὑπὸ τυράννοισ...».

⁸⁶ См. ниже, стр. 68.

⁸⁷ С XIV в. (1348 г.) Псков был самостоятельным. См. Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 190; В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 91; БСЭ, т. 35, стр. 250, ст. «Псков»; Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 287; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 148 f., 148; V. Gitermann. Op. cit., Bd. 1, S. 108; O. Вгганаг. Europäisches und russisches Bürgertum. «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», Bd. 40, 1953, S. 18.

⁸⁸ См. Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 167—191; В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 92—97; P. Johansen. Op. cit., S. 124—126; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 117 f.; V. Gitermann. Op. cit., Bd. 1, S. 115—117. Ср. также ниже, стр. 68.

⁸⁹ Возможно, это смещение основано на том, что Псков был тогда в очень хороших отношениях с Москвой, но не с Новгородом. См. Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 287, 299; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 163 f., 205—207, 213, 215; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 190 сл., 285 сл., 323, 540; БСЭ, т. 35, стр. 250.

⁹⁰ БСЭ, т. 37, стр. 238, ст. «Ростов». Ср. также Очерки. IX—XV вв., ч. I, стр. 322; В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 316 сл.; 321 сл.; Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 121—126; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 95 f., 101—105, 108, 135; H. Koch. Op. cit., Bd. 2, S. 537; V. Gitermann. Op. cit., Bd. 1, S. 90.

⁹¹ Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 273; В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 112; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 202.

⁹² См. ниже, стр. 89—94.

Таким образом, кроме Пскова, это мог бы быть еще Ростов, поскольку названия остальных, тогда еще самостоятельных княжеств — Ярославского (формально самостоятельного до 1463 г.) и Рязанского (до 1517 или 1521 г.)⁹³ — вообще не подходят. Однако я отдаю предпочтение конъектуре $\Psi\omega\chi\beta\iota\omicron\nu$, несмотря на оба противоречащих ей указания: $\mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\nu\alpha \Sigma\alpha\rho\rho\alpha\tau\acute{\iota}\alpha$ и $\acute{\omicron}\pi\acute{o} \tau\upsilon\rho\acute{\alpha}\nu\nu\omicron\upsilon\varsigma \epsilon\ddot{\upsilon}\theta\upsilon\nu\omicron\mu\epsilon\nu\alpha\tau$, так как Псков безусловно был более важным городом; вспомним в этой связи титул Ивана III Великого (1462—1505), который еще до окончательного присоединения Пскова к Московскому государству именовал себя «Государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский, и Югорский, и Болгарский, и иных» (земель)⁹⁴. Псков был тогда столь важен, что заслуживал упоминания; Ростов же, напротив, этого не заслуживал. Если моя конъектура $\Psi\omega\chi\beta\iota\omicron\nu$ является правильной, то тогда сведения Халкокондила о государственном устройстве и географическом положении этого города, как было сказано, неверны.

Россия тогда распадалась, как мы установили ранее, на две части: на «Черную Русь» и «Белую Русь». Согласно этому делению, к «Черной Руси» принадлежит $\tau\acute{\alpha} \pi\rho\acute{o}\varsigma \text{E}\ddot{\upsilon}\xi\epsilon\iota\nu\omicron\nu \pi\acute{o}\nu\tau\omicron\nu \Sigma\alpha\rho\rho\alpha\tau\acute{\omega}\nu$ γένη с городами Москвой, Киевом, Тверью и Псковом (или Ростовом)⁹⁵, в то время как $\tau\acute{\alpha} \pi\rho\acute{o}\varsigma \omega\kappa\epsilon\alpha\nu\acute{o}\nu$ $\acute{\omicron}\pi\acute{o} \tau\eta\nu \acute{\alpha}\rho\chi\tau\omicron\nu$ γένη с Новгородом, о котором далее говорится особо, относятся к «Белой Руси». Эти названия, указывает Халкокондил, употребляют сами русские.

Приведенные сведения представляют большой интерес, поскольку в современном значении Белоруссия отнюдь не является северной частью России и в настоящее время так называется западная часть области расселения восточных славян, граничащая на западе с областью расселения латышей, литовцев и поляков. Ко времени разделов Польши, а также позднее это понятие было еще уже, а именно: под Белой Русью тогда понимали область Верхнего Днепра с городами Смоленском, Витебском и Могилевом, между тем как Черная Русь также составляла часть нынешней Белоруссии, а именно область, расположенную к северу от Пинских болот (Полесья)⁹⁶; на карте же середины XVII в. встречается название «Черная Русь» («Russie Noire») для области, расположенной далее к юго-западу⁹⁷. С другой стороны, была еще также Червоная Русь, которая составляла часть области с населением, говорившим на украинском языке, в основном позднейшую Восточную Галицию, исключая, однако, земли, простирающиеся почти до местности к югу от Люблина; на упомянутой карте XVII в. эта область названа «Черной Русью».

Равным образом, в противоположность сведениям, сообщаемым Халкокондилом, название «Белая Русь» мы находим на карте XV в. для

⁹³ Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 278; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в.», М., 1955, стр. 110; В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 112; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 202f., 239; V. Gitterman n. Op. cit., Bd. 1, p. 141.

⁹⁴ В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 124. См. также стр. 89, прим. 298.

⁹⁵ См. выше, стр. 63 сл.

⁹⁶ Ср. здесь и в дальнейшем: R. Trautmann: Die slavischen Völker und Sprachen. Eine Einführung in der Slavistik. Leipzig, 1948, S. 140; H. Ludat. Farbenzeichnungen in Völkernamen. «Saeculum», Bd. 4, 1953, S. 139—142; M. Vasmer. Russisches Etymologisches Wörterbuch, Bd. 1. Heidelberg, 1953, S. 73, s. v. Белорус; N. P. Vakar. The Name «White Russia». «The American Slavic and European Review», vol. 8, № 3, 1949, p. 201—213; В. И. Ламанский. Бѣлая Русь. «Живая старина», 1891, т. I, № 3, стр. 243—250; см. также особо о «Черной Руси»: G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 326; Очерки. IX—XV вв., ч. I, стр. 674; «История Белорусской ССР», т. I. Минск, 1954, стр. 61.

⁹⁷ Карта Боплана (Beauplan) от 1665 г. в кн.: M. Hrushevsky. A History of the Ukraine, 3rd ed. New Haven, London and Oxford, 1948, p. 268.

обозначения области, расположенной к востоку от Днепра, а именно для обозначения Великого княжества Московского на карте Николая Кузанского, составленной в 1491 г.: «*Russia alba sive Moskovia*». В точно таком же смысле название «Белая Русь» употреблялось в XV в. византийцами (Иоанном VII Палеологом в 1438 г. на Феррарском соборе)⁹⁸ и поляками⁹⁹. Латинские документы называют Ивана III Московского «князем Белой Руси» — «*Joannes, dux albae Russiae*» (1472 г.)¹⁰⁰. Это обозначение для Суздальской земли употреблял еще Андрей Боголюбский в XII в., т. е. до татарского господства¹⁰¹. На Западе название «Белая Русь» должно было стать известным еще в XIII в.¹⁰² Однако древнерусская летопись Нестора еще не знает разделения России на «Белую», «Черную» и «Червоную» Русь¹⁰³.

С другой стороны, название «Белая Русь» («*Russia blanca*») для обозначения крайнего Севера России, в противоположность «Червонной Руси» («*Russia rossa*»), встречается в 1548 г.¹⁰⁴, что уже больше соответствует терминологии, употребляемой Халкокондиллом; однако южная часть России, простирающаяся вплоть до Твери и Пскова (или Ростова), названа им «Черной Русью».

Таким образом, как мы уже видели, содержание понятий «Белая», «Черная» и «Червонная» Русь¹⁰⁵ с течением времени значительно изменилось.

Что же, собственно, означают эти наименования, связанные с цветом? Делалось много попыток объяснить их присутствие в русской топонимике, которые, однако, привели к совершенно различным результатам. Так, одни авторы при объяснении таких наименований ссылались на различный цвет одежды¹⁰⁶, волос и в связи с этим на различие в социальном положении¹⁰⁷, в частности на то, что в Древней Руси низшие слои городского населения назывались «черными людьми»¹⁰⁸. Другие связывали название «Белая Русь» с существованием в нынешней Белоруссии множества местных названий, в состав которых входит «Бело-»¹⁰⁹. Еще одна попытка толкования видит в «Белой Руси» первоначально свободную, независимую от татар Русь или свободную от татар территорию Московского государства — в противоположность подпавшей под власть

⁹⁸ ПСРЛ, т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853, стр. 153.

⁹⁹ А. Потембня. Белая Русь. «Живая старина», 1891, т. I, № 3, стр. 119 (цит. по: N. P. Vakar. Op. cit., S. 202).

¹⁰⁰ См. N. P. Vakar. Op. cit., S. 202.

¹⁰¹ В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 289; K. Stählin. Op. cit., Bd. 1, S. 96.

¹⁰² Д. Н. Анучин. К вопросу о белорусской территории. В кн.: «Курс белорусского языка». М., 1918—1920, стр. 95 (цит. по: R. Trautmann. Op. cit., S. 140).

¹⁰³ H. Ludat. Op. cit., S. 140.

¹⁰⁴ Ibidem.

¹⁰⁵ Ibidem.

¹⁰⁶ Е. Карский. Белоруссы, т. 1. Варшава, 1903, стр. 116—118.

¹⁰⁷ R. Smal-Stockij. The Origin of the Word «Ruś». «Slavistica» (Українська вільна Академія наук. Інститут слов'янознавства), vol. 6. Winnipeg, 1949, p. 14.

¹⁰⁸ Ср. M. Djakonov. Skizzen zur Gesellschafts- und Staatsordnung des alten Rußland. Breslau, 1931, S. 82; Очерки. IX—XV вв., ч. I, стр. 127; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 118; V. Gitermann. Op. cit., Bd. 1, S. 116. См. также ниже, стр. 69, прим. 133.

¹⁰⁹ Г. Ильинский. К вопросу о происхождении названия «Белая Русь». «Slavia. Casopis pro slovanskou filologii», t. 6, 1927—1928, str. 388—393. Название «Червонная Русь» связывали также непосредственно с названием города Червень (к северо-западу от Львова). См. А. Потембня. Указ. соч., стр. 118 сл.; Очерки. IX—XV вв., ч. I, стр. 358.

Литвы «Черной Руси»¹¹⁰. Правда, к тому времени, к которому относятся сведения Халкокондила, Москва еще была обязана данью хану Золотой Орды; лишь Иван III (1462—1505) впервые окончательно прекратил уплату дани¹¹¹. Поэтому наименование Московской Руси «Белая Русь» в смысле независимости ее от татар тогда еще не было пригодным — ее можно было назвать независимой только по отношению к Литве; в то же время это название уже больше подходило к Новгороду, поскольку он меньше испытывал татарский гнет¹¹². Иными словами, эта попытка объяснения — соответственно модифицированная — лучше всего соответствовала бы тому, что сообщает Халкокондил, если бы под «Белой Русью» понимали, так же как и он, не Московское, а Новгородское государство.

Исходя из всех этих попыток, Г. Людат в своей работе пытается дать общее решение вопроса о наименованиях народов по цветам¹¹³. Он приходит к заключению, что известная издавна в различных частях Азии и космологически обоснованная «цветная символика» была перенесена во время переселения народов восточными кочевыми племенами в Восточную и Центральную Европу; однако в результате глубоких изменений и в связи с тем, что европейским народам была чужда эта символика, первоначально твердо определенная система сильно модифицировалась и ее основное значение постепенно было забыто¹¹⁴.

То, что на территории Восточной Европы особенно часто встречаются названия, в которые входят именно «белый» и «черный» цвета, Г. Людат объясняет тем, что при продвижении степных народов на запад появлялись, вероятно, главным образом названия для западных («белых») и северных («черных») племен¹¹⁵. С обозначением «белый» — «западный», «черный» — «северный», «красный» — «южный» можно сравнить названия «Черное море» (на севере) и «Красное море» (на юге), исходящие из представления о мире древних иранцев, а также турецкое название Средиземного моря *ak deniz* («Белое море» — на западе),

¹¹⁰ См. А. Потемня. Указ. соч., стр. 117 сл.; N. P. Vakar. *Op. cit.*, S. 209 f. (указатель литературы, S. 212 f.). Ср. также «История Белорусской ССР», т. I, стр. 61.

¹¹¹ Ср. Th. Schieman. *Op. cit.*, Bd. 1, S. 338 f.; K. Stählin. *Op. cit.*, Bd. I, S. 219—221; V. Gitermann. *Op. cit.*, Bd. 1, S. 143 f.; R. Bächtold. *Op. cit.*, S. 138 f.; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 287—292.

¹¹² В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 98; K. Stählin. *Op. cit.*, Bd. I, S. 219—221; V. Gitermann. *Op. cit.*, Bd. 1, S. 119; БСЭ, т. 30, стр. 67, ст. «Новгород»; ср., однако, Chalc., I, 121, 20—122.1.

¹¹³ H. Ludat. *Op. cit.*, S. 138—155.

¹¹⁴ *Ibid.*, S. 155. Соображения против этого вывода Людата выдвинул О. Притсак (O. Pritsak. *Orientierung und Farbsymbolik. Zu den Farbenzeichnungen in den altaischen Völkernamen. «Saeculum»*, Bd. 5, 1954, S. 376—383, Anm. 2 к S. 376). Автор этой статьи на основе китайских, монгольских, мусульманских и византийских источников считает, что алтайские народы сначала были «ориентированы на север» (север=черный, восток=голубой, запад=белый или желтый, юг=красный), а поэтому чага (черный=север) приняло значение «большой, великий, главный», а позднее также «чистый, без примеси». Поскольку у алтайских народов правая сторона предпочиталась левой и у племен, ориентированных на север, восток находился справа, позднейший переход к ориентированию на восток у определенных племен является вполне понятным; поэтому у них с этого времени для обозначения наиболее значительного, ценного стало применяться *kök* (голубой=восток) вместо употреблявшегося до сих пор чага (см. выше). Несмотря на то, что монголы Чингис-хана перешли позднее к ориентированию на юг, они, однако, продолжали более всего ценить «голубой». С другой стороны, то, что «черный» употреблялся для низших классов, а именно для покоренных народов, а «белый» — для высших классов, господствующего слоя, Притсак связывает с обычаем гуннов, по которому всякий представший перед государем должен выкрасить свое лицо в черный цвет.

¹¹⁵ H. Ludat. *Op. cit.*, S. 152.

которое было воспринято также греками и болгарями, правда, для обозначения только Эгейского моря: по-гречески оно называется *ἡ Ἀσπρὴ Θάλασσα*, а по-болгарски — Бяло море¹¹⁶. В эту систему входят также названия «Черная Богдания»¹¹⁷, «Черная Валахия» (Северная Валахия, Молдавия) — в противовес «Белой Валахии», как по-венгерски называлась Западная Валахия¹¹⁸, но к ней не подходят наименования «Белая Русь» на севере и «Черная Русь» на юге¹¹⁹. Сам Людат признает, что обозначения «белый» для запада и «черный» для севера в действительности не всегда совпадают; он полагает, что такого рода названия ведут свое происхождение от тех времен, когда наименования в географическом отношении еще соответствовали своему первоначальному значению¹²⁰.

С точки зрения татар и других ранее их переселившихся в Европу степных народов, которые поселились к югу и юго-востоку от области, населенной русскими, название «Черная Русь» могло иметь основание, поскольку южные русские племена жили к северу от них, а русские «к Северному Океану» находились, с их точки зрения, далее к западу.

Значительный интерес представляла бы предпринятая заково попытка на основе привлечения всех пригодных для использования материалов специально изучить первоначальное значение цветных наименований в России и выяснить причины их изменений в процессе исторического развития.

К сожалению, мне, а также Г. Людату была недоступна опубликованная в 1940 г. в Югославии статья А. В. Соловьева¹²¹, которую цитирует В. Греку^{121а} в своем переводе труда Халкокондила в связи с местом, о котором сейчас идет речь¹²². Из краткой рецензии на эту статью в «*Byzantinische Zeitschrift*»¹²³ можно прийти к выводу, что Соловьев связывает употребление таких наименований, значение которых он также понимает в географическом смысле, с татарами; однако это не соответствует значительно более древнему названию «Белая Русь».

В области, обозначенной им как «Белая Русь», Халкокондил называет в качестве единственного города *Οὐγκράτης*, под которым может подразумеваться только Новгород Великий. У Халкокондила сказано: *πρὸς μέντοι ὠκεανὸν πόλις Οὐγκράτης καλουμένη, ἐς ἀριστοκρατίαν τετραμένη, ὄλβον τε παρέχεται καὶ αὐτὴν εὐδαιμονίᾳ ὑπερφέρουσαν τῶν ἄλλων τῆς Σαρματίας πόλεων, τῆς τε λευκῆς καὶ μελαίνης οὕτως καλουμένης* (I, 22. 18—21) — «в направлении к океану (т. е. к Балтийскому морю)¹²⁴ расположен город,

¹¹⁶ Ibid., S. 151 f.

¹¹⁷ Например, Chalc., I, 125.4; 19; II, 37.12; 256.10; 12; 263.15 sq.; 20. См. также ниже, стр. 87, прим. 281.

¹¹⁸ H. Ludat. Op. cit., S. 142.

¹¹⁹ Впрочем, на Севере России есть Белое море, но это название может быть понято с точки зрения азиатских народов как «море на западе».

¹²⁰ H. Ludat. Op. cit., S. 153.

¹²¹ См. А. В. Соловьев. Белая и Черная Русь. Опыт историко-политического анализа. «Сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии», т. 3. Београд, 1940, стр. 29—66 и краткую рецензию Ф. Дэльгера на эту статью (BZ, Bd. 40, 1940, S. 312 f.). О новом употреблении названия «Белая Русь» с 1667 г. (Андрусовский договор) см. прежде всего: N. P. Vakar. Op. cit., S. 210 f.

^{121а} Кроме статьи N. Županić. Značenje barvnega atributa v imenu «Crvena Hrvatska». «Etnolog», kn. 10—11, 1937—1939, str. 355—376.

¹²² V. Grecu. Op. cit., S. 91, Anm. 8.

¹²³ См. выше, прим. 121.

¹²⁴ Ср. Aeneae Sylvii Piccolominei... Opera geographica et historica, p. 278: «Eam (sc. Livoniam) alluit ab occidenti mare Baltheum, quod plebique veterum o sea n um esse putaverunt». См. также ниже, стр. 72.

который называется Ункратис (или Унгратис) и имеет аристократическую форму правления; он является богатым городом и отличается своим благосостоянием среди других городов России, как так называемой Белой, так и Черной (Руси)».

Хотя в Новгороде в позднее средневековье, до его покорения Московским государством в 1478 г. имелся князь, власть последнего по сравнению с другими русскими князьями была весьма ограниченной¹²⁵. Со второй половины XII в. в результате воздействия многочисленных факторов оформилось особое политическое положение Новгорода. С 1196 г. Новгород имел право приглашать князя, откуда он хотел, т. е. выбирать себе князя из любой линии княжеской династии¹²⁶. Наряду с князем существовал выборный посадник, согласие которого было обязательным для всех действий князя как в судебных, так и в административных делах. До своего вступления в должность князь должен был заключить с городом договор¹²⁷. В псковской летописи один новгородский князь XV в. назван «воеводой, князем кормленным, о ком было им стояти и боронитися», т. е. защищать и сражаться за новгородцев¹²⁸. Важную роль в жизни города играло вече, общее собрание горожан. Бывали случаи, когда город разделялся на два враждебных лагеря и образовывал два веча. Вече избирало уже упоминавшегося посадника¹²⁹. Вече, законодательный орган города, не имело, однако, законодательной инициативы, оно могло только отвечать на поставленный вопрос «да» или «нет». Законодательная инициатива находилась полностью в руках совета господ, в котором были представлены знатные боярские роды. Этот боярский совет приобрел в политической жизни Новгорода несравненно большее значение, чем вече, которое обычно было лишь послушным орудием в его руках¹³⁰. Политический строй Новгорода, несмотря на существование веча, был олигархическим. Характерно, что «с XII вплоть до XV в. посадники избирались только из числа двух или трех самых могущественных боярских родов»¹³¹.

Жизненным нервом города Новгорода была его торговля. Благодаря своему выгодному географическому положению он имел широкие международные связи, в том числе с Ганзой, у которой был в Новгороде свой гостинный двор (Peterhof)¹³². По своему социальному положению вторым сословием в Новгороде были «житые люди», которые хотя и не причислялись к знатым боярским родам, однако, как и последние, владели земельной собственностью. От обоих этих сословий следует отличать сословие собственно купцов, которые вели торговлю благодаря капиталам, ссужаемым им обоими высшими сословиями. Они стояли гораздо ближе к простому народу — к так называемым

¹²⁵ Ср. здесь и далее: Очерки. IX—XV вв., ч. I, стр. 334—357; ч. II, стр. 167—186; В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 54—104 (на стр. 58—79 специально говорится о положении новгородских князей). Ср. также К. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 116—118; V. Gittermann. Op. cit., Bd. 1, S. 111—116; P. Johansen. Op. cit., S. 124—126; O. Brunner. Op. cit., S. 20 f.; G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 370.

¹²⁶ В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 61.

¹²⁷ Там же, стр. 60, 62—63.

¹²⁸ Там же, стр. 66.

¹²⁹ Там же, стр. 69, 70.

¹³⁰ Там же, стр. 72 сл.; O. Brunner. Op. cit., S. 9, 20.

¹³¹ P. Johansen. Op. cit., S. 126.

¹³² В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 58—59, 65; К. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 119 f.; V. Gittermann. Op. cit., Bd. 1, S. 108—111; O. Brunner. Op. cit., S. 9 f.; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 170. См. также ниже, стр. 77, прим. 193.

«черным людям»¹³³. Благодаря своей торговле Новгород был тогда столь процветающим и могучим, что сложилась поговорка: «Кто может идти против бога и Великого Новгорода?»¹³⁴ Архитектурные памятники, такие, как новгородский Кремль с великолепной церковью св. Софии (XI в.) и многими другими церквами, и в наши дни свидетельствуют о прошлом величии этого города¹³⁵.

Итак, можно считать несомненно установленным, что под Οὐγκράτης подразумевается Новгород: он расположен в направлении к северному «океану», т. е. к Балтийскому морю; во главе города стоят олигархи, а не могущественный князь; город богат и превосходит в этом отношении другие города России.

Своеобразно название, которое дает городу Халкокондил. Известно, что склонные к архаизированию византийцы, если они не заменяли средневековое название античным (ср. *Σαρματία* — Россия) или же не переводили его на классический греческий язык, когда ясно его значение (ср. *Λευκοπολίχνη* — Белгород, *Cetatea Albă*, *Ἀσπρόχαστρον*, Аккерман), по мере возможности старались хотя бы «причесать» название на греческий манер. Таким образом, можно допустить, что Халкокондил вторую составную часть названия — «город» — переделал в *κράτης*, что звучит вполне по-древнегречески (вспомним многочисленные личные названия с этим элементом в качестве второй составной части). Ясно ли было Халкокондилу значение названия «Новгород» (если он его так услышал), я не берусь решать. Можно было бы ответить на этот вопрос положительно, поскольку, как мы видели, Халкокондил правильно перевел «Белгород» как *Λευκοπολίχνη*; следовательно, значение слова «город» было ему, по-видимому, понятно. Однако, как видно из письма вселенского патриарха от 26 июля 1401 г.¹³⁶, перечня греческих епископств XIV в.¹³⁷, равно как и из названий, приведенных в *Chronicon maius* Георгия Сфрандзи^{137а}, а также некоторых народных хроник XVI в. или даже более позднего времени¹³⁸, в которых этот город назван по-народному *Ἀσπρόχαστρον*, Халкокондил перевел это народное греческое название на свой архаизированный язык и при переводе даже не имел перед глазами славянской или румынской формы этого названия.

Поскольку он безусловно был сведущим в латинском и итальянском языках¹³⁹, то и первая составная часть — «нов» — также должна

¹³³ В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 78—80. Ср. также выше, стр. 65, прим. 108.

¹³⁴ Ср., например, «Geographisch-statistisches Comptoir- und Zeitungslexicon», nach den neuesten Quellen bearb. v. B. Ritter. 2. Aufl. Leipzig, 1838, S. 748, s. v. Nowgorod, 2; H. A. Daniel. Lehrbuch der Geographie für höhere Lehranstalten, 73. Aufl. Halle, 1891, S. 304; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 119; V. Gitermann: Op. cit., Bd. 1, S. 105.

¹³⁵ БСЭ, т. 30, стр. 69 сл., ст. «Новгород»; «Энциклопедический словарь», т. 41. СПб., 1897, стр. 243, ст. «Новгород»; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 115, 120; V. Gitermann. Op. cit., Bd. 1, S. 117.

¹³⁶ ММ, II, p. 529, № 667.

¹³⁷ H. Gelzer. Beiträge zur russischen Kirchengeschichte aus griechischen Quellen. «Zeitschrift für Kirchengeschichte», Bd. 13, 1892, S. 253 f.

^{137а} Georgii Phrantzae Chron. maius, p. 308.10 B.

¹³⁸ «Historia Turcorum», ed. Zoras, p. 127.16; 18; «Ekthesis Chronike», ed. Sathas («Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη», т. 7. Βενετία, Παρίσιον, 1894), p. 592.1, 598.24; «Historia politica», p. 54.17, 63.4 B.

¹³⁹ См. K. Güterbock. Laonikos Chalkondyles. «Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht», Bd. 4, 1910, S. 78; Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 391. Ср., например, Chalc., I, 179. 17 sq. (Κλιμάχοι = Scaligeri); II, 43.22; 48.9 sq. (Γήρονος = Terra di Lavoro, ср. F. Grabler. Op. cit., S. 57, 59); II, 46.17 sq. («Ἀρχιοι = Orsini; ср. F. Grabler. Op. cit., S. 58); II, 50.15 (ἡ Μείων =

была быть понятной ему: латинское *novus* очень сходно со славянским «новъ». Составную часть «ново» сербского названия населенного пункта «Ново Брдо» Халкокондил передал фонетически: *Νοβόπουρον*¹⁴⁰. Почему же он этого не сделал в данном случае? Если он пользовался устным источником, то это можно объяснить слуховой ошибкой. О передаче по-гречески второй составной части — «город» — уже говорилось раньше; впрочем, можно предположить, что Халкокондил слышал это название на одном из южнославянских языков, в которых «город» звучит как «град»¹⁴¹. Ф. Граблер¹⁴² полагает, что, возможно, *Οὐγκράτης* является записью немецкой формы названия Новгорода — «Naugard»¹⁴³. Но эта форма употреблялась в землях ордена и в ганзейских городах Северной Германии¹⁴⁴, из которых Халкокондил упоминает только Гамбург¹⁴⁵, Бремен (?)¹⁴⁶ и Кельн¹⁴⁷. Я считаю, что если бы предположение Ф. Граблера было правильным, то следовало бы ожидать, что Халкокондил должен был бы сообщить еще кое-какие сведения о прибалтийских ганзейских городах, и прежде всего о Любеке, о котором идет речь в сочинении его современника Ласкариса о поездке в северные страны¹⁴⁸.

Под другим названием, а именно *Νεσογάρδας*¹⁴⁹, Новгород упо-

Minorca; ср. F. Grabler. Op. cit., S. 61, 96, Anm. 89); II, 268. 16 sq. (*Κυριακός* = *Δομίνκος*, Dominicus); ср. также Кириака Анконского (ed. R. Sabbadini, in: «Miscellanea Seriani». Milano, 1910, p. 203 sq.; цит. по: W. Miller. The Last Athenian Historian: Laonikos Chalkokondyles. JHS, vol. 42, 1922, p. 36, n. 2) о юном Халкокондиле: «egregie Latinis atque Graecis litteris eruditum». Ср. также ниже, стр. 89, прим. 298.

¹⁴⁰ Chalc., II, 125.6 (так исправил здесь Э. Дарко традиционное *νοβόπουρον*); ср. также II, 176.21; 196.10.

¹⁴¹ «Град» в русских названиях населенных пунктов, как, например, в современных образованиях «Ленинград», «Волгоград», «Целиноград» и т. д., происходит из церковно-славянского языка, т. е. за счет влияния древнеболгарского языка на русский.

¹⁴² F. Grabler. Op. cit., S. 91, Anm. 38.

¹⁴³ В кн. «Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch», begründet von F. G. v. Bunge, fortgesetzt von H. Hildebrand, Bd. 7—9. Riga u. Moskau, 1881, 1884, 1889 (с приложенным к ней Sachregister, bearb. von V. A. Hollander. Riga u. Moskau, 1900), я обнаружил следующие формы названий: Nowgrat, Nowgrad, Nougat; Nowgard; Nowgard; Nougard, Naugart, Naugard, Naugrad; Nowgarden; Nowgarden, Nougarden, Naugarden; Nouwerden, Nowerden; Nouwarden. Ср. ниже, прим. 152, где приводятся латинизированные формы названий; из них формы «Nugardia» и «Nogardia» можно сопоставить с названиями «Nowgard» и «Nougard».

¹⁴⁴ Ср., однако, употребляемую поляком Матиашом из Михова латинизированную форму названия Новгорода — «Nugardia» (см. прим. 143 и 152), которая могла бы подкрепить точку зрения Ф. Граблера.

¹⁴⁵ Chalc., I, 65.14.

¹⁴⁶ Ibid., I, 66.1: вместо традиционного *βλένης* Э. Дарко делает конъектуру *Βρένης* (см. соответствующее место в критическом аппарате издания Э. Дарко). Ср. также F. Grabler. Op. cit., S. 17, 88, Anm. 5.

¹⁴⁷ Chalc., I, 65.13. Ср. также F. Grabler. Op. cit., S. 87, Anm. 4.

¹⁴⁸ Впервые издано: Ст. Λάμπρος. Κανακός Λάσκαρις και Βασίλειος Βατάτζης. Παρνασσός, т. 5. Ἀθήναι, 1881, σελ. 705 ἐξ.; мною использовано комментированное издание: Laskaris Kananos' Reseanteckningar från de nordiska länderna. Upsala—Leipzig, 1902 (=«Småre byzantinska skrifter», utgifna och kommenterade af V. Lundström, Heft 1). Название Любек встречается там в форме *Λουβήκ* (стр. 16, 19; ср. также комментарий на стр. 28 сл.). Ср. немецкий перевод сообщений о поездке Ласкариса у Ф. Граблера (F. Grabler. Op. cit., S. 99—105).

¹⁴⁹ Такова рукописная традиция; вместо нее делают следующие конъектуры: *Νεσογάρδα*, *Νεβογάρδα*, *Νεβογάρδας*, но все они отвергаются Моравчиком в критическом аппарате его издания (см. следующее прим.). Однако в месте, посвященном России, содержащемся в так называемой «Записке готского топарха» («*Torgcha Gothicus*») (X—XI в.), и у Никифора Григоры (XIV в.) Новгород вообще не встречается. См. F. Westberg. Die Fragmente des *Torgcha Gothicus* (*Anonymus Tauricus*). «Записки имп. Академии наук», серия 8, ист.-филолог. отделение, т. 5,

минался более чем за 500 лет до этого Константином Багрянородным¹⁵⁰.

Традиционная форма *Οὐγκράτης* — в первой ее составной части, — по моему мнению, или основана на слуховой ошибке автора (если мы предположим, что он пользовался устным источником), или произошла по недосмотру первого переписчика рукописи Халкокондила¹⁵¹. Слышал ли Халкокондил название города в русской форме (Новгород), южнославянской (Новиград) или польской (*Novogrod*), я решать не берусь: за польскую форму могла бы говорить польская форма названия Лифляндии (*Inflanty*), которую Халкокондил употребляет в следующем предложении¹⁵². Мне кажется, что было бы ошибкой усматривать в первой составной части прибалтийско-финский элемент, связывая его с финским *uusi*¹⁵³, эстонским *uus* («новый») и поселившимся в XV в. в окрестностях Новгорода многочисленным прибалтийско-финским племенем *водь*¹⁵⁴, поскольку пока нет никаких доказательств, что в этих языках Новгород носит название *U(n)grati(s)* или *U(n)-krati(s)*.

вып. 2. СПб., 1901, стр. 14—19; *Nicéphori Gregorae Historiae Byzantinae libri postremi* (III), ab I. Bekkero nunc primum editi. Bonnae, 1855, p. 199.12—24; 512.2—518.5.

¹⁵⁰ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 56.*

¹⁵¹ Ср. выше, стр. 62.

¹⁵² *Chalc.*, I, 122.22. Ср. ниже, стр. 72 сл. Поляк Матиаш из Михова (XVI в.) в своем *Tractatus de duabus Sarmatiis* употребляет рядом латинизированные формы названий *Nugardia*, *Novogardia*, *Novogrodia*; ср. *«Polonicae historiae corpus»*. Ex bibliotheca Ioan. Pistorii Nidani, t. 1. B sillae, 1582, p. 145 sq. Ср. также у Энея Сильвия (ум. в 1464 г.) — *ibid.*, t. 1, p. 4 (= *Aeneae Sylvii Piccolominei... Opera geographica et historica*, p. 278): *Nogardia* и у Александра Гвагнини (*Alessandro Guagnini, 1538—1614*) — *Sarmatiae Europaeae descriptio*. Spirae, 1581, p. 82 sq.: *Novogrodia*, *Novogardia*.

¹⁵³ О финском *uusi* и соответствующих ему формам в других финско-угорских языках см. В. Collinder. *Fino-Ugric Vocabulary. An Etymologic Dictionary of the Uralic Languages*. Stockholm, 1955, p. 121.

¹⁵⁴ Как известно, Новгород расположен в области, некогда населенной прибалтийско-финскими племенами [P. Johansen. *Op. cit.*, S. 122; M. Vasmer. *Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas*, II: *Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse, 1934, S. 373—387; idem. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Rußlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941 (= «Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften», H. 5), S. 22]; так, например, название оз. Ильмень (древнерусское Ильмърь), в непосредственной близости от которого расположен Новгород, восходит к финскому *Ilmajärvi* — «Озеро плотвы» (M. Vasmer. *Beiträge...*, II, S. 373; *idem. Die alten Bevölkerungsverhältnisse...*, S. 22). Упоминаемая Халкокондилем Тверь (*Товари*), древнерусская Тъхвърь, также может быть сопоставлена с эстонским *Tähtvere* (название местности близ Тарту) и финским *Tihvetjärvi* (название хутора близ Выборга — Вицури) (M. Vasmer. *Beiträge...*, II, S. 370). Кроме того, одна из пяти «пятин» Новгородского государства называлась «Водской» — по имени ныне почти вымершего племени *водь* (ср. W. K. Matthews. *Medieval Baltic Tribes. «The American Slavic and East European Review», vol. 8, 1949, p. 135, n. 45; L. Hakulinen. Handbuch der finnischen Sprache. Wiesbaden, 1957, S. 1; БСЭ, т. 8, стр. 393, ст. «Водский язык»; стр. 394, ст. «Водь». Страну «Водь» немецкие рыцари Ливонского ордена называли «*Watland*». Ср., например, *«Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch», Bd. 9, S. 661, № 1006*). Это племя (древнерусское «водь» или «воть»), которое вошло в состав Новгородского государства (W. K. Matthews. *Op. cit.*, p. 135, n. 45), до славянской колонизации населяло всю область вокруг Новгорода (В. О. Ключевский. *Соч.*, т. 2, стр. 56; K. Stählin. *Op. cit.*, Bd. I, S. 115; P. Johansen. *Op. cit.*, S. 122). Из названий пяти городских районов («концов») Новгорода два также связаны с названиями прибалтийско-финских народов: «Людин конец» и «Неревский конец». Первое название, кроме значения «людской район», может быть объяснено**

О ЛИФЛЯНДИИ (ЛИВОННИ)

После указания на могущество и богатство Новгорода далее говорится: *καὶ διήκει ἐπὶ ὠκεανὸν αὐτῆ ἡ χώρα, Ἰνφλάντη*¹⁵⁵ *καλουμένη. ἐνθα δὲ ὀρίζονται καὶ αἱ ἀπὸ Δανίας*¹⁵⁶ *νῆες καὶ Γερμανίας, φορτία φέρουσαι Βρετανικά τε καὶ Κελτικά ἐς τῆνδε τὴν χώραν* (I, 122.21—24) — «и до океана (т. е. до Балтийского моря) простирается страна, которая называется Инфлянты (Inflanty). Там бросают якорь корабли как из Дании, так и из Германии, которые привозят в эту страну бретанские (т. е. английские) и кельтские (т. е. французские) грузы». К. Дитерих¹⁵⁷ переводит это место неверно («эта страна простирается вплоть до океана и называется Лифляндией»), поскольку при таком переводе следует полагать, что «Белая Русь», о которой только что шла речь, имеет еще и другое название — «Inflanty», что, конечно, совершенно неверно. Указательное местоимение οὗτος у Халкокондила должно относиться к следующему далее слову (ср., например, I, 31.2 сл.: *Σαρματίας τῆς νῶν οὕτω Ῥωσίας καλουμένης*; I, 125.4: *καὶ οὗτοι ἡ μὲν μέλαινα Πογδανία*¹⁵⁸; II, 268. 6 сл.: *αἰτίαν δὲ ταύτην ἐπενεγκῶν βασιλεύς...*, *οἷ...*). Правильно переводит Граблер¹⁵⁹: «И простирается вплоть до океана страна, которая называется Inflante (Livland — Лифляндия)». Следует, конечно, принять во внимание, что Халкокондил, говоря о «Белой Руси» и Новгороде, указывает, что они лежат *πρὸς ὠκεανόν*, в то время как о Лифляндии сказано, что она простирается *ἐπὶ ὠκεανόν*; *πρὸς*, безусловно, означает здесь «в направлении к», а *ἐπί* — напротив, «вплоть до».

Представляет интерес прежде всего сообщаемое здесь название Лифляндии — *Ἰνφλάντη*. Искажение названия «Livland» нельзя отнести за счет самого Халкокондила. В рукописи это название передается как *ινφλάστη*; Э. Дарко, правильно решив, что речь здесь идет о Лифляндии (так он и объясняет это в Index historicus своего издания)¹⁶⁰, исправил его на *Ἰνφλάντη*. Еще до него К. Дитерих установил, что под *ινφλάστη* подразумевается Лифляндия¹⁶¹. В. Греку, напротив, полагает,

также как «район веси»; «весь» (как называется этот народ в древнерусской нестеровской летописи) также является прибалтийско-финском племенем, его язык носит название *Lüüdin—Kieli*. С другой стороны, название «Неревский конец» может быть связано или с названием города Нарвы, или же с неизвестным народом Норова (Нарома) нестеровской летописи (ср. P. Johansen. Op. cit., S. 129 и Anm. 8). Три выходящие из Новгорода дороги также носят названия прибалтийско-финских племен: Водекая, Чудская, или Эстонская (на Нарву), и Карельская дорога (к устью Невы) (P. Johansen. Op. cit., S. 129).

¹⁵⁵ Традиционным является *ινφλάστη*; ср. критический аппарат к этому месту в издании Э. Дарко.

¹⁵⁶ Так дает Э. Дарко, следуя Л. Ф. Тафелю; рукописная традиция предлагает *δακίας* (см. критический аппарат к этому месту). Эту традицию отстаивает В. Греку (op. cit., p. 92, n. 2; ср. также p. 59, n. 4. См. Chalcs., I, 65.5, где рукописи наряду с *δανίαν* и *δακίαν* дают также *δασίαν* и *δασιάν*). Кроме того, в I, 64. 18 (в рукописях *δασιάν*) и I, 80.9 (в рукописях *δατίας*) речь идет также о Дании. Ласкарис (p. 15.27; 16.14, ed. V. Lundström; ср. также V. Lundström. Op. cit., p. 26) называет страну *Δατία*, и это название повторяется у Халкокондила (I, 80.9; см. выше). Трудно решить, какой форме следует отдать предпочтение; возможно, что уже сам Халкокондил, следуя разным источникам, употреблял различные формы названий; ср., например, *Βόσνοι* (II, 277.16) наряду с *Πόσβνη* (II, 26.10), равно как *Βογδανία* (I, 72.3, 73.2) наряду с *Πογδανία* (I, 125.4; 19; II, 263.16; 20).

¹⁵⁷ Ср. Chalcs., I, 80.6 sq.: *τῆς Βρετανικῆς Ἀγγλίας οὕτω καλουμένης νήσου.*

¹⁵⁸ См. H. Ditten. Op. cit., S. 95—99; особенно, S. 96.

¹⁵⁹ F. Grabler. Op. cit., S. 31.

¹⁶⁰ E. Darkó. Op. cit., t. II, p. 319.

¹⁶¹ K. Dieterich. Op. cit., Teil 2, S. 105. 41; ср. также S. 162, Anm.

что под традиционным Ἰνφλάντη следует понимать Эстонию (Эстляндию)¹⁶². Однако, по моему мнению, дело обстоит очень просто: Ἰνφλάντη является не чем иным, как польским названием Лифляндии — «Inflanty»; искажение немецкого названия «Лифляндия» также следует отнести на счет польского языка, а не Халкокондила. К сожалению, мне не удалось установить, с какого времени употребляется это польское название Лифляндии; под словом «Инфлянты» в БСЭ говорится: «Инфлянты (искаженное Лифляндия) — польское название в XVI—XVIII вв.»¹⁶³. Но, как мы видим, это польское название Лифляндии является еще более древним, предшествующим приобретению Лифляндии Польшей в XVI в. (1561). Это название явно перешло к полякам через русских, живших в Литве, или через Тевтонский рыцарский орден в Пруссии. Грамматически «Inflanty» является множественным числом.

В древнерусской летописи Нестора литовский народ называется «любы», «либь» и «ливь»¹⁶⁴. Однако уже в составленной на русском языке «Летописи великих князей литовских»¹⁶⁵ говорится: «...мештер[ъ] Лифляньски... в Лифлянты». Позднее Livland вообще именовалась русскими «Лифляндией» (собственно Livland без Эстляндии и Курляндии) или латинским названием «Ливония»¹⁶⁶ (Livland в широком смысле, вместе с Эстляндией и Курляндией)¹⁶⁷. Латинизированное название страны «Ливония» встречается в составленных на латинском языке хрониках и грамотах¹⁶⁸, а также у современника Халкокондила Ласкариса Канана (Λαβονία)¹⁶⁹. Когда в 1660 г. по Оливскому миру Польша удалось удержать за собой меньшую часть Лифляндии, нынешнюю Латгалию, эта область получила название «województwo Inflantskie», а позднее (в 1677 г.) — «księstwo Inflantskie». В период до первой мировой войны из этих земель были образованы «инфлянтские уезды» Витебской губернии¹⁷⁰.

В Лифляндии (или Ливонии), говорит Халкокондил, бросают якорь корабли из Дании и Германии, они привозят в эту страну английские и французские товары. Это сообщение представляет собой интересный

¹⁶² V. Gressu. Op. cit., S. 92, Anm. 1. Ф. Граблер же (op. cit., S. 31), напротив, принимает как поправку Э. Дарко Ἰνφλάντη, так и толкование «Лифляндия».

¹⁶³ БСЭ, т. 18, стр. 328, ст. «Инфлянты»; ср. также «Энциклопедический словарь», т. 25. СПб., 1894, стр. 287, ст. «Инфлянты»; «Wielka Ilustrowana Encyklopedia», Powszechna, t. 6. Kraków [s. d.], str. 282, s. v. Inflanty; «Słownik języka polskiego», przez M. S. B. Linde, t. 2. Lwów, 1855, str. 206, s. v. Inflancyk, Inflanty; str. 650, s. v. Liwonia; «Vollständiges Handwörterbuch der deutschen und polnischen Sprache», Bd. 1, 2. Aufl. Wien, 1911, S. 360.

¹⁶⁴ См., например, ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 2, 5; «Повесть временных лет», ч. I. М.—Л., 1950, стр. 10, 13; ср. также БСЭ, т. 25, стр. 105, ст. «Ливы».

¹⁶⁵ Цит. по «Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch», Bd. 8, S. 423, Anm. 2.

¹⁶⁶ БСЭ, т. 25, стр. 102, ст. «Ливония»; стр. 292, ст. «Лифляндия»; «Энциклопедический словарь», т. 34. СПб., 1896, стр. 654—657, ст. «Ливония»; стр. 841—847, ст. «Лифляндская губерния». По-латышски «ливь»—libietis (K. Mühlenbachs. Lettisch-deutsches Wörterbuch, redigiert, ergänzt und abgeschlossen von J. Endzeiin, Bd. 2. Riga, 1925—1927, S. 476). Лифляндия по-латышски называется ныне Vidzeme, из vidus zeme — «внутренняя страна»; ср. K. Mühlenbachs. Op. cit., Bd. 4, Riga, 1929—1932, S. 581; по-эстонски — liivlane; по-фински liiviläinen. Лифляндия по-эстонски — Liivimaa, по-фински — Liivimaa (A. E. Graf. Estnisch-deutsches Wörterbuch. Tartu, 1937, S. 240; Pekka Kataara. Finnisch-deutsches Wörterbuch, 2. Aufl. Helsinki, 1939, S. 314).

¹⁶⁷ Ср. V. Lundström. Op. cit., S. 27.

¹⁶⁸ Ср., например, «Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch», Bd., 8; S. 636, №. 1026.

¹⁶⁹ Laskaris Kananos', ed. V. Lundström (см. выше, стр., 70 прим. 148), p. 15.28 сл. Рукописная традиция, правда, дает λαβονία, но еще С. Лампрос сделал исправление на Λαβονία (ср. V. Lundström. Op. cit., S. 27).

¹⁷⁰ «Энциклопедический словарь», т. 25, стр. 287; L. Arbusow. Grundriß der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 4. Aufl. Riga, 1918, S. 230, 288 (Anm. 2).

отклик в далекой Греции на торговлю немецкой Ганзы и Дании. Основываясь на том, что для Лифляндии использовано польское название, я полагаю, что Халкокондил получил эти сведения прямо или опосредствованно от устного польского источника¹⁷¹.

О ВАДОНСКОЙ СТРАНЕ

После этих сообщений о Новгороде и Лифляндии следует указание на расстояние от Дона до «Бретанского океана» и до «страны кельтов», т. е. до Северного моря и Франции: ἀπὸ μὲν οὖν Ταναΐδος ἐς ὠκεανὸν τὸν Βρετανικὸν καὶ ἐπὶ τὴν Κελτῶν χώραν εἴη ἂν ὁδὸς τὸ μακρότατον ἡμερῶν πέντε καὶ τριάκοντα τὸ οἰκούμενον ἐπὶ μῆκος (I, 122.24—123.3) — «нуть же от Танаиса (Дона) до Бретанского океана (Северного моря) и до страны кельтов (Франции) может занять, пожалуй, самое большее 35 дней, вдоль по обитаемой местности». Я не берусь решать, почерпнул ли Халкокондил эти сведения из более старых письменных источников или же они основаны на его собственных расчетах; может быть, он пользовался при этом картой. У Геродота, Страбона и Клавдия Птолемея я не нашел соответствующего указания. Геродот, которому Халкокондил подражает по форме изложения¹⁷², вообще еще не упоминает о Британских островах.

Далее в порядке противопоставления говорится: ἐπὶ πλάτος δὲ τὸ μὲν ὑπὲρ τὸν Ταναΐν χώραν εἶναι¹⁷³ μεγίστην, ἀπὸ Σαρματίας ἔσται ἐπὶ τὴν Ἀσσυρίων χώραν. Σκιδάει νέμονται τήνδε. ἔστι μὲν οὖν, ὡς ἔμοιγε καταφαίνεται, τὰ ὑπὲρ τὸν Ταναΐν χώρα μεγίστη δὴ τῶν ἐν τῇ Εὐρώπῃ κατ' ἄμφω, μῆκος τε δὴ καὶ πλάτος ἐπὶ μήκιστον διήκουσα (I, 123.3—8) — «но по своей ширине территория по ту сторону Дона является громадной страной; она простирается от Сарматии (России) до страны ассирийцев. Ее населяют^{173a} скифы (т. е. татарские племена). Вообще же, как мне кажется¹⁷⁴, территория по ту сторону Дона является самой большой страной в Европе¹⁷⁵: как по длине, так и по ширине она имеет наибольшую протяженность».

Название «страна ассирийцев» требует объяснения. Что именно подразумевал Халкокондил под «страной ассирийцев», показывают другие места в его сочинении. В одном месте (I, 156.8 сл.) говорится о тимуриде Јυγῖ (Τζοκίης)¹⁷⁶: ἐν τῇ Ταβρέζῃ πόλει εὐδαίμωνι Ἀσσυρίων τὰ βασίλεια ποιησάμενος — «после того, как сделал своей столицей Тавриз, богатый город ассирийцев». Вскоре после этого (I, 157.1 сл.) Халкокондил сообщает о том, что персы οἰκοῦσι τε Ταβρέζῃν τε καὶ Καγινὸν καὶ Νιγητίην, πόλεις εὐ-

¹⁷¹ См. ниже, стр. 92. Больше сведений о Ливонии и Северной Европе мы находим у современника Халкокондила Ласкариса, который называет в Ливонии (Лифляндии в широком смысле) города Ригу (Ρήγα) и Ревель (Ρηβούλε) (р. 15. 28—16.34, ed. V. Lundström) и далее, кроме Дании (Δατία), упоминает также Швецию (Σουήτζια), Норвегию (Νορβεγία) и даже Исландию (Ἰσλάντη) (р. 15.13—27; 16.43—17.57). Тот факт, что Халкокондил вообще не упоминает о соседней с Руссией Швеции, не является столь уж удивительным, так как с 1397 г. по Кальмарской унии она была династически связана с Данией; кроме того, граница между Швецией и Новгородом проходила на дальнем севере (Финляндия).

¹⁷² Ср. места, приведенные в кн.: J. E. Powell. Op. cit., p. 259, s. v. ὁδός, 3.

¹⁷³ Анаколуп, который часто встречается у Халкокондила в подражание стилю Фукидида [Ср. W. Lüdtke. Untersuchungen zum Satzbau des Thukydides. Phil. Diss. Kiel. Altona, 1930, S. 29—31; E. Daskó. Op. cit., t. II, p. 355 (Index grammaticus)].

^{173a} Ср., например, Herod., IV, 177 (о других местах см. J. E. Powell. Op. cit., p. 230, s. v. νέμω 5. med.)

¹⁷⁴ Ср., например, Herod., I, 58.

¹⁷⁵ Ср. Chalc., I, 66. 1—3: ἔσται δὲ γένος τοῦτο (sc. οἱ Γερμανοί)... μετὰ γε Σκιδῶν τῶν νομάων δεύτερον; ср. также Herod., III, 94; V, 3.

¹⁷⁶ См. Gy. Moravcsik. Op. cit., II, S. 314, s. v. Τζοκίης.

δαίμονας τῶν Μήδων καὶ Ἀσσυρίων χώρας — «населяют Тавриз¹⁷⁷ (Кацвин) (?) и Нахичевань (?), богатые города Мидии и Ассирии». Немного далее Халкокондил говорит (I, 157.7—9) о Jihān-šāh (Τζανισᾶς), князе карахоюну¹⁷⁸: Ἀσσυρίων τὴν χώραν καταστρεφόμενος Ταβρέζην τε ἐαυτῷ ὑπηγάγετο — «он покорил страну ассирийцев и подчинил себе Тавриз». Это место показывает, что под «страной ассирийцев» Халкокондил понимал не только страну древних ассирийцев, но и область вокруг Тавриза, т. е. Азербайджан.

По его мнению, самой большой страной Европы является, таким образом, страна, расположенная к северу от Кавказа — Северный Кавказ и примыкающие к нему с севера и востока территории. Эту страну населяют «скифы», т. е. татары. Еще и ныне как к северу, так и к югу от Кавказа имеется ряд тюркско-татарских народов, как, например, собственно татары, башкиры, казахи-киргизы, ногайцы, кумыки, карачаевцы, балкары и азербайджанцы. В XV в. территория, о которой идет речь, была, вероятно, еще больше, чем ныне, заселена тюркско-татарскими племенами. Важно также отметить, что Халкокондил относит эту область к Европе; в этом отношении он следует за Геродотом¹⁷⁹, который считал границей между Европой и Азией не Дон, как полагали, например, Страбон и Клавдий Птолемей¹⁸⁰, а Фасис, нынешний Рион, который впадает в Черное море к северу от Батуми.

О ПЕРМЯКАХ

После этих указаний о странах, расположенных к югу и востоку от России, следуют сообщения о финско-угорском народе пермь¹⁸¹, живущем на северо-востоке нынешней европейской части России: Πέρμιοι δὲ οἰκοῦσι τὸ πρὸς βορρᾶν ὑπὲρ τοὺς Σαρμάτας, ὄμοροι δὲ εἰσι Σαρματῶν, καὶ φωνὴν τὴν αὐτὴν ἔχουσι οἱ Σαρμάται τοῖς Περμίοις. Λέγεται δὲ περὶ Περμίων τάδε, ὡς ἔστι γένος ἀπὸ ἄγρας τὸ πλέον τοῦ βίου σφίσι ποιοῦμενον καί... (I, 123.9—12) — «Пермяки же населяют область к северу от русских, они являются соседями русских, и русские говорят на том же языке, что и пермяки. О пермяках говорят, что они являются племенем, которое большую часть средств к существованию добывает охотой и...»¹⁸². Как показывают некоторые рукописи и слово καί в конце, следует констатировать, что здесь был оставлен пробел, в котором должны были сообщаться сведения о пермяках. Халкокондил, очевидно, умер до того, как окончательно отшлифовал свой труд и смог заполнить еще остающиеся пробелы¹⁸³.

Халкокондил, таким образом, сообщает о пермяках, что они говорят на том же языке, что и русские, или, вернее, что русские говорят на

¹⁷⁷ См. E. Darkó. Op. cit., t. II, p. 337 (Index historicus), s. v. Ταβρέζης, Ταβρέζη.

¹⁷⁸ См. Gy. Moravcsik. Op. cit., II, p. 308, s. v. Τζανισᾶς.

¹⁷⁹ Heród., IV, 45; Прокопий (Procopius. De bello Gothico, IV, 2.28; 6.1 sq.; De aedificiis, VI, 1.7 sq.) также считает границей между Европой и Азией Фасис, а не Танаис. Ср. также Agathemegus, I, 3 («Geographi Graeci minores», e codicibus recognovit Carolus Müller, vol. II. Parisiis, 1861, p. 472. 1—6): «Ὅροι ἡπειρῶν... Ἀσία δὲ καὶ Εὐρώπης οἱ μὲν ἀρχαῖοι Φάσιν ποταμὸν..., οἱ δὲ ὕστερον (νεώτεροι)... Τανάιν ποταμὸν». См. по этому вопросу RE, 1. Reihe, Hlbbd. 38, col. 1188, s. v. Phasis (6) (E. Diel); RE, 2. Reihe, Hlbbd. 8, col. 2165 f., s. v. Tanais (Der Tanais als Grenze) (Hermann).

¹⁸⁰ Ср. Strabo, I, 4.7; VII, 4.5; XI, 1.1; 1.5; 2.1; 7.4; Ptolem., Geograph., V, 9.1; VII, 5.6; VIII, 10.2.

¹⁸¹ Ср. Gy. Moravcsik. Op. cit., I, p. 395; II, p. 251, s. v. Πέρμιοι.

¹⁸² См. критический аппарат к этому месту в издании Э. Дарко.

¹⁸³ См. E. Darkó. Op. cit., p. XII. Ср. также Gy. Moravcsik. Op. cit., I, p. 392.

том же языке, что и они. Пермяки, под которыми следует понимать зырян (собственное название коми) в Северо-Восточной Руси и которые ныне живут главным образом в Коми АССР и в Коми-Пермяцком национальном округе, являются, как я уже указывал, финно-угорским народом, и их родным языком, конечно, является не русский. Вместе с вотяками (или удмуртами) они принадлежат к пермяцкой группе финских народов¹⁸⁴. В отношении языка они впервые отделились от вотяков после 800 г. н. э., как показывают общие заимствования пермских языков из языка волжских болгар, предшественника нынешнего чувашского языка. Именно в тот период, когда происходили эти заимствования, еще не разделившиеся пермяки должны были обитать на Каме к северу и северо-востоку от Казани. Позднее, с постепенным переселением зырян, единые прежде пермяки разделились. Уже в IX в. н. э. зыряне, следуя по течению рек Камы, Печоры, Вычегды и Северной Двины, должны были достигнуть района близ Белого моря, поскольку к этому времени относятся сообщения англосакса Отера (Othere), который упоминает о живущих там «беормах» (Beormas)¹⁸⁵. Эти сведения были сообщены ему викинггами, которые, как известно, расширили свои экспедиции вплоть до этих мест; в древненорманском языке название пермяков дошло до нас в форме *Bjarmar*¹⁸⁶. На основе изучения топонимики мы можем проследить область распространения пермяков: на севере пермские названия местностей доходят до района Архангельска и Онеги (расположенной у устья одноименной реки), на западе — до Онежского озера, Белого озера и далее за Вологду, на юге — до района к северу от Верхней Волги между Горьким (ранее Нижний Новгород) и Казанью¹⁸⁷.

Из несторовской летописи мы знаем также их название — «пермь» (ПСРЛ, т. I, стр. 2, 5). В более поздних русских летописях область, расположенная к западу от Урала, по рекам Каме, Вычегде и Печоре, обозначается как Пермская земля¹⁸⁸. Еще в XI—XII вв. новгородцы обложили пермяков данью. С XIII в. Пермская земля постоянно упоминается среди волостей Новгорода; так назывались удаленные от Новгорода области, которые не принадлежали к старым новгородским пятинам, а были приобретены лишь позднее¹⁸⁹. Во второй половине XIV в. жители страны были обращены в христианство Стефаном Пермским; к этому же периоду относится начало русской колонизации. Еще в XIV в. здесь начало усиливаться влияние Москвы, а в 1472 г. пермяки окончательно были включены в состав Московского государства¹⁹⁰.

Ошибку Халкокондила в сообщении, что пермяки и русские говорят на одном и том же языке, можно объяснить тем, что к тому времени,

¹⁸⁴ Об этом и последующем см. M. Vasmer. Beiträge..., IV: Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permier in Nordrußland. «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse, 1936, S. 257—261; Очерки. IX—XV вв., ч. I, стр. 734—738; ч. II, стр. 455—461.

¹⁸⁵ См. M. Förster. Altenglisches Lesebuch. Heidelberg, 1921, S. 37.

¹⁸⁶ Ср. J. Fritzner. Ordbog over det gamle norske Sprog, t. I. Oslo, 1954, p. 144. s. v. *bjarmar*.

¹⁸⁷ См. M. Vasmer. Beiträge..., IV, S. 257 f.; idem. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Rußlands, S. 31.

¹⁸⁸ Ср. БСЭ, т. 32, стр. 511, ст. «Пермская земля».

¹⁸⁹ См. В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 57; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 119; V. Gittermann. Op. cit., Bd. 1, S. 108; Очерки. IX—XV вв., ч. I, стр. 735.

¹⁹⁰ См. В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 112; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 163, 179, 211, 215; J. Kulischer. Russische Wirtschaftsgeschichte, Bd. 1. Jena, 1925 (Handbuch der Wirtschaftsgeschichte, hrsg. v. G. Brodnitz), S. 162, 168; V. Gittermann. Op. cit., Bd. 1, S. 141; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 455—459; БСЭ, т. 32, стр. 511.

к которому относятся известия Халкокондила, пермяки уже в течение длительного времени находились под властью Новгорода и, следовательно, русское влияние благодаря торговле, колонизации и христианизации уже широко распространилось среди них¹⁹¹. Впрочем, к югу от этой области была расположена Вятка (Хлынов, нынешний Киров), которая была весьма значительной колонией Новгорода¹⁹². Сообщение Халкокондила о языке пермяков следует понимать так же, как и место о языке пруссов, о чем речь пойдет дальше.

То, что пермяки жили охотой, является понятным, так как большая часть их страны была покрыта тайгой и мало пригодна для сельского хозяйства. Дорогие меха, которые поставляли Пермь и другие северные области, пользовались большим спросом на новгородском рынке¹⁹³.

Пермяки наряду с двумя другими финно-угорскими народами, мордвой и мещерой, упоминаются также другим византийским писателем XV в., а именно учителем Лаоника Халкокондила знаменитым Георгием Гемистом Плифоном, в географическом трактате, содержащем поправки к сочинению Страбона *Γεωγραφικά*¹⁹⁴. Здесь также сообщается о пермяках, что они добывают себе средства к существованию охотой: ἔθνος ἄβιον Περμίου καλοῦμένους ἀπὸ θήρας μόνης ζῶντας (гл. 6, стр. 444 в издании О. Диллера) — «бедный народ, называющийся пермяками и живущий исключительно охотой». Моравчик в одной из своих статей, специально посвященной исследованию 6-й главы географического трактата Плифона, пришел к выводу, что Халкокондил, вероятно, почерпнул свои сведения о пермяках из сообщений своего учителя Плифона, если только оба они не использовали один и тот же источник. Характерно, однако, что в сочинении Плифона нет имеющегося у Халкокондила указания, что пермяки и русские говорят на одном и том же языке. Это, как мне представляется, скорее указывает на то, что оба они пользовались общим источником, если только не предположить, что сам Халкокондил не читал трактата Плифона, а основывался лишь на устном указании своего учителя, который в своем письменном трактате ничего не сообщает о языке пермяков. С другой стороны, возможно, что Халкокондил заимствовал сообщение о языке пермяков из другого источника. По мнению Моравчика, источником Плифона является флорентийский географ Паоло Тосканелли (1397—1482)¹⁹⁵, на которого под именем Παῦλος ὁ Φλωρεντίνος Плифон действительно ссылается как на авторитет, правда, не в 6-й, а в предшествующей, 5-й главе, где вносятся коррективы в сообщения Страбона о географическом облике Северной Европы.

¹⁹¹ Ср. K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 98.

¹⁹² В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 99; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 119, 179, 201, 245; V. Gittermann. Op. cit., Bd. 1, S. 140.

¹⁹³ См. P. Johansen. Op. cit., S. 130, 133. Ср. также L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922 (Hanseatische Geschichtsquellen, N. F., Bd. 5), S. 248—259; J. Kulischer. Russische Wirtschaftsgeschichte, Bd. 1, S. 148 f., 155; idem. Allgemeine Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters und der Neuzeit, Bd. 1: Das Mittelalter. 2. unveränderte Aufl. München, 1958, S. 261f.; B. Schier. Wege und Formen des ältesten Pelzhandels in Europa. «Archiv für Pelzkunde», Bd. 1, 1951, S. 37f., 45—59, особенно 45. См. также Очерки. IX—XV вв., ч. I, стр. 735 сл.; V. Gittermann. Op. cit., Bd. 1, S. 109; O. Brunner. Op. cit., S. 11.

¹⁹⁴ Последнее издание труда Плифона было осуществлено О. Диллером (A. Diller. A Geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho. «Isis», vol. 27, 1937, p. 441—451; текст — на стр. 442—446, анализ — на стр. 446—451); более старое издание — J. A. Goezius, in: «Anecdota Graeca». Norimbergae, 1798, p. 90—96. Название Πέρμιοι встречается в гл. 6 (стр. 444) и Περμία χώρα — в гл. 9 (стр. 445). Ср. Gy. Moravcsik. Op. cit., I, S. 478; II, S. 251, s. v. Πέρμιοι.

¹⁹⁵ Gy. Moravcsik. A bizánci Plethon a finnugor népekről. «Magyar Nyelv», vol. 41, 1945, p. 65—71, особенно p. 69 sq.

О ПРУССИИ И О БОРЬБЕ ПРОТИВ «ВАРВАРОВ»

Далее Халкокондил говорит о ряде других восточноевропейских народов и в заключение вновь обращается к русским. На этих известиях я остановлюсь несколько более кратко. Сначала речь идет о *Προουσία*: «Ἦ μέντοι πρὸς ὠκεανὸν διήκουσα Σαρματία ἐπὶ Προουσίαν καλουμένην χώραν διήκει καὶ ἐπὶ τοὺς ταύτη λευκοφόρους Ναζηραίους καὶ ἱερὰν τὸ ἐν τῆδε τῇ χώρᾳ. δοκοῦσι δὲ γένος τοῦτο εἶναι Γερμανοί, καὶ φωνῇ τῇ αὐτῶν ἐκείνων προσχρώμενοι καὶ διαίτη (I, 123.13—17) — «Прилегающая же к океану (т. е. к Балтийскому морю) [часть] России простирается до страны, называющейся Пруссией¹⁹⁶, — до живущих там назарейцев, одевающихся в белое, и до религиозного ордена в этой стране. Этот народ кажется немцами, у него тот же язык и образ жизни, что у немцев».

Совершенно очевидно, что здесь речь идет о Тевтонском ордене. Известно, что одеждой членов этого ордена был белый плащ с черным крестом, как нам точно описал современник Халкокондила Ласкарис (р. 16. 32—34, ed. V. Lundström). Ветхозаветное название *Ναζηραῖοι* для монахов¹⁹⁷ встречается, впрочем, и у Халкокондила¹⁹⁸, и у других византийских авторов с давних времен¹⁹⁹; например, еще в XIV в. это название употребляет Никифор Григора²⁰⁰.

Когда Халкокондил говорит, что прилегающая к «океану» часть России, в том числе республика Новгород²⁰¹, простирается вплоть до «Пруссии», то мы должны понимать под «Пруссией» все государство ордена — как собственно «Пруссию», так и Ливонию — территорию объединившегося в 1237 г. с Тевтонским орденом ордена Меченосцев, который с того времени принял одежду и устав Тевтонского ордена²⁰², так как собственно Пруссия не граничила с Россией и даже с Новгородской Русью. В этой связи следует отметить, что новгородская улица, которая вела к ливляндской столице Риге, называлась «Прусской улицей»²⁰³.

Поскольку Халкокондил говорит о высшем слое «пруссков», т. е. об орденских рыцарях, его указание, что они говорят по-немецки, вполне понятно: его следует понимать так же, как и сообщение о том, что пермяки говорят по-русски. Разговорным языком коранного населения был тогда, конечно, не немецкий язык. Язык древних пруссов, принадлежащий к балтийской ветви индоевропейских языков, исчез²⁰⁴ спустя

¹⁹⁶ Здесь также можно усматривать различие между *πρὸς* и *ἐπὶ* (ср. выше, стр. 72).

¹⁹⁷ См. «Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche», Bd. 13. Leipzig, 1903, S. 653—655, s. v. Nasiräat; «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», Bd. 4. Tübingen, 1930, S. 416 f., s. v. Nasiräer. Ср. также F. Grabler. Op. cit., S. 91, Anm. 39; Carolus du Fresne du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis. Lugduni, 1688, p. 983 sq., s. v. *Ναζηραῖος*.

¹⁹⁸ Ср. Chalc., I, 34.6; 46.4 sq.; 91.7; 12; 13; 15; 193.23; 194.2; II, 17.20; 56.11; 75.10; 78.21; 121.18; 122.7; 162.8; 180.17.

¹⁹⁹ См. C. du Cange. Op. cit., p. 983 sq.

²⁰⁰ Nicephori Gregorae Byzantina historia, cura L. Schopeni, vol. II. Bonnae, 1830, p. 896.21 (см. прим. Boivinus на стр. 1294: τῶν *Ναζηραίων*): «Nominum scilicet, qui austeriorem vitae disciplinam professi sunt». Ср. также Niceph. Greg., vol. III. Bonnae, 1855, p. 513.11.

²⁰¹ См. выше. стр. 63 и 67 сл.

²⁰² См. L. Arbusow. Op. cit., S. 41f. K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 115; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 827.

²⁰³ См. P. Johansen. Op. cit., S. 129; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 75, 180.

²⁰⁴ E. Fraenkel. Die baltischen Sprachen. Heidelberg, 1950, S. 24; W. K. Matthews. Op. cit., S. 128; J. Endzelin. Altpreußische Grammatik. Riga, 1944, S. 11 f.

долгое время после Халкокондила, примерно около 1700 г.; латышский же и эстонский языки существуют и поныне, а на ливском языке также еще говорят в некоторых деревнях вокруг мыса Колкасраг (Domesnäs) на крайнем севере Курляндии²⁰⁵.

Далее речь идет об очень красивых и весьма благоустроенных городах в орденских землях (πόλεις περικαλλεῖς καὶ εὐνομούμενας ἐς τὸ κράτιστον) (I, 123.17 сл.), под которым подразумеваются Данциг, Кенигсберг, Рига, Ревель и т. д.²⁰⁶

Из последующего текста ясно видно, что именно понимает Халкокондил под названием βάρβαροι (I, 123.18—124.3). Он сравнивает Тевтонский рыцарский орден (ἱερόν) с подобными институтами в Испании и на Родосе (τὸ ἐν Ἰβηρίᾳ ἱερόν... καὶ ἐν τῇ Ῥόδῳ ἐνοικοῦν Ναζαρηαίων γένος²⁰⁷, т. е., как я полагаю, с военным орденом Сант-Яго испанской реконкисты²⁰⁸ и с орденом Иоаннитов (Госпитальеров) на Родосе, а затем говорит: ταῦτα γὰρ δὴ τὰ τρία ἱερά ἀνά τὴν οἰκουμένην, ἐς τὴν τοῦ Ἰησοῦ θρησκείαν ἐπὶ τοὺς βαρβάρους φηκμένα δὴ καταφανῆ ἐστί, τὸ τε ἐν Ἰβηρίᾳ πρὸς τοὺς ταύτη τῶν Λιβύων διαβάντας, καὶ Προυσίων πρὸς τε τοὺς Σαρῶτας καὶ Σκυθῶν τοὺς νομάδας²⁰⁹, αὐτοῦ ταύτη ἀγχοῦ τὸ παλαιὸν φηκισμένους, καὶ Ῥοδίων δὲ πρὸς τοὺς ἐν Αἰγύπτῳ τε καὶ Παλαιστίνῃ διὰ τὸν τοῦ Ἰησοῦ τάφον καὶ πρὸς τοὺς ἐν Ἀσίᾳ βαρβάρους (I, 123.19—124.3) — «назначение этих трех орденов явно состоит в том, чтобы сражаться за христианскую веру против варваров (т. е. нехристиан) в различных частях ойкумены, а именно: [орден] в Испании против пришельцев из Африки (т. е. мавров)²¹⁰, прусский орден — против жмуудинов (т. е. язычников — нижних литов-

²⁰⁵ БСЭ, т. 25, стр. 105, ст. «Ливский язык» и «Ливы»: в 1949 г. их было еще около 1000 чел.; L. Hakulinen. Op. cit. S. 1: «существует еще около 800 ливов»; W. K. Matthews. Op. cit., S. 131, Anm. 26; S. 135, Anm. 44. Ср. также L. Arbusow. Op. cit., S. 4; L. Posti. Grundzüge der livischen Lautgeschichte. Helsinki, 1942 (= «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», t. 85), p. XIV f.

²⁰⁶ Ср. Laskaris Kananos, p. 15.28—16.37 (ed. V. Lundström).

²⁰⁷ Chalc., I, 123.18 sq.; ср. I, 91.7; 12; 13; 15.

²⁰⁸ В другом месте (II, 51. 9 sq.) Халкокондил также, возможно, говорит об этом ордене: ἐν τούτῳ (sc. ἐν Ἰβηρίᾳ) δ' ἐστὶ τὸ τοῦ Ἰακώβου ἱερόν, если только здесь не идет речь о знаменитом месте паломничества Сант-Яго де Компостела в Галисии (с могилой святого Якова), для защиты которого был основан рыцарский орден Сант-Яго (называвшийся также орденом Сант-Яго де Компостела) (ср. E. Dargkó. Op. cit., t. II, p. 318, Index historicus), s. v. Ἰακώβου ἱερόν); ср. Chalc., II, 51.15—17: καὶ ἱερόν δὲ τοῦ Ἰακώβου ἐν ταύτῃ τῇ χώρᾳ (sc. ἐν Ἰβηρίᾳ) ἐστὶ παρὰ τὸν ὠκεανὸν καὶ τὴν ἐκτὸς θάλασσαν. Иезуиты могут, конечно, не согласиться с τὸ ἐν Ἰβηρίᾳ ἱερόν в данном месте, как предлагает В. Греку (V. Grecu. Op. cit., S. 92, n. 5), поскольку их орден, как известно, был основан Игнатием Лойолой только в 1534 г. и предпосылкой его создания явилась реформация (1517 г.). Кроме рыцарского ордена Сант-Яго, речь здесь может идти также о других рыцарских орденах испанской реконкисты — таких, как ордена Алькантары и Калатравы, которые проявили себя во время борьбы с маврами; Халкокондил мог также подразумевать совокупность этих испанских орденов. Ср. «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», 2. Aufl., Bd. 1. Tübingen, 1927, S. 1715, s. v. Compostela; ibid., Bd. 4, 1930, S. 2055, s. v. Ritterorden; ibid., Bd. 5, 1931, S. 670, s. v. Spanien; 3. Aufl., Bd. 1. Tübingen, 1957, Sp. 1857, s. v. Compostela; Bd. 5, 1961, Sp. 1124, s. v. Ritterorden; «Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche», Bd. I. Leipzig, 1896, S. 324, s. v. Alcántara — Orden; ibid., Bd. 3. 1897, S. 639 f., s. v. Calatrava; ibid., Bd. 4. 1898, S. 261, s. v. Compostela; «Lexikon für Theologie und Kirche», Bd. 1. Freiburg in Breisgau, 1930, Sp. 225, s. v. Alcántara; ibid., Bd. 2. 1931, Sp. 699 f., s. v. Calatrava; ibid., Bd. 5. 1933, Sp. 269, s. v. Jakobus der Ältere. Orden von hl. J.; 2. Aufl., Bd. 1. Freiburg, 1957, Sp. 294, s. v. Alcántara; ibid., Bd. 2, 1958, Sp. 878, s. v. Calatrava; Bd. 5, 1960, Sp. 834, s. v. Jakobus der Ältere, Apostel. 3. Orden v. hl. J.

²⁰⁹ См. стр. 54, прим. 30.

²¹⁰ Ср. Chalc., I, 81.18—82.3; II, 54.4—11.

цев)²¹¹ и кочевников татар (Золотой Орды), которые издавна поселились недалеко от них^{211а}, и, наконец, Родосский орден — против [варваров] в Египте и Палестине (т. е. магометан-мамлюков) за гроб господень, а также против варваров в [Малой] Азии (т. е. против турок)²¹². Из того факта, что все эти три ордена являются римско-католическими, а не греко-православными, мы видим, что Халкокондил противопоставляет христиан в их совокупности варварам, нехристианам, и не смотрит свысока как на варваров на еретиков — западных христиан, как это делали многие другие византийцы до него²¹³.

О ЖМУДИНАХ

От «пруссков» Халкокондил переходит к жмудинам, упоминавшимся уже нижним литовцам, и сообщает о них следующее: *Προσίων δὲ ἔχονται Σαρῳται, γένος ἄλιμόν τε καὶ οὐδενὶ τῶν περὶοίκων ἑμοδίαιτον, οὐδὲ ἐμὸργλωσσόν. νομίζει δὲ τοῦτο τὸ γένος θεοῦς Ἀπόλλω τε καὶ Ἄρτεμιν· διαίτη δὲ χρῶνται τῇ πάλαι Ἑλληνικῇ καὶ ἤθεσι, σκευῇ δὲ τῇ Προσίων παραπλησίᾳ* (I.124.4—7) — «С пруссами граничат²¹⁴ жмудины, воинственное (ср. Herod., I, 201) племя, которое по своему образу жизни и языку не похоже ни на один из живущих вокруг народов. Это племя почитает в качестве богов Аполлона и Артемиду; их обычаи и образ жизни подобны древнегреческим, но своей одеждой они походят на пруссов».

Жмудины (нем. Schamaiten, Schemaiten, Schmuden, Samogiter), или нижние литовцы, жили между Неманом (нем. Memel) и Невяжей (литовск. Nevežis)²¹⁵. По-литовски они называются Žemaičiai²¹⁶ — от žemas — «низкий»²¹⁷; в составленных на немецком языке ливонских документах они называются преимущественно самогитами (Samaiten) и,

²¹¹ Ср. ниже, стр. 80, где речь идет о посвященном им месте у Халкокондила (I, 124.4—7).

^{211а} Здесь снова имеет место явная контаминация настоящих иранских скифов античности с татарами Золотой Орды, названными в архаизированной манере «скифами»; см. выше, стр. 52, прим. 9.

²¹² Утверждение Е. Б. Веселаго (указ. соч., стр. 47), что Халкокондил никогда не называет турок «варварами», является также неверным (ср. Chalc., I, 6.19; 8.3; 19.16; 20.23; 21.8; 13 sq.; 26.16; 35.8; 58.16; 59.1; 69.16; 70.13; 73.14; 77.18; 79.6; 124.3; 189.15; 23; 190.6; 10; II, 69.3; 88.6; 106.1—2; 159.6; 22; 167.1 sq.; 169.7; 180.23; 190.24; 191.4; 10; 12; 219.6 (Akkoynlu); 290.15; 295.3; 6; 19; 297.7; 10; 18). О мире варваров по сообщением Халкокондила и трех других историков его времени в ближайшее время появится моя статья «Βάρβαροι, Ἕλληνες und Ῥωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern». С другой стороны, Халкокондил избегает таких выражений, как Ἀρῆνοι (см., например, Chron. maius, I, 8.8; 36.4; 42.3; 56.25; 100.11; 15; 101.12; 103.22; 104.6; 106.16; 108.20; 109.14; 110.2 P; p. 250.2; 277.14; 278.5; 281.20; 283.3; 303.20; 22; 307.14; 319.9; 21 B), уже потому, что он, как автор, любящий архаизировать, употребляет по возможности только классические названия и выражения.

²¹³ См. K. Lechner. Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner. Die alten Bezeichnungen als Ausdruck eines neuen Kulturbewußtseins. Phil. Diss. München, 1954, S. 105 f., а также S. 88, 95, 124, 128.

²¹⁴ См. E. Darkó. Neue Emendationsvorschläge zu Laonikos Chalkokondyles. BZ, Bd. 32, 1932, S. 4: ἔχουσι τινος в значении: «находиться близ кого-либо», «жить по соседству» — употребляется Лаоником очень часто (ср. I, 125.3: Πολάνων δὲ ἔχονται Λιτοῦάνοι; I, 124.4: Προσίων δὲ ἔχονται Σαρῳται и т. д.). Ср. также, например, Herod., V, 49: Φρυγῶν δὲ ἔχονται Καππαδόχαι. Особенно часто ἔχουσι связывается с родительным падежом в этом значении в эвксурсе Геродота о Ливии: IV, 169—172, 176, 178, 180.

²¹⁵ W. K. Matthews. Op. cit., p. 129 sq.

²¹⁶ См. A. Lalis. A Dictionary of the Lithuanian and English Languages, P. 1: Lithuanian — English. 3. ed. Milwaukee (s. a.), p. 431, s. v. Žemaitis.

²¹⁷ A. Busch, T. Chomskas. Litauisch-deutsches Wörterbuch für den Hand- und Schulgebrauch, 1. Teil. Berlin—Leipzig, 1927, S. 300, s. v. žemas.

подобно этому²¹⁸, в древнерусских летописях — Жомойть и позднее — Жмудь (польск. Żmudź)²¹⁹; в латинизированной форме название их страны звучит Samogitia²²⁰. Вместе с литовцами в узком смысле, или аукштайтами (по-литовски Aukštaičiai²²¹, от aukštas — «верхний»²²²; букв. «верхними литовцами»), а также с латышами, вымершими ныне древними пруссами и вымершими ятвягами (или судавами)²²³ они принадлежали к балтийской ветви индоевропейской группы народов. Так как Халкокондил не знает латышей и в пруссах видит немцев, он мог бы их по языку отнести к собственно литовцам, однако он этого не делает и описывает их как γένος... ὀδδενὶ τῶν περιόικων... ὀμόγλωσσον, подобно тому как описывает далее собственно литовцев (I, 125.10—12)²²⁴.

Интересно, что поскольку одеждой они походят на пруссов, то под последними в этом случае подразумеваются, конечно, не рыцари ордена, а родственное жмудицам коренное население. За область, населенную жмудицами, долгое время шла борьба между великими князьями Литовскими и Тевтонским орденом. После поражения при Грюнвальде (Танненберге) в июне 1410 г. Тевтонский орден должен был отказаться от своих притязаний на Жмудь²²⁵, для захвата которой он приложил очень много усилий с целью ликвидировать клин между прусскими и ливонскими владениями ордена²²⁶.

Жмудь — «единственная область великого княжества Литовского, которая этнографически оставалась чисто литовской и языческой и продолжала быть таковой также и после 1386 г.»²²⁷. После унии Литвы и Польши при Ягеллонах она занимала в составе Литвы особое место: «Здесь сохранилось старое родовое устройство и не было отдельных

²¹⁸ См. «Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch», Bd. 8, S. 653; Bd. 9, S. 685 (ср. Ortsregister, s. v. Samayten).

²¹⁹ БСЭ, т. 16, стр. 55, ст. «Жемайты»; ср. также W. K. Matthews. Op. cit., стр. 129 sq. Польская форма названия Żmudź должна была возникнуть в XIV в. (см. «Wielka Ilustrowana Encyklopedia Powszechna», t. 18. Kraków, s. a., str. 322, s. v. Żmudź).

²²⁰ Ср., например, «Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch», Bd. 8, S. 636, № 1026; ср. также БСЭ, т. 16, стр. 55. Ужютаи у Халкокондила, как мне представляется, ближе всего подходит к этой латинской форме названия.

²²¹ «Wörterbuch der litauischen Schriftsprache». Litauisch-deutsch, bearb. v. M. Niedermann, A. Senn und F. Brender, Bd. 1. Heidelberg, 1932, S. 67, s. v. aukštaitis.

²²² A. Busch, T. Chomskas. Op. cit., Bd. 1, S. 32, s. v. aukštas.

²²³ Об этом см. A. Sjögren. Über die Wohnsitze und Verhältnisse der Jatwägen. St. Peterburg, 1858; G. Gerullis. Zur Sprache der Sudauer-Jatwinger, in: «Festschrift Adalbert Bezzenberger». Göttingen, 1921, S. 44—51; J. A. Humnicki. Jaćwież. Warszawa, 1933.

²²⁴ См. ниже, стр. 85 сл. Сходство языка и взаимную связь обоих племен подчеркивает сам великий князь Витовт в протесте против решения бреславльского рейхстага, выступившего в качестве третейского судьи (1420 г.) [«Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae 1376—1430», collectus opera A. Prochaska. Cracoviae, 1882 (= «Monumenta medii aevi historica», res gestas Poloniae illustrantia, t. VI), p. 467, № 861. Цит. по: J. Pfitzner. Großfürst Witold von Litauen als Staatsmann. Brünn, Prag, Leipzig u. Wien, 1930 (= «Schriften der Philosophischen Fakultät der Deutschen Universität in Prag», Bd. 6), S. 136 f.]

²²⁵ По 1-му Торуньскому миру (1411 г.) — временно (т. е. на время жизни Витовта и Ягайлы) и по Мельнскому договору (1422 г.) — окончательно; см. L. Arbusow. Op. cit., S. 108; J. Pfitzner. Op. cit., S. 131, 138; Th. Schieman. Op. cit., Bd. 1, S. 528 f., 538; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 168; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 543.

²²⁶ См. L. Arbusow. Op. cit., S. 46 f., 105; J. Pfitzner. Op. cit., S. 120—124, особенно S. 123 f.; G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 343 (Anm. 219), 355; ср. также F. Grabler. Op. cit., S. 91 f., Anm. 40.

²²⁷ G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 339., ср. также «Очерки... Конец XV в. — начало XVII в.», стр. 764.

территорий... , но она подчинялась непосредственно великому князю»²²⁸. Только в XVI в. жмудины были полностью обращены в христианство²²⁹; в то время, к которому относятся известия Халкокондила, они еще явно занимали особое место²³⁰; положение изменилось только в XVI в.²³¹

Халкокондил считает жмудинов язычниками, он обозначает их религию как «древнегреческую» и в соответствии с этим приписывает им веру в Аполлона и Артемиду²³².

О ЧЕХАХ (БОГЕМЦАХ)

Язычество жмудинов является также отправным пунктом для известий Халкокондила о другом народе, чехах, которые обозначаются как Βοέριοι (богемцы)²³³. Халкокондил считает чехов соседями жмудинов: Τούτων δὲ ἔχονται Βοέριοι, τῇ τε Σαρωτῶν δόξῃ τιθέμενοι καὶ τῇ²³⁴ Γερμανῶν οἱ ἐν τῇ χώρᾳ ταύτῃ ἐνοικοῦντες, σκευῇ τῇ τῶν Παίωνων παραπλησίᾳ ἐσκευασμένοι (I, 124. 8—10) — «С ними же (т. е. с жмудинами) граничат чехи; жители этой страны²³⁵ исповедуют частью веру жмудинов, частью веру немцев; их одежда похожа на одежду паннонцев» (т. е. венгров)²³⁶. Далее Халкокондил сообщает об их столице Праге (Βράγα οὕτως καλουμένη), которая названа πόλις εὐδαιμών τε καὶ πολυάνθρωπος (I, 124.10—12)²³⁷, и далее продолжает: καὶ πολλοὶ τῆς πόλεως ταύτης οὐ πολὺς χρόνος ἐπεὶ ἐπαύσαντο τῷ πυρὶ καὶ τῷ ἡλίῳ θρησκεύειν. μόνον δὲ τὸ ἔθνος τοῦτο τῶν ἐν

²²⁸ G. Rhode. Op. cit., Bd.1, S. 339; ср. J. Pfitzner. Op. cit., S. 121—123.

²²⁹ «Lexikon für Theologie und Kirche, Bd. 9. Freiburg in Breisgau, 1937, Sp. 156, s. v. Samogitien; «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», 2. Aufl., Bd. 3. Tübingen, 1929, Sp. 1672, s. v. Litauen; Sp. 1674 f., s. v. Litauische Religion; 3. Aufl. Bd. 1. Tübingen, 1957, Sp. 856—859, s. v. Baltische Religion; Th. Schiemanп. Op. cit., Bd. 1, S. 518—534; J. Pfitzner. Op. cit., S. 120, 143, Anm. 1; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 571.

²³⁰ Ср. F. Grabler. Op. cit., S. 91; Anm. 40; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 510, 516, 552; «Очерки... Конец XV в. — начало XVII в.», стр. 751, 755. Ср. также ниже, стр. 84.

²³¹ См. БСЭ, т. 16, стр. 202, ст. «Жмудь»; «Очерки... Конец XV в. — начало XVII в.», стр. 751, 755.

²³² Ср. F. Grabler. Op. cit., S. 92, Anm. 41.

²³³ Чехи (Βοέριοι) иногда именуется Халкокондилем Βοέριοι: I, 65.2; 67.9; 14; 23; II, 35.16; 21; 97.14; 17; 110.5; 7; 180.19; 181.1; 185.22; 186.24; 187.4; 189.8. Но в I, 67.9 (Βοέριους, τοὺς Κεχίους καλουμένους) и II, 35.16 (τοὺς Τζέχους, τοὺς Βοερίους καλουμένους), они обозначаются также употребляемым ими самими названием «чехи» (Κέχιοι или Τζέχιοι).

²³⁴ Ср. критический аппарат к этому месту в издании Э. Дарко.

²³⁵ К. Дитерих (K. Dieterich. Op. cit., Teil 2, S. 106.25—26) относит οἱ... ἐνοικοῦντες только к Γερμανῶν и переводит: «An diese grenzen die Böhmen, die den Glauben der Samogeten und der Deutschen, soweit sie in deren Lande wohnen, angenommen haben» — «С ними граничат чехи, которые приняли веру жмудинов и немцев, поскольку они живут в их (т. е. немцев) стране». Этот перевод я считаю неправильным.

²³⁶ См. Gy. Moravcsik. Op. cit., II, S. 242 f., s. v. Παίονες; idem. Die archaisierenden Namen der Ungarn in Byzanz. BZ, Bd. 30, 1929/30, S. 248 f., 252 f.; E. Dargó. Die auf die Ungarn bezüglichen Volksnamen bei den Byzantinern. BZ, Bd. 21, 1912, S. 474, 484—486. Ср. также H. Ditten. Op. cit., S. 99. Арханизм Παίονες для обозначения венгров, кроме Халкокондила, употребляет, например, Кривоул, часто в связи с арханизмом Δάχες: Παίονες τε καὶ Δάχες (см. выше, стр. 54, прим. 31), однако у Кривоула встречается также Παίονες без Δάχες (Δάχες = жители Трансильвании?); ср. также Chalcs., I, 68.2 sq. Дука же (см. Index nominum et regum, p. 465 в издании В. Греку, s.v. Οὐγγρία, Οὐγγροι, Οὐγγρος) и Георгий Сфрандзи (доказательства см. Gy Moravcsik. Byzantinoturcica, II, S. 223 f., s. v. Οὐγγρία; S. 225—227, s. v. Οὐγγροι), напротив, употребляют современное, неархаичное название.

²³⁷ См. ниже, стр. 86, прим. 268. Другие примеры употребления Βράγα в труде Халкокондила: I, 65.2; II, 180.19; 189.8.

Εὐρώπῃ ἐκτὸς γενόμενον ταῖς ἐγνωσμέναις ἡμῖν ἐν τῷ παρόντι θρησκείαις, τῆς τε τοῦ Ἰησοῦ φημί καὶ τῆς τοῦ Μεχμέτω καὶ Μωσέως. ταύτας γὰρ τοὶ σχεδὸν τι ἴσμεν διακατέχειν τὴν τε ἐγνωσμένην ὡς τὰ πολλὰ ἡμῖν οἰκουμένην (I, 124.12—17) — «и многие жители этого города еще не так давно поклонялись огню и солнцу»²³⁸. Этот народ является единственным в Европе, стоящим вне известных нам в настоящее время религий, т. е. христианства, ислама и иудейства, поскольку эти три религии господствуют, насколько мы знаем, повсюду в известном нам мире». Однако ранее Халкокондил уже назвал язычниками жмудинов, и ему следовало бы сказать τὰ ἔθνη ταῦτα вместо τὸ ἔθνος τοῦτο. Кроме того, ἔστι μέντοι, ἣ πυνθάνομαι, καὶ τὰ ὑπὲρ τὴν Κασπίαν θάλασσαν καὶ τοὺς Μασσαγέτας ἔθνος Ἰνδικόν... ἐς ταύτην τετραμμένον τὴν θρησκείαν τοῦ Ἀπόλλωνος — «однако, насколько мне известно, за Каспийским морем живут еще массагеты, индийский народ, который также придерживается религии Аполлона». Этот народ верит также в θεοὺς ἐτι ἄλλους, Δία τε καὶ Ἦραν — «еще в других богов, а именно в Зевса и Геру», ὡς προΐοντι πρόσω τοῦ λόγου δηλωθήσεται — «как будет изложено позднее» (I, 124.17—22)²³⁹.

Указание, что еще недавно у чехов процветало язычество, могло основываться только на ложном понимании известий о гуситах, как это констатирует Ф. Граблер²⁴⁰ в примечании к своему переводу. Не исключено, конечно, что католики стремились представить еретиков-гуситов как язычников, и Халкокондил, вероятно, почерпнул свои сведения о чехах из подобного источника²⁴¹.

Подобным же образом Халкокондил говорит о язычестве чехов также в других местах своего труда. Так, указав (II, 180.12—21), что папа послал Иоанна Капестрано ἐπὶ τοὺς ἐν Βράγγῃ τῇ μεγάλῃ τῶν Βοερίων πόλει ἐς τὴν τοῦ Ἀπόλλωνος τετραμμένους θρησκείαν, чтобы обратить их в истинную веру, Халкокондил через несколько страниц говорит: ἀφίκετο δὴ (т. е. Капестрано) καὶ ἐς Βοερίους δοκοῦντας αἱρεσι, τὴν τοῦ πυρός θρησκείαν τε ἐς τὰ μάλιστα, καὶ μηδαμοῦ ἐτι συντίθεσθαι τῇ τῶν λοιπῶν ταύτη θρησκείᾳ ἀλλ' ἀλλοίως φρονοῦντας τε καὶ μὴ πειθόμενους τοῖς λοιποῖς ἀνὰ τὴν Βοερίαν ἀδρανῆ (II, 186.23—187.3) — «[Капестрано] приехал также к еретикам-чехам, которые более всего почитали огонь и не имели ничего общего с религией остальных живших там людей, но исповедовали другую веру и не были обращены остальными жителями бездеятельной Богемии»²⁴². Здесь чехи-гуситы, правда, названы не только

²³⁸ См. ниже, стр. 83 сл. и стр. 87, прим. 277. К. Гютербок (K. Güterbock. Laonikos Chalkondyles. «Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht», Bd. 4, 1910, S. 94) считает, что в сообщении Халкокондила об огненпоклонстве у чехов отразилось в искаженном виде применявшееся против гуситов сожжение их как еретиков. Ср. также W. Miller. The Last Athenian Historian: Laonikos Chalkondyles. JHS, vol. 42, 1922, p. 47.

²³⁹ Chalc., I, 153.10 sq.; 14—16. Ср. F. Grabler. Op. cit., S. 92: Anm. 42, который указывает на сходное выражение у Геродота (Herod., I, 5). Таким образом, кроме языческой религии некоторых немногих народов и христианских ересей Передней Азии и Египта (монофелитов, якобитов, манихеев — см. Chalc., I, 132.12—18), Халкокондил знает также иудейскую религию наряду с христианской и мусульманской, на что не обратила внимания Е. В. Веселаго (указ. соч., стр. 48).

²⁴⁰ F. Grabler. Op. cit., S. 92, Anm. 41.

²⁴¹ K. Dieterich. Op. cit., Teil. 2, S. 162.

²⁴² Т. е. «остальными бездеятельными жителями Богемии». При этом переводе (ср. текст, приведенный выше) налицо вид Nupallage adiectivi, однако прилагательное, примыкающее по смыслу к родительному падежу, не относится грамматически к существительному, от которого зависит родительный, но, наоборот, прилагательное, примыкающее по смыслу к существительному, от которого зависит родительный падеж, грамматически относится к этому родительному. рр. H. Menge. Repertorium der lateinischen Syntax und Stilistik, 6. Aufl. Wol-

огнепоклонниками, но также и еретиками. В частности, упоминание об Иоанне Капестрано в обоих приведенных выше местах наряду с клеветой на чехов-гуситов как язычников ясно показывает, что Халкокондил пользовался источником, придерживавшимся католической ориентации²⁴³.

Отождествление божеств других народов с греческими имело, впрочем, место еще у Геродота²⁴⁴ и вслед за ним употреблялось во всей античной литературе²⁴⁵; как солнце- и огнепоклонников характеризует Геродот, например, персов²⁴⁶; как солнцепоклонников — массагетов²⁴⁷.

О ПОЛЯКАХ

Зато о языке чехов Халкокондил, напротив, ничего не говорит, но, с другой стороны, вслед за своими замечаниями о религии чехов он делает краткое сообщение как о языке, так и о религии соседних с русскими поляков²⁴⁸: *Καὶ περὶ μὲν τούτων ταύτη ἐπὶ τούτων εἰρήσθω. Πολᾶνοι²⁴⁹ δὲ ἔχουσι Σαριατῶν, καὶ τῇ φωνῇ τούτων νομίζουσι, καὶ ἤδιστα δὲ καὶ διαίτη τῇ Ῥωμαίων παραπληρία* (I, 124.23 — 125.2) — «И столько можно было бы сказать об этих людях, живущих там!²⁵⁰ Поляки же граничат²⁵¹ с русскими и говорят на том же языке²⁵², но по своим обычаям и по образу жизни они походят на римлян» (т. е. на западные народы римско-католического вероисповедания)²⁵³.

fenbüttel, 1890, S. 140; R. Kühner und B. Gerth. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Satzlehre, Bd. 1, 4. Aufl. Hannover, 1955, S. 263 (§ 402 a), Anm. 2; R. Kühner und C. Stegmann. Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. Satzlehre, Bd. 1, 3. Aufl. Hannover, 1955, S. 220 f. (§ 60).

²⁴³ См. выше, стр. 83.

²⁴⁴ Ср., например, Herod., IV, 59, где говорится о религии скифов.

²⁴⁵ См. F. Grabler. Op. cit., S. 92, Anm. 41.

²⁴⁶ Herod., I, 131, 138; VII, 54. Ср. ниже, стр. 87, прим. 277.

²⁴⁷ Herod., I, 212, 216.

²⁴⁸ Он говорит о них как о соседнем народе, так как между Польским королевством и русскими княжествами находилось тогда Великое княжество Литовское (ср. выше, стр. 55).

²⁴⁹ О названии поляков см. R. Trautmann. Die slavischen Völker und Sprachen, S. 117 f.: «Поляне были жителями обширных плоских равнин, простиравшихся от Одера до Нотце и страны куявов, т. е. вокруг Варты. Название «поляне» было перенесено жившими к западу от них народами (немцами, чехами) также на другие близко родственные им племена. По своему происхождению это название идентично названию восточнославянского племени полян, ср. нижнелужицкое *rólanu* — «жители равнин», полабское *roleini* — «жители полей»...; «поляк» является более поздним образованием с помощью часто используемого суффикса из древнего «полянин» (ср. *Slovák* из *Slověnin*), которое сохранилось в названиях «великополянин» и «малополянин». От названия «поляне» (множественное число) в латинизированной форме появляется *Poloni* и новообразование *Polonia*; немецкие средневековые летописи употребляют форму *Polan*, *Polaner*, *Poleneu* — «поляки». Совсем другое название мы находим в древнерусской летописи: «Словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи ини Мазовшане, ини Поморяне» (ПСРЛ, т. I, стр. 3). Далее у Р. Траутманна говорится (S. 118): «Это название [Lechen] никогда не встречается у западных исторических писателей, когда они говорят о славянах, живущих по Одре и Висле». Примеры употребления названия *Polánoi* у Халкокондила: I, 31.19 sq. (в рукописях *поланίους*); 67.14 (в рукописях *полемίων*); 24; 72.10; 124.23; 125.3; 15 sq.; *Polánoi* — II, 35.18 sq.; 20; *Polavía* — I, 126.4.

²⁵⁰ См. у Граблера (F. Grabler. Op. cit., S. 92; Anm. 42), который привлекает для сравнения Геродота (Herod., VI, 55). Ср. также другое место из труда Геродота (Herod., I, 92), на которое уже указал Э. Дарко (Op. cit., т. II, p. 360, Index grammaticus).

²⁵¹ Ср. выше, стр. 80, прим. 214.

²⁵² Ср. выше, стр. 58.

²⁵³ Ср. выше, стр. 58 сл. о *δίαιτα* и *ἤθη* в связи с религией.

О ЛИТОВЦАХ

От поляков Халкокондил переходит к литовцам: Πολάων δὲ ἔχονται Λιτουάνοι²⁵⁴ ἐπὶ Εὐξεινον πόντον καὶ ἐπὶ Σαρματία καθήκοντες (I, 125.3 сл.) — «С поляками же граничат²⁵⁵ литовцы, живущие [на землях] до Черного моря и до России». Границы Литвы доходили до Черного моря при Витовте (1392—1430)²⁵⁶. О русско-литовских границах я уже говорил выше²⁵⁷; с другой стороны, королевство Польша, которое названо здесь соседом Литвы, с 1386 г. было объединено с Великим княжеством Литовским под властью Ягеллонов Кривской унией, впоследствии неоднократно, впрочем, изменявшейся²⁵⁸. Великий князь Литовский Ягайло стал тогда, как известно, благодаря своему браку с польской королевой Ядвигой королем Польши Владиславом II. Дважды, а именно в 1440 и 1492 гг., этот союз на много лет терял свою силу²⁵⁹, и, вероятно, известия Халкокондила о Польше и Литве относятся к периоду после 1440 г., когда уния была ликвидирована, поскольку он о ней вовсе не упоминает. Напротив, ниже он говорит о борьбе между литовцами и поляками из-за границ²⁶⁰, а о Казимире IV, которого он упоминает дважды²⁶¹, говорит не как о польском короле, а только как о βασιλεὺς Λιτουάων²⁶², как о великом князе Литовском, что вполне соответствует периоду до 1447 г., так как только в этом году Казимир вступил на польский престол, после того как он уже с 1440 г. без признания со стороны поляков был великим князем Литовским²⁶³.

Затем следуют сообщения о Молдавии (μέλαινα Πορδανία), которые, как я уже изложил в другом месте²⁶⁴, представляют собой, по моему мнению, позднейшее дополнение Халкокондила на полях его рукописи. Это дополнение затем было вставлено переписчиком в текст, но не в надлежащем месте²⁶⁵. На мой взгляд, известия о Молдавии больше подходили бы в конце изложения Халкокондила о литовцах, а потому

²⁵⁴ Λιτουάνοι соответствует названию Lituania в написанных по-латыни средневековых источниках; ср., например, G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 356; «Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch», Bd. 8, S. 636, № 1026.

²⁵⁵ См. выше, стр. 80 прим. 214.

²⁵⁶ Ср. G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 334, 354 и особенно S. 378 о расширении территории Литвы вплоть до Черного моря; ср. также R. Bächtold. Op. cit., S. 22 f., 37 f.; J. Pfitzner. Op. cit., S. 150 f., 162 f.; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 537 сл., 544 сл.

²⁵⁷ См. выше, стр. 54 сл., 59—61.

²⁵⁸ Ср. J. Pfitzner. Op. cit., S. 105 f.; 108—110, 113—115; G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 294, 316—325, 339—362; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 166; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 532—535; 538, 543 сл., 547, 553—555.

²⁵⁹ См. G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 317—324, 360 — о государственно-правовых отношениях между Литвой и Польшей; J. Pfitzner. Op. cit., S. 105 f.; 110, 113—115; A. Viscont. La Lituanie et la guerre. Genève, 1917, p. 49 sq.; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 224; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 551—555; «Очерки... Конец XV в.—начало XVII в.», стр. 148, 754—759.

²⁶⁰ Chalc., I, 125.15 f.; ср. ниже, стр. 86.

²⁶¹ Chalc., I, 72.7; 121. 10.

²⁶² Ibid., I, 121.10.

²⁶³ Ср. Th. Schiemanп. Op. cit., Bd. 1, S. 566—570; A. Viscont. Op. cit., p. 49; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 551—554; ср. также ниже, стр. 89—91.

²⁶⁴ H. Ditten. Op. cit., S. 95 f., ср. ниже, стр. 87.

²⁶⁵ Ср. καὶ οὗτοι (I, 125.4), которые Э. Дарко, а также Ф. Граблер в своем переводе (F. Grabler. Op. cit., S. 33) отнесли к предшествующему предложению, несмотря на то, что перед καὶ οὗτοι в рукописи стоит колон (:), который имеет назначение двоеточия. См. критический аппарат к этому месту у Э. Дарко: К. Дитерих (K. Dieterich. Op. cit., Teil 2, S. 107.4) совсем исключил из своего перевода καὶ οὗτοι.

я буду говорить о их содержании только после изложения других сведений о литовцах²⁶⁶.

О литовцах далее сообщается: Λιτουάνοι δὲ οὔτε Σαρμάταις εἰσὶν ὁμόγλωσσοι, οὔτε Παίσιον, οὔτε μὲν Γερμανοῖς, οὐ μὴν οὐδὲ Δαξίιν, ἰδίᾳ δὲ τὸ παράπαν νομίζουσι φωνῆ: ἔστι δὲ αὐτοῖς βασιλεία πόλις²⁶⁷ μεγάλη τε καὶ πολυάνθρωπος καὶ εὐδαίμων. καὶ δοκεῖ τοῦτο τὸ γένος εἶναι τε μέγα τῶν ἀμφὶ τήνδε τὴν χώραν ἔθνων καὶ ἀνδρείοτατον, καὶ πρὸς τε τοὺς Προυσίους τοὺς Γερμανοὺς καὶ Πολάνους διαπολεμοῦν περὶ τε ὄρων τῶν ἐς τὴν χώραν. ἔστι δὲ καὶ τοῦτο τὸ γένος πρὸς τὰ τῶν Ῥωμαίων ἔθνη καὶ διαίταν τετραμμένον, σκευῇ δὲ τῇ Σαρματῶν παραπλησίᾳ χρωμένους, καὶ τῇ μελαίνῃ Πογδανία ὄμιρος τὰ πολλὰ οὔσα πρὸς τούτους ἀγωνίζεται (I, 125.10—19) — «Язык литовцев не похож ни на русский, ни на венгерский, ни на немецкий, ни также на румынский язык; они говорят на совершенно особом языке. Столица их короля — большая, многолюдная и богатая²⁶⁸. Этот народ, как мне представляется, — могущественный среди народов, живущих вокруг этой страны, и самый храбрый, так как он ведет постоянные войны с немецкими пруссами и поляками. Этот народ²⁶⁹ воспринял обычаи и образ жизни западноевропейцев, но по своей одежде он похож на русских, и, поскольку на большом протяжении граничит с Молдавией, он живет во вражде с ее жителями».

Как и нижние литовцы, уже неоднократно упоминавшиеся жмудины, литовцы в узком смысле, верхние литовцы, или аукштайты, также говорят, согласно Халкокондилу, на особом языке²⁷⁰. Упоминается также столица Литвы; правда, название ее не указано; в некоторых рукописях имеется пробел, оставленный, вероятно, самим же Халкокондилом, который хотел еще добавить здесь название²⁷¹. К тому времени, к которому относятся известия Халкокондила, Вильно уже был столицей Великого княжества Литовского²⁷². С владением Виленским княжеством был связан и великокняжеский титул великого князя Литовского²⁷³.

Далее говорится о войнах Литвы с Тевтонским рыцарским орденом и Польшей из-за границ. При этом прежде всего подразумевается спор с Польшей из-за Подолии и Волыни, который разгорелся с новой силой в первые годы правления великого князя Литовского (с 1440 г.), позднее — польского короля Казимира IV (1447—1492)²⁷⁴. Подразумеваются также войны с Тевтонским орденом из-за Жмуди, от которой орден должен был отказаться по Первому Торуньскому миру 1411 г. и окончательно — по Мельнскому договору 1422 г.²⁷⁵ Религией литовцев, по Халкокондилу, является христианство в его римско-ка-

²⁶⁶ См. ниже, стр. 87.

²⁶⁷ В некоторых рукописях здесь имеется пропуск, оставленный незаполненным, вероятно, самим же Халкокондиллом, чтобы позднее вставить здесь название города; ср. критический аппарат к этому месту в издании Э. Дарко.

²⁶⁸ Почти то же говорится о Праге: Chalc., I, 124.11; ср. выше, стр. 82. Относительно согласования прилагательных μέγας и εὐδαίμων ср., например, Negrod., V, 31 (об о. Эвбее); VIII, 111 (об Афинах); относительно выражения πόλις μεγάλη καὶ πολυάνθρωπος ср. Thuc., I, 24.3 (об Эпидамне); относительно πόλις... πολυάνθρωπος ср. также Thuc., VI, 3.2 (о Сиракузах).

²⁶⁹ Как и поляки (Chalc., I, 125.1 sq.); ср. выше, стр. 84.

²⁷⁰ См. выше, стр. 80.

²⁷¹ См. выше, прим. 267.

²⁷² Ср. K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 166; G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 339; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 525, 536.

²⁷³ См. G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 324.

²⁷⁴ Ср. ниже, стр. 89—92, а также G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 370; Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 566 f., 570 f., 574—576, 590 f.; R. Bachtold. Op. cit., S. 82 f., 93—99; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 551—554.

²⁷⁵ См. выше, стр. 81, прим. 225.

толической форме ²⁷⁶, что справедливо для собственно литовцев в XV в., после того как в 1386 г. великий князь Ягайло, бывший до этого времени язычником, благодаря своей женитьбе на польской королеве Ядвиге стал польским королем под именем Владислава II и перешел в римско-католическую веру ²⁷⁷. К тому времени христианизация жмудинов еще не продвинулась так далеко ²⁷⁸. Наконец, одежда литовцев должна была походить на русскую одежду.

О МОЛДАВИИ (БОГДАНИИ)

В заключение говорится, что литовцы находятся во вражде со своим соседом — Молдавией ²⁷⁹. Здесь, как я полагаю ²⁸⁰, больше подходило бы место о Молдавии, которое начинается следующими словами: *καὶ οὗτοι ἡ μὲν μέλαινα Πογδανία* (I, 125.4) — «и следующие: Черная Богдания» (т. е. Молдавия) ²⁸¹. *Οὗτοι* употреблено здесь, как и в других местах, не только по отношению к предыдущему, но и к последующему слову ²⁸². По моему мнению, с одной стороны, это относится к *τούτους* в последнем предложении раздела о Литве, а с другой стороны, указывает на последующее *ἡ μὲν μέλαινα Πογδανία*; таким образом, лучше всего было бы после *οὗτοι* поставить двоеточие ²⁸³.

На сведениях, которые сообщает здесь Халкокондил о молдаванах (I, 125.4—9), я не буду подробно останавливаться, поскольку уже говорил об этом в другом месте ²⁸⁴. Речь там шла о резиденции князя *Λευκοπολίχνη* (русск. Белгород, рум. *Cetatea Albă*, турецк. Аккерман) ²⁸⁵, о размерах территории Молдавии (*ἀπὸ Δακῶν τῶν παρὰ τὸν Ἰστρὸν ἐπὶ Λιτουάνου καὶ Σαρμάτας διήκει*) ²⁸⁶ и о румынском языке молдаван ²⁸⁷. Далее говорится, что румынский народ с древних времен разделен на два княжества, под которыми следует понимать Валахию и Молдавию ²⁸⁸.

²⁷⁶ Ср. выше, стр. 84, прим. 253.

²⁷⁷ Ср. G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 303 f.; Th. Schieman n. Op. cit., Bd. 1, S. 514—516; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 166; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 532 сл. До этого времени Ягайло (1377—1434), как и его предшественники, был язычником; ср., например, письмо константинопольского патриарха от июня 1370 г., цитируемое Роде (G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 328, Anm. 156), в котором он говорит об Ольгерде (1345—1377), предшественнике Ягайлы, как *τῷ ἀσβεῖ Οὐργέδῳ* [*Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV—MCCCIII*]. E. codicibus manu scriptis bibliothecae Palatinae Vidobonensis ed. Fr. Miklosich et Jos. Müller, t. I. Vidobonae, 1860 (=«Acta et diplomata Graeca medii aevi», vol. 1), p. 523, № 268], а также другое письмо константинопольского патриарха от июня 1380 г., в котором идет речь о «поклоняющемся огню короле литовцев» [*ibid.*, t. II. Vidobonae, 1862 (=«Acta...», vol. II), p. 12, № 337] — *τῷ δὲ πυρολάτρῳ ῥῆγὶ τῶν Λιτῶν. Ο πυρ(σ)ολάτρης* см. выше, стр. 83 сл.

²⁷⁸ Ср. выше, стр. 82, прим. 229.

²⁷⁹ Ср. ниже, стр. 93 сл.

²⁸⁰ Ср. выше, стр. 85.

²⁸¹ Ср. K. Dieterich. Op. cit., Teil. 2, S. 163; S. 107.4 (Anm.); F. Grabler. Op. cit., S. 19; H. Ditten. Op. cit., S. 96, Anm. 1. См. также выше, стр. 54—55. Ср. Chalc., I, 72.3; 73.2 (Βογδανία); II, 37.12 (CAL: Μπογδανίας, M₁: πογδανίας); 256.10 (A: μπογδανίας, M₁ML: πογδανίας); 12 (в рукописи: πογδανίας) (μέλαινα Μπογδανία); I, 125.4; 19; II, 263.15 sq.; 20 (μέλαινα Πογδανία); Chron. maius, I, 93.3 (Μολδοβλαχία καὶ Μπογδανία); 94.20P (Βλάχοι καὶ Μολδοβλάχοι).

²⁸² Ср. выше, стр. 72.

²⁸³ Колон (·). Ср. также выше, стр. 85, прим. 265.

²⁸⁴ H. Ditten. Op. cit., S. 95—98.

²⁸⁵ См. выше, стр. 60 с прим. 62 и 63.

²⁸⁶ Ср. выше, стр. 55.

²⁸⁷ Я делаю конъектуру *Δακικόν* вместо традиционного *δάκιμον* (H. Ditten. Op. cit., S. 96 f.). Ср. также выше, стр. 62 — замечание об искажении собственных имен.

²⁸⁸ Ср. выше, стр. 55.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН

Указание, что молдаване говорят на румынском языке, используется здесь для перехода к сообщению, что русский язык родствен южно-славянским языкам, и к обсуждению вопроса о происхождении («origo») славян вообще, которое находится в конце экскурса Халкокондила о России и которым мы теперь должны заняться.

Если Халкокондил в начале своего экскурса о России сказал: *Σαρματία... γένος τῶν Ἰλλυριῶν φωνῇ τὰ πολλὰ διαχρώμενον* (I, 122.5—7)²⁸⁹, то теперь говорится: *Σαρμάται δὲ φωνῇ διαχρώνται παραπλησίᾳ τῇ Ἰλλυριῶν τῶν ἐς τὸν Ἴόνιον (sc. κόλπον) παροικούντων ἔστε ἐπὶ Ἑνετούς* (I, 126.1 сл.) — «Русские же говорят на языке, сходном с языком иллирийцев (т. е. южных славян), которые живут у Ионического залива (т. е. у Адриатического моря) до венецианцев». Затем Халкокондил переходит к вопросу о происхождении славян, к теме, которой он уделяет большое внимание в своем труде²⁹⁰: *ὀπότεροι μὲν τούτων παλαιότεροι, καὶ τῆν ἐτέρων ὀπότεροι τούτων χώραν ἐπιμένονται, ἢ Ἰλλυριοὶ ἐπέκεινα τῆς Εὐρώπης διαβάντες Πολανίαν τε καὶ Σαρματίαν ᾤκησαν, ἢ Σαρμάται δὲ ἐπὶ τὰδε τοῦ Ἰστρου γενόμενοι τῆν τε Μυσίαν καὶ Τριβαλλῶν χώραν καὶ δὴ καὶ Ἰλλυριῶν τῶν πρὸς τὸν Ἴόνιον (sc. κόλπον) ἄχρι δὴ Ἑνετῶν ᾤκησαν, οὗτε ἄλλου τινὸς ἐπιθύμην τῶν παλαιότερων διεξιόντος, οὗτ' ἂν ἔχοιμι πάντη ὡς ἀληθῆ διασημήνασθαι* (I, 126.2—9) — «какой из этих [двух народов] является более древним и какой из них заселил страну другого — иллирийцы ли переселились в другой конец Европы (т. е. в лежащую по ту сторону Дуная часть Европы) и расселились в Польше и России или, наоборот, русские перешли на этот берег Дуная и расселились в Мёзии (Болгарии), в стране трибаллов (сербов), а также в стране иллирийцев, живущих по Адриатическому морю до венецианцев, — я не могу узнать из сообщений кого-либо из древних авторов, ни доказать совершенно точно сам»²⁹¹.

К такому же отрицательному результату приходит Халкокондил и в другом месте своего труда (I, 30.19—31.9)²⁹². Несколько далее (I, 31.22—32.10) он, правда, считает наиболее вероятным, что славяне переселились из страны, расположенной по ту сторону Дуная, на Балканский полуостров, где находились лучшие земли, а затем покинули их и переселились на почти не населенные пространства России²⁹³. В дальнейшем, возвращаясь вновь к этой проблеме (II, 277.19—278.1 и 278.13—18), он, напротив, принимает как более вероятную совершенно противоположную точку зрения, ошибочно полагая, что переселение славян началось из страны «иллирийцев»²⁹⁴. Итак, Халкокондил высказывает совершенно противоположные мнения, которые он, правда, преподносит с большими оговорками. Конечно, Халкокондил мог бы многое об этом узнать у византийских историков периода переселения

²⁸⁹ Ср. выше, стр. 54.

²⁹⁰ Chalc., I, 30.19—31.9; 31.22—32.10; II, 277.19—278.1. См. ниже, стр. 89. Ср. также F. Grabler. Op. cit., S. 36, 38, 39, 92, Anm. 46.

²⁹¹ Ф. Граблер (F. Grabler. Op. cit., S. 92, Anm. 47) ссылается для сравнения на Геродота (Herod., VII, 60; II, 29).

²⁹² οὐκ ἂν δὴ λεγόμενον ἀσφαλῶς λέγοιτο ὑφ' ἡμῶν (I, 31.9).

²⁹³ ὡστ' ἂν μᾶλλον ἐκεῖθεν φάναί κάλλιον παρέχον ἐπὶ τὰδε ἀφικέσθαι τὸ γένος τοῦτο, καὶ οἰκῆσαι πρὸς τῇ κατὰ τὸν Ἴόνιον (sc. κόλπον) χώρᾳ, καὶ παρὰ τὸν Ἰστρον διαβῆναι, καὶ αὐτοῦ μᾶλλον οἰκῆσαι, ἢ ἐνετῶθεν ὠρμημένον ἐπὶ τὰ ἐκεῖ τῆς οἰκουμένης σχεδὸν τι ἀοίκητα ἀφικέσθαι (I, 32.3—7).

²⁹⁴ εἰκός δὲ οἰεσθαι τούτους (sc. τοὺς Ἰλλυριοὺς) μᾶλλον ὠρμημένους ἀπὸ τῆς πρὸς τὸν Ἴόνιον (sc. κόλπον) χώρας... (II, 277.19 sq.) — συντίθεμαι δὲ καὶ ἐκείνοις ἔγωγε, οἱ φάσκουσι τὸ Ἰλλυρικὸν γένος ἰσχεῖν αὐτῶ τὴν ἐπωνυμίαν ἀπὸ τῆς χώρας... (II, 278, 13 sq.).

славян на Балканский полуостров, однако он, очевидно, не был знаком с соответствующей исторической литературой²⁹⁵.

Вопрос о происхождении («origo») народа, как он поставлен в приведенном выше месте у Халкокондила, является общим местом в греческой историографии, которое встречается со времени Геродота во всей этнографической литературе греков и римлян²⁹⁶. Он всегда вращается вокруг альтернативы, являются ли жители страны *αὐτόχθονες ἢ ἐπιήλυδες* — *indigenae an advenaе*²⁹⁷.

III. ВЫВОДЫ

Остается еще разрешить вопрос, возможно ли на основе толкования отдельных мест экскурса о России получить данные для определения времени, к которому относятся известия Халкокондила.

Я уже указывал на сходство сведений о пермяках, сообщаемых Халкокондилем и Плифоном. Поскольку Кириак Анконский в 1447 г. встречал молодого Лаоника Халкокондила в качестве ученика Плифона при дворе в Мистре²⁹⁸, а Плифон умер в 1452 г.²⁹⁹, мы должны, предположив, что Халкокондил черпал известия непосредственно из рассказов Плифона, полагать, что Халкокондил получил свои сведения о пермяках в период между 1447 и 1452 гг. Источником Плифона, согласно Д. Моравчику, кроме уже упомянутого Госканелли, считается также монах из Вероны, который в 1447 г. был в России и которого цитирует Эней Сильвий Пикколомини (1405—1464), будущий папа Пий II (с 1458 г.)³⁰⁰.

Рассмотрим теперь еще раз сообщения Халкокондила о самой России. Наряду с Великим княжеством Московским упоминается республика Новгород и княжества Киевское, Тверское и Псковское (или Ростовское), из которых Псков лучше назвать республикой. В 1478 г. к Московскому государству был присоединен Новгород, в 1485 г. — Тверь, в 1474 г. — Ростов и в 1510 г. — Псков.

Киев, который в 1362 г. достался великому князю Литовскому Ольгерду, дал возможность сыну Ольгерда Владимиру получить княжеский титул. Последний в 1394 г. был смещен Витовтом, около 1397 г. в Киев был назначен наместник, и только в 1440 г., когда Ягеллон Казимир был избран великим князем Литовским, сын Владимира Олелько (Александр) снова вступил во владение Киевским княжеством. Затем, после смерти его сына Семена в 1471 г., княжество было окончательно присоединено к Литве и в качестве воеводства поставлено под прямой контроль великого князя Литовского³⁰¹. Тем самым мы получаем *terminus*

²⁹⁵ Ср. статью «Slaveneinfälle»: RE, 2 Reihe, 5 Hlbb., Sp. 697—706 (Enßlin), а также литературу, приведенную Д. Моравчиком (Gy. Moravcsik. *Byzantinoturcica*, I, S. 29 f.).

²⁹⁶ Ср. K. Trüdinger. *Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie*. Phil. Diss. Basel, 1918, S. 16—18; E. Norden. *Die germanische Urgeschichte in Tacitus' Germania*. 3. Abdr. mit Ergänzungen. Leipzig—Berlin, 1923, S. 46 f. См. также H. Ditten. *Op. cit.*, S. 94, Anm. 4.

²⁹⁷ Ср. E. Norden. *Op. cit.*, S. 47, Anm. 2; *idem*. *Altgermanien. Völker- und namensgeschichtliche Untersuchungen*. Leipzig—Berlin, 1934, S. 257 f.

²⁹⁸ «Miscellanea Ceriani». Milano, 1910, p. 203 sq. Ср. также выше, стр. 69, прим. 139.

²⁹⁹ Ср. Gy. Moravcsik. *Byzantinoturcica*. I, S. 391 f., 477 f.

³⁰⁰ Aeneae Sylvii Piccolominei... *Opera geographica et historica*. p. 48.

³⁰¹ Ср. R. Bächtold. *Op. cit.*, S. 22, 128—131; Sciemann. *Op. cit.*, Bd. 1, S. 550; G. Rhode. *Op. cit.*, Bd. 1, S. 349 f.; БСЭ, т. 20, стр. 594 сл., ст. «Киевская земля»; стр. 587, ст. «Киев. II. Исторический очерк»; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 517, 521, 535, 553.

ante quem — 1471 г., а с другой стороны, как я полагаю, также terminus post quem — именно 1440 г., когда великий князь Литовский Казимир возвратил Киевское княжество своему двоюродному брату Олелько.

Кроме того, мне представляется, что сообщение Халкокондила о том, что русские не находятся в добром согласии с папством, содержит указание на неодобрение, которое вызвало у великого князя Московского Василия II (1425—1462) подписание киевским митрополитом Исидором декрета о Флорентийской унии (1439 г.): в 1441 г., после своего возвращения в Москву, Исидор был смещен и заключен в монастырь, из которого, однако, ему позднее удалось бежать³⁰².

Подобные же данные удается получить и из мест, относящихся к литовцам и полякам. О литовцах говорится, что они борются с Тевтонским рыцарским орденом и поляками за границы своей страны. Что касается ордена, то следует иметь при этом в виду борьбу за Жмудь, которая началась еще в XIII в. и закончилась в 1411, а точнее, в 1422 г., в пользу Литвы³⁰³; что же касается Польши, то уже при великом князе Ольгерде (1345—1377) велась ожесточенная борьба за Галицко-Владимирское княжество³⁰⁴; Червоная Русь (в основном — позднейшая Восточная Галиция³⁰⁵) в 1387 г., после коронации Ягайлы польским королем, вновь попала под власть Польши³⁰⁶. Витовт, который успешно пытался отстаивать самостоятельность Литвы против своего брата Ягайлы, в 1401 г. был признан Ягайлой великим князем Литовским и сумел удержать за Литвой Подолию и Волынь³⁰⁷. Однако сразу же после его смерти (1430) поляки заняли важную крепость в Подолии; кроме того, поляки не признали нового великого князя Свидригайло, брата Ягайлы, избранного литовцами, и следствием этого было возобновление борьбы, в ходе которой Свидригайло вступил в союз с Тевтонским орденом. Эта борьба продолжалась вплоть до 1435 или 1437 г. Между тем в 1432 г. с согласия Польши оппозиционно настроенные литовские бояре избрали великим князем Литовским Сигизмунда, брата Витовта, которому в 1433 г. пришлось навсегда отказаться от Червоной Руси и Западной Подолии³⁰⁸. Затем, в 1440 г., Сигизмунд Кейстutowич был убит, и литовцы избрали великим князем Литовским, снова без утверждения со стороны Польши, Казимира, младшего сына Ягайлы (род. в 1427 г.). Тем временем в 1434 г.

³⁰² См. литературу, перечисленную выше, стр. 62, прим. 80. Следует принять во внимание, что Халкокондил (II, 69.1—3 и 163.5—10) сообщает также о позднейшей судьбе Исидора, его пленении турками в 1453 г. при падении Константинополя и бегстве на Пелопоннес, а не только о его роли на Ферраро-Флорентийском соборе (II, 68.1—13; 69.3—6).

³⁰³ Ср. L. Arbusow. Op. cit., S. 46, 108; Th. Schieman n. Op. cit., Bd. 1, S. 217, 522, 528 f., 538; J. Pfitzner. Op. cit., S. 126 f., 129—131, 136, 138; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 487 сл., 510, 523, 526, 530, 536 сл., 538 сл., 540, 543. См. также выше, стр. 81, прим. 225.

³⁰⁴ Ср. G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 172—206, 219—225, 228—241; Th. Schieman n. Op. cit., Bd. 1, S. 492 f.; R. Bächtold. Op. cit., S. 15—17, 24; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 519—521; «Исторія Української РСР», т. I, стр. 108.

³⁰⁵ Ср. выше, стр. 60, прим. 64, и стр. 64.

³⁰⁶ Ср. G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 305—308; R. Bächtold. Op. cit., S. 24; ср. также Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 497, 508, 520 сл. и «Исторія Української РСР», т. I, стр. 110.

³⁰⁷ Ср. J. Pfitzner. Op. cit., S. 105 f., 110, 113—115; G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 343—361, 368—370; R. Bächtold. Op. cit., S. 82 f.; Th. Schieman n. Op. cit., Bd. 1, S. 519—546; ср. также Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 535, 538 и «Исторія Української РСР», т. I, стр. 110 сл.

³⁰⁸ Ср. R. Bächtold. Op. cit., S. 82 f., 92—94; Th. Schieman n. Op. cit., Bd. 1, S. 547—553, 555; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 547; «Исторія Української РСР», т. I, стр. 144.

королем Польши стал Владислав III, старший сын Ягайлы (род. в 1424 г.)³⁰⁹. Свидригайло возвратился из изгнания, в котором он находился с 1437 г., получив поддержку со стороны магнатов Малой Польши, которые взяли с него обещание рассматривать вновь завоеванную Волюнь в качестве польского лена. В 1442 г. он отвоевал свое бывшее княжество Волюнь и выступил теперь сам в качестве великого князя против Казимира; однако в 1445 г. он вынужден был подчиниться великому князю Казимиру. Таким образом, надежды Польши на захват Волини снова были уничтожены. Во время правления Казимира, который полностью находился под литовским влиянием, вернулись, казалось, дни Витовта. В письме от августа 1444 г. к брату Казимира Владиславу, который с 1440 г. был также королем Венгрии, польские магнаты жалуются на опустошения, которые произвел Казимир со своими литовцами в союзе с татарами в Мазовии и Волини³¹⁰. Новая ситуация возникла, когда двадцатилетний Владислав в ноябре 1444 г. пал в сражении при Варне против турок³¹¹ и польские магнаты предложили польскую корону Казимиру. Однако тот медлил с коронацией вплоть до 1447 г. и не соглашался на предложенное поляками условие признать Волюнь и Подолию польскими провинциями, поскольку он, напротив, должен был обещать своим литовцам восстановить те границы Литвы, которые были при Витовте. В 1448 г. на сейме в Люблине в вопросе о Подолии и Волини Казимир вновь встал на литовскую точку зрения, и спор продолжался. В 1452 г., когда умер Свидригайло, Казимир оставил Волюнь в составе Литвы, и дело едва не дошло до возникновения открытого конфликта между обоими партнерами по унии. Однако на роковом польском сейме в Пиотркове (в июне 1453 г.) Казимир в конце концов капитулировал перед польским дворянством, признав привилегии поляков и обязавшись всеми силами стремиться к возвращению всех несправедливо отчужденных и отторгнутых частей государства; правда, при этом Волюнь и Подолия прямо названы не были. Этот шаг не остался без последствий: в 1456 г. возникла угроза восстания литовцев и русских против Казимира из-за нарушения им своей клятвы. Однако угрозу эту ему удалось отвести с большим дипломатическим искусством³¹².

Именно эти споры и более старые сражения имеют в виду в указании Халкокондила о борьбе из-за границ между обоими народами. В этой связи интересно, что несколько выше, до экскурса о России, Халкокондил, сообщая подробности о татарах, называет этого же Казимира *Βασίλεὺς Λιτοῦάνων*³¹³. Очевидно, в то время, к которому относятся известия Халкокондила, Казимир еще не стал польским королем, а был лишь великим князем Литовским. Следует также принять во внимание, что Халкокондил ни единым словом не упоминает об унии между Польшей

³⁰⁹ См. Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 557 f., 566; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 551.

³¹⁰ Ср. R. Bächtold. Op. cit., S. 94—98; Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 566 f.; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 552 сл. Упомянутое письмо напечатано в: «Codex epistolaris saeculi decimi quinti», t. I (1384—1492). Ex antiquis libris formularum, corpore Naruszeviciano, autographis archivisque plurimis collectus opera A. Sokolowski et J. Szujski. Cracoviae, 1876 (= «Monumenta medii aevi historica», res gestas Poloniae illustrantia, t. II), pars I, p. 140—144, № 125. Ср. также выше, стр. 53, прим. 19, о поселившихся в Литве татарах как союзниках Казимира.

³¹¹ Ср. Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 565; G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 503; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 553.

³¹² Ср. Th. Schiemanн. Op. cit., Bd. 1, S. 569—576; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 222; R. Bächtold. Op. cit., S. 97; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 518, 553—555.

³¹³ Chalс., I. 121.10; см. выше, стр. 53 с прим. 18 и 19.

и Литвой, хотя известия о Польше и Литве следуют одно за другим. Итак, я полагаю, что эти известия, как и сообщения о России, относятся к периоду до 1447 г. — года коронации Казимира IV в качестве польского короля (1447—1492), вероятно, даже ко времени до смерти его брата Владислава (1444 г.).

К последнему предположению я прихожу на следующем основании: надо отметить ту особенность, что Халкокондил в связи с известиями о России сообщает нам польское название Лифляндии (Ἰνφλάντη) — *Inflanty*³¹⁴. Следует обратить при этом внимание на то, как точны его указания о языковой и религиозной принадлежности отдельных народов. Здесь напрашиваются две возможности: либо эти известия имеют своим источником грека, который сам побывал в Польше, или какого-либо другого иностранца (итальянца?), который посетил Польшу и от которого до Халкокондила дошла польская форма названия Лифляндии, либо же поляка, который как-то попал на Балканский полуостров и там сообщил столь точные подробности. Я склоняюсь к последнему предположению. После сражения при Варне в 1444 г. ряд поляков из войска Владислава попал, очевидно, в плен к туркам³¹⁵, и весьма вероятно, что от одного из таких поляков, по-видимому, человека образованного, эти известия получил Халкокондил, который мог объясняться со своим собеседником на латинском языке³¹⁶.

Сообщения о чехах и гуситах относятся, напротив, к несколько более позднему времени. Я уже обращал внимание³¹⁷ на то, что Халкокондил нелогично называет чехов-гуситов единственным народом в Европе, который не принадлежал ни к одной из трех великих религий, хотя он перед этим сообщал о язычниках-жмудинах. Это несоответствие я могу объяснить только тем, что он черпал свои сведения для обоих разделов из разных источников. Мне представляется, что сведения о «языческих» гуситах, как показывает упоминание в двух местах труда Халкокондила об Иоанне Капестрано, миссионере францисканского ордена, проводившем свою деятельность среди гуситов³¹⁸, относятся к несколько более позднему времени, а именно к первой половине 50-х годов XV в. В 1451 г. Капестрано приехал в Германию с целью обращения гуситов и после длительного пребывания в Австрии, Моравии, окраинных областях Чехии

³¹⁴ Ср. выше, стр. 72 сл.

³¹⁵ Хотя Эней Сильвий Пикколомини в своем географическом и историческом труде о Европе на стр. 240 (см. выше, стр. 89, прим. 300, цит. по гельмштедскому изданию) замечает по поводу битвы при Варне: «Poloni ad unum caesi omnes», это нельзя, однако, понимать слишком буквально.

³¹⁶ Ср. выше, стр. 69, с прим. 139, а также Martinus Cromerus, in: «Polonicae historiae corpus», t. 1. Basileae, 1582, p. 89: «Itaque ne in medio quidem Latio quis reperiat tam multos vulgo, cum quibus Latine tamen loqui possit» (scil. quam in Polonia). Впрочем, у Халкокондила упоминаются именно те русские государства, которые играли большую роль также и в истории Литвы и Польши; ср. Th. Schiemann. Op. cit., Bd. 1, S. 241 f., 287, 534, 539 (о несколько более позднем периоде), 313, 319—323, 326, 329, 366, 368; K. Stählin. Op. cit., Bd. I, S. 138, 141, 148 f., 153—155, 160, 164, 166 f., 169 f., 177 f. (о несколько более позднем периоде), 203, 205—211, 214; V. Giermann. Op. cit., Bd. 1, S. 131, 134—139; G. Rhode. Op. cit., Bd. 1, S. 330, 355, 370—372, 378; J. Pfitzner. Op. cit., S. 39—41; Очерки. IX—XV вв., ч. II, стр. 485, 491, 505, 522, 524—529, 537—540, 544, 546, 548 сл., 552, 554, 574; о Киеве см. выше, стр. 89. В том, что Лаоник Халкокондил сам был участником сражения при Варне в качестве личного секретаря Мурада II, как утверждает Федор Спандунин (XV в.) (К. Ν. Σάββας. Μνημεία Ἑλληνικῆς Ἱστορίας, т. 9, сел. 261; цит. по W. Miller. Op. cit., p. 37, n. 6), можно с полным основанием сомневаться (ср., например, W. Miller. Op. cit., p. 37; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 391).

³¹⁷ См. выше, стр. 83.

³¹⁸ См. выше, стр. 83 сл.

(Богемии), Баварии, Саксонии, Лужице, Силезии, Польше он в 1455 г. прибыл в Венгрию, где умер в 1456 г.³¹⁹ За то, что эти сведения взяты из другого источника, говорит также неверная в географическом отношении локализация чехов рядом со жмудинами, которую, по моему мнению, Халкокондил произвел, учитывая, что оба эти народа связаны благодаря исповедуемой ими «языческой» религии³²⁰. Однако, вставляя экскурс о чехах, Халкокондил забыл соответствующим образом изменить свое замечание, что чехи якобы являются единственным «языческим» народом в Европе.

Менее определенными являются сведения о Тевтонском рыцарском ордене. Как показывает упоминание о πόλεις περικαλλεῖς καὶ εὐνομοῦμέναις³²¹, эти сведения относятся ко времени до внутренних смут и до начавшейся в 1454 г. опустошительной войны против Польско-Литовского государства, которая была следствием раздоров между прусскими сословиями и рыцарями ордена и закончилась разгромом прусского орденского государства и Вторым Торуньским миром (1466 г.); таким образом, они во всяком случае относятся к периоду до 1454 г.³²² Эти известия и сведения о жмудинах взаимно связаны по своему содержанию. Вероятно, они исходят от какого-то третьего источника. То обстоятельство, что язык жмудинов, хотя он является лишь диалектом литовского языка, не сопоставляется с литовским языком, укрепляет меня в этом предположении. В его пользу говорит также то, что, с одной стороны, под *Prussia*, несомненно, следует понимать все государство ордена, т. е. как «Пруссию», так и Ливонию³²³, в то время как в связи с сообщениями о России Халкокондил упоминает о Ливонии (Лифляндии), используя при этом польское название *Ἰνφλάντη* и не указывая на принадлежность Ливонии к «Пруссии». Может быть, известия о «пруссах» и жмудинах относятся к еще более раннему времени, когда борьба за Жмудь еще не закончилась (до 1422 или 1411 г.)³²⁴.

С другой стороны, сообщения о Молдавии также указывают на середину XV в. В качестве резиденции князя упоминается *Λευκοπολίχνη* (Белгород, *Cetatea Albă*, Аккерман). После того как Александр I (1400—1432/33) и затем сын его Стефан II (1434—1447) заново укрепили эту некогда генуэзскую, а до этого татарскую, византийскую³²⁵ и славянскую крепость, здесь находилась резиденция Александра II (1448—1449, 1451—1455), племянника Стефана II и сына Илии (1432/33—1443), вплоть до его смерти в 1455 г.³²⁶ После смерти Александра I (1432/33), который

³¹⁹ Ср. «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», 2. Aufl. Bd. 1. Tübingen, 1927, Sp. 1450, s. v. Capistrano; 3. Aufl. Bd. 3. Tübingen, 1959, Sp. 813, s. v. Johannes von Capistrano; «Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche», Bd. 3. Leipzig, 1897, Sp. 713—715, s. v. Capistrano; «Lexikon für Theologie und Kirche», Bd. 5. Freiburg im Breisgau, 1933, Sp. 484—486, s. v. Johannes v. Capistrano; 2. Aufl. Bd. 5. Freiburg im Breisgau, 1960, Sp. 1014 f., s. v. Johannes v. Capistrano.

³²⁰ См. выше, стр. 82.

³²¹ См. выше, стр. 79.

³²² Ср. Th. Schieman n. Op. cit., Bd. 1, S. 578; L. Arbusow. Op. cit., S. 118—120; C. Krollmann. Politische Geschichte des Deutschen Ordens in Preußen. Königsberg i Pr., 1932, S. 141—160, а также S. 115—140. На значение этого места для датировки труда Халкокондила указал еще Миллер (W. Miller. Op. cit., p. 37).

³²³ См. выше, стр. 78.

³²⁴ Ср. также ниже, стр. 94.

³²⁵ Ее византийское название было *Μαυρόκαστρον* (искаженное татарами и генуэзцами в *Maucastro*, *Maocastro*, *Moncastro*), что означает прямую противоположность названиям *Λευκοπολίχνη*, Белгород, *Cetatea Albă*, Akkerman (ср. N. Jorga. Geschichte des rumänischen Volkes, Bd. 1, S. 189 f.).

³²⁶ См. выше, стр. 60, прим. 62 и 63.

до этого отобрал у поляков Покутию, Польша в качестве сюзерена Молдавии неоднократно (в 1433, 1435, 1443, 1447, 1448, 1449—1450, 1451, 1455—1457 гг.)³²⁷ вмешивалась в разгоревшуюся здесь борьбу за престол, длившуюся свыше двух десятилетий. С вступлением на престол Стефана III Великого (1457—1504), который после неоднократных вторжений в соседнее государство заключил в 1459 г. мир с Польско-Литовским государством³²⁸, для Молдавии настали лучшие времена. На борьбу между молдаванами и поляками в эти годы, как мне кажется, должно указывать сообщение Халкокондила о борьбе между молдаванами и литовцами, причем литовцы здесь, вероятно, спутаны с поляками. После восстановления унии между обеими странами, которое было осуществлено путем коронации Казимира королем Польши, эта путаница была не столь удивительна. Я склоняюсь к тому мнению, что сообщение Халкокондила о борьбе между молдаванами и литовцами, а также его сведения о Молдавии, которые, как уже говорилось³²⁹, было бы гораздо лучше поместить в конце сообщения о литовцах, непосредственно после сведений об этой борьбе, указывают на период между 1447 (восстановление польско-литовской унии) и 1455 г. (дата смерти Александра II, столицей которого был Белгород). Это вполне согласуется с моим предположением, что сведения о Молдавии являются более поздним дополнением Халкокондила, которое он сделал на полях своей рукописи, а переписчик позднее перенес в текст, вставив не на то место.

В целом все известия экскурса о России относятся к середине XV в., примерно к периоду после 1441 и до 1455 г., причем здесь следует различать по меньшей мере четыре (если не пять) различных источника. Исключения представляют собой, может быть, сведения о «пруссах» и жмудинах, которые могут относиться к еще более раннему времени (до 1422 или 1411 г.?), когда борьба за Жмудь еще не была закончена. Трудно также сказать, к какому времени относятся данные о пермяках, так как эти известия не связаны ни с какими историческими событиями, которые дали бы возможность установить более точную датировку. Предположив, что Тосканелли сообщил их Плифону на Флорентийском соборе (1439 г.), мы тем самым получили бы *terminus ante quem*; если же они, напротив, исходят от упомянутого веронезского монаха, который побывал в России в 1447 г., то их следовало бы датировать именно этим годом.

Зато все другие известия относятся к одному периоду, который отдален от времени столкновения между Тимуром и Баязидом I примерно половиной столетия. Это столкновение, которое достигло своего кульминационного пункта в сражении при Анкаре (1402 г.), служит Халкокондилу своего рода обрамлением как для экскурса о «скифах», так и для включенных в этот экскурс сообщений о России и других странах и народах Восточной Европы³³⁰.

³²⁷ Ср. N. Jorga. Op. cit., Bd. 1, S. 309—311, 319, 321—324.

³²⁸ См. *ibid.*, S. 338 f.

³²⁹ См. выше, стр. 85, прим. 264 и 265 и стр. 87 с прим. 284.

³³⁰ Краткое изложение настоящей статьи было опубликовано в 1961 г. на новогреческом языке. См. H. Ditten. 'Η περί 'Ρωσίας παρέχθαις τοῦ Λαονίκου Χαλκοκονδύλου. «Παρυασός». Περίοδος δευτέρα, т. 3, 1961, сел. 89—99.

А. П. КАЖДАН

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ХРОНОГРАФИИ X в.

3. „КНИГА ЦАРЕЙ“ И „ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВАСИЛИЯ“

Как и хроника Продолжателя Феофана, «Книга царей» Генесия сохранилась в единственном списке: она составляет четвертый раздел лейпцигской рукописи № 16 (Lips. 16, f. 248—285)¹. Рукопись, подробно описанная Г. Вешке, была датирована им по палеографическим данным XII столетием², однако В. Гардтхаузен в кратком описании греческих манускриптов Библиотеки Лейпцигского университета отнес ее к XI в.³ Рукопись не имеет надписания; только в верхней части л. 248 над позднейшей латинской надписью (Scriptor Historiae Byzantinae a temporibus Leonis Armenii ad excessum Basili Macedonis conditor) сделана заметка: ΓΕΝΕΣΙΟΥ. Первая часть рукописи открывается словами: περί τοῦ ἐξ Ἀμαλῆκ Λέοντος, за которыми следует посвящение императору и краткое введение (о чем, в частности, свидетельствует пометка на полях: προῖμιον, принадлежавшая тому же писцу⁴), и завершается на л. 255 небольшой концовкой. Далее следует заголовок второй части: βασιλείων β': πε(ρι) τοῦ ἐξ Ἀμορίου Μιχαήλ. Вторая часть оканчивается на л. 260 b, где нет ни концовки, ни заголовка третьей части — только на полях, в нижнем левом углу, имеется пометка: πε(ρι) Θεοφίλου υἱοῦ Μιχαήλ. Точно так же на л. 269 b, где завершается третья часть, нет ни концовки, ни нового заголовка, но лишь пометка на полях: πε(ρι) Μιχαήλ υἱοῦ Θεοφ(ι)λλου⁵.

Аналогичную пометку мы могли бы ожидать при переходе от л. 279 b к л. 280, где начинается рассказ о царствовании Василия I; она отсутствует по небрежности писца, объясняющейся в какой-то мере тем, что первая фраза последней (пятой) части рукописи начинается на нижней строке листа. Можно обратить внимание также и на то обстоятельство, что пометки-заголовки становятся к концу ру-

¹ Благодаря любезности Библиотеки Лейпцигского университета и профессора этого университета доктора Э. Вернера мы имели возможность пользоваться микрофильмом с рукописи Генесия. Считаю своим приятным долгом поблагодарить проф. Э. Вернера и сотрудников Библиотеки Лейпцигского университета.

² G. Wäs chke. Genesios. «Philologus», Bd. 37, 1878, S. 259; ср. Ф. Штейнман. Могавчсик. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 318.

³ V. Gardthausen. Die griechischen Handschriften. «Katalog der Handschriften der Universitäts-Bibliothek zu Leipzig», Bd. III. Leipzig, 1898, S. 19. М. Колонна (M. E. Colonna. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. Napoli, 1956, p. 48) датировала рукопись Генесия XI—XII вв.

⁴ См. Ф. Штейнман. Указ. соч., стр. 21.

⁵ Г. Вешке (G. Wäs chke. Op. cit., S. 257 f.) ошибочно указывает, что последние две надписи (подобно первым двум) сделаны над соответствующими частями; на самом деле они сделаны на полях почерком, отличным от руки основного писца.

копии все менее аккуратными: исчезает концовка, исчезает название сочинения (*Βασιλεία*) и номер части, заголовок переносится на поля, вводится все больше сокращений, пока, наконец, не исчезает и самая пометка⁶. Как бы то ни было, мы вправе считать, что рукопись Генесия состояла из пяти, а не из четырех книг, на которые она разделена издателем.

Рукопись Генесия содержит большое количество пометок на полях и после основного текста (л. 285—285 b), детально обследованных Г. Вешке и Ф. Штейнманом⁷. Мы остановимся лишь на одной из них. На л. 268 наверху имеется пометка, точно датирующая рождение Михаила III; она была ошибочно расшифрована Г. Вешке, отнесшим это событие к 6 января 839 г. Ф. Штейнман исправил чтение немецкого ученого и отнес в соответствии со своей расшифровкой рождение Михаила III к 9 января 840 г.⁸ Эта пометка в какой-то мере соответствовала свидетельству Продолжателя Феофана о том, что в момент смерти Феофила (20 января 842 г.) Михаилу шел третий год⁹. Не учитывая пометки на рукописи Генесия, Э. Штейнман пришел к выводу, что рождение Михаила III должно быть отнесено к более раннему времени, примерно к 836 г.¹⁰ Однако хорошо согласующиеся между собой свидетельства Продолжателя Феофана и автора нашей пометки не могут быть так просто отвергнуты: судя по подробности приведенных в пометке данных, она восходила к осведомленному источнику, из которого, быть может, черпал и Продолжатель Феофана.

Рассмотрим поэтому еще раз источники, использованные Э. Штейнманом для передатировки рождения Михаила III. Эти источники — «Житие императрицы Феодоры» и три салернские грамоты, датированные годами правления Михаила. Действительно, в «Житии Феодоры» сказано, что в момент смерти отца Михаилу было пять с половиной лет¹¹; это позволило Э. Штейнману считать датой рождения Михаила 836 г. Салернские грамоты, относящиеся к 824—845 гг. и датированные индиктом и годами правления Михаила, позволяют относить его провозглашение соимператором к 838 г.¹² Однако возникает вопрос, в какой мере эти источники достоверны.

Еще издатель «Жития Феодоры» В. Регель обратил внимание на неточность приводимых в этом памятнике хронологических данных¹³:

⁶ Соблазнительная гипотеза, будто отсутствие надписи над пятой частью объясняется потерей каких-то листов между л. 279 b и л. 280, справедливо отвергается Г. Вешке (G. Wäschke. Op. cit., S. 257 f.).

⁷ Ibid., S. 259 f.; Ф. Штейнман. Указ. соч., стр. 20 сл.

⁸ Ф. Штейнман. Указ. соч., стр. 22 и сл.

⁹ Theophanes Continuatus, ed. I. Becker. Bonnae, 1838 (далее — Th. C.), p. 148.8. Традиционная дата рождения Михаила III — 839 г. См. G. Ostrogorsky, E. Stein. Die Krönungsordnungen des Zeremonienbuches. Byz., VII, 1932, p. 228.

¹⁰ E. Stein. Post-consulat et *αὐτοκρατορία*. «Annuaire de l'institut de philologie et histoire orientales et slaves», vol. 2, 1934, p. 899, n. 2; ср. G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 194, n. 1. С. Маслев «О некоторых вопросах, связанных с византийскими памятными монетами». ВВ, XVIII, 1961, стр. 252, прим. 86) полагает, что Михаил III родился в 837—838 гг.

¹¹ Analecta byzantino-russica, ed. W. Regel. Petropoli, 1891 [см. Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxelles, 1957 (далее — BHG), t. II, № 1731], p. 11.10; ср. ibid., p. 12.7.

¹² Codes diplomaticus Cavensis, vol. I. Neapoli, 1873, № 21, 22, 25. Первые две грамоты датированы пятым годом его правления (*imperii eius*) и, соответственно, сентябре и апрелем VI индикта, т. е. 842 и 843 гг.; третья грамота — апрелем VIII индикта, т. е. 845 г., и седьмым годом правления Михаила III.

¹³ Analecta. . . , p. XVII sq.

в частности, по расчетам агиографа, Михаил III правил после ссылки Феодоры 14 лет единодержавно¹⁴, тогда как на самом деле этот период продолжался с 856 по 867 г., т. е. не более 12 лет. То же самое приходится сказать и о грамотах салернской канцелярии, которые Э. Штейн, к сожалению, не подверг всестороннему анализу: расчеты числа лет византийских императоров в салернских грамотах нередко противоречат друг другу и не соответствуют действительности. Известно, например, что коронация Константина VII состоялась 9 июня 911 г.¹⁵, однако салернские писцы рассчитывают годы его правления (*imperii eius*) сперва с 907 г.¹⁶, затем — с 908 г.¹⁷ и, наконец, с 912 г.¹⁸ Не менее путаны расчеты лет правления Василия II (*imperii domni Basili*): за начало принимают и 960 г.¹⁹, и 959 г.²⁰, и 957 г.²¹, и 956 г.²², и даже 952 г.²³, хотя Василий II родился в 958 г. и был коронован 22 апреля 960 г.²⁴ Таким образом, у нас нет оснований доверять хронологии салернской канцелярии и отвергать на этом основании дату рождения Михаила III, приведенную в хронике Продолжателя Феофана и подтверждаемую пометкой на рукописи Генесия.

В библиотеке Афонской лавры хранится другая рукопись Генесия, датированная 1791 г. и представляющая собой, по-видимому, список с первого печатного издания²⁵.

Впервые сочинение Генесия было издано в венецианском корпусе с примечаниями Стефана Берглера²⁶, а затем переиздано К. Лахманом на основании новой копияции лейпцигской рукописи²⁷. Однако издание К. Лахмана было выполнено недостаточно аккуратно²⁸; ряд исследователей, занимавшихся критическим изучением текста Генесия, предложил к нему многочисленные конъектуры²⁹. Ученица А. Гейзенберга Анни Вернер (ныне А. Лесмюллер) объявила в 1931 г. о том, что она подготовила новое (критическое) издание «Книги царей»³⁰, однако это издание так и не увидело света.

¹⁴ Ibid., p. 15.11.

¹⁵ G. Ostrogorsky, E. Stein. Die Krönungsordnungen..., S. 197.

¹⁶ Codex diplomaticus Cavensis, vol. I, № 126, 127.

¹⁷ Ibid., № 142, 178.

¹⁸ Ibid., № 200; грамота датирована ноябрем 958 г. и 46 годом *imperii domni Constantini*.

¹⁹ Ibid., vol. II, № 250.

²⁰ Ibid., vol. II, № 229; vol. IV, № 650; vol. V, № 718, 774.

²¹ Ibid., vol. II, № 407; vol. IV, № 640, 649, 659, 691, 697.

²² Ibid., vol. IV, № 626, 668, 679.

²³ Ibid., vol. IV, № 648; грамота датирована 60 годом правления Василия II и X индиктом, т. е. 1012 г.

²⁴ G. Ostrogorsky, E. Stein. Die Krönungsordnungen..., S. 198; ср. G. Ostrogorsky. History..., p. 264, n. 3. Для сопровителя Василия II, Константина VIII, в одной грамоте 965 г. оказывается шестым годом правления (Codex diplomaticus Cavensis, vol. II, № 229), а в другой 967 г. — четвертым (ibid., № 250)!

²⁵ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I, S. 318

²⁶ Iosephi Genesisii De Rebus Constantinopolitanis. Venetiis, 1733. Об истории этой публикации см. Ф. Штейнман. Указ. соч., стр. 18 сл.

²⁷ Genesisius, rec. C. Lachmann. Bonnae, 1834 (далее — Gen.).

²⁸ См. К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 265.

²⁹ C. Kumaniecki. Quelques remarques critiques sur Genesisius. Byz., VIII, 1933, p. 551 sq.; H. Grégoire. Michel III et Basile le Macédonien dans les inscriptions d'Ancre. Byz. V, 1929/30, p. 346, и особенно: A. Werner. Die Syntax des einfachen Satzes bei Genesisios. BZ, Bd. 31, 1931 (в подстрочных примечаниях).

³⁰ A. Werner. Die Syntax..., S. 259, A. 3; S. 260, A. 1. В распоряжении А. Вернер находился также рукописный экземпляр текста Генесия, подготовленный Г. Вешке и содержавший также (на полях) текстологические пометки И. Буха.

Сочинение Генесия охватывает время правления Льва V Армянина, Михаила II, Феофила, Михаила III и Василия I, т. е. 813—886 гг. По словам автора, «Книга царей» была написана по приказанию императора Константина, которому она и посвящена. Следовательно, сочинение Генесия должно быть датировано периодом второго (самостоятельного) правления Константина VII Багрянородного (945—959); эта датировка подкрепляется наблюдением Ф. Гирша, пришедшего к выводу, что «Книга царей» была завершена до отвоевания Крита византийцами в 961 г.³¹

По своему языку и стилю «Книга царей» может быть рассмотрена как произведение переходное, промежуточное между хронографией VIII—IX столетий, опирающейся преимущественно на церковную традицию, и неоклассицизмом X в. Генесий стремился к возрождению аттицизма, но не умел сплосить да рядом, по мнению А. Вернер, освободиться от вульгарных конструкций³². Его начитанность невелика: кроме библии и Гомера, он использует, по-видимому, лишь Гесиода³³, Нонна³⁴ и античных географов³⁵ — скорее всего, из вторых рук. Метафоры у Генесия редки и вполне традиционны — он не создает новых образов, а пользуется привычными и общеизвестными³⁶.

Об авторе «Книги царей» мы знаем очень мало. Ф. Гирш пытался воссоздать жизненный путь Иосифа Генесия, изображая его представителем знати и сыном вельможи Константина, армянина по происхождению, современника Михаила III³⁷. Однако эти построения произвольны: в настоящее время не только не представляется возможным восстановить реальные черты биографии Генесия, но и самое авторство Генесия подвергнуто сомнению. Дело в том, что надпись Γενεσιου в верхней части л. 248 лейпцигской рукописи выполнена другими чернилами и другой рукой, нежели основной текст: по мнению Ф. Штейнмана, «Книгу царей» следует считать анонимным произведением³⁸. Да и название «Книга царей» (Βασιλεα), как мы видели, тоже условно, ибо дано не в надписании, а лишь в заголовке II части.

Как бы то ни было, можно смело утверждать, что автор «Книги царей», которого мы условно будем по-прежнему называть Генесием,

³¹ F. Hirsch. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876, S. 122.

³² A. Werner. Die Syntax..., S. 260.

³³ S. Linnér. Sprachliches und Stylistisches zu Genesios. «Eranos», Bd. 44, 1946, S. 206.

³⁴ A. Diller. Nonnus Dionysiaca in Genesios Regna. «Classical philology», vol. 46, 1951, № 3, p. 176 f.

³⁵ A. Diller. Excerpts from Strabo and Stephanus in Byzantine chronicles. «Transactions and Proceedings of the American Philol. Associat.», vol. 81, 1950, p. 246 f.

³⁶ A. Werner. Die Syntax..., S. 260 f. Пренебрежительную оценку языка Генесия дал (с позиций классика) Г. Бернарди в рецензии на издание К. Лахмана (W. Bernhardt. «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik», 1836, № 58, Sp. 463 f.).

³⁷ F. Hirsch. Op. cit., S. 117 f. Ср. И. И. Малышевский. Логофет Феоктист, покровитель Константина Философа. «Труды Киевской духовной академии», т. 28, 1887, № 2, стр. 276, прим. 4; стр. 280. К. де Боор считал, что историк Генесий был внуком вельможи Константина (см. C. de Boor. Zu Genesios. BZ, Bd. 10, 1901, S. 62 f.). Возражения против гипотезы Ф. Гирша были высказаны уже Г. Вешке (H. Wäsche. Op. cit., S. 268 f.).

³⁸ Ф. Штейнман. Указ. соч., стр. 43 сл. Не учитывая критических замечаний Ф. Штейнмана, итальянская исследовательница М. Э. Колонна безоговорочно называет Иосифа Генесия сыном Константина, великого логофета (sic!) при Михаиле III (op. cit., p. 48); более осторожен Д. Моравчик, который говорит лишь, что Генесий происходил «из знатной семьи» (Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I, S. 318), но и он видит в Генесии беспорного автора «Книги царей».

принадлежал к непосредственному окружению Константина VII в угоду своему покровителю он написал тенденциозное сочинение, где постарался обрисовать в самом неприглядном облике предшественников Македонской династии³⁹. Следовательно, по своей политической направленности «Книга царей» совпадала с двумя первыми частями хроники Продолжателя Феофана, посвященными тому же периоду византийской истории. Возникает вопрос о соотношении между обоими источниками.

Уже Э. Муральт выдвинул предположение, что Генесий послужил источником хроники Продолжателя Феофана⁴⁰; эта мысль была подробно развита Ф. Гиршем, который, признавая Генесия некритичным и тенденциозным автором⁴¹, все же видел в «Книге царей» источник Продолжателя Феофана, в частности второго раздела этой хроники — «Жизнеописания Василия». Солидно аргументированная книга немецкого исследователя надолго определила взгляды ученых на византийскую хронографию X в. В частности, получила широкое распространение и теория Ф. Гирша о зависимости Продолжателя Феофана от Генесия⁴².

Представление о примате Генесия в описании исторических событий IX в. обязано в значительной степени его собственным утверждениям в предисловии к «Книге царей», ибо он обещает рассказывать о событиях, «еще не отраженных в исторических сочинениях» (Gen., p. 44), пользуясь свидетельствами очевидцев и народной молвой (Gen., p. 38). Это утверждение Генесия продолжало долгое время оказывать влияние на умы историков, несмотря на то, что оно давно было подвергнуто сомнению: уже А. Рамбо и Ф. Гирш предполагали, что Генесий пользовался не только устными, но и письменными источниками⁴³.

Другим основанием, приведенным Ф. Гирша к выводу о зависимости Продолжателя Феофана от Генесия, была предложенная этим ученым датировка хроники Продолжателя Феофана: по мнению Ф. Гирша, первая часть этой хроники возникла не раньше чем в правление Никифора Фоки, т. е. уже после смерти Константина VII, которому Гене-

³⁹ См. например, N. Jorga. Médaillons d'histoire byzantine. Byz., II, 1925, p. 261 sq.

⁴⁰ E. de Muralt. Essai de chronographie byzantine. St. Pbg., 1855, p. XXIII. Достоверным источником считал Генесия и И. Гергенротер (J. Hergengröter. Photius, Patriarch von Konstantinopel, Bd. I. Regensburg, 1867, S. 599).

⁴¹ F. Hirsch. Op. cit., S. 172.

⁴² K. Grumbacher. Geschichte... S. 265 (ср. русский перевод: «Очерки по истории Византии». Под ред. В. Н. Бенешевича, вып. III. СПб., 1913, стр. 33); В. Г. Васильевский. В защиту подлинности жития патриарха Игнатия и принадлежности его современному автору, Никите Пафлагону. ВВ, VI, 1899, стр. 50; А. А. Васильев. Византия и арабы [ч. II]. СПб., 1902, стр. 29, прим. 3; C. de Boor. Ein falscher Bischof. BZ, Bd. 13, 1904, S. 433 f.; J. B. Burg. The treatise De administrando imperio. BZ, Bd. 15, 1906, p. 571; A. Vogt. Basile 1er, empereur de Byzance. Paris, 1908, p. XIII sq.; Ф. Штейнман. Указ. соч., стр. 15; J. Guillard. Deux figures mal connues du second iconoclasme. Byz., XXXI, 1961, p. 373.

⁴³ A. Rambaud. L'empire grec au Xe siècle. Paris, 1870, p. 116; F. Hirsch. Op. cit., S. 172. Ср. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I, S. 318. По мнению Ф. Баршича, главным источником Генесия во второй части «Книги царей», посвященной Михаилу II, было сочинение Сергея Исповедника (см. Photius. Bibliothèque, t. I. Paris, 1959, p. 99.30—44. Ср. Ф. Баршић. Две верзије у изворима о устанку Томи. ЗРВИ, књ. 6, 1960, стр. 150). Гораздо более крупный, нежели Генесий, византийский историк Никита Хониат также утверждал, что он не пользовался письменными источниками; однако, вопреки этим словам, факт воздействия на него «Истории» Иоанна Киннама не может в настоящее время вызывать сомнения. См. V. Grecu. Nicetas Choniates a-t-il connu l'histoire de Jean Cinnamos? REB, vol. 7, 1950, p. 199 sq.

сий посвятил свой труд. Однако датировка Ф. Гирша оказалась ошибочной: император Никифор, упомянутый в хронике Продолжателя Феофана, это не Никифор II, а правивший в начале IX в. Никифор I⁴⁴, следовательно, и составление этой хроники может быть отнесено к более раннему времени.

Таким образом, внешние соображения, выдвинутые Ф. Гиршем, не являются убедительными; однако Ф. Гирш установил факт кардинальной важности — близость «Книги царей» к хронике Продолжателя Феофана. Но к этому вопросу мы вернемся несколько позже.

Переворот в представлениях о соотношении «Книги царей» и хроники Продолжателя Феофана произошел около 1930 г. В статье «Михаил III и Василий Македонянин в анкирских надписях» А. Грегуар писал (еще в духе традиционных представлений), что для царствования Михаила III Генесий пользовался преимущественно устными известиями; «его отец или дед Константин был другарием виглы при этом императоре; Продолжатель Феофана использовал, помимо других источников и, возможно, устной информации, также и Генесия»⁴⁵. Но уже в добавлении к этой статье А. Грегуара мы находим следующее заявление: «Мадемуазель Анни Вернер, доктор философии, одна из лучших учениц А. Гейзенберга, намеревается показать, насколько сомнительно отнесение к Генесию хроники, носящей его имя (работа Ф. Штейнмана, видимо, осталась А. Грегуару неизвестной. — А. К.). Она не считает доказанным, что Продолжатель Феофана использовал Генесия, и допускает возможным даже обратное соотношение между ними»⁴⁶. Некоторое время спустя А. Грегуар, вновь ссылаясь на А. Вернер, писал, что Генесий и Продолжатель Феофана опирались на общий источник, а именно на не дошедшую до нас хронику, производя ее текст каждый по-своему.

К этой хронике, составленной, «без сомнения», в начале X в., восходят также некоторые исторические пассажи эпоса о Дигенисе, и в частности описание битвы 863 г.⁴⁷

Еще через два года А. Грегуар снова вернулся к вопросу о соотношении Генесия и Продолжателя Феофана. Называя старую теорию (которой он так недавно и сам еще отдавал дань) «столь же абсурдной, сколь и распространенной», А. Грегуар ссылаясь на неопубликованные работы мадемуазель Мишо (Michaux), которая должна показать, что Генесий и Продолжатель Феофана опирались на общий источник⁴⁸. Он считал, что этот источник представлял собой нагромождение разнородных фактов — как реальных, так и легендарных; в частности, этот источник использовал легенду о византийском полководце Мануиле⁴⁹.

Работы А. Вернер и мадемуазель Мишо так и остались неопубликованными; последовательный пересмотр соотношения обоих текстов до сих пор еще не проделан. Все, что мы имеем взамен систематического анализа Ф. Гирша, поддержанного такими авторитетами, как К. Крумбахер, В. Г. Васильевский и К. де Боор, — это программные утверждения А. Грегуара, на основании которых новая точка зрения (изложен-

⁴⁴ E. W. Brooks. On the date of the first four books of the Continuator of Theophanes. BZ, Bd. 10, 1901, p. 416 f.

⁴⁵ H. Grégoire. Michel III et Basile le Macédonien. . . , p. 335.

⁴⁶ Ibid., p. 346.

⁴⁷ H. Grégoire. Autour de Digénis Akritas. Byz., VII, 1932, p. 289 sq.

⁴⁸ H. Grégoire. Manuel et Théophobe. Byz., IX, 1934, p. 185, n. 1. Мадемуазель Мишо умерла, не завершив своего исследования.

⁴⁹ Ibid., p. 202.

ная им, как мы можем убедиться из приведенных выше цитат, несколько непоследовательно) получила права гражданства⁵⁰.

Действительно, для оценки Генесия и Продолжателя Феофана как исторических источников мы должны прежде всего представить себе их методы работы над «общим источником», коль скоро мы вместе с А. Грегуаром постулируем его существование. Выяснить же это возможно лишь путем последовательного сопоставления обоих текстов; это сопоставление тем более необходимо, что в свое время Ф. Гирш уже проделал подобную работу, которая привела его, как мы знаем, к выводу о зависимости Продолжателя Феофана от Генесия. Следовательно, новая концепция может утвердиться лишь в том случае, если удастся опровергнуть наблюдения Ф. Гирша над соотношением обоих авторов.

Такова задача, вытекающая из современного состояния историографии. Мы намереваемся предложить лишь частичное ее решение, остановившись на сопоставлении Генесия преимущественно со второй частью хроники Продолжателя Феофана, возникшей, как известно, в качестве самостоятельного произведения (скорее всего, — Константина Багрянородного).

Сопоставляя сходные места в хрониках обоих авторов, Ф. Гирш пришел к убеждению, что Генесий употребляет более точные термины там, где Константин ведет рассказ в общих и неопределенных выражениях⁵¹. Однако это заключение Гирша представляется необоснованным.

Мы действительно встречаем у Генесия иной раз точные определения. Рассказывая о неудачном походе Адриана на помощь Сиракузам, Генесий замечает, что этот полководец промедлил в гавани 50 дней из-за плохой погоды (Gen., p. 116.21), тогда как Константин просто сообщает, что Адриан, ожидая хорошей погоды, провел в гавани много времени⁵². 50 дней непогоды — это настолько «точное» определение, что оно может только вызвать подозрения. Еще более сомнительным является указание Генесия на то, что однажды Адриан «в первом часу» (Gen., p. 117.14) отправился услышать о предсказаниях, которые были даны неким «демоном», — эта точность византийского историка, писавшего почти сто лет спустя после событий, к тому же, как он сам говорит, по рассказам и слухам, не вызывает доверия. Совершенно фантастической является, наконец, «точность» Генесия в рассказе о том, что арабы захватили весь запад (*ἕσπερα πᾶσα*), в том числе

⁵⁰ Cp. G. Ostrogorsky. *History...*, p. 187; Gy. Moravcsik. *Byzantinoturcica*, Bd. I, S. 318. [К сожалению, Д. Моравчик говорит в одном случае (стр. 318) о сходстве Генесия с «тремя первыми книгами» Продолжателя Феофана, а в другом (стр. 541) — с «пятью первыми книгами»; правильно, на наш взгляд, последнее]. А. Диллер справедливо считает, что соотношение между обеими хрониками до сих пор еще не выяснено (A. Diller. *Excerpts from Strabo...*, p. 242). Однако сравнительно недавно Ф. Баричич вернулся к точке зрения Ф. Гирша, утверждая, что Продолжатель Феофана в основном почерпнул свой материал из Генесия, хотя и использовал некоторые иные источники, в том числе и те, на которые опирался сам Генесий (F. Barišić. *Génésios et le Continuateur de Theophane. Vuz.*, XXVIII, 1958, p. 122 sq.). Однако Ф. Баричич основывался в своих выводах не на текстологическом сравнении обоих авторов, а на общих соображениях; в частности, он считал, что Продолжатель Феофана враждебнее настроен к предшественникам Василия I, нежели Генесий (*ibid.*, p. 121); даже то обстоятельство, что рассказ Продолжателя Феофана о правлении Льва V и Феофила более строен, нежели соответствующие части книги Генесия, служит Ф. Баричичу аргументом в пользу того, что Продолжатель Феофана перерабатывал «Книгу царей» (*ibid.*, p. 126).

⁵¹ F. Hirsch. *Op.*, cit., S. 229.

⁵² Th. C., p., 310.7.

многочисленные города Сицилии и Лонгивардии (около 150), кроме одного Галериана⁵³. Таким образом, «точность» Генесия не может не вызвать подозрений и оборачивается не в его пользу.

В то же время мы находим ряд параллельных мест, в которых Константин употребляет более точные термины, чем Генесий, при этом со знанием дела. Так, Генесий рассказывает, что император Василий проводил свободное время в «секрете» (Gen., p. 126.7); «Жизнеописание Василия» употребляет технический термин — геникон (Th. C., p. 260.15). Когда они рассказывают об одних и тех же людях, Генесий подчас называет только их имена, Константин же не забывает и титулы⁵⁴. Поэтому наблюдение за точностью терминологии не может дать нам каких-то положительных заключений — и во всяком случае аргументов в пользу теории о зависимости Константина от Генесия⁵⁵.

Для того чтобы решить вопрос о взаимоотношении этих двух памятников, необходимо рассмотреть их, сравнивая главу за главой.

Генесий начинает с краткой родословной Василия, производя его от Арсакидов и Александра Македонского (Gen., p. 107.14—18). Следующая фраза: «Родился от родителей небезызвестных» (Gen., p. 107.19) звучит поэтому несколько неожиданно, в лучшем случае как тавтология, и заставляет предполагать пропуск у Генесия сравнительно с его источником. И действительно, чрезвычайно подробная генеалогия в «Жизнеописании Василия» начинается с фразы: «Он вел свой род от армянских Арсакидов» (Th. C., p. 212.20), а завершается словами: «Вот от сколь великих родителей произошел Василий» (Th. C., p. 216.4—5); между этими фразами — несколько страниц, опущенных, по-видимому, Генесием.

Далее, Константин, рассказывая о воспитании Василия, употребляет вычурный историко-мифологический образ: «Сын воспитывался отцом, имея в нем наставника в поступках и речах, воспитателя и учителя всеческой добродетели, и потому не нуждаясь ни в получеловеке Хироне, как Ахилл, ни в Ликурге-законодателе, ни в Солоне, ни в пребывании в чужих странах» (Th. C., p. 220.1—6). Генесий, сокращая изложение, придает этой фразе обратный смысл: «В детстве воспитывался ими (т. е. родителями. — А. К.), как некий Ахилл кентавром Хироном» (Gen., p. 107.20). Обе эти фразы не могут быть независимыми; при этом слова

⁵³ Gen., p. 115.23—116.2. Локализация Галериана затруднительна. Дж. Бьюри (J. Bury. The treatise... p. 550) обратил внимание на сходство этого пассажа Генесия с соответствующим рассказом трактата Константина Багрянородного «О фемах»; упоминание о Галериане, отсутствующее в трактате, он считал почерпнутым от самого Константина VII, а Галериан отождествлял с Гарильяно, арабской крепостью на р. Лирис. Однако отождествление Дж. Бьюри сомнительно, так как Галериан Генесия — византийский город времен Василия I, тогда как Гарильяно (mons Gargelianum. Liudgrand von Stepona. Die Werke. Hannover—Leipzig, 1915, S. 57 f.) являлся опорным пунктом арабских войск, построенным при Льеви VI. Ср. еще замок Galeria, расположенный, однако, близ Рима (Liber pontificalis, éd. par L. Duchesne, t. II, Paris, 1892, p. 334 sq., 358).

⁵⁴ Gen., p. 110.1—3; Th. C., p. 229.1—10.

⁵⁵ В отличие от этого, в первых книгах Генесия мы действительно не один раз находим точные термины, которых нет в соответствующих местах хроники Продолжателя Феофана. Так, Генесий называет Феодота спафарокандидатом, сыном патрикия Михаила (Gen., p. 11.3—5); всех этих данных нет у Продолжателя Феофана (Th. C., p. 22.11—12); только Генесий называет Арсавира патриkiem и квестором (Gen., p. 21.8—9. Ср. Th. C., p. 35.7); ἀχροατά Генесия (Gen., p. 20.4) соответствует описательное выражение ὀταχοατά Продолжателя Феофана (Th. C., p. 34.8); только Генесий упоминает Магнаврский σελλέντιον (Gen., p. 51.2). Генесий именует Омортага χ(ίρ)ιος (Gen., p. 41.17), тогда как у Продолжателя Феофана употреблен термин βασιλεύς (Th. C., p. 64.20) — титул, впервые принятый Симеоном и, следовательно, являющийся в данном контексте анахронизмом. Не могло ли это чтение быть результатом палеографической ошибки, возникшей из-за сходства минускульных χ и β?

Константина звучат естественнее, и мы скорее можем допустить, что именно они ближе к первоначальному тексту, нежели признать их переработкой не очень вразумительной фразы Генесия, сравнившего фракийских землевладельцев с Хироном.

В описании детства Василия Генесий чрезвычайно близок к Константину, но, переходя к истории Василия при Михаиле III, он использует и кое-какие особые источники. Так, повествуя о появлении Василия в Константинополе, Константин сообщает, что его дед был встречен игуменом монастыря св. Диомида, видевшим чудесный сон, предвещавший грядущее воцарение Василия (Th. С., р. 223.14—224.13), Генесий же утверждает, что это был «некий монах, а по мнению некоторых, сам игумен» (Gen., р. 108.21). Кого мы должны разуметь под «некоторыми»? Если бы Генесий писал на основе современных свидетельств, то он вполне мог иметь в виду противоречивые слухи; однако со времени прихода Василия в столицу прошло, видимо, чуть меньше ста лет, и противоречивость Генесия гораздо лучше объяснялась бы наличием противоречивой писаной традиции. Византийские хронисты, рассказывая о столь давних событиях, опирались обычно на писанные памятники, рабски копируя свои образцы и лишь кое в чем отступаая от них, — эта особенность хронографии отчетливо наблюдается в истории текста хроники Симеона Логофета. Если согласиться с подобным предположением, то в этой фразе мы могли бы видеть намек на «Жизнеописание Василия». Впрочем, возможно и другое решение: фраза о монахе могла принадлежать «общему источнику»; Генесий мог сохранить ее, тогда как Продолжатель Феофана подверг ее известной переработке, освободившись от одной из версий.

Иначе, чем Константин, повествует Генесий о победе Василия над борцом-профессионалом, расходится он с Константином и в трактовке убийства Михаила 24 сентября 867 г. У Генесия оно изображено как личное дело Василия, хотя он и воздержался от непосредственного участия в действиях заговорщиков. По словам Генесия, Михаил зло подшутил над Василием, и эта шутка послужила причиной начавшегося разлада. Друзья сообщили Василию, что Михаил готовится расправиться с ним, и убеждали убить императора. Когда он отверг их предложение, они сами убили Михаила, «чтобы не погибнуть вместе с Василием» (Gen., р. 112.1—113.10).

Это место Генесия, бесспорно, значительно достоверней, чем приукрашенный, апологетический рассказ Константина, перечисляющего пороки Михаила, которые якобы вызвали недовольство знати и синклита и привели к убийству императора (Th. С., р. 254.15—255.5). У Константина этот акт приобретает характер возмездия за разврат, причем Василий изображается к нему не причастным.

Обращаясь к источникам, далеким от официальной версии апологетов основателя Македонской династии, и прежде всего к агиографическим памятникам, мы находим там еще более последовательное, чем у Генесия, обвинение Василия в расправе с Михаилом III. Согласно краткой заметке «Жития Феодора», Михаил в возрасте 29 лет был убит Василием во дворце св. Маманта⁵⁶. Подтверждая это известие, «Житие Ирины» добавляет, что Михаил погиб пьяным⁵⁷. Григорий, автор «Жития Василия Нового», заставил Василия перед смертью увидеть убитого им Михаила⁵⁸. В «Жи-

⁵⁶ *Analecta byzantino-russica*, р. 15.11—13. Это свидетельство не учтено Ж. Луйе в сводке агиографических данных по истории IX в. (см. A. Vasiliev. *Byzance et les arabes*, t. I. Bruxelles, 1935, р. 434).

⁵⁷ *AASS Juli*, t. VI (см. ВHG, t. II, № 952), р. 616. F.

⁵⁸ С. Г. Вилинский. Житие св. Василия в русской литературе. «Зап. Ист.-филол. ф-та Новоросс. ун-та», вып. 7, 1911, стр. 285.1—5. Ср. поздний ва-

тии Марии Новой» также сказано, что Василий убил Михаила⁵⁹. В отличие от этого, Никита Пафлагон, автор «Жития Игнатия», враждебно относившийся к ставленнику Михаила III Фотию, не называет Василия I убийцей своего предшественника⁶⁰. Точно так же автор «Жития Евариста», принадлежавший к числу противников Фотия, не говорит об убийстве Михаила: он сообщает лишь, что император умер и ему наследовал Василий⁶¹.

Рассказом о смерти Михаила III и ограничивается оригинальность Генесия в соответствующей части. Далее он останавливается на трех эпизодах: 1) войны на Востоке, причем речь идет преимущественно о гибели Хресохира, вождя павликиан; 2) итальянская кампания, причем речь идет главным образом о наказании беглецов из войска Насара, и 3) сиракузская экспедиция Адриана, причем речь идет почти исключительно о предсказании демоном падения Сиракуз. Во всех этих рассказах почти ничего исторически достоверного нет.

Разберем прежде всего два последних эпизода, которые имеются и у Константина. Генесий сообщает, что сарацины из Африки постоянно тревожили византийские владения (Gen., p. 115.22). Против арабского флота были посланы полководцы Насар и Прокопий (Gen., p. 116.4). Сообщив эти краткие сведения, Генесий подробно останавливается на этимологии слов Италия и Лонгивардия⁶². Затем он переходит к сиракузской экспедиции, но сосредоточивает свое внимание не на военных действиях, а на тех предсказаниях, которые получил от демона полководец Адриан (Gen., p. 116.19—118.3). После этого Генесий еще раз повторяет уже рассказанное, повествуя о том, что африканские арабы послали 60 кораблей против Кефалинии и Закинфа и что против них был отправлен полководец Насар (Gen., p. 118.8—15).

Далее мы находим у Генесия историю о том, как из войска Насара бежало большинство стратиотов (οἱ πλείστοι στρατιωτῶν. — Gen., p. 118.16). Узнав об этом, император отдал грозный приказ казнить беглецов, а сам тайно распорядился, чтобы вместо беглецов 30 плененных агарян подверглось бичеванию на ишподроме — как предупреждение всем остальным (Gen., p. 118.21—119.11).

После этого следует заметка о том, что Насар одержал победу (Gen., p. 120.4—6), а вслед затем — о разграблении ромеями Сицилии и Африки, а также и Лонгивардии (Gen., p. 120.8—9).

Рассказ Генесия полон несообразностей. Конечно, Насара покинуло не большинство стратиотов, иначе нельзя было бы требовать их казни. Гораздо более правдоподобно известие Константина о том, что бежало «немалое число гребцов» (Th. C., p. 302.13). Далее, Константин передает, что император приказал подвергнуть наказанию содержащихся в тюрьме преступников (Th. C., p. 303.2), а не плененных агарян — послед-

риант жития (там же, стр. 144.38—39). Составители справочника по византийской агнографии (ВНГ, т. I, № 264b) ошибочно объединяют обе версии. Легенду о видении Василия I см. еще у Лиутпранда (Liudprand von Cremona. Op. cit., S. 9).

⁵⁹ AASS Novem., t. IV (см. ВНГ, т. II, № 1164), p. 692. С. А. Фохт, не используя ни известия Генесия, ни данных агнографии, следовал за версией Продолжателя Феофана в описании переворота 24 сентября (см. А. Vogt. Basile Ier . . . , p. 46).

⁶⁰ PG, t. 105 (см. ВНГ, т. I, № 817), col. 540.A.

⁶¹ AB, vol. 41, 1923 (см. ВНГ, т. III, № 2153), p. 308.37—309.1.

⁶² Gen., p. 116.5—15. Эта этимология частично восходит к античным образцам, частично же принадлежит, как полагает А. Диллер (A. Diller. Excerpts from Strabo. . . , p. 247), нашему автору или, быть может, кому-то из его современников.

них было бы, вероятно, нетрудно отличить от византийских стратиотов, так что мероприятие императора теряло бы всякий смысл.

В «Жизнеописании Василия» нет раздвоения похода Насара на запад, нет в нем и фантастического разграбления Африки. Константин сообщает, что Насар одержал над сарацинами ночную победу, действуя из Мефоны, т. е. близ берегов Пелопоннеса (Th. С., р. 304.7—15), затем отправился к берегам Сицилии и Панорму и в т о р и ч н о разбил арабов у острова Стили (Th. С., р. 305.8—9). Пешее войско, посланное в Италию, возглавлял протовестиарий Прокопий, который вскоре был убит, преданный одним из его помощников — Львом Апостипом (Th. С., 306.5—8). После этого ромей взяли Тарент (Th. С., р. 306.12—13). Одно это уже показывает сомнительность утверждения Ф. Гирша, будто бы Константин заимствовал у Генесия этот эпизод «почти целиком»⁶³.

Вторая победа Насара и сухопутный поход в Италию — не измышления Продолжателя Феофана. Если известие Кембриджской хроники о победе греков над сарацинами в 879/80 г. (до 1 сентября 880 г.) несколько неопределенно (название места победы византийцев по-разному читается в разных списках)⁶⁴, то сообщение папы Иоанна VIII в послании Карлу Лысому от 30 октября 880 г. явно относится ко в т о р о й победе Насара, ибо папа говорит о победе, одержанной греками «в море Исмаилитов» (in mari Hismahelitarum)⁶⁵, что не может быть отнесено к мефонскому сражению. Следовательно, послание папы подтверждает известие «Жизнеописания Василия», отсутствующее у Генесия. О походе Насара к Панорму и о его победе (локализуемой близ Регия) знает также «Житие Илии Младшего»⁶⁶.

Что же касается похода Прокопия в Италию и его смерти в результате предательства Апостипа, то об этом рассказывается в хронике Симеона Логофета⁶⁷, а итальянская хроника Лупа Протоспафария сообщает, что арабы оставили Тарент в 880 г.⁶⁸

Итак, Константин оказывается более осведомленным о походе Насара, и нет совершенно никакой нужды выводить его рассказ об этих событиях из фантастического и путаного повествования Генесия. Наоборот, весьма вероятно, что Генесий превратил две победы Насара в два самостоятельных похода.

Переходим к анализу известий о походе на Восток. Рассказ Генесия об этих событиях признается достоверным, А. А. Васильев отдает ему предпочтение перед «Жизнеописанием Василия»⁶⁹. Однако рассмотрение этого известия Генесия не позволяет, как нам кажется, согласиться с таким выводом.

Генесий начинает с того, что предшественники Василия не придавали должного значения военным делам, поэтому исмаилиты смогли совершить поход до Малагин (Gen., р. 114.15—19). Василий же направил против арабов стратилата Андрея, который с помощью «западных скифов» одержал большую победу и был награжден чином доместика схол и магистра (Gen., р. 115.1—10).

⁶³ F. Hirsch. Op. cit., p. 261.

⁶⁴ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II. Приложение, стр. 70. См. анализ этого места в свете известий арабских историков — там же, ч. II, стр. 77, прим. 1. Cp. J. Gay. L'Italie méridionale et l'empire Byzantin. Paris, 1904, p. 111 sq.

⁶⁵ MGH, Epp., t. VII, pars I, p. 233 (Ph. Jaffé. Regesta pontificum romanorum, t. I. Lipsiae, 1885, № 3327).

⁶⁶ AASS Aug., t. III (см. ВHG, t. I, № 580), p. 494.D.

⁶⁷ «Хронограф Георгия Амартола», изд. Э. Муральт. СПб., 1859, стр. 761.15—22.

⁶⁸ MGH, SS, t. V, p. 53.

⁶⁹ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II, стр. 34, прим. 1.

Этот рассказ об Андрее почти в тех же самых словах содержится во второй редакции хроники Логофета (ватиканский Георгий)⁷⁰, которая сразу же после этого переходит к рассказу о вожде павликиан Хрисохире, о его набеге до Никеи и Никомидии и поражении от ромеев. Рассказ о Хрисохире мы находим и у Генесия, который сообщает, что начальник схол (*καθηγητὸν τῶν σχολῶν*. — *Gen.*, p. 122.17; ср. p. 125.5—6), т. е. Андрей, встретился с Хрисохиром у Вафириака и разбил его, после чего вождь павликиан обратился в бегство и был убит Пуладом и Диаконицей. Однако у Генесия рассказ о разгроме Хрисохира «начальником схол» (опять-таки неточный термин!) оторван от рассказа об Андрее и его победе над исмаилитами.

Анализируя оба рассказа об Андрее, мы можем сделать следующее заключение: Генесий не мог заимствовать этот рассказ из ватиканского Георгия, так как текст последнего возник не раньше, чем при Никифоре Фоке (963—969)⁷¹, тогда как «Книга царей» была закончена при императоре Константине VII. Иначе говоря, она была написана до составления второй редакции хроники Логофета.

Однако и вторая редакция хроники Логофета не может опираться на «Книгу царей» — иначе нам пришлось бы допустить, что расчлененный у Генесия рассказ об Андрее превратился под пером составителя этой редакции вновь в единое целое. Более естественно было бы допустить, что Генесий и ватиканский Георгий взяли рассказ об Андрее из третьего источника, который мы условно можем назвать «Повестью о стратилате Андрее». Эта повесть, не дошедшая до нас, должна была уже существовать в середине X в.; она возникла на основе преданий об исторических событиях (победа Андрея на Востоке) и, может быть, под влиянием легенды о мученичестве св. Андрея-стратилата, пострадавшего в Киликии при императоре Максимиане, — легенды, в которой рассказывалось о победах Андрея на Востоке над персами⁷².

Возможно, что эта повесть об Андрее была известна и автору «Жизнеописания Василия», который, однако, рассказывает о победе Андрея несколько иначе. «Уже прошли годы (*ἤδη δὲ τοῖς οἰχομένοις χρόνοις*) с тех пор, как отцвела и совсем погибла Тефрика, — начинает Константин свой рассказ об Андрее, как бы полемизируя с теми, кто приписывал Андрею победу над павликианами, — и начала расцветать и увеличиваться сила тарситов, и они вновь стали теснить крайние пределы ромеев» (*Th. С.*, p. 284.6—9). Тогда против них выступил Андрей-скиф, который нанес им поражение и многих взял в плен. За свою победу он получил звание патрикия и командование сколами (*Th. С.*, p. 284.14—15). Далее Константин рассказывает, что Андрей был смещен и заменен Стипиотом, который вскоре после того потерпел поражение (*Th. С.*, p. 286 sq.).

Версия Константина находит подтверждение и в других источниках. Хроника Логофета в конце книги, посвященной Василию, рассказывает, что Андрей, доместик схол, был обвинен сторонником Фотия Сантварином и замещен Стипиотом. Последний потерпел поражение под Тарсом, и Андрей вновь был назначен доместиком⁷³. Табари, который был почти современником событий, сообщает, что в сентябре 883 г. в Багдад дошли сведения о набеге патрикия Андрея на Тарс, закончившемся грандиозной

⁷⁰ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. II. Пг., 1922, стр. 19.10—16.

⁷¹ См. А. П. Каждан. Хроника Симеона Логофета. ВВ, XV, 1959, стр. 131.

⁷² ВHG, t. I, № 118—119. Ср. еще краткую версию: *Synagarium ecclesiae Constantinopolitanae*, ed. H. Delehaeye. Bruxelles, 1902, p. 909.

⁷³ «Хронограф Георгия Амартола», стр. 764.8—13.

победой мусульман⁷⁴. Таким образом, все наши источники связывают поход Андрея с борьбой против арабов Тарса. Победу Андрея над арабами, которую Генесий относит к началу правления Василия I, на самом деле следует отнести к концу.

В середину рассказа об Андрее, как уже было сказано выше, Генесий вставляет ряд эпизодов. Он начинает с краткого рассказа о победе императора над павликианами Тефрики и о его походе в Сирию (Gen., р. 115.13—21). Этот рассказ очень близок к «Жизнеописанию Василия» (§ 37—40), но содержит значительные сокращения. Внезапно повествование о Тефрике прерывается уже известным нам изложением событий на Западе, после чего Генесий вновь возвращается к Тефрике. Генесий говорит, что Василий один и другой раз выступал против павликиан (Gen., р. 120.21). И снова Генесий, как в повествовании о Насаре, повторяется, опять начиная рассказывать о первом походе (Gen., р. 120.22). После первого (неудачного?) похода, рассказывает затем Генесий, Василий вторично направляется против Тефрики и овладевает городом, так как сопротивление защитников павликианской столицы было ослаблено после землетрясения (Gen., р. 121.6—11). Сообщение о двух походах на Тефрику подтверждается и другими источниками. Враждебная Василию хроника Логофета прямо говорит о поражении, которое император потерпел в первом походе, и о том, как впоследствии он послал против павликиан своего зятя Христофора, который одержал большую победу и разрушил Тефрику до основания⁷⁵. Но Генесий не удовлетворяется упоминанием о двух походах. Уже после сообщения о взятии Тефрики он возвращается к повести об Андрее и приводит ее конец, т. е. рассказ о походе Хресохира до Анкиры и о его разгроме доместиком. Эти события он отделяет от падения Тефрики двумя годами (Gen., р. 122.14).

Чтобы уяснить, насколько запутан и противоречив рассказ Генесия о павликианских войнах, мы должны восстановить действительный ход событий.

Император Василий сделался единоличным правителем 24 сентября 867 г. Первое время он был занят переговорами с восставшим друнгарием флота Никитой Орифой, после примирения с которым Василий «пошел на врагов, оставив Орифе город»⁷⁶. Это был первый поход на павликиан, который А. А. Васильев относит к 871 г., полагая, что ему предшествовало посольство Петра Сицилийского в Тефрику в 870 г.⁷⁷ Однако против этой датировки могут быть высказаны некоторые возражения: действительно, уже из приведенной фразы Продолжателя Феофана следует, что поход имел место сразу же после примирения Василия с восставшим друнгарием флота. Кроме того, известно, что в начале правления Василия I патрикий Никита Орифа был послан на помощь осажденному арабами

⁷⁴ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II. Приложения, стр. 9. По-видимому, Табари смешал Стипиота с Андреем и приписал последнему поражение, которое в действительности потерпел Стипиот (см. А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II, стр. 82, прим. 3). Первый поход Андрея на Тарс А. А. Васильев (указ. соч., стр. 70, прим. 3) относит к 878 г.

⁷⁵ «Хронограф Георгия Амартола», стр. 755.6—756.3; Th. S., р. 690.6—13 (в версии Псевдо-Симеона речь идет о разрушении Африки — вместо Тефрики).

⁷⁶ Это известие имеется только во второй и третьей редакциях хроники Логофета (В. М. Истрин. Указ. соч., т. II, стр. 17.29—30; Th. S., р. 687.14—15), но отсутствует в первой (см. «Хронограф Георгия Амартола», стр. 752).

⁷⁷ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II, стр. 30, прим. 1. Ср. К. Н. Юзбашян. К истории павликианского движения в Византии в IX в. «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 4, 1956, стр. 265; L. Bréhier. Vie et mort de Byzance. Paris, 1947, р. 132. А. Фохт относит первый поход против павликиан то к весне 871 г. (A. Vogt. Basile Ier..., р. 322), то к весне 870 г. (ibid., р. 323).

Дубровнику⁷⁸; после этого византийский флот во главе с Орифой был направлен в Италию, чтобы поддержать Людовика II, осаждавшего Бари. Гинкмар сообщал под 869 г., что франки (уже в мае?) ожидали прибытия более чем двухсот византийских кораблей (MGH, SS, vol. I, p. 481); далее он писал, что посланный Василием I флот, насчитывавший 400 судов, возглавлял патрикий (MGH, SS, vol. I, p. 485); имя этого патрикия — Никита — засвидетельствовано письмом Людовика II, включенным в Салернскую хронику (MGH, SS, vol. III, p. 525).

Итак, отплытие Орифы из Константинополя относится, скорее всего, к 868 г. Остается выяснить, сколько времени он пробыл вне византийской столицы.

Константин, упомянув, что патрикий Никита Орифа был послан в Дубровник (Th. С., p. 293.2—3), подчеркивает несколько ниже, что император Василий I не считал целесообразным отправлять в Италию другие отряды (Th. С., p. 293.7—8) и потому приказал направиться к Бари этим же войскам, т. е. войскам Орифы, подкрепленным далматинскими славянами (Th. С., p. 293.13—16). «Когда все собралось и составили большое войско, Бари вскоре был взят; в этом деле ромейский наварх превосходил всех умом и мужеством» (Th. С., p. 293.17—19). Таким образом, согласно «Жизнеописанию Василия», Никита участвовал в осаде Бари. Этот город был взят 2 февраля 871 г.

Однако в Салернской хронике командующий византийскими кораблями, посланными к Бари, назван патрикием Георгием (MGH, SS, vol. III, p. 521); это место написано, скорее всего, на основе письма Людовика II, также включенного в Салернскую хронику, где византийский адмирал именуется стратигом Георгием (MGH, SS, vol. III, p. 527: оба места совпадают почти буквально). Ж. Гэй, отдавая предпочтение латинскому источнику, пришел к выводу, что после экспедиции 869 г. Никита отошел к Коринфскому заливу⁷⁹; в таком случае стратига Георгия можно считать одним из его подчиненных. Но даже если Никита и не участвовал во взятии Бари в феврале 871 г., он оставался и после этого события в западных водах Византийской империи, успешно действуя против критских арабов⁸⁰.

Если мы учтем, что Табари относит смерть Хрисохира и разгром Тефрики к 871/2 г.⁸¹, то первый поход против павликиан нам придется отнести ко времени до отплытия Никиты Орифы в Дубровник, т. е. к первому году правления Василия I. А так как «Жизнеописание Василия» отмечает, что ромеи двинулись в поход весной (Th. С., p. 266.14), мы получаем дату похода — весна 868 г.

Этот поход был безрезультатным. По-видимому, после него и произошли те события, которые отмечены в «Повести о стратилате Андрее»: Хрисохир вторгся в Византию до Никеи и Никомидии, превратил в конюшню храм Иоанна Богослова и дерзко отверг мирные предложения императора. Уже позднее Василий послал против Хрисохира войско во главе

⁷⁸ Th. С., p. 290.7—12. Ср. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Budapest, 1949, p. 126.97—98. Об отправке византийской помощи Дубровнику упоминает и дубровницкий историк XVII—XVIII вв. Ю. Растич (G. Resti. Chroniche di Ragusa. Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium, vol. XXV, 1893, p. 23), который, однако, смешивает Никиту Орифу с Никифором Фокой (см. А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II, стр. 15, прим. 1).

⁷⁹ См. J. Gay. Op. cit., p. 89; A. Vogt. Basile Ier... p. 319.

⁸⁰ Th. С., p. 300.1; 14. См. J. Gay. Op. cit., p. 101; ср. также R. Guiland. Etudes de titulature et de prosopographie byzantine. Les chefs de la marine byzantine BZ, Bd. 44, 1951, S. 215. К сожалению, Р. Гийан не ставит вопроса о хронологии военных действий Орифы в Италии.

⁸¹ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. II. Приложения, стр. 6.

с Христофором, которое разгромило Теффрику в 871/872 г. (дата устанавливается по Табари). О третьем походе (со стратилатом Андреем во главе) ни один источник, кроме Генесия, не сообщает.

Таким образом, Генесий, включив в рассказ о павликианских войнах повесть об Андрее, лишь спутал ход событий: рассказ о победе Андрея над арабами был перенесен в начало правления Василия I, а число походов против Теффрики возросло до трех.

В самом конце «Книги царей» Генесий дает характеристику Василия как человека и политического деятеля, бегло излагая «общеполезные дела» императора и упоминая о его любви к бедным. Подробнее он останавливается на страсти императора к охоте и к физическим упражнениям. Генесий сообщает здесь о победе Василия над атлетом-болгарином (Gen., р. 127.15—16), но уже Ф. Гирш показал, что в этом эпизоде Генесий повторяет рассказ, помещенный им в самом начале истории Василия, в повествовании о появлении будущего императора в Константинополе⁸².

Мы сопоставили известия Генесия о царствовании Василия I с «Жизнеописанием Василия», принадлежащим, скорее всего, перу Константина Багрянородного и включенным в состав сборника, условно называемого хроникой Продолжателя Феофана. Мы вынуждены отвергнуть традиционное представление, развитое всего последовательнее Ф. Гиршем, будто Генесий явился первым историком, рассказавшим об этих событиях и использованным впоследствии автором «Жизнеописания Василия»: из неясного, путаного и противоречивого повествования Генесия не могли бы родиться соответствующие разделы хроники Продолжателя Феофана. О независимости обеих хроник, разумеется, не приходится говорить; следовательно, мы должны либо допустить существование общего источника, плохо понятого и искаженного Генесием, либо же предположить, что Генесий пользовался материалами Константина, так сказать, черновым вариантом «Жизнеописания Василия», к чему он присоединил известия, почерпнутые из повести о стратилате Андрее, рассказ об убийстве Михаила III, легенду о борьбе Василия с болгарским атлетом, другой вариант предания о монахе (не игумене) монастыря св. Диомида и некоторые второстепенные детали.

Как историк Генесий совершенно беспомощен. В «Книге царей» много повторений. Отдельные части механически соединены, а некоторые эпизоды столь же механически подверглись разобщению. Такое обилие повторений и механическое разобщение цельных эпизодов вряд ли соответствуют традиционному представлению о Генесии как об авторе, писавшем на основании устных свидетельств, — это скорее могло быть присуще неопытному компилятору⁸³.

Существенные события почти не нашли отображения в «Книге царей» — внимание Генесия привлекали анекдоты, чудесные истории, этимология географических названий. Личность автора, его пристрастие, любовь и ненависть не чувствуются при описании событий, не связанных единством идей. Генесий — один из наиболее беспомощных византийских хронистов.

Но если мы можем допустить, что Генесий в соответствующей части восходит к «Жизнеописанию Василия» или к общему источнику, переданному им искаженно, то возникает вопрос о соотношении «Книги царей» с первой частью хроники Продолжателя Феофана. Мы не ставим своей целью детальный анализ соответствующих разделов обеих хроник, но хо-

⁸² F. Hirsch. Op. cit., p. 168.

⁸³ О методе Генесия в сравнении с Продолжателем Феофана и с Феофаном см. F. Barišić. Génésios..., p. 124 sq., 133.

тим указать на некоторые параллельные места, соотношение которых было бы вполне понятным, если допустить, что Продолжатель Феофана сохранил лучшую версию общего источника, нежели Генесий⁸⁴.

Дж. Бьюри в работе, опубликованной еще в 1892 г., обратил внимание на противоречивость известий Генесия и других источников о жизни Фомы Славянина. Эта противоречивость объясняется, по мнению Дж. Бьюри, тем, что Продолжатель Феофана и Генесий писали, основываясь на письменных источниках (ἐξ ἐγγράφων τινων. — Th. С., р. 50.19); автор этого общего источника не знал имени патрикия, в подчинении которого в юности находился Фома; не знал этого имени и Продолжатель Феофана. Только Генесий ошибочно назвал имя этого патрикия — Вардан. «Мы пошли бы чересчур далеко, если бы приписали самому Генесию эту идентификацию; он мог почерпнуть ее из какого-нибудь народного предания, где, как это нередко бывает в народных преданиях, оказались смешанными различные персонажи»⁸⁵. Нам кажется, однако, что и эта гипотеза не является необходимой, и мы можем найти ближе источник идентификации Генесия, нежели в народной легенде, существование которой еще нужно доказать.

Дж. Бьюри, по нашему мнению, не обратил достаточного внимания на вторую версию рассказа Продолжателя Феофана о юности Фомы Славянина, хотя сам он подчеркнул существование в хронике двух версий⁸⁶.

Согласно одной из этих версий (εἰς καὶ πρῶτος λόγος), Фома был бедняком, который поселился в Константинополе и вступил под покровительство (κολληθεῖς) некоего синклитика; затем он бежал к агарянам (Th. С., р. 50.18—51.6). В другой (ἄτερος) версии рассказывается о том, что Фома был близок к знатному вельможе Вардану (Th. С., р. 52.8—9). В отличие от этого, Генесий приводит в соответствующем месте только одну версию — однако эта версия образовалась из механического соединения обеих версий Продолжателя Феофана: Генесий рассказывает, что Фома, переселившийся в Константинополь, вступил здесь под покровительство (κολληθεῖς) патрикия Вардана (Gen., р. 35.10—11). Таким образом, можно предположить, что Генесий не пользовался никакими противоречивыми преданиями, но, упрощая сложное повествование Продолжателя Феофана (или общего источника), объединил обе версии о происхождении Фомы⁸⁷.

⁸⁴ Уже давно было указано на неточность отдельных положений Генесия в разделах до воцарения Василия I. См., например, А. Vasiliev. *Byzance et les arabes*, t. I. Bruxelles, 1935, р. 104, п. 4; E. Stein. *Post-consulat et autocratie*, р. 899, п. 2. Особенно существен в этой связи анализ, сделанный А. Грегуаром, преданий о полководцах Мануиле и Феофобе, — преданий, послуживших, как он полагает, материалом для «общего источника» Генесия и Продолжателя Феофана. См. H. Grégoire. *Manuel et Théophobe*, р. 203; А. Vasiliev. *Byzance et les arabes*, t. I, р. 413 sq. О Феофобе-Насре см. еще З. М. Бунятов в Бабек и Византия. «Доклады АН Азерб. ССР», т. 15, 1959, № 7, стр. 613 сл.; А. Vasiliev. *Byzance et les arabes*, t. I, р. 400 sq.

⁸⁵ J. В. Вугу. *The identity of Thomas the Slavonian*. ВZ, Bd. 1, 1892, р. 59. О начале деятельности Фомы Славянина см. также Е. Э. Липшиц. *Очерки истории византийского общества и культуры*. VIII—первая половина IX века. М.—Л., 1961, стр. 217 и сл.

⁸⁶ J. В. Вугу. *The identity...*, р. 58.

⁸⁷ Дж. Бьюри в цитированной выше работе предположил, что Генесий передает и вторую версию о юности Фомы, содержащуюся в книге, посвященной Льву V Армянину. Однако в действительности мы встречаем там лишь несколько упоминаний об армянине Фоме с Газурского озера (Gen., р. 8.14—16; ср. Th. С., р. 7.3—4), находившемся в услужении патрикия Вардана и принявшем участие в мятеже Вардана (Gen., р. 10.13—14) в 803 г., а позднее, после воцарения Льва V, назначенного турмархом федератов (Gen., р. 12.13—14).

В другом месте оба памятника повествуют о том, что император Феофил, вступив в 829 г. на престол, предал смерти тех синклитиков, которые помогли его отцу свергнуть Льва V. Продолжатель Феофана четко аргументирует это решение Феофила, указывая, что император боялся заговора и решил уничтожить «тех, кто путем заговора передал его отцу царскую власть» (Th. С., р. 85.5—6). Только после этого он переходит к рассказу о созыве синклитиков в Магнавру и о том, как заговорщики были преданы на суд епарха.

В отличие от этого Генесий ограничивается описанием хода событий, пренебрегая объяснением их. По его словам, Феофил созвал синклит и обещал выдать награды участникам заговора против Льва V. Они называли себя, однако он арестовал их и передал в руки епарха (Gen., р. 51.1—52.3).

Отсутствие объяснения делает все это событие совершенно непонятным: естественно должен возникнуть вопрос, почему же Феофил подверг наказанию сотоварищей своего отца, которым он только что обещал награды. Разрешение этого недоумения мы находим лишь у Продолжателя Феофана, объясняющего — худо ли, хорошо ли — этот поступок императора; поэтому приходится допустить возможность того, что весь этот эпизод был заимствован Генесием. При этом Генесий, для которого вообще характерен механический подход к источникам, пренебрег объяснением поведения императора Феофила, что, как мы видим, сделало рассказ непонятным.

Сравнивая описание сражения при Анци 22 июля 838 г.⁸⁸ в обоих памятниках, мы можем не только видеть, что версия Продолжателя Феофана более подробно, нежели версия Генесия, но и догадываться, что скорее Генесий передает сокращенный рассказ своего источника, нежели Продолжатель Феофан — расширенную версию. Так, Генесий рассказывает, что полководец Мануил услышал, как «персидские» воины, находившиеся на византийской службе, приносили клятву на «сарацинском» языке (Gen., р. 69.1—2), и предупредил императора о готовящейся измене «персов». Рассказ Генесия явно не полон, ибо то, что слышал, по его сообщению, Мануил, еще не свидетельствовало об измене «персов»; Генесий не говорит о содержании клятвы. В отличие от этого, у Продолжателя

Единственное, что позволяет сблизить Фому Газурского с Фомой Славянином, это пророчество, будто Фома возмутится против Михаила II и будет предан им смерти (Gen., р. 9.14—15; ср. Th. С., р. 8.6—7). Вместе с тем уже М. Райкович убедительно показал, что известие Генесия о Фоме Газурском, который был армянином, противоречит его же собственному рассказу о мятежнике Фоме, которого Генесий называет скифом, отмечая, что он по своему происхождению отличался от Льва V Армянина (М. Райкович. О пореклу Тома, вође устанка 821—823 г. ЗРВИ, књ. 2, 1953, стр. 35). Не следует ли в этой связи вернуться к предположению Дж. Финлея, что обе версии относятся к разным лицам? См. G. Finlay. A history of Greece, vol. II. Oxford, 1877, p. 130, n. 2. Иное решение этой проблемы было предложено недавно Ф. Баришичем. По его мнению, известия хронистов о Вардане в первой и второй книгах связаны между собой, восходят к одному солидному источнику и составляют «первую версию» известий о Фоме Славянине; напротив, рассказ о бегстве Фомы к арабам и прочие известия, содержащиеся также в послании Михаила II Людовигу Благочестивому и некоторых других памятниках, составляют, по Ф. Баришичу, «вторую версию», которую он считает недостоверной (Ф. Баришич. Две верзије... стр. 148 сл.). Однако теория Ф. Баришича не объясняет ни противоречия, указанного М. Райковичем, ни отмеченного нами (на основе текстологического анализа) объединения Генесием обеих версий Продолжателя Феофана. К тому же сомнительно, чтобы официальная версия в современном источнике (послании Михаила II) настолько далеко отходила от фактов, как это представляется югославскому историку.

⁸⁸ Об этой битве см. А. А. Васильев. Византия и арабы [ч. I]. СПб., 1900, стр. 126 сл.

Феофана эпизод изложен ясно и понятно. Мануил слышал, рассказывает Продолжатель Феофана, как «персы» уславливались предать войско ромеев (Th. С., р. 128.15).

Эти примеры показывают, насколько трудно согласуется с фактами концепция Ф. Гирша также и в отношении первых разделов сочинения Генесия. «Книга царей» не служила источником хроники Продолжателя Феофана, но скорее, наоборот, Генесий черпал свои данные из этой хроники или же оба автора пользовались каким-то третьим, не дошедшим до нас источником, причем Продолжатель Феофана оказывается к нему во многих случаях ближе.

Один из наиболее сильных аргументов в пользу первичности сочинения Генесия был выдвинут в 1903 г. К. де Боором и повторен затем в 1940 г. греческим историком И. Пападопулосом, не знавшим, видимо, статьи К. де Боора⁸⁹. Оба исследователя обратили внимание на то, что в хронике Продолжателя Феофана (Th. С., р. 77.16—78.3) рассказывается о Кирилле, епископе Гортинском, погибшем вместе с десятью «славными мучениками» от рук арабов; этот эпизод, по их мнению, дублирует легенду о мученике Кирилле Гортинском, пострадавшем (также с 10 сотоварищами) на Крите в 304 г.⁹⁰ Генесий же, полагают К. де Боор и И. Пападопулос, не совершил этой ошибки, ибо он рассказывает о древнем Кирилле, чья кровь и поныне (μέχρι καί δεῦρο — Gen., р. 48.9), по словам некоторых очевидцев, сохраняется и служит благочестивым людям для омовения.

Рассуждения К. де Боора и И. Пападопулоса кажутся, однако, убедительными лишь при априорном допущении, что Продолжатель Феофана имел своим источником «Книгу царей»; однако стоит нам отказаться от этого тезиса, как их вывод перестает быть бесспорным. Действительно, рассказ о епископе гортинском помещен у Генесия среди известий о завоевании Крита арабами; ему предшествует родословная арабских правителей Крита — от Абу Хафса до Ширкуха (Зеркуна?)⁹¹, который был предшественником «нынешнего» правителя Крита (Gen., р. 48.5—6); после рассказа о Кирилле идет фраза: «С тех пор (ἐκ τότε) овладели бы агаряне островами, если бы император Михаил Амориец не старался освободить их» (Gen., р. 48.16—18). Почему бы Генесию пришло на ум включить в таком контексте рассказ о пострадавшем в начале IV в. мученике? В его представлении Кирилл оказывался связанным с арабским завоеванием Крита.

Дублирование старых агиографических сюжетов было свойственно литературе IX—X вв. Мы говорили об этом в связи с повестью о стратилате Андрее (см. выше, стр. 106); А. Грегуар еще ранее подчеркнул влияние агиографической традиции на формирование легенды о Мануиле⁹². Мы могли бы с полным основанием допустить, что известие о реальном гортинском епископе, погибшем во время арабского нашествия на Крит, обросло деталями, заимствованными из предания о древнем Кирилле. Это легендарное известие и послужило источником Продолжателя Феофана.

Мы позволим себе еще раз возвратиться к повести о Феофобе, которая уже была предметом специального исследования А. Грегуара, справед-

⁸⁹ C. de Boor. Ein falscher Bischof. BZ, Bd. 14, 1903, S. 433 f.; J. Papadopoulos. Ὑπάρχει καὶ δεύτερος ἅγιος Κύριλλος ἐπίσκοπος Γορτύνης. ΕΕΒΣ, т. 16, 1940, σελ. 247 ἔξ.

⁹⁰ BHG, т. I, № 467. К. де Боор относил мученичество Кирилла к правлению императора Деция (249—251).

⁹¹ A. Vasiliev. Byzance et les arabes, т. I, р. 57, n. 1.

⁹² H. Grégoire. Études sur la neuvième siècle. Byz., VIII, 1933, p. 523; ср. H. Grégoire. Manuel et Théophobe, p. 184; P. P[eters]. Bulletin des publications hagiographiques. AB, vol. 52, 1934, p. 146 sq.

ливо предположившего, что оба автора пользовались материалом независимо друг от друга и каждый из них по-своему сокращал оригинал⁹³. Однако мы хотели бы рассмотреть вопрос с иной точки зрения: внимание А. Грегуара было приковано к истории легенды о Феофобе и Мануиле, мы же стремимся выяснить отношение обоих хронистов к их источнику.

Предположение, что оба автора независимо друг от друга использовали рассказ о Феофобе, подтверждается тем фактом, что Генесий и автор хроники Продолжателя Феофана излагают историю Феофоба в различной последовательности. Так, Генесий включает в первую версию рассказ о восстании Бабека (Gen., p. 54.16—19) и только во второй упоминает о включении «персов» в стратиотские каталоги (Gen., p. 57.12—16). В отличие от этого, Продолжатель Феофана связывает оба эти эпизода: во второй его версии мы находим рассказ о том, как приверженцы Бабека были включены в стратиотские каталоги (Th. С., p. 112.8—21). Далее, рассказ Генесия о распределении «персов» по фемам (Gen., p. 59.15—19) приведен в хронике Продолжателя Феофана (Th. С., p. 125.7—11) в совершенно иной связи — после рассказа о попытке провозглашения Феофоба императором (Th. С., 124.17—125.4).

Наконец, мы можем предполагать, что в хронике Продолжателя Феофана рассказ о Феофобе является вставкой. Действительно, этому рассказу предшествует упоминание о набеге агарян: ἐγκειμένων δὲ τῶν Ἀγαρηῶν καὶ μετὰ πολλῶν μυριάδων τοῦ Ἰβραῆμ κατὰ Ῥωμαίων ἐκστρατεύοντος (Th. С., p. 109.17—18). Далее излагается история Феофоба, после чего автор снова возвращается к набегу агарян и описывает, как император Феофил выступил против них: εἰς πόλεμον κατὰ τῶν Ἀγαρηῶν ἔξεισι καὶ τοῦ Ἰβραῆμ καθ' ἡμῶν, ὡς εἶρηται, ἐκστρατεύσαντος (Th. С., p. 112.23—24).

Предположение, что Продолжатель Феофана пользовался источником, повествующим о Феофобе, уже после того, как основной текст хроники был написан, подтверждается при анализе рассказа о смерти Феофоба. Этот рассказ помещен в другом месте, в отрыве от рассмотренного нами только что эпизода; он вводится примечательными словами: «[Здесь] время рассказать о делах Феофоба и сделать их всем известными» (Th. С., p. 135.16—17); эти слова уже сами по себе заставляют предполагать вставку. Далее, автор повествует о бегстве Феофоба в Амастриду, о преследовании его Орифой и о казни Феофоба по приказанию императора. Мимоходом брошенная замечание показывает, что и в этом случае в основе повествования лежат две версии: «Некоторые, — говорит Продолжатель Феофана, — считают виновником казни Феофоба не императора, а Орифу»⁹⁴.

Весь этот эпизод следует рассматривать как вставку еще и потому, что после рассказа о смерти Феофоба автор повествует о его походе в Авастию (Th. С., p. 137.16); иначе говоря, вставленный эпизод нарушает последовательность событий. Мы можем видеть, что источник, повествующий о судьбе Феофоба, был использован автором хроники Продолжателя Феофана уже после завершения ее текста: рассказ о Феофобе вклинивается в нее как вставка и, может быть, даже как ряд вставок. Зато у Генесия история Феофоба гораздо более тесно связана с рассказом о персидском вспомогательном войске (περσικὸν σύλλογον. — Gen., p. 57.15) и не имеет столь очевидного характера вставки.

По-видимому, уже в середине X в. существовала повесть о происхождении и подвигах Феофоба — крупного полководца при императоре

⁹³ Н. Grégoire. Manuel et Théophobe, p. 201 sq.

⁹⁴ Th. С., p. 136.18—19. О противоречивых известиях относительно смерти Феофоба см. Н. Grégoire. Manuel et Théophobe, p. 192 sq.

Феофиле. Эта повесть сложилась в двух версиях, незначительно отличающихся одна от другой. Обе эти версии были использованы независимо друг от друга Продолжателем Феофана и Генесием, при этом в хронике Продолжателя Феофана этот эпизод попал как явная вставка.

Прежде чем сделать окончательные выводы, мы остановимся еще на одном рассказе, включенном как в хронике Продолжателя Феофана, так и в «Книгу царей»: мы имеем в виду рассказ о подвигах другого полководца императора Феофила — Мануила.

Генесий и Продолжатель Феофана рассказывают о подвиге Мануила, спасшего от смерти императора Феофила: Феофил был окружен арабами, но Мануил прорвался в нему и вывел его из окружения. Общие контуры повествования одинаковы в обоих источниках⁹⁵: трижды Мануил прорывается к императору, но тот боится последовать за ним — и только в четвертый раз Мануил угрозой убить императора на месте заставляет его следовать сквозь кольцо врагов. Однако каждый из памятников использует свои образы и термины.

Впрочем, о п о л н о й независимости обеих версий говорить не приходится: хотя и редко, но все же в них встречаются совпадения.

Продолжатель Феофана	Генесий
стр. 116.22—117.1: τὸν βασιλέα πως περικυκλωθέντα	стр. 61.20—21: τοῦ βασιλέως... κυκλωθέντος
стр. 117.3: δορυάλωτον	стр. 62.1: δορυάλωτος
стр. 117.4: τὰς μελίσσας αἰδεῖσθε	стр. 62.4: τὰς μελίσσας αἰδοῦμενοι

Наличие общих терминов и образов (особенно важен третий пример) — при значительном различии обеих версий — позволяет предположить, что в основе их лежал общий текст, по-разному обработанный. Эта догадка подтверждается анализом другого связанного с Мануилом эпизода — рассказа о заговоре против Мануила и его бегстве к арабам. В этом эпизоде мы встречаем больше общих выражений:

Продолжатель Феофана	Генесий
стр. 118.4: φθόνος	стр. 62.17: φθόνου
стр. 118.7: καθοσίωσιν... ἐκ λοιδορίας	стр. 62.19: ἐπιλοιθοροῦσι... καθοσίωσιν
стр. 118.12: ἀποστασίαν τοῦμᾶ καὶ πρὸς Ἀγαρηνοὺς μετατίθεται	стр. 62.20—21: τὰ πρὸς ἀποστασίαν ἐπιτετόληται καὶ φυγαδεῖα πρὸς Ἀγαρηνοὺς μετακίζεται

По-видимому, в этом эпизоде обе версии ближе к своему источнику, чем в предыдущем: скорее всего, рассказ о спасении императора был в первоисточнике богаче образами и эпитетами, нежели суховатое описа-

⁹⁵ Th. C., p. 116 sq; Gen., p. 61 sq. А. Грегуар (H. Grégoire. Manuel et Théophobe, p. 200 sq.) считает рассказ о спасении императора Мануилом дублетом повествования о спасении императора Феофобом.

ние бегства, поэтому в последнем случае авторы пересказа имели меньше возможностей разнообразить изложение. При этом рассказ Генесия о бегстве Мануила более краток, нежели повествование Продолжателя Феофана: Генесий, в частности, опускает эпизод с рабом Мануила, который стал виночерпием императора и затем предупредил полководца о замыслах его врагов (Th. С., р. 118.9—13). Гораздо короче и повествование Генесия о жизни Мануила у арабов, нежели соответствующий рассказ хроники Продолжателя Феофана.

Далее, конец истории Мануила (описание похода в Хорасан, любви арабов к Мануилу, его похода вместе с сыном эмира на Византию и возвращения в Константинополь) в сочинении Генесия (Gen., р. 72.5—73.11) отделен от начала. Это заставляет Генесия повториться, ибо выше он уже упомянул о возвращении Мануила из Сирии (Gen., р. 63.17—18). Разрывая последовательность событий, Генесий оказывается вынужденным вводить рассказ о возвращении Мануила словами: «Мануил, прежде живший в Сирии (τῆ δὲ προτεραίᾳ κατὰ Συρίαν διατρίβων. — Gen., р. 72.5). . .». Наконец, весь этот эпизод (конец истории Мануила) носит в сочинении Генесия черты вставки, поскольку он разывает на две части рассказ о приглашении франкского войска (см. Gen., р. 71.22—23 и р. 73.12—13).

Итак, мы приходим к заключению, что рассказ о Мануиле в «Книге царей» можно рассматривать как вставку. Наиболее вероятно представляется, что Генесий заимствовал его не непосредственно из хроники, но из общего источника с автором хроники Продолжателя Феофана, ибо изложение Генесия и по плану, и по словарю значительно отличается от повествования Продолжателя Феофана. Словарное сходство, как мы видели, совершенно ничтожно. Таким общим для обоих памятников не дошедшим до нас источником можно условно считать повесть о Мануиле.

Новые подробности относительно Мануила, не известные ни Генесию, ни Продолжателю Феофана, содержит распространённая версия хроники Георгия Монаха⁹⁶. Хроника Георгия Монаха хотя и умалчивает о спасении императора Феофила Мануилом, зато более подробно повествует о бегстве стратилата Мануила, сообщая, что он был оклеветан логофетом дрома Мироном и что протовестиарий Лев защищал его. Рассказ о возвращении Мануила в изложении Георгия Монаха сходен с версией хроники Продолжателя Феофана.

Все это вместе взятое, несмотря на неясность отдельных деталей и возможность противоречивых объяснений, приводит к выводу о существовании повести о Мануиле, использованной (скорее всего, независимо) Генесием и Продолжателем Феофана.

Анализ текста хроники Продолжателя Феофана и «Книги царей» Генесия, который привел А. Грегуара к представлению о существовании повестей о Феофобе и Мануиле, проливает в то же время свет и на соотношение между обоими рассмотренными нами историческими сочинениями. Если в целом Генесий мог пользоваться хроникой Продолжателя Феофана (или во всяком случае общим с нею источником), то повести о Феофобе и Мануиле были, скорее всего, использованы тем и другим автором независимо (равно как в конце «Книги царей» Генесий использовал аналогичную повесть о стратилате Андрее).

Кроме общего источника с Продолжателем Феофана (или самого Продолжателя) и воинских повестей, Генесий использовал еще некоторые

⁹⁶ «Хронограф Георгия Амартола», стр. 705.11—707.13. В краткой версии хроники Георгия Монаха (см. Georgii monachi Chronicon, ed. С. de Boor. Lipsiae, 1904, vol. II, р. 797 sq.) весь этот эпизод отсутствует. Бегство Мануила А. Грегуар склонен относить еще к правлению Михаила II (H. Grégoire. Manuel et Théophobe, р. 198 sq.).

письменные источники; не исключена, например, возможность, что он опирался на «Житие патриарха Игнатия»⁹⁷. Некоторые события описаны Генесием с хорошим знанием дела и более подробно, нежели в хронике Продолжателя Феофана; таково прежде всего описание падения Амория. По-видимому, Генесий использовал в этом случае какой-то хороший источник — подлинный трагизм и скорбь по поводу потери и разграбления Амория еще звучит кое-где в «Книге царей».

Итак, анализ соотношения «Книги царей» с хроникой Продолжателя Феофана подтвердил справедливость предположений А. Грегуара, отвергнувшего тезис Ф. Гирша о зависимости первых двух частей хроники Продолжателя Феофана от сочинения Генесия. Коль скоро мы отвергаем тезис Ф. Гирша, то близкое сходство Генесия с хроникой Продолжателя Феофана должно быть объяснено иначе.

Прежде всего, мы могли бы допустить, что Генесий непосредственно пользовался хроникой Продолжателя Феофана. Это предположение, однако, оказывается справедливым лишь для той части обоих сочинений, которая посвящена правлению императора Василия I. В этой части Генесий почти полностью опирается на «Жизнеописание Василия», ограничиваясь лишь незначительными добавлениями (преимущественно из повести о стратилате Андрее и сборника этимологических объяснений); в изложении материала он допускает ряд серьезных погрешностей.

Однако применительно к предшествующим разделам этот тезис наталкивается на существенные трудности: здесь наряду с эпизодами, лучше и яснее переданными Продолжателем Феофана, имеются и такие, которые четче или подробнее изложены Генесием. Чтобы сохранить наш тезис, приходится допускать, что Генесий заново обращался к некоторым источникам (например, к воинским повестям о Мануиле и Феофобе), уже использованным Продолжателем Феофана. Такое допущение возможно, хотя создаваемая в этом случае конструкция оказывается чрезмерно сложной. Еще большую трудность порождает то обстоятельство, что в первых книгах Генесия мы встречаем иной раз более строгую терминологию, чем у Продолжателя Феофана.

Поэтому нам представляется сомнительным предположение, будто вся хроника Генесия восходит к Продолжателю Феофана: мы готовы допустить это для последней части, но не для периода 813—867 гг. Мы могли бы допустить, что эти разделы опирались на какую-то не дошедшую до нас хронику (откуда, в частности, могла происходить также и рассмотренная нами пометка на лейпцигской рукописи о дате рождения Михаила III: известие это было использовано Продолжателем Феофана, но оно отсутствует в тексте Генесия). Опровергнуть это предположение невозможно, однако нам кажется, что подобное допущение уведет нас чересчур далеко. Действительно, следуя такому методу, мы должны будем признать существование общего источника всякий раз при сходстве двух хроник — например, наличие общего источника «Истории» Атталиата и хроники Продолжателя Скилицы или общего источника сочинений Киннама и Никиты Хониата (во всяком случае в части, касающейся царствования Иоанна II Комнина). В совокупности у нас может оказаться слишком много общих источников.

Вот почему мы считаем возможным еще одно решение вопроса. Мы могли бы допустить, что оба автора пользовались при написании истории предшественников Василия I не готовой хроникой, а черновыми заметками и архивными материалами, имевшимися в распоряжении Константина VII и послужившими ему, как известно, для написания трактатов

⁹⁷ F. Hirsch. Op. cit., S. 159 f.

«О фемах» и «Об управлении империей». Разумеется, и это предположение — только одна из возможных гипотез.

В заключение мы могли бы предложить (разумеется, повторяя сделанные выше оговорки) следующую схему соотношения рассмотренных памятников. По-видимому, ранее других было завершено «Жизнеописание Василия», в составлении которого активное участие принимал сам Константин VII; затем два придворных историографа, опираясь либо на черновые заметки, либо на не дошедшую до нас хронику, написали свои сочинения: один из них (Продолжатель Феофана) остановился на перевороте Василия I, другой (Генесий) включил также и историю царствования этого императора, кратко изложив некоторые события на основе «Жизнеописания Василия».

Все это остается пока не более чем предположением. Единственное, чего мы, как нам кажется, достигли, — это реабилитация хроники Продолжателя Феофана (особенно ее второй части — «Жизнеописания Василия»), которая оказывается более достоверным памятником, нежели ее мнимый источник — «Книга царей» анонимного автора, условно называемого Генесием.

Кстати сказать, сопоставление обоих сочинений показывает, сколь условно традиционное разделение византийских авторов на историков и хронистов: оба совершенно однотипных памятника попадали при этом разграничении в разные разряды: Генесий — в число историков, а Продолжатель Феофана — в число хронистов.

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АЛАНИИ

(Северный Кавказ)

Летом 1960 г. при раскопках средневекового христианского храма в ущелье реки Большой Зеленчук¹ — левого притока Кубани — археологом В. А. Кузнецовым был найден бронзовый литой крест, вся лицевая поверхность которого занята греческой надписью.

Крест — четырехконечный, удлинённых пропорций, с расширяющимися концами; каждый конец завершается одним большим и двумя меньшими кружками. В центре больших кружков имеются отверстия, по-видимому, предназначенные для гвоздей, прикреплявших крест к какой-либо плоскости. Размеры креста: высота 24,3 см, причем верхняя ветвь 6,5 см, нижняя 9,2 см; ширина по поперечной перекладине 13,7 см, причем длина боковых ветвей по 2,6 см (рис. 1).

Надпись, нанесенная на крест, состоит из двух частей. Одна из них расположена столбцом в 20 строк на вертикальном стволе креста; после 8-й строки надпись прерывается знаком, напоминающим своими очертаниями расширенную омегу — —, более крупную, чем окружающие ее буквы². Другую часть надписи составляет одна строка на поперечной перекладине креста. Здесь начертаны четыре группы букв, прерванные посередине вышеупомянутым знаком, похожим на омегу. Этот знак, таким образом, находится на пересечении вертикали и горизонтали креста.

Разберем сначала однострочную надпись на перекладине (см. рис. 2). По сторонам знака, сходного с омегой, расположены: слева — лигатура из трех букв $\mu, \eta, \rho = \text{MP}$, т. е. $\mu\eta\rho$, мать; справа — контракция из двух букв $\vartheta, \upsilon = \text{AV}$, т. е. $\vartheta\epsilon\upsilon\varsigma$, род. падеж от $\vartheta\epsilon\omicron\varsigma$, бог. По краям строки — разделенное на два слога слово $\nu\eta\chi\alpha$ (в правильной транскрипции это — $\nu\eta\chi\alpha$, побеждай); слог $\nu\eta$ выражен лигатурой NH . Следовательно, надпись на перекладине читается так: $\nu\eta \mu\eta\rho \vartheta\epsilon\upsilon\varsigma \chi\alpha$, т. е. $\mu\eta\rho \vartheta\epsilon\upsilon\varsigma \nu\eta\chi\alpha$ ³.

¹ В Ставропольском крае в пределах Карачаево-Черкесской автономной области.

² К объяснению этого знака мы обратимся после анализа надписи.

³ Слово « $\nu\eta\chi\alpha$ » взято из легенды о том, что император Константин I (Великий) будто бы увидел на небе крест и слова « $\sigma\tau\omicron\upsilon\tau\omega \nu\eta\chi\alpha$ », «сим побеждай», после чего одержал победу над своим соперником и крестился. Слово « $\nu\eta\chi\alpha$ », начертанное на кресте, должно было свидетельствовать о победе христианства, символом которого являлся крест. Необычно сочетание, с одной стороны, выражения « $\nu\eta\chi\alpha$ », связываемого с крестом как символом христианства, и с другой — «богоматери» (а не

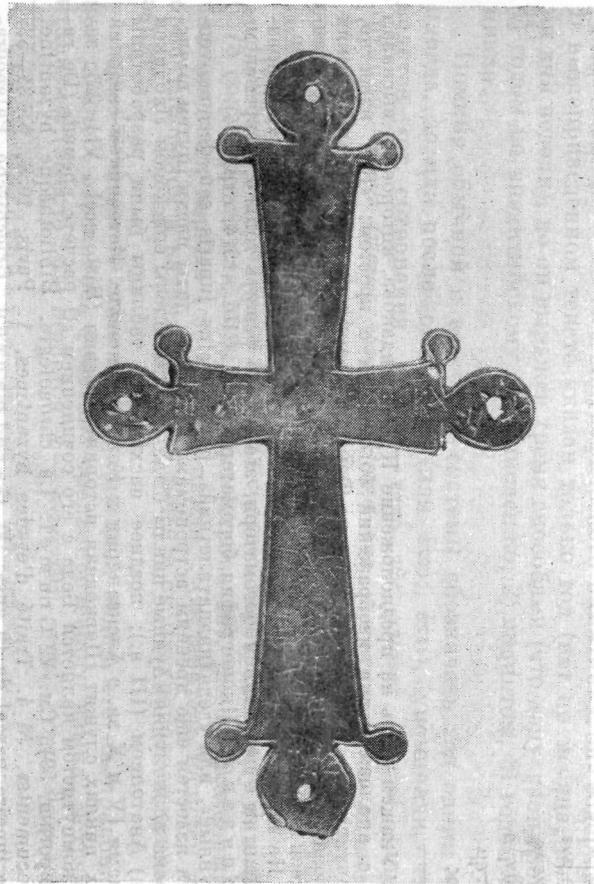

Рис. 1. Бронзовый крест (Северный Кавказ, р. Зеленчук)

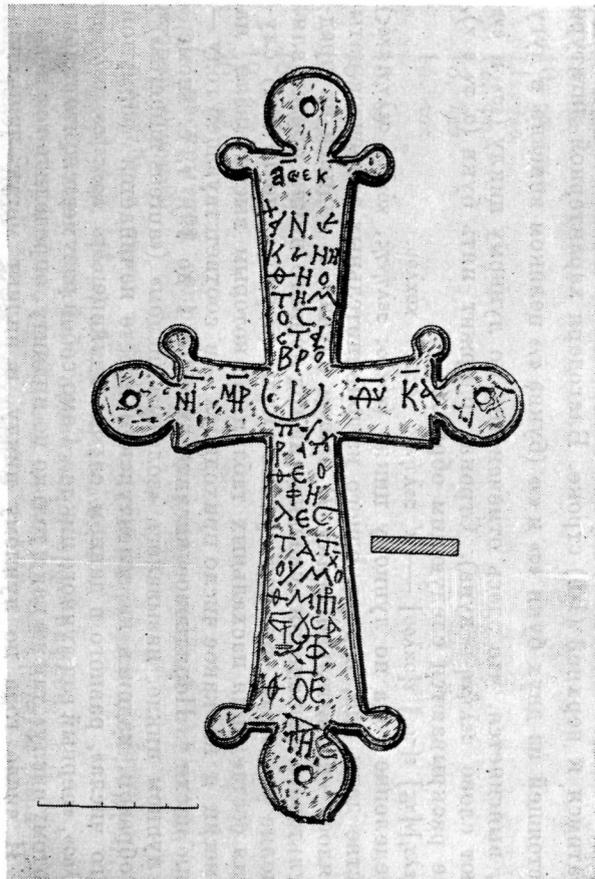

Рис. 2. Зеленчукский крест (прорись)

При взгляде на надпись, вырезанную на вертикальном стволе креста, бросается в глаза, что ее первая строка начертана отдельно, а вторая, благодаря предваряющему ее хрисмону, является началом текста, который и заключает в себе основное содержание написанного.

Обратимся к верхней (1-й) строке. Благодаря характерной лигатуре Ϟ , состоящей из двух букв «σ» и «ν» (буква «ν» целиком вписана в дугу сигмы), выясняется, что здесь отмечен год по лунному циклу («σ» и «ν» означают слово $\sigma\epsilon\lambda\eta\nu\eta$ — луна). Строка содержит пять букв ($\alpha\sigma\nu\epsilon\chi$), которые раскрываются следующим образом:

$\alpha\sigma[\epsilon\lambda\eta]\nu[\eta\varsigma]\epsilon[\tau\omicron\varsigma]\chi[\omicron\kappa\lambda\omicron\upsilon]$ — $\alpha' \sigma\epsilon\lambda\eta\nu\eta\varsigma \epsilon\tau\omicron\varsigma \kappa\omicron\kappa\lambda\omicron\upsilon$.

Определение года по лунному циклу ($\kappa\omicron\kappa\lambda\omicron\varsigma \sigma\epsilon\lambda\eta\nu\eta\varsigma$, $\kappa\omicron\kappa\lambda\omicron\varsigma \sigma\epsilon\lambda\eta\nu\eta\mu\iota\alpha\kappa\omicron\varsigma$) в качестве даты или, вернее, одного из дополнительных элементов даты применялось сравнительно редко. В нашем случае, в надписи на предмете культового назначения, указание на год лунного цикла представляется вполне уместным, так как лунные циклы (периоды по 19 лет) служили для составления пасхальных таблиц, по которым высчитывали, на какой месяц и на какое число приходился — в соответствующем году — праздник пасхи⁴. Порядковое числительное (от 1 до 19), т. е. «номер» года в лунном цикле, называлось «золотым числом» (*aurus numerus*)⁵. Таким образом, надпись на зеленчукском кресте начинается формулой «золотого числа», равного в данном случае единице: « $\tau\omicron\ \pi\rho\acute{\omega}\tau\epsilon\rho\omicron\nu \sigma\epsilon\lambda\eta\nu\eta\varsigma \epsilon\tau\omicron\varsigma \kappa\omicron\kappa\lambda\omicron\upsilon$ », «первый год лунного цикла». Само собой разумеется, что только по «золотому числу», так же как и только по индикту, определить год невозможно. И число года по лунному циклу, и индикт могут лишь подкреплять друг друга, совпадая в своем указании на один и тот же год.

После первой строки (с формулой лунного цикла) со второй строки начинается самый текст надписи. Он читается так (см. рис. 2):

1. $\alpha\sigma\nu\epsilon\chi$
2. $+ \alpha\nu\epsilon$
3. $\kappa\epsilon\nu\eta$
4. $\theta\eta\omicron$
5. $\tau\eta\mu$
6. $\omicron\varsigma$

Христа). Укажем лишь на предположение Н. П. Кондакова, которое он высказал в связи с анализом типа изображений богородицы с крестом: «Как известно, в Константинополе, в храме богородицы Фарской хранилось много исторических и религиозных святынь, и между ними на первом месте значится крест Константина (здесь дается ссылка: *Const. Geogr. De scrin.*, II, 40, ed. Bonn., p. 640). Не произошло ли в данном случае сочетания священной памяти основателя Византии с почитанием богородицы, это можно решить только со временем» (Н. П. Кондаков. Иконография богородицы, т. I. СПб., 1914, стр. 304).

⁴ «Лунный», или «девятнадцатилетний», цикл (*cyclus lunaris seu decemnoventalis*) был известен еще древним астрономам. К расчету даты пасхи (путем вычисления срока полнолуния) лунные циклы были приспособлены епископом Лаодикеи (в Сирии) Анатолием (III в.); позднее пасхальные таблицы были разработаны астрономами IV и V вв. в Александрии и Константинополе. Источником сведений о лунных циклах служит «Церковная история» Есевия (*Hist. eccl.*, VII, 32); западным компютистом является Беда с его сочинением «О расчете времен» (*De ratione temporum*, 59). См. V. Grumel. *La chronologie*. Bibliothèque byzantine. Série «Documents», № 4. *Traité d'études byzantines*, 1. Paris, 1958, p. 31—53: «Le cycle lunaire pascal de 19 ans»; V. Gardthausen. *Griechische Palaeographie*, 2. Bd. Leipzig, 1913, S. 468—472, 491; A. Giry. *Manuel de diplomatique*. Nouv. ed. Paris, 1925, p. 148—149 («Cycle lunaire»), planche chronologique, p. 194. Д. Лебедев. 19-летний цикл Анатолия Лаодикийского. ВВ, XVIII, 1911, стр. 148—389.

⁵ См. Ducange. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*, s. v. «Numerus aureus».

7. στα

8. βρῶ

здесь — знак и одна строка надписи на перекладине

9. πα

10. ρα του

11. θεο

12. φη

13. λες

14. τат

15. ου μο^λ

16. θμ пр

17. ετους α

18. $\bar{\lambda}$ φ

19. ὀ ε

20. ινδ ε

С раскрытием сокращений получаем полный текст (начиная со второй строки):

+ ανεκηνθη ο τημος σταβρο[ς] παρα του θεοφλεστατου μο[να]χ[ου] θ[ω]μ[α] πρ[ε]σβυτερου ετους α[δαμ] $\bar{\lambda}$ φος ινδ[ικτιωνος] ε

Транскрипция текста с правильной орфографией:

+ ανεκαινισθη ὁ τιμιος σταυρὸς παρὰ τοῦ θεοφιλεστάτου μοναχοῦ Θωμᾶ πρεσβυτέρου ἔτους [ἀπὸ] Ἀδάμ $\bar{\lambda}$ φδὲ ινδικτιῶνος ε

Перевод: Обновлен честной крест боголюбивейшим монахом Фомой пресвитером. Год от Адама 6575-го, индикта 5-го.

Надпись на зеленчукском кресте обладает большой ценностью, повышающей значение любого эпитафического памятника: она содержит дату. В вышеприведенном тексте указан только год (нет ни месяца, ни числа, ни дня недели), но он выражен тремя способами (что допускает проверку): 1) годом по византийскому летосчислению, 2) индиктом, 3) годом лунного цикла.

Помимо обычной и всеобщей системы обозначать год одним числом, иногда, до или после слова ἔτος (или ἔτους, ἔτσι), упоминали, что счет ведется «от сотворения мира» — «ἀπὸ τῆς κτίσεως κόσμου» (или — без артикля — «ἀπὸ κτίσεως κόσμου»). Реже это же отмечалось словами «ἀπὸ Ἀδάμ» — «от Адама»⁶. В конце 17-й строки после ἔτους поставлена «α», начальная буква имени Ἀδάμ, что и указывает на год от «Адама» — «ἀπὸ Ἀδάμ».

Приводимый в надписи 6575 год соответствует 1067 году н. э. С годом 6575 согласуются как пятый индикт (строка 20), так и отмеченный в начале надписи первый год лунного цикла⁷. Составитель надписи хорошо ориентировался в календаре и был точен в своих хронологических показаниях⁸.

При сличении надписи с транскрипцией видно, что на правописании, как обычно, отразилась фонетика среднегреческого языка: встречаются итацизмы (вместо «ι» пишется η — ανεκηνθη, τημος, ηηχα, θεοφλεστατου),

⁶ Cp. V. Gardthausen. Op. cit., S. 447—453.

⁷ См. таблицы хронологических согласований: V. Grumel. Op. cit., p. 255, 314; V. Gardthausen. Op. cit., S. 491; A. Giry. Op. cit., p. 194.

⁸ Нельзя не отметить, что дата надписи Фомы (1067 г.) почти совпадает с датой знаменитого «Тмутороканского камня» князя Глеба, измерившего по льду ширину пролива «от Тмуторокани до Корчева» в 1068 г., и близка к дате надписи «строителя» — «ойкодома» — Иоанникия, умершего в 1078 г. (см. Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмуторокани. ВВ, XVIII, 1961, стр. 74—84).

дифтонг «αι» передан буквой «ε» (ανεκενηθη), дифтонг «αυ» перешел перед сонантом «ρ» в «αβ» (σταβρός — σταυρός).

Надпись имеет обычные в средневековом письме сокращения. Кроме уже указанных сокращений в формуле лунного цикла («σελήνης» в виде лигатуры «σν») и начальные буквы слов «έτος» и «κύκλου»), а также в словах однострочной надписи на перекладине (μήτηρ θεού), есть несколько сокращений и в основном тексте. В слове «σταβρός» сокращена тахиграфическим значком конечная сигма (стк. 8). Слово «μοναχός» (стк. 15) дано в виде трех букв: первого слога «μο» и надписной «χ» с чертой сокращения⁹. Имя Θωμάς (стк. 16), в род. падеже Θωμαῶ¹⁰, представлено только двумя согласными «θ» и «μ» без всяких знаков сокращения. Монограммой из двух букв «π» и «ρ» — $\Pi\rho$ выражено слово «πρεσβύτερος», в данном случае в род. падеже — «πρεσβυτέρου» (стк. 16)¹¹. Одной буквой «α» сокращено имя Ἀδάμ или, в полном раскрытии, ἀπό Ἀδάμ (стк. 17, без знака сокращения). Наконец, на последней, 20-й строке надписи употреблено общепринятое сокращение слова «ἰνδιχτιῶνος» в виде двух первых букв «ι» и надписной, несколько косо начертанной дельты Δ .

К числу недосмотров резчика надо отнести следующее.

В слове «ανεκενηθη» (стк. 2, 3 и 4) пропущена буква «σ», необходимая в пассивном аористе от глагола ἀνακαινίζω — ἀνεκαινίσθη; в слове «τημος» (стк. 5 и 6) пропущена буква «ι» — τίμιος. Впрочем, относительно обеих недостающих букв («σ» и «ι») можно заподозрить не ошибку, а только невнимательность резчика. Каждая из этих букв должна была быть вырезана либо в конце строки (3 и 5), либо в начале следующей (4 и 6); по-видимому, не уместив нужные здесь «σ» и «ι» в конце строки (предыдущие буквы — «η» на строке 3 и «μ» на строке 5 — прились у самого края креста), резчик, копировавший надпись, как обычно, с примерной разметки букв не перенес на следующие строки те буквы, которые ему не удалось поместить на предыдущих.

На предпоследней строке остался след описки резчика. Слева от числительных «бѣ» стоит зачеркнутая «θ». Намереваясь вырезать «ο», резчик, вероятно, нечаянно провел по букве четкую горизонтальную черту, превратив тем самым «ο» в «θ»; заметив это, он перечеркнул вертикальной линией всю букву и, отступя вправо, вырезал очень ясно букву «ο».

Осталась неисправленной ошибка в начертании буквы в слове «ἰνδιχτιῶνος» на последней строке надписи. На протяжении всего текста несколько раз были отчетливо вырезаны буквы — «ν» с необходимой косой чертой посредине и «η» с горизонтальной перемычкой. Однако

⁹ Такое же сокращение слова «μοναχός» в виде трех букв — «μ», «ο» и надписная «χ» = «μοχ» — имеется на известной надписи 906 г. из Партепита (см. В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896, стр. 75, № 69 и табл. VIII; ср. там же, стр. 97, № 97). Однако подобное сокращение слова «μοναχός», нередко встречавшегося на средневековых надписях, не является единственным. На надписи 1078 г., происходящей с Таманского полуострова, «μοναχός» сокращено иначе: на строке три буквы «μ», «ν», «α», над ними «ο» и «χ», т. е. μοναχ[ος]. См. Е. Ч. Скржинская. Указ. соч., стр. 75—76.

¹⁰ Имя Θωμάς, как и некоторые другие, например Λουκάς, склоняется по так называемому смешанному склонению: Θωμάς, Θωμά, Θωμῆ, Θωμῶν. Смешанное склонение отмечается в трудах по греческой грамматике как особое. См. R. Kühnert. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Teil I, Bd. I, 3. Auflage. Hannover, 1890, S. 492.

¹¹ Та же лигатура «πρ» могла бы означать и «πρόεδρος», но это слово обычно относилось к высшим духовным лицам (епископам или архиепископам) и на зеленчукском кресте неуместно, тем более что, называя епископа, указывали и ту область, которой он управлял. чего в нашей надписи нет.

в аббревиатуре «ιυδ» вторая буква имеет не наклонную, как следовало бы, а горизонтальную черту посредине и потому выглядит, как «η», хотя здесь требуется «υ». Впрочем, чтение «ιυδ» — *ιυδικιωνος* остается несомненным.

Несколько слов о палеографии надписи. В данном случае, благодаря тому, что надпись содержит дату, существенны даже мелкие палеографические наблюдения; отмечаемые ниже некоторые черты письма могут быть определенно приняты как характерные или возможные для XI в., точнее — для его второй половины.

Нельзя сказать, чтобы письмо на зеленчукском кресте отличалось какими-нибудь выдающимися особенностями. В основе — это обыкновенное эпиграфическое унциальное письмо. В силу каких-то обстоятельств — степени ли умения резчика или его стесненного положения из-за неудобного очертания плоскости, на которой он вырезал буквы, — рисунок знаков надписи можно назвать небрежным, некрасивым, лишенным стройности. Нет и следов разлиновки и не соблюдена прямизна строк. Буквы по преимуществу поставлены почти прямо, но наклон альфы разнообразен (см. «α» на 2-й и 9-й строках и в слове «α» на перекладине креста; только на 10-й строке черта альфы вертикальна). Украшением шрифта выглядят точки — углубления на концах прямых черт (буквы **Ν, Η, Τ** и др.) и на концах кривых линий (буквы **Ε, Σ** и др.), но

округлые буквы или их округлые части (**Ο, Β, Ϙ, Ρ** и др.) таких точек не имеют. В связи с этим украшением в виде точек, прослеживаемым по всем строкам надписи (включая и не полностью украшенную первую строку с формулой лунного цикла), обращает внимание строка 17, буквы которой лишены точек. Эта строка кажется внесенной позднее, чем предшествующая и последующая строки; ее буквы начерчены неаккуратно, как бы наспех, врез их менее глубок, чем врез других букв. По-видимому, строка 17 была либо вовсе не предусмотрена в тексте,

т. е. после монограммы **Π** должны были непосредственно стоять цифры года без предварительного «ετος», либо резчик нечаянно пропустил эту строку. О том, что строка 17 была вписана позднее, свидетельствует: 1) сделанная ради экономии места не очень четкая лигатура букв «ε»

и «τ»: **Ϝ** (покрышкой для «Т» служит средняя поперечная черта буквы **Ε**); 2) малый размер «σ» и следующей за ней «α», что было вызвано высоко помещенной горизонтальной чертой над цифрой «φ» = 500, так что места для более крупных сигмы и альфы не хватило; 3) пересечение дуги дифтонга **ου** — **ϝ** с горизонтальной чертой над «φ».

Буква «α» один раз (строка 1) имеет широко распространенную обычную унциальную форму, характерную, с одной стороны, широкой петлей с мягким закруглением внизу, с другой — увенчивающей букву горизонтальной чертой¹². В пяти случаях альфа имеет тоже весьма часто встречающуюся форму, как бы редуцированную из полной унциальной формы, а именно — буква состоит из вертикальной (или иногда наклонной — то вправо, то влево) оси с привешенной слева к ее средней части небольшой петлей. Есть среди образцов буквы «α» один пример

¹² Ср. эти реакции горизонтальные увенчания альфы на тмутороканской надписи 1078 г. (см. в цитированной выше статье Е. Ч. Скржинской) и на алуштинском надгробии XIV в. (см. Е. Ч. Скржинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 158 и табл. к стр. 156).

тщательно вырезанной альфы, как бы капитальной формы с перемычкой, проведенной почти горизонтально (строка 14).

Остальные буквы зеленчукской надписи не обладают сколько-нибудь оригинальными характерными чертами. Сделаем лишь несколько замечаний относительно некоторых букв.

Буква *ε*, обыкновенной унциальной формы (*Ε*), при небрежном написании обнаруживает движение резчика, чертящего букву не в два приема (полукружие, затем средняя горизонтальная черта), а в три приема: 1) верхняя часть полукружия, 2) горизонтальная черта, 3) отодвинутая влево нижняя часть полукружия (стк. 2); в другом случае (стк. 3) буква неожиданно рудиментировалась в скорописную форму, превратившись в петельку, проведенную одним торопливым движением (см. рис. 2). Наряду с этим несколько образцов «*ε*» выписаны тщательно, в привычной унциальной форме (стк. 11, 13, 19).

Буква «*δ*», данная лишь в сокращении *ιδ* (стк. 20), имеет вид треугольника, но с сильно продленными влево чертами его основания и правой стороны:

Средняя перемычка буквы «*δ*» выходит с обеих сторон за пределы овала и становится как бы перечеркивающей его горизонтальной чертой (потому-то резчик и зачеркнул ненужную ему «*δ*» на стк. 19 не горизонтальной, а вертикальной линией).

Буква «*ρ*», иногда отличавшаяся в эпиграфическом унциале некоторой изысканностью (волнистые средние линии, закругление обеих верхушек)¹³, на зеленчукской надписи сохраняет простую капитальную форму (стк. 5 и 15).

Буква «*π*» имеет покрывку, сильно выступающую над обеими вертикальными чертами (стк. 9).

Уплощенный овал буквы «*φ*» начерчен двумя почти не смыкающимися дужками, пересеченными довольно длинной осью (стк. 12 и 18).

Дифтонг «*οο*» изображается резчиком двумя отдельными буквами, что особенно ясно на строке 15; выше, на строке 10, хотя и даны тоже две отдельные буквы, но из-за недостатка места буква «*ο*» помещена над «*ο*», однако не соединена с ним. В особом письме строки 17 (о чем была речь выше) дифтонг «*οο*» показан одним знаком *Ϻ*, который был широко известен как общеупотребительный в течение ряда веков¹⁴.

Из знаков, выгравированных на поверхности креста, остается пока необъясненным знак на перекрестье. При первом же взгляде его очертания напоминают омегу, как было уже сказано выше. Омега в середине креста наводит на мысль, что некогда на кресте были начертаны пять букв: на верхнем рукаве *Φ*, на нижнем *С*, на левом *Z*, на правом *Н*, в центре же *Ω*.

При чтении сверху вниз из этих букв составляется слово *φῶς*, свет; при чтении слева направо получается слово *ζωή*, жизнь. Написание этих слов на кресте привилось в христианской церкви, будучи воспринято из евангельского изречения: «и жизнь была светом для людей» — «*ἡ ζωὴ ἦν τὸ φῶς τῶν ἀνθρώπων*» (Ioh., I, IV).

Таким образом, можно предположить, что в первоначальном виде зеленчукский крест имел на лицевой стороне только эти пять буквенных

¹³ Ср. букву «*ρ*» на тмутороканской надписи 1078 г. (Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись...) и «*μ*» (в слове «*μῆριλ*») на надписи князя Глеба 1068 г. (А. А. Сп и др. Тмутораканский камень. ЗОРСАРАО, т. XI, 1915, табл. X—XI).

¹⁴ С III—IV вв., особенно же в X—XV вв. Ср. V. Gardthausen. Op. cit., S. 137; Taf. 6—11.

знаков ¹⁵ (обратная его сторона — гладкая) и был сделан, надо думать, не позднее X в. Монах и пресвитер Фома получил крест (неизвестным, конечно, нам путем) в испорченном, по-видимому, состоянии и «обновил» (ἀνεκαίνισθη) его. В чем же могло выразиться это «обновление»? Вероятно, в выпрямлении погнутых частей, очистке и шлифовке поверхности, вообще — в починке вещи, в приведении ее в исправный вид. Но главное — в своеобразном применении креста для надписи. Представляется естественным, что Фома сам вырезал буквы на отремонтированном им кресте, хотя, судя по рисунку его резьбы, он не был первоклассным мастером в этом деле. На перекладине креста, на которой он оставил сохранившуюся от прошлого омегу ¹⁶, он вырезал не вполне, как будто, согласованные между собой слова «νίκα» и «μήτρ θεοῦ», ограничившись этими традиционными в церкви выражениями, чтобы остальную часть поверхности употребить для надписи о самом себе. Вместе с этим исчезло основное назначение креста как предмета общественного культа, так как украшенный надписью частного, а вовсе не молитвенного и не догматического содержания, он не мог употребляться при богослужении: ни для благословения, ни для поклонения крест с подобной надписью уже не годился. Ввиду того, что надпись заняла всю лицевую поверхность креста и в силу своего содержания не могла относиться ко всей массе молящихся, крест превратился в предмет частного культа. По-видимому, Фома рассматривал «обновленный» им крест как знак личного благочестия, как свое приношение богу, как напоминание последнему о себе. В связи с этим он, вероятно, прикрепил крест где-то на стене в церкви, проделав для гвоздей отверстия в больших кружках, завершающих его концы.

Нельзя не обратить внимания на то, что нижний конец креста имеет следы излома. Это свидетельствует о том, что крест мог быть насажен на древко (именно в первый период своего существования, раньше нанесения надписи Фомы). Н. П. Кондаков в описаниях изделий прикладного искусства из слоновой кости и серебра (пиксиды, диптихи, резьба кафедры епископа равеннского Максимиана и др.) поясняет, что на различных церковных предметах встречаются изображения трех видов крестов на древке: крест-жезл, крест-посох, крест процессиональный ¹⁷. Зеленчукский крест, судя по его виду и размерам, был, скорее всего, крестом-жезлом, т. е. он был снабжен короткой ручкой или небольшим древком. Такой крест во время богослужения лежал на престоле (в алтарной части церкви); по окончании богослужения им принято было благословлять молящихся ¹⁸.

¹⁵ См., например, изображение креста на мраморной плитке, найденной А. Л. Якобсоном при раскопках в Херсонесе (квартал XVII, помещение 22, слой IX—X вв.) в 1940 г. На кресте сохранился вертикальный ряд букв, образующий слово «Φῶς», а по горизонтали — две буквы от слова «Ζωή» [«Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп)». МИА, № 34, 1953, стр. 125, рис. 18].

¹⁶ Или, быть может, заново награвировал ее, руководствуясь следом этой буквы на перекрестье.

¹⁷ Н. П. Кондаков. Иконография богородицы, т. I, стр. 51, 53, 225, 293, 296.

¹⁸ Изображения таких крестов встречаются многократно. Для примера упомянем: резьбу по кости на пиксиде VI в. (находится в Museo Nazionale во Флоренции), резьбу по кости на окладе VI в. (находится в Bibliothèque Nationale в Париже), резную пластину XI—XII вв. с изображением вознесения (находится в Museo Nazionale во Флоренции). См. Н. П. Кондаков. Иконография богородицы, т. I, рис. 33 и 146; J. Labarte. Histoire des arts industrielles. Album, I. Paris, 1864, pl. IX. Особенно много изображений крестов на небольшом древке на рельефах византийских триптихов из кости, преимущественно X в., а также XI—XII вв. См. множество иллюстраций в издании: A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X.—XIII Jahrhunderts, II. Berlin, 1934, Taf. V, X, XI—XII, XIII, XV, XVI, XXIII, XXVIII, XXIX, XLIX, LIV, LXI, LXII.

Интересно место находки креста — на Северном Кавказе, в области средневековой Алании. В отношении церковной администрации Алания подчинялась константинопольскому патриарху. Пресвитер Фома, увековечивший свое имя на зеленчукском кресте, принадлежал, надо думать, к клиру епископии Алании¹⁹, и крест, вероятно всего, сохранился до нашего времени в том самом месте, где некогда жил его владелец. Но происхождение креста могло и не быть местным, аланским. Пути, связывавшие Аланию прежде всего с Таврикой и ее византийским центром — Херсоном, с городами малоазийского побережья и с Константинополем, проходили — если не исключительно, то главным образом — через Таманский полуостров, т. е. через русское Тмутороканское княжество. Из любого из перечисленных мест, в том числе и из русской Тмуторокани, могло быть привезено в зеленчукский храм скромное изделие церковного обихода, каким был «напрестольный» крест с пятью традиционными буквами, составлявшими слова «φῶς» и «ζωή». Едва ли, однако, местом изготовления подобного креста был крупный городской центр Византии, Константинополь или Трапезунт: эти кресты употреблялись во всех монастырях, церквях, часовнях и потому, вероятно, изготавливались где-либо поблизости ремесленниками ближайших городов²⁰.

---

¹⁹ См. *Notitiae episcopatum* — списки епископий, подчиненных константинопольскому патриархату. Например, среди нотаций изданных Гельцером, в некоторых названа епископия Алании (H. Gelzer. *Ungedruckte . . . Texte der Notitiae episcopatum*. Abh. der Bayer. Akademie der Wissenschaften. I. Cl., XXI. Bd., III. Abh. München, 1901, S. 585, 586).

²⁰ Среди металлических предметов, найденных в Херсонесе, не встречалось крестов, похожих на зеленчукский. В связи с этим следует принять во внимание заключение А. Л. Якобсона, который пишет, что археологический материал, который иллюстрировал бы ремесленное металлообрабатывающее производство в Херсоне в IX—XI вв., остается пока малочисленным и разрозненным и не может отразить действительного уровня этого ремесла (А. Л. Якобсон. *Ранне-средневековый Херсонес*. МИА, № 63, 1959, стр. 330).

З. Г. САМОДУРОВА

К ВОПРОСУ О МАЛЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ ХРОНИКАХ

(По рукописям московских собраний)*

Малые, или краткие, хроники, широко распространенные в средние века не только в Византии, но и на Западе, Востоке и среди славян, представляют собой хронологические таблицы, состоящие из кратких заметок с указанием числа лет, прошедших от одного события до другого, и числа лет правления царей. Обычно они начинаются от Адама, рассказывают о его потомках, о судьбах Израиля, об иудейских, израильских, ассирийских, персидских, египетских, римских и византийских царях. Более подробно говорится о наиболее значительных с точки зрения составителей этих хроник событиях: правлении Константина Великого, семи вселенских соборах, захвате Константинополя крестоносцами в 1204 г. и турками в 1453 г. и т. п. В большинстве своем это анонимные хроники с общим заглавием, вроде 'Επιτομή, 'Εκλογή, Χρονικὸν σύντομον и т. д., или без всякого заглавия. На Руси такие хроники назывались «летописцами вскоре», «летописцами вкратце», «летописцами вборзе»¹. До нас дошло значительное число этих хроник. Многие из них уже опубликованы², другие еще не изданы³.

* Приношу глубокую благодарность Е. Э. Гранстрем, И. С. Дуйчеву и Д. Д. Моравчику, которые оказали мне большую помощь в работе над краткими византийскими хрониками.

¹ С. А. Белокуров. Русские летописи. 1. Летописец патриарха Никифора. 2. Летописец Переяславля Суздальского. 3. Хроника русская (летописец вкратце) проф. Даниловича. «Чтения ОИДР», кн. 4. М., 1898, стр. IV; Н. В. Степанов. «Летописец вскоре» патриарха Никифора в Новгородской Кормчей. ИОРЯС, т. XVII, кн. 2, 1912, стр. 250.

² C. Frick. *Chronica minora I. Lipsiae, 1892*; «Corpus scriptorum christianorum orientalium». *Scriptores Syri. Series tertia, t. IV. Chronica minora, partes I—III. Lipsiae, 1903—1905*; MGH, t. 9, 11, 13. *Chronica minora, v. 1—3. Berolini, 1892, 1894, 1898*; I. A. Cramer. *Anecdota Parisiana, 2. Paris, 1839*; Al. Schoene. *Eusebi Chronicorum libri duo, vol. I—II. Berolini, 1875, 1866*; A. Mai. *Scriptorum veterum nova collectio, t. 1—10. Romae, 1825—1838*; A. Wirth. *Aus orientalischen Chroniken. Frankfurt, 1894*; idem. *Chronologische Späne. Frankfurt, 1894*; I. A. Cramer. *Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium, IV. Oxonii, 1837*; Anonymi *chronographia syntomos e codice Matritensi № 121 (nunc 4701), ed. A. Bauer. Lipsiae, 1909*; Th. Preger. *Scriptores rerum Constantinopolitanarum, I. Lipsiae, 1901*; A. Pusch. *Das Χρονικὸν ἐπιτομον der Wiener Handschrift Th. Gr. Nr. XL. Jena, 1908*; J. Müller. *Byzantinische Analecten. SAWW, 9 (1852), S. 389—394*; Б. Т. Горянов. Неизданный анонимный византийский хронограф XIV в. ВВ, II, 1949, стр. 276—293; Σπ. Λάμπρος. *Βραχέα Χρονικά, ἐκδιδοῦνται ἐπιμελεία Κ. 'Ι. 'Αμάντου. «Μνημεῖα τῆς ἐλληνικῆς ιστορίας». Τ. Α', τ. 1. 'Εν 'Αθήναις, 1932 и т. д.* Подробную библиографию изданий малых хроник см.: К. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453)*, 2. Aufl. München, 1897, S. 224—226, 395—403; Gy. Moravcsik. *Byzantinoturcica, I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker, 2. Aufl. Berlin, 1958, S. 233—243.*

³ Gy. Moravcsik. *Op. cit.*, S. 233—235.

Многие дошедшие до нас малые хроники уже давно привлекали внимание ученых, которые прежде всего видели в них дополнительный источник по истории Византии. Однако скудость содержания кратких хроник затрудняла использование их как исторических источников. Поэтому в литературе сложилось два противоположных мнения о важности и ценности их.

В работе, посвященной истории византийской хронографии, Г. Гельцер считал эти таблицы, являющиеся, по его мнению, простым указателем имен и чисел, самым незначительным видом отмирающей хронографической литературы.

Несмотря на свое отрицательное отношение к ним, он много внимания уделил разбору и анализу некоторых малых хроник, так как считал, что они отвечали потребностям времени ⁴.

К. Крумбахер, хотя и не признавал малые хроники литературными произведениями, отмечал их значительную ценность и тесную связь с большими хрониками и историческими работами. Поэтому он предлагал издать корпус малых хроник, куда бы вошли не только неизданные материалы, но и уже опубликованные ⁵. Такое издание малых, преимущественно поздневизантийских, хроник еще в конце XIX — начале XX в. готовил Сп. Ламброс, но он не завершил его. Только в 1932 г. вышло в свет это долго и нетерпеливо ожидаемое издание малых хроник, собранных Сп. Ламбросом, которое осуществил К. Амандос ⁶. В своей резко отрицательной рецензии на это издание П. Виттек, хотя и считает малые хроники интересными как для византинистов, так и для туркологов, отмечает большие трудности, которые возникают при использовании их в качестве исторических источников. По его мнению, они искажены значительными фактическими ошибками и содержат слишком мало сведений сверх того, что уже известно из других источников. Правда, Виттек признает, что в сухом перечислении дат встречаются иногда некоторые сведения, добавленные переписчиками и ценные для историка. Основное значение их заключается в том, что они показывают нам, чем интересовались во времена турецкого владычества ⁷.

Противоположного взгляда придерживаются К. Амандос ⁸, Д. Моравчик ⁹, Ф. Дэльгер ¹⁰, К. Диовуниотис ¹¹, П. Харанис ¹². Они считают, что малые хроники имеют огромное значение, так как содержат чрезвычайно важные хронологические сведения, которые помогают уточнить некоторые даты, известные из других источников, а иногда дают и совершенно новые даты. Краткие хроники, по их мнению, являются значительным дополнением к данным, извлекаемым из больших исторических работ, и тем самым восполняют скудость источников по истории поздней

⁴ H. Gelzer. *Sextus Iulius Africanus und die byzantinische Chronographie*. Teil II. Leipzig, 1885, S. 384—385, 388—396.

⁵ K. Krumbacher. *Op. cit.*, S. 395, 398.

⁶ Σπ. Λάμπρος. *Βραχέα Χρονικά...*

⁷ P. Wittek. *Chroniques mineures byzantines*. Byz., 12, 1937, p. 309—323.

⁸ Σπ. Λάμπρος. *Βραχέα Χρονικά...*, σελ. ζ'—ιθ'.

⁹ Gy. Moravcsik. *Op. cit.*, S. 235—237; *idem*. 'Ανέκδοτα βραχέα ελληνικά χρονικά. «Ελληνικά», т. Δ, 1931, σελ. 257—259.

¹⁰ F. Dölger. Рец. на кн.: Σπ. Λάμπρος. *Βραχέα Χρονικά...* BZ, 33, 1933, S. 160—161.

¹¹ Κ. 'Ι. Δυοβουνιώτης. *Αἱ ἐκκλησιαστικαὶ εἰδήσεις τῶν βραχέων χρονικῶν τοῦ Σπ. Λάμπρου*. ΒΕΒΣ, 11 (1935), σελ. 3—15.

¹² P. Charanis. *Les Βραχέα Χρονικά comme source historique. An important short chronicle of the fourteenth century*. Byz., 13, fas. 1, 1938, p. 335—362; *idem*. *On the Date of the Occupation of Gallipoli by Turks*. BS, XVI, № 1, 1955, p. 113—117.

Византии. При этом не только византилисты, но и туркологи могут почерпнуть из них важные новые сведения о хронологии тех или иных событий. По мнению этих исследователей, особенно ценны те дополнения, которые принадлежат переписчикам малых хроник, бывшим очевидцами описываемых событий. На основании детального анализа хроники № 52 из собрания Сп. Ламброса П. Харанис показал, что рассматриваемая хроника дает очень точные сведения, причем часто она сообщает такие даты, которые отсутствуют в работах Иоанна Кантакузина, Никифора Григоры, Лаоника Халкокондила и Сфрандзи¹³.

Греческий ученый К. Диовуниотис, исследовавший данные кратких хроник относительно хронологии церковных событий, пришел к выводу о точности имеющихся в них сведений. Ошибки же, которые вкрадывались в эти хроники при переписывании, по его мнению, можно легко исправить сопоставлением известий, содержащихся в большинстве из них, с данными из других источников¹⁴.

Значение и ценность малых хроник признает и Р. Лэнгерц, который считает необходимым издать корпус этих кратких хроник возможно более полным и снабженным необходимыми дополнениями и указателями. Помимо важности изучаемых хроник как исторических источников, содержащих иногда новые даты или уточняющих известные из других исторических сочинений даты, он отмечает, что некоторые поздние малые хроники могут оказать большую помощь будущему издателю Сфрандзи, так как переписчики малых хроник пользовались лучшими списками, чем писец cod. Ottobon 260, который только и сохранил нам Chronicon minus этого автора¹⁵.

Кроме того, по мнению К. Амандоса¹⁶ и Ф. Дэльгера¹⁷, малые хроники поздневизантийского периода дают богатый материал для изучения истории греческого языка.

Итак, большинство ученых, изучавших малые хроники, высоко оценивает их прежде всего как важные источники по истории Византии.

Только Ф. Дэльгер и Д. Моравчик в своих работах поставили вопрос об их назначении, об авторах и читателях этих сочинений. Ф. Дэльгер очень кратко останавливается на этом вопросе. Он считает, что краткие хроники, важные для характеристики исторических взглядов простых людей, являются видом народной, национальной, совершенно не литературной традиции¹⁸.

По мнению Д. Моравчика, авторами малых хроник были представители монашества и низшего духовенства, а сами произведения предназначались для обитателей монастырей и простого народа. В отличие от больших хронографических работ, составителями которых были высокообразованные для того времени византийцы, краткие хроники предназначались для более широких кругов византийских читателей¹⁹.

Наша статья представляет собой попытку выяснить сложный и малоисследованный вопрос о назначении этих кратких компендиев на основании

¹³ P. Charanis. An important short chronicle of the fourteenth century, p. 335—362; idem. On the Date of the Occupation of Gallipoli by Turks, p. 113—117.

¹⁴ К. 'Ι. Διοβουνιώτης. Op. cit., σελ. 3.

¹⁵ R.-J. Loenertz. Etudes sur les chroniques brèves byzantines. «Orientalia Christiana Periodica». Roma, 1958, vol. XXIV, I—II, p. 155—164.

¹⁶ Σπ. Δάμπρος. Op. cit., σελ. 9'—i.

¹⁷ Fr. Dölger. Op. cit., S. 160—161.

¹⁸ Ibid., S. 160.

¹⁹ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 168—169; idem. L'état et les tâches de la byzantinologie. BS, XVI, № 1, 1955, p. 15.

изучения тех из них, которые входят в состав греческих рукописей Государственного исторического музея, а также и самих греческих рукописей этого собрания, содержащих исследуемые малые хроники, определить источники, использованные авторами рассматриваемых сочинений, а также дать их классификацию.

Впервые некоторые греческие рукописи Государственного исторического музея были описаны Афанасием Скиадоу, профессором «Еллино-греческой школы» в Москве²⁰. Более полное описание греческих рукописей этого собрания было издано на латинском языке в 1805 г. Х. Ф. Маттеи, профессором Московского университета²¹. В 1858 г. был опубликован на русском языке алфавитный указатель рукописей московской Синодальной библиотеки, составленный архимандритом Саввою²². В 1894 г. вышло из печати подробное систематическое описание греческих рукописей того же собрания архимандрита Владимира²³. Владимир снабдил свое описание алфавитным указателем, где под рубрикой «хронология» перечислил номера рукописей, в состав которых входят малые хроники.

Главной целью перечисленных выше исследователей было наиболее полное описание всех рукописей названного собрания, а не их подробное, всестороннее исследование.

В 30-х годах XX в. член-корреспондент Академии наук СССР В. Н. Бенешевич, начиная работу над хроникой Петра Александрийского²⁴, заинтересовался также и малыми византийскими хрониками. Он проделал большую работу по прочтению и расшифровке некоторых трудночитаемых текстов из ряда рукописных собраний. В архиве В. Н. Бенешевича хранятся копии нескольких кратких хроник, в том числе копия хроники из греческой рукописи 171($\frac{109}{CX}$) Государственного исторического музея²⁵, и список литературы по этому вопросу²⁶.

Малые византийские хроники входят в состав следующих греческих рукописей Государственного исторического музея:

171($\frac{109}{CX}$), 406($\frac{264}{CCCL}$), 421($\frac{411}{CCCLXXXIV}$), 439($\frac{426}{CCCXCIX}$), 443($\frac{261}{CCXLVIII}$)²⁷.

Краткая хроника (№ 1)²⁸ входит в состав греческой рукописи 171($\frac{109}{CX}$). Ниже следует описание рукописи.

²⁰ Ath. Schiada. Catalogi duo codicum manuscriptorum graecorum, qui in Bibliotheca Synodali Mosquensi asservantur. Mosquae, 1723. Каталог был издан на латинском и русском языках. Русский текст был перепечатан в «Отечественных записках» (т. XVI, 1841, раздел «Смесь», стр. 65—77. — Древний каталог Московской патриаршей библиотеки, составленный Афанасием Скиадоу).

²¹ Chr. Fr. Matthaei. Accurata codicum graecorum MSS bibliothecarum Mosquensium S. Synodi notitia et recensio, t. I—II. Lipsiae, 1805.

²² Арх. Савва. Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. Изд. 2-е. М., 1858.

²³ Арх. Владимир. Систематическое описание рукописей московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894.

²⁴ О хронике Петра Александрийского см. нашу статью «Хроника Петра Александрийского» (ВВ, XVIII, 1961, стр. 150—197).

²⁵ Савва. Указ. соч., стр. 86; Владимир. Указ. соч., стр. 187.

²⁶ «Архив Академии наук СССР». Архив В. Н. Бенешевича, ф. 192, оп. 1, № 23.

²⁷ Тройная нумерация — шифр рукописи. Число, вынесенное за скобки, обозначает номер рукописи по каталогу Владимира, числитель — номер рукописи по каталогу Саввы, знаменатель — номер рукописи по каталогу Маттеи. Савва. Указ. соч., стр. 86, 113, 125, 126, 129; Владимир. Указ. соч., стр. 187, 604, 634, 667, 677; Fr. Chr. Matthaei. Op. cit., p. 66, 162, 245, 256, 160.

²⁸ Наша рабочая нумерация исследуемых малых хроник.

171 ($\frac{109}{CX}$) XII в., лл. 399, пергамен, размер листов 400×265 мм, размер текста 280×180 мм, 2 кол.

В рукописи содержатся различные гомилии Иоанна Златоуста — лл. 1—399, выписки из различных церковных канонов — л. 399 об. Интересующая нас хроника расположена на лл. 399—399 об.²⁹ Манускрипт написан тремя разными писцами. Лл. 1—98, 107—225 написаны в XII в. смешанным минускулом, в котором встречаются следующие унциальные формы: К, Н, Е, А, Н, Θ, Т, Γ и др. Чернила коричневого цвета, золотистого оттенка. Линейки нанесены со стороны более грубо обработанной поверхности пергамена острым орудием, причем буквы как бы нанизаны на линейку. На листе 34—35 строк.

Лл. 226—374, 382—399 написаны также в XII в. смешанным минускулом, но другим писцом; употребляются те же унциальные формы. Буквы подвешены к линейкам, связаны между собой; писец писал, не отрывая пера от пергамена; заметен наклон вправо. Письмо меньшего размера, чем письмо на лл. 1—98; 107—225. Чернила густокоричневого цвета. На листе 35—36 строк.

Лл. 99—106, 375—381, 399—399 об. добавлены позднее, в XV—XVI вв., взамен ранее утраченных; тип письма — так называемый «новый» минускул, или «книжный» курсив, для которого характерны беглость начертаний, обилие лигатур и сокращений, полный произвол в употреблении минускульных и унциальных форм. Чернила черного цвета. На листе 45 строк. Горизонтальная разлиновка отсутствует, видны только вертикальные линейки.

Счет листов ведется по тетрадам. Кодекс состоял из 52 тетрадей, причем 37-я тетрадь в настоящее время утрачена. Два первых и два последних листа кодекса не вошли в тетради. Большая часть тетрадей — кватернионы, 48-я и 50-я тетради состоят из 7 листов, 49-я имеет 6 листов, а 28-я — 9. Сигнатуры проставлены в верхнем правом углу первого и последнего листа каждой тетради. Кроме счета по тетрадам, позднейшей рукой сделана нумерация листов в верхнем правом углу каждого листа.

Рукопись в целом хорошо сохранилась, обветшали лишь некоторые листы. На лл. 13, 14, 15, 16 об. чернила выцвели и позднее были подновлены. Заголовки и инициалы написаны красным. Цитаты отмечены кавычками на полях. Переплет дощатый, обтянутый коричневой кожей. При переплете листы были обрезаны по краям. На лл. 3 и 226 имеются одинаковые заставки, представляющие собой плетенку, выполненную красным и желтым.

Рукопись раньше принадлежала монастырю Пантократора на Афоне. Манускрипт был привезен в Москву в 1655 г. вместе с другими 497 греческими рукописями Арсением Сухановым, посланным на Афон по поручению патриарха Никона, и с тех пор находится в составе собрания бывшей Синодальной (Патриаршей) библиотеки (ныне в отделе рукописей Государственного исторического музея).

Вторая анонимная хроника (№ 2) входит в состав греческой рукописи 406 ($\frac{264}{CCLI}$).

Описание рукописи. XII в.; 209 листов; пергамен; размер листов 260×200 мм, размер текста 195×135 мм, 36—37 строк.

²⁹ Подробное описание содержания рукописи см. В л а д и м и р. Указ. соч., стр. 187—190.

В состав кодекса входит хронограф Симеона Логофета (лл. 1—204 об.)³⁰. Исследуемая краткая хроника расположена на лл. 208—209 об.

Рукопись написана смешанным минускулом XII в. Часто употребляются унциальные формы: К, Е, А, В, Н, Г. Чернила коричневого цвета, черноватого оттенка. Инициалы и начальные буквы собственных имен написаны желтыми чернилами, которые в некоторых местах сильно выцвели. Цитаты отмечены кавычками на полях. Придыхания полукруглые. Буквы подвешены к линейкам. Счет листов ведется по тетрадам. Рукопись состоит из 27 тетрадей. Все тетради, за исключением 27-й, — кватернионы, 27-я тетрадь имеет всего три листа. Сигнатуры, написанные русским полууставом XV—XVII вв.³¹, проставлены внизу, в правом углу первого и последнего листов тетради. Кроме того, дана нумерация листов арабскими цифрами в верхнем правом углу позднейшей рукой. Отдельные листы плохо сохранились, особенно сильно загрязнены последние, текст читается с большим трудом. Переплет деревянный, обтянутый коричневой кожей. При переплете частично обрезаны листы. Орнамент отсутствует, рукопись вообще очень скромно оформлена.

На листе 209 об. имеется плохо сохранившаяся запись: читаются лишь следующие слова $\epsilon\tau\omicron\varsigma \alpha\chi\upsilon\acute{\epsilon}\alpha$ (1153). Это, вероятно, год написания рукописи. Кодекс раньше принадлежал лавре св. Афанасия на Афоне.

Краткая анонимная хроника (№ 3) содержится в греческой рукописи 421 ($\frac{411}{\text{CCCLXXXIV}}$).

Описание рукописи. XV в.; 203 листа; бумага; размер листов 220×145 мм, размер текста 154×95 мм и 170×105 мм, 22—25 строк.

В состав сборника входят статьи в основном богословского характера: некоторые сочинения Петра Дамаскина (о заповедях, о трех силах души и др.), патриарха Фотия (против павликиан и о семи вселенских соборах), христианский синопсис Симеона Нового Богослова, типик св. Горы, типик императора Иоанна Цимисхия, анафора святогорских монахов к царю Алексею и другие произведения³². Интересующая нас хроника расположена на лл. 180—180 об. Рукопись написана на бумаге со следующими водяными знаками: груша с двумя листьями большого размера³³; лук со стрелой большой величины³⁴; черта, заканчивающаяся крестом и пересекающая два завитка, напоминающие букву G³⁵; знак в виде довольно трудно объяснимой фигуры³⁶. Подобные филигранные встречаются во второй половине XIV столетия и вплоть до начала XV в.³⁷

Тип письма — книжный курсив первой половины XV в. Кодекс имеет двойную, более позднюю нумерацию по тетрадам и по листам. Счет по

³⁰ Подробное описание содержания рукописи см. В л а д и м и р. Указ. соч., стр. 604; Fr. Chr. M a t t h a e i. Op. cit., p. 162—163.

³¹ Время написания русских надписей в исследуемой рукописи помогла определить нам Т. Н. Протасьева, за что приношу ей глубокую благодарность.

³² Подробное описание содержания рукописи см. Chr. Fr. M a t t h a e i. Op. cit., p. 245—246; В л а д и м и р. Указ. соч., стр. 634—635.

³³ См. 421 ($\frac{411}{\text{CCCLXXXIV}}$), лл. 174—181; 176—179.

³⁴ См. лл. 184—187; 182—189; 196—191; 194—193; 201—202.

³⁵ См. лл. 149—148; 146—151; 154—159; 158—155; 163—164; 170—171.

³⁶ Этот знак наиболее часто встречается в нашей рукописи; см. лл. 1—8; 3—6; 12—17; 13—16; 41—48; 66—71; 99—102; 140—141 и т. д.

³⁷ Ср. Н. П. Л и х а ч е в. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I, стр. 73, 22, 9, 211; ч. II, стр. 167—168; 274—278, 318, 13; ч. III, № 110; 112; 130; 272; 312, 322—324; 334—336; 642—643, 727, 739, 785—786, 1993—1996, 722, 2114; 2168—2169 и т. д. СПб., 1899; см. Ch. B r i q u e t. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier, t. I—IV. Genève, 1907; t. I, p. 154, № 795—797, 798; t. II, p. 404, № 7372—7376, 7378—7379; t. III, p. 443, № 8186, 8190.

тетрадам начинается с 25-го листа, т. е. с четвертой тетради, и кончается на 180-м листе, т. е. на 23-й тетради. Все тетради — кватернионы, кроме 22-й, которая состоит из семи листов. Сигнатуры помещены в верхнем правом углу первого листа тетради и в нижнем правом углу последнего листа. Нумерация листов дана в верхнем правом углу. Рукопись не очень хорошо сохранилась, особенно ветхи первые 33 листа и последние, начиная с л. 182. Переплет дощатый, обтянутый коричневой кожей. На лл. 1, 121 об., 130, 147, 151, 153, 199 имеются заставки простого рисунка из белых и желтых полос. В целом рукопись оформлена очень скромно.

Манускрипт был привезен Арсением Сухановым из монастыря Пантократора на Афоне.

Три краткие хроники (№ 4, 5, 6) входят в состав греческой рукописи 439 ($\frac{426}{\text{СССХСІХ}}$).

Описание рукописи. XVI в.; 225 листов; бумага; размер листов 210×145 мм.

В описываемом кодексе содержатся извлечения из богословско-философских сочинений отцов церкви и других авторов: Августина (об очищении огнем), Кирилла Александрийского (против Юлиана), Василия Великого (наставления императору), Фомы Аквинского (о догматах и семи таинствах церкви), Григория Богослова (несколько произведений), Иоанна Дамаскина (о предсказании погоды), Пселла, Николая Кавасила (против ростовщиков); анонимное сочинение о святых таинствах и священнослужителях; литургические тексты: литургия против латинян, служба в Великой церкви; медицинские статьи: Максима Плануды (о бледной немочи), анонимные произведения о кровопускании, о лечении у персов; письма Филистрата Афинского, Феофилакты Симокатты, Либания и др., а также сочинения по хронологии³⁸.

Интересующие нас хроники расположены на лл. 3 об. (хроника № 4), 179 (хроника № 5), 179 об. (хроника № 6). Вообще надо отметить, что владелец рукописи очень интересовался хронологией. В этот сборник, кроме указанных хроник, вошли также *Χρονογραφικόν σύγγραμμ* патриарха Никифора, *Χρονικόν νέον ἐν συντόμῳ*, опубликованный Б. Т. Горяновым³⁹, краткая хронология сербских королей от 1344 до 1550 г.

Рукопись бумажная, сохранилась плохо, встречаются подклеенные и разорванные листы; так, л. 72 обрезан напополам, с утратой текста; у л. 91 оторван верхний правый угол; от л. 140 сохранилась только верхняя половина. Бумага рукописи хрупкая и ломкая. Водяные знаки заметны очень плохо и имеют нечеткие очертания. Филиграния, которые удалось разобрать, — это полумесяц⁴⁰, звезда под полумесяцем⁴¹, цветок из пяти широких лепестков⁴², крест, под которым на длинном стержне буква S⁴³; встречаются в рукописях второй половины XV в.—начала XVI в.⁴⁴

Манускрипт написан в XVI в. так называемым «новым» минускулом, или «книжным» курсивом, с большим количеством сокращений, причем одни листы написаны небрежно, другие более тщательно. Разлиновка

³⁸ Подробное описание содержания рукописи см. Владимир. Указ. соч., стр. 667—671; Chr. Fr. Matthaei. Op. cit., p. 256—260.

³⁹ Б. Т. Горянов. Указ. соч., стр. 276—293.

⁴⁰ См. 439 ($\frac{426}{\text{СССХСІХ}}$), лл. 72, 219.

⁴¹ См. лл. 44—45; 50—51; 63—64.

⁴² См. лл. 10, 15, 8.

⁴³ См. лл. 85—86; 82; 114; 132.

⁴⁴ Ср. Н. П. Лихачев. Указ. соч., ч. I, стр. 71; 384; 395—396; 471; ч. II, стр. 313, 403; 227—228; 402; ч. III, № 693; 698—700; 3274; 3364—3367; 4022; ср. Ch. Briquet. Op. cit., t. II, p. 307, № 5184; p. 313, № 5352—5353; p. 366, № 6362—6364, 6366—6367.

отсутствует. Писец помещал на странице произвольное число строк: на одних страницах насчитывается 22 строки, на других — 28—30, на третьих — 35, на четвертых — 42 строки. Имеются чистые листы: 41 об.; 127 об.; 132; 140—141; 178. Чернила черные. Заглавия статей, инициалы и схолии, помещенные между строк, написаны киноварью. Имеются также схолии на полях, написанные чернилами и киноварью. Некоторые инициалы тщательно вырисованы. На лл. 19, 48, 50 об., 112, 129, 158, 168 об. имеются простые и очень скромные заставки, рисованные киноварью и черным. Цитаты выделены кавычками на полях. Рукопись имеет двойную нумерацию листов. Счет по тетрадам начинается со 2-й и кончается на 37-й тетради; сигнатуры ставятся в нижнем левом углу последнего листа каждой тетради. Число листов в тетрадах неодинаково, в некоторых насчитывается 12 листов, в других 3 листа, в третьих 8 и т. д. Кроме того, листы пронумерованы арабскими цифрами, помещенными в правом верхнем углу в более позднее время. Переплет дощатый, обтянутый коричневой кожей.

Раньше рукопись принадлежала Ивирскому монастырю на Афоне.

Краткая анонимная хроника № 7 содержится в греческой рукописи 443 ($\frac{261}{\text{CCXLVIII}}$).

Описание рукописи. XVII в.; 233 листа, бумага; размер листов 215×150 мм; 18—19 строк.

В состав рукописи входят следующие статьи богословского, философского, космографического и хронологического характера: стихотворения Григория Богослова с толкованием, вопросы о вере, ответы Антиоху архонту Кирилла Александрийского, сочинения о знании, о 12 знаках зодиака, против манихеев Иоанна Дамаскина, житие Иоанна Дамаскина, диалог Василия Великого и Григория Богослова, а также анонимные сочинения об ипостаси, о троичности божества, о добре, разъяснение разных философских терминов, о терминах: ононим, синоним и т. п., и некоторые другие статьи, в том числе и хронологические заметки⁴⁵. Хроника № 7 расположена на лл. 225—230. Рукопись написана в первой половине XVII в. на плотной белой гляцевитой бумаге с водяными знаками — якорь в кругу, над кругом цветок⁴⁶, звезда под полумесяцем небольшого размера⁴⁷, — встречающимися в конце XVI и в начале XVII в.⁴⁸ Тип письма — так называемый «новый» минускул, или «книжный» курсив. Не все листы заняты текстом; так, лл. 18 об.—19 об., 96—98 об., 101—102 об., 115—115 об., 232—233 — чистые. Чернила черного цвета, придыхания полукруглые, того же цвета. Заголовки статей и инициалы выведены киноварью. На лл. 119 и 207 имеется заставка простого рисунка. Рукопись очень хорошо сохранилась. Переплет дощатый, обтянутый коричневой кожей. Нумерация листов дана в верхнем правом углу.

Рукопись раньше принадлежала Ивирскому монастырю на Афоне. В середине XVII в. кодекс был привезен в Москву Арсением Сухановым.

Как видно из приведенного выше описания, все рукописи оформлены очень скромно. В них отсутствуют миниатюры, орнамент сложного рисунка. Для украшения кодекса применяются только киноварь и чернила,

⁴⁵ Подробное описание содержания рукописи см. В л а д и м и р. Указ. соч., стр. 677—679; Chr. Fr. Matthaei. Op. cit., p. 160—161.

⁴⁶ См. 443 ($\frac{261}{\text{CCXLVIII}}$), лл. 13, 14, 94, 131, 133, 137, 147, 154, 164, 165, 177, 181, 194, 197, 204, 172, 174, 205, 208, 209, 220 и т. д.

⁴⁷ См. лл. 23, 27, 33, 34, 38, 42, 44, 49, 57, 58, 61, 64, 70, 74, 78, 83, 85, 89, 104, 105, 112, 116, 188, 189 и т. д.

⁴⁸ Н. П. Л и х а ч е в. Указ. соч., ч. I, стр. 55—56, 65, 69, 122, 144, 170, 174, 180, 356, 361, 400, 434; ч. II, стр. 422—424, 194; ч. III, № 621, 623, 624, 665, 678, 1244, 1490, 1788, 1851, 1935, 3053, 3097, 3423, 3716—3719; ср. Ch. Briquet. Op. cit., t. I, p. 43, № 548—551; t. II, p. 313, № 5343, 5352.

само письмо очень небрежное и беглое, бумага плохого качества, т. е. эти рукописи были задуманы не как предметы роскоши, написанные писцами-профессионалами на заказ.

По своему составу рассмотренные рукописные сборники также отличаются от рукописных книг, написанных на заказ писцом-профессионалом. В последнем случае кодекс представляет собой некоторое законченное единое целое⁴⁹. Состав же исследуемых манускриптов говорит о том, что владелец сам по своему усмотрению составлял их и вносил в кодекс такие тексты, которые его интересовали и в которых он нуждался. Поэтому в изучаемых рукописях отсутствует единство содержания и входящие в их состав статьи посвящены различным вопросам богословия, философии, медицины и хронологии. Ветхость листов и плохая сохранность рассматриваемых рукописных книг свидетельствуют о том, что их постоянно читали.

Краткие хроники, содержащиеся в описанных кодексах, представляют собой хронологические таблицы справочного характера. По своему содержанию рассматриваемые хроники можно разделить на два вида: 1) краткие анонимные хроники, излагающие всемирную историю от сотворения мира, перечисляющие потомков Адама, иудейских, ассирийских и персидских царей, египетских Птолемеев, римских и византийских императоров с указанием числа лет царствования каждого из них (это хроники № 2, 6, 7), и 2) перечень хронологических дат — краткие хронологические заметки, которые ограничиваются простым указанием общей суммы лет от сотворения мира, а также числа лет между отдельными, по мнению хрониста, важными событиями, например от Адама до потопа, от потопа до строительства вавилонской башни, от строительства башни до Авраама, от Авраама до исхода сыновей Израиля из Египта, от исхода до вавилонского пленения евреев, от пленения до Александра Македонского, от Александра до рождения Христа и т. д. В разных списках хронологическими вехами служат различные события, иногда и сумма лет значительно расходится (это хроники № 3, 4, 5).

Переходим к характеристике каждой отдельной малой хроники и к выяснению источников, использованных при их написании.

Краткая анонимная хроника № 2 XII в., расположенная на двух последних листах греческой рукописи 406 ($\frac{264}{\text{CCLI}}$), начинается от Адама и доведена до царствования Алексея I Комнина (1081—1118). В хронике перечислены потомки Адама от Сифа до Моисея (число лет жизни патриархов не дано), иудейские цари и пророки; рассказывается о покорении Навуходоносором Иудеи, об ослеплении им иудейского царя Седекии, о вавилонском пленении евреев; названы три ассирийских царя, в правление которых иудеи находились в плену; список персидских царей начинается с Дария Астиага (sic!) и кончается покорением Персидского царства Александром Македонским, при этом указывается общее количество народов, покоренных Александром; затем следует перечень египетских Птолемеев, римских цезарей и византийских императоров до Алексея I Комнина. Автор хроники ограничивается простым перечислением правлений отдельных царей с подсчетом общего числа лет царствования каждого из них. Иногда сухой перечень дат прерывается краткими сообщениями о событиях, происшедших за время правления того или иного царя. Так, автор рассказывает, что при Птолемеи II Филадельфе (285—246 гг. до н. э.) священные книги евреев были переведены на греческий язык; для римских цезарей он приводит сведения об обстоятельствах гибели некоторых императоров и упоминает о судьбе Иерусалима при римском владычестве.

⁴⁹ Е. Э. Гранстрем. О некоторых приемах оформления византийских рукописей. XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960, стр. 15.

При перечислении византийских императоров хронист очень кратко говорит о семи вселенских соборах, указывая лишь на то, в царствование какого императора и в каком городе происходил собор. Несколько подробней сообщается о последних византийских царях начиная с Романа IV Диогена (1068—1071 гг.). Довольно подробно изложена легенда о рождении, жизни и смерти Христа.

Кроме подсчета годов правлений отдельных императоров, автор дает также общую сумму лет, прошедших от Адама и до отдельных библейских событий, а также между этими событиями: от Адама до потопа (2242 года), от Адама до Авраама (3312 лет), от Адама до Александра Македонского (5188 лет), от Адама до рождения Христа (5500 лет), от Адама до смерти Христа (5533 года), от Авраама до исхода сыновей Израиля из Египта (509 лет), от исхода до царствования Давида (641 год), от начала царствования Соломона до вавилонского пленения иудеев (519 лет). Число лет от Адама до потопа (2242 года) в хронике № 2 соответствует числу лет, принятому 70 толковниками. Эту сумму дают в своих работах Евсевий⁵⁰, Ипполит⁵¹, Никифор⁵² и некоторые другие византийские хронисты. Африкан и следующие за ним византийские авторы насчитывают от Адама до потопа 2262 года⁵³. Следовательно, составитель хроники № 2 придерживался счета, установленного 70 толковниками. Суммы лет хроники № 2 от Адама до Авраама (3312) и от Адама до Александра Македонского (5188) приближаются к суммам 3310⁵⁴ и 5177⁵⁵, приводимым патриархом Никифором. Год рождения Христа автор хроники № 2 поместил на 43-й год царствования Августа, год смерти — на 19-й год правления Тиберия, общая сумма лет от Адама до рождения Христа равна 5500 годам, а от Адама до смерти Христа — 5533 годам. Эти цифры мы находим и в Хронографиконе патриарха Никифора⁵⁶. Следовательно, наш хронист придерживается того же счета лет, правда, с некоторым отступлением, как и константинопольский патриарх Никифор. А как установил Н. В. Степанов, в Хронографиконе Никифора мы имеем счет, весьма близкий к александрийскому⁵⁷. Что касается других чисел, то нам не удалось установить, откуда они взяты, так как они не встречаются ни у Африкана, ни у Ипполита, ни у Евсевия, ни у Никифора, ни у других византийских хронистов.

Обратимся теперь к рассмотрению источников, использованных в исследуемой хронике. Безусловно, сведения, приводимые нашим автором, взяты из какой-то большой работы, но краткость и лаконичность хроники затрудняют установление использованного источника. Сопоставляя хронику № 2 с некоторыми византийскими хронографическими сочинениями, а именно: хроникой Малалы, Пасхальной хроникой, хрониками Георгия Синкелла, патриарха Никифора, Георгия Амартола, Георгия Кедрина, Иоанна Зонары, — мы наблюдаем наибольшее ее сходство и по построению работы, и по содержанию, и по языку с Хронографиконем Никифора.

Сравнение списков иудейских царей нашей хроники и Хронографикона патриарха Никифора заставляет предположить или общий источник, использованный обоими авторами, или, что более вероятно, использо-

⁵⁰ *Georgii Syncelli Chronographia*. Bonnae, 1829, p. 157.

⁵¹ См. Н. Gelzer. *Op. cit.*, Teil II, S. 4; V. Grumel. *La Chronologie*. Paris, 1958, p. 10.

⁵² *Nicéphori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica* ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880 (далее — *Nicéph.*), p. 83; Н. Gelzer. *Op. cit.*, Teil II, S. 385.

⁵³ *Georgii Syncelli Chronographia*, p. 157; Н. Gelzer. *Op. cit.*, Teil I, S. 53.

⁵⁴ *Nicéph.*, p. 84.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 89—90.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 91, 92.

⁵⁷ Н. В. Степанов. *Указ. соч.*, стр. 262.

вание нашим хронистом Хронографикона в качестве источника, так как нередко текст дословно совпадает. Правда, иногда число лет правления отдельных царей значительно расходится. Например:

Хроника № 2	Хронографикон патриарха Никифора
<p>'Ασᾶ ἔτη μ'. 'Ιωσαφὰτ ἔτη λθ'. 'Επί αὐτοῦ προφήτευει Μιχαίας καὶ 'Ελίας καὶ 'Ελισσαέε. 'Οχοζίας ἔτος α'. Γοθολία μήτηρ 'Οχοζίου ἔτη ζ'. 'Ιωᾶς ἔτη μ'. 'Αμασίας ἔτη κθ'. 'Αζαρίας ὁ καὶ 'Ιιᾶς ἔτη νθ'. Μαννασῆς, ἔτη νε'. 'Επί αὐτοῦ ἐκτίσθη τὸ Βυζάντιον⁵⁸.</p>	<p>'Ασᾶ ἔτη μ'. 'Ιωσαφὰτ ἔτη κε'. 'Επί αὐτοῦ προφήτεύει Μιχαίας, 'Ηλίας, 'Ελισσαίος. 'Οχοζίας ἔτος α'. Γοθολία μήτηρ 'Οχοζίου ἔτη ζ'. 'Ιωᾶς ἔτη μ'. 'Αμασίας ἔτη κθ'. 'Αζαρίας ὁ καὶ 'Οχοζίας ἔτη νθ'. Μαννασῆς ἔτη νε'. 'Επί αὐτοῦ ἐκτίσθη τὸ Βυζάντιον⁵⁹.</p>

Для описания правления вавилонских царей автор использует канонический текст Библии. Хронист приводит имена тех царей, которые названы в Библии: Навуходоносор, Евильмердох и Вальтасар, сын Навуходоносора.

Наибольшее расхождение между хроникой № 2 и Хронографиконом патриарха Никифора наблюдается в списке персидских царей. Имена многих из них пропущены в исследуемом тексте. Число лет правления перечисленных царей совершенно не совпадает с числом лет, которые указывает Никифор. При этом следует отметить, что числа, приводимые в хронике № 2, не встречаются ни у кого из перечисленных выше византийских хронистов.

Однако в кратком описании царствования Александра Македонского наблюдается почти полное текстологическое совпадение хроники № 2 с Хронографиконом патриарха Никифора.

Хроника № 2	Хронографикон патриарха Никифора
<p>Τούτον [Δαρεῖον] ἀνελών 'Αλέξανδρος ὁ Μακεδῶν καὶ καταλύει τὴν τῶν Περσῶν ἀρχήν. 'Εβασίλευσε) ἔτη ιβ' καὶ ἐτελεύτησε ἐν Βαβυλώνι ἐτῶν λε'. 'Υπέταξε βαρβάρων ἔθνη κβ' καὶ φυλάς 'Ελλήνων ιγ'. 'Ομοῦ ἀπὸ τοῦ 'Αδάμ. ἕως τῆς τελευτῆς 'Αλεξάνδρου ἔτη ,ερπῆ' 60.</p>	<p>Τούτον [Δαρεῖον] ἀνελών ὁ 'Αλέξανδρος ὁ Μακεδῶν καὶ καθελών τὴν τῶν Περσῶν ἀρχήν ἐβασίλευσεν ἔτη στ', πρὸ τοῦ καθελεῖν τὸν Δαρεῖον βασιλεύσας ὡς τινές φασι ιβ', ἐτελεύτησε δὲ ἐν Βαβυλώνι ἐτῶν λε', [ὡς δὲ ἄλλοι εἶπον ἐτῶν λστ', ἐβασίλευσεν οὖν ἔτη ιζ']. 'Υπέταξε δὲ βαρβάρων ἔθνη κβ' καὶ φυλάς 'Ελλήνων ιγ'. [Καὶ ἐτελεύτησεν ἐν Περσίδι βασιλεύων]. 'Ομοῦ τὰ πάντα ἀπὸ 'Αδάμ. ἕως τελευτῆς 'Αλεξάνδρου ἔτη ,ερξξ' 61.</p>

58 См. 406 $\left(\frac{264}{\text{CCCLI}}\right)$, л. 208 об.

59 Niceph., p. 87—88.

60 См. 406 $\left(\frac{264}{\text{CCCLI}}\right)$, л. 208 об.

61 Niceph., p. 89—90.

Сопоставляя список египетских Птолемеев нашей хроники и Хронографика патриарха Никифора, замечаем совпадение числа лет правления только некоторых Птолемеев, например годы царствования Птолемея III Эвергета I (246—221 гг. до н. э.), Птолемея IV Филопатора (221—203 гг. до н. э.), Птолемея VI Филометора (181—145 гг. до н. э.), Птолемея VII Эвергета II (145—116 гг. до н. э.), Клеопатры (47—44 гг. до н. э.). Иногда же наблюдается значительное расхождение. Например:

Хроника № 2	Хронографикон патриарха Никифора
<p>Ὁ Ἐπιφανῆς ἔτη κγ΄. Ἀλέξανδρος ἔτη γ΄. Διονύσιος Νέος ἔτη κη΄⁶².</p>	<p>Πτολεμαῖος ὁ Ἐπιφανῆς ἔτη κδ΄. Πτολεμαῖος ὁ καὶ Ἀλέξανδρος ἔτη ι΄. Πτολεμαῖος ὁ Διόνυσος ἔτη λ΄⁶³.</p>

Однако нередко, несмотря на расхождения в указаниях суммы лет правления отдельных Птолемеев, текст обеих хроник совпадает. Например:

Хроника № 2	Хронографикон патриарха Никифора
<p>Μετὰ δὲ τὴν τούτου [Ἀλεξάνδρου] τελευτὴν Αἰγύπτῳ καὶ Ἀλεξανδρείᾳ ἐβασίλευσε Πτολεμαῖος ἔτη κδ΄. Πτολεμαῖος ὁ Φιλάδελφος ἔτη λ΄. Ἐπὶ τούτου αἱ παρ' Ἑβραίοις ἱεραὶ βίβλοι εἰς τὴν ἑλλαδικὴν φωνὴν μετεβλήθησαν⁶⁴.</p>	<p>Μετὰ δὲ τὴν τούτου τελευτὴν Αἰγύπτου καὶ Ἀλεξανδρείας ἐβασίλευσαν πρῶτος Πτολεμαῖος ὁ Λάγου ἔτη μ΄. δεύτερος. Πτολεμαῖος ὁ Φιλάδελφος ἔτη λη΄. Ἐπὶ τούτου αἱ παρ' Ἑβραίοις ἱεραὶ βίβλοι εἰς τὴν Ἑλληνίδα φωνὴν μετεβλήθησαν [καὶ ἐν ταῖς κατ' Ἀλεξανδρείαν ἀπετέθησαν βιβλιοθήκαις ἐνὶ Ἐλεάζαρ ἀρχιερέως]⁶⁵.</p>

Изложение римской истории в обоих сочинениях имеет много общего, в некоторых случаях наблюдается дословное совпадение текстов, например при описании царствований Адриана (117—138 гг.), Марка Аврелия (161—180 гг.), Коммода (180—192 гг.), Александра Севера (222—235 гг.), Кара (282—289 гг.), Диоклетиана (284—305 гг.) и др. Но следует отметить, что в списке римских цезарей хроники № 2 имеется немало пропусков: многие императоры, правление которых было непродолжительно, не названы (например Гальба, Отон, Вителлий, Макрин, Бальбин и др.). Суммы лет правления отдельных императоров, например Гая Цезаря Калигулы (37—41 гг.), Домициана (81—96 гг.), Траяна (98—117 гг.), Антонина Пия (138—161 гг.) и других, несколько отличаются. Краткая характеристика правления Цезаря, Августа (30 г. до н. э.—14 г. н. э.), Веспасиана (69—

⁶² См. 406 $\left(\frac{264}{\text{CCLI}}\right)$, л. 208 об.

⁶³ Nicerh., p. 90—91.

⁶⁴ См. 406 $\left(\frac{264}{\text{CCLI}}\right)$, л. 208 об.

⁶⁵ Nicerh., p. 90.

79 гг.) текстологически совпадает с описанием патриарха Никифора, но в числе лет их правления имеется некоторое различие. Например:

Хроника № 2	Хронографикон патриарха Никифора
<p>Τῷ γ' ἔτει ταύτης [Κλεοπάτρος] πρῶτος ἐμονάρχησε ἐννόμως Γάιος Ἰούλιος Καῖσαρ, ἀφ' οὗ καίσαρες οἱ ἐξῆς βασιλεῖς ἤρξαντο καλεισθ(ῆναι). Προσίγγινος οὗτος ἐβασίλευσε Ῥώμης ἔτη δ'.</p>	<p>Τῷ τρίτῳ ἔτει ταύτης [Κλεοπάτρος] πρῶτος ἐμονάρχησε Ῥωμαίων Γάιος Ἰούλιος Καῖσαρ, ἀφ' οὗ καίσαρες οἱ ἐξῆς βασιλεῖς προσηγορεύθησαν. Οὗτος ἐβασίλευσεν ἔτη δ' μῆνας ζ'.</p>
<p>Ἄδῳ Αὐγούστου ἔτη νζ'. Τῷ ιε' ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας (Κλεοπάτραν ἐλὼν καθεῖλε) τὴν τῶν Πτολεμαίων ἀρχὴν οἱ ἐβασίλευσαν ἔτη σ. η'.</p>	<p>Ἄπὸ τούτου ἐβασίλευσε. Καῖσαρ Σεβαστὸς ὁ καὶ Αὐγούστος ἔτη νστ' καὶ μῆνας στ'. Οὗτος τῷ ιε' ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας Κλεοπάτραν ἀνελὼν καθεῖλε τὴν τῶν Πτολεμαίων ἀρχὴν. οἱ ἐβασίλευσαν ἔτη σφε'.</p>
<p>Πάντα ἀπὸ Ἀδάμ ἕως ἀρχῆς βασιλείας Αὐγούστου κατὰ τοὺς ἀκριβεῖς χρονογράφους ἔτη ,ευζ'.</p>	<p>Γίνονται οὖν τὰ πάντα ἀπὸ Ἀδάμ ἕως ἀρχῆς βασιλείας Αὐγούστου, κατὰ τοὺς ἀκριβεῖς χρονογράφους ἔτη ,ευζ'...</p>
<p>Τῷ δὲ μγ' ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἐγεννήθη τὸ κατὰ σάρκα ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ἐκ τῆς ἁγίας θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας.</p>	<p>Τῷ δὲ μβ' ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἐγεννήθη τὸ κατὰ σάρκα ἐκ τῆς ἁγίας παρθένου [καὶ θεοτόκου] Μαρίας ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ πρὸ αἰῶνων θεὸς [ἐν Βηθλεὲμ τῆς Ἰουδαίας πρὸ ὀκτώ καλανδῶν Ἰαννουαρίων, ὃ ἐστὶ Χυὰκ κθ', τοῦτ' ἐστὶ Δεκεμβρίῳ κε'.]</p>
<p>Κυρίνιος δὲ ἀπὸ τῆς συγκλήτου βουλῆς ἀποσταλεῖς εἰς τὴν Ἰουδαίαν ἀπογραφὰς ἐποίησατο τῶν οὐσιῶν καὶ τῶν οἰκητόρων. (Γίνονται) οὖν ἀπὸ τοῦ Ἀδάμ ἕως τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἔτη ,εφ' 66.</p>	<p>Κυρίνιος δὲ ὑπὸ τῆς συγκλήτου βουλῆς ἀποσταλεῖς εἰς τὴν Ἰουδαίαν ἀπογραφὰς ἐποίησατο τῶν οὐσιῶν καὶ τῶν οἰκητόρων. Γίνοντα ὁμοῦ τὰ πάντα ἀπὸ Ἀδάμ ἕως τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ κυρίου καὶ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ [κατὰ πᾶσαν ἀκριβείαν] ἔτη ,εφ' 67.</p>
<p>Μετὰ Αὐγούστου ἐβασίλευσε Τιβέριος ἔτη κβ'. Τῷ ιε' ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας τῆς εὐαγγελικῆς διδασκαλίας ἀρχεται ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς. Τῷ ιθ' ἔτει ἐπάθε ὁ κύριος ἡμῶν ὑπὲρ ἡμῶν τὸ ἐκούσιον πάθος (σωτήριον) τοῦ κόσμου μηνὸς Μαρτίου κε'...</p>	<p>Μετὰ Αὐγούστου Ῥωμαίων τρίτος ἐβασίλευσε Τιβέριος ἔτη κγ'. Τῷ ιε' ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας τῆς [σωτηρίου καὶ] εὐαγγελικῆς διδασκαλίας ἀρχεται ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς. Τῷ δὲ ιθ' ἐπαθεν ἐν Ἱερουσαλὴμ ὑπὲρ ἡμῶν τὸ σωτήριον πάθος Μαρτίῳ κε' 69.</p>
<p>Ὅμοῦ ἀπὸ Ἀδάμ ἕως τοῦ σωτηρίου πάθους καὶ ἁγίας αὐτοῦ ἀναλήψεως ἔτη ,εφλγ'.</p>	<p>Ὁὐεσπασιανὸς ἔτη ι' [ἀπεγένετο ἐν κήποις Σαλουστιανοῖς]. Ἐν ἔτει δευτέρῳ τῆς τούτου βασιλείας γέγονεν ἡ ἄλωσις Ἱερουσαλὴμ ὑπὸ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ Τίτου μετὰ λστ' ἔτη τῆς ἀναλήψεως τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ 70.</p>

66 См. 406 (264 / CCLI), л. 208 об. — 209.

67 Niceph., p. 91—92.

68 См. 406 (264 / CCLI), л. 209.

69 Niceph., p. 92.

70 Ibid., p. 93.

Для написания византийской истории до X в. автор хроники № 2, по всей вероятности, также использовал Хронографикон патриарха Никифора, так как при сравнении обоих произведений наблюдаются те же особенности, которые были характерны для предшествующих разделов. Иногда годы правления некоторых императоров, особенно последних восточноримских и первых византийских императоров, например Валента (364—378 гг.), Феодосия Великого (379—395 гг.), Аркадия (395—408 гг.), Маркиана (450—457 гг.), Льва I (457—474 гг.), Юстиниана I (527—565 гг.), Ираклия (610—641 гг.), немного отличаются от числа лет, встречающихся в Хронографиконе. Краткие характеристики царствований Константина Великого и его сыновей, а также императоров начиная с Маркиана почти полностью совпадают. Например:

Хроника № 2	Хронографикон патриарха Никифора
<p>Κωνσταντῖνος ὁ Μέγας ἔτη λβ'. Τῷ ιβ' ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας γέγονεν ἡ ἐν Νικαίᾳ σύνοδος ἐν ἔτει τιη' ἀπὸ τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ κυρίου. Ἐτελεύτησε δὲ ὁ Μέγας Κωνσταντῖνος ἔτη ξθ', καταλείψας γ' υἱοὺς Κώνσταν, Κωνσταντῖνον καὶ Κωνσταντῖον.</p> <p>Ἐν μὲν τῇ Ῥώμῃ ἐβασίλευσε Κώνστας, ἐν δὲ τῇ Νέᾳ Ῥώμῃ Κωνσταντῖνος, ἐν Ἀντιοχείᾳ δὲ Κωνσταντῖος.</p> <p>Οἷτινες ἐβασίλευσαν ἔτη κδ'.</p> <p>Κωνσταντῖνος σὺν τῇ ὀρθοδόξῳ μητρὶ αὐτοῦ Εἰρήνῃ ἔτη ι'. Τούτων (ἔτει η') γέγονεν ἡ ἐν Νικαίᾳ σύνοδος τὸ β' 72.</p>	<p>Κωνσταντῖνος ὁ τῆς ἀγίας Ἐλένας υἱὸς ἐβασίλευσεν ἔτη λα'.</p> <p>Τῷ ιβ' ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἡ πρώτη σύνοδος γέγονε τῶν τιη' πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ ἔτους τιη' ἀπὸ τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Τελευτᾶ δὲ ἑτῶν ξε', κατέλιπε δὲ τρεῖς υἱοὺς Κώνσταν καὶ Κωνσταντῖνον καὶ Κωνσταντῖον· ἐν μὲν τῇ Ῥώμῃ Κώνσταν, ἐν δὲ τῇ νέᾳ Ῥώμῃ Κωνσταντῖνον, ἐν Ἀντιοχείᾳ δὲ Κωνσταντῖον.</p> <p>Οὗτοι δὲ ἐβασίλευσαν ἔτη κδ' 71.</p> <p>Κωνσταντῖνος υἱὸς Λέοντος σὺν τῇ μητρὶ Εἰρήνῃ ἔτη ι', μῆνας β', ἡμέρας β'. Τούτων ἔτει η' γέγονεν ἡ ἐν Νικαίᾳ τὸ δεύτερον σύνοδος τῶν ἀγίων πατέρων 73.</p>

Таким образом, сопоставление обоих сочинений показывает их сходство не только по содержанию и построению, но обнаруживает и дословное совпадение текстов. Это заставляет предположить, что Хронографикон патриарха Никифора был основным источником при составлении исследуемой хроники и наш автор непосредственно пользовался одним из списков Хронографикона. Это тем более вероятно, что сочинение патриарха Никифора было широко распространено в средние века.

Некоторые отмеченные выше различия в годах правления царей объясняются, по-видимому, с одной стороны, использованием уже искаженного списка Хронографикона, с другой — описками самого составителя хроники.

Автор хроники № 2 поставил перед собой задачу сделать выборки из Хронографикона патриарха Никифора. Этим и объясняется незначительное расхождение в содержании разбираемых произведений: не указаны годы жизни ветхозаветных патриархов, а только перечислены их имена, пропущены судьи Израиля; затем автор перешел к краткому изложению истории правлений иудейских, ассирийских, персидских царей, египет-

71 Niceph., p. 95—96.

72 См. 406 $\left(\frac{264}{\text{CCCLI}}\right)$, л. 209.

73 Niceph., p. 100.

ских Птолемеев и римских цезарей. По той же причине сокращенно излагается и византийская история, в которой, однако, больше внимания уделено царствованиям Константина Великого, Константина VI (780—797 гг.), Ирины (797—802 гг.). Следовательно, хронист не просто переписывал источник, а выделял из него то, что, по его мнению, было главным.

Относительно источников, использованных автором хроники № 2 для написания истории Византии X—XI вв., ничего определенного сказать нельзя. Лаконичность изложения и плохая сохранность последних листов манускрипта затрудняют определение использованных источников.

Краткая анонимная хроника № 6 в списке XVI в., озаглавленная *Τὸ τοῦ ἀπὸ λατινικοῦ χρονικοῦ*, расположенная на л. 179 об. греческой рукописи 439 ($\frac{426}{\text{CCCXCIX}}$), начинается с правления Октавиана Августа (30 г. до н. э.—14 г. н. э.) и доведена до правления Михаила I Рангаве (811—813 гг.). Исследуемое произведение очень лаконично. Это просто список римских и византийских императоров с указанием лет их царствования. Кроме римских и византийских императоров, упоминаются первые два короля Каролингской династии — Пипин Короткий (741—768 гг.) и Карл Великий (768—814 гг.), а также сообщается о победе Констанция Хлора, отца Константина Великого, в Испании и о захвате Елены, дочери короля Британии.

Можно предположить, что рассматриваемое произведение является переводом какой-то латинской хроники. Это видно из указания в заглавии (*Τὸ τοῦ ἀπὸ λατινικοῦ χρονικοῦ*), а также из ссылки в самой хронике (ὡς λέγουσιν οἱ τῶν λατίνων χρονογράφοι). В качестве источника латинский хронист использовал, по-видимому, перевод Иеронима Хроники Евсевия Кесарийского. Годы правлений римских императоров в хронике № 6 совпадают с годами, указанными в переводе Хроники Евсевия. Например:

Анонимная хроника № 6	Eusebii Pamphili Chronicon liber primus	Eusebii Pamphili Chronicon liber secundus	Eusebii Pamphili Chronicon liber secundus. Canon Chronicus
Κλαύδιος ἰδ' ἡμέρας ζ' ἡμέρας κη'	'Ρωμαίων ε' ἐβασίλευσεν Κλαύδιος ἔτη ἰδ' 75	Κλαύδιος ἔτη ιγ'	V. Claudius annis XIV mensibus VII diebus XXVIII 79
Νέρων (ἔτη) ιγ' (μῆνας) ζ' (ἡμέρας) κθ'	Romanorum imp. VI Nero annis XIV 76	Νέρων ἔτη ιγ'	VI. Nero annis XIII mensibus VII diebus XXVIII 79a
Βεσπασιανός (ἔτη) θ' (μῆνας) ια' (ἡμέρας) κδ' 74	'Ρωμαίων ζ' ἐβασίλευσεν Οὐεσπασιανός ἔτη θ' μῆνας ια' ἡμέρας κβ' 77	Οὐεσπασιανός ἔτη ι' 78	VII. Vespasianus annis IX mensibus XI diebus XXII 80

74 См. 439 ($\frac{426}{\text{CCCXCIX}}$), л. 179 об.

75 PG, t. XIX, col. 293.

76 Ibid., col. 294.

77 Ibid., col. 296.

78 PG, t. XIX, col. 345.

79 Ibid., col. 539—540.

79a Ibid., col. 541—542.

80 Ibid., col. 545—546.

Анонимная хроника № 6	Eusebii Pamphili Chronicorum liber primus	Eusebii Pamphili Chronicorum liber secundus	Eusebii Pamphili Chronicorum liber secundus. Canon Chronicus
Νερούας (ἔτη) α' (μη- νας) δ'	'Ρωμαίων ι' ἐβασίλευσεν Νερούας ἔτος α'	Νερούας ἔτος α'	X. Nerva anno I mensibus IV
Τραιανός ἔτη ιθ'	'Ρωμαίων ια' ἐβασίλευσεν Τραιανός ἔτη ιθ' 82	Τραιανός ἔτη ιθ'	XI. Trajanus an- nis XIX mensi- bus VI 87
'Αδριανός (ἔτη) κα'	'Ρωμαίων ιβ' ἐβασίλευσεν Αἴλιος 'Αδριανός ἔτη κα' 83.	'Αδριανός ἔτη κα' 85	XII. Adrianus annis XXI 88.
'Αντώνιος ὁ Καράκαλλ- λος (ἔτη) ζ' 81	'Ρωμαίων ιθ' ἐβασίλευσεν 'Αντωνίνος Καράκαλλος υἱός Σεβήρου ἔτη ζ' 84	'Αντωνίνος ὁ ἐπικληθεὶς Κα- ράκαλλος ἔτη ζ' 86	XVIII. Antoni- nus cognomento Caracalla Severi filius annis VII 89

Таким образом, наиболее часто текст хроники № 6 совпадает с Канонем Евсевия. Вероятно, это сочинение и было основным источником при написании латинской хроники, перевод которой дан в нашей рукописи.

Источник, использованный для составления списка византийских императоров, установить не удалось. В этой части наблюдается наибольшее расхождение между хроникой № 6 и большими византийскими хронографическими сочинениями, а именно хроникой Иоанна Малалы, Пасхальной хроникой, хрониками Георгия Амартола, Георгия Кедрина, а также с Хронографиконом патриарха Никифора, причем особенно отличаются годы правления императоров-соправителей.

Краткая анонимная хроника № 7 XVII в., расположенная на лл. 225—230 греческой рукописи 443 ($\frac{261}{\text{CCXLVIII}}$), начинается с правления Юлия Цезаря и доведена до пятого года правления турецкого султана Ахмета. Автор хроники ограничивается простым перечислением римских и византийских императоров и турецких султанов. Список очень подробный, названы все цари, даже те, царствование которых продолжалось недолго. Годы правлений отдельных императоров в основном совпадают, с незначительными отклонениями, с числами, приводимыми византийскими хронистами. Перечень императоров сопровождается краткими сообщениями о захвате Иерусалима Титом и Домицианом, о гонениях на христиан и мученической смерти их, о появлении многочисленных ересей: николаитов, монтанистов, алексийцев, акефалитов и других, об обстоятельствах смерти некоторых римских цезарей, о семи вселенских соборах. Более подробно рассказывается о царствовании Константина VII Багрянородного (913—959 гг.), о захвате Константинополя крестоносцами и трагической гибели императора Алексея V Мурзуфла (1204 г.), об отвоевании Константинополя греками в 1261 г. при Михаиле VIII Палеологе (1259—1282 гг.), о Флорентийском соборе и, наконец, о захвате столицы Византийской империи в 1453 г. турками. Сочинение разделено на три части: Oí

81 См. 439 ($\frac{426}{\text{CCCXCIX}}$), л. 179 об.

82 PG, t. XIX, col. 236.

83 Ibid., col. 297

84 Ibid., col. 304.

85 PG, t. XIX, col. 345.

86 Ibid., col. 348.

87 Ibid., col. 551—552.

88 Ibid., col. 555—556.

89 Ibid., col. 569—570.

βασιλεῖς τῶν Ῥωμαίων, Τέλος τῶν βασιλείων Ῥώμης καὶ ἀρχὴ τῶν εἰς Κωνσταντινούπολιν βασιλείων, Ἄφ' οὗ ἐπήρασαν οἱ Τοῦρκοι τὴν Κωνσταντινούπολιν.

Краткость изложения не позволяет определить сочинения, послужившие источниками для нашего автора. Можно только предположить, что для времени римских императоров хронистом был использован памятник, в котором много внимания уделялось описанию еретических движений первых веков христианства, так как автор подробно перечисляет ересиархов и ереси с краткой характеристикой их.

Следует отметить, что римская история и часть византийской, до Василия I Македонянина (867—886 гг.), написана в хронике № 7 на основании того же источника, что и Хронографикон патриарха Никифора и его продолжение. Об этом свидетельствует совпадение текстов обоих сочинений. Например:

Анонимная хроника № 7	Хронографикон патриарха Никифора
<p>Δομετιανὸς ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ ιε'. Τοῦτου διωγμὸν κινήσαντος Ἰωάννης ὁ Θεολόγος ἐφορίζεται. Ἐφάνη δέ τις αἰρεσιάρχης ἐπιφημιζῶν ἑαυτὸν ἀποκαλύψει δέχεσθαι. Καὶ ὅτι μετὰ τὴν ἀνάστασιν ἐπὶ γῆς ἔσται ἡ τοῦ Χριστοῦ βασιλεία. Τότε καὶ ἡ τῶν Νικολαϊτῶν ἐφάνη α Ἰρεσις ⁹⁰.</p> <p>Μάρκος Ἀδρήλιος ἔτη ιθ' μῆνας ἡ' ἡμέρας ι'. Ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ Ἰουστίνος ὁ φιλόσοφος ἐμαρτύρησεν.</p> <p>Σεβήρος ἔτη ιγ'. Ἐπὶ τούτου ἐμαρτύρησε Κλεονίδης ὁ φιλόσοφος ἔχων υἱὸν τὸν κακόφρονα Ὀριγένη ἐτῶν ιζ'. Ὁ δὲ Ὀριγένης διὰ τὸ φοιτᾶν εἰς αὐτὸν γυναικῆς χάριν διδασκαλίας εὐνούχησεν εαυτὸν. Ἐπὶ τούτου καὶ Ἰππόλυτος ὁ Ῥωμαῖος συγγραφεὺς ἤκμαζε καὶ Γρηγόριος ὁ Θαυματουργὸς ⁹².</p> <p>Δέκιος ἔτη β' καὶ ἐσφάγη ἐν τῷ φόρῳ μετὰ τῶν τέκνων αὐτοῦ ⁹⁴.</p> <p>Ἀναστάσιος ἔτη κζ' μῆνας γ'.</p> <p>Ἰουστινιανὸς ὁ ἀνεψιὸς αὐτοῦ ἔτη λθ'. Ἐν δὲ τῷ ἔκτῳ ἔτει αὐτοῦ βασιλείας ἡ πέμπτη γέγονε σύνοδος.</p> <p>Φωκᾶς ἔτη η' καὶ ἤμισυ ⁹⁵.</p> <p>Ἡράκλειος ἔτη λα' ⁹⁸.</p> <p>Φίλιππος ὁ καὶ Βαρδάνης ὁ δυσσεβὴς ἔτη β'.</p> <p>Ἀρτέμιος ὁ καὶ Ἀναστάσιος ἔτη β'.</p> <p>Λέων ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ ἐκ τῆς Χαζάρας ἔτη ε' ⁹⁹.</p>	<p>Δομετιανὸς ἔτη ιε' μῆνας ε'. Καὶ τούτου διωγμὸν κινήσαντος Ἰωάννης ὁ ἀπόστολος Πάτριον οἰκεῖν τὴν νῆσον κατεδικάσθη διὰ τὴν εἰς Χριστὸν ὁμολογίαν. μετὰ δὲ Δομετιανοῦ τελευτήν ἐπάγειν ἀπὸ τῆς νήσου καὶ παρέμεινεν ἐν Ἐφέσῳ [μέχρι τῆς Τραϊανῶν βασιλείας] ⁹¹.</p> <p>Μάρκος [Ἀδρήλιος] ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη ιθ' μῆνας ια'. Ἐπὶ αὐτοῦ Ἰουστίνος ὁ φιλόσοφος ἐμαρτύρησεν.</p> <p>Σευήρος ἔτη ιγ'. Ἐπὶ αὐτοῦ Λεωνίδης ὁ πατήρ Ὀριγένους [τοῦ κακόφρονος] ἐμαρτύρησε καὶ Ἰππόλυτος ὁ Ῥώμης συγγραφεὺς ἤκμαζε, καὶ Γρηγόριος ὁ θαυματουργὸς [καὶ Κλήμης ὁ Ἀλεξανδρεὺς] ⁹³.</p> <p>Δέκιος ἔτος α' μῆνας γ' καὶ ἐσφάγη ἐν τῷ φόρῳ ⁹⁶.</p> <p>Ἀναστάσιος ἔτη κζ' μῆνας δ'.</p> <p>Ἰουστινιανὸς ὁ μέγας ἐβασίλευσεν ἔτη λη', μῆνας ζ'. Ἐφ' οὗ ἡ πέμπτη σύνοδος γέγονεν ἐν Κωνσταντινουπόλει.</p> <p>Φωκᾶς ἔτη η' ἐσφάγη ⁹⁷.</p> <p>Ἡράκλειος μετὰ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ ἔτη λα' ¹⁰⁰.</p> <p>Φίλιππικὸς [ὁ καὶ Βαρδάνιος] ἔτη β'.</p> <p>Ἀναστάσιος ὁ καὶ Ἀρτέμιος ἔτη β'.</p> <p>Λέων ὁ Χάζαρις ἔτη ε' ¹⁰¹.</p>

⁹⁰ См. 443 ($\frac{261}{\text{CCXLVIII}}$), л. 225.

⁹¹ Niceph., p. 93.

⁹² См. 443 ($\frac{261}{\text{CCXLVIII}}$), л. 225.

⁹³ Niceph., p. 94.

⁹⁴ См. 443 ($\frac{221}{\text{CCXLVIII}}$), л. 226 об.

⁹⁵ Там же, л. 227.

⁹⁶ Niceph., p. 94.

⁹⁷ Ibid., p. 98.

⁹⁸ См. 443 ($\frac{261}{\text{CCXLVIII}}$), л. 227.

⁹⁹ Там же, л. 227 об.

¹⁰⁰ Niceph., p. 99.

¹⁰¹ Ibid., p. 100.

Однако приведенные фрагменты показывают не только сходство между обоими сочинениями, но и различие. Все это говорит о том, что хронисты, пользуясь одним общим источником, брали из него только то, что их интересовало и казалось главным.

Относительно источников, использованных для составления последующих частей хроники № 7, ничего определенного сказать нельзя. По всей вероятности, начиная с рассказа о Флорентийском соборе, хронист использовал памятник, появившийся в более близкое к нашему автору время. Эта часть хроники № 7 написана живым народным языком с употреблением новогреческих грамматических форм, тогда как первые разделы написаны языком более раннего периода.

Итак, во всех охарактеризованных выше малых хрониках № 2, 6, 7 материал расположен по годам правления царей. Сопоставление данных этих хроник с большими хронографическими работами (хроникой Иоанна Малалы, Пасхальной хроникой, хрониками Георгия Синкелла, Георгия Амартола, Георгия Кедрина, Иоанна Зонары) показывает, что последние не были источниками для исследуемых сочинений. Источниками для них, по всей вероятности, служили такие исторические сочинения, как *Χρονογραφικὸν σύντομον* патриарха Никифора и Хроника Евсевия Кесарийского в той ее части, где перечислены потомки Адама, судьи Израиля, иудейские, израильские, ассирийские, персидские, египетские, римские и византийские цари. Составители этих хроник выписывали из своих источников в основном только годы правления царствующих лиц. Нередко они сопровождали список царей краткими сообщениями о тех или иных событиях, происшедших в правление указанного императора или царя и казавшихся им заслуживающими внимания. Содержание хроник очень часто совпадает. Важность их заключается в том, что они показывают нам, чем интересовались византийские читатели.

Все охарактеризованные выше краткие хроники были однотипны по своему содержанию. Несколько отличается от них по своему составу малая анонимная хроника (№ 1), входящая в состав греческой рукописи 171 ($\frac{109}{\text{CX}}$). Эта краткая хроника добавлена позднее, вероятнее всего, в XV—XVI вв., она начинается от Адама и доведена до Михаила IV Пафлагонянина (1034—1041 гг.). В хронике указано число лет, прошедших от Адама до Ноя (2242), от Ноя до Авраама (1170), от Авраама до Моисея (444), от Моисея до Давида (599), от Давида до Христа (1045), от Христа до первого собора, указано также число лет между отдельными вселенскими соборами, названы императоры, патриархи и римские папы, при которых они происходили; иными словами, содержание этой части хроники № 1 ничем не отличается от содержания других малых византийских хроник. Однако, кроме этих известий, в хронике № 1 приводятся очень много апокрифических сведений: подробно излагаются апокрифы о Христе (например, перечислены города, в которых он якобы жил, Мемфис и Гелиополь, с указанием числа лет, прожитых в них), о Марии, об Иоанне Крестителе, об Иоанне евангелисте; рассказывается также легенда о появлении антихриста спустя 1000 лет после рождения Христа.

Источники, на основании которых автор хроники № 1 составил свой труд, выяснить не удалось; по всей вероятности, при ее написании были использованы также апокрифы.

Другой вид малых хроник — хронологический перечень дат — представлен в наших рукописях тремя краткими хронологическими заметками (хроники № 3, 4, 5).

В кратком хронологическом перечне (хроника № 3) XV в., входящем в состав греческой рукописи 421 ($\frac{411}{\text{CCCLXXXIV}}$), указаны только суммы

лет, прошедших от Адама до отдельных библейских и исторических событий, а также между ними. Хронологическими вехами служат следующие события: потоп, построение вавилонской башни, жизнь Авраама, исход сыновей Израиля из Египта, создание иерусалимского храма при Соломоне, вавилонское пленение евреев, царствование Александра Македонского, рождение Христа, правления римских и византийских императоров: Константина Великого (306—337), Михаила III (842—867), Алексея I Комнина (1081—1118), Михаила VIII Палеолога (1259—1282), Иоанна V Палеолога (1341—1376, 1379—1391). Число лет от Адама до потопа дано по Африкану ¹⁰² — 2262 года; число лет от Авраама до исхода сыновей Израиля — 430; это число соответствует сумме, установленной еще 70 толковниками и принятой всеми византийскими хронистами. Остальные цифры хроники № 3 не соответствуют числам, сохранившимся в отрывках из Хронографии Африкана ¹⁰³.

Следует отметить, что общая сумма лет от сотворения мира до Иоанна V Палеолога (6870), приведенная автором хроники № 3, не совпадает с суммой, получающейся от сложения отдельных чисел, указанных в хронике (6789). Число лет от Адама до рождения Христа в хронике № 3 равно 5506. Здесь также имеется ошибка, так как в результате сложения отдельных сумм получается 5456 лет. Однако следующая общая сумма лет от Адама до Михаила III (6329) совпадает с числом, получающимся в результате сложения отдельных сумм. Таким образом, в вычисление автора вкралась ошибка, однако она не была замечена им, вероятно, потому, что он просто переписывал уже неправильный текст.

Автор хроники № 3 заканчивает свои хронологические записи 6870 годом, 15-м индиктом; на этот год падал 10-й солнечный цикл и 11-й лунный цикл. Ὁμοῦ τὰ πάντα ἀπὸ κτίσεως κόσμου ἔτη στωῶ, ἰνδίκτιβνος ιε', κύκλος ἡλίου ι', κύκλος σελήνης ια' (л. 180 об.). Необходимо определить, какой эры придерживался наш автор — византийской или александрийской. 6870 год александрийской эры падает на 1378 г. н. э. Но в этом случае наблюдается расхождение в индикте и в солнечном цикле. 1378 г. н. э. совпадает с 1-м индиктом ¹⁰⁴ и 2-м солнечным циклом ¹⁰⁵. 6870 год по византийской эре соответствует 1362 г. н. э., 15-му индикту, 10-му солнечному и 11-му лунному циклам ¹⁰⁶. Следовательно, хронист пользовался византийской системой летосчисления.

Две краткие анонимные хроники № 4 и № 5 в списке XVI в. имеются в греческой рукописи 439 ($\frac{426}{\text{CCCXCIX}}$). Первая из них, расположенная на л. 3 об. (хроника № 4), представляет собой хронологическую таблицу, в которой дан счет лет от Адама до Христа, перечислены семь вселенских соборов, названы императоры и патриархи, при которых происходили эти соборы, указано число лет, прошедших между ними, число участников соборов, отмечено, против каких именно еретиков были направлены соборы и в каком городе они происходили. Эпоха от Адама до Христа разбита на ряд периодов: от Адама до потопа (2242 года), от потопа до построения вавилонской башни (525 лет), от построения башни до Авраама (501 год), от Авраама до исхода сыновей Израиля (430 лет), от исхода до царствования Соломона (557 лет), от Соломона до вавилонского

¹⁰² H. Gelzer. Op. cit., t. I, S. 53, 421 ($\frac{411}{\text{CCCLXXXIV}}$), л. 180—180 об.

¹⁰³ Cp. H. Gelzer. Op. cit., t. I, S. 52—59.

¹⁰⁴ V. Grumel. Op. cit., p. 261.

¹⁰⁵ Ibid., p. 276—277.

¹⁰⁶ Ibid., p. 261, 276—277.

пленения (447 лет), от пленения до царствования Александра Македонского (418 лет) и от Александра Македонского до Христа (336 лет).

Второй хронологический перечень (хроника № 5) дает счет лет от Адама до Феофила. В хронике приведены следующие суммы лет, прошедших от Адама до отдельных событий, а также и между отдельными событиями: от Адама до потопа (2242), от потопа до строительства башни (525), от строительства башни до Авраама (501), от Адама до Авраама (3268), от Авраама до исхода из Египта (430), от исхода до построения иерусалимского храма при Соломоне (757), от построения храма до вавилонского пленения евреев (425), от Адама до пленения (4880), от пленения до царствования Александра Македонского (318), от Александра до Христа (302), от Адама до Христа (5500), от Христа до Константина Великого (318), от Константина до Феофила (530); всего от Адама до правления Феофила — 6350 лет.

В обеих хрониках № 4 и № 5 совпадают только суммы лет от Адама до потопа, от потопа до Авраама, от Авраама до исхода. Остальные числа расходятся. Рукопись написана одним почерком. По всей вероятности, владелец рукописи, он же и писец, пользовался разными источниками. Не решаясь отдать предпочтение какому-нибудь одному памятнику, он переписал сразу две хроники. Установить источник хронологических списков № 4 и № 5 не удалось. В счете лет от Адама до потопа и от Авраама до исхода сыновей Израиля из Египта автор следует за 70 толковниками.

Таким образом, во всех трех хрониках № 3, 4 и 5 хронологические вехи библейской истории вплоть до царствования Константина Великого одни и те же, хотя счет лет несколько отличается. Последнее объясняется использованием разных источников. С точки зрения средневекового хрониста такие события, как потоп, построение вавилонской башни (т. е. период рассеяния народов), эпоха Авраама (первого среди идолопоклонников уверовавшего в «истинного» бога), исход из Египта сыновей Израиля, построение иерусалимского храма при Соломоне, завоевание Иудейского царства Навуходносором, правление Александра Македонского, создавшего огромную державу и покорившего многие народы, рождение Христа, время Константина Великого, в царствование которого христианство было признано государственной религией, — были наиболее значительными, являлись поворотными пунктами в жизни народов, делили всю библейскую историю на ряд периодов. Хронологические вехи послеконстантиновской эпохи в разных хрониках различны. Следовательно, подобный хронологический перечень дат, представленный хрониками № 3, 4, 5, был своего рода периодизацией истории для средневекового человека.

Таким образом, в кратких хрониках популярно и сокращенно излагалась «всемирная» история. Эти малые хроники были как бы историческими справочниками, которые были доступны широким кругам грамотного византийского населения, давали общее представление об истории (в понимании средневекового человека) и удовлетворяли требования византийских читателей в знании истории. В этих компендиях содержались конкретные, наиболее важные с точки зрения средневекового человека, факты, а именно: годы жизни потомков Адама, время правления судей Израиля, иудейских, персидских, египетских, римских и византийских царей, — т. е. те сведения, знать которые было необходимо каждому образованному византийцу. Можно предположить, что эти широко распространенные компендии, содержание которых, особенно в первых частях, почти полностью совпадает, были своего рода школьными пособиями, в которых давалась христианская трактовка всемирной истории. Эти школьные руководства применялись, может быть, при обучении на второй ступени

школьного образования, где проходили «грамматику», которая охватывала, как известно, литературу, историю, метрику и географию¹⁰⁷.

Краткие, или малые, хроники могли быть написаны учителями или учениками школ византийского периода и греческих школ, сохранившихся под властью турок. Как и в больших хронографических сочинениях, в компендиях давалось краткое руководство по всемирной истории, события излагались без критической проверки, в основу была положена библейская хронологическая канва. Работа авторов этих хроник была компиляторской.

Состав исследуемых рукописей, в которые входят статьи, посвященные различным вопросам богословия, философии, медицины и хронологии, позволяет сделать вывод, что подобные рукописные сборники могли быть использованы в монастырских школах, где преподавание было ограничено изучением священного писания и трудов отцов церкви¹⁰⁸.

Небрежность письма, беглость начертаний, обилие сокращений, стремление уместить на небольшом пространстве большое количество текста свидетельствуют о том, что владельцы этих сборников писали для себя¹⁰⁹. Поэтому они стремились использовать каждый свободный лист и материал излагали кратко, выбирая то, что являлось, по их мнению, самым главным.

Следовательно, ценность и важность малых хроник заключается в том, что они знакомят нас с историческими взглядами широких масс византийских читателей, показывают, чем они интересовались и какая литература использовалась в Византии и в послевизантийский период для учебных целей.

Итак, краткие хроники представляют для нас немалый интерес, так как являются одним из основных источников при изучении методики преподавания истории в школах Византии и послевизантийского периода и содержат сведения, характеризующие уровень и состояние византийской образованности.

---

¹⁰⁷ См. G. Buckler. *Byzantine Education*, in: «Byzantium. An Introduction to East Roman Civilization», ed. Norman H. Baynes and H. St. L. B. Moss. Oxford, 1948, p. 206.

¹⁰⁸ G. Buckler. *Op. cit.*, p. 215.

¹⁰⁹ Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 348.

А. Я. СЫРКИН

**СВЕДЕНИЯ „ДИГЕНИСА АКРИТА“ О ВИЗАНТИЙСКОМ БЫТЕ
И ПАМЯТНИКАХ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Уже самое беглое ознакомление с эпосом о Дигенисе Акрите показывает, что поэма эта содержит немало сведений о византийской жизни, быте, предметах материальной культуры. Следует, однако, иметь в виду, что отнюдь не все такие данные можно отнести к периоду, когда складывался византийский эпос, т. е. к IX—XI вв.¹ Отдельные свидетельства отражают уже обстановку, в которой создавались более поздние редакции поэмы (XII—XIV вв.). Многие описания, как будет сказано ниже, вообще не могут служить надежным источником для историка византийского быта — они перешли в поэму из позднеантичных текстов. В нашу задачу не входит критический анализ каждого из таких свидетельств — это чересчур усложнило бы работу и неизбежно заставило бы предпринять целый ряд самостоятельных исследований. В основном на материале ГФ² мы намереваемся лишь выделить и сопоставить друг с другом отдельные данные поэмы о различных сторонах византийской жизни, отмечая попутно как наиболее характерные для византийского быта свидетельства, так и те, которые привнесены в поэму из другой культурной среды.

Основное содержание поэмы — это описание жизни знатного византийского воина-пограничника. Соответственно почти все, за немногими исключениями, свидетельства «Дигениса Акрита» о быте относятся к обстановке, в которой жил такой воин. Восхваляя в Дигенисе отвагу и силу, воспевая его победы над врагами, поэма, естественно, содержит множество сведений о военном быте; она описывает крупные битвы, единоборства, повествует о военном искусстве героев, об их вооружении, боевых конях и т. д.

Уже с детства будущий воин обучается военному искусству. «Обучу ли я тебя владеть копьем» (*διδάξω σε κοντάριον* — ГФ II, 291), — так обращается эмирк своему сыну — младенцу Дигенису. С детства герой учится владеть копьем и мечом (Т 857), обучается верховой езде (*ἵππυλασία* — ГФ IV, 70). На своей первой охоте двенадцатилетний Дигенис показывает себя замечательным наездником — он держится в седле, «слово яблоко на дереве» (ГФ IV, 242 сл.). Поэма описывает ловкость героев, владеющих разными боевыми приемами. Таков дядя Дигениса Константин — он превосходно владеет мечом и копьем, умело прищипривает (*καταπτέρισμα*) коня (ГФ I, 150 сл., 157 сл.). Выполняя просьбу Евдокии, Дигенис,

¹ Ср. А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы византийского эпоса. ВВ, XIX, 1961, стр. 115 сл.

² Как и в предыдущих статьях, нами приняты следующие сокращения: ГФ — Гротта-Ферратская версия памятника, Т — Трапезунтская, А — Андросская стихотворная, Э — Эскуриальская.

когда ему приходится отразить нападение ее братьев, умело кружится (ἐκύκλευσεν) около соперников и так сбрасывает их с коней, что никого не ранит (IV, 670 сл.)³. Военную хитрость применяет по отношению к Дигенису и Филопапп — он подкрадывается к герою сбоку (ἐκ πλαγίου) и ранит его коня (VI, 509 сл.).

Поэма изобилует названиями разных видов оружия. Следует заметить, что различие между вооружением Дигениса, апелатов, арабов не проводится. Часто упоминаются меч (σπαθί — ГФ I, 147, 158; IV, 912; VI, 157 и т. д.; ξίφη — ГФ IV, 339; VI, 325), копьё (κουτάρι — I, 147, 158, 164 и т. д.). При этом копьё эмира названо βένετον, χρυσομένον (ГФ I, 164); копьё Дигениса — *πρασινωαραβίτικον μετὰ χρυσοῦ διβέλλου*⁴ (IV, 251); среди свадебных подарков Дигенису — два копья *κοπρίζοντα*⁵, *αραβίτικα* (IV, 911); «аравийское» копьё есть и у Максимо (VI, 739), а Дигенис сражается с нею «голубым» (βένετον — VI, 719). Упоминаются в поэме и копеейщики (κουταράτοι) — это 3 тысячи воинов, служивших эмиру (ГФ I, 291; IV, 38); около сотни арабов, напавших в пустыне на Дигениса (V, 179); наконец; небольшое число воинов, сопровождавших императора на пути к Дигенису (δορυφόρους ἰκανούς — ГФ IV, 1006).

Весьма часто встречается в поэме неразлучная спутница Дигениса — дубинка (ραβδί — I, 148; VI, 144, 204, 224 и т. д.). При этом упоминается и особый футляр для дубинки — *ραβδοβαστάκι* (ГФ I, 148), а также отдельные виды этого оружия, которых в Византии было довольно много⁶: «простая» дубинка (λιθὸν ραβδίτζιν — ГФ IV, 119; ср. T 2104, A 3101); *ὀπλόκοντα ραβδία* (A 1635, 1639) — по-видимому, так называемые «апелатские» дубинки (*ἀπελατίκιον*)⁷, на которых герой состязается с апелатами⁸. Интересно и упоминание о каком-то «мече-дубинке» (*σπαθοράβδιον* — ГФ IV, 378, 645). Это, очевидно, не «меч и дубинка», а одно оружие, возможно, тождественное *σπαθοβάκλιον* (sword-cane?) упоминаемому Константином Багрянородным⁹.

Еще одна деталь вооружения — щит (σκούτари — ГФ IV, 928; VI, 219, 225, 232, 719, 738; *χειροσκούτари* — ГФ VI, 144, 157, 205; *ἄσπις* — V, 189; VI, 216). Несколько более подробно описан щит Максимо, украшенный изображением орлиных крыльев (VI, 738). Все эти доспехи упоминаются примерно в схожих сочетаниях: Константин вооружен мечом, копьём и дубинкой (I, 147—148); у Дигениса — дубинка и щит (VI, 144, 157, 204—205), а при встрече с Максимо — меч, щит и копьё (VI, 719); у Филопаппа и его спутников — меч и щит (VI, 216, ср. 252, 321); у Максимо — щит, копьё и меч (VI, 738—739) и т. п. Упоминаются в поэме и стрелы (βέλη — ГФ IV, 338). Такое снаряжение было, в частности,

³ Схожая сцена содержится и в «Ахиллеиде» (L'Achilléide byzantine, publ. . . par D. C. Hesselting. Amsterdam, 1919, v. 540 sq.).

⁴ П. Калонарос (Βασίλειος Διγενῆς Ἀκρίτας . . . ἐκδ. ὑπὸ Π. Καλονάρου, т. II. Ἀθήναι, 1941, σελ. 44) читает διβέλου, т. е.: «с золотым обоюдоострым лезвием»; Дж. Маврогордато (Digenes Akrites. Ed. . . by J. Mavrogordato. Oxford, 1956, p. 83) переводит «with a rennon of gold». T 1025 приводит здесь характерный для арабского оружия признак: *μετὰ χρυσοῦ γραμμάτων* — «покрытое золотыми письменами».

⁵ Т. е., по-видимому, из меди, зеленые (ср. P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 65). Дж. Маврогордато (op. cit., p. 129) переводит: «spring-wood spears», ссылаясь на значение *κοπρίζω* в Септуагинте.

⁶ Ср. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 173.

⁷ *Ibid.*, p. 92—93; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 86—87.

⁸ О таких состязаниях в Византии см. Ph. Koukouliès. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός, т. А'-Е'. Ἀθήναι, 1948—1952; т. Г', p. 142—143.

⁹ Constantini Porphyrogeniti De ceremoniis aulae byzantinae, vol. I. Bonnæ, 1829, p. 72₁₈; vol. II, 1830, p. 174—175; ср. словарь Э. Софоклиса (s. v.); J. Mavrogordato. Op. cit., p. 97.

характерно для тяжеловооруженных воинов (катафрактов)¹⁰, игравших значительную роль в византийской армии X в.¹¹

Все почти схватки в поэме происходят между всадниками, и в тексте «Дигениса Акрита» неоднократно упоминаются боевые кони. Для обозначения их поэма приводит целый ряд названий — ἄλογος, βάδας, βούλχας, δαγάλλος, δάος, μαβρος, φάρα и т. д.¹² Автор наделяет коней всевозможными лестными эпитетами — γενναϊοτάτου (I, 146; ср. VI, 735); ἐπίλεκτα (II, 94); εὐθειον καὶ κομιδῆ γενναῖον (II, 294) и т. д. Конь эмира, кажется, не ступает, а летит по земле (I, 170); когда эмир возвращается к жене из Сирии, то кони словно разделяют всеобщую радость (III, 327). Упоминается в поэме и один из диких необъезженных (ἀγροικῶν ἀδαμάστων — IV, 1055) коней, которого Дигенис укрощает на глазах императора. Описывается убранство коня: конь Дигениса белоснежен, словно голубка, чолка его украшена драгоценностями и золотыми бубенчиками, седло и уздечка (σελλοχάλινον) снабжены золотыми скрепками (χρυσῶν σβερινίδων)¹³, усеяны жемчугом; круп его покрыт зелено-розовым шелковым платком (πράσινον, ρόδινον βλαττίν); чтобы седло не занылилось (ΓΦ IV, 232 сл.). Упоминаются и шпоры (περριστήρια — IV, 227), покрытые драгоценными камнями, отделанные золотом и рубинами. Приказывая конюшему седлать коня, Дигенис говорит ему, чтобы тот опоясал его подпругами, упряжными ремнями (χίγκλας... ἐμπροσθελίνας)¹⁴, повесил на седло «меч-дубинку» (σπαθορράβδιν) и вложил коню в рот тяжелый мундштук (βαρὺ τὸ μάσσημα), чтобы животное быстрее поворачивалось (ΓΦ IV, 376 сл.). Упоминаются специальные женские седла и уздечки (σελλοχάλινα... γυναικεῖα — ΓΦ IV, 791 сл.; ср. IV, 822), отделанные золотом, украшенные жемчугом и изображениями зверей: их приготавливают родные Дигениса, встречая его невесту. Отделано золотом и седло с уздечкой на коне Максимо (VI, 555).

Текст поэмы изобилует различными деталями военного быта. Здесь говорится о набранных (ἀδνομιάτας) воинах-наемниках, получающих достойное вознаграждение от эмира, — турках, дилебитах¹⁵, арабах и др. (ΓΦ I, 45 сл.; ср. лат. ad nomen) — характерное свидетельство о составе арабского войска¹⁶. О наборе (τὸ ἀδνούμιν) воинов говорит Дигенис Филопаппу (VI, 287). Описывается сигнал для сбора воинов: предводители апелатов зажигают ночью факелы (τὸν πυρὸν δαδουχοῦντες — VI, 361 сл.; ср. 383); к тому же условному знаку прибегает Мелимидзис, собравший таким образом около тысячи воинов (VI, 439 сл.), и Филопапп, совывающий воинов Иоаннакиса (VI, 448 сл.).

Упоминает поэма и об основной функции местных войск — защите границ. Во время похищения эмиром Ирины братья ее, дядья Дигениса, находились на границах (ΓΦ I, 54, 64); «Мы стратеги на границах» (στρατηγοὶ εἰς τὰς ἀκρας), — так говорят они о себе эмиру (I, 273). На границах проводит почти всю свою жизнь и сам Дигенис (ср. ΓΦ IV, 956 сл.; VII, 215 сл.).

¹⁰ «Стратегика императора Никифора». Изд. Ю. Кулаковский. «Записки имп. АН. Серия ист.-фил.», т. 8, № 9. СПб., 1908, стр. 11²³, 30—35; 32—33.

¹¹ Ср. А. П. Каядан. Византийская армия в IX—X веках. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 1954, стр. 20 сл.

¹² P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 198.

¹³ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 81.

¹⁴ См. об этом месте P. Kalonagos. Op. cit., II, p. 49; ср. перевод Дж. Маврогордато (op. cit., p. 97).

¹⁵ См. о них: П. Каролидης. Σημειώσεις κριτικαὶ ἱστορικαὶ καὶ τοπογραφικαὶ εἰς τὸ μεσαιωνικὸν ἔπος. «Ἐπιστημ. ἐπετηρὶς τοῦ ἔθν. πανεπιστημίου», 1905—1906. Ἀθήναι, σελ. 217—218; E. Honigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935, S. 164.

¹⁶ Ср. А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». ВВ, XVIII, 1961, стр. 149, прим. 164.

В «Дигенисе Акрите» содержатся сведения и о лагерном расположении войск — *φορσάτα*¹⁷. Лагерь эмира расположен в страшном, труднопроходимом ущелье (*κλεισοβραν τὴν δεινὴν*... — I, 90). В пути по ущельям воины эмира предлагают ему разбить лагерь (*ἀππλίκτα* — ГФ III, 84; ср. II, 157)¹⁸. Упоминается палатка (*τένδα* — I, 95, 309 сл.) эмира и другие палатки, находящиеся в его лагере (I, 209)¹⁹. Здесь же находятся сторожевые посты — *βίγλαι*²⁰ (I, 91); о них говорится и в дальнейшем повествовании (IV, 212). Стражу выставляют апелаты (T 1072, 1077; ГФ VI, 397), стратиг Дука (ГФ IV, 326, 420, 596), эмир (IV, 785), воины Максимо (VI, 439); наконец, на страже стоит сам Дигенис, ожидающий нападения апелатов (VI, 476). Это тоже типичное для византийской военной жизни явление²¹. Другая характерная деталь — разведка, на которую отправляются Филопапп, Мелимидзис и Киннам (VI, 464 сл.). Упоминаются и засады (*ἐγκρόματα* — IV, 297, 302) — с их помощью стратиг Дука ловил всех пытавшихся похитить Евдокию.

Следует отметить большое число батальных сцен в поэме. О некоторых битвах говорится вкратце — в авторских отступлениях, в воспоминаниях действующих лиц (например описание подвигов Хрисоверга и Кароса в письме матери к эмиру — ГФ II, 60 сл.). Другие битвы описываются более детально. Таковы, например, сражение Константина с эмиром (I, 171 сл.), многочисленные битвы Дигениса — с войсками и сыновьями стратига Дуки (IV, 637 сл.), с сарацином Судалисом (A 2024 сл.), с отрядом арабов (ГФ V, 178 сл.), с Анкилой (T 2071 сл., A 3068 сл.), с отрядами апелатов (ГФ VI, 144 сл., 611 сл., 685 сл.), с Филопаппом (VI, 215 сл., 508 сл., 620 сл.), с Киннамом и Иоаннакисом (VI, 229 сл., 620 сл.), с Мелимидзисом (VI, 502 сл.), с Леандром (VI, 620 сл.), с Максимо (VI, 581 сл., 743 сл.). Здесь описываются также отдельные обычаи, связанные с битвой. Когда Константин готовится к единоборству с эмиром, старший брат умащивает его перед битвой (*ἡλείφει πρὸς ἀγῶνας* — I, 133). Выходя на бой, Константин осеняет себя со всех сторон крестным знаменем (*σημαῖον τοῦ σταυροῦ φραξάμενος παντόθεν* — I, 149). Возвращаясь к жене после победы над отрядом апелатов, Дигенис отряхивает рукав (*τὸ μανίκιον ἔσειον* — VI, 158; ср. T 2048; A 3013) — здесь отразился, по-видимому, обычай, имевший целью очищение от скверны убийства²². Вступлению в бой часто предшествует молитва²³. Перед битвой с эмиром братья молятся, став лицом к востоку (I, 142); точно так же благодарят они бога после победы Константина (I, 200 сл.). На помощь всевышнего и святых воителей полагается во время сражений и сам Дигенис. Черта эта также весьма характерна для византийского войска. Стратегика Никифора предписывает армии молиться при приближении неприятеля²⁴ и настаивает на строгом соблюдении войском религиозных обрядов; нарушение их влечет за собой дисциплинарные взыскания — публичную экзекуцию, понижение в ранге²⁵.

¹⁷ См. об этом: Ю. Кулаковский. Византийский лагерь конца X века. ВВ, X, 1903, стр. 63—90.

¹⁸ Ср. «Стратегика...», стр. 18₁₆—20₉; 39—40.

¹⁹ Там же, стр. 18₂₇—33; 39.

²⁰ Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 73—74, 85—86.

²¹ «Стратегика...», стр. 19₂₈—20₉; 40.

²² D. C. Hesselting. Ερώτημα περὶ τῆς φράσεως «αἰῶ τὰ μανίκια μου», А, III, 1912, σελ. 701. Ср. кипрскую редакцию песни «О сыне Армуриаса» (Вуз., XIV, 1939, р. 254).

²³ Ср. А. Я. Сыркин. Социально-политические идеи эпоса о Дигенисе. ВВ, XX, 1962, стр. 140.

²⁴ «Стратегика...», стр. 15₁₈—20₉; 39.

²⁵ Там же, стр. 20₂₂—21₁₇; 40—41.

Согласно военному обычаю, побежденный принадлежит победителю. В таком духе обращаются к Дигенису Филопапп (VI, 278 сл.) и Максимо (VI, 770), обещающие стать слугами и помощниками героя. Но Дигенис не пользуется плодами своих побед. Обычай его — не бить лежачего: *Τὸν πεσόυτα οὐδέποτε ἔδοξ' ἔχω τοῦ κρούειν* (ГФ VI, 266), — говорит он поверженному Киннаму. Побежденных Филопаппа и Максимо он отпускает на волю, советуя им набрать воинов получше и снова встретиться с ним, если пожелают. Вообще в полном соответствии с духом X в.²⁶ поэма декларирует гуманное обращение с военнопленными. Эмир, забравший во время своего похода на Романию несчетное число пленных (I, 52), обещает освободить их вместе с Ириной (I, 124, 197) и действительно возвращает всем свободу (II, 5). Он преисполнен почтения перед похищенной им девушкой (I, 308; II, 188). Впрочем, война не обходится без зверств: многих других «благородных, прекрасных» пленниц, отказавшихся подчиниться желаниям победителей, постигла иная участь — воины эмира разрубили их на куски (I, 224 сл.). Упоминается в поэме и выкуп за пленных (ср. I, 107, 123 сл.). В результате подвигов Дигениса все пленные были освобождены и вернулись к своим семьям (VII, 217 сл.).

В «Дигенисе Акрите» отразились и некоторые другие стороны византийской жизни. Здесь, правда, вкратце, говорится о воспитании²⁷, которое получил Дигенис. С детства отец отдал его учителю (*εἰς καθ' ἡγήτην* — ГФ IV, 67 сл.; *Τ* 852 сл.; *εἰς διδάσκαλον* — А 1385): мальчик три года обучался наукам (*μαθήμασι*) и усвоил множество знаний (*πλήθος ἔσχε γράμμάτων*); лишь после этого Дигениса стали обучать военному искусству.

Интересны свидетельства поэмы о свадебных обрядах, принятых у знатных византийцев. Жениха-эмира встречает большая толпа родных и слуг невесты; здесь и мать невесты — стратигисса, приготовившая все для свадебной церемонии (ГФ II, 21); войдя в дом, все они справляют пышную свадьбу (II, 29 сл.). Еще подробнее излагается история брака Дигениса и Евдокии. Полюбив девушку с первого взгляда и узнав, что стратиг Дука жестоко расправляется со всеми, кто пытается похитить его дочь (IV, 294 сл.), герой просит отца посвататься к стратигу — *να μὴ νόσῃς τὸν στρατηγὸν διὰ συμπενθερίαν* (ГФ IV, 304; ср. *Τ* 1158, А 1719). Следует отметить, что термин *συμπενθερία*, обозначающий отношения между родителями жениха и невесты, употребляется и в настоящее время²⁸. Узнав об отказе стратига, герой сам похищает девушку. Похищение сопровождается характерными деталями. Девушка дает возлюбленному свое колечко (*δαχτολίδιν* — ГФ IV, 364) — залог верности²⁹. Герой играет на кифаре и поет под окном любимой (IV, 425 сл.) и увозит ее лишь после взаимных клятв в верности (IV, 534—583). Восхищенный отвагой и силой Дигениса, побежденный стратиг предлагает ему огромное

²⁶ Ср. M. Canard. Quelques «à côté» de l'histoire des relations entre Byzance et les arabes. «Studi orientalistici in on. di G. Levi Della Vida», I. Roma, 1956, p. 111—114. Подробнее о жизни византийских пленников см. Ph. Koukoules. Op. cit., I, p. 148—183.

²⁷ Подробно о воспитании детей в Византии см. Ph. Koukoules. Op. cit., A, I, p. 35 sq.

²⁸ Ср. P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 99.

²⁹ Колечко просит у своей жены и эмир, отправляясь в Сирию (II, 269). Мотив этот весьма распространен в византийской литературе и в фольклоре. Ср. «Имберий и Маргарона» (Collection des romans grecs en langue vulgaire et en vers, publ. par S. Lampros. Paris, 1880, p. 239—288), 279—280; «Либистр и Родамна» (Trois poèmes grecs du moyen âge, rec. W. Wagner. Berlin, 1881, p. 241—349), 1642 сл.; H. Pernot. Chansons populaires grecques des XV et XVI siècles. Paris, 1931, № 118, p. 72 и др. См. P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 102—103.

приданое³⁰ (ΓΦ, IV, 705 сл.) — 20 кентинариев старой монетой³¹, серебряную утварь (ἀργυράια σκεύη), сундук с одеждою (βιστιάριον), стоящий 500 литр, 36 доходных имений (κτήματα πολλὰ ἀκίνητα τριανταεξ εἰσόδων), 70 служанок, дом (οἶκος) матери невесты, ее дорогие украшения, в том числе драгоценный венец (στέφανον), всех животных (ξῶα), которые найдутся в этом доме, 400 лучших коней (πρωτεῖα), 80 конюших (στράτορας), 14 поваров, 14 булочников, 150 слуг (возможно, рабов — ψυχάρια)³²; он сулит юноше, сверх того, еще многое другое и обещает ему предпочтение (προτίμησιν) перед своими детьми (ср. Γ 1306 сл.; А 2115 сл.). При этом стратиг уговаривает будущего зятя отправиться к нему в дом и там сыграть свадьбу — иначе все подумают, что Дигенис взял невесту, лишённую богатства, а это — «бесчестие (αἰσχρόνη — IV, 727) для всех благоразумных». Но осторожный Дигенис отказывается от этого предложения — ему нет дела до богатств и до приданого девушки³³, и он везет ее сначала к своим родителям. Характерно, что Евдокия стыдится предстать перед ними без служанок и без нарядов; она упрекает за это Дигениса, которому придется теперь оправдываться за нее (IV, 808—812). Узнав о приближении сына с невестой, эмир устраивает торжественную встречу: он выезжает к ним с пятью дядьями Дигениса и тремя тысячами отроков. Они берут с собой специально приготовленные женские седла с уздечками и движутся навстречу новобрачным под звуки различных музыкальных инструментов — рогов, труб, барабанов (IV, 797 сл.). При встрече эмир спускается с коня, обнимает жениха и невесту, благословляет Дигениса; затем девушку сажают на седло, осыпанное жемчугом, возлагают на нее драгоценный венец (στέφανον), и каждый из родных жениха наделяет ее бесценным подарком (δῶρα. . . ὑπέριστα — 825). Снова играют рога, трубы, барабаны, кифары, и вся процессия с пением направляется к дому (831). Наступает всеобщее ликование. Навстречу выходит из дома толпа женщин — впереди бабка и мать Дигениса. Нарядные служанки (οἰκετίδες) несут цветы (ἄνθη), розы (ρόδα), миртовые ветви (μυρσίνας — 846); они ударяют в кимвалы (χειροκόμβαλα) и воспевают новобрачных. Земля устлана миртом, лавром (δάφνας), розами, нарциссами (ναρκίσσους), ароматными цветами. Свекровь заключает невесту в объятия и с почтением вручает ей дар превосходной работы (ἔργα. . . ἐξάίρετα — 854)³⁴. Войдя в дом, эмир посылает шуринов с воинами и тремя тысячами отроков — они должны пригласить на свадьбу отца невесты. И вот стратиг Дука вместе с супругой, сыновьями и слугами отправляется в путь под звуки свадебных песен (ἄδοντες τὰ τοῦ γάμου); вероятно, это традиционные νοφιατικὰ τραγούδια³⁵. Навстречу стратигу выезжает отец жениха, окруженный народом; они обнимаются и идут к дому, где их ждет огромная толпа. У самого же дома (τοῦ οἴκου δὲ τὰ σύνορα — 879) их встречают с всевозможными куреньями (θυμιαμάτων), розовой водой (ροδόσταγμα) и другими благовониями (μυρισμάτων)³⁶; во главе встречающих — мать Дигениса. Вслед за торжественной встречей, как надлежит, устраивают пир (886 сл.). К столу подают разнообразные яства (ἐδεσμάτων), мясо

³⁰ О проίξ см. Ph. Koukoula's. Op. cit., Δ', p. 84—88.

³¹ См. А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы. . . , стр. 112.

³² Ср. P. Kalonagos. Op. cit., II, p. 59; См. А. Я. Сыркин. Социально-политические идеи. . . , стр. 136—137.

³³ Ср. P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 119.

³⁴ По-видимому, здесь имеется в виду женское рукоделие (ср. «Илиада», IX, 390; «Одиссея», XX, 72; Феокрит, XV, 37). См. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 125.

³⁵ J. Mavrogordato. Op. cit., p. 126.

³⁶ Они упоминаются и в других местах поэмы (ΓΦ IV, 253; VI, 38 сл., 43, 161).

всевозможных животных³⁷. Гостей развлекают мимы, флейтисты, танцовщицы. Наутро заключается договор о приданом (προικός... τὰ συμβόλαια — 893 сл.), которое «невозможно описать словами» (894). Стратиг дарит жениху 12 вороных коней, 12 прекарных лошадей, столько же мулов с драгоценными седлами и уздечками, отделанными серебром и жемчугом; 12 молодых конюхов, опоясанных золотыми поясами; 12 охотничьих леопардов (παρδοκονηγούς — 904)³⁸, 12 белоснежных ловчих птиц (ίερακας) из Абасгии, по 12 малых (φαλκωνάρια)³⁹ и обычных (φάλκωνας) соколов, две драгоценные иконы святых Феодоров, роскошный шатер (τένδα), украшенный изображениями зверей, — шатер этот с шелковыми шнурами (σχοινία) и серебряными шестами (πάλαι); два арабских коня (ο κοπρίζοντα см. выше, стр. 149) и знаменитый меч Хосрова. В то же время эмир дает девушке бесценный θώρακτρον (915) — так называется подарок, вручаемый отцом жениха невесте, когда та впервые открывала лицо⁴⁰. Множество драгоценных камней, золотых украшений и шелковых тканей дают ей бабка, дядья и другие родные жениха. Кроме того, Дигенис получает от тещи множество шелковых одежд (921 сл.), драгоценных поясов, четыре златотканых белых головных платка (φακεώλια) и шитый золотом плащ (καββάδην), украшенный изображениями грифов. Старший брат невесты дарит ему десять юных внуков (ἀσκαύστους — 925), младший брат — щит с копьем (928). Множество даров получает Дигенис и от остальных родичей невесты. Три месяца (931)⁴¹ справляется эта свадьба, а затем стратиг Дука вместе со своими новыми родственниками возвращается домой и справляет у себя новую свадьбу — еще веселее первой (936). Погостив несколько дней (ίκανὰς ἡμέρας) у стратига, эмир вместе с новобрачными торжественно возвращается домой (949 сл.), после чего Дигенис принимает решение уединиться со своей женой на границах и покидает дом отца. Такова картина свадьбы в «Дигенисе Акрите». Несмотря на отдельные преувеличения, она содержит немало характерных деталей, перекликающихся со свидетельствами других источников⁴². В целом схожую картину дают, несмотря на отдельные частные расхождения, и другие версии поэмы (Т 1342—1436; А 2157—2300; Э 1025—1085).

Любимое развлечение героев поэмы — как византийцев, так и арабов — охота⁴³. Эмир еще до своего перехода в христианство каждый день охотится на зверей, проявляя чудеса отваги (I, 40 сл.)⁴⁴. На пути в Сирию он ударом дубинки убивает страшного льва и приказывает спутникам вырвать у мертвого зверя клыки и когти, чтобы отдать их своему сыну (III, 91 сл.). Сам Дигенис с детства мечтает об охоте (IV, 70 сл.). Следует

³⁷ Ср. Ph. Koukoules. Op. cit., E', p. 47—62.

³⁸ См. о них: ibid., E', p. 398, 414.

³⁹ Следует толкованию φαλκωνάρια П. Калонароса (op. cit., II, p. 65 — falco minor). Дж. Маврогордато (op. cit., p. 129) переводит: «сокольный». Ср. Ш. Дилль. Византийские портреты, вып. 2. М., 1914, стр. 338.

⁴⁰ P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 126; ср. Ph. Koukoules. Op. cit., Δ', p. 87—88.

⁴¹ Ср. «Ахиллеида», 1510 сл., «Имберий и Маргарона», 450 сл., 859 сл.

⁴² Подробнее о византийской свадьбе см. Ph. Koukoules. Op. cit., Δ', p. 70—147; ср. ibid., V', I, p. 53—55 — о встрече невесты императора.

⁴³ См. Ph. Koukoules. Op. cit., E', p. 387—423.

⁴⁴ Интересные сведения об охоте среди знатных арабов передает в своей «Книге назидания» Усама ибн-Мункиз (1095—1188). В специальном прибавлении он приводит здесь несколько рассказов из охотничьего быта Сирии и Египта (см. Усама ибн-Мункиз. Книга назидания. Пер. М. Салье. М., 1958, стр. 283—320). Следует отметить, что в Сирии и Палестине XII в. нередко были случаи, когда во время перемирия мусульмане и франки совместно отправлялись на охоту. См. S. Runciman. A History of the Crusades, vol. II. Cambridge, 1952, p. 319.

отметить, что при всей гиперболичности описания первой охоты героя отдельные детали повествования отражают вполне реальные черты охотничьего быта. Так, весьма популярна была в Византии охота на медведей⁴⁵. То же следует сказать и об охоте на газелей⁴⁶ и на львов⁴⁷. Медведей и газель мальчик убивает руками, а на льва идет с мечом. На охоту отправляются с утра; к полудню же, когда усиливается жара и звери скрываются в зарослях (IV, 202 сл.), охотники омываются у источника и возвращаются домой. Охота становится любимым занятием героя. Именно во время одной из охотничьих экспедиций проезжает он мимо дома стратига Дуки и знакомится с его дочерью (T 1107 сл.; A 1672 сл.). Охотится он и во время своей уединенной жизни: так, решив убить Максимо, он притворяется перед женой, что едет на охоту (VI, 836). В охотничьем искусстве герой не знает соперников: «Я поймаю зайца, бегущего в гору, и схвачу на лету куропатку», — говорит он Филопаппу при первой встрече с апелатами (A 1624—25)⁴⁸. Уже незадолго до смерти Дигенис приводит в изумление своих гостей, с которыми он каждый день выезжает на охоту (VIII, 22 сл.); ни лев, ни олень, ни какой-либо другой зверь не мог ускользнуть от быстрого героя. При этом Дигенис не водит с собой ни собак, ни леопардов; он не садится на коня, не обнажает меч — лишь руки да ноги служат ему. Поэма упоминает и об употреблявшихся для охоты животных и птицах. Выше говорилось уже о хищных птицах из Абасгии, о разного рода соколах, о леопардах⁴⁹, подаренных Дигенису во время свадьбы (IV, 904—906)⁵⁰. Описания охоты в «Дигенисе Акрите», несмотря на явный гиперболизм отдельных сцен, — ценное свидетельство о быте византийского феодала. Вместе с тем мотив охоты характерен и для народных акритских песен⁵¹.

Другое развлечение героев — музыка. Игра на музыкальных инструментах, пение, танцы неоднократно упоминаются в поэме. Дигенис сам превосходный музыкант (*κάλλιστα δ'ἐπεπαίδευτο ἐν μουσικῶς ὄργανοις* — IV, 399; ср. T 1243). Приехав домой после первого свидания с Евдокией, он берет кифару (*κίθαρα* — IV, 397 сл.), сначала ударяет по струнам *ψαλαῖς χερσὶ*⁵², а затем, настроив (*ἀρμολόμενος*) инструмент, играет, подпевая себе

⁴⁵ Ph. Koukouliès. Op. cit., p. 417—418; P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 82.

⁴⁶ Ph. Koukouliès. Op. cit., p. 390, 392, 414 sq. Убийство Дигенисом оленя напоминает схожий эпизод из Генезия (Josephus Genesius. Ex rec. S. Lachmanni. Bonnæ, 1834, p. 127₅₋₈), где героем действия выступает Василий I (см. А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 130). Охота была излюбленным развлечением этого императора; согласно Псевдо-Симеону (Theophanes Continuatus. Ex rec. I. Bekkeri. Bonnæ, 1838, p. 699₁₆₋₂₂) и Житию Евфимия (Vita S. Euthymii. Ed. P. Karlin-Hayter. Byz., XXV—XXVII, 1957, cap. I), она стояла ему жизни. Ср. также свидетельство Продолжателя Феофана об императоре Романе II (959—963) — Theoph. Cont., p. 472₇₋₂₁.

⁴⁷ Ph. Koukouliès. Op. cit., p. 422—423; P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 85. Ср. Ch. Gidel. Nouvelles études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1878, p. 299—300.

⁴⁸ Ср. песню о сыне Армуриса («Об Армуре. Греческая былина византийской эпохи». Издал, перевел и объяснил Г. Дестунис. СПб., 1877, стк. 35—36).

⁴⁹ Ph. Koukouliès. Op. cit., I', p. 110—111.

⁵⁰ Ibid., E', p. 388 sq.

⁵¹ В известной песне о смерти Дигениса от заколдованного оленя («Popularia carmina Graeciae recentioris». Ed. A. Passow. Lipsiae, 1860, № 516) герой убивает трюста медведей и шестьдесят два льва. Об охоте Дигениса говорится и в песнях о единоборстве героя с Хароном (ср. «Recueil de chansons populaires grecques». Publ. et trad. par E. Legrand. Paris, 1874, p. 194, № 89; Σ. Γωαννίδης. 'Ιστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦτος. ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1870, σελ. 282, № 14 и т. д.).

⁵² Т. е., по-видимому, играет одними пальцами, без плектра, который упоминают ниже (IV, 430). Ср. роман Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт» (I, 5). Не исключено и другое значение — игра без пения. Такое толкование предлагает

(ἐκρούε φιδυρίζων). Отправляясь к возлюбленной, Дигенис берет кифару с собой; он снова настраивает ее и, ударяя плектром (τῷ πλήκτρῳ τεπατάσσων — 430), поет сладкую песнь под окном девушки. *T* 1244 сообщает интересную деталь: для струн кифары Дигенис использовал овечьи кишки (δίων κλώσας ἔστρα ἐποίησε τὰς χορδας; ср. *A* 1833)⁵³. Вообще кифара — излюбленный инструмент героев поэмы. На кифарах играют при встрече новобрачных — Дигениса и Евдокии; убив дракона и льва, герой по просьбе жены услаждает ее игрой на кифаре и пением (*VI*, 101 сл.; ср. *VIII*, 96). Дигенис часто играет на кифаре после обеда, а Евдокия подпевает ему (*VII*, 160 сл.). Часто действие поэмы сопровождается пением; ряд отрывков здесь весьма близок к народным песням. Взволнованная стратигисса поет (ἐμελῶδες) в ожидании эмира — жениха ее дочери (*II*, 26). Отправляясь в Сирию, поет и сам эмир (τραγωδεῖν ἀπήρξατο — *III*, 21 сл.). Весьма напоминают песню слова Дигениса, впервые приблизившегося к дому Евдокии (Ἄγουρος ἔσαν ἀγαπᾶ... — *IV*, 256 сл.). Герой сопровождает иногда свою игру пением (*IV*, 400 сл., 431 сл.). Ему часто подпевает жена (*VI*, 104 сл., ср. *VII*, 161) — пение ее автор сравнивает с пением сирен и соловьев (*VII*, 162 сл.; ср. *VI*, 113). Песни, славящие новобрачных, сопровождают свадьбу героя (*IV*, 829, 831, 848 сл., 869). Упоминались уже различные инструменты, на которых играют на свадьбе: трубы (σάλπιγγες — *IV*, 797, 828), рога (βούκινα — *IV*, 797, 827; ср. *I*, 330, где братья под звуки рогов возвращаются домой вместе с сестрой); барабаны (τύμπανα — *IV*, 798, 828), цимбалы (χειροκύμβαλα — *IV*, 848), флейты (αὐλῆτῶν μελωδίας — *IV*, 889). В других версиях поэмы вместо кифары упоминается иногда другой струнный инструмент — тамбура⁵⁴, на которой играет герой (θαμπούρα — *T* 1248, *A* 1837—1838, 1843, 1878; *T* 1986, *A* 2949; *T* 2103, *A* 3100; *T* 2106, *A* 3103; *A* 4201; θαμπούρι — *Э* 827, 832, 1149). Кроме того, назван еще один родственник тамбуры инструмент Дигениса — λαβούτον (*Э* 627, 833, 858, 1142)⁵⁵.

Упоминаются в поэме и танцы: на свадьбе пирующих развлекают мимы и танцовщицы (τῶν μίμων τὰς μεταβολάς... χορευτρίων λιγύσματα — *IV*, 889—890); когда эмир возвращается из Сирии к жене и сыну, собравшиеся танцуют от радости (χορείας ἐποιοῦντο — *III*, 313). Нередко танцует и жена Дигениса, движения ее полны несказанной красоты (*VII*, 165 сл.).

Мы не будем останавливаться на многочисленных параллелях из византийских источников⁵⁶. Заметим лишь, что и в отношении деталей музыкального быта поэма перекликается с народными песнями⁵⁷.

Дж. Маврогордато (op. cit., p. 98), ссылаясь на употребление слова ἐφιλοτραοῦσι («петь без аккомпанемента») в народных песнях (*N. Πολίτης. Ἐκλογαὶ ἀπὸ τὰ τραγούδια τοῦ ἑλληνικοῦ λαοῦ. Ἐν Ἀθήναις, 1914, № 69*).

⁵³ *Э* 828 дает: «ὄφιων δερμάτια ἐσχισεν καὶ ἐποίησεν τοὺς τὰς χορδας», что, как нам кажется, является менее удачным и поздним вариантом (ср. «Гомеров гимн к Гермесу», *III*, 51). Впрочем, мнения ученых здесь расходятся. См. D. Hesseling. *Le roman de Digénis Akritas d'après le manuscrit de Madrid. A, III, 1912, p. 546—547; Σ. Ξανθοῦδίδης. Διγενής Ἀκρίτας κατὰ τὸ χειρόγραφον Ἐσκουριάλ. «Χριστιανική Κρήτη», I, 1913, σελ. 558; P. Kalonagos. Op. cit. II, p. 162—163; Ἄ. Χατζής. Ἐδσάθιος Μακρεμβολίτης καὶ Ἀκριτής. BNJ, IX, 1932, S. 291; H. Grégoire. Autour de Digénis Akritas. Byz., VII, 1932, p. 299 и др.*

⁵⁴ Ср. C. Sathas, E. Legrand. *Les exploits de Basile Digénis Acritas...* Paris, 1875, p. 288—289.

⁵⁵ С. Импеллицери (S. Impellizzeri. *Il Digenis Akritas. L'eropea di Bisanzio. Firenze, 1940, p. 15*) сопоставляет его с итальянским liuto.

⁵⁶ Ср. Ph. Koukoules. *Op. cit.*, E', p. 206 sq.

⁵⁷ См., например, Г. Дестунис. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. СПб., 1883, стр. 5, 11—13; об Армуре — стих. 118, 123 и др.

В поэме встречаются и сведения о византийской медицине. Воины обычно имеют при себе лечебную мазь (ἀλειψήα... ὅπερ φέρειν εἰώθαμεν — ГФ IV, 779—780; в Т 2624 и А 3794 речь идет о βότανον — «целебной траве»). После боя с Дигенисом Максимо омывает в реке свою раненую руку и накладывает на рану эту мазь (ГФ VI, 779). Оправдываясь перед женой, Дигенис говорит, что задержался, ибо должен был омыть руку Максимо и перевязать ей рану (πλήγην καταθήσας — ГФ VI, 829), иначе девушка умерла бы от сильного кровотечения — αἵματος ρύσιν πολλήν (Т 2674 сл., А 3844 сл.). О врачебном искусстве идет речь и в связи с болезнью Дигениса. После купания герой заболевает опистотонном (ὀπισθότονος — VIII, 36) — так называли в древности болезни, сопровождающиеся судорогами⁵⁸ спинных мышц, шеи (менингиты, столбняк и др.). Дигенис чувствует невыносимую боль в пояснице (ὄσφον — VIII, 52), почках (νεφρούς), спине (ράχιν), во всех костях и сочленениях (ἀρμούς — VIII, 53) и зовет какого-нибудь врача из войска (VIII, 54; в Т 3148 сл. и А 4387 сл. о войске ничего не говорится). Не исключено, что упоминание это связано со временем Алексея I Комнина (1081—1118), при котором инвазиту войсковых врачей получил более широкое распространение⁵⁹. Врач щупает пульс (σφυγμοῦ ἀφαμένου — VIII, 55) Дигениса и по сильной лихорадке (ἐκ τῆς πυρέας) видит, что болезнь почти сломала уже силы героя и что конец его близок.

В поэме отразились и отдельные обычаи, связанные с выражением скорби, с оплакиванием и погребением умерших. Считая свою сестру погибшей, братья поднимают прах с земли и посыпают им головы (I, 232; ср. Т 5 сл., А 440 сл.). Боясь, что эмир заколется мечом, жена его в отчаянии рвет на себе волосы (II, 221, 237); так же выражает свое горе и покинутая неверным возлюбленным дочь Аплорравда (V, 151, 153). Оплакивая своего отца, Дигенис разрывает на себе одежду (VII, 116); собравшиеся на погребении Дигениса вырывают волосы из бороды (VIII, 214)⁶⁰. Встречаются и характерные причитания (θρήνοι)⁶¹ над телом умершего — так оплакивает Дигенис отца (VII, 119 сл.), так оплакивают и самого Дигениса с Евдокией (VIII, 215 сл., 249 сл.). Несколько раз описываются сцены погребения⁶². Братья Ирины хоронят в одной общей могиле всех убитых арабами пленниц (I, 256). Совершив должные обряды, Дигенис возит с собой тело отца и хоронит его в храме, посвященном Феодору (VII, 150 сл.). Там же пять лет спустя хоронит он и свою мать (VII, 189 сл.). Пропев погребальные гимны, собравшиеся на похороны Дигениса и Евдокии раздают все имущество из дома беднякам — ἀπαντα τοῖς πέντεσι δοθέντα τὰ ἐν οἴκῳ (ГФ VIII, 236). Затем останки кладут в гроб, сложенный из пурпурного мрамора (ἐκ μαρμάρου πορφύρας — VIII, 241), и помещают его на арке (ἐκ' ἀψίδος), перекинутой через ущелье так, чтобы могилу было видно издалека. В Э 1660 сл. говорится о мосте (γέφυρα) из белого мрамора с прекрасными колоннами, который соорудил герой на Евфрате; на этом мосту он и был похоронен⁶³. После этого все поднимаются к гробнице, окружают ее, покрывают венками (στεφανώσαντες) и снова оплакивают покойников.

Ряд мелких деталей быта рассеян по тексту «Дигениса Акрита» — полный перечень их потребовал бы пересказа почти всей поэмы, и здесь

⁵⁸ Ср. Plato. Timaeus, 84 e.

⁵⁹ N. Jorga. Histoire de la vie Byzantine, t. II. Bucarest, 1934, p. 273, n. 4; P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 118.

⁶⁰ Ср. Ph. Koukoulès. Op. cit., Δ', p. 159.

⁶¹ Ср. ibid., p. 162—172.

⁶² Ср. ibid., p. 172 sq.

⁶³ См. G. Millet. Église et pont à Byzance. «Byzantina Metabyzantina», v. I, p. 2, 1949, p. 103—111.

мы лишь вкратце остановимся на отдельных примерах, главным образом из *ГФ*. Отметим характерные сцены встречи, приветствия: обращение братьев к эмиру (I, 97 сл.); обращение Дигениса к стратигу Дуке (IV, 673 сл.), к императору (IV, 1012 сл.); встреча Филопаппа с Максимо (VI, 391 сл.); почтительное обращение побежденной Максимо к Дигенису (VI, 651 сл.). После победы Константина братья целуют ему руки и голову (I, 204); после охоты отец и дядя осыпают поцелуями руки, плечи, глаза и грудь героя (IV, 190 сл.); спасенная от дракона, льва и апелатов Евдокия окропляет Дигениса розовой водой, целует его правую руку и желает ему долгой жизни (VI, 161 сл.); правую руку победителя целует Максимо, одновременно она обнимает его ноги (VI, 666 сл.).

Умоляя братьев не грозить эмиру, сестра их говорит, что не следует оскорблять гостя — *μη ἀδικῆθῆ ὁ ξένος* (II, 225). Для своих гостей Дигенис отводит прекрасный гостевой дом (*τερπνὸν ξενοδοχεῖον* — VIII, 17 сл.); он всячески развлекает их пирами, охотой, купаньем⁶⁴. Во время посещения Дигенисом апелатов те предлагают ему серебряное сидение (*ἀργυρὸν σελλίον* — A 1627), сажают за чудесный стол (*τράπεζαν θαυμασίαν*); они едят, пьют и похваляются своими подвигами — сцена эта вообще характерна для акритских песен⁶⁵. Описания трапезы встречаются в «Дигенисе Акрите» неоднократно. Участники первой охоты Дигениса пируют по возвращении домой (*ἔφατόν τε καὶ ἔπιον* — T 1029; ср. A 1567, 1629). Упоминалось уже о богатом пире на свадьбе Дигениса; для своих гостей Дигенис устраивает многочисленные роскошные пиры — *πολλά τε καὶ ἐξαίσια ἀριστέματα* (VIII, 21). T 2967 сл. и A 4180 сл. дают любопытные детали о трапезе Дигениса. Любя покой и уединение, герой не позволял никому из слуг (*ὑποχείριον*) находиться рядом с ним. Вся прислуга (*ποιοῦντες τὰς δουλείας*) держалась поодаль; каждый день повара (*μάγειροι*)⁶⁶ готовили блюда, слуги (*δομέστικοι*) подавали на стол, булочники (*μάχιπες*)⁶⁷ приносили хлеб; и когда Дигенис шел к столу, он звонил в колокольчик (*κώδωνα*) — по этому сигналу все удалялись. Один лишь мальчик-виночерпий (*οἰνοχόος*)⁶⁸; ср. *ГФ* VIII, 199) оставался и прислуживал за столом; колокольчик указывал, что ему следует делать. Дигенис с женой усаживались на ложе (*ἐπὶ κλίνης*; ср. *ГФ* VII, 165)⁶⁹. Затем входила мать героя; супруги почтительно вставали при ее появлении, и та усаживалась в кресло (*εἰς θρόνον*). После трапезы, как уже говорилось, они развлекались музыкой и танцами (*ГФ* VII, 160 сл.; A 4200 сл.)⁷⁰.

Герои неоднократно совершают омовения⁷¹. После своей первой охоты Дигенис купается в водах источника, причем спутники в знак уважения сами омывают его руки, лицо, ноги (IV, 215 сл., ср. 209); затем они пьют воду, текущую от родника⁷². На следующий день после убийства льва и дракона герой отправляется к реке, «чтобы переменить одежду, запачканную кровью» (VI, 171 сл.); Максимо омывает в воде раненую руку (VI, 778, ср. 827), а после своего грехопадения омывает, согласно

⁶⁴ Ph. Koukoules. Op. cit., B', I, p. 128—140; A', p. 428.

⁶⁵ Ср. N. Πολίτης. Op. cit., № 69; Г. Дестунис. Указ. соч., стр. 3 сл.

⁶⁶ Ср. Ph. Koukoules. Op. cit., E', p. 44 sq.

⁶⁷ Ibid., p. 19.

⁶⁸ Ibid., p. 186 sq.

⁶⁹ Это, быть может, свидетельство того, что в X в. среди знатных византийцев в качестве пережитка еще держался обычай возлежать за столом. Ср. *ibid.*, p. 167—168.

⁷⁰ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LIX.

⁷¹ См. об этом: Ph. Koukoules. Op. cit., A', p. 419—467.

⁷² Об этом поверье, засвидетельствованном и у других народов, см. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 78.

обычаю, αὐτῆς τὴν παρθενίαν (Т 2652, А 3823). Купанье (ἀπὸ τῆς βαλανείου — VIII, 6) было причиной смертельной болезни Дигениса (VIII, 31 сл.)⁷³.

Ряд деталей быта содержится в поэме в связи с путешествием, с проводами отъезжающих. Отправляясь в путь с женой, Дигенис захватывает для нее дорожные припасы (ἐφόδιον — VI, 531). Сборы эмира в Сирию длятся 15 дней (II, 261): свояки желают ему счастливого пути (καλῶς εὐδομήσῃναι — II, 243); его провожает большая толпа родных, которые следуют за ним на расстояние трех миль (μέχρι τριῶν μιλίων — II, 298). Согласно ГФ IV, 800, Дигениса и Евдокию встречают на том же расстоянии от дома⁷⁴.

Неоднократно выступает в поэме мотив материнского проклятья. Мать похищенной эмиром девушки грозит сыновьям, что проклянет их, если они не освободят свою сестру (I, 80 сл., 138; ср. II, 231 сл.); такова же угроза и матери эмира своему сыну-вероотступнику (II, 98, 228; III, 17). И каждый раз страх перед материнским проклятьем побеждает все другие чувства⁷⁵.

Герои нередко дают клятвы (ὄρκιοι)⁷⁶. Братья клянутся страшнейшими клятвами (ὄρκιοις φρικωδέστατοις), что вернутся домой вместе с сестрой или погибнут (I, 111 сл.); эмир клянется им «великим пророком» (I, 307 сл.), что не прикоснулся к их сестре; обещание отдать ее в жены эмиру братья также сопровождают клятвами (II, 1). Взаимные клятвы скрепляют супружеский союз (II, 193): «пусть я стану добычей зверей и хищных птиц, пусть не буду причислен к христианам, если забуду когда-нибудь любимую супругу...», — говорит отъезжающий эмир своей жене (II, 255 сл.; ср. II, 272; III, 19). «Пусть я не умру христианином, пусть не увижу благополучия, пусть не помогут мне родительские молитвы, если я когда-нибудь захочу огорчить тебя...», — уверяет Дигенис Евдокию (IV, 557 сл., ср. 577 сл.)⁷⁷. С такими же ὄρκιοις... λίαν φρικωδέστατοις обращается к дочери Анлоррава ее неверный возлюбленный (V, 85 сл., 129).

Чтобы не спорить о том, кому из них сражаться с эмиром, братья бросают между собой жребий (λαχνοῦς θεῖναι — I, 130); жребий падает на младшего, Константина. Во II книге ГФ (134 сл.) говорится о снах: Константину снится сон о соколе, преследующем голубку, и старший брат толкует его видение. Здесь можно назвать известные нам византийские снотолкователи, например патриарха Германа (ум. в 733 г.) и патриарха Никифора (ум. в 829 г.), свидетельствующие о распространенности этого суеверия среди византийцев⁷⁸.

Поэма содержит и отдельные детали быта арабов. Описывается церемония приема братьев эмиром (I, 92 сл.): лишь передав ему письменное прошение (δι' ὑπομνήσεως... δεήσεως ἐγγράφου), они допускаются к эмиру. Тот восседает перед палаткой на высоком золотом троне и окружен свитой воинов. Братья трижды (?) кланяются до земли (μέχρι τρίτου ἑδάφους — 98; букв.: «до третьей земли») и почтительно обращаются к нему. Интересно, что эмир хорошо владеет греческим языком (ἀκριβῶς γὰρ ἠπίστατο τὴν τῶν Ρωμαίων γλῶσσαν — II, 115). Побежденный в единоборстве, он вручает братьям свою печать (σφραγίδα — II, 209 сл.), которая дает им право беспрепятственно осматривать лагерь.

⁷³ Возможно, автор следовал здесь биографиям Александра Македонского (Плутарх. Александр, LXXV; Арриан. Анабасис Александра, VII, 25, 26), также смертельно заболевшего после купанья и умершего у Евфрата.

⁷⁴ Дж. Маврогордато (op. cit., p. 43) отмечает схожий обычай, засвидетельствованный в современном Иране.

⁷⁵ Ср. Ph. Koukouliès. Op. cit., Г', p. 326 sq.

⁷⁶ Ibid., p. 346 sq.

⁷⁷ Ibid., p. 340.

⁷⁸ Ibid., А', II, p. 183—184; P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 50.

* * *

С большой осторожностью следует подходить к описаниям различных памятников материальной культуры, так как часто поэма следует литературному штампу, почти дословно повторяя описания (ἐκφράσεις) позднеантичных романов. Такие описания отразились, помимо «Дигениса Акриты», и на других памятниках византийской литературы⁷⁹. Наиболее характерные примеры будут отмечены ниже.

Поэма часто упоминает о богатствах своих героев⁸⁰. Эмир, отец Дигениса, необычайно богат — πλοσιώτατος σφόδρα (I, 30); в набеге на дом стратига Антакина-Андроника он захватывает огромное богатство (I, 60). Принявшие христианство родичи эмира забирают с собой в Романию свое добро — πλοῦτον τὸν ἄπειρον (III, 246). Не счастье богатств дочери стратига Дуки (IV, 265 сл.). Большое богатство (πλοῦτον πολὺν) забирает с собой дочь Аплорравда при побеге из родительского дома (V, 89; 95, 118, 276 сл.).

Неоднократно идет речь о доме (οἶκος) героев, причем в отдельных случаях под οἶκος подразумевается, по-видимому, не собственно дом, а поместье⁸¹. Упоминается богатый οἶκος стратига, деда Дигениса (I, 57 сл.; II, 29 сл.). Перешедшим в христианство родственникам эмир отводит покой (ἐνδιαίτημα — III, 338) в своем доме. Упоминается и опочивальня (κουβούκλιον — II, 113, 143, 266) этого дома. Легендарный дом стратига Дуки (παλάτι τὸ πανθαύμαστον — A 1675, ср. T 1110; οἶκος... φοβερὸς καὶ μέγας — ΓΦ IV, 288) весь отделан золотом, мрамором и мозаикой⁸² (χρυσομάρμαρος... μεμουσιωμένος — IV, 268). Окна его (θυρίδες) отделаны драгоценными камнями (T 1121) и золотом (ΓΦ IV, 348, 585); золотом и мозаикой украшена и комната девушки, называемая «девичьими покоями» (τῆς κόρης τὸ κουβούκλιον — IV, 271, ср. 408)⁸³. Упоминается и роскошный (περτφανεῖ... πολυτίμη — IV, 712) дом жены стратига Дуки — его обещает стратиг в приданое Дигенису, причем здесь подразумевается, возможно, целое поместье, поскольку речь идет и о всех животных (ζῷα), находящихся в этом οἶκος (IV, 716). Одновременно стратиг обещает Дигенису 36 «недвижимых» имений, приносящих доход (κτήματα... ἀκίνητα τριανταεξ εἰσόδων — IV, 710; ср. IV, 721, 896 — κτήματα). Решив выстроить себе на Евфрате жилище (VI, 844—845), герой строит роскошный дворец, окруженный садом. Описание последнего (VII, 13 сл.; ср. VI, 17 сл.; T 2702 сл.; A 3904 сл.) целиком взято из «Левкиппы и Клитопонта» (I, 1, 15) и «Дафниса и Хлои» Лонга (IV, 2), а с другой стороны, обнаруживает ряд параллелей с византийскими поэмами XIII в. — «Каллимахом и Хрисорроей», «Бельтандром и Хрисанцей»⁸⁴. Отведя воду от Евфрата, Дигенис вырастил восхитительный сад, окруженный с четырех сторон стеной из полированного мрамора (ἑστῶν μαρμάρων). Здесь цветут разнообразные деревья, повсюду свисают виноградные лозы, поднимаются тростники. Луг пестрит всевозможными цветами — нарциссами, розами, фиалками. Там водятся различные породы птиц — ручных и диких; по

⁷⁹ Ср. O. Schissel. Der byzantinische Garten, seine Darstellung im gleichzeitigen Romane. SAWW, Bd. 221, Abh. 2, 1942, S. 21 f.

⁸⁰ Ср. А. Я. Сыркин. Социально-политические идеи..., стр. 134.

⁸¹ Примеры употребления οἶκος в этом значении приводит А. П. Каждан («Формирование феодального поместья в Византии X в.», ВВ, XI, 1956, стр. 102). Подробно о византийских жилищах см. Ph. Koukoulès, Op. cit., Δ', p. 249—317.

⁸² Ср. Ph. Koukoulès, Op. cit., p. 301.

⁸³ Ibid., p. 295; P. Kalonaros, Op. cit., I, p. 51.

⁸⁴ O. Schissel, Op. cit., S. 5—67.

воде плавают лебеди, на ветвях поют попугаи, а среди цветов распускают крылья павлины.

Описание дворца Дигениса (так же как и описание сада) во многом схоже с соответствующими местами аллегорической поэмы Мелитениота (конец XIII—начало XIV в.) *Εἰς σωφροσύνην* (681 сл., 824 сл., 1950 сл.)⁸⁵. Дом Дигениса выстроен из тесаного камня (*ἐκ λίθων πεπρισμένων* — VII, 44); он большой, прямоугольный, с колоннами и окнами. Потолок украшен мозаикой из блестящего мрамора, пол выложен сверкающими камнями. На верхнем этаже находятся высокие трехсводчатые комнаты (*τριώροφα* . . . *ὑπερβα* — VII, 49)⁸⁶, покои⁸⁷ в форме креста (*σταυροειδεῖς* — 51). Имеются и причудливые опочивальни, состоящие из пяти отдельных комнат (*πεντακοῦβουκλα ξένα* — 51); возможно, такого же рода покои были выстроены в большом Константинопольском дворце по приказу Василия I⁸⁸. Помещения эти сверкают мрамором, а пол в них покрыт ониксами (*ὀνυχίτων*), отполированными так, что их можно принять за лед. По бокам с обеих сторон выстроены на нижнем этаже чудесные триклинии (*χαμοτρίκλινοι* — 60) с золотыми сводами; триклинии также характерны для Константинопольского дворца⁸⁹. В этих двух триклиниях золотой мозаикой (*χρυσόμοσα* — 62, 100) изображены сцены из библейских и древнегреческих⁹⁰ преданий — о Самсоне и филистимлянах, о Давиде и Голиафе, о гневе Саула на Давида. Изображаются здесь и Ахилл, Агамемнон, Пенелопа, Одиссей, Киклоп, Химера, Беллерофонт, деяния Александра Македонского, Моисея, Иисуса Навина и многое другое. Автор подробно описывает сюжеты некоторых картин (Самсон, Давид, доставлявших зрителям безмерное удовольствие (*ἄπειρον τὴν ἡδονήν* — 101). Упоминается и внутреннее помещение (*τὸ ἐντὸς ταμεῖον* — VIII, 61, 149) этого дома, где проводит время жена Дигениса и где она молится о его здоровье. Во дворе дома на большой площадке (*πεδίον* — VII, 102)⁹¹ Дигенис воздвигает храм (*ναόν* — 104), посвященный святому Феодору. В нем он хоронит своего отца, а впоследствии и мать. Другие версии поэмы (Т. 2730 сл., А 3932 сл., Э 1648 сл.) дают в целом схожее описание дома Дигениса, хотя и содержат ряд отличных от ГФ деталей.

Несмотря на близость этих описаний к позднеантичным романам, мы встречаем здесь отдельные, характерные и для византийской архитектуры детали (например *πεντακοῦβουκλα*). Вместе с тем дворец героя, как полагает А. Ксингопулос, напоминает персидские и раннемусульманские постройки⁹². В свою очередь А. Грегуар отметил здесь сходство с дворцом коммагенского царя Митридата I (конец II—начало I в. до н. э.), построенным около Самосаты⁹³.

⁸⁵ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 266; H. Grégoire. Notes on the byzantine epic. Byz., XV, 1940—1941, p. 100.

⁸⁶ Ср. Ph. Koukoulès. Op. cit., p. 262.

⁸⁷ Следуем чтению Дж. Маврогордато (op. cit., p. 218) — *ἀνδρώνα δε* (вместо *ἀνδριάντας*).

⁸⁸ Theoph. Cont., p. 335₈₋₁₀; Ducange. Glossarium. . . , s. v.; ср. P. Kalonagos. Op. cit., II, p. 109.

⁸⁹ Ср. P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 219; II, p. 110; Ph. Koukoulès. Op. cit., p. 294.

⁹⁰ См. в этой связи: K. Weitzmann. Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton, 1951, p. 198 sq.

⁹¹ А. П. Каждан («Формирование феодального поместья. . .», стр. 102) считает, что под *πεδίον* здесь подразумевается «целая долина». Следует, однако, отметить, что *πεδίον* расположен не просто внутри «икоса», а *ἐντὸς τοῦ οἴκου τῆς αὐλῆς*.

⁹² Статья А. Ксингопулоса («Τὸ ἀνάκτορον τοῦ Διγενῆ Ἀκρίτα». А, XII, 1948, σελ. 541—588) отсутствует в наших библиотеках. См. F. Dölger, A. Schneider. Byzanz. Bern, 1952, S. 217; ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LVII.

⁹³ H. Grégoire. Le tombeau et la date de Digénis Akritas (Samosate, vers 940 après J. C.). Byz., VII, 1931, p. 504—505.

Поэма упоминает и о других постройках. Выше (стр. 157) мы говорили уже об арке (или мосте через Евфрат), на которой был похоронен Дигенис. Недалеко от своего дома герой выстроил прекрасные покои для гостей (τερπνὸν ξενοδοχεῖον — VIII, 18). Нередко идет речь о палатках (τένδα), в которых живут действующие лица — эмир (I, 95, 309 сл.), его родичи (III, 120). Среди других свадебных подарков стратиг дарит Дигенису роскошную палатку (IV, 908 сл.). Уединившись, герой живет с женой в отдельной палатке (IV, 960; VI, 16, 170, 714, 724), а поодаль стоят палатки их служанок и слуг (IV, 962 сл.; VI, 82, 726). Упоминаются отдельные предметы обстановки — ложе (κλίνη — VI, 38, 83, 94) и сиденье (σελλίον... τράπεζαν — А 1627 сл.). Среди свадебных подарков Дигенису — серебряная утварь (ἀργυραῖα σκεύη — IV, 708), сундук для одежды, стоящий 500 литр (βιστιάριον; ср. лат. vestiarium — ГФ IV, 709).

Часто описываются дорогие одежды. Возвращаясь к жене из Сирии, эмир меняет платье и надевает ромейскую одежду (στολή... ρωμαίων — III, 257) — чудесный, расшитый золотом и украшенный изображениями грифов, плащ (ἐπιλούριον — ср. VI, 736, 781) из фиолетового и белого шелка (ὄρεον λευχοτρίβλαττον — 259)⁹⁴; фиолетовый цвет и изображения грифов были весьма характерны для одежд знатных византийцев. Эмир носит белую головную повязку, украшенную золотыми письмецами (φακσῶλιον χρυσόγραμμον — III, 260)⁹⁵; на ногах его — τζάγρια (III, 121), — здесь, быть может, идет речь о высокой обуви из красной кожи; такую обувь носили византийские императоры⁹⁶. Нападая на медведей, Дигенис распускает пояс (ζωνάριον — IV, 114)⁹⁷; из-за сильной жары он обрасывает с себя тунику (ὕπολούριον) и надевает низкую шапочку (καμηλαυκίτιον χαμηλόν — 117). Καμηλαύκιον (ср. русск. «камилавка») назывался в Византии императорский головной убор⁹⁸. Затем он откидывает нагрудник (περιοστήδιον — 118). Переодевшись после охоты, мальчик, чтобы освежиться, одевает тонкие накидки (στένα μεχλόβια; ср. VI, 715 — λεπτότατον μαχλάβιον)⁹⁹, а поверх — красную накидку с золотой каймой (τὰς χρυσὰς τὰς ρίζας — 221)¹⁰⁰, отделанной жемчугом (ὀρυμνεται μετὰ μαργαριτάρων)¹⁰¹. воротник ее (τράχηλόν) надушен амброй (ἄβρα) и мускусом (μύσχος) — эти ароматы высоко ценились в Византии. Вместо пуговиц (ἀντὶ κομβίων — 224) здесь большие жемчужины; отверстия для застежек (θηλόκια — 225) обшиты чистым золотом. На ногах у него нечто вроде чулок (τουβία — 226; ср. лат. tibialia) — одежда, схожая с гетрами, гамашами; возможно, здесь подразумеваются штанины узких панталон¹⁰². Эти τουβία украшены изображениями грифов. На свадьбе теща дарит Дигенису зелено-белую шелковую одежду (πράσινον λευχοτρίβλαττον — IV, 921), драгоценные пояса, четыре белые

⁹⁴ J. Mavrogordato. Op. cit., p. 58—59; P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 125; II, p. 32; C. Sathas, E. Legrand. Les exploits..., p. 293; Ducange, s. v. βλατίον.

⁹⁵ «Стратегика...», стр. 124; 29.

⁹⁶ Ducange, s. v.; E. Sophocles, s. v.; P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 27; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 50—51.

⁹⁷ Ср. «Стратегика...», стр. 22, 11; 1134; 125.

⁹⁸ Const. Porphyg., De cerim., I, p. 73⁹⁻¹⁰. «Стратегика...», стр. 123; 29; P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 83; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 73.

⁹⁹ По-видимому, это равнозначно πτενά μαχλάμια (А 3715), а μαχλάμι = χλαμός. Ср. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 88, 204; II, p. 43. Дж. Маврогортато (op. cit., p. 79) сопоставляет это слово с турецким mahramas — «a veil».

¹⁰⁰ Ρίζαι — limbi vestis (Ducange, s. v.). П. Калонарос (op. cit., I, p. 68) отождествляет: «ρίζας ὀρυμνέτας = χρυσσοῦς («бахрома») χρυσοποικίλους».

¹⁰¹ Ὀρυμνέσις, ὀρυμνέω обозначает в поэме ювелирную отделку золотом, драгоценными камнями, эмалью. Ср. P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 65; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 81.

¹⁰² P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 43.

головные повязки, украшенные золотыми письменами (χρυσογράμματα φακεώλια — IV, 922; ср. III, 260), расшитый золотом широкий плащ (καββάδη — 923)¹⁰³ с изображениями грифов на спине. Готовясь к бою с Максимо, герой одевает тончайшую накидку (λεπτότατον μαχλάβιν — VI, 715) и красную шапку (κόκκινον καμηλαύκιν — 716), по-видимому, отделанную мехом (σγουρούτσικον)¹⁰⁴. T 2364 и A 3454 говорят о багдадском плаще (ιμάτιον βαγδάτιν).

Упоминаются в поэме и парские одеяния (βασιλικήν... ἐσθῆτα — IV, 488) — их носят некоторые женихи Евдокии. Такие же одежды дарит Дигенису император во время встречи с героем (IV, 1053). Местами речь идет о женской одежде. Просыпаясь, дочь стратига Дуки поднимается с ложа и затягивает свой пояс (σφίγγει τῆς τὸ ζωνάριον — IV, 437). На свадьбе она получает от родных жениха множество ценных фиолетовых шелковых тканей (βλαττία... ὀξέα — IV, 919). Максимо, выехавшая на бой с Дигенисом, носит шелковый плащ, отделанный бобровой шкурой (ἐπιλώριον ὀλόσθρον καστόριν — IV, 736, ср. 781), и зеленый головной убор (φακεωλίτιν πράσινον — 737), осыпанный золотом. Под плащом на ней тонкий, как паутина (ἀραχνώδης — 782), хитон. Встречаются свидетельства об одежде слуг знатных вельмож. Подаренные Дигенису 12 конюхов носят золотые пояса (χρυσοζώνους — IV, 903), а на десяти евнухах — «персидская» шелковая одежда и золотые воротники (χρυσοράνικα καλά εἰς τοὺς αὐτῶν τραχήλους — IV, 927).

Упоминаются в поэме и некоторые украшения. Стратиг обещает дать Дигенису искусно сделанный золотой венец (στέφανον — IV, 714), осыпанный драгоценностями. При встрече новобрачных на голову невесте Дигениса возлагают драгоценный венец (IV, 823). Она получает от родных жениха множество жемчужин, золото, драгоценные камни (IV, 918). Выше говорилось уже о колечке (δακτυλίδι — ср. II, 269; IV, 364). Неоднократно идет речь и о благовониях. Воротник Дигениса надушен амброй и мускусом; описывая героя, автор говорит, что во «взгляде его был мускус» (IV, 253). Дигениса и Евдокию встречают с курениями и благовониями (ὄσμαι θυμιαμάτων — IV, 847, ср. 880 сл.); не раз упоминается розовая вода (ροδόσταμμα — IV, 881; VI, 43, 161). У ложа Дигениса и Евдокии курятся всевозможные ароматы (πέμματα — VI, 38) — мускус, мускатный орех (νίται — 39¹⁰⁵), амбра, камфора (καμφοραί — Cinnamomum Camphora семейства лавровых), кассия (κασσία — Cinnamomum Cassia — коричневое дерево семейства лавровых)¹⁰⁶.

* * *

Разумеется, историческая ценность некоторых из отмеченных свидетельств значительно снижается из-за несамостоятельного характера отдельных мест поэмы, источники которых (например позднеантичный роман) подчас не имеют прямого отношения к византийской культуре интересующего нас периода. И тем не менее приведенные выше примеры достаточно хорошо, по нашему мнению, показывают, как многообразно отразились в «Дигенисе Акрите» черты средневекового греческого быта.

¹⁰³ По-видимому, персидского происхождения (ср. перс. 'caftan). См. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 130; P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 66; ср. «Стратегика...», стр. 116; 126; 29.

¹⁰⁴ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 73, 206—207.

¹⁰⁵ Ср. Ducange, s. v. Νέτ = galla muscata.

¹⁰⁶ Ср. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 158—159; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 164—165.

Изучение поэмы обогащает наши знания о малоизвестных сторонах жизни византийцев, оно открывает перед нами многое, чего мы тщетно стали бы искать в других письменных источниках, оставленных нам Византией. Таковы прежде всего данные о быте византийского воина — интересная и, без сомнения, самостоятельная параллель к византийским военным трактатам. Весьма важны для исследователя византийского быта сведения «Дигениса Акрита» о свадьбе, погребении, охоте, о всевозможных обычаях. Ценный материал дает поэма и для историка искусства — музыкального, изобразительного, декоративного и прикладного. Здесь описывается игра на музыкальных инструментах, монументальная живопись (мозаики), архитектура, одежда, украшения. При этом оценки и сравнения, к которым прибегает автор, несмотря на известную шаблонность, могут оказаться небезынтересными при изучении византийской эстетики.

К сожалению, следует сказать, что богатый материал византийского эпоса до настоящего времени используется историками далеко не в полной мере. Больше других привлекал текст «Дигениса Акрита» Ф. Кукулес в уже упоминавшемся нами капитальном труде «Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς»; труд этот при всех своих недостатках остается пока незаменимым пособием, своего рода энциклопедией византийской жизни. Но и Ф. Кукулес использует поэму явно недостаточно. Так, он оставляет в стороне некоторые интересные данные о свадебной церемонии, об одежде, охоте, благотворительности, воспитании детей и т. д.

Напомним, что в нашу задачу не входил детальный анализ каждого такого свидетельства. Многое в этом отношении должно стать еще предметом специального исследования, и следует пожелать, чтобы специалисты, изучающие те или иные стороны византийской жизни, в большей мере, чем это было до сих пор, привлекали в своих работах данные эпоса о Дигенисе Акрите.

А. Л. ЯКОБСОН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Средневековая деревня Крыма, особенно его юго-западных районов, до сих пор изучена очень мало. Если на основании многолетних раскопок мы можем получить приблизительное представление о городах Таврики, и в первую очередь о тогдашней столице края — Херсоне, то в отношении деревни мы не имеем никаких данных. Между тем очевидно, что без изучения средневековой деревни мы, в сущности, лишены возможности проследить основные исторические процессы, содержанием которых была феодализация и развитие феодальных отношений. Об этом приходится говорить лишь теоретически — ввиду почти полного отсутствия конкретного материала.

Неизученность средневековой деревни Крыма (у нас нет даже его исторической карты) объясняется, возможно, тем, что исследование ее — действительно трудная задача. Оно осуществимо только путем систематических археологических раскопок, так как письменные источники отсутствуют полностью. Однако такие исследования здесь никогда не производились, отчасти потому, что средневековые деревни нередко находились на месте современных и перекрыты ими, что практически делает почти невозможными их раскопки, отчасти потому, что такие раскопки не предвещают быстрых и эффективных результатов. Особенно важно археологическое изучение средневековой деревни Крыма в таком районе, как юго-западное нагорье, которое в средние века являлось районом наиболее густого и наиболее длительного заселения.

К такой работе мы и приступили в 1956 г. — сначала в Байдарской долине, где разведки¹ указали на несколько средневековых поселений, а затем в соседней Бельбекской долине. Помимо разведок, стационарные раскопки велись в пяти пунктах: в с. Родниковое (бывш. Скеля), с. Ново-Бобровка (бывш. Бага) — в Байдарской долине, с. Поляна (бывш. Маркур) и на возвышенности Пампук-кая — в Бельбекской долине², на плато Кыз-кермен — в долине р. Качи.

В Байдарской долине выявлено уже шесть средневековых поселений: одно — к северу от с. Широкое (бывш. Биюк-Мускомья), два — близ с. Передовое (бывш. Уркуста), два — рядом с с. Ново-Бобровка (бывш. Бага), одно — рядом с с. Родниковое (бывш. Скеля). В соседней Варнутской долине, расположенной к северо-западу от Байдарской, около с. Гончарное (бывш. Варнутка) также находится сравнительно большое средне-

¹ Н. И. Репников. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 116.

² Обе долины входят в состав Куйбышевского района Крымской обл. УССР. Раскопки велись на средства Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в содружестве с Государственным херсонесским музеем.

вековое поселение. В Бельбекской долине их больше: близ с. Н.-Ульяновка — у подножия возвышенности Пампук-кая, которую занимало небольшое укрепление, два поселения близ с. Поляна (бывш. Маркур), близ с. Новополие (бывш. Ени-сала), близ Голубинки (бывш. Верхняя Фоти-Сала), близ с. Отрадное (бывш. Гавры), близ с. Богатырь и др. Одно относительно большое укрепленное поселение — Кыз-кермен — расположено на горном плато, возвышающемся над р. Качей (в семи км к юго-востоку от Бахчисарая; раскопки его начаты в 1961 г.).

Настоящая краткая статья — отнюдь не отчет о проделанной пятилетней работе, а лишь попытка суммировать накопленный материал, количественно пока еще небольшой, но исторически важный и содержательный.

1

Прежде всего, разведки и раскопки, проведенные в названных долинах, охватывающих значительную часть юго-западного нагорья Крыма, дали возможность наметить хронологию средневековых поселений в этом районе. Хронологию их определяет главным образом массовый керамический материал — как подъемный, так и из раскопок указанных поселений. Остановимся вкратце на этой керамике, и прежде всего на тех ее видах, которые хронологически показательны.

Весь керамический материал, не считая довольно частых позднеантичных находок, ясно делится на две неравные части. Первую из них, меньшую, составляет керамика собственно раннесредневековая. Для нее особенно характерны разрозненные обломки круглодонных амфор с глуким и частым рифлением (верхней части сосуда), относящихся, судя по материалу из Северного и Западного Причерноморья (Херсон — в Крыму, Варна, Мадара, Несебр, Бургас — в Болгарии, Истрия — в Румынии³), к V—VI вв., может быть, отчасти к VII в. (рис. 1, а)⁴, а также фрагменты бороздчатых амфор (бороздчатость, следуя античной традиции, имеет профиль в виде набегающей волны), типичных, судя по херсонским находкам, для VI в.⁵ К раннему средневековью мы предположительно относим и фрагменты пифосов, венчики которых имеют сильный вынос. Наконец, ранним средневековьем следует датировать некоторые кровельные черепицы с высоким бортиком, также античным еще по своему характеру.

Количественно преобладает керамика, которую мы вправе, на основании многочисленных аналогий, отнести к последующему времени — VIII—IX вв. Особенно много встречается фрагментов черепиц и пифосов. Кровельные черепицы (рис. 1, б) имеют массивный широкий бортик, легкое сужение в нижней части (иногда и резкое сужение), часто — водосливные валики и иногда — рельефные знаки, служившие, несомненно, ремесленными метками (о них речь дальше). Близкий тип черепицы-керамиды хорошо известен по слоям IX—X вв. в Херсоне⁶. Однако имеются и некоторые отличия: у черепиц сельских поселений обычно более массивный и высокий бортик, передок сужение в нижней части выражено слабее, водосливные валики часто отсутствуют. Эти признаки сближают большинство наших черепиц с раннесредневековыми и позволяют отнести их к проме-

³ K. Mijatev. Die mittelalterliche Keramik in Bulgarien. «Præhistorische Zeitschrift», XXXVII, H. 4, 1959, S. 223, fig. 2a; «Histria. Monografia arheologica», I. Bucureşti, 1954, рис. 383—385. Ср. аналогичные амфоры того же времени из Афин: H. S. Robinson. Pottery of the roman Period. Chronology. Princeton. New-Jersey, 1959, pl. 29 («The Athenian Agora», vol. V).

⁴ А. Л. Яковсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 329, рис. 10, 3.

⁵ Там же, рис. 3, 14.

⁶ См. А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес. МИА, № 17, 1950, стр. 119 сл.

жуточному типу, непосредственно предшествующему IX—X вв., и соответственно датировать их VIII—IX вв.

Второй формой керамики из сельских поселений, столь же массовой, являются пифосы, представленные не только множеством фрагментов, но

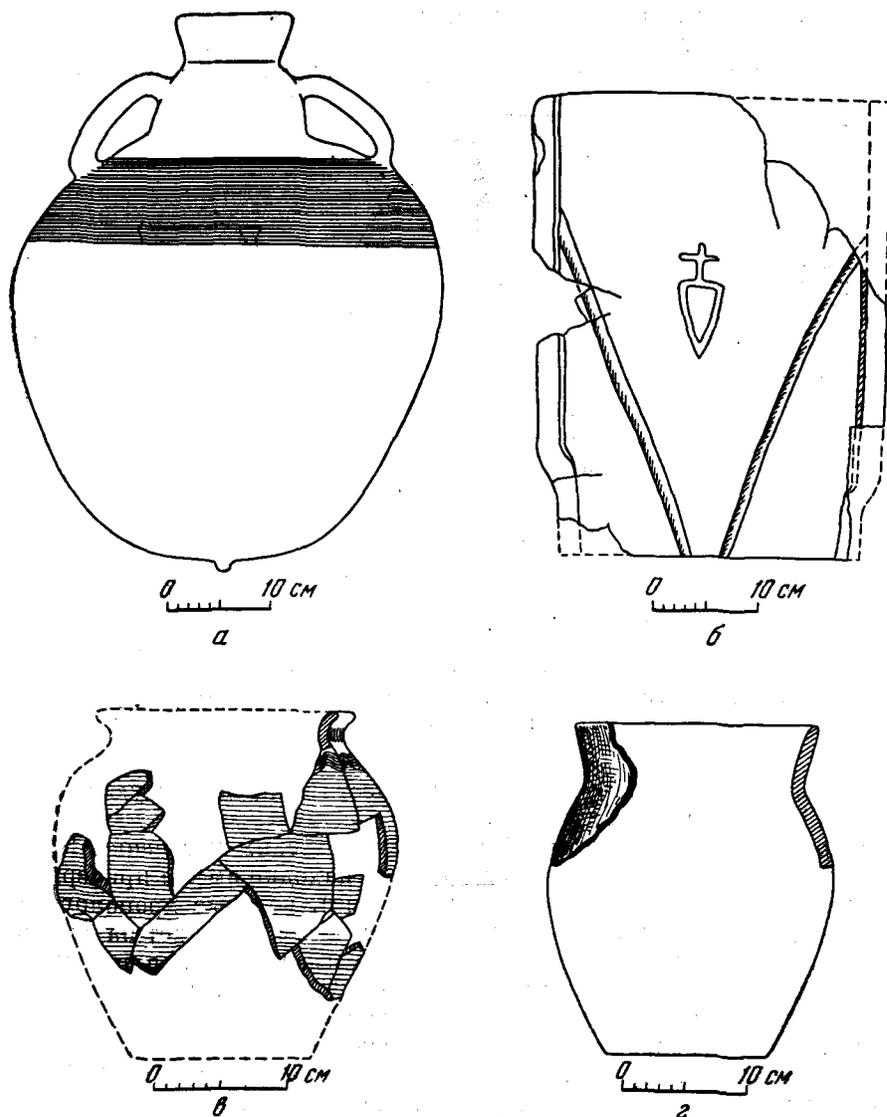

Рис. 1. Керамика:

а — амфора с глубоким рифлением (Музей Варны, Болгария), VI в.; б — черепица (керамида) из поселения близ Бобровки, раскоп 5, № 168/58, VIII—IX вв.; в — «салтовский» горшок со сплошным рифлением и волной из поселения близ Бобровки, раскоп 7, № 136/59, IX в.; г — фрагмент лепного горшка из поселения близ Поляны, раскоп 1, № 52/60

и целыми экземплярами. Форма пифосов — вытянуто-яйцевидная, сужающаяся к узкому массивному днищу (обычно пифосы закапывались в землю); широкое горло имеет массивный приблизительно треугольный в сечении венчик с широким горизонтальным краем; стенки пифосов —

обычно сглаженные или штрихованные; высота пифосов различна (от 0,90 м до 2,15 м) (рис. 2, в). Такого рода пифосы тоже хорошо известны в Херсоне в слоях IX—X вв.⁷ Однако в сельских поселениях одновременно бытовали и другого рода пифосы — с горизонтально желобчатой поверхностью (рис. 2, а) или с рельефными горизонтальными валиками, как бы обручами (рис. 2, б), что отражает, по-видимому, более раннюю традицию⁸; по крайней мере эта особенность не характерна для херсонских пифосов и может указывать на более позднюю дату последних. Такие желобчатые

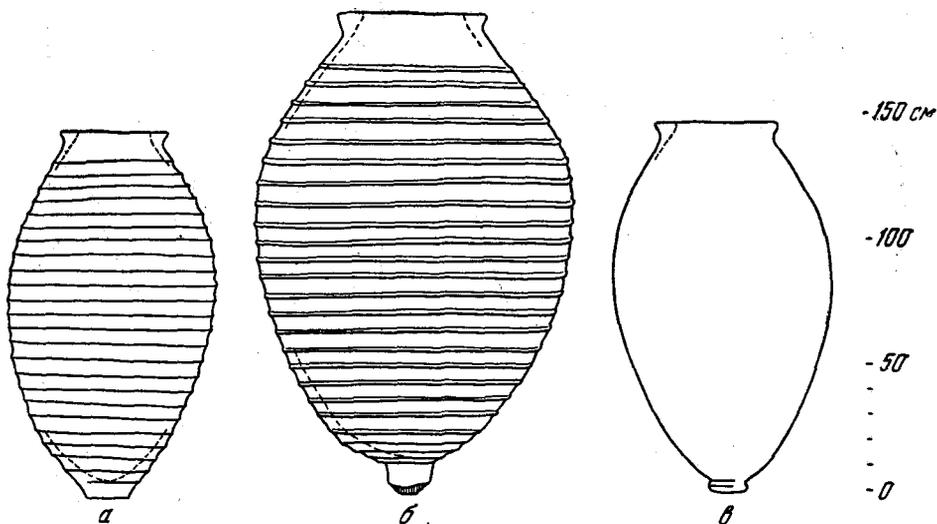

Рис. 2. Пифосы VIII—IX вв.

а, в — пифосы из поселения близ Бобровки, раскоп 2; б — пифос из поселения близ Поляны, раскопки 1960 г.

пифосы мы также считаем возможным отнести к предшествующему времени — VIII, может быть, к IX в.

Датировку большей части керамики из сельских поселений Юго-Западного Крыма этим временем подтверждают находки амфор причерноморского типа (условно называемых салтовскими), которые хронологически не выходят за пределы VIII—IX вв.⁹ Вместе с тем обращает на себя внимание полное отсутствие там амфор, типичных именно для X в. и постоянно находимых в Херсоне в слоях этого времени¹⁰. Далее, показательны немногочисленные находки фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, столь распространенных в поселениях и городах Северного Причерноморья — в Крыму, на Тамани, Нижнем Дону — в IX—X вв., но редких в наших поселениях. К тому же здесь бытовал, по-видимому, только ранний вариант их (со слегка округлой нижней частью), датируемый IX в.¹¹

⁷ См., например, Г. Д. Белов, С. Ф. Стрелецкий и А. Л. Яковсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.). МИА, № 34, 1953, стр. 222, рис. 74 и 75.

⁸ Ср. амфоры конца VI в. из Афин с такой же желобчатой поверхностью: H. S. Robinson. Op. cit., pl. 34 (M. 373), 40.

⁹ См. А. Л. Яковсон. Средневековые амфоры. . . , стр. 332—333, рис. 5 и 6, 21; В. В. Борисова. Средневековая гончарная печь. «Сообщения Херсонесского музея», I, 1960, стр. 45, рис. 3.

¹⁰ А. Л. Яковсон. Средневековые амфоры. . . , стр. 333, рис. 6, 25, 26.

¹¹ Там же, стр. 337, рис. 10, 29, 30.

Для выяснения хронологии наших поселений важны небольшие шаровидные сероглиняные горшки с простым отогнутым венчиком; корпус их покрыт сплошным рифлением, а сверху украшен многорядной волной (рис. 1, е). Керамика эта очень характерна для поселений Восточной Таврики и Тамани, возродившихся в VIII в. (Илурат и Тиритака — в районе Керчи, Таматарха и Фанагория — на Тамани, Тенсенское городище в Планерском — в районе Феодосии и многие другие)¹². Бытовала она там в VIII—IX вв. Она в массе встречается в хазарском слое Саркела (IX—первая половина X в.)¹³ и обычна на поселениях так называемой салтовской культуры¹⁴. Кстати сказать, в соседнем Херсоне такие горшки почти не известны.

Устанавливаемой датировке (VIII—IX вв.) в сущности не противоречит и единственная херсоно-византийская бронзовая монета императора Маврикия (582—602), найденная в 1960 г. на глинобитном полу жилого помещения (с. Бобровка, раскоп 7, пом. 2). Судя по сильной стертости монеты, она находилась в обращении очень долго. Вместе с тем за все пять лет наших раскопок сельских поселений там не найдено ни одной херсоно-византийской монеты конца IX и X в., выпуск которой возобновился при императоре Василии I (867—886). Трудно допустить, что, находясь по соседству с большим по тому времени центром, каким был Херсон, сельское население не столь уж отдаленной от него округи не имело с ним никаких экономических связей. Более вероятно, что жизнь средневековых поселений Байдарской долины, как и Бельбекской, в период начавшегося массового выпуска херсоно-византийской монеты, т. е. в конце IX в., уже затухала.

Однородность представленного выше керамического материала на всех названных поселениях — как подъемного, так и из раскопок — указывает на их одновременное существование, продолжавшееся приблизительно до рубежа IX и X вв.

Обе хронологически различные группы керамики (V—VII и VIII—IX вв.) вполне соответствуют стратиграфии строительных остатков, двухслойности их, ясно выступающей на поселении близ Бобровки: строительные остатки собственно раннесредневековые, как показали раскопы 1, 4, 5 и 7, имеют свою ориентировку (северо-запад — юго-восток) и перекрыты стенами иной ориентировки (приблизительно север—юг) (раскопы 4, 5 и 7), относящимися к последующему периоду, который можно по керамике датировать VIII—IX вв.

Таков первый существенный результат археологического исследования сельских поселений Юго-Западного Крыма.

2

Анализ всего керамического комплекса, выявленного нашими раскопками, приводит и к другим, не менее существенным заключениям.

Раскопки выявили, что основным, самым употребительным и, следовательно, самым характерным видом бытовой керамики являлись не гончарные, а лепные горшки¹⁵ с бурым, местами красным черепком (вследствие

¹² См. А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения восточного Крыма. Сб. «Боспорские города», т. II. МИА, № 85, 1958, стр. 474 и рис. 4.

¹³ С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. «Труды Волго-Донской археол. экспедиции», II. МИА, № 75, 1959, стр. 222, рис. 9.

¹⁴ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. «Труды Волго-Донской археол. экспедиции», I. МИА, № 62, 1958, стр. 107 сл.

¹⁵ Относительно небольшое (в абсолютном выражении) количество находимых фрагментов таких сосудов объясняется прежде всего их небольшим размером по сравнению с огромными пифосами, которые обычно разбиваются на множество кусков.

неравномерности обжига) и грубым тестом с примесями песка и толченых раковин. Лепные горшки имеют обычно прямое, слабо расширяющееся горло и прямой непрофилированный венчик (рис. 1, з). Подобные горшки встречались в нижних (дорусских) слоях Саркела и датируются соответственно IX, может быть, началом X в. Эти лепные горшки являются, очевидно, продукцией домашнего хозяйства. Изготовление их показывает, что гончарство в то время еще не выделилось здесь в самостоятельную отрасль хозяйства, еще не стало ремеслом, хотя процесс формирования его в связи с интенсивным заселением края в VIII в. уже начался. На это указывают черепицы, о которых шла речь выше. Они, как было сказано, имеют много общего с черепицами из Херсона, но вместе с тем и ряд существенных особенностей, причем не только по форме, но и по характеру черепка, обычно светло-красного, в отличие от темно-красного и обычно более плотного черепка херсонских черепиц. Эти особенности отражали, несомненно, как разницу в технологии производства, так и различные сырья, о чем говорит и определенная специфика химического состава теста черепиц. По всей вероятности, большинство черепиц из обследованных сельских поселений Юго-Западного Крыма — местного производства, что подтверждают и неоднократно встречавшиеся на них рельефные знаки ремесленников, вырезавших свою метку на деревянной матрице, в которой формовались черепицы.

На поселении близ Бобровки уже зарегистрировано 24 различных знака (22 — на керамидах, 2 — на калиптерах), 1 знак — из поселения близ Поляны (на калиптере) и 3 знака — из поселения близ Гончарного (на керамидах)¹⁶. Большинство знаков являются греческими буквами или монограммами, часть знаков имеет форму креста (рис. 3). Из букв встречаются различные варианты Π (с прямыми или расходящимися ножками) и Ψ, а также Υ; монограммы представлены двумя вариантами Ϛ. Кресты — двух видов: простые и на треугольных подставках. На калиптерах из поселения близ Бобровки встречался исключительно один и тот же знак (отгиск одной матрицы) в виде Γ (в обратном начертании; правильным оно было на матрице), и только на поселении близ Поляны найден один знак в виде Θ.

Важно подчеркнуть, что почти все эти знаки не находят себе полных соответствий в Херсоне, где уже известно более трех сотен различных черепичных знаков, в том числе 59 принадлежащих черепицам IX—X вв.¹⁷ Это обстоятельство также указывает на то, что черепицы в сельских поселениях Юго-Западного Крыма привозились не из Херсона, а из какого-то иного, ближе лежавшего керамического центра с небольшим районом сбыта продукции.

Любопытно, что в каждом доме селения близ Бобровки преобладали одни и те же черепичные знаки; скорее всего, это объясняется тем, что хозяева домов приобретали черепицы преимущественно у одного гончара — владельца ремесленной мастерской.

Возникновение местного гончарного ремесленного производства нельзя не связать с экономическим подъемом Юго-Западного Крыма в VIII—IX вв. — в период оживления здесь старых и возникновения новых поселений. Ремесло Херсона не могло удовлетворить возросший спрос на черепицы, как и вообще на ремесленную продукцию, ибо город в те времена находился еще в упадке.

¹⁶ При подсчете числа знаков нами учитывались только те, которые сохранились полностью или настолько, что позволяют с бесспорностью их восстановить; всего же раскопки дали более 60 черепиц с рельефными знаками.

¹⁷ А. Л. Яковсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. МИА, № 63, 1959, стр. 317—320, рис. 173.

Среди черепичных знаков обращают на себя внимание знаки в виде крестов — простых или на подставке (черепицы эти происходят из поселения близ Бобровки) — и в виде высокорельефных крестов с расширяющимися концами (из поселения близ Гончарного). Очень вероятно, что эти

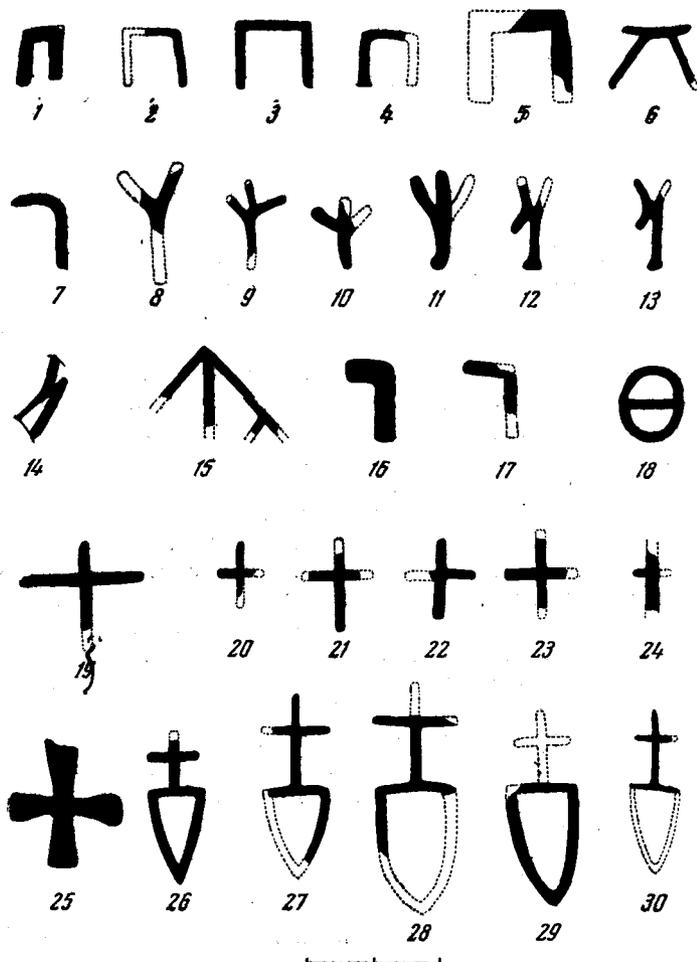

Рис. 3. Таблица рельефных знаков на черепицах VIII—IX вв.

1 — 187/58; 2 — 138/57; 3 — Г, 1960 г.; 4 — 210/59; 5 — 36/58; 6 — 153/59; 7 — 1/59; 8 — 303/58; 9 — 124/59; 10 — 116/58; 11 — 135/58; 12 — 152/58; 13 — 213/58; 14 — 190/59; 15 — Г, 1960 г.; 16 — к, 305/57, 274/58, 312/58, 52/59, 154/59, 247/59; 17 — к, 122/58; 18 — к, II, 22/60; 19 — 320/58; 20 — 303 и 307/58; 21 — 134/58; 22—23—283/58; 24 — 1/59; 25 — Г, 1960 г.; 26 — 168/58; 27 — 309/58; 28 — 310/58; 29 — 311/58; 30 — 308/58; к — калиптер; Г — поселение близ с. Гончарное; II — поселение близ с. Поляна; остальные черепицы найдены на поселении близ с. Бобровка. Цифры обозначают номера полевой описи (цифра в знаменателе указывает год раскопок)

знаки-кресты обозначали монастырскую гончарную мастерскую, ибо вряд ли их могли усвоить гончары-миряне. Такое предположение может быть подтверждено самым фактом возникновения монастырей в Юго-Западном Крыму именно в то время — в период усилившейся в Крым монашеской эмиграции в эпоху иконоборчества: назовем полупещерные монастыри в Каламите (совр. Инкерман), на Тепе-кермен, Чилтеру, Шулдан, возоб-

новленный в конце VIII в. монастырь в Партенитах¹⁸. Кстати сказать, совершенно аналогичные кресты в качестве рельефного ремесленного знака на черепицах известны в Грузии: такими черепицами крыты некоторые храмы в Кахетии, относящиеся как раз к VIII—IX вв.¹⁹

Приведенные ремесленные знаки на черепицах важны и еще в одном отношении: они указывают на господство среди местного населения греческой письменности²⁰.

Греческие надписи и монограммы встречаются и на пифосах; некоторые из них, возможно, также изготовлялись местными гончарами, но часть их привозилась, вероятно, из Херсона, о чем позволяет говорить не только форма, характерная для херсонских пифосов, но и специфический темно-красный черепок. Надписи и монограммы на пифосах, помещенные обычно на видном месте (на верхнем обресе венчика), служили, надо полагать, знаками собственности; например, на одном из них стояло имя (от него уцелел лишь конец: . . . ΟΣ; из раскопа 7 в селении близ Бобровки), на другом — монограмма Λ (из раскопа 1 близ с. Поляна), на третьем Р и Ν, но знак сохранился не полностью (раскоп 7 близ Бобровки). Знаки эти начертаны до обжига, а это указывает на изготовление пифосов на заказ, что вполне объясняется самим характером производства таких массивных и трудоемких, а потому дорогих изделий.

Как видим, одни виды керамики, бытовавшие в сельских поселениях Юго-Западного Крыма VIII—IX вв., — бесспорно местного домашнего производства (лепные горшки и миски); другие, также местные по происхождению (часть черепицы и пифосов), указывают на начавшийся процесс выделения и развития местного гончарного ремесла. Одни формы керамики — кувшины с плоскими ручками, некоторые пифосы (правда, те и другие встречаются сравнительно редко) — свидетельствуют об определенных связях с Херсоном, вновь ожившим в конце IX в., другие формы — такие, как «салтовские» горшки со сплошным рифлением, серые сосуды с полосами лощения, причерноморские амфоры, да и лепная посуда (имеем в виду ее форму, не характерные для Херсона), — ясно указывают на связи с восточными районами Таврики. Это обстоятельство тем важнее, что относится оно к основным формам бытовой керамики, которой пользовалось население. Особенно показательны в этом отношении «салтовские» горшки, столь обычные на поселениях так называемой салтовской культуры и, наоборот, повторяем, почти не известные в соседнем Херсоне. Последнее, быть может, вызвано определенными этническими отличиями Херсона, в греческой среде которого так, по-видимому, и не прижились аланские и болгарские формы керамики, господствовавшие в деревне, где в свою очередь очень слабо прививались «городские» формы керамики — такие, как амфоры или кувшины с плоскими ручками. Наличие лепной посуды говорит, несомненно, об отсталости местной деревенской культуры в сравнении с культурой соседнего Херсона. О том же свидетельствует примитивность деревенского жилого дома и архаичность господствовавшей в деревне строительной техники.

¹⁸ Об этом см.: Ю. Кулаковск и й. Прошлое Тавриды. Киев, 1914, стр. 74—75; А. Л. Яковсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 44—45.

¹⁹ См. Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. Исследование развития архитектуры в восточной провинции Грузии в IV—XVIII вв., т. I (атлас). Тбилиси, 1956, табл. 196 и 230; т. II (текст). Тбилиси, 1959, стр. 279—280, 307 (храмы в Гурджаани и Вачнадзани); ср. т. II, стр. 119. По недоразумению Г. Н. Чубинашвили видит в этих крестах только украшение (т. II, стр. 279—280).

²⁰ Кстати сказать, среди местного населения было в той или иной степени распространено и христианство, на что указывает железный крест, найденный в одном из домов (Бобровка, раскоп 7, пом. 2, на полу), а также кресты в качестве ремесленных знаков на черепицах.

3

Для представления об облике культуры изучаемых нами сельских поселений VIII—IX вв. очень важен тип жилого дома, о котором позволяют судить раскопки близ сел Бобровка и Поляна. В обоих пунктах открыто уже несколько жилых домов того времени, имеющих ряд общих черт, по-видимому, типичных.

Небольшой дом состоял, как правило, из двух помещений, из которых одно, несомненно, являлось жилым, на что указывает, в частности, наличие в нем открытого очага — в середине помещения (Бобровка, раскопы 2 и 7) или в углу его (Поляна, раскоп 1), иногда печи-каменки, также в углу (Бобровка, раскоп 4) (рис. 4). К жилому помещению во всю его ширину примыкало хозяйственное помещение, служившее также кладовой; в одном из раскопанных домов хозяйственное помещение было удлиненным (Кыз-кермен, раскоп 1, 1961 г.), в другом очень узким (Поляна, раскоп 2, 1961 г.); лишь в одном доме (Бобровка, раскоп 7) кладовка была миниатюрной. В этом помещении стояли пифосы, в которых хранились продовольственные запасы (Бобровка, раскоп 2; Поляна, раскоп 1) и хозяйственный инвентарь (например ручные жернова). Нередко большие пифосы устанавливались вне дома, рядом с ним (Бобровка, раскоп 2 и 7, Поляна, рядом с раскопом 1). Общие размеры помещений — жилого и хозяйственного — довольно близки²¹. Приблизительно одинаковой на обоих поселениях являлась и ориентировка домов — по странам света. Общие черты носит и строительная техника, которая являлась, видимо, традиционной для сельских поселений Юго-Западного Крыма. Дома построены на каменном основании в один или несколько рядов; кладка выполнена из разномерного бутового камня приблизительно выдержанными рядами, на глине. В одном из домов (Бобровка, раскоп 2) сравнительно толстая стена (толщ. 1,0—1,3 м) сложена по принципу раннесредневекового строительства в виде двух лицевых кладок из крупных подтесанных блоков с забутовкой сердцевины стены; в некоторых других домах (Бобровка, раскоп 4 и 7) применена система кладки «в елку»; углы входов, а также наружные углы сложены из более крупных камней. На каменное основание опирается глинобитно-жердевая конструкция в виде нетолстых стояков-жердей, горизонтально соединенных плетнем, покрытым толстым (3—4 см) слоем глиняной обмазки. Особенно ясно выявлена эта конструкция в Бобровке (раскоп 7) и Поляне (раскоп 1). Стойки поддерживали, очевидно, деревянные стропила, по которым была уложена черепичная кровля; впрочем, помимо черепиц, являвшихся дорогим кровельным материалом, для кровли использовалась, вероятно, и солома (Поляна, раскоп 1, пом. 1). Пол помещений был везде плотный, глинобитный, в хозяйственных помещениях — очень неровный.

Раскопки выявили одну характерную особенность домов: уровень пола помещений находился несколько ниже дневной поверхности; иначе говоря, помещения в той или иной степени были углублены в землю, напоминая в этом отношении полуземлянки.

Все раскопанные дома погибли при пожаре (пол местами обгорел докрасна, на полу были разбросаны куски горелых стояков, некоторые камни от огня потрескались, отдельные черепицы от огня деформировались и ошлаковались).

²¹ В селении близ с. Бобровка его размеры: на участке раскопа 2 — 3,1×3,4 м; на участке раскопа 4 — 5,4×2,6 м; на участке раскопа 7 — 7×4 м; в селении близ Поляны, раскоп 1 — 3,6×3,1 м.

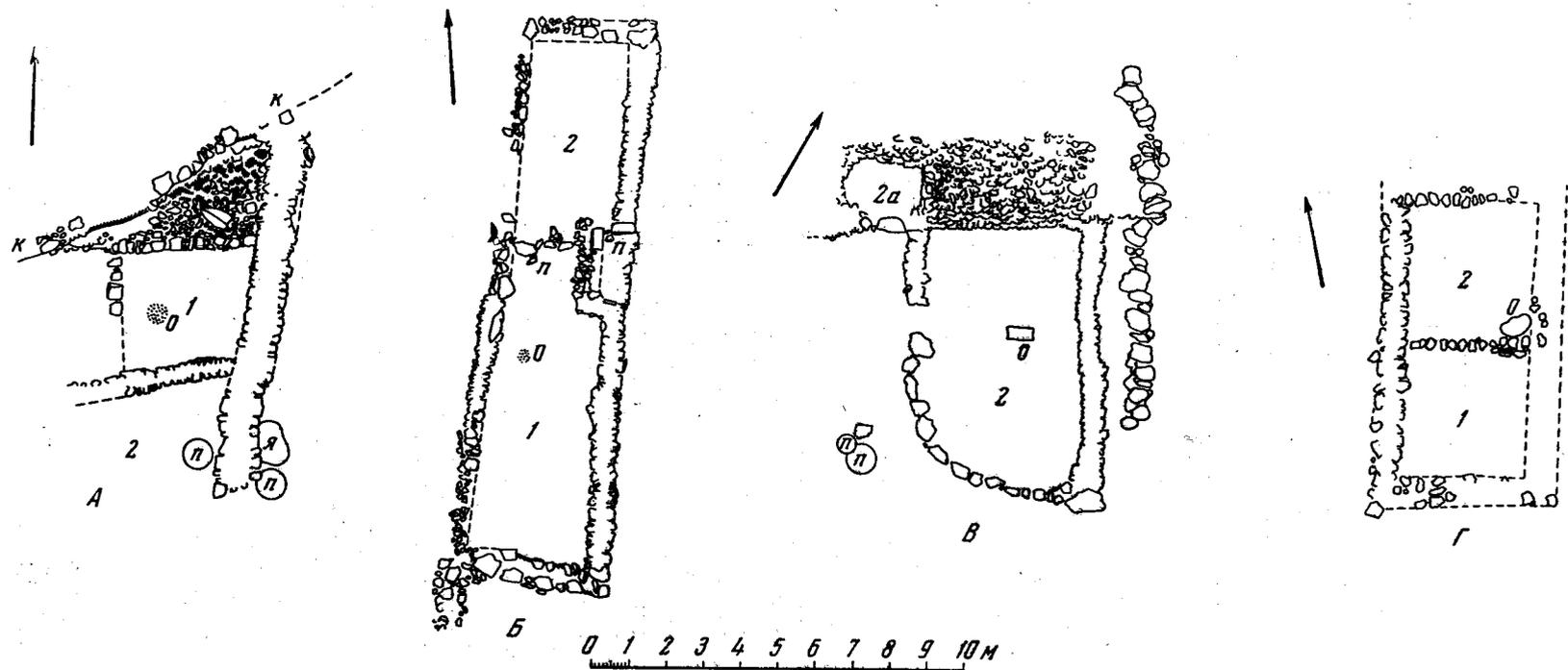

Рис. 4. Планы жилых домов VIII—IX вв., раскопанных близ с. Бобровка (А, Б, В) и близ с. Поляна (Г)

А — Раскоп 2 (1956 г.); Б — Раскоп 4—5 (1957—1958 гг.); В — Раскоп 7 (1959—1960 гг.); Г — Раскоп 1 (1960 г.); п — пифос; к — крепида; о — очаг; я — яма с зернами проса (?)

К дому примыкал, по-видимому, дворовый участок, где помещали большие пифосы, зарывавшиеся на большую часть их высоты в землю и составлявшие обязательную принадлежность домашнего хозяйства²².

В таком виде жилой дом не характерен для Херсона²³; отличия заключаются не только в планировке, но и в применении глинобитно-жердевой конструкции сельских домов, как и в архаической технике их каменной кладки, которая следовала очень старой традиции. Зато такой дом являлся, по-видимому, типичным для поселений восточных районов Таврики, насколько об этом можно судить по раскопкам Илурата²⁴ и городища на горе Тепсень (в Планерском, к западу от Феодосии)²⁵. Здесь жилой дом также состоял из двух помещений, стены которых были сложены из самана на каменном основании, причем применена также система кладки «в елку». Те же черты прослеживаются и далее на северо-восток — в Подонье²⁶.

4

Эта близость, ясно проявляющаяся в различных сферах материальной культуры, и, наоборот, резкое отличие от всего того, что наблюдается в Херсоне, может найти объяснение лишь в реальных связях носителей самой культуры. Ведь самое расширение старых и возникновение новых поселений в Юго-Западном Крыму в VIII в., в чем получил свое выражение определенный подъем этого края, не могло иметь место без притока нового населения. Приток этот направился, как можно думать, именно из Восточного Крыма или смежных районов Приазовья и Северного Кавказа, населенных преимущественно аланами (о которых свидетельствует еще ранне-средневековая историческая традиция²⁷, как и археологический материал²⁸) и болгарскими племенами, являвшимися в интересующий нас период уже оседлыми²⁹, т. е. теми этническими элементами, для культуры которых особенно характерна так называемая салтовская керамика — горшки со сплошным рифлением и орнаментом в виде волны и серые сосуды с полосами лощения, и причерноморские («салтовские») амфоры,

²² Следует отметить одну особенность домов селения близ Бобровки, являвшуюся следствием местных топографических условий: дома там были расположены на широких террасах, выравненных на склоне возвышенности. Это вызвало необходимость сооружения каменных креpid, призванных укрепить грунт и представлявших собой сплошной каменный бутый массив, к которому и примыкали жилые дома.

²³ См. Л. А. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 285 сл.

²⁴ Раск. В. Ф. Гайдукевича (1950 г.). См. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Илурата, Тиритак и Мирмекия. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 108 и рис. 45, 47. Размер помещений: 4,8×3,7 м и 7,5×3,7 м. Ср. А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения..., стр. 476.

²⁵ См. В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1953, стр. 96—100; М. А. Фронжуло. Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с. Планерське (1954—1955 рр.). «Археологія», XII, 1961, стр. 171 слл.

²⁶ Много общего в конструкции дома Карнауховского поселения близ ст. Цымлянской (по раск. И. И. Ляпушкина в 1950—1951 гг.). См. И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 101.

²⁷ «Землями алан» называет Аммиан Марцеллин придонские степи и весь район Приазовья (Historia, XXXVI, 3. Ср. Аммиан Марцеллин. История. Пер. Ю. Кулаковского, вып. III. Киев, 1908, стр. 243). Сармато-аланский облик культуры позднеантичного Боспора уже давно является общепризнанным фактом (см., например, В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 418 слл., 421—430, 469—477, 480—481). Основание Феодосии (Αρδάβδα) раннесредневековая традиция также связывает с аланами (см. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, стр. 38).

²⁸ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 146.

²⁹ Там же, стр. 147. В X в. их знают русско-византийские договоры.

и специфической формы лепная посуда, — словом, вся та керамика, которая бытовала среди населения Байдарской и Бельбекской долин³⁰. К числу этих восточнокрымских признаков следует отнести и тип описанного жилого дома.

Чем вызван был приток нового населения? Юго-западное нагорье Крыма издавна являлось одним из основных земледельческих районов полуострова, куда не доходили волны опустошительных набегов варваров-кочевников³¹, не раз разорявших степные поселения Приазовья и Восточного Крыма. В 70-х годах VI в. Восточный Крым вновь подвергся нашествию варваров — на этот раз хазар, о чем сообщает византийский хронист Феофан³². Однако позднее наступила определенная стабилизация, волны варваров отхлынули³³. Хазарская же зависимость, распространившаяся в VII в., как известно, и на западное нагорье, вряд ли выходила за рамки даннических отношений; к тому же и сам хазарский каганат начал в VIII в. клониться к упадку. Оживлению Юго-Западного Крыма в сильной степени способствовал и другой политический фактор — ослабление византийского господства в Крыму, начавшееся в VII в. в связи с общим кризисом империи, когда и Херсон, форпост Византии в Северном Причерноморье, к которому тяготела (и экономически, и территориально) Юго-Западная Таврика, вступил в полосу застоя. Эта новая обстановка, сложившаяся в Юго-Западной Таврике к VIII в., — исчезновение угрозы варварских вторжений и ослабление византийской власти (если не полное отпадение края от Византии) — создавала сравнительно благоприятные условия для развития в юго-западном нагорье земледельческих общин или расширения ранее существовавших и рождения новых.

Это были именно земледельческие поселки, в чем убеждают и находка очень массивной железной мотыги (Поляна, раскоп 2, 1961 г.), и частые находки при раскопках круглых ручных жерновов для размола зерна, и скопление горелых зерен пшеницы (в жилище, примыкавшем к храму на Пампук-кая, раскопки 1961 г.), и горелая солома на глинобитном полу, и зерна, замешанные в глиняное тесто, из которого изготавливались черепицы. Косвенно свидетельствуют о том же и большие пифосы, в которых обычно хранилось зерно³⁴. С земледелием, вероятно, сочеталось и скотоводство, о чем позволяют говорить многочисленные находки костей мелкого и крупного скота, а также глиняных (реже каменных) пряслиц, которые употребляются при прядении волокна (в Крыму это была, скорее всего, шерсть). Вряд ли можно сомневаться и в общинном укладе жизни этих поселков.

В связи со сказанным небезынтересно одно наблюдение: все обследованные поселения Юго-Западного Крыма как бы группируются вблизи небольших крепостей, занимавших соседние возвышенности и вполне синхронных этим поселениям; об этом говорит характер кладки сохранившихся стен крепостей и подъемный керамический материал на территории некоторых из них.

Одна такая крепостца существовала близ Бобровки на плато возвышенности, южный склон которой занимало средневековое поселение. Аналогичная крепостца, судя по ее остаткам, находилась близ с. Передовое,

³⁰ Трудно согласиться с И. И. Ляпушкиным (указ. соч., стр. 148), связывающим возникновение поселений VIII—IX вв. в Восточном Крыму только с оседанием болгар.

³¹ Иначе обстояло дело в степях Западного Крыма, разоренных гуннами. Район этот после IV в. фактически запустел, а уцелевшее население продвинулось в соседние долины Юго-Западного горного Крыма. Об этом см. Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма. СА, 1958, № 1, стр. 74—75.

³² Theophanis Chronographia, vol. I, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883, p. 358₇₋₈.

³³ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 145—146.

³⁴ Не исключено и занятие рыболовством, на что указывает находка в одном из домов (с. Бобровка, раскоп 4) дисковидного свинцового грузила.

также на небольшой возвышенности. С ним, вероятно, связаны были два средневековых поселения: одно, расположенное рядом с крепостцей, другое — неподалеку, к востоку от него. К югу от трех поселений в районе с. Поляна, находившихся на небольшом расстоянии друг от друга (в радиусе 2—3 км), на возвышенности с татарским названием Сююрю-кая также сохранилась небольшая крепостца. Это еще не феодальные замки, а скорее крепости-убежища для группы сельских поселений-общин. В плане будущих исследований стоит более полное обследование этих памятников.

Наконец, еще один вопрос. Чем объясняется тот археологически установленный факт, что средневековые поселения Юго-Западной Таврики, по крайней мере в Бельбекской и Байдарской долинах, на рубеже IX и X вв. или в начале X в. перестали существовать: население покинуло насиженные места и весь этот край, как видно, запустел? Можно думать, что запустение было следствием вражеского нашествия, по всей вероятности, печенегов, активизировавшихся в Таврике как раз в конце IX—начале X в.⁹⁵ Опустошенными и безлюдными оставались эти места, как убеждает опять-таки археологический материал, вплоть до XI—XII вв. — времени возникновения княжества Феодоро, объединившего большую часть Юго-Западного Крыма, куда вновь потянулось земледельческое население. К XII—XIII вв. относится, как известно, возрождение этого края и подъем его экономики, продолжавшийся до турецкого завоевания Крыма в конце XV в. с перерывами, вызванными татарскими погромами конца XIII и конца XIV в.

Археологическое изучение средневековых поселений Юго-Западного Крыма еще только начато. Будущие исследования внесут, несомненно, много важных дополнений, а может быть, и изменений в те представления, которые мы могли составить по имеющимся фактам. Однако накопление нового материала идет слишком медленно, чтобы отказаться от предварительной попытки суммировать имеющийся материал и свести его в общую картину.

---

⁹⁵ По Константину Багрянородному (*De administrando imperio*, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 14₁₋₅), печенеги появились за 55 лет до написания трактата, т. е. в конце IX в. Первое появление печенегов в 867 г. отмечает и русская летопись (ПСРЛ, т. IX, 1862, стр. 9).

С Я Н А Й

**ЗОЛОТАЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ МОНЕТА,
НАЙДЕННАЯ В МОГИЛЕ ПЕРИОДА ДИНАСТИИ СУЙ***

В 1953 г. во время раскопок в селе Дичжанвань уезда Сяньян (близ г. Сиань провинции Шэньси) в одной из могил, относящихся к периоду династии Суй (589—618), была найдена золотая византийская монета. Она экспонировалась на Всекитайской археологической выставке в Пекине в 1954 г. и привлекла внимание многих ученых, считающих ее важным материалом для изучения истории отношений между Китаем и странами Запада. Однако до сих пор эта монета не была определена (см. рис. 1).

Основные данные монеты следующие.

Лиц. ст. DN IVSTI—NVS PP AVG.

Погрудное изображение императора впрямь; на голове шлем, повязанный диадемой; император в доспехах, в правой руке сфера, украшенная фигурой Виктории с венком. Ободок.

Об. ст. VICTORI—A AVGGGE.

Олицетворение Константинополя в виде женской фигуры в плаще и шлеме, сидящей на кресле впрямь, голова повернута вправо; в левой протянутой руке сфера с крестом, правая опирается на длинный жезл. Под образом CONOB. Ободок.

21 мм, 4,4 г. Судя по отверстию, монета употреблялась в качестве украшения.

Определение описанной монеты не вызывает сомнения¹, перед нами солид (основная денежная единица империи со времени Константина I), чеканенный при Юстине II (565—578) в пятой мастерской константинопольского монетного двора. Сокращение AVGGG в реверсной надписи указывает, что она выпущена при трех августях, т. е. после 573 г., когда этот титул получили императрица София и пасынок Юстина II — Тиберий.

На выставке в Пекине монета экспонировалась рядом с копиями надгробных надписей двух могил периода династии Суй: могилы Дугу Ло и могилы Дуань Вэй.

Согласно надгробной надписи, Дуань Вэй умер в 595 г., менее чем через 20 лет после смерти Юстина II (578). Дуань Вэй был отцом известного полководца Суйской династии Дуань Вэнь-чжина². Дугу Ло, старший брат супруги императора Вэнь-ди, умер в 599 г. и был похоронен в феврале следующего года. В его биографиях говорится, что он был губернатором провинций Лян, Гань, Гуа в «коридоре Ганьсу»³.

* Настоящая статья представляет собой несколько сокращенный и переработанный автором перевод статьи, опубликованной в журнале «Каогу-Сюэбао» (1959, № 3).

¹ См., например, И. И. Т о л с т о й. Византийские монеты, стр. 416, № 6.

² Биография Дуань Вэнь-чжина. «Хроника династии Суй», изд. Байнабэнь, т. LX. Пекин, 1958, стр. 11 (на кит. яз.).

³ Биографии Дугу Ло. «Хроника династии Суй», т. LXXIX; «Хроника северных династий», т. LXI. Пекин, 1958 (на кит. яз.).

Вопрос о том, в какой именно из этих двух могил была найдена монета, не совсем ясный во время проведения самой выставки, в настоящее время можно считать полностью разрешенным: Чжан Те-сюань⁴ совершенно правильно указал, что монета была найдена в могиле Дугу Ло; это подтверждается полученным нами сообщением из музея провинции Шэньси со ссылкой на опись полевых работ Шэньсийской археологической экспедиции.

Установление точного места и даты находки полностью соответствует данному выше определению описанной монеты. Поэтому совершенно неправ Л. Гудрич, который на основе данных о монете, приведенных в указанной статье Чжан Те-сюаня, отнес ее ко времени правления византийского им-

Рис. 1. Византийская монета Юстина II, найденная в могиле периода династии Суй

ператора Фоки (602—610)⁵: монета, чеканенная после 602 г., не могла быть обнаружена в могиле до 600 г.

Попробуем выяснить, каким путем византийская монета могла попасть в Сиань, расположенный в 7500 км к востоку от границы Византии. Для этого нам необходимо кратко охарактеризовать историческую обстановку того времени, в частности византийско-китайские отношения.

Международное положение Византии в период правления Юстина II было весьма сложным. Иран — другая сильная держава Передней Азии — достиг при сасанидском царе Хосрое (531—579) наивысшего расцвета. Между Ираном и Византией во время царствования Юстиниана I неоднократно происходили войны, иранские войска вторгались на территорию Византийской империи. В 562 г. между обоими государствами был заключен мир, по которому Византия обязалась выплачивать Ирану большую дань. Вступив на престол, Юстин II прекратил уплату дани, что привело к обострению отношений между Византией и Ираном и возобновлению военных действий. В это время торговля между Востоком и Западом перешла в руки Ирана. С целью проложить торговый путь на Восток в обход Ирана Юстин II направил посольство Земарха в резиденцию кагана западных тюрков⁶.

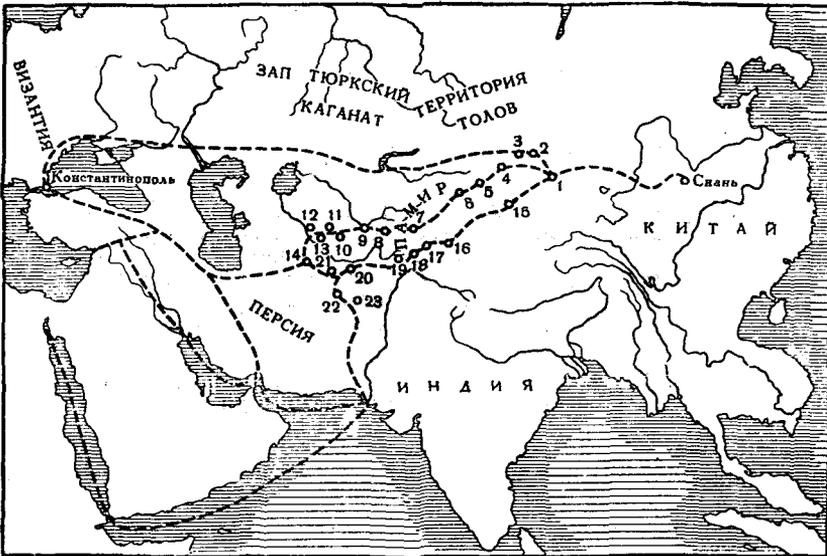
В эпоху раннего средневековья китайские писатели называли Византийскую империю «государство Фу-линь». Это название впервые встречается в «Хронике династии Суй». В биографии Пэй Цзюя приведен следующий фрагмент из предисловия к «Атласу западных стран»: «Существуют три торговых пути из Дуньхуана до Средиземного моря. Северный путь ве-

⁴ Ч ж а н Т е - с ю а н ь. О материалах Всекитайской археологической выставки в Пекине. «Вэнь-у данькао цзыляо», 1954, № 10, стр. 54 (на кит. яз.).

⁵ L. C. Goodrich. Archaeology in China: the First Decades. «The Journal of Asian Studies», VIII, 1, 1957, p. 14.

⁶ См. сообщение византийского историка Менаандра Протиктора в кн.: Ч ж а н С и н - л а н. Сборник источников по истории отношений между Китаем и Западом, т. I, ч. 2. Пекин, 1930, стр. 103—113 (на кит. яз.).

дет через Хами, Баркуль, территорию племен толов, резиденцию кагана тюрков, реку Вэй-лю, Константинополь к Средиземному морю. Средний путь ведет через Турфан, Карашар, Кучу, Кашгар, Памир, Фергану, Сутрушану (Усрушану), Самарканд, Кешбуд, Кушанию, Бухару, Мерв, Персию (Иран) к Средиземному морю. Южный путь ведет через Чарклык, Хотан, Каргалык, Ташкурган (в Синьцзяне), Памир, Варкхан, Тохаристан, Эфталитов, Бамиан, Газни, Северо-Западную Индию к Средиземному морю»⁷.

Торговые пути между Китаем и Византией.

- 1 — Дуньхуан; 2 — Хами; 3 — Баркуль; 4 — Турфан; 5 — Карашар; 6 — Куча; 7 — Кашгар; 8 — Фергана; 9 — Сутрушана; 10 — Самарканд; 11 — Кешбуд; 12 — Кушания; 13 — Бухара; 14 — Мерв; 15 — Чарклык; 16 — Хотан; 17 — Каргалык; 18 — Ташкурган; 19 — Варкхан; 20 — Тохаристан; 21 — Эфталиты; 22 — Бамиан; 23 — Газни

Именно по западному участку северного пути посланец Византийской империи ехал в резиденцию кагана тюрков. Средний и южный пути через Средиземное море также ведут к Константинополю. Византийская империя упоминается также в «Описании Ирана» и «Описании племен толов»⁸; в первом из этих описаний даже точно определяется ее местонахождение — в 2250 км к северо-западу от Ирана.

Пэй Цзюй в 605—606 гг. ведал в городе Чжан-и (Ганьчжоу, провинция Ганьсу) торговлей с западными странами. Свой «Атлас западных стран» он составил на основе сведений, сообщенных ему торговцами. Сам «Атлас» до нас не дошел, однако предисловие к нему дает известное представление об отношениях Китая с западными странами. На основе сведений Биографии Пэй Цзюя и других источников⁹ мы составили карту торговых путей между Китаем и Византией в период династии Суй.

При Танской династии китайско-византийские отношения оживились. И в Новой, и в Старой хрониках династии Тан имеются описания Византийской империи, дающие более подробные и четкие сведения об этой стране,

⁷ «Хроника династии Суй», т. LXVII. Пекин, 1958, стр. 11.

⁸ Там же, т. LXXXIV.

⁹ Мы пользовались главным образом кн.: Ч ж а н С и н - л а н. Указ. соч.

чем более ранние по времени источники. В это время между Танской империей и Византией установились дипломатические отношения, оба государства обменялись послами¹⁰. В Китай ввозились некоторые византийские товары¹¹. Но это относится к более позднему периоду, выходящему за рамки настоящей статьи, поэтому мы не будем на этом останавливаться.

Таким образом, византийские монеты попадали в Китай в результате торговых отношений между обеими странами. Очевидно, эти монеты имели хождение внутри Китая. В «Описании пицци и монет» «Хроники династии Суй» говорится, что при династии Северной Чжоу (557—580) «в губерниях, расположенных к западу от Хуанхэ, иногда употребляются золотые и серебряные монеты западных стран, что не запрещается правительством»¹².

Кувабара Дидзо (1870—1931) считал, что это — результат пребывания и торговой деятельности в этих областях иностранных купцов. «Так

Рис. 2. Золотое подражание монете византийского императора Ираклия, найденное в могиле раннего периода династии Тан

как иранцы очень рано стали употреблять золотые и серебряные монеты¹³, — писал он, — эти монеты могли быть иранскими. Однако египтянин Косьма, живший в середине VI в., т. е. примерно во времена династии Северной Чжоу, писал, что в его время римские монеты употребляли в торговле все страны любой части мира, от Китая на востоке до Рима на западе¹⁴. На основании этого свидетельства правильнее считать эти монеты римскими»¹⁵.

Однако это утверждение Косьмы во многом является ошибочным. Д. Кувабара смешивал золотые и серебряные монеты. Между тем до возникновения Арабского халифата в качестве международных монет в Передней Азии обращались римские золотые и иранские серебряные монеты. Цари из династии Сасанидов чеканили много серебряной монеты, но редко чеканили золотую. Поэтому арабы в VII в. подражали византийским золотым и медным и сасанидским серебряным монетам. И напротив, не существует арабских серебряных монет византийского и золотых монет сасанидского типов¹⁶. Это подтверждается также находками в Средней Азии. Среди раскопанных могил в Астане Турфана, относящихся к VI—VII вв., в могиле № 1.3 были найдены две сасанидские серебряные монеты — Хосрой I (531—579) и Хормизда IV (579—580) — и византийская золотая монета Юстиниана I (527—565), в могиле № V.2 — сасанидская серебряная

¹⁰ Там же, стр. 157—168.

¹¹ Ц и С и - х э. Китайско-византийские отношения. Шанхай, 1956, стр. 26—32 (на кит. яз.).

¹² «Хроника династии Суй», т. XXIV, стр. 21.

¹³ F. Spiegel. Iranische Alterthumskunde, Bd. III. Leipzig, S. 661—662.

¹⁴ «Christian Topography», p. 73.

¹⁵ «Сборник статей по истории цивилизации Восточной Азии», 1934, стр. 343, 344.

¹⁶ J. Walker. A Catalogue of the Muhammadan Coins in the British Museum, vol. II. London, 1956, p. XV.

монета. В могилах № I.5 и I.6 были найдены две золотые монеты византийского типа — подражание монетам Юстиниана. Последние не являются монетами в строгом смысле слова, а представляют собой брактеаты, т. е. тонкие пластинки металла с оттиснутым на них изображением монеты¹⁷.

После освобождения Китая в 1949 г. сасанидские серебряные монеты были найдены в городах Турфан (провинция Синьцзян), Синин (провинция Цинхай), Сиань (провинция Шэньси), Тайюань (провинция Шаньси), Шаньсянь (провинция Хэнань)¹⁸. Совсем недавно в могиле раннего периода династии Тан (вторая половина VII в.) в деревне Тумэньцзунь было найдено одно подражание золотой монете византийского императора Ираклия (610—641), вероятно среднеазиатского происхождения (см. рис. 2). Но нигде среди находок не было обнаружено сасанидских золотых или византийских серебряных монет.

Из этого следует, что иностранные золотые и серебряные монеты, употреблявшиеся в западных губерниях в период Северной Чжоуской династии, могли быть византийскими золотыми и сасанидскими серебряными монетами. Среди них могли быть, конечно, и монеты других западных стран. Во время археологической экспедиции 1945 г. в «коридоре Ганьсу» (к западу от р. Хуанхэ) автор данной статьи обследовал площадку в городе Увэй (Лянчжоу), где был найден надмогильный памятник жителя Самарканда Кан О-да. Местные жители сообщили, что там же была найдена золотая монета, которая в настоящее время утрачена. Нам не известно происхождение этой монеты, однако ясно, что в губернии к западу от Хуанхэ приезжало и торговало много иностранных купцов, которые ввозили туда монеты западных стран. В период династии Северной Чжоу западные монеты даже находились в обращении.

Находка золотой византийской монеты в могиле Дугу Ло служит еще одним доказательством китайско-византийских экономических связей.

¹⁷ A. Stein. *Innermost Asia*, vol. II. Oxford, 1921, p. 646—648, 995, pl. CXX, 15—19. См. также А. М. Б е л е н и ц к и й. Археологические заметки. I. К вопросу о брактеатах Средней Азии. «Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР», 14, 1957, стр. 6—7.

¹⁸ С я Н а й. Последние находки серебряных монет сасанидского Ирана в Китае. «Каогу-Сюэбао», 1957, № 2; е г о ж е. Серебряные монеты сасанидского Ирана, найденные в городе Синине провинции Цинхай. Там же, 1958, № 1; е г о ж е. Сведения о сасанидских монетах, найденных в могиле периода династии Тан близ города Тайюань и в могиле периода династии Суй близ города Сиань. Там же, 1959, № 9, стр. 475, 476. Сведения о большом числе монет, найденных недавно в уезде Улугчат (близ Памира) провинции Синьцзян, см. там же, 1959, № 9, стр. 482—483.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Крестовые походы, как одно из выдающихся событий средневековой истории, издавна привлекали внимание русских историков. Интерес к этой теме вызывался в разное время и у разных ученых неодинаковыми причинами. Однако его возникновение и сохранение на протяжении более или менее длительных отрезков времени в конечном счете обуславливались факторами идейно-политического порядка и находились в теснейшей связи с внутренней и, особенно, внешней политикой российского самодержавия.

В настоящем обзоре автор ставит перед собой задачу проанализировать в хронологическом порядке работы русских ученых XIX в. по истории крестовых походов, выявить то ценное, что они дали в этой области истории средних веков, и в то же время оттенить их слабые стороны и недостатки, показав связь того и другого с развитием общественно-политической мысли, в частности с политическими тенденциями, в значительной степени обуславливавшими эволюцию историографии крестовых походов.

* * *

Впервые интерес к истории крестовых походов средневековья возник в России в начале 20-х годов XIX в. Непосредственным выражением этого было издание в переводе на русский язык классической по тем временам многотомной монографии романтика Ж. Ф. Мишо «История крестовых походов». О причинах, обусловивших появление этого труда на русской почве, ясно свидетельствует вводная статья автора русского перевода И. Бутовского — «Сравнение крестовых походов среднего века с священной бранью текущего столетия»¹. Бутовский решил сопоставить крестовые походы XI—XIII вв. и войны коалиции европейских держав против империи Наполеона I. Переводчик уподоблял эту, как он называл ее, «священную брань текущего столетия» крестовым походам «среднего века» и противопоставлял обе группы событий. Будучи убежденным монархистом и реакционером², Бутовский проводил свою совершенно антиисторическую параллель единственно для того, чтобы прославить Александра I, представив его в духе официальной русской историографии начала XIX столетия как великого, «бедами непобедимого» монарха, избавившего народы Европы от «постыдного ига на-

¹ См. История крестовых походов. Сочинение Ж. Мишо, члена Академии Французской. С географической картою Малой Азии, планами Антиохии и Иерусалима. Перевел Иван Бутовский. Часть первая, содержащая в себе повествование Первого крестового похода. СПб., 1822, стр. 1—XXXIX.

² Французскую революцию он определял как «ужаснейшее скопище неистовств, кои унижают и посрамляют человечество» (там же, стр. XII), взятие Парижа союзными войсками в 1814 г. и восстановление на французском престоле Бурбонов с явным торжеством называл «решительным и смертельным ударом Французской революции — сему свирепому чудовищу, в продолжении двадцати пяти лет изливавшему яд свой на всю Европу» (там же, стр. XIX), а в основании Священного союза видел «драгоценный памятник высокого праводушия и царственных доблестей трех монархов, одинаково одушевляемых любовью к общему благу и к человечеству» (там же, стр. XXVIII).

полеоновской Франции»³. Венцом льстивого и напыщенного панегирика «августейшему вождю царей» в статье Бутовского было сравнение российского самодержца и его царственных союзников по войне с Наполеоном I — государей Пруссии, Австрии и прочих — со средневековыми крестоносцами. Автор именовал своих коронованных героев «высокими поборниками креста» и «новыми крестоносцами»⁴ и писал, что «отчизна Петра Великого восстала и двинулась за царя и за церковь»⁵. Прибегая к такого рода сравнениям, прикрывавшим реакционные цели внешней политики самодержавия и Священного союза, Бутовский исходил из само собой разумевшегося представления о крестовых походах средневековья как о религиозных по своим непосредственным причинам и задачам войнах: «Предмет, или, лучше, предлог крестовых походов, — писал он, — был, конечно, важный и священный, — отражение гроба господня из рук иноверцев, распространение христианства и просвещение в той стране, которая была колыбелью нашей веры»⁶. Великая «брань текущего столетия», завершившаяся победой благодаря «благоразумию и твердости венценосных предводителей» Севера, и прежде всего Александра I, «первого виновника сего спасительного избавления», эта брань, по мысли автора, тоже была предпринята исключительно ради высоких целей: «вожди новых крестоносцев» боролись «за церковь и законные престолы»⁷. Сравнивая далее задачи, характер и результаты крестовых походов и недавно закончившейся «священной войны» с Наполеоном I, Бутовский приходил к выводам, в которых отдавал полное и явное предпочтение «брани текущего столетия». Она со всех точек зрения, полагал он, выгодно отличается от крестовых походов. У средневековых крестоносцев «к великой цели присоединилось множество посторонних намерений, и притом таких, кои были совершенно чужды для блага веры»⁸, тогда как, оказывается, «Александр, вооружая россиян на священную брань, был чужд всякого завоевания»: предметом его попечений было «одно только спокойствие Европы, одно благоденствие самой Франции»⁹. И тогда, и теперь, заявляет Бутовский, «народы воспринимали оружие за угнетенное человечество в странах, от них отдаленных»; но одни, рыцари-крестоносцы, «по мере успехов оружия возмечтали о распространении владычества своего», а другие, современные крестоносцы, совершали свои подвиги только во имя спасения народов. Там «распри полководцев и не весьма строгие нравы рыцарей подавали нередко соблазнительный пример для воинства; здесь дружба и единодушие торжественно являлись в поступках каждого, и в лице Александра видели новые крестоносцы высочайший образец всех воинских и гражданских добродетелей. Те и другие названы освободителями народов; но какое различие в образе сего освобождения! Франки беспрепятственно предавались грабительству и насилиям всякого рода, и поступки их едва ли могли быть извиняемы духом того времени. Россияне, напротив, спокойные и кроткие в победоносных походах своих, были скорее возжеланными гостями, нежели отяготительными пришельцами для французов. . .»¹⁰. В таком же панегирическом по отношению к царю и его деяниям плане автор сравнивает и последствия священных войн средневековых и новых крестоносцев. Он отдает должное «победам Годфреда», которые, по его мнению, «содействовали расширению промышленности, торговле, возрождению наук»¹¹. Но гораздо более важны, подчеркивается в статье, победы, достигнутые в «новой священной брани»: они не только «оживили стесненную на твердой земле торговлю уничтожением континентальной системы, ободрили и дали новое движение просвещению», но и — что еще более существенно, по мнению Бутовского, — возвратили «народам гражданскую свободу, державам самостоятельность, государям престолы». В результате победоносных подвигов «новых крестоносцев» «низложен враг общего спокойствия; ослепленные победами франки снова покорены законному правлению Бурбонов; вера и благочестие возвратились с прежнею силою у народов, дотоле попиравших оны»¹².

Итоговый вывод всех этих рассуждений сводится к тому, что если средневековые брани за веру «вознесли Европу на степеня счастья», если тогда «влияние веры Иисуса Христа» привело к действиям «разительным и чудесным», доставившим Европе «сущест-

³ Там же, стр. XVI.

⁴ И. Бутовский и др. Указ. соч., стр. XVIII, XIX, XXIII.

⁵ Там же, стр. XVII, XIX, XX, XXI, XXVIII, XXIX.

⁶ Там же, стр. XX; ср. стр. XXVII—XXVIII: «Первые крестовые походы имели высочайшую и единственную в духе христианства цель: освобождение гроба господня, освобождение града, где родился, жил и совершил подвиг искупления нашего божественный основатель Веры Христианской».

⁷ Там же, стр. XXIII.

⁸ Там же, стр. XX.

⁹ Там же, стр. XXI.

¹⁰ Там же, стр. XXIII—XXIV.

¹¹ Там же, стр. XXIV—XXV.

¹² Там же, стр. XXV, XXVIII.

венное преимущество пред прочими частями мира», то священные брани текущего столетия «довершили ее блаженство»¹³.

Как видно из статьи Бутовского, идея издания сочинения Мишо была подсказана переводчику в первую очередь, если не исключительно, политико-пропагандистскими соображениями: ознакомление русского читателя с историей крестовых походов XI—XIII вв. должно было, по замыслу Бутовского, явиться своеобразным идеологическим средством укрепления ортодоксально-религиозных и главным образом верноподданных настроений «россиян» в эпоху Священного союза и удущения им еврейских революций. Конечно, труд Мишо, в большой мере проникнутый реакционными настроениями, вполне мог служить этим целям.

Опубликование в русском переводе монографии Мишо преследовало вместе с тем и еще одну важную политико-пропагандистскую цель: возвеличить войны, предпринимавшиеся под знаменем креста не столько в отдаленные времена, сколько совсем недавно, проложить путь к идейно-политическому оправданию предстоявших новых, столь же «священных», предприятий, замышлявшихся тогда в российских верхах, — теперь уже на Юге Европы и на Ближнем Востоке¹⁴. Дважды упоминает Бутовский в своей статье о странах, еще и «по сию пору пораженных горестию и поруганных величайшими злодеяниями Мусульманина»¹⁵. Сперва, рассуждая о величии Европы, якобы обретенном ею в результате «священной брани» и распространения повсюду евангельской веры, он пишет, что теперь этот «исполин евангелия», Европа, «обязанная всем вере своей, со смирением преклоняет чело пред одним лишь всемогущим и не содрогается более при виде *Варвара, кораном и мечом вооруженного*» (курсив Бутовского. — М. З.)¹⁶. С большей определенностью автор возвращается к этому вопросу несколько далее, ханжески-патетически распространяясь о печальной участи Балканского полуострова, еще ожидающего «единоверных освободителей», о «горестных столах несчастных еллинов» и т. п.: «Душа османов расвирепела и злодействует ужаснее самой моровой язвы; они льют кровь как воду; кривые сабли чалмоносцев косят потомство *Великих* (т. е. греков; курсив автора. — М. З.), и палящее той страны солнце уже не успевает осушать точащейся крови христиан. Пески Фракии и Эллады превратились в червленую топь; поля багряют там истерзанными трупами греков; головы их падают, подобно осеннему листу, и вопли несчастных, слившись с ревом их палатей, приводят в содрогание и самую природу. Но крест торжествовал не в последний раз. . . Прейдут казни, и гордые оплоты Оттоманов навсегда погрязнут в пролитой ими крови»¹⁷.

В этих словах звучит недвусмысленный, хотя и скрытый, призыв к войне против Турецкой империи. «Освободительные» планы, с которыми, как известно, просился Александр I уже во время Венского конгресса и в ближайшие после него годы, замышляя, по словам А. Дебидура, «крестовый поход против турок»¹⁸, заранее оправдывались в статье Бутовского религиозными мотивами. Таким образом, публикация монографии Мишо с добавлением оригинального толкования крестовых походов, сделанного в соответствии с политическими целями царизма, в конечном итоге предназначалась и для разжигания враждебных настроений в отношении Турецкой империи, для идеологической подготовки новых антитурецких войн, затевавшихся под лозунгами освобождения единоверцев от ига «чалмоносцев».

Еще до того как было завершено русское издание монографии Мишо, в 1835 г. вышел из печати первый труд по крестовым походам, принадлежавший отечественному историку. Это была книга известного автора *гимназических учебников, писателя-самоучки* Ивана Давыдовича (Даниловича?) Ертова «История крестовых походов для освобождения Иерусалима и Святой земли из рук неверных»¹⁹. Довольно пухлое по объему (около 400 страниц) сочинение Ертова, однако, было лишено в сущности всякого самостоятельного научного значения. Содержание его, а сплошь да рядом и самый текст были почти целиком заимствованы из уже упомянутого перевода монографии Ж. Ф. Мишо. Автор дал себе лишь труд несколько сократить произведение французского историка, оставив без каких-нибудь серьезных изменений как данное им изложение фактического материала, так и его общую концепцию истории крестовых

¹³ Там же, стр. XXVIII—XXX.

¹⁴ Небезынтересно, что свой перевод Бутовский посвятил одному из видных представителей высшей военно-дворянской знати, — генералу А. П. Ермолову, а печаталась книга в типографии «Главного штаба его императорского величества».

¹⁵ И. Бутовский. Указ. соч., стр. XXXIII.

¹⁶ Там же, стр. XXXI.

¹⁷ Там же, стр. XXXVII—XXXIX.

¹⁸ См. Э. Лависси и А. Рамбо. История XIX века, т. 3. М., 1938, стр. 169.

¹⁹ Полное название книги таково: «История крестовых походов для освобождения Иерусалима и Святой земли из рук неверных, выбранная из Всеобщей истории Ивана Ертова». СПб., 1835.

походов²⁰. В свете сказанного работа Ертова, являвшаяся простой компиляцией, может представлять для исследователя преимущественно антикварный интерес.

Знаменательно, однако, что независимо от весьма малой степени самобытности труда Ертова и крайне незначительной глубины его проникновения в историю мотивы написания этой работы и некоторые свойственные ей тенденции отнюдь не были порождены авторской прихотью. Ертов происходил из буржуазной семьи: его брат М. Д. Ертов был состоятельным петербургским купцом, удостоенным за свои услуги властям предержащим высоких званий и наград²¹. Сам историк принадлежал к той категории консервативных по убеждениям российских ученых николаевской эпохи, которые верой и правдой служили царизму. Недаром В. Г. Белинский в свое время с едким сарказмом отзывался об учебных пособиях по всеобщей истории, составлявшихся авторами этого рода. Белинский называл эти руководства безобразными и бессмысленными компиляциями²², осмеивал косность взглядов их составителей, узость их исторического кругозора, а равно и верноподданническую тенденциозность писаний, поставившихся ими для нужд просвещения подрастающего поколения в духе «самодержавия, православия и народности»²³. Среди авторов подобных книг великий критик отмечал и Ертова, правда, смягчая обычную реакость в оценках ввиду несколько своеобразного положения Ертова, как человека недостаточно образованного²⁴.

Все перечисленные нами обстоятельства явственно сказались на рассматриваемой работе И. Ертова. Она предназначалась, по собственным словам историка, и для простых читателей, и для людей «более образованных». У первых автор собирался «возбудить любопытство», вторым же намеревался «доставить сведения о состоянии Иерусалима и Палестины во времена прошедшие»²⁵. Эти намерения Ертова безусловно стояли в определенной связи с политическими устремлениями самодержавия на Ближнем Востоке, отчетливо проявившимися уже в первое десятилетие царствования Николая I (Аккерманский договор с Портой 1826 г., русско-турецкая война 1828—1829 гг., Адрианопольский трактат 1829 г., высадка десантного корпуса на берегах Босфора, Ункиар-Искелесский договор с Портой 1833 г. и т. п.), с одной стороны, и с охранительной внутренней политикой самодержавия, покоившейся на пресловутой трехчленной формуле, — с другой. Стремление Ертова нарисовать историю крестовых походов, хотя бы в виде сокращенного и слегка измененного варианта Мишо, приспособленного для просветительно-пропагандистских целей официальных кругов России, было подсказано теми же соображениями, которые вызвали тогда к жизни сочинения, вроде анонимного «Путешествия ко Святым местам» (1830) и подобной ему православно-ортодоксальной литературы. Такие сочинения открыто преследовали цель — и Ертов не напрасно с похвалой отзывается о «Путешествии», называя его «совершенным и назидательно написанным», — в возможно более трогательных тонах изобразить, «в каком виде находится сия несчастная страна (Палестина. — М. З.) в наше время»²⁶, и таким образом дать в руки пропагандистского аппарата царизма убедительные аргументы в пользу его агрессивной политики на европейском Юго-Востоке и на Ближнем Востоке,

²⁰ О методах переработки произведения Мишо, примененных Ертовым, дает достаточное представление он сам в «Предуведомлении» к своей книге: «Сведения читатели заметят, что мое сокращение (sic! — М. З.) Истории крестовых походов (речь идет о книге Мишо. — М. З.), особенно первая глава и почти вся первая часть, извлечено из перевода г. Бутовского. Такое присвоение чужого труда (sic! — М. З.), несмотря на все сокращения, изменения и дополнения, давшие совершенно иной вид целому творению, может почесться непозволенным. И хотя немного стоило бы мне труда сделать другой перевод занятым из Мишо происшествиям или переменить слог в русском переводе, отбросив некоторые славянские выражения, и таким образом устранить от себя всякие нарекания, но я лучше соглашусь признаться в займе (sic! — М. З.), нежели уклоняться от оною какими бы ни было изворотами» (И. Ертов. Указ. соч., стр. VII—VIII).

²¹ Свою книгу И. Ертов и посвятил этому брату — «С.-Петербургскому 1-й гильдии купцу, почетному гражданину и кавалеру», на средства которого она, по-видимому, была напечатана, о чем автор намеком упомянул в посвящении («в изъявление благодарности за оказанное благодеяние»).

²² В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. V. М., 1954, стр. 491.

²³ См. в кн.: С. А. Асиновская. Из истории передовых идей в русской медиевистике (Т. Н. Грановский). М., 1955, стр. 32—34.

²⁴ В одном из отзывов на работы Ертова по всеобщей истории Белинский указывал, что они «писаны человеком неученым, чуждым даже литературного образования. Их язык неправилен, воззрения довольно ограниченны» (В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. V, стр. 487). Эта оценка с известными уточнениями может быть отнесена и к его «Истории крестовых походов».

²⁵ И. Ертов. Указ. соч., стр. VII.

²⁶ Там же.

иначе говоря, обеспечить прикрытие этой политики высшими побуждениями — ссылками на притеснение христиан магометанами и пр.

Ертов ставил перед собой задачу, аналогичные указанной. Своей историей крестовых походов он стремился обосновать ближневосточную политику самодержавия, подведя под нее определенную историко-философскую базу. Вместе с тем мотивы, продиктовавшие историку его труд, были обусловлены желанием этого преданнейшего сына православной церкви утвердить историческими доводами ее морально-политические позиции в качестве служанки российского самодержавия, всецело освящавшей его внутреннюю и внешнюю политику. В особенности важно было, с точки зрения Ертова, показав читателю давность и силу борьбы христиан с «неверными» за обладание святыми местами, установить, каким образом и почему именно Запад потерпел неудачу в этой борьбе в момент ее наибольшего напряжения, т. е. в эпоху крестовых походов. Монография Мишо, проникнутая церковными и монархическими тенденциями, в общем подходила для этих целей: достаточно было лишь немного «перекрыть» и несколько сжать содержавшийся в ней фактический материал, приспособив его к потребностям и уровню русского читателя. Это оказалось делом не очень сложным²⁷.

Нетрудно было придать и нужные оттенки ее концепции. Резюмируя изложение истории Первого крестового похода, Ертов, основываясь на соответствующих рассуждениях Мишо, пишет: «Хотя сей поход заслужил от многих писателей порицание, но надобно согласиться, что оный более делает чести роду человеческому, нежели другие великие предприятия, которым мы удивляемся в истории народов. . . По крайней мере завоевания Кира, Александра, римлян, Аттилы и всех прошедших завоевателей, которых мы знаем по истории, . . . основываются по большей части на личном своекорыстии и властолюбии и на угнетении народов, ни в чем не виновных перед ними; напротив того, главнейшее побуждение к крестовому походу состояло в благочестии и в освобождении угнетенных христиан и града господня из рук неверных»²⁸. В другом месте своего труда, подводя итоги повествованию о судьбах Иерусалимского царства и его падении в 1187 г., Ертов высказывает уже своеобразное осуждение крестовых походов, но, разумеется, с «истинно православной» точки зрения: «Нужно ли было, — вопрошает он, — усердие христиан в завоевании Святого града, когда и весь мир создан единым словом всесотворившего?» И отвечает: «Истинная обязанность человека состоит в укрощении внутреннего врага, страстей наших, и в подчинении их власти духовной, чему ясный пример видим в страданиях нашего Спасителя»; крестоносцы же, «неверно понимая сие божественное правило и не изгоняя внутреннего врага из сердца, понесли в Палестину удовлетворять любимой страсти своей к сражению. Но как сия страсть, так и все, вменявшееся в крестовые походы, были против чистой христианской нравственности, то и не удивительно, что всевышний творец не изъявил особенного благоволения своего на дела крестоносцев, и предоставил предприятия их обыкновенному течению дел человеческих»²⁹.

Главная мысль автора пробивается сквозь толщу всех этих наставительных словесных хитросплетений довольно явственно: священные войны западных крестоносцев не были богоугодным делом, ибо участниками их руководили неукротенные страсти, чуждые «чистой христианской нравственности»; именно поэтому Иерусалимское царство досталось в конце концов врагам христовой веры. Мораль из этого рассуждения напрашивалась сама собой, хотя у Ертова и хватило такта не формулировать ее в обнаженном виде. Мораль эта, вытекающая из всего контекста его квазифилософских, подернутых мистической дымкой умствований, выглядела бы, скорее всего, так: если не западным крестоносцам, слишком охваченным низменными человеческими страстями, то кому же суждено в будущем утвердить христианство в его колыбели? Конечно, тем историческим силам, которые действуют в соответствии с принципами «чистой христианской нравственности», т. е., разумеется, православной церкви и ее союзнику — самодержцу российскому.

Верноподданническое и ортодоксально-православное осуждение крестоносной эпопеи с еще большей четкостью выступает в обобщающих рассуждениях Ертова, завершающих книгу. Отметив, что все надежды практического порядка, возлагавшиеся западными христианами на крестовые походы, «на деле почти не исполнились», Ертов следующим образом объясняет это обстоятельство: «Обманутые надежды на безусловную помощь божию доказали крестоносцам. . . , что они имеют ошибочное представление о вере и что все подобные предприятия должны располагаться на лучших, верней-

²⁷ Сокращая текст Мишо, Ертов постоянно оговаривался: «Мы умолчим о многих подробностях, незанимательных для русских читателей» (указ. соч., стр. 73); «мы умолчим о частных завоеваниях крестоносцев в Сирии и о соглашениях их с некоторыми эмирами» (там же, стр. 97); «мы умолчим о тех неважных внутренних и внешних делах, которые остались без последствий» (там же, стр. 173) и т. п.

²⁸ И. Е р т о в. Указ. соч., стр. 132—133; ср. М и ш о. Указ. соч., стр. 598—603.

²⁹ И. Е р т о в. Указ. соч., стр. 276; ср. М и ш о. Указ. соч., ч. 1, стр. 14.

ших правилах». Таков, собственно, по Ертову, один из основных уроков крестовых походов. Хотя западные христиане и проявили в них великое «усердие к делу божьему», оно было, однако, ошибочным по своим корням, а потому привело к неудаче всех крестоносных предприятий³⁰.

Таким образом, первое сочинение о крестовых походах, вышедшее из-под пера русского историка, не отличалось ни самостоятельностью, ни глубиной суждений. Будучи в основном переложением труда Мишо, вернее, вариантом той его части, которая была переведена на русский язык за 13 лет до этого, оно явилось лишь своеобразным, впрочем, довольно бледным, отражением известных политико-пропагандистских тенденций официальной России середины 30-х годов XIX в., политическим целям которой это сочинение и предназначено было содействовать.

История крестовых походов продолжала привлекать внимание отечественных историков и в 40-х годах. В 1845 г. была опубликована «Краткая история крестовых походов»³¹ — перевод одноименного немецкого издания (без автора), напечатанного в известной популярно-исторической серии Ф. фон Раумера «Всеобщая историческая карманная библиотека» в начале 30-х годов. Автором этого перевода был протоиерей Ф. Ф. Сидонский³², бывший преподаватель богословия и философии Петербургской духовной академии, отстраненный от этой должности за вольномыслие. Издавая книгу, как он сам писал в «Преуведомлении» к ней, переводчик исходил из того, что «обширное творение г. Мишо... по самой уже обширности своей не всякому может быть доступно». Кроме того, он учитывал скудость отечественной литературы по крестовым походам. Книга, по замыслу Сидонского, предназначалась в качестве пособия для «юных читателей»: по его собственным словам, он стремился «труд сей сделать сколько можно более полезным отечественному юношеству»³³. На самом деле и по своему объему (360 страниц), и, главное, по содержанию «Краткая история крестовых походов» выходила далеко за рамки пособия, призванного служить лишь дополнительным чтением для подрастающего поколения. Поскольку книга в основе своей является переводной, здесь не место для ее разбора по существу. Однако в плане изучения отечественной историографии крестовых походов в работе Сидонского заслуживают быть отмеченными по крайней мере два момента: а) выбор сочинения для перевода и б) способ его обработки.

Что касается выбора оригинала, то эта книга принадлежала перу безымянного немецкого историка протестантского толка. Относительно же характера работы, выполненной Сидонским, надо заметить, что эта книга была им не только переведена, но и подвергнута о новательной дополнительной обработке. Принимая в расчет, с одной стороны, что он «имел пред собою труд, не тесно связанный с именем автора», а с другой, что «в разработке истории крестовых походов в новейшее время, особенно на немецком языке, исследования значительно подвинулись вперед», Сидонский осуществил по сути дела авторизованный перевод. Он «не отличил исправлений своих от повествования подлинника» и включил в текст последнего соображения («пояснения»), почерпнутые, как указывает сам Сидонский, из других сочинений немецких историков («переводчик почел себя вправе и даже обязанным воспользоваться некоторыми из сих пояснений и принял оныя в текст»)³⁴.

Сопоставление перевода с оригиналом и с теми трудами немецких историков, перечень которых приведен в приложении к книге³⁵, показывает вместе с тем, что, во-первых, не все из них были использованы Сидонским: определенно можно сказать, например, что он не был знаком с исследованием Г. Зибеля «История Первого крестового похода» (1841), хотя оно и фигурирует в указанном перечне. Во-вторых, не исключено, что переводчик дополнил «пояснения», заимствованные из других работ по крестовым походам (Шпальдинга, Геерена³⁶, Вильхена³⁷), своими собственными соображениями: это отнесется прежде всего к оценкам различных событий крестовых походов,

³⁰ И. Е р т о в. Указ. соч., стр. 374—375.

³¹ «Краткая история крестовых походов». Перев. с нем. СПб., 1845.

³² Он подготовил свой труд, видимо, еще в конце 30-х годов, но не отдал его печатать, поскольку в то время профессором Московского университета М. П. Погодиным стало осуществляться издание всего раумеровского собрания («Карманная историческая библиотека»). Когда выяснилось, что Погодин не намерен доводить до конца задуманное предприятие, Сидонский опубликовал свой перевод отдельно, спустя уже несколько лет после его выполнения. См. об этом В. Г. Б е л и ц к и й. Полное собр. соч., т. IX, стр. 56—57.

³³ «Краткая история крестовых походов», стр. VI.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 357.

³⁶ S p a l d i n g. Geschichte Königreichs Jerusalem. Berlin, 1803; A. H. L. H e e r e n. Versuch einer Entwicklung der Folgen der Kreuzzüge für Europa. «Vermischte historische Schriften», Bd. II. Göttingen, 1821.

³⁷ F. W i l k e n. Geschichte der Kreuzzüge, 7. Bd-e. Berlin, 1807—1832.

к характеристике их причин и следствий, подчас не совпадающим ни с текстом оригинала, ни с текстом трудов указанных авторов. «Краткая история крестовых походов» в какой-то мере, надо полагать, отражала и собственные воззрения Сидонского, и может, следовательно, рассматриваться местами как самостоятельное произведение русского автора, — разумеется, с большими ограничениями.

Во всяком случае для идейной направленности работы Сидонского показательно, что его «Краткая история», в отличие от трудов прокатолических авторов, была сплошь да рядом окрашена в весьма реалистические тона, в результате чего изложение событий крестовых походов значительно отличалось в ней как от церковно-монархической в своей основе компиляции Ертова, так и от ее проникнутого апологетическими тенденциями оригинала, т. е. от тех книг, по которым средний русский читатель до того времени только и был знаком с историей крестовых походов.

Следуя построениям протестантской историографии, Сидонский считал крестовые походы политическим, а не религиозным предприятием. Он видел в них порождение преимущественно хитрой и своекорыстной политики римских пап: для них «эти войны, которые привыкли именовать (sic! — М. З.) священными»³⁸, служили, по его мнению, лишь средством отделаться от многих государей, опасных папскому «самовластью», иначе говоря, средством к увеличению влияния, силы и преобладания апостольского престола над светской властью³⁹. В противоположность другим книгам на данную тему, известным к тому времени русскому читателю, «Краткая история» нисколько не идеализировала крестоносцев: она рисовала облик этих хищных захватчиков с крестом на плече в достаточно неприглядном виде. Сидонский не стеснялся в резких эпитетах по отношению к рыцарям («тупоумные вассалы этих тупоумных баронов»⁴⁰), обличал «корыстолюбие, высокомерие и жадность большей части предводителей бесчестными поступками»⁴¹. Определяя характер крестовых походов, Сидонский прямо писал: «Можно смело протестовать против мнения, что крестовые походы были свободным делом одного религиозного одушевления европейцев и что этим необдуманным предприятиям можно усвоить характер дела богоизволенного»⁴².

Новый оттенок вносил Сидонский и в трактовку вопроса о последствиях крестовых походов. Если консервативные романтики (католики и протестанты в равной мере) приписывали им различные улучшения в последующей жизни европейского общества, рассматривая самые походы либо как религиозные войны, либо как папские предприятия, то Сидонскому те же положительные, в его понимании, последствия крестовых походов в самой своей основе рисовались по-иному. Он ставил проблему на философский фундамент и прилагал к данному конкретному историческому явлению диалектическую меру — принцип единства и борьбы противоположных начал в истории, истолковывая его, конечно, идеалистически. Свою точку зрения на последствия крестовых походов Сидонский формулировал в следующих, может быть, несколько наивных, но четких по своей диалектической сущности выражениях, заключающих его «Размышления о крестовых походах», которыми заканчивается книга: «Тогда как взор философа раздражается и око его слезит при взгляде на картину ненависти и бесчеловечия, какие представляются в крестовых походах; тогда как он проклинает эту жестокосердую политику и непреклонное честолюбие, которые цвет европейских народов поставили под меч турок, его душа снова утешается созерцанием времен, последовавших за крестовыми походами. Он не может не порадоваться тому добру, которое возникло из сего самого избытка зла»⁴³. Допуская известную переоценку исторического значения крестовых походов, Сидонский не заходил так далеко, как некоторые западно-европейские исследователи, например Шуазель д'Айкур или Геерен. Правда, и Сидонский считал, что в результате этого движения «дух свободы приобрел большие победы над феодальным порядком», произошло освобождение городов в Италии, Франции, Германии, а «в Испании собрание кортесов составляет образчик представительного уложения позднейшего времени»⁴⁴ и т. д. Но он не сбрасывал со счета и другие, внутренние факторы, «которые содействовали этому всеобщему усовершенствованию гражданского состояния в Европе». Более того, Сидонский даже склонялся к мысли, что «деятельность... которая овладела городами Запада, могла бы произвести те же следствия, хотя бы не было крестовых походов»⁴⁵, — тезис, который по сути дела в какой-то степени подрывал преувеличенное представление о значении крестоносного движения. Наконец, рассматривая явления, представлявшиеся ему последствиями крестовых походов, главным образом «развитие человеческого духа», освобождение

³⁸ «Краткая история крестовых походов», стр. 354.

³⁹ Там же, стр. 13 сл., 20 сл., 27, 331—332 и др.

⁴⁰ Там же, стр. 35.

⁴¹ Там же, стр. 56—57.

⁴² Там же, стр. 331—332.

⁴³ Там же, стр. 354—355.

⁴⁴ Там же, стр. 349.

⁴⁵ Там же, стр. 354.

народов от «невежества и суеверия, которые воспящают всему доброму»⁴⁶, и пр., Сидонский дал несколько необычную для своего времени оценку роли духовенства в этих сдвигах в жизни средневекового Запада. Он решительно отвергал распространённое в литературе представление о церкви как хранительнице и ревнительнице просвещения в средние века⁴⁷. В противоположность этому мнению, Сидонский отстаивал мысль, что аббаты и монахи были скорее душителями культуры, а «новейшие элементы просвещения», сложившиеся после крестовых походов, «развились и образовались никак не под содействием духовенства»: Сидонский с возмущением пишет о «толпах праздных» монахов и о «невежестве духовных»⁴⁸, он признает, что духовенство нельзя считать «восстановителем наук и искусств в Европе»⁴⁹.

Несомненно, воззрения такого рода, проводившиеся в «Краткой истории», делали ее, несмотря на то, что это все же была формально переводная работа, в некотором смысле выдающимся явлением в отечественной литературе о крестовых походах. Недаром труд Сидонского вызвал восторженный отзыв В. Г. Белинского: он называл сочинение прекрасным и высказывал мысль о том, что «яз его (Сидонского. — М. З.) перевода вышла книга едва ли не лучше подлинника, книга умная, проникнутая мыслию, замечательным единством воззрения»⁵⁰. Работа Сидонского свидетельствует о том, что в зарождавшейся отечественной литературе о крестовых походах сразу же, пусть пока еще слабо, забила и прогрессивная струя: консервативные идейно-политические тенденции, отчетливо дававшие себя знать в историко-пропагандистских работах (Бутовский) и компиляционных, основанных на реакционно-романтических переводных сочинениях (Ертов — Мишо), стали встречать отпор со стороны историков, пытавшихся осмыслить крестовые походы с позиций, существенно отличных от ортодоксальной церковности, а порой и прямо направленных против нее. Впрочем, передовая историческая мысль пробивала себе дорогу в этой области не столько в специальных сочинениях историков, сколько через другие каналы — прежде всего в историко-критической литературе.

Здесь в особенности привлекают внимание очень интересные высказывания В. Г. Белинского о сущности крестовых походов. Уже в своей ранней рецензии середины 30-х годов на одну из книг Ертова по всеобщей истории он причислял крестовые походы к «важнейшим явлениям» средневековой истории Европы⁵¹. Позднее, в 1844—1845 гг., Белинский снова обратился к этой теме: один раз — в рецензии на учебник С. Смарагдова по новой истории, вторично — в отзыве на «Краткую историю крестовых походов» Сидонского. В последней рецензии Белинский дал относительно развернутое (в рамках журнальной заметки) изложение своих взглядов на события войн западного рыцарства за овладение Восточным Средиземноморьем в XI—XIII вв. Не являясь историком-профессионалом и, тем более, не занимаясь вплотную крестоносными сюжетами, Белинский, тем не менее, благодаря своим прогрессивным мировоззренческим позициям, силою научной интуиции сумел несравненно глубже постичь действительные корни крестовых походов и дать им гораздо более близкую к истине оценку, нежели иные современные ему историки, — и не только отечественные, но и зарубежные.

Самый интерес «неистового Белинского» к истории крестовых походов не был случайным. Он был обусловлен обстоятельствами, прямо противоположными тем, которые вызвали появление работ Бутовского или Ертова, а именно — сознанием необходимости выявить несостоятельность ходячих консервативных концепций официальной историографии, заполнявших, к стати, и тогдашнюю учебную литературу⁵²: ведь произведения, содержавшие эти концепции и выходившие из-под пера казенных историографов (Кайданова и др.), так или иначе служили целям тех реакционных политических сил России, против которых Белинский вел беспощадную идейную борьбу, — самодержавия и православной церкви, главных столпов феодально-крепостнической системы.

Первостепенной задачей при изучении крестовых походов Белинский считал отказ от предвзятого подхода к событиям XI—XIII вв., обусловленного конфессиональными или политическими соображениями. Высоко оценивая перевод Сидонского, критик ставил ему в заслугу прежде всего то, что он смотрел на крестовые походы «глазами современной науки, глазами чистого разума, не увлекаясь никакими предубеждениями, ни фанатическими, ни рациональными»⁵³. Другое достоинство книги этого свободомыслящего богослова Белинский усматривал в правдивом описании западных крестоносцев и их деяний: автор книги, подчеркивал рецензент, «яркими красками изображает невежество, своекорыстие, разврат, неверие, смешанное с диким фанатиз-

⁴⁶ «Краткая история крестовых походов», стр. 349.

⁴⁷ См., например, Мишо. Указ. соч., ч. 1, стр. 621 сл.

⁴⁸ «Краткая история крестовых походов», стр. 340 сл.

⁴⁹ Там же, стр. 343.

⁵⁰ В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. IX, стр. 59, 57.

⁵¹ Там же, т. V, стр. 488.

⁵² См. С. А. Асиновская. Указ. соч., стр. 31 сл.

⁵³ В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. IX, стр. 57.

мом, зверство, жестокость и кровожадность рыцарей гроба господня, равно как и не скрывает превосходства мусульман над христианами в чувстве нравственности и гуманности»⁵⁴. В этих строках выразилась вся полнота ненависти Белинского к религиозному фанатизму, служившему орудием реакционных сил как в далеком прошлом, так и в близком великому критику настоящем. Решительно осуждая фанатизм средневековых рыцарей-крестоносцев, вдохновлявшихся католическими церковниками, Белинский косвенно метил в современную ему изуверскую практику православной церкви, которая благословляла крепостнический гнет в России и освящала политику царизма на Востоке, прикрывавшуюся лозунгом защиты христианства от мусульман.

В своей статье о книге Сидонского «неистовый Виссарийон» стремился вскрыть подлинную сущность крестовых походов: он разоблачал низменные цели их участников и клеймил эти «священные войны» с позиций революционно-демократического просветительства. Белинский писал поэтому о крестовых походах как о «великом, странном, огромном, диком, фантастическом и сумасбродном событии, вполне достойном невежества и варварства средних веков»⁵⁵. Конечно, подобная точка зрения еще не позволяла подойти к истории крестовых походов с подлинно научных позиций, но она во всяком случае открывала несравненно более широкие возможности для выявления истинного характера этих войн средневековья, чем православный или любой другой конфессионально окрашенный консерватизм в трактовке данной проблемы. В этом смысле воззрения Белинского, перекликавшиеся с лучшими традициями западноевропейских просветителей XVIII в. в оценке крестовых походов, сами по себе означали принципиальный шаг вперед в развитии отечественной историографии крестовых походов.

Для взглядов Белинского в этой связи чрезвычайно характерно стремление наделить специалистов-историков на изучение действительных предпосылок, существа и значения крестовых походов. Белинский считал неудовлетворительной, в частности, традиционную трактовку крестовых походов как религиозных войн. Ополчаясь на фактологические по своему характеру школьные руководства, столь распространенные в его время, критик писал: «Каким образом историк расскажет верно, например, о крестовых походах, не входя в суждение о смысле и значении этого великого события? И много ли узнаем мы от него, если он скажет, что крестовые походы начались в XI столетии, продолжались до XIV и сопровождалась какими-то и какими-то обстоятельствами? Нет, мы захотим еще знать, почему крестовые походы могли занимать Европу только до XIV века? И почему они сделались уже совершенно невозможными в XV и следующих столетиях? Если историк ответит нам, что то было религиозное время, мы спросим его, почему же религиозное движение, которое в XI веке произвело крестовые походы, почему то же самое религиозное движение в XVI веке произвело реформацию?»⁵⁶

В России времен Белинского не было историков, которые могли бы удовлетворительно разрешить поставленные им проблемы. И сам Белинский, не ставший, как известно, последовательным материалистом в объяснении исторического процесса^{56а}; в своих суждениях о некоторых аспектах крестоносной тематики тоже не был свободен от ошибок. Так, опираясь на гегелевские представления об историческом прогрессе, который, как полагал критик, «не прерывается даже в эпохи гниения и смерти обществ, ибо это гниение необходимо, как приготовление почвы для цвета новой жизни»⁵⁷, Белинский, несомненно, переоценивал место крестовых походов в истории: он усматривал в них важнейший фактор духовного раскрепощения Европы от пут средневековья⁵⁸. Ошибка Белинского в оценке значения крестовых походов вполне естественна. Этот вопрос был в те времена совершенно не разработан в научной литературе, а в плане методологического традиционная трактовка проблемы, восходившая еще к Шуазелю д'Айкуру и Г. Геерену, не могла не казаться критику весьма заманчивым подтверждением его общеисторических взглядов.

Тем не менее взятые в совокупности высказывания Белинского о крестовых походах ярко свидетельствуют о том, что в процессе преодоления распространенных представлений в этой области, происходившем на основе прогрессивных, революционно-демократических установок, в его работах был сделан принципиальный отход от консервативно-идеалистических концепций в понимании сущности крестоносного движения.

Именно эти концепции, однако, оставались преобладающими в отечественной исторической литературе.

В конце 40-х и в особенности в 50-х годах интерес к крестоносным сюжетам резко усилился. Непосредственным внешним толчком к этому послужило новое обострение

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, т. VIII, стр. 273—274.

^{56а} См. А. М. Деборин. Об историзме воззрений В. Г. Белинского. ВИ, 1962, № 3, стр. 56.

⁵⁷ В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. VIII, стр. 287.

⁵⁸ Там же, т. IX, стр. 57.

международных отношений на Ближнем Востоке. В 1850 г. возник русско-французский дипломатический спор из-за ключей от гроба господня: Луи Бонапарт (впоследствии Наполеон III), выражавший агрессивные устремления крупной буржуазии Франции и стремившийся упрочить ее позиции в Турции, а заодно и поднять свой собственный престиж в глазах католического духовенства, служившего важной опорой бонапартизма в стране, потребовал закрепить «святые места» в Палестине за католической церковью. Это требование было направлено против России, поскольку царизм давно уже добивался утверждения своего господства в Константинополе, над проливами, а также в некоторых других областях, подвластных тогда Османской империи. Высшие военно-феодалные и буржуазные слои России стремились вытеснить оттуда своих западноевропейских соперников — французских и английских капиталистов. Царизм, потерпевший неудачу в своих расчетах на любовный раздел Османской империи с Англией, стал открыто искать поводов к войне: Турции были предложены русские притязания на ключи от гроба господня. Николай I потребовал не только передачи «святых мест» православной церкви, но и предоставления России права вмешиваться в судьбы православного турецкого населения, т. е. большинства поданных султана. Под давлением западных держав турецкое правительство отклонило эти притязания. Более того, указом султана в начале 1853 г. христианские святыни в Иерусалиме и близлежащих местах были переданы в распоряжение католической церкви. Вскоре вспыхнул русско-турецкий конфликт, а в конце 1853 г. разразилась Восточная война. Николай I двинул войска и флот против Турции. В 1854 г. в войну вступили ее союзники — Англия и Франция. Официальная пропаганда поспешила тотчас обосновать политику самодержавия религиозными доводами. В правительственной и близкой к ней печати российский монарх изображался бескорыстным защитником православной веры и православных как в Константинополе, так и в Палестине. Для подкрепления этого тезиса была мобилирована самая разнообразная аргументация, в том числе и историческая. История священных войн XI—XIII вв. также была привлечена идеологическими защитниками внешней политики самодержавия. Их усилиями крестовые походы получили в отечественной историографии выгодное ему, хотя и крайне далекое от истины, толкование.

Самым ранним медиевистическим откликом на постепенно назревавший международный политический кризис явилась магистерская диссертация П. Медовикова «Латинские императоры в Константинополе. . .», опубликованная в 1849 г.⁵⁹

Она не имела сколько-нибудь существенного значения в исследовательской разработке проблем крестовых походов и получила отрицательную оценку знаменитого русского историка Т. Н. Грановского⁶⁰.

Книгу Медовикова пронизывала политическая тенденция явно консервативного свойства: идеалистически рассматривая крестовые походы как «великую брань» между христианством и исламом, Медовиков едва ли не впервые в русской литературе сформулировал тезис о вине Запада перед христианством. Политический смысл этой идеи заключался в косвенном оправдании притязаний царизма на Ближнем Востоке накануне Крымской войны.

Гораздо более ярким образчиком фальшивой по своей сути интерпретации истории крестовых походов, предпринятой в целях исторического оправдания позиции российских правящих слоев в восточном вопросе, является серия историко-публицистических статей Г. Титова, помещенных в газете «Русский инвалид» в 1854 г. (№ 127—128 и 131—132) и напечатанных затем отдельной брошюрой под характерным названием «Крестовые походы и восточный вопрос»⁶¹. Концепция истории крестовых походов, которую отстаивал Титов, вкратце такова. Хотя крестоносцы Первого похода и освободили Палестину от рук «неверных», христианский Восток напрасно «от всего сердца приветствовал своих избавителей»⁶². Крестоносцы, как вскоре выяснилось, пришли в святые места «не для спасения, а для истребления православной церкви». Православ-

⁵⁹ П. Медовиков. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще. М., 1849. См. разбор ее в нашей статье (ВВ, IV, 1951, стр. 172 сл.).

⁶⁰ Т. Н. Грановский. Латинская империя. Соч., т. 2. М., 1856. Рецензия написана в 1850 г. Критикуя освещение Медовиковым истории завоевания Византии рыцарями Четвертого крестового похода, Грановский считал важным, в частности, выявить «числительное отношение выставленных с обеих сторон сил» (крестоносцев и греков в 1203—1204 гг. — М. З.): «в источниках находится несколько цифр . . ., которые показывают, что в начале войны крестоносцам грозила большая опасность, чем грекам» (там же, стр. 144). В работе Медовикова этот вопрос, правильное решение которого могло бы дать, по мнению Грановского, ключ к пониманию причин гибели Византии в 1204 г., был обойден полным молчанием. Не коснулся диссертант и некоторых других проблем, постановки которых требовала самая тема его работы, например о географических границах раздела Византии между Венецией и остальными крестоносцами (там же, стр. 148).

⁶¹ Г. Титов. Крестовые походы и восточный вопрос. СПб., 1854.

⁶² Там же, стр. 1.

ный Восток был принесен «в жертву властолюбия римского двора»⁶³. Явно смещая историческую перспективу, Титов утверждает, будто главная цель всех крестовых походов состояла в подчинении православной церкви папскому Риму. Западные крестоносцы, которым восточные христиане выразили было доверие, оказали «радушный прием», отнесясь к ним, как к своим «братьям», оплатили за все это черной неблагодарностью, встав на путь жестоких гонений против православия⁶⁴. Но, продолжает Титов, на страже православной церкви стоял сам господь бог. Он не мог допустить и не допустил, чтобы западные христиане надолго утвердились в Сирии и Палестине, а тем более — в Константинополе. Ведь в этом случае православная церковь «принуждена была бы или скрыться в пустыне от мнимых своих защитников, или соединиться с церковью римскою, принять столь чуждые ей латинские догматы и подчиниться главенству папы». А это привело бы к пагубным последствиям и для судеб России, которая, по мысли автора, есть дочь греческой церкви, передавшей «нам весь свой дух», «все сокровища чистейшей христианской мудрости»⁶⁵. Итак, небесный промысел разрушил планы Запада: крестовые походы, несмотря ни на численность и храбрость их участников и вождей, ни на временные успехи рыцарей, ни на продолжительность предпринимаемых ими усилий, потерпели крах, поглотив «лучший цвет рыцарства, миллионы храбрых воинов и несметные сокровища европейских государств»⁶⁶.

Всецело объясняя плачевный для Запада исход крестовых экспедиций волей небесного отца, Титов развивает весьма казуистичную и, думается, даже с самой ортодоксально-православной точки зрения неубедительную теорию относительно исторической роли мусульманских народов в судьбах православия. Исходный пункт этой теории заключается в представлении о том, что главным врагом истинной, т. е. православной, веры христовой и восточной церкви — ее хранительницы — искони являлась римская церковь, Запад. Именно для защиты православной церкви от войн, грозивших ей со стороны Запада, господь бог «двинул из глубины Азии крепких сынов Измаила» — сельджуков — и «повелел им положить руку на христианский Восток». Так, по Титову, мусульманам было самим богом предназначено служить оплотом православной церкви против Рима, заслужить ее «от преобладания и лжедогматов церкви римской»⁶⁷. Запад, однако, не уразумел промысла божьего и поднялся на крестовые походы, дабы погубить православие. За это дерзкое намерение воспоследовала справедливая кара: крестовое рыцарство на Востоке было разгромлено, в чем «сын православной церкви во всей ясности не может не видеть так знакомой и так близкой ему руки божественного основателя благодатного царства на земле»⁶⁸.

Противоречивость и искусственность этого надуманного историко-теологического построения усиливается еще больше в последующих рассуждениях автора, где он пытается продолжить намеченную им линию исторического развития, совершаемого согласно промыслу божьему, доводя ее до событий современной ему Восточной войны. По воле небесного отца турки и в дальнейшем, полагает Титов, выступали в качестве вернейшего оплота православия против Запада. Когда Византия стала клониться к упадку, божественный промысел снова «повелел тем же сынам Измаила» стать на ее страже и «занимать мало-помалу все ее области». Более того, даже захват Константинополя османами в 1453 г. был, по мнению историка, делом рук божьих. Правда, это неверных принесло страшные бедствия церкви христовой, но эти бедствия, как считает Титов, сами по себе еще не составляли зла. Ведь под властью турок сохранялось в чистоте главное сокровище церкви — вера. Не будь четырехсотлетнего господства Турецкой империи на христианском Востоке, последний «сделался бы добычею Запада», а «православная восточная церковь неминуемо подверглась бы его влиянию». Владычество мусульман «совершенно устраивало эту опасность» — и в этом заключалось его благо⁶⁹.

Смысл и подоплека всех этих, казалось бы, довольно отвлеченных по своему характеру историко-религиозных рассуждений, очевидны. Титов склонен идеализировать даже турецкое иго, но с позиций защитника православия — опоры царизма. Он противопоставляет господство османов на Востоке невыносимой для истинного сына православной церкви перспективе утверждения там владычества римской церкви. Все что угодно, пусть даже янычары, только бы не еретический Запад — вот, собственно, основное ядро титовской концепции, без особого труда улавливаемое в его выспренных рассуждениях о неисповедимых путях божественного промысла. Турецкое владычество, заявляет Титов, явилось добром для православия: турки оградили его от влияния западных лжедогматов.

⁶³ Там же, стр. 2.

⁶⁴ Там же, стр. 3.

⁶⁵ Там же, стр. 5 сл.

⁶⁶ Там же, стр. 9.

⁶⁷ Там же, стр. 10—11.

⁶⁸ Там же, стр. 10.

⁶⁹ Там же, стр. 11—12.

Ненависть к буржуазному Западу, которому в середине XIX в. в значительной степени уже служила римско-католическая церковь, настолько ослепляла этого шовинистически настроенного историка, что он приписывал божественному промыслу не только четырехсотлетнее турецкое владычество в Юго-Восточной Европе, но даже татаро-монгольское иго на Руси. Татаро-монгольские завоеватели, по мысли Титова, заслужили Русь «от влияния Запада в продолжение двух с половиною веков» — в этом их историческая заслуга. Историк вовсе не чужд понимания того, что монгольское иго преградило «вход в наши пределы успехам просвещения и образованности, столь быстро развивавшихся в остальной Европе», но это обстоятельство не смущает Титова. Гораздо важнее, по его мнению, другое: подчинив Русь, монголы обезопасили ее «от тех политических и религиозных переворотов, которые впоследствии распространились по всему Западу и нисколько не коснулись богохранимой России»⁷⁰. Охранительная тенденция этого построения достаточно отчетлива.

Как видим, Титов обратился к истории крестовых походов лишь для того, чтобы представить восточный вопрос в его историческом развитии как вопрос чисто религиозный, т. е. исторически подкрепить доводы официальной пропаганды самодержавия. Сущность восточного вопроса — «не в материальных . . . выгодах или невыгодах, о которых так хлопочет политика западных держав и которых вовсе не имеет теперь в виду великое наше Отечество»: в Восточной войне для Российской монархии речь идет лишь о «торжестве истины над вековыми заблуждениями». Война эта — «дело чисто божье»⁷¹. Она имеет своей задачей отстаивать священные права православного Востока там, где десница господня «насадила и утвердила» православную церковь, «сохранила ее во всей целостности среди мрака и тревожений языческого мира, среди волн крестовых походов и под тяжким игом мусульман»⁷². Так ссылками на превратно толкуемые им исторические события средневековья Титов оправдывает внешнюю политику царизма, бравшего на себя в середине XIX в. роль защитника гроба господня. Главное оправдание он находит для нее в том, что никогда еще православный Восток «не находился в такой опасности от чуждого ему влияния Запада, в какой находился в последнее время и особенно теперь»⁷³.

Брошюра Титова представляет собой выразительное свидетельство того, каким образом повышение интереса к истории крестовых походов в России в период Восточной войны сказалось в политической публицистике реакционного, православно-охранительного толка. В книжке Титова крестовым походам было дано намеренно ложное, одностороннее, надуманное толкование; их история была использована автором брошюры для того, чтобы подвести историческое обоснование под политику царизма: завоевательные устремления правительства Николая I на Ближнем Востоке были объявлены олицетворением воли вседержителя, во все времена, начиная с крестовых походов, защищавшего православную церковь от западного нечестия. Антинаучная трактовка крестовых походов, данная Титовым, являлась логическим развитием тех косных идей, которые уже ранее намечались в большей или меньшей степени в работах некоторых консервативно настроенных отечественных историков. В брошюре Титова реакционно-охранительная тенденция, пронизывавшая их произведения, получила наиболее откровенное выражение.

В конце 40-х и в самом начале 50-х годов в русской исторической науке прозвучал, однако, и другой голос — голос медиевиста, который во все более сгущавшейся атмосфере николаевского режима в большой мере сохранял научную трезвость при анализе и оценке событий далекого прошлого, не принося историческую истину в жертву своим политическим симпатиям и антипатиям. Это был профессор Московского университета Т. Н. Грановский (1813—1855). Знаменитый историк-просветитель, по праву считающийся основателем русской медиевистики, не разрабатывал, правда, специально проблемы истории крестовых походов. Ему принадлежат лишь отдельные высказывания и наблюдения в этой области. Они собраны в двух его работах: в докторской диссертации «Аббат Сугерий», изданной отдельной книгой в 1849 г., и в публичной лекции «Людвик IX», прочитанной в Университете в 1851 г. и составляющей часть исследования, известного под названием «Четыре исторические характеристики». Несмотря на то, что ряд соображений по отдельным вопросам истории крестовых походов, высказан здесь Грановским лишь попутно, в связи с рассмотрением основных тем, занимавших в данном случае историка, однако они представляют большую ценность, особенно если учесть преобладание в отечественной литературе первой половины XIX в. консервативных концепций крестоносного движения.

В высказываниях Грановского прежде всего заметна одна черта, резко отличающая его произведение от большинства ранее упомянутых работ, — глубокое знание источников. Свои выводы Грановский почти всегда строит на материале хроник. Наблю-

⁷⁰ Г. Титов. Указ. соч., стр. 20.

⁷¹ Там же, стр. 21.

⁷² Там же, стр. 22—23.

⁷³ Там же, стр. 23.

дения, сделанные по поводу Второго крестового похода в «Аббате Сугерия», основаны на изучении свидетельств таких французских летописцев, как Одо Дейльский, Годфриуа, автор Живнеописания Бернара Клервоского, монах Гийом, биограф Сугерия, Матвей Парижский. Рисуя события Седьмого и Восьмого походов в «Лудовике IX», Грановский опирается на известия Жана Жуанвиля и некоторых других хронистов.

Самая оценка Грановским крестовых походов отличалась большой реалистичностью. Грановский был в общем чужд того ложного пафоса, с которым подчас описывались крестовые предприятия, и последствия их он рассматривал в связи с тем действительным влиянием, которое те или иные из этих «священных войн» оказывали на Запад. В «Аббате Сугерия» Грановский совершенно справедливо указал на пагубные для политического развития Франции результаты Второго крестового похода. Историк резко противопоставил недалеконидного французского короля Людовика VII, поспешившего отовзваться на клич Бернара Клервоского и отправиться в Палестину исключительно ради того, чтобы, как полагал Грановский, «смыть с себя грехи, навлекшие на него церковное проклятие»⁷⁴, государственному деятелю, преданному идее централизации королевства, аббату Сугерию, выступившему «противником предприятия, которое он рассматривал с точки зрения государственного мужа»⁷⁵. Грановский отмечает основательность опасений Сугерия, высказывавшихся им накануне похода. Действительно, «Второй крестовый поход дорого стоил Франции. Цвет ее народонаселения отправился в Палестину. . .». «Благочестивая цель не оправдала пред современниками жестоких средств», примененных королем для получения денег, необходимых войску крестоносцев: «Ропот был всеобщий», в особенности вследствие того, что по отбытии на Восток рыцарского ополчения подняли голову крупные феодалы, стремившиеся ликвидировать достигнутые ранее результаты централизаторской политики Капетингов⁷⁶. Конечно, в суждениях Грановского о Втором крестовом походе были и свои слабые стороны: так, он явно переоценивал значение агитационной деятельности Бернара Клервоского⁷⁷. Однако этот и некоторые другие недостатки, вытекавшие из идеалистического мировоззрения историка, отступают в его суждениях о событиях 1146—1147 гг., проникнутых реализмом, на второй план.

В еще большей степени сказанное относится к наблюдениям Грановского о крестовых походах в целом, сформулированным в лекции о Людовике IX. В некоторой степени они как бы перекликаются с оценками, данными крестовому движению В. Г. Белинским. Как и последний, Грановский старался осмыслить крестовые походы в качестве закономерного порождения определенного периода средневековья. Не являясь ученым историко-материалистического направления, Грановский, естественно, не сумел преодолеть идеалистического понимания крестовых походов, однако он самым решительным образом отвергал попытки объяснить крестовые походы действием исключительно или преимущественно религиозных причин. Он признавал значение последних, но отводил по крайней мере равное им место в возникновении крестовых походов социально-политическим факторам, характеризовавшим жизнь различных прослоек феодального общества на Западе в XI—XIII вв. «Это движение, — говорил Грановский, — носит двоякий характер: с одной стороны, оно было вызвано преобладанием религиозного чувства, с другой, современным состоянием европейского общества»⁷⁸. Развивая эту дуалистическую и в основе своей, конечно, идеалистическую концепцию, Грановский, тем не менее, уделял основное внимание раскрытию реальных исторических обстоятельств, породивших крестовое движение. При этом он рельефно оттенял различие и даже противоположность практических побуждений, толкавших к участию в походах представителей различных общественных прослоек феодальной Европы⁷⁹. В особенности примечательно толкование Грановским причин крестовых выступлений сельских и городских низов. Историк, на протяжении всей своей научной и профессорской деятельности всегда интересовавшийся судьбами народных масс и сочувственно относившийся к их борьбе против крепостнического и всякого иного угнетения в прошлом и настоящем⁸⁰, сумел разглядеть в крестовом порыве низов западноевропейского общества их протест против тяжелых условий жизни: «Горожане и вилланы, — указывал Грановский, — уходили от феодального гнета»⁸¹. Траговка мотивов, определявших участие в крестовых походах феодальных сенсоров и католического духовенства, не была у Грановского столь отчетливой и несла на себе отпечаток некоторых ошибочных представлений историка о феодализме. Следуя взглядам, ши-

⁷⁴ Т. Н. Грановский. Соч., т. 1. М., 1856, стр. 355—356.

⁷⁵ Там же, стр. 357.

⁷⁶ Там же, стр. 358 сл.

⁷⁷ Там же, стр. 356.

⁷⁸ Там же, стр. 442.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ См. С. А. Асиновская. Указ. соч., стр. 52 сл.

⁸¹ Т. Н. Грановский. Соч., т. 1, стр. 442.

роко распространенным в европейской медиевистике, он исходил из противопоставления феодалов и королевской власти как двух антагонистических сил⁸².

Зато весьма выразительно характеризовал Грановский причины прекращения крестовых походов: их цели «не были достигнуты. Горько обманутые в своих надеждах народы Запада перестали думать о завоевании Азии и устремили свою деятельность в другую сторону, на другие предметы»⁸³. Эти положения — к сожалению, их у Грановского немного — проливали несравненно более правдивый и яркий свет на судьбы крестовых походов, нежели многословные, полные ничего не объясняющих ссылок на волю небесных сил и всякого рода искусственных построений писания консервативных историков. Правда, и в высказываниях Грановского о крестовых походах в «Людовике IX» содержались ложные, идеалистические элементы. К числу причин крестовых походов он относил, например, общую для Европы, хотя и неосуществимую «потребность мира и порядка...»⁸⁴. Историк давал явно неверное освещение крестовых походов Людовика IX, изображая его неким идеальным рыцарем «христианской правды»⁸⁵; полагавшим «конечной целью войны (речь идет о Восьмом крестовом походе 1270 г. — М. З.) торжество истинной веры и восстановление нарушенного права»⁸⁶. И все же многие суждения Грановского по вопросам крестовых походов, базирующиеся на строгом анализе текстов средневековых памятников, принадлежат, несомненно, к лучшим в отечественной историографии этой проблемы в XIX в.

Интерес к истории крестовых походов не угас в русской исторической литературе и в ближайшие годы, следовавшие за окончанием Восточной войны. В какой-то степени он продолжал читаться и поддерживаться событиями пред- и послереформенной политической жизни России. Восточный вопрос отнюдь не был снят с повестки дня заключения Парижского мира 1856 г. Российская дипломатия прилагала усилия к тому, чтобы, несмотря ни на что, утвердить позиции самодержавия в качестве покровителя восточных христиан. Кроме того, в 60-х годах последовало наступление царизма в Средней Азии (взятие Ташкента в 1865 г., установление вассалитета Бухарского эмирата и Кокандского ханства в 1868 г.). Все это придавало оттенок актуальности изучению эпохи «священных войн» христиан с мусульманским миром в прошлом. Вместе с тем интерес к данной тематике в известной мере все больше и больше приобретал и самодовольный, во всяком случае более ярко выраженный, научный характер.

Все это сказалось на тех работах, впрочем, малочисленных, которые публиковались во второй половине 50-х и в 60-х годах, — малочисленных потому, что основное внимание историков и общественных деятелей, обращавшихся тогда к истории средневековья, было почти целиком переключено на проблемы, непосредственно связанные с социальными преобразованиями внутри страны, т. е. с отменой крепостничества. Но все же крестовые походы и в это время не были преданы полному забвению.

В 60-х годах появляются работы академического характера. Примером может служить магистерская диссертация петербургского медиевиста В. А. Бильбасова (1838—1904) «Крестовый поход императора Фридриха II из дома гогенштауфенских герцогов», изданная отдельной книгой в 1863 г.⁸⁷

Два года спустя после ее выхода в свет был опубликован очередной, третий том хрестоматии профессора Петербургского университета М. М. Стасюлевича (1826—1911) «История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых»; он был полностью посвящен истории крестовых походов, эпоху которых Стасюлевич считал «временем блестящего и полного развития феодального общества, когда оно успело, наконец, выработать из себя известный исторический тип, цельный, своеобразный, каким был прежде тип греческой и римской образованности, хотя и основанный на началах, прямо противоположных цивилизации древнего мира»⁸⁸. Составитель хрестоматии, отводя целый том (свыше 800 страниц) материалам по крестовым походам, исходил из того, что, по его мнению, хотя они и представляли собой один только «внешний факт», но такой, «который в течение двух веков беспрестанно перерабатывал запад-

⁸² О крестовых побуждениях светских сеньоров, например, Грановский писал: «Барона манила возможность создать чистое феодальное государство (? — М. З.), не стесняясь обломками исторических учреждений, уцелевших в Европе». Как известно, Грановский был далек от понимания классовой природы феодального государства. См. С. А. А с и н о в с к а я. Указ. соч., стр. 138.

⁸³ Т. Н. Г р а н о в с к и й. Соч., т. 1, стр. 442.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, стр. 447.

⁸⁶ Там же, стр. 449.

⁸⁷ В. А. Б и л ь б а с о в. Крестовый поход императора Фридриха II. СПб., 1863. См. разбор в нашей статье (ВВ, IV, 1951, стр. 173). Подробней о Бильбасове см. М. А. А л п а т о в. Из истории русской медиевистики. ВИ, 1960, № 9, стр. 58—59.

⁸⁸ М. М. С т а с ю л е в и ч. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых, т. III. СПб., 1865, стр. XIII.

ное общество и под влиянием которого оно испытало в себе огромный внутренний переворот»⁸⁹. Само по себе подобное представление не являлось ни новым, ни оригинальным, да и вся хрестоматия предзнаначалась исключительно для педагогических целей: как известно, Стасюлевич считал недостаточным школьное изучение истории только по учебникам и настаивал на приобщении учащихся к подлинным документам изучаемой эпохи⁹⁰. Однако на практике публикация на русском языке значительного числа памятников по крестовым походам выходила за рамки чисто педагогического начинания. По существу такое издание имело и научное значение, поскольку открывало некоторые, хотя и ограниченные, перспективы для документальной разработки крестоносных сюжетов отечественными историками, для которых издания подлинников, разрозненные и рассеянные тогда по старинным, сравнительно редким собраниям (у Бонгара, Муратори, Мартэня и др.), сплошь да рядом оставались недоступными.

Значение труда Стасюлевича умалилось, однако, следующими обстоятельствами. Во-первых, качество самих переводов во многих случаях оставляло желать лучшего. Во-вторых, самый принцип отбора материалов в хрестоматию страдал одним крупным недостатком: наряду и попеременно с отрывками из текстов средневековых летописцев и других подлинных документов (Иерусалимские ассизы, послания папы Иннокентия III и пр.) Стасюлевич помещал фрагменты из работ позднейших исследователей истории средних веков вообще и крестовых походов в частности. В результате получалось совершенно невообразимое нагромождение крайне разновременных и разнородных материалов.

И все-таки издание обширной хрестоматии по крестовым походам являлось определенным шагом вперед в процессе овладения отечественной историографией этой областью истории средневековья. Особенно существенным следует считать то обстоятельство, что Стасюлевич поместил в хрестоматию не только выдержки, иногда довольно обширные, из латинских хроник XII—XIII вв.; он включил в нее также отрывки из сочинений ряда византийских и арабских писателей эпохи крестовых походов — факт, который сам по себе указывает на широкое понимание составителем стоявших перед ним задач. Значение книги Стасюлевича состояло главным образом в том, что она нацеливала русских медиевистов на углубленное изучение истории крестовых походов по первоисточникам, на отказ от составления поверхностных, компилятивных, предвзятых по своим чисто умозрительным концепциям работ, преобладавших во второй четверти XIX в.

Изданием третьего тома указанной хрестоматии завершается ранний этап в развитии отечественной историографии крестовых походов, охватывающий в основном вторую треть XIX века. В это время в сравнительно широком кругу представителей различных направлений русской общественной мысли под влиянием отмеченных ранее идейно-политических факторов пробуждается интерес к истории крестовых походов. Однако большинство работ отечественных авторов этого периода носит на себе печать незрелости, часто представляя собой лишь компиляции, составленные на основе трудов западноевропейских ученых. Важнейшие вопросы истории крестовых походов еще остаются исследовательски неразработанными. В самом освещении истории крестовых походов преобладают идеалистические по своей методологии, консервативные, феодально-церковные по своему социально-политическому характеру тенденции; отчетливо выявляется стремление многих историков, а также публицистов реакционного толка использовать историю крестовых походов для пропаганды идей самодержавия и православия, а также для оправдания внешней политики царизма в Европе и на Востоке. Лишь отдельные историки прогрессивного направления в своих суждениях возвышаются над этим общим сравнительно невысоким уровнем отечественной историографии крестовых походов, высказывая интересные, реалистические взгляды по конкретным проблемам истории крестоносного движения разной степени важности, подчас резко расходящиеся с официальными церковно-монархическими установками, хотя и далеко не последовательные, базирующиеся тоже на идеалистическом понимании истории. В конце этого периода, главным образом в 50—60-х годах, начинает усиливаться стремление к самостоятельному исследованию крестоносных сюжетов по первоисточникам, в связи с чем предпринимаются первые шаги в области их публикации (на русском языке) и изучения.

М. А. Заборов

⁸⁹ Там же, стр. XIV.

⁹⁰ В своей статье «Из истории русской медиевистики» М. А. Алпатов, убедительно характеризуя исторические взгляды Стасюлевича в целом (стр. 55—58), утверждает, между прочим, что он якобы «фактически отрицал» «необходимость обычного школьного учебника» (стр. 57). Это утверждение неточно: Стасюлевич лишь указывал на недостаточность «в деле исторического преподавания ограничиваться одной катехизацией предмета в учебнике. . . Пусть учебники остаются на своем (курсив автора. — М. З.) месте, — писал он, — пусть усовершенствуется в них форма катехизации и пусть они делаются более удобными для памяти; но мы несколько не повредим учебникам, если подполним то, чего не доставало в нашей литературе и чего не могли никаким образом заменить никакие учебники» (М. М. С т а с ю л е в и ч. Указ. соч., т. III, стр. XIV).

К ИСТОРИИ ОБЩИНЫ НА БАЛКАНАХ

(Проблемы общины в югославской историографии)

Внимание советских византистов в последние годы привлечено к одной важной теме — к проблеме сохранения семейной общины на территории империи. А. П. Каждан в своей работе о поземельных отношениях в XIII—XIV вв. в общей форме поставил этот вопрос и нашел многочисленные признаки существования этой общины (или большой семьи)¹. Тем самым была отмечена близость, существующая между сербской задрогой, являвшейся, по мысли Энгельса, наилучшим образцом семейной общины², и семейным бытом византийского крестьянства. Это сближение славянских и собственно византийских порядков на болгарском материале продолжил Г. Г. Литаврин. Он исследовал состав неразделившейся большой семьи, объединенной общим хозяйством — стасью (τάσις), близ Струмицы в середине XII в.³ При этом Г. Г. Литаврин не ограничился тем, что нашел любопытный образец семейной общины, он обратился также к решению вопроса о формах разложения этой общины. По его мнению, единое хозяйство многих родственников, распавшись на отдельные домохозяйства, образует целую «семью» дворов, поддерживающих между собой тесные связи⁴.

На совершенно другом материале, с помощью актов из византийских областей Южной Италии М. Л. Абрамсон пришла к сходным выводам. Она обнаружила не только частые случаи существования большесемейных коллективов, но и факты распада их на индивидуальные хозяйства. Последние отнюдь не теряют связи друг с другом, сохраняя совместные имущественные права и оставаясь sortifices, confratres. При этом М. Л. Абрамсон сделала одно важное наблюдение. Оказалось, что с течением времени, постепенно становясь чуждыми друг другу и допуская в свою среду посторонних, бывшие члены семейной общины утрачивают тесные родственные связи и из confratres превращаются в consortes. Родственные связи зримо сменяются соседскими⁵. Эту взаимосвязь между большесемейными и соседскими отношениями в должной мере оценил А. П. Каждан, вернувшись к этой проблеме после изучения источников IX—X вв. Он увидел в большесемейной собственности этой общины не только пережиток исчезающего родового строя, но и залог единства сельской общины, обуславливающей ее прочность и устойчивость⁶. Таким образом, вопрос о сохранении большесемейных связей в византийской деревне стал составной частью другой, более значимой проблемы — проблемы своеобразия и исторических судеб византийской общины⁷.

Облик семейной общины на территории империи воссоздан еще далеко не полностью, не до конца выяснена взаимосвязь между сельской общиной и большой семьей, входящей в ее состав. Так, еще предстоит понять характер имущественных связей, которые сохраняют между собой разделившиеся родственники, решить, какая семья приходит на смену большой, иными словами, не рождается ли новая большая семья на развалинах старой? Но важнее всего, на наш взгляд, установить влияние большесемейных отношений на устойчивость сельской общины. По мысли А. П. Каждана, наиболее отчетливо изложившего свою точку зрения, роль этих отношений сводилась к ограничению аллодиальной собственности и тем самым к усилению верховной собственности всей общины на пахотный надел крестьянина⁸. Никакого другого воздействия на устойчивость сельской общины большая семья, по мнению Каждана, не оказывала. Другую важную черту сельской общины в Византии — наличие прав на чужую землю — он рассматривает не в связи с сохранением домашней (семейной) общины, а параллельно с нею.

¹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 74—76.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952, стр. 59.

³ Г. Г. Литаврин. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. «УЗ Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIV, 1956, стр. 230.

⁴ Там же, стр. 231.

⁵ М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии. ВВ, VII, 1953, стр. 166—168.

⁶ А. П. Каждан. Византийская община в IX—X вв. «УЗ Великолукского пед. ин-та», вып. 2, 1956, стр. 83—84; е го же. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. ВВ, X, 1956, стр. 50—51; е го же. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 32—35.

⁷ См. длительную и плодотворную полемику по этому поводу на страницах «Византийского временника» (т. X — статьи М. Я. Сюзюмова и А. П. Каждана) и «Вопросов истории» (1958, № 10; 1959, № 3; 1960, № 2 — статьи З. В. Удальцовой и А. П. Каждана, М. Я. Сюзюмова и Д. Ангелова).

⁸ А. П. Каждан. Византийская община. . . , стр. 83—84; е го же. К вопросу об особенностях. . . , стр. 50—51; е го же. Деревня и город в Византии. . . р. 54—55.

Слов нет, А. П. Каждан, безусловно, прав, когда считает, что система прав на чужую землю коренится в конечном счете (разрядка моя. — М. Ф.) в рутинности сельскохозяйственной техники⁹. Но вопрос заключается в том, не вела ли застойность земледельческой техники, когда малая семья оказывалась не в состоянии справиться с землей, вначале к консервации большесемейных связей и лишь в последствии к возникновению прав на чужую землю. Иными словами, не была ли роль родственных связей в византийской деревне гораздо большей, чем это принято считать ныне, не определяли ли эти связи всю остальную специфику этой деревни (общины), в том числе и ее устойчивость? Так, мне кажется, необходимо поставить эту проблему.

Как было отмечено выше, исследователи ставят прочность византийской общины в непосредственную связь со славянским влиянием¹⁰. Эта связь византийской общинной организации со славянским миром подсказывает то направление, в котором следует искать ответа на поставленные вопросы. Дело в том, что скудость источников по истории поземельных отношений в раннее средневековье неизбежно заставляет обратиться к сравнительному изучению Византии и соседних славянских обществ. При этом возникает необходимость не только привлекать византийские источники для реконструкции южнославянской истории, как это делается сейчас, но и, наоборот, воссоздавать общественные отношения в империи по аналогии со славянскими порядками. Такой сравнительный анализ по отношению к общине ныне стал просто неизбежен. Применительно к Болгарии он уже начат¹¹, сербские же памятники раннего средневековья создавались под сильным византийским влиянием¹² и поэтому представляют меньший интерес. Наибольшей ценностью здесь обладает материал по истории Хорватии.

Югославские медиэвисты в последнее время пристально изучали развитие южнославянской общины. Об этом свидетельствует ряд их работ, специально посвященных общинным институтам в хорватской деревне. Такова работа профессора Загребского университета Олега Мандича о так называемом «братстве» в Хорватии раннего средневековья¹³, книга покойного Михи Барады «Древнехорватская сельская община»¹⁴ и статьи белградского исследователя Ивана Божича о верви в Полице и общине в области Паштровичах¹⁵. Для византинистов эти работы представляют особый интерес, во-первых, потому, что они заполняют пробел в наших представлениях о славянской общине на Балканах именно в раннее средневековье, т. е. в тот период, который привлекал наибольшее внимание византинистов, изучающих общину; во-вторых, эти исследования относятся не ко всей Хорватии, которая в общем далека от границ империи, а к ее приморской части, к так называемой Далматинской Хорватии, т. е. к тому району, который до XI в. входил в состав Византии. Таким образом, история поземельных отношений в Далмации в X—XI вв. — это в конечном счете история одной из византийских областей. Исходя из всех этих соображений и стремясь найти ответ на вопросы, касающиеся славяно-византийской общины, мы решили обратиться к критическому разбору тех работ югославских историков, о которых только что шла речь.

О. Мандич начинает свою работу о братстве с указания на трудности, ожидающие исследователя, изучающего общинные отношения у южных славян в раннее средневековье. Историк встретится здесь с латинской терминологией, искажающей суть общественных явлений, он должен будет преодолеть влияние буржуазной идеологии, находящей свое отражение в так называемой «племенной теории» (стр. 226—229). Буржуазные ученые, как известно, подводили под понятие «племенные отношения» все многообразие родовых, семейных и общинных связей. Однако даже они не могли не заметить существования еще одного круга родственников, более широкого, чем задруга, но менее широкого, чем племя. Это — братство. Ни в одном прежнем исследовании нельзя найти сколько-нибудь удовлетворительного и полного решения вопроса о братстве. Оно определялось сбивчиво и путано, — то как род (Т. Смичиклас, В. Мажуранич), то как совокупность задруг (Ф. Шипич), а чаще всего оставалось вообще без характеристики (стр. 231—248). Анализ института братства связан прежде всего с пересмотром вопроса о задруге.

⁹ А. П. Каждан. К вопросу об особенностях. . . , стр. 53.

¹⁰ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 135—143.

¹¹ Показателен самый факт появления книги Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в XI—XII вв.». М., 1960.

¹² О воздействии византийского права на первые законодательные памятники у сербов см. Б. Сп. Радочич и Ђ. Српски законик из првих година после Велике сеобе. «Летопис српске матице», јул, 1959. Нови Сад, кн. 384, св. 1, стр. 59—64.

¹³ О. Мандич. Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. HZ, god. V, 1952, str. 225—298.

¹⁴ М. Вагда. Starohrvatska seoska zajednica. Zagreb, 1957.

¹⁵ И. Божич. «Врвь» у Пољичком статуту. «Зборник филозофског факултета», књ. IV, № 1. Београд, 1957. стр. 89—112; его же. Средњовековни Паштровићи. «Историски часопис», год. IX—X. Београд, 1960, стр. 159—185.

Еще в своих предыдущих работах О. Мандич касался отдельных особенностей задруги, отмечал ее демократический характер и близость к первобытной общине. Одной из черт, сближающих последнюю с задругой, является, по мысли О. Мандича, общность производственных интересов, позволяющих задруге существовать и в рассеянном виде¹⁶⁻¹⁷. Он наметил и отличие задруги от патриархальной («отцовской») семьи, выражающееся в отсутствии власти отца над домочадцами, в том, что должность «домачина», как правило, является выборной и зачастую находится в руках даже не самого старшего родственника. В работе о братстве О. Мандич выступает с критикой взглядов Ф. Рачкого, считавшего большую семью основой общественных отношений в Приморской Хорватии. Между тем, по убеждению О. Мандича, в Далмации в конце раннего средневековья земля была уже разделена в частную собственность и лишь кое-где (разрядка моя. — М. Ф.) сохранялось право коллективного распоряжения имуществом в форме согласия родственников на отчуждение земли. Нигде, продолжает Мандич, а тем более вокруг городов с их развитыми денежными отношениями, семейная община не является в это время основой жизни общества (стр. 261—262). О. Мандич не отказывается видеть задругу в районах с отсталыми отношениями или в более позднее время. Так, он признает существование большой семьи в Винодольском законе (ст. 67) и в Подлицком статуте (ст. 33), но он настойчиво оговаривает, что больше семейные порядки сохраняются лишь на окраинах Хорватского государства, в горных или болотистых областях с неразвитыми общественными отношениями. В остальной же части Далматинской Хорватии вокруг городов большая семья исчезает уже в XI в. под влиянием торговли и денежного хозяйства. Если же в этих районах и сохраняются группы живущих вместе родственников, то они не ведут совместного хозяйства и не могут считаться задругами (стр. 257—260, 262—263).

Такие группы родственников, не связанных коллективным производством, по мнению О. Мандича, являются братствами. Он полагает, что братство скрывается в источниках за целым комплексом сходных выражений — *generatio*, *genus*, *tribus*, *parentes*, *parentella*, — и устанавливает даже последовательность смены этих понятий. То, что в IX в. называлось *generatio*, в XI в. именуется *genus*, в XII в. выступает под именем *parentella*, а в XIII в. получает название *tribus*. Однако родственные узы соединяют членов братства лишь внешним образом. Гораздо более прочной и глубокой является в братстве связь по земле. Здесь О. Мандич отчетливо формулирует тот вывод, на котором в свое время настаивал Ф. Рачки¹⁸ и который Мандич подтверждает всем ходом своего исследования. Братства в Хорватии X—XI вв. уже прочно осели на земле, родственные связи внутри них уступили место соседским, территориальным, и братства превратились в сельские общины (стр. 274). Обосновав этот тезис, О. Мандич кладет конец той разноголосице мнений, которая считала *genus*, *tribus*, *generatio* различными и почти не связанными между собой элементами общественной структуры Хорватии, покоящимися то на родо-племенных, то на поземельных основах¹⁹. Этот вывод позволяет правильно оценить братство не как элемент родового строя (как полагали сторонники «племенной теории»), а в качестве составной части развитого классового общества, как естественный результат процесса классовобразования.

Не все убеждает в равной мере в работе О. Мандича. Так, в ней обнаруживается повышенный интерес автора к проблеме «племени»²⁰. Это вполне естественно, ибо хорватская историография слишком долго развивалась в русле «племенной теории», когда основной ячейкой средневекового общества у хорватов считалась не сельская община и не феодальное поместье, а «племя». Выводы О. Мандича можно считать ответной реакцией на эту теорию, их можно объяснить стремлением найти новые точки зрения при подходе к проблеме общины. Но, по-новому охарактеризовав братство, увидев в нем важное звено общинных отношений, О. Мандич в то же время переоценил его значение. Он увидел в нем не только пережиток исчезающих отношений, не одну лишь организацию свободного крестьянства, но и центральный организм общественных отношений вообще. Так, О. Мандич не отрицает возможности влияния процесса классовобразования на братства. Это воздействие дифференцирует братства: одни из них поднимаются до положения привилегированных носителей феодальной эксплуатации, а другие оттесняются от управления. Здесь автор отмечает известную закономерность. Привилегированными оказываются братства в приморской, более развитой части страны вблизи городов, отсталыми — на ее окраинах. Это различие даже перерастает в антагонизм, сыгравший свою роль в социальных противоречиях эпохи. Борьба латинского и «гла-

¹⁶⁻¹⁷ O. M a n d i ć. O nacrtu razvojnih stepena u prvobitnoj zajednici. HZ, god. I, 1948, str. 397.

¹⁸ F. R a č k i. Nutarnje stanje Hrvatske prije XII stoljeća. Rad, knj. 99, str. 113.

¹⁹ T. S m i ć i k l a s. Povijest Hrvatska, I. Zagreb, 1879, str. 133 f.; F. Š i š i ć. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara, I. Zagreb, 1925, str. 657 f.

²⁰ Этот интерес обнаруживается и в позднейшей работе Мандича о дворянстве так называемых «12 племен». См. O. M a n d i ć. «Pacta conventa» i «dvanaest» hrvatskih bratstava. HZ, god. XI—XII, 1960, str. 165—206.

голического» (т. е. защищающего богослужение на славянском языке) направлений в церкви есть, по О. Мандичу, идеологический отзвук борьбы между братствами различных типов (стр. 292—295). Нетрудно заметить, что подобный вывод призван заметить идею о борьбе между племенами в Хорватии XI в.

Таким образом, ту роль, которая раньше отводилась племенам, Мандич отводит братствам. Разумеется, братства в представлении Мандича коренным образом отличаются от того, что понимали под племенами сторонники «племенной теории», отрицавшие развитие феодализма в Хорватии²¹. О. Мандич признает существование феодальной эксплуатации в хорватском обществе, он видит, как отдельные братства превращаются в носителей этой эксплуатации. Но — и в этом известная ограниченность его концепции — он считает, что братства выступали преимущественно в роли объединителей дворянства — либо привилегированного (в приморской части страны), либо отнесенного от власти и доходов (в отдаленных районах). Роль братств как сельских общин, объединяющих рядовое свободное крестьянство, показана О. Мандичем менее ясно.

Второй упрек, который можно предъявить работе Мандича, касается вывода об исчезновении задруг уже в XI в. Идея братства у него упорно противопоставляется понятию задруги. Признавая повсеместное распространение братства, автор в то же время заметно сужает сферу распространения семейной общины. В ряде случаев его взгляды убедительны — например, когда он видит в родственниках, совместно сражающихся в бою, не семейные общины, а братства: малочисленные задруги, действительно, вряд ли могли образовывать боеспособные воинские группы. Безусловно прав О. Мандич, отказываясь видеть в большой семье образующую клеточку хорватского средневекового общества, основу общественных отношений, как полагал Ф. Рачки. Ясно, что в основе общественных отношений феодального общества лежит не большая семья, а сельская община. Однако когда О. Мандич обращается к свидетельствам о купле-продаже земли, находит в них многочисленные примеры не только совместного распоряжения, но и коллективного использования этой земли, а затем делает неожиданный вывод об исчезновении задруг, основанных на коллективной собственности на землю, то это не может не удивить. Действительно, источники XI в. дают много примеров не только продажи недвижимости, обусловленной согласием родственников (в таком случае естественно допустить существование лишь совместных прав на землю), но и совместной продажи родственниками, выступающими единой семьей. В последнем случае есть основания полагать, что такая семья ведет и совместное хозяйство. Сам О. Мандич приводит достаточно солидный (хоть и далеко не полный) список таких примеров коллективной собственности как раз из окрестностей крупных далматинских городов — Задара, Сплита и др. (стр. 258—259), по существу подрывающий его вывод о массовом исчезновении задруг под влиянием городского хозяйства. И все же О. Мандич считает необходимым настаивать на своем тезисе об исчезновении семейных общин и изживании коллективной собственности на землю. Разумеется, это не может убедить читателя.

Тем не менее даже с учетом этих спорных положений нельзя не оценить важности проделанного О. Мандичем исследования и его основного вывода о братстве. В братстве О. Мандич увидел общинный организм, сохраняющий в своем составе дальних родственников и являющийся, таким образом, носителем пережиточных элементов родового строя, но в то же время основанный на поземельных связях, как и всякая сельская община. Эта мысль мне кажется весьма плодотворной. Она не только дает возможность решить вопрос, в какой форме происходит сочетание родственных и поземельных отношений в средневековой хорватской деревне, но и позволяет связать свидетельства письменных памятников с этнографическими данными. Именно братство подвергается сейчас наиболее активному этнографическому обследованию со стороны югославских ученых²², и полученные здесь выводы могут помочь воссоздать характер средневековых общин. Отметим это обстоятельство с тем, чтобы вернуться к нему еще раз, мы обратимся к работам других исследователей.

Проблема братства решается югославскими медиэвистами не только в общем, но и в локальном плане. Таково, в частности, исследование И. Божича, посвященное общине в районе Паштровичей²³. История Паштровичей, небольшой области в сербской Далмации, расположенной к югу от г. Будвы и к западу от Скадарского озера, восходит к XIII в. В начале XV в. община Паштровичей, признав суверенитет Венецианской республики, сумела отстоять свою автономию, сохранив самоуправление, свободу от налогов и некоторые другие вольности. Автономия помогла жителям этой небольшой области сохранить неизменными свои правовые и административные порядки в течение нескольких столетий и в известной мере способствовала консервации ее внутреннего

²¹ V. Klaić. Hrvatska plemena od XII do XVI stoljeća. Rad, knj. 130.

²² Š Kulišić. O postanku i karakteru našeg «bratstva». «Pregled». Sarajevo, 1957, № 2—3, str. 133—138; его же. Arhaično bratstvo u Crnoj Gori i Hercegovini. «Glasnik zemaljskog muzeja», sv. XII (Ethnologija). Sarajevo, 1957.

²³ И. Б о ж и ч. Средневековни Паштровићи.

уклада. В частности, здесь долго сохраняется деление на «племена» и «братства», явный признак архаических общинных отношений. Длительное существование этих отношений в Папштровичах привлекло к ним внимание как этнографов²⁴, так и историков²⁵. Обращаясь к этой теме, И. Божич ставит перед собой задачу выяснить, в какого типа общины объединены жители Папштровичей, но прежде ему необходимо установить, в каких социальных прослойках должна идти речь. Дело в том, что свобода от податей и собственное управление, закрепленное за папштровичами по договору 1423 г. с Венецией, дали им основание рассматривать себя в качестве дворян — «племичей», и многочисленные документы XV—XVII вв. полны упоминаний об их дворянском статусе. Действительно ли папштровичи являлись дворянами или за этим наименованием скрывается иное содержание? Не вдаваясь в подробную оценку анализа, произведенного И. Божичем, отметим сразу, что ему удалось правильно понять природу папштровичских племичей. Он увидел в них крестьян-хлебопашцев, самих обрабатывающих свои земли, наследственных владельцев этих земель и участников сельских сходок (стр. 174). В социальном облике большинства из них не было ничего дворянского, их «дворянское» состояние являлось лишь результатом привилегий, полученных по договору с Венецией, в том числе и права на выборы собственных старост и судей. Те крестьянские семьи, которые сохранили за собой это право, считались племичами, «даже если они в лаптях обрабатывали свой кусок земли» (стр. 177). Очевидно, здесь перед нами характерный пример того, как свобода, унаследованная от далеких времен общинного строя, превратилась в характеристику привилегированного состояния²⁶. Разумеется, папштровичи знали и подлинное социальное расслоение, некоторые из них поднялись до положения настоящих дворян, в то время как основная масса осталась рядовыми общинниками. Но даже эти феодальные роды, владевшие зависимыми крестьянами — кметами, относились лишь к мелкому дворянству («ситна властела»), очень близкому к свободным общинникам. Таким образом, даже объединения шляхты являлись не столько феодальными корпорациями, сколько видоизмененными крестьянскими коллективами, построенными на общинных основах. Такими коллективами в средневековых Папштровичах и были «племена». Не все понятно в характеристике этих племен по документам XV—XVII вв., но совершенно ясны две вещи. Во-первых, материальной основой племен может быть собственность на землю, а во-вторых, каждое племя — это коллектив, членов которого объединяет если не действительная, то идеальная родственная связь — происхождение от общего предка. Таким образом, папштровичское племя выступает в качестве еще одного общинного звена на территории Далмации, параллельно с найденным О. Мандичем братством, в качестве звена, объединяющего людей и по родственному, и по поземельному признаку. По существу «братство», изученное Мандичем в широком плане, и «племя», обследованное Божичем на локальном папштровичском материале, представляют различные формы одного и того же общинного организма.

Сходство братства и племени может быть подтверждено еще одним любопытным образом. Оказывается, на территории Папштровичей, знающих в XV в. только «племя», впоследствии появляется еще и «братство», и оба этих объединения становятся двумя ступенями одной и той же линии общинного развития. Этнографический материал, собранный в Папштровичах современным югославским исследователем Й. Вукмановичем, показывает, что «племя», дожившее до наших дней в этой области, представляет общину, состоящую из одного или нескольких сел, окруженных кольцом заселков, и в течение столетий (вплоть до середины XIX в.) располагавшую собственной землей и неподделанными общинными угодьями²⁷. Таким образом, племя не совпадает с селом и не является чисто территориальной организацией. Каждое племя состоит из нескольких братств, и этот последний коллектив представляет самую оригинальную и наиболее выразительную ячейку папштровичской общинной организации. Братство возникает посредством раздела общего имущества родных братьев, из числа их размножившихся потомков. Члены братства группируют свои дома и земли и нередко составляют обособленную часть села; они рассматривают себя как кровных родственников и не заключают браков друг с другом. Число членов братств постепенно растет. Й. Вукманович находит, что каждое племя — это не что иное, как разросшееся братство (стр. 242).

Таким образом, и братство, и племя, восходящие генетически к временам раннего средневековья, проявляют исключительную устойчивость и доживают до наших дней. Разумеется, следует ожидать серьезного перерождения и того, и другого организма за такой продолжительный срок. Но, как мы можем заметить, это перерождение

²⁴ Й. Вукмановић. Папштровићи. Антропогеографско-етнолошка испитивања. Цетиње, 1960.

²⁵ А. Соловьев. Сельски-племићи у историји југославенског права. «Архив за правне и друштвене науке», књ. 31. Београд, 1935, стр. 454—465.

²⁶ А. И. Невусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 256.

²⁷ Й. Вукмановић. Папштровићи, стр. 360.

не уничтожило основного качества племени и братства; их члены объединены не только кровнородственными, но и земельными узами. Кажется, есть основание предполагать, что сочетание тех и других связей в рамках определенного вида общины, вне зависимости от того, как эта община называется — «племенем» или «братством», является устойчивой особенностью сельской жизни в средневековой Далмации.

Чтобы проверить правильность этого наблюдения, обратимся к характеристике других общинных коллективов в Далматинской Хорватии. История сельской жизни на этом побережье знает еще один институт, происхождение которого ведет нас к раннему средневековью. Это — вервь, учреждение, неоднократно привлекавшее к себе внимание историков. Длительная полемика по этому поводу в отечественной и югославской историографии²⁸ лишь усугубляет наш интерес к данной проблеме.

Известно мнение Б. Д. Грекова, который считал вервь на Руси XI—XII вв. и в Полице XV—XVII вв. не объединением родственников, а территориальным коллективом в составе деревни²⁹. По мысли Б. Д. Грекова, вервь — это часть села, в которой живут люди, объединенные соседскими интересами и ведущие хозяйство на жербах, отмеренных «вервью» — веревкой. Свою работу о полицкой верви И. Божич³⁰ посвящает критике этого взгляда Б. Д. Грекова. Следует отметить, что И. Божич располагает более обширными источниками, чем те, которыми пользовался Греков для суждения о верви: он привлекает к своей работе, помимо Полицкого статута, и другие исторические источники, дополняя их важными этнографическими свидетельствами Фр. Иваншевича, обследовавшего Полицу в конце XIX—начале XX в.³¹ Опираясь на эти данные, И. Божич отмечает ряд неточностей в работе Б. Д. Грекова. Так, он обращает внимание на не совсем совершенный перевод на русский язык известной статьи 59а («Закон о разделе леса. . .»), давший основания Б. Д. Грекову считать вервь к о л л е к т и в о м, в то время как по смыслу этой статьи (к слову сказать, достаточно туманной) вервь — это п о р я д о к р а с п р е д е л е н и я земли по линии наследования, что в другом месте признает и сам Греков³² (стр. 93). И. Божичу удается, на наш взгляд, убедительно доказать, что посторонние почти не могли проникнуть в состав верви, как это полагал Б. Д. Греков. Полица строго оберегала свои земли от чужаков, и пришлые люди могли получить доступ к общинным землям только на положении кметов (стр. 96—98). Критические замечания в адрес Грекова Божич сопровождает рядом интересных наблюдений. Так, судя по данным конца XIX в., многие члены задруг оставались незамужеными, чтобы помешать дроблению земли (стр. 96). Среди «вервных братьев» часто существовало значительное расслоение: одни «братья» превращали других в кметов (стр. 104). Любопытен порядок раздела семейных общин в Полице, доживший до конца XVI в. и почти полностью повторяющий то, что засвидетельствовано памятниками XVI в.³³: земля делится по числу малых семей, возникших внутри задруги³⁴, а движимое имущество — по числу душ (мужских) (стр. 95).

Но, выдвигая взамен критикуемых им взглядов Б. Д. Грекова свою концепцию развития верви, И. Божич впадает в односторонность. Он убежден, что буквальный этимологический смысл слова «вервь» — «веревка», лат. *funis, funiculus, linea* — воплощается в понятии *linea sanguinis* — линия родства. Этим выражением И. Божич обозначает связь, порожденную происхождением от общего предка. Под это определение автор подводит все случаи упоминания верви в документах эпохи. Между тем стоит лишь внимательнее взглянуть даже не во все акты, а лишь в Полицкий статут, чтобы обнаружить и другой смысл понятия «вервь», упорно игнорируемый И. Божичем. Так, «вервные братья» в ст. 62 выступают как коллектив, который с помощью верви — обычной веревки — делит между собой вервную племенщину. Вервь здесь является не выражением абстрактного родства, а простым орудием раздела. Еще более характерна статья 59а, где «вервь» и «доля племенщины» упоминаются рядом («врвь и дио од пле-

²⁸ О взглядах А. Я. Ефименко, Г. Ф. Блюменфельда, Ф. Леонтовича, М. Ф. Владимирского-Буданова см. Б. Д. Греков. Полица. М., 1951, стр. 66—67. По поводу мнений югославских историков относительно верви см. O. M a n d i ć. Prilozi pitanju seoske općine, bratstva i vrvi. HZ, god. X, 1957, str. 183—188.

²⁹ Б. Д. Греков. Полица, стр. 94; е г о ж е. Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута. ВИ, 1951, № 8, стр. 37.

³⁰ И. Б о ж и ч. «Врвь» у Полячком статуту, стр. 89—112.

³¹ Fr. J v a n i š e v i ć. Poljica, narodni život i običaji. «Zbornik za narodni život i običaji Južnih Slovena». Zagreb, VIII, 2, 1903; IX, 1—2, 1904.

³² Б. Д. Греков. Полица, стр. 73.

³³ См. ст. 26 Новиградского сборника 1551 г., где сказано, что все движимое имущество делится «по головам» и при этом с учетом возраста. Текст Новиградского сборника с переводом на сербо-хорватский язык см. M. B a g a d a. Op. cit., str. 149—177.

³⁴ В этнографической литературе такой способ раздела носит название раздела *per stirpes*, т. е. поколенного. См. M. O. K o c e n. Семейная община. СЭ, 1948, № 3, стр. 11.

менщине»), как бы поясняя друг друга и свидетельствуя о близости понятия «вервь» к разделу наследственной земли полицанина. Речь может идти только об одном разделе — о разделе земли между членами семейной общины. Таким образом, понятие «вервь» воплощает в себе не только и не столько представление о родственной связи (в форме памяти о происхождении от общего предка), сколько представление о разделе земли между родственниками. Вервь — это символ не только родственных связей, как полагает И. Божич, но и связей, возникающих в результате поземельного раздела.

Именно значение поземельных связей И. Божич всячески преуменьшает, стремясь опровергнуть идею Б. Д. Грекова о верви как о территориальной общине. При этом он вступает в открытое противоречие с источниками. Так, «Закон о водяных мельницах» Полицкого статута (ст. 80а) гласит, что вервные братья могут не разрешить одному из них возвести мельницу. Статья не говорит, какой земли касается это правило, но можно догадаться, что речь идет о земле, оставшейся неподеленной между вервными братьями: «другие долишки. . . заявляют, что [здесь] есть и их доля. . .»³⁵. Характерно выражение «долышки» — «дионики»³⁶, но еще более показательным, что эти вервные братья оказываются связанными собственностью на общую землю. Не будучи в состоянии отрицать наличие общих поземельных интересов среди вервных братьев, засвидетельствованных в этой статье, И. Божич неожиданно заявляет, что в ней идет речь не о вервном, а о большесемейном коллективе, о задруге. Никакими доказательствами он не подкрепляет этого утверждения, кроме фразы, что ему «трудно представить, чтобы у разделившихся членов задруги могла оставаться какая-то неподеленная собственность» (стр. 105). Выразительно сказано! Как мы надеемся показать в дальнейшем, это заявление свидетельствует о недооценке известной специфики в процессе раздела семейных общин.

Пока же можно констатировать, что И. Божичу не удалось опровергнуть тезиса Б. Д. Грекова о поземельных связях между вервными братьями, продолжающих существовать и после раздела племенщины — пахотной земли. Правда, справедливости ради нужно отметить, что Б. Д. Греков тоже проявил известную односторонность, отказавшись видеть в полицкой верви кровнородственные связи. Нельзя отрицать того, что выражение «вервные братья» имеет смысл совершенно определенного родственного обозначения [см. яркое определение нисходящих степеней родства в статье 36 а-с — братья родные («присные»), не родные («не прем присные») и «ближние, или вервные»]. Б. Д. Греков, заключая работу о Полице, все-таки признал, что вервь могла объединять родственников, которые при помощи веревки разделили свои пашни на жеребья, после чего родственный коллектив превратился в коллектив отдельных хозяев, объединенных в соседской общине³⁷. Однако он относил эту характеристику исключительно к русской, но не к полицкой, хорватской верви. Таким образом, он не сделал нужных выводов из своих правильных наблюдений о характере верви как о территориальной общине в составе села, тем самым лишив себя возможности правильно судить о происхождении верви. Но как бы то ни было, он оказался ближе И. Божича к пониманию верви как коллектива, объединяемого территориальными интересами.

Характерно, что И. Божич, отвергая этот вывод, попал в ложное положение: материал по истории Полицы, собранный им же самим, вынудил его признать существование поземельных коллективов, объединенных вервной связью. Таким коллективом оказалось «племя», община, составленная из нескольких домохозяйств, родственных друг другу. Впрочем, И. Божич признает, что линия родства связывает членов «племени» лишь внешним образом и подлинной связью здесь является общая собственность на луга и сенокосы. Таким образом, по характеру внутренних отношений «племя» является типичной территориальной общиной. Все это дает И. Божичу веские основания сблизить полицкое «племя», существовавшее еще в конце XIX в., с черногорским «братством» (стр. 106—109). Как мы имели возможность убедиться, И. Вукманович, изучая братство в Паштровичах на черногорском побережье, пришел к выводу, что оно составляет отдельную, нередко обособленную часть села (см. выше, стр. 202). Аналогично этому И. Божич отмечает, что каждое «племя» в Полице еще на рубеже XIX и XX вв. занимало свой конец села, называемый «комшилук» (т. е. «соседство») или «малица»³⁸. Чего же больше? Мнение Б. Д. Грекова о верви как территориальной единицы в составе села находится в исследовании И. Божича новое подтверждение. Может быть, этот коллектив, эту территориальную единицу и не следует именовать вервью, ибо «вервь» в Полицком статуте — это средство раздела, порядок наследования, но отнюдь не группа людей; в этом отношении критика Божича справедлива. Но гораздо важнее то, что И. Божич,

³⁵ «Ини кои дионици. . . оповидаю, да е иним дио. . .»

³⁶ Б. Д. Греков не совсем точно переводит «другие члены» («Полица», стр. 271).

³⁷ Б. Д. Греков. Полица, стр. 205.

³⁸ Как сообщает И. Божич, последний термин происходит от турецкого «махала» и находит любопытную аналогию в албанском братстве «mahallë» (стр. 108, прим. 56). О «mahallë» (или «mehallë») см. в интересной работе: С. И с л я м и. Семейная община албанцев в период ее распада. СЭ, 1952, № 3, стр. 127 и сл.

по существу идя вслед за Б. Д. Грековым, признает в вервном коллективе наличие не только родственных, но и ц о з е м е л ь н ы х связей. Более того, изыскания И. Божича позволяют судить и о происхождении вервного коллектива. Теперь уже несомненно, что он возникает в результате раздела общей собственности.

В современной югославской историографии была предпринята еще одна попытка истолковать средневековые свидетельства о семье, общине и верви. В своей последней работе «Древнехорватская сельская община»³⁹ М. Барада свел воедино все сведения, почерпнутые из Полицкого статута, Новиградского сборника (середина XVI в.) и актов на хорватском языке того же времени. Этот отбор материала, отказ от использования более ранних документов, написанных по-латыни, становится ясен читателю: М. Барада исходит из убеждения, что реконструировать историю сельских институтов можно только на основе анализа грамот, отражающих народную терминологию. Нужно отдать должное М. Бараде: его работа написана с большим знанием источников, он не оставляет без внимания ни одной стороны сельской жизни. Анализу подвергаются все виды имущественных отношений внутри деревни и между членами семейной общины, подробно характеризуются все упоминаемые в источниках хозяйственные уголья — усадьба, сад, пашня, леса, воды, дороги. Работу не отличает четкая постановка проблемы, тем не менее легко заметить, что автор ставит перед собой задачу восстановить облик не столько семейной, сколько сельской общины (seoska zajednica). Поэтому он начинает свое исследование с того, что полностью приводит текст двух статей Полицкого статута (56 и 59), которые наиболее ярко фиксируют существование в деревне общинной собственности на леса и пастбища. Эти общинные уголья являются, по мысли М. Барады, одной из трех основных категорий землевладения в деревне. Двумя другими являются так называемая «племенщина» (пашня) и приусадебная земля с садом и постройками, лежащая в основе семейно-хозяйственного коллектива, названного М. Барадой «родственно-подворной общиной» (rodbinska-dvorna zajednica). Вся работа М. Барады и посвящена характеристике двух последних хозяйственных типов — «племенщины» и «родственно-подворной общины», причем основное внимание уделяется последней. Если сельская община дала название книге М. Барады, то идея «родственно-подворной общины» явилась ее теоретическим стержнем. Какой же смысл вкладывает автор в вводимое им новое понятие?

М. Барада не скрывает того, что новым является только название. Его не устраивают прежние понятия «домашняя» или «семейная община», которыми раньше обозначался этот коллектив, потому что они характеризуют, по мнению М. Барады, лишь одну сторону связей в большой семье. Понятие же «родственно-подворная община» покрывает и родственные, и хозяйственные связи — в этом, как считает автор, его преимущество. Таким образом, М. Барада предлагает новый термин взамен укоренившегося в южнославянской историографии слова «задруга»⁴⁰. Он делает это, стремясь подчеркнуть не столько семейные, кровные основы домашней общины, отныне называемой по-новому, сколько ее производственные основы, коренящиеся в общей собственности на землю. Следует признать, что в данном случае М. Барада правильно подходит к решению проблемы семейной общины.

По мысли М. Барады, элемент коллективизма в хорватской деревне воплощается не только в общей собственности на приусадебный участок, сад и двор, лежащие в основе «родственно-подворной общины», но и в общей собственности всего села на пахотную землю — «племенщину». Да, именно так: пахотная земля и в XV в. находится не в частной собственности отдельных домохозяйств, а в и н д и в и д у а л ь н о м п о л ь з о в а н и и (разрядка моя. — М. Ф.). Этот вывод М. Барада настойчиво повторяет на протяжении всей работы, делая его основным тезисом. Но в то же время М. Барада понимает, что вступает в противоречия с источниками: Полицкий статут и грамоты XV в. дают много примеров того, что племенщина является типичным аллодом. Чтобы сгладить это противоречие, М. Барада предлагает рассматривать племенщину двояко — «в широком смысле», в качестве полной собственности, но только на приусадебную землю, и в «узком смысле», как индивидуальное пользование на пашню. Иными словами, М. Барада под напором фактов вынужден признать существование аллода, однако, пользуясь неясностью источников, он признает его лишь по отношению к приусадебному участку. Это, разумеется, ничего не объясняет и, прежде всего, оставляет открытым вопрос о том, почему в далматинской деревне до XV в. не возникает частной собственности на пахотную землю. Эта проблема даже не ставится в работе М. Барады.

Характерно, что взгляды автора отличаются известной последовательностью. Он настаивает на сохранении коллективных начал не только внутри «родственно-

³⁹ М. В а г а д а. О р. с i t.

⁴⁰ Характерно, что М. Барада отвергает понятие «задруга» еще и потому, что оно, по его мнению, обозначает соединение нескольких семей (стр. 19). Нетрудно обнаружить в этом мнении отзвуки старого представления о большой семье как о механическом соединении малых.

подворной общины» — большой семьи, но и в гораздо более широких пределах, в рамках сельской общины. Последняя, по его мнению, и обладает правом собственности (он называет его «идеальным правом») на все земли в общине. Эта точка зрения М. Барады, несомненно, является ответом на возникшие в последние годы представления о быстром изживании коллективных отношений в далматинской семейной общине уже в раннее средневековье. Отражением этих представлений является концепция О. Мандича, изложенная в его «Братстве». Но следует ли согласиться с мнением М. Барады о столь длительном сохранении коллективных начал, к тому же выраженном в такой решительной форме?

Право на пашню у хорватского крестьянина, в частности в районе Полицы, было, безусловно, ограничено верховной собственностью сельской общины⁴¹. Выражение этих ограничений мы видим в статье 49а Полицкого статута, регулирующей порядок использования наследственных земель. Но речь здесь может идти не об отсутствии аллода, а лишь о его ограничении. Полагать иначе — значит считать, что хорватская деревня в районе Полицы в XV в. представляла собой не сельскую, а земледельческую общину, т. е. ту общину, которую крестьянство и на западе, и на востоке Европы миновало в своем развитии уже к IX в.⁴² К тому же нельзя утверждать, как это делает М. Барада, что индивидуальное землепользование настолько тесно и неразрывно связано с существованием сельской общины, что с исчезновением первого исчезает и сама сельская община (стр. 37). Ведь это значит, что сельская община прекращает свое существование как раз с формированием аллода! Хотя М. Барада и ссылается на Энгельсову «Марку», он весьма далек от правильного понимания рассматриваемых там вопросов.

Мы не можем согласиться с выводом М. Барады об отсутствии аллода на пахотную землю в далматинской деревне. Этого нельзя сделать уже потому, что в таком случае будет начисто снят вопрос о возникновении крупного землевладения в Хорватии: станет совершенно непонятным, за счет чего формируется это землевладение, коль скоро крестьянин не обладает правом продать свою землю. Не удивительно, что в работе М. Барады феодальная собственность возникает почти исключительно за счет королевских пожалований (стр. 43). По сути дела, М. Барада остается на тех же позициях, которые он отстаивал в своем предыдущем труде «Хорватский властельский феодализм», когда рисовал процесс феодализации только в форме создания королевского землевладения⁴³. При таком решении вопроса об аллоде оказывается ликвидированной и проблема поглощения мелкого крестьянского землевладения, и проблема закрепощения крестьянства, и ряд других не менее важных вопросов. Но тезис М. Барады ошибочен не только с теоретической точки зрения. Уже О. Мандич в своем отклике на работу М. Барады привел данные, почерпнутые из Полицкого статута и говорящие о том, что племенщина активно подвергалась разделу между отдельными домохозяйствами и всегда входила в состав крестьянского надела на правах собственности⁴⁴. В доказательство О. Мандич ссылается на слова статьи 49а о «старом законе», по которому совершается раздел племенщины. Таким образом, вывод М. Барады об отсутствии собственности на пахотную землю в Далмации XV в. оказывается опровергнутым в самой югославской литературе.

На протяжении всей работы М. Барада называет крестьянское домохозяйство только «родственно-подворной общиной», большой семьей. Даже когда речь заходит о распаде этого коллектива, то и в этом случае М. Барада говорит лишь о семейных общинах, являющихся результатом этого распада (стр. 119). У читателя возникает естественный вопрос, знала ли вообще хорватская деревня индивидуальную семью, бывшую, как известно, основной семейной ячейкой классового общества? Сам автор не задается этим вопросом, но всем ходом своего исследования он отвечает на него отрицательно. Становится ясным, почему он так часто подчеркивает связь между первобытной и «родственно-подворной» общиной: он считает последнюю активной носительницей родовых отношений, возводя ее непосредственно ко временам родового строя.

Стоит отметить и несколько пренебрежительное отношение автора ко всем источникам, лежащим за пределами его сравнительно узкой источниковедческой базы, и к выводам других исследователей. Так, серьезно и глубоко обоснованный тезис О. Мандича о братстве он отводит главным образом на том основании, что понятие «братства» «создает еще большую путаницу в и без того сложной терминологии эпохи» (стр. 63)(1).

⁴¹ Ф. Энгельс. Марка. В кн.: «Крестьянская война в Германии». М., 1952, стр. 118—119.

⁴² А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 17, 54 и др.; А. П. Каждан. Деревня и город в Византии. . ., стр. 41.

⁴³ M. Barada. Hrvatski vlasteoski feudalizam po Vinodolskom zakonu. «Dijela JAZU», 44. Zagreb, 1952, str. 25 f.

⁴⁴ O. Mandić. Prilozi pitanju seoske općine. . ., str. 183.

В наши цели не входит всесторонний критический разбор книги М. Барады. Мы не должны упускать из виду нашей основной задачи — отыскать в работах югославских исследователей те особенности сельской жизни, которые позволили бы объяснить специфику византийской общины. Характерно, что даже в работе М. Барады, основанной на столь спорных положениях, можно найти наблюдения, представляющие несомненный интерес. Таким является вывод автора о верви и вервной связи.

Правда, и этот вопрос М. Барада решает непоследовательно и путано. Так, он считает, что «вервью» называлось право на землю, субъектом которого являлись все односельчане, независимо от того, были они родственниками или нет. Никакие категории родства не представляют интереса для М. Барады; он объявляет, что мнение о кровнородственных связях, лежащих в основе верви, является глубоким заблуждением (стр. 23—26). Но назвав вервь правом всего села на землю, он, далее, не забывая о последовательности, объявляет вервь правом лишь одного домохозяйства на пахотную землю. Он так и называет последнюю — «вервная племенщина». Назвать эти построения убедительными никак нельзя. Но наряду с этими ошибочными выводами Барада высказывает одну безусловно верную мысль. Он считает, что вервная связь основывается не на кровном родстве, а на территориальной близости и является результатом раздела пахотной земли (стр. 24). И в подтверждение этой мысли автор правильно подчеркивает другое название вервных братьев — «дионики» (дольщики) (стр. 29). Вот это внимание к процессу возникновения верви из раздела общей собственности и является важной положительной стороной исследования М. Барады.

Теперь, когда столько раз в самых различных исследованиях мы обнаруживали вывод о сочетании родственных и поземельных связей в рамках «племени», «братства» и вервного коллектива, можно попытаться подвести некоторые итоги. Действительно, почти все историки, изучающие средневековую хорватскую деревню, теми или иными путями приходят к признанию в составе этой деревни общинного организма, члены которого объединены как поземельными интересами, являясь соседями или дольщиками, так и родственными — впрочем, уже достаточно ослабевшими — узами. Почти единодушно отмечается, что, как бы ни назывался этот коллектив — «братством», «племенем» или «вервными братьями», — он возникает в результате раздела общей собственности. Стоит лишь свести воедино эти сведения, как станет ясно, что здесь нужно подразумевать только один процесс — **раздел семейной общины**. Охарактеризованные выше общинные организмы и являются результатом раздела большесемейной собственности. Но тогда сразу же возникает новый вопрос: **какая же коллективная связь продолжает сохраняться между разделившимися членами большой семьи?** Ведь долгое время в литературе господствовало мнение о том, что малые семьи, возникшие в результате распада большой семьи, становятся совершенно независимыми друг от друга⁴⁵.

В последнее время в советской историографии была выдвинута мысль об особом пути разложения большой семьи. Когда семейная община разрастается и общее потребление становится невозможным, тогда, по мнению М. О. Косвена, внутри нее возникают семьи более узкого состава, но все же сохраняющие большесемейный характер, т. е. состоящие из нескольких брачных групп. Это дробление семейной общины может быть названо процессом «сегментации». В ходе его раздела подвергается вначале движимое имущество, земля же остается в совместном владении этой сегментированной семейной общины, возвращающей в своем составе новые большие семьи⁴⁶. В дальнейшем раздел может стать еще более глубоким, родственники окончательно превратятся в совладельцев-дольщиков. Вот эта группа родственных семей, возникших из сегментации или раздела одной семейной общины и сохраняющих хозяйственное, территориальное и идеологическое единство, и была названа М. О. Косвенем **патронимией**⁴⁷.

Нетрудно заметить, что патронимия разительно схожа с теми общинными коллективами, характеристику которых приходилось наблюдать в работах югославских исследователей, — с раннесредневековым и паштровичским «братством», с полицким «племенем», с «вервными братьями». Более того, внутренняя организация патронимии отлично объясняет специфику всех этих общинных коллективов. Становится ясным,

⁴⁵ См., например, В. Поповић. Задруга. «Гласник земальског музеја у Босни и Херцеговини», XXIII—XXIV. Сарајево, 1922, стр. 73 и сл.

⁴⁶ М. О. Косвен. Семейная община, стр. 19. Интересный пример патронимии в глубокой древности М. О. Косвен находит в свидетельствах Цезаря, судя по которым отдельные семьи живут порознь и лишь время от времени сходятся воедино — по мысли Косвена, для переделов земли (*De bello gallico*, VI, 22). См. М. О. Косвен. Патронимия у древних германцев. ИАН СССР, серия истории и философии, т. VI, № 4, 1949, стр. 356—359.

⁴⁷ М. О. Косвен. Семейная община, стр. 19; е г о ж е. Программа для собирания сведений о патронимии. КСИЭ, вып. 13, 1951, стр. 20—32.

почему «племена» в Полице, «братства» у Паштровичей и вервные коллективы в других местах Далмации занимают обособленную часть села — такова особенность патронимии у всех народов: патронимическая связь всегда дополняется топонимическим единством⁴⁸. Характерным проявлением этой патронимической особенности являлось существование небольших поселений в Северной Великороссии, Белоруссии и на Украине, известных под названием «дворище», «печище» и «сябры»⁴⁹. Нетрудно догадаться, почему О. Мандич обратил особое внимание на способность братства в раннесредневековой Хорватии образовывать отдельные воинские группы: эта черта характеризует всякую патронимию⁵⁰. Следует признать справедливым мнение И. Божича, настаивавшего на том, что вервные братьев объединяет память о происхождении от общего предка. Эта память об общем происхождении и воплощается в патронимическом имени. Понятно также, почему, выдвигая свою мысль о превращении братств в сельские общины, О. Мандич не отрицает сохранения в них кровного родства. Он даже называет братства на раннем этапе их существования «родственно-территориальными общинами», допуская возможность в более позднее время превращения их в «территориально-родственные общины», в которых элемент соседства выступил на первый план, но родственная связь не исчезла⁵¹. Правда, заметим попутно, О. Мандич возводит источник этих родственных связей к одной определенной, и притом весьма отдаленной, эпохе — ко времени поселения славян на Балканах, в то время как источником этих связей является организм, существующий постоянно, — семейная община. Но, как бы ни объяснять их происхождение, кровнородственные связи существуют в «племенах» и «братствах», подчеркивая их близость к патронимии.

Наконец, закономерностями развития патронимии можно объяснить и особенности поземельных отношений в «братствах», «племенах» и среди «вервных братьев». Дело в том, что на раннем этапе существования патронимии семьи, выделившиеся из состава семейной общины и переставшие совместно трудиться, все же сохраняют общую собственность почти на все виды земельных угодий. Выделенная в индивидуальное пользование пашня продолжает, как некогда в земледельческой общине, подвергаться периодическим переделам. Лишь впоследствии земельные наделы отдельных семей становятся аллодом, но и тогда за бывшими родственниками сохраняются пережиточные права, являющиеся следствием их некогда существовавшей общей собственности: возможность выкупа проданной земли, право предпочтения, согласие в случае продажи надела одним из дольщиков⁵². Это длительное совместное владение отдельными долями, выделенными из большесемейной собственности, превращает родственников в дольщиков и порождает множество выражений для обозначения этого понятия. Это не только «дионик» Полицкого статута (ст. 33, 58, 59а, 80а), но и *participes* далматинских грамот XI—XII вв.⁵³, и *consortes* из Истрии XII в.⁵⁴, и ряд других названий⁵⁵.

Повсеместное и частое упоминание дольщиков, обладающих правом предпочтения и выкупа, утверждающих своим согласием продажу земли, является, несомненно, результатом распространения патронимии, представленной формами «племена», «братства» и «вервных братьев».

Это распространение патронимических отношений в славянских землях на западе Балканского полуострова дает нам основание вернуться к решению вопроса, поставленного в начале этой статьи, с тем чтобы определить, какая связь существует между большесемейной собственностью в рамках византийской общины и устойчивостью этой общины. Предположительный ответ на этот вопрос, как мне кажется, теперь напрашивается уже сам собой: сплоченность и устойчивость общины на территории империи определяется сохранением сильных патронимических связей. Иными словами, односельчане здесь являлись бывшими членами разросшихся и распавшихся большесемейных коллективов, связанных, как это обычно бывает в патронимиях, множеством соседских, хозяйственных и родственных нитей. В задаче данного обзора, естественно, не может входить анализ внутренних отношений в византийской деревне под этим углом зрения. Я хотел бы сослаться лишь на одно, но весьма характерное сви-

⁴⁸ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, стр. 136—137.

⁴⁹ Е го же. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище. СЭ, 1950, № 2, стр. 65—76.

⁵⁰ Е го же. Программа... стр. 22.

⁵¹ О. Мандич. *Bratstvo*... стр. 274.

⁵² М. О. Косвен. Северорусское печище... стр. 75.

⁵³ «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae». Ed. T. Smičiklas Zagreb, 1904, № 215, p. 232—233; № 274, p. 291.

⁵⁴ C. de Franceschi. L'antica abbazia di S. Maria del Canneto in Pola e un suo registro censuario del secolo XII. «Atti e memorie della Società istriana dell' archeologia e storia patria», vol. 39. Pola, 1927, p. 330.6; 338.6; 339.7; 340.2.

⁵⁵ Например: *socii*. VI. Маžураниć. *Prinosi za pravno-povjesni rječnik* Zagreb, 1908—1922, стр. 248.

детельство. Оно содержится в многократно исследовавшейся новелле 922 г., восстанавливающей право предпочтения.

Новелла отмечает, что это право (которое само по себе является типичным атрибутом патронимии) распространяется по нисходящей линии на концентрические круги односельчан. В первую очередь этим правом обладают родственники, и это доказывает, что источником права *προτίμιας* являются кровнородственные связи. Но еще более характерно то, что во втором круге лиц находятся «соучастники», крестьяне, владеющие сообща «одним и тем же недвижимым имуществом, хотя бы оно было потом... разделено на отдельные участки»⁵⁶. Здесь все — и совместная собственность на землю, и возможность раздела, не исключающего сохранение общего владения, и самое название «соучастники» (ср. *consortes, participes*, «дионики») — свидетельствует о патронимическом характере отношений. Вот почему, на мой взгляд, совершенно прав М. Я. Сюзюмов, утверждающий, что новелла 922 г. о праве предпочтения закрепила один из пережитков родового строя, принесенного славянами на территорию империи. Отражением этих принесенных славянами родовых отношений и являются градации в системе предпочтения, которых не знала византийская действительность IV—V вв.⁵⁷

Разумеется, проблема патронимии в византийской деревне нуждается в дальнейшей разработке, здесь же она может быть только поставлена⁵⁸. Но уже сейчас, как кажется, можно говорить о том, что сравнительное исследование византийских и южнославянских аграрных порядков открывает новые интересные перспективы.

М. М. Фрейденберг

РЕЦЕНЗИИ

А. П. КАЖДАН. ДЕРЕВНЯ И ГОРОД В ВИЗАНТИИ IX—X вв.

Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960. Изд-во АН СССР

Перед нами — большая монография автора, хорошо знакомого византинистам как Советского Союза, так и зарубежных стран. Эта монография — плод многолетних исследований автора, ряд положений которого уже известен читателям «Византийского временника»¹. Прежде чем приступить к анализу социально-экономических отношений в Византии IX—X вв. А. П. Каждан проделал колоссальную работу по изучению нарративных источников этого периода. К сожалению, эта источниковедческая работа не включена в данную монографию².

Работа А. П. Каждана посвящена внутреннему строю Византии от конца IX до конца X в. Эта эпоха, как правильно ее расценивает автор во введении, является критической в истории Византии. Внутренняя история Византии в этот период никогда не была предметом специального монографического исследования. Между тем именно эту эпоху можно назвать временем массового закабаления свободного крестьянства, что характерно для завершения процессов феодализации и начала оформления феодальных институтов, отражающих специфику византийских условий. Это была эпоха наивысшей степени влияния византийской цивилизации как на западные, так и на восточноевропейские страны. Разумеется, дать монографию по истории этой эпохи в целом — дело будущего. Работа А. П. Каждана не имеет в виду пол-

⁵⁶ Цит. по: «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 156.

⁵⁷ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. ВВ, XVII, 1960, стр. 13, прим. 27.

⁵⁸ О патронимии в хорватской деревне в форме коллектива «вервных братьев» см. М. М. Фрейденберг. «Вервь» в средневековой Хорватии. «УЗ Великолуцкого пед. института», вып. 15, 1961, стр. 27—47.

¹ См. статьи А. П. Каждана: «Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв.» (ВВ, VI, 1953); «Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв.» (ВВ, VIII, 1956); «К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв.» (ВВ, X, 1956); «Формирование феодального поместья в Византии X в.» (ВВ, XI, 1956); «Василики как исторический источник» (ВВ, XIV, 1958); «Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. (по поводу работы П. Лемерля)» (ВВ, XVI, 1959).

² Частично работа над источниками опубликована: см. «Хроника Симеона Логофета» (ВВ, XV, 1959); «Две византийские хроники X века». Изд-во Восточной литературы. М., 1959 (перевод жизнеописания патриарха Евфимия с подробными комментариями и обстоятельной вступительной статьей).

ного изучения эпохи во всей сложности взаимодействия базиса и надстройки византийского общества, но работа касается наиболее важных проблем внутренней истории — истории деревни и города с их своеобразными особенностями и в их развитии. Автору пришлось столкнуться с рядом трудностей, поскольку в исторической зарубежной и советской литературе имеется немало отдельных теорий об особенностях социально-экономического развития Византии, взаимно противоречивых и иногда внутренне непоследовательных. А. П. Каждан сделал попытку дать единую концепцию социально-экономических отношений того времени. Эта концепция нам не кажется во всех деталях приемлемой, однако появление такой монографии — крупное событие в истории византиноведения; эта работа, можно сказать, представляет собой начало нового этапа в подходе к изучению процессов феодализации Византии — параллельного изучения развития феодальных отношений как в деревне, так и в городе.

В монографии А. П. Каждан ставит своей задачей полный пересмотр вопроса о генезисе феодального строя в Византии, причем заостряет внимание на специфике процесса феодализации Византии. Со всей тщательностью автором изучаются проблемы развития общины, крупного землевладения, города, роли политических институтов. Историкографический обзор приводится в начале каждой главы и отличается исключительной глубиной анализа: дается не только критика неправильных исходных положений и выводов, но и отмечается то новое, что вносилось определенными историками в византиноведение. Исключительно ценны исследования становления отдельных феодальных институтов и роли их в процессе завершения закабаления крестьянства (например о роли в формировании феодальных отношений предоставления солемнии, арифмоса, экскусии). Эрудиция автора поразительна: повсеместно в монографии автором дается полная картина состояния исторической науки по затронутому вопросу. В этом отношении труд А. П. Каждана представляет собою особую ценность. Если даже и не соглашаться с автором относительно некоторых обобщений и отдельных деталей, то во всяком случае любая проблема изучена автором с привлечением всего имеющегося в мировом византиноведении материала.

В монографии дается острая, но вполне заслуженная критика некоторых концепций буржуазного византиноведения. Все исследование А. П. Каждана построено на строго марксистских позициях и отражает современную стадию развития исторической науки в СССР.

Монография начинается введением, в котором автор определяет цели своей работы. Он считает необходимым опровергнуть представление о мощи византийских городов в X в., а также отвергнуть обычно признаваемый факт попыток византийского правительства сохранить мелкое крестьянское землевладение. Он стремится показать, что, наоборот, Византийское государство играло активную роль в процессе феодализации и закабаления крестьянства (стр. 13). С другой стороны, отвергая все существующие теории специфики византийского феодализма, автор поставил своей целью выявить действительные основы социально-экономического своеобразия Византии.

А. П. Каждан противопоставляет советское византиноведение зарубежному с точки зрения признания существования феодализма в Византии. Проблема трактовки византийского феодализма в западной историографии требует своего исследователя. Во всяком случае автор слишком прямолинейно и схематично подошел к этому вопросу. Если, например, вспомнить Гфререра, то он в полном соответствии с господствовавшей в 70-х годах XIX в. теорией германского происхождения феодальных институтов считал, что византийцы познакомились с ними благодаря готским наемникам еще во времена Позднеримской империи и что в Византии X в. существовали такие же ленные отношения, как и на Западе, такие же процессы поглощения мелкой собственности, такие же тенденции к феодальной раздробленности³. И в настоящее время вопрос о византийском феодализме (конечно, с немарксистских позиций) в буржуазной историографии Византии отнюдь не решается в отрицательном смысле. Так, Хауссиг считает, что феодальные институты в Византии, как и на Западе, развивались самостоятельно, независимо от влияния крестоносцев; при этом он сравнивает Византию X в. с Германией X—XI вв.⁴

А. П. Каждан дает во введении краткую характеристику источников. В отношении значения юридических документов автор придерживается совершенно необъяснимой позиции: он, видимо, отвергает самую возможность считаться с рецепцией права. Если положения права сформулированы в иной обстановке, то они, по мнению А. П. Каждана, не подлежат рассмотрению как источник для историка (стр. 15, прим. 40). Но законодательство представляет собой сконцентрированную волю господствующего класса; в интересах находящейся во главе государства прослойки оно предписывает соблюдать такие нормы поведения, которые выгодны для данного

³ A. F. G f r ö g e r. Byzantinische Geschichten, II. Graz, 1877.

⁴ H. W. H a u s s i g. Kulturgeschichte von Byzanz. Körnertaschenausgabe, 241. Stuttgart, 1959.

класса в целом, независимо от того, как и когда сформулировано данное положение права. Автор пишет: «... прямой смысл норм Василик уводит нас в далекое прошлое». Это неверно: прямой смысл норм Василик — охрана частной собственности, нерушимость обязательств, объединений, семейных отношений; раз они были приняты, они так или иначе влияли на жизнь. Известно, что устаревшие законы, которые изданы в иной обстановке, тормозяще действуют на культурное и хозяйственное развитие страны. Если принять метод автора, роль устаревших законов можно игнорировать только потому, что «прямой их смысл» отводит в далекое прошлое. Автору следовало бы в своей работе более тщательно исследовать, насколько соблюдались нормы Василик судьями, нотариусами, церковниками по разделам церковного права. Но именно этот вопрос затрагивается лишь мимоходом.

Автор начинает изложение с главы «Общинная собственность». Уже первая фраза вызывает возражение: «Исходным моментом развития феодальных отношений является разложение общины». Нам кажется, что прав Ф. Энгельс, который считал, что община-марка продолжала существовать в период всего феодализма, хотя и под господской опекой! Видимо, нужно говорить не о разложении общины, а о ее развитии вплоть до общины-марки с частной собственностью на пахотные участки, а в некоторых местностях вплоть до создания сильной городской средневековой общины — там, где село переходило в город. Не обязательно связывать общину с общинным землевладением: наиболее мощной общиной можно считать средневековый город-коммуна, который вовсе не был построен на общинной собственности, но был объединением частных собственников, сплоченных благодаря производственным интересам.

Критикуя на стр. 24 Б. Панченко за то, что личное и общинное владения представлялись ему взаимоисключающими явлениями, автор не замечает, что в дальнейшем он впадает в подобную же ошибку. А. П. Каждан никак не может совместить возможность существования сельской общины с наличием полной частной собственности на землю; он не считает возможным, что при наличии общинной собственности на часть сельской территории (*κόπος ἀμέριστος*) пахотная земля может принадлежать на началах римского права частным собственникам (это непонимание приводит к тому, что в прим. 22 на стр. 29 автор недоумевает, как можно увязать представление о сильной сплоченности византиино-славянской общины с признанием определяющего влияния римского права). Автор никак не хочет признать, что сплоченность трудящихся определяется вовсе не формой собственности, а производственными интересами и что в тот период, когда основным типом хозяйства было мелкое единоличное производство, именно хозяйство частных собственников при наличии общинной неподделенной территории и являлось наиболее соответствующим технике сельского хозяйства VIII—X вв.

Совершенно бездоказательным является утверждение, что на Востоке, в Византии, римское влияние сказалось в меньшей степени, чем в Галлии, что римское влияние не смогло уничтожить старых доэллинистических форм общинной собственности (стр. 23). Нам непонятно, как влияние римского права в ранней Византии, ставшей центром кодификации права, могло быть слабее, чем на Западе, как в стране, где товарное хозяйство по сравнению с Западом было гораздо более развито, где существовала строгая бюрократическая система, как там, несмотря на все перемены, оставалась неизменной примитивная доэллинистическая форма собственности? Где документы о господстве в деревне такой «доэллинистической» собственности в V—VI вв.? Отсюда, по нашему мнению, вытекает самая существенная ошибка автора. При анализе византийской общины VIII—IX вв. он исходит от предполагаемых им гипотетических доэллинистических отношений и совершенно игнорирует влияние четко сформулированных положений действующего права, которое вытекало из наличия относительно развитого товарного хозяйства в восточной половине Римской империи. Это многовековое влияние права, защищающего неприкосновенность частной собственности, нельзя не учитывать при определении специфики византиино-славянской общины. Исходя из априорного положения о нерушимости доэллинистических отношений, автор приходит к выводу, что в Византии крайне медленно развивалась частная «аллодиальная» собственность. Как можно говорить это о Византии? Ведь ни в одной стране понятие о частной собственности не было так четко сформулировано, как именно в Византии!⁵ Автор совершенно упускает из виду факт существования в IV—VI вв. м и т р о к о м и и, которая, судя по названию, была институтом даже не римского, а местного права. А из законодательных источников совершенно ясно, что собственность на землю в митрокомах была частная и что правительство искусственно стремилось приостановить распродажу крестьянами земель лицам, не входившим в митрокомии. Спрашивается, куда девались митрокомии? Нам кажется, что при анализе византийской общины VIII—X вв. необходимо исходить именно из порядков митрокомии, иначе мы рискуем оторваться от местных условий, которые, безусловно, нельзя сбрасывать со счета при анализе. Автор признает, что продажа земли имела место в византийской общине, однако добавляет, что эти факты были крайне редкими.

⁵ Cod. Just., VII, 25.

Это утверждение совершенно не аргументировано. Раз существовала уже цена на земельный участок (как мы можем вывести из текста Земледельческого закона), то можно предположить, что факты продажи были обычным явлением.

Но может быть, крестьянская община в Византии под влиянием славян деградировала? Нам кажется это невероятным. Славяне, как неопровержимо показала советская наука, находились на относительно высокой ступени развития сельскохозяйственной техники и мало чем отличались от византийских землепашцев. Славянское влияние внесло изменения в отношения между членами общины, укрепило устойчивость общины привнесением некоторых элементов кровнородственных отношений. Но поскольку славяне не смогли захватить государственную власть, сломить форму собственности они не были в состоянии. Наоборот, высокий уровень развития сельского хозяйства у славян делал их самих восприимчивыми к институту частной собственности. Конечно, то, что было в Болгарии или Сербии, где славяне уничтожили византийскую государственность, не может быть распространено на чисто византийские местности, где все время сохранялась власть централизованного государства, защищавшего частную собственность.

Положение о влиянии кровнородственных уз славянской общины на византийскую вполне аргументировано автором: в византийских документах действительно часто встречаются факты сохранения после смерти главы семьи неразделенного хозяйства многих членов семьи с их долями в хозяйстве, что и привело к понятию *ἀνακοίνοσις* и к особым правам лиц, обладающих *ἀνακοίνοσις*. Совершенно правомерно автор говорит о наличии в деревнях неподеленной территории: любая община, будь то село или средневековый город-коммуна, имела неподеленную, принадлежавшую общине, как юридическому лицу, землю. Но это ни в коей мере не решает вопроса об общинной собственности на пахотную землю, поделенную на участки! Между тем автор предлагает особые усилия, чтобы доказать полное отсутствие частной собственности на землю в византийской деревне. На стр. 41 он ссылается на высказывание К. Маркса о дуализме общины⁶, но эта ссылка не совсем удачна. Автор не замечает, что этот дуализм К. Маркс относит только к первичной общественной формации, но что во вторичной формации, т. е. при рабовладельческом и крепостническом строе, община земледельческая является переходной фазой от общества, основанного на общинной собственности, к обществу, основанному на частной собственности, и что результатом дуализма может явиться либо победа собственнического начала над коллективным, либо последнее одержит верх над первым, а это зависит от исторически сложившихся условий. Нам кажется, что именно в Византии условия как раз складывались так, что собственническое начало уже в IV—VI вв. одержало верх над коллективным в земледельческой общине. А. П. Каждан считает, что община VIII—X вв. качественно отличалась от позднеримской тем, что в ней не было уже переделов. Но были ли переделы в ранневизантийской общине IV—VI вв.? Судя по смыслу закона Льва и Анфимия 468 г., можно с уверенностью сказать, что никаких переделов в византийской митрокопии не было.

Существенным отличием от позднеримской общины А. П. Каждан считает наличие в византино-славянской общине «права на чужую землю». Однако вряд ли можно считать, что законодательство о византийской общине в VIII—X вв. так резко отличалось от норм Юстинианова права, как полагает автор. Все «права на чужую землю» входят в основном в положения о сервитутах, в том числе *servitus pascendi*. А понятие «суперфициес» вполне соответствует римскому, поскольку в Юстиниановом праве суперфициес вовсе не полная собственность землевладельца на то, что построено на его земле; суперфициес, если оно возникло *bona fide*, представляет собой своеобразное пользование, институт *sui generis*. Отдельные казусы вполне объяснимы с точки зрения норм Юстинианова права. Думается, что нет необходимости останавливаться на «праве» съесть яблоко в чужом саду. Никакого такого «права» не было. Хозяин мог не пустить нежеланных гостей, что и делалось сторожами. Единственное, о чем говорило это «право», так это о том, что нельзя было привлечь к ответственности как вора человека, съевшего фрукт с чужого дерева.

Как аргумент в пользу признания наличия общинной собственности автор выдвигает также тезис о том, что в византийской общине факт длительного владения был более важен, чем титул собственности. Однако если это и встречалось в судебной практике, то это вовсе ничего не говорит ни об отсутствии частной собственности на землю, ни об отличии от положений Юстинианова права. В приведенном примере Калоян проиграл дело, поскольку документов о праве собственности он представить не мог, а факт владения признавался за его противником, и суд ни в чем не отступил от закона *uti possidetis*⁷.

На стр. 87 автор пишет: «Нам представляется произвольной попытка П. Лемерля утверждать, что по новелле Романа II хресис переходил к общине». Но ведь

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 695.

⁷ Dig., XLIII, 17; Cod. Just., VIII, 6.

об этом говорит не Лемерль, а Роман II (πρὸς τὴν κοινότητα ἢ τῶν τόπων χρισίς). По смыслу данной новеллы вовсе нельзя признать наличие верховной собственности на землю за общиной. Наоборот, нужно прийти к выводу, что собственность на землю была частная, но что в некоторых случаях пользование передавалось общине, которая и распоряжалась участками при особой акцентировке, что собственность остается за прежним хозяином⁸. Нам кажется неправомерным рассуждение на стр. 38 об отсутствии деликта в случае работы на чужом участке земли. Нигде аграрные тяжбы под *actio furti* не подходили, поэтому наказания за аграрные деликты являлись *sui generis*.

Таким образом, на наш взгляд, положения о наличии общинной собственности недостаточно аргументированы автором и сплоченность общины нужно объяснять не наличием определенной формы собственности, а наличием общих производственных интересов. Поэтому вряд ли можно говорить о том, что в Византии «аллодиальная» собственность складывалась медленно (стр. 174). Мы считаем более вероятным признание обратного, а именно, что Позднеримская империя и Византия были классическими странами частной собственности.

В заключении к первой главе (стр. 56) автор делает вывод: «На процесс феодализации в Византии наложили отпечаток два обстоятельства: длительное сохранение рабовладельческого уклада и сила государственного аппарата». Это совершенно верно, но, если говорить о специфике византийского процесса феодализации, нужно иметь в виду основную причину обоих упомянутых обстоятельств; именно, что феодализм в Византии развивался не прямо от разлагающегося родо-племенного общества, а на базе многовекового рабовладельческого общества с развитым товарным производством, т. е. византийский феодализм возник на базе уже укрепившегося господства частной собственности. Между тем А. П. Каждан рассуждает так, как если бы византийская община прямо произошла от первобытной, игнорируя влияние того права, которое явилось следствием развития рабовладельческого общества.

Вторая глава монографии посвящена анализу крупной земельной собственности и формированию феодальной зависимости. Содержание главы неопровержимо доказывает, что X век был в Византии веком «аграрного переворота». Автор доказал, что в VIII—середине IX в. еще не было особенно крупной земельной собственности — ни светской, ни церковной. Попутно он подчеркнул, что мнение о закреплении патриархских крестьян митрополией св. Андрея неправильно: эти крестьяне только обязались выполнять государственные повинности, лежавшие до того времени на патриархской митрополии (стр. 66). Резкое изменение положения крестьян отмечается автором только со второй половины IX в.: именно тогда появляются крупные земельные владения, причем они обрабатываются первоначально при помощи рабов и мистиев.

Автор считает середину IX и X в. временем рецидива рабовладельческих отношений, что и привело, по его мнению, к реценции права Юстиниана в Прохироне и Василиках. Здесь мы не можем согласиться с автором: положения о рабах, сформулированные в Эклоге, ничуть не отличаются от положения Юстинианова права. В отношении статуса рабов положения римского права вовсе не отменили в Византии. Реценция относилась не к восстановлению статуса рабов и вольноотпущенников, а к фиксации норм, характерных для более развитого товарного хозяйства.

В главе ярко показано становление форм зависимости непосредственного производителя от землевладельца. Однако проследить прямое превращение освобожденных рабов (вольноотпущенников) в зависимых крестьян по византийским источникам автору не удалось. Приводимые примеры вовсе не говорят о превращении освобожденных рабов в крепостных. Их закрепощение — результат дальнейших мероприятий со стороны знати!

Но в основном А. П. Каждану удалось показать, что в X в. сформировалась не просто крупная земельная собственность, а именно феодальная.

В третьей главе автор рассматривает роль государства в процессе феодализации. В основе анализа лежит общее положение о том, что государство по своей классовой природе не могло вести действительной борьбы против крупного землевладения. Автор стремится показать роль государства как органа насилия, ускорившего процесс феодализации (стр. 127). Разумеется, поскольку процесс феодализации Византии был закономерен, это положение в основном правильно. Однако историку этого недостаточно для анализа политики государственной власти. Вопрос заключается в том, какому пути феодализации государство оказывало поддержку, каким формам закабаления трудящихся государство противодействовало, поскольку отдельным прослойкам господствующего класса формы закабаления были далеко не безразличны. Смотря по тому, какая прослойка эксплуататоров находилась во главе госаппарата, политика государства могла либо способствовать закономерному развитию феодализации, либо временно его задерживать. Необходимо также учесть возможность и даже неизбежность маневрирования государственной власти ввиду постоянной борьбы между суще-

⁸ Jus, III, p. 283.

ствовавшими в Византии двумя группировками господствующего класса, а также под давлением выступлений низов. Политика государственной власти на определенном ограниченном временем этапе не может трактоваться столь схематично, как это делает автор.

Переходя к вопросу о государственной собственности, А. П. Каждан совершенно правомерно не видит разницы между понятиями «казенная земля» и «императорская земля»: и та, и другая были государственной собственностью, которой бесконтрольно распоряжался император.

Естественно, что в данном отношении государство выступает не как суверен, а как землевладелец — организатор хозяйственной эксплуатации трудящихся. Нам кажется, что разница между казенной землей и землей императорской, тем не менее, была: императорские поместья — это имения с организованным хозяйством, а казенные земли — это земли главным образом из конфискованных, земли, которые считались собственностью казны, но где казна не вела своего хозяйства. Совершенно неожиданно и в противоречии со сказанным о разделении земли на императорскую, казенную и частновладельческую А. П. Каждан выдвигает положение о том, что вся недвижимость в Византии считалась собственностью государства. «Византийская юридическая теория рассматривала землю как собственность государства, а всякого землевладельца как держателя государственной земли, обязанного выполнять государственные повинности» (стр. 186—187). Такой юридической теории не было в Византии. Если об этом и говорилось юристами II в. применительно к провинциям, то со времени *Constitutio Antoniana* не могло остаться и следа от этой теории ни в Юстиниановом праве, ни в Василиках; особенно ясно сформулирована Юстинианова конституция *de pundo ex jure Quiritium tollendo*⁹. Новеллы Юстиниана четко разграничивают государственную и частную собственность. Сам автор приводит положение из новеллы Льва VI о разграничении государственной и частной собственности при нахождении клада.

Нужно сказать, что в данном случае автор смешивает суверенитет с государственной собственностью. Государственные повинности налагаются государством в силу суверенитета, а не в силу государственной собственности на данную землю. А. П. Каждан ссылается, обосновывая свой тезис, на новеллу Льва VI № 114. Однако эта новелла говорит лишь о запрещении соседям препятствовать отчуждению земли. Слово *ὑποθηκόσιον* можно понимать только в смысле подчинения государству. (Но если даже и согласиться с А. П. Кажданом в отношении понимания слова *ὑποθηκόσιον*, то и в этом случае новелла не говорит в пользу автора: по грамматическому смыслу она будет касаться лишь лиц, живущих на землях, являющихся собственностью государства.)

Далее автор ссылается на новеллу Василия II об отмене 40-летней давности для возвращения казне принадлежавших ей имений. Уже одно упоминание об отмене права давности для государства говорит за то, что никакой теории государственной собственности на всю землю не существовало. В новелле объявляется о праве государя разыскивать принадлежавшую некогда казне землю, а не о праве налагать свою руку на любой участок земли! Тезис о государственной собственности на всю землю автору не удалось доказать. Он начисто отвел все четкие положения о разделении земли на государственную и частную. А отдельные случаи конфискации ничего не доказывают: подобные факты изъятия частной земли в пользу государства встречаются и в наше время в капиталистических странах в случае военной или какой-либо иной необходимости.

Кстати, А. П. Каждан на стр. 141 (прим. 84) придает совершенно неправильный смысл словам Феофилакта Болгарского. Ведь когда тот говорит о *χρηματικῆ*, то имеет в виду не имущество, а доход. Смысл слов Феофилакта таков: пока государство касалось только доходов церкви (т. е. облагало налогами), мы страдали и терпели, но теперь же касается того, что принадлежит церкви. . . Феофилакт возвращается к теории о неприкосновенности церковных земель, что сформулировано в каноническом праве: ведь собственником церковных земель является не государство, а сам Иисус Христос! Автор говорит, что Феофилакт Болгарский не возражал против права императора брать в казну частную землю. Как видим, это не так. Автор не приводит и тех положений, в которых церковники явно протестуют против изъятий земель из владений церкви, ссылаясь на то, что государство не имеет права отнимать церковные земли. В этой связи можно вспомнить Иоанна Антиохийского и особенно Кавасилу¹⁰.

В монографии проводится мысль, что все крестьяне, уплачивавшие налоги и выполнявшие государственные повинности, являлись «государственными крестьянами», а в сущности государственными крепостными.

Автор прилагает всяческие усилия, чтобы доказать, что в Византии государственные налоги ничем не отличались от частновладельческой земельной ренты, что нужно считать феодально-зависимыми крестьянами и тех, кто платил оброк и выполнял барщину частному феодалу. и тех, кто платил подати государственным чиновникам.

⁹ Cod. Just., VII, 25.

¹⁰ DOP, XI.

Спрашивается, почему же так испугались монахи лавры св. Афанасия, когда узнали, что им придется платить налоги не казне, а брату императора Адриану (стр. 150)? Почему этот акт они сочли за лишение свободы и за превращение в париков — ведь сумма платежа не изменилась? Очевидно, люди того времени прекрасно понимали, что между налогом и платежом частному хозяину большая качественная разница!

Говоря о выполнении крестьянами государственных повинностей, А. П. Каждан старается изобразить это как феодальную барщину. Так, например, обслуживание населением государственной почты автор называет «государственной барщиной» (стр. 143). Трудно понять, почему употребляется слово «барщина». Если автор желает этим доказать феодальный характер повинности, то ведь подобное же обслуживание населением государственной почты, равно как и прочие повинности, существовало и в рабовладельческом обществе.

Положение о том, что византийская налоговая система коренным образом отличалась от позднеримской, слабо аргументировано. Те отличия, о которых говорит автор, несущественны, а основные повинности и налоги с земледельческого населения в принципе мало чем отличались от позднеримских.

Мы возражали бы и против употребления термина «централизованная рента». Такой термин уместен был бы, если бы под этим подразумевалось изъятие у землевладельца в пользу государства части получаемой им земельной ренты от зависимого крестьянина. Но А. П. Каждан употребляет это понятие в значении налогов с крестьянского населения. В данном случае понятие «рента» совпадает с понятием извлечения прибавочного продукта вообще, что неправомерно. Мы не видим никакого смысла понятие «налог» выражать словами «централизованная рента». Что налог есть изъятие прибавочного, а иногда и необходимого продукта у непосредственного производителя, — это ясно. Но непонятно, почему это — «рента». Ведь рентой называется та часть прибавочного продукта, который присваивается собственником земли. Налоги же государство собирало не как собственник земли, а в силу своего суверенитета. Понятие «централизованная рента» не разъясняет вопрос, а скорее запутывает. Применение термина «централизованная рента» может привести только к теории существования феодального строя во все времена, пока существует государство, поскольку без налогов не существует ни одно государство.

Далее автор приводит, по нашему мнению, парадоксальное утверждение, что в деревне не размеры участка определяли ставку налога, а, наоборот, налог определял размер крестьянского участка. Но в «Трактате об обложении» совершенно ясно указывается, как определялся налог. Сначала производился обмер отдельных участков, из подсчета отдельных участков устанавливалось общее количество модиев, это количество сопоставлялось с общей податной суммой, и таким образом устанавливалось, сколько падает на каждого собственника. Другими словами, сколько земли у каждого в отдельности, такой и устанавливался налог. Тот пример, на который ссылается А. П. Каждан, имеет в виду раздел наследства, когда не было завещания и когда действительно раздел производился в соответствии с той суммой налога, выплачивать которую соглашался каждый наследник; совершенно естественно, что и принудительное распределение земли в качестве эпитафии производилось в соответствии с вносимой суммой налогов.

Нам непонятно положение автора (стр. 167), что «Византийское государство по существу разрушало общину, превращая ее в оплот деспотизма». Автор ссылается на Ф. Энгельса («Анти-Дюринг»). Но у Ф. Энгельса ничего не сказано о «разрушении» общины. Наоборот, Ф. Энгельс говорит о том, что там, где община сохранилась, она была основой самого грубого государственного строя, восточного деспотизма, и что только с разрушением общины начинается дальнейшее развитие. Совершенно невозможно согласиться с априорным положением о том, что государство в Византии, раз оно не было полностью уничтожено, оказалось врагом общины, причем более мощным, чем на Западе (стр. 23). Почему государственная власть должна в любом случае быть враждебна общине? Разве община, согласно учению марксизма, не является оплотом всякого деспотизма, застойности, изолированности и темноты? Государству эксплуататоров незачем было стремиться к уничтожению общины — наоборот, был смысл ее сохранить! Поэтому трудно согласиться и с оценкой в монографии новелл X в. А. П. Каждан приходит к парадоксальному выводу о том, что, запрещая динатам скупать крестьянские земли, «Византийское государство не только противодействовало процессу феодализации, но и, наоборот, будучи органом власти феодалов, прямо содействовало укреплению феодальных отношений в империи» (стр. 188). Нам хочется спросить автора: неужели феодалам-динамам после запрета скупать у крестьян земли стало легче укреплять крупное феодальное землевладение? Неужели феодальные отношения усилились в результате того, что многим бедным крестьянам возвращена была земля бесплатно, как это явствует из новелл? Мы полагаем, что из того факта, что государство — орудие класса эксплуататоров, вовсе не следует отрицать отдельные попытки маневрирования со стороны византийской автократии. Сам автор в другом месте признает мероприятия новелл X в. у с т у п к о й

крестьянству вследствие страха перед восстаниями. Но ведь всякая уступка в некоторой мере облегчает положение крестьян! Мы должны признать, что новеллы X в., безусловно, направлены были против феодалов-динатов. Другой вопрос, в чьих интересах — в интересах ли сохранения автократии или в интересах городской знати? Нельзя рассуждать о явлении только *ex eventu*. Разумеется, новеллы не в силах были преодолеть действия исторической закономерности. Препятствуя динатам приобретать крестьянские земли, новеллы предоставляли такие преимущества богатой прослойке деревни, что из земельной собственности, находившейся в ее руках, стали вырастать феодальные поместья. Анализ социального смысла новелл X в. заканчивается, к сожалению, только на новеллах Никифора Фоки и не затрагивает наиболее интересных новелл императора Василия II.

Говоря об иммунитете и экскуссии, А. П. Каждан исходит из той точки зрения, что иммунитет — особая форма внеэкономического принуждения, а не отщепление в пользу отдельных сеньоров функций государственной власти. Поэтому изъятия из налогового обложения, передачу господину права самостоятельно собирать налоги в своих владениях он не считает иммунитетом. Но разве этим самым не дается господину власть над населением? Разве благодаря этому не появляется у землевладельца новая форма внеэкономического принуждения? Нам кажется, что нельзя также финансовые льготы особо отделять от льгот судебного порядка. Ведь суд был тоже доходной статьей в средние века! А освобождение феодала от налогов означало только то, что прибавочный продукт, создаваемый земледельцем, начал присваиваться иными путями, иными формами принуждения. Именно с точки зрения понимания автором иммунитета его утверждение о необходимости отделить экскуссию от иммунитета является весьма шатким.

Глава четвертая, посвященная некоторым особенностям развития византийского ремесла, представляет собой очень ценный обзор всех данных о состоянии техники ремесленного производства в Византии IX—XI вв. Автор привлек свидетельства нарративных источников и, что особенно важно, использовал археологические материалы. Можно сказать, что до сего времени ни в советской, ни в зарубежной историографии не появлялось в печати столь полного обзора.

В главе пятой, посвященной товарному производству, автор старается всячески преуменьшить роль товарно-денежного обращения в византийском городе. Непонятно, почему в примечании 7 (стр. 253) он считает противоречащим действительности положение Василия о том, что только та сделка признается законной, которая совершается при посредстве денег. Разве не ясно, что при отсутствии суммы, на которую заключается сделка, никакой табулларий не мог оформить такого соглашения? А следовательно, никакого обращения в суд, кроме *περι βίας*, при подобных незаконных сделках не могло быть.

Автор неправильно подходит к определению понятия византийской монополии в торговле каким-либо товаром (стр. 256). Непосредственный производитель, будь то крестьянин, рыбак или любой ремесленник, везде имел право продавать предметы своего производства. Но право перепродать, быть товарным посредником являлось предметом монополии. Нельзя отрицать, что только одним салдамариям предоставлялось право быть торговыми посредниками в отношении ряда товаров между производителем и потребителем: тот, кто не принадлежал к корпорации салдамариев, мог покупать только для своего потребления.

На стр. 298 делается несколько поспешный вывод о том, что производственный процесс, как правило, выполнялся одним и тем же мастером от начала до конца. Как известно из Книги Эпарха, производство шелковой одежды проходило через ряд мастеров и посредников.

К нашему удивлению, автор выдвигает вопрос о причинах существования в Константинополе в X в. развитого ремесла, т. е. стремится разрешить «проблему раннего развития ремесла» в Византии. По нашему мнению, такая проблема вообще не может существовать. Ремесло византийские крупные города унаследовали от позднеримского города. Автор, очевидно, забывает, что уже в IV в. Константинополь был «мастерской великоколесия», как говорил Фемистий. А. П. Каждан всячески стремится отвергнуть преемственность между позднеантичным Константинополем IV—VI вв. и Константинополем X в.!

Глава шестая посвящена социальной структуре византийского ремесла и торговли. Автор полностью отрицает наличие в Византии X в. даже в самом зачаточном виде пробивающихся элементов капиталистических отношений, тогда как К. Маркс в известном высказывании в «Формах, предшествующих капиталистическому производству», признавал возможность появления таковых в городах-эмпориях. Автор старается отвести такое предположение созданием идеального типа византийской эргастерии (стр. 309). Но он забывает, что нельзя унифицировать понятие эргастерии. «Эргастерия» бедняка катартария, который очищал шелк в своем жилом помещении, так же как и его будущий собрат чомпи очищал шерсть, совсем не походила на эргастерию аргиропрата и еще меньше на эргастерию сержикария! И мы считаем, что наш

тезис, что «византийская корпоративность подготовила такие формы, которые оказались впоследствии приемлемыми для раннекапиталистических отношений», основан и на конкретном анализе данных Книги Эпарха, и на наличии юридических норм Василия (которые, к слову сказать, вовсе не отличаются от данных Книги Эпарха об эргастерии серикариев). Стремление А. П. Каждана преуменьшить размеры эргастерий серикариев вряд ли имеет основание: производство в эргастериях серикариев было связано с рядом последовательных процессов, что требовало наличия и наемных мистиев, и рабов, и надсмотрщика.

Археологические данные об эргастериях стеклодувов и кузнецов не могут быть абсолютизированы, особенно если речь идет о таком производстве, как производство шелковых тканей. Автор часто пользуется методом *ex silentio*. Он утверждает, например, что мировары не имели в своих эргастериях рабов. Почему? Разве существовало законодательство, запрещавшее какому-либо слою граждан иметь рабов? Или, если признать, что мировар, как и прочий гражданин Константинополя, мог иметь рабов, кто мог запретить ему использовать в производстве мира раба так, как ему хотелось? Некоторыми ремеслами рабам заниматься было запрещено. Но именно для таких случаев существовали особые оговорки, и они касались руководящего положения в эргастерии, а не использования труда рабов.

Положение автора о том, что торговцы льняными тканями имели в подчинении ткачей полотен (стр. 331), не находит подтверждения в Книге Эпарха.

В главе шестой имеются некоторые натяжки в целях сближения византийских корпораций с западными цехами. Так, на стр. 320 говорится о запрещении мастерам перенимать чужих мистиев, причем на стр. 316 делается вывод о том, что эти запреты не отличаются принципиально от регламентации положения подмастерьев в западных цехах. Нам кажется, что, наоборот, в византийских корпорациях существовала полная свобода перехода мистия от одного хозяина к другому. Единственное, что требовалось (и что было вполне понятно), так это чтобы работник отработал ту заработную плату, которую получил за месяц вперед: при этом существовал запрет договариваться о работе на срок больше, чем на один месяц. Это свидетельствует о полной свободе для мистия переходить к другому хозяину.

Непонятна та настойчивость, с какой автор старается доказать, что статус ученика и мистия в византийской корпорации был одинаковым. Мистий, по Книге Эпарха, мог наниматься только на месяц, что совершенно немислимо для ученика, который определяется в учение на более длительный срок — на один—три года.

Последняя, седьмая глава посвящена социальным противоречиям в византийском обществе в IX—X вв. Автор совершенно прав, говоря об усилении централизованной формы эксплуатации крестьянства, которая при Романе Лакапине принимает завершённый вид. Именно это обстоятельство должно было привести автора к положению о борьбе налога с рентой.

Мы не согласны с положением о том, что Книга Эпарха была издана в результате какого-то демократического движения, руководимого торгово-ремесленной верхушкой городского населения. Кодификация законодательных актов была вообще характерна для того времени; отношение к ремесленно-торговым объединениям в Книге Эпарха было таким же, как и в новеллах Льва VI в начале его правления; запрещение знатным лицам заниматься предпринимательской деятельностью было старинной традицией Византии.

В главе подробно описываются все выступления крестьян в X в. Это ценная сводка истории классовой борьбы в Византии в момент наибольшего обострения противоречий как между эксплуататорами и эксплуатируемыми, так и между различными прослойками в среде господствующего класса.

Можно считать совершенно естественным, что в монографии А. П. Каждана с ее богатейшим материалом имеются некоторые спорные положения и выводы. Причиной этого является не только сложность поставленной задачи, но и то обстоятельство, что проблемы истории предшествующего периода (VII—середина IX в.) в советской исторической литературе недостаточно изучены. Безусловно, монография А. П. Каждана оставит значительный след в дальнейших работах византинистов — как советских, так и зарубежных. Ни одна проблема внутренней истории Византии не может быть в дальнейшем изучена без учета того анализа, который проведен в данной книге А. П. Каждана.

Монография А. П. Каждана, разумеется, не может разрешить весь круг охваченных автором вопросов, но она является солидным достижением советского византиноведения.

М. Я. Сюзюмов

П. В. ЕРНШТЕДТ. КОПТСКИЕ ТЕКСТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА.

Изд-во АН СССР. М.—Л., 1959, 191 стр.;

**П. В. ЕРНШТЕДТ. КОПТСКИЕ ТЕКСТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА.**

Изд-во АН СССР. М.—Л., 1959, 215 стр.

Вряд ли следует доказывать важность появления обеих рецензируемых работ, так как потребность в полноценном издании хранящихся в Эрмитаже и ГМИИ коптских текстов уже давно настоятельно ощущалась. Многие тексты в коллекциях обоих музеев еще не были изданы вообще, а в имевшихся ранее публикациях многое могло быть улучшено.

Выполненные таким блестящим коптологом, каким является П. В. Ернштедт, новые публикации, естественно, отвечают требованиям, которые следует предъявлять к подобным работам, и их значение трудно переоценить, тем более что не так уж много изданий коптских текстов появилось за последние 20 лет¹.

«Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина» (далее — КТГМИИ) содержат весь состав собрания данного музея — как публикуемые впервые тексты, так и уже изданные, но, несомненно, нуждавшиеся в переиздании. В работе «Коптские тексты Государственного Эрмитажа» (далее — КТГЭ) опубликована та часть коллекции Эрмитажа, которая входила ранее в состав собрания академика Н. П. Лихачева. Хотя наряду с уже изданными текстами Эрмитажа музей обладает еще и другими неопубликованными памятниками коптской письменности, «обособленное издание собрания Н. П. Лихачева вполне обосновано, — пишет П. В. Ернштедт (КТГЭ, стр. 3), — так как им удобней пользоваться в данном составе, тесно связанном с определенными местами происхождения».

Различный охват коллекций обоих музеев обусловил различное построение этих двух книг: издаваемые тексты ГМИИ разделены на две большие группы — тексты на папирусе, пергамене и бумаге и тексты на черепках и камне; публикуемые тексты Эрмитажа такого деления не потребовали, так как все они написаны на материалах, соответствующих первой группе текстов ГМИИ. Внутри же каждой группы КТГМИИ и КТГЭ расположены одинаково, а именно: сначала даются деловые документы, затем письма и, наконец, тексты фольклорного и религиозного содержания. В каждой работе имеется предисловие, содержащее краткую характеристику данного собрания, после чего следует указатель основной использованной литературы. В конце обеих книг даны указатели: имен, географических названий, хронологический, коптских слов, греческих и других иноязычных слов, сокращений, примененных писцами издаваемых текстов, сигл, а также список иллюстраций.

Публикация каждого текста состоит из детального описания документа, его характеристики, истории, определения диалекта, транскрипции, подробных примечаний и перевода (за исключением тех немногочисленных случаев, когда фрагментарность текста исключает перевод). Следует сразу же подчеркнуть большую ценность «примечаний», являющихся подробными комментариями, в которых в полной мере раскрываются и замечательные способности автора как тонкого палеографа, и его огромная эрудиция. Примером образцового филологического анализа являются хотя бы примечания к стк. 9 КТГМИИ, 42, к стк. 4 КТГМИИ, 46, к стк. 12—13 КТГМИИ, 56. Предлагаемые автором толкования всегда настолько обоснованы, что с ними нельзя не соглашаться. Автор выявил новые примеры еще неясных слов (КТГЭ, 14, 46, 49 и т. д.), подчеркнул уникальные звуковые и словарные особенности, встречающиеся в издаваемых текстах (например КТГЭ, 51 и т. д.). Особенно следует отметить указанные автором новые слова (сансамогъл — КТГЭ, стр. 54; санкатис — КТГЭ, стр. 60; сансатрос — КТГЭ, стр. 54), равно как и новые, не известные доныне наименования местностей (КТГМИИ, 7, 5 и, возможно, КТГЭ, 22, 10) и нового монастыря (КТГМИИ, 83, 3). Благодаря этим комментариям обе рецензируемые работы приобретают особую

¹ См., например: W. H. W o r e l l. Coptic Texts in the University of Michigan Collection (Univ. of Mich. Studies. Human. Ser. 46). Ann arbor, 1942; E. S t e f a n s k i and M. L i c h t h e i m. Coptic Ostraca from Medinet Habu («The Univ. of Chicago Oriental Institute Publications», vol. LXXI). Chicago, 1952; P. K a h l e. Coptic Texts from Deir el Bala 'izah in Upper Egypt. I—II. London, 1954; W. C. T i l l. Die koptischen Rechtsurkunden der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek. Texte, Übersetzung, Indices. Wien, 1958 («Corpus Papyrorum Raineri archiducis Austriae», Bd. IV); W. C. T i l l. Die koptischen Ostraka der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek. Texte, Übersetzung, Indices (Österreichische Akademie d. Wiss. Philos.-hist. Klasse, Denkschriften, 78. Bd., I. Abh.).

важность, так как освещается филологическая ценность издаваемых памятников, с одной стороны, и дается множество ценнейших для коптолога сведений по грамматике и лексике коптского языка, с другой. Это достоинство комментариев необходимо всачески подчеркнуть; по существу мы все время находим здесь как бы отдельные части интереснейших грамматических исследований.

По своему содержанию изданные памятники чрезвычайно интересны для социально-экономической истории и истории культуры коптского Египта.

Коптских документов, относящихся непосредственно к византийскому периоду, в рецензируемых изданиях, как, впрочем, и в других публикациях коптских текстов, сравнительно небольшое число. Это естественно, поскольку в течение всего периода византийского господства и даже почти столетие после арабского завоевания греческий язык в большой степени сохранил, как показывают греческие папирусы (например Р. Lond., IV; Р. Ross. Georg., IV; P. Apoll. Anb и т. д.), значение языка, на котором велась главным образом административная переписка внутри страны и оформлялись юридические сделки. Широко же применение коптского языка в данной сфере приходится в основном на VIII в., к которому и относится подавляющее большинство наших текстов.

Наибольший интерес из текстов византийского времени представляют уже знакомые читателям «Византийского временника» два документа периода персидского завоевания Египта — КТГМИИ 37 и 38², как известно, слабо представленного в греческих и коптских папирологических изданиях. Тонкое наблюдение, сделанное П. В. Эрнштедтом относительно внедрения в египетский календарь персидского слова «даусати», обозначавшего в народном календаре месяц, называемый в ономастике официального зороастризма фравартин, показывает, что между завоевателями и населением устанавливались значительно более тесные контакты, чем предполагалось до сих пор³. Включение народного наименования месяца не могло, как справедливо отметил П. В. Эрнштедт, осуществляться путем декретирования. О документах, связанных с именем известного епископа Авраама, мы скажем ниже.

Но интерес рецензируемых изданий для византистов не исчерпывается данными, непосредственно содержащимися в документах византийского времени. С этой точки зрения заслуживают внимательного изучения и документы арабского времени. И хотя при комментировании текстов П. В. Эрнштедт ставит перед собой задачи главным образом филологического порядка, он всегда раскрывает с исключительной компетентностью и полнотой значение текстов как источников по социально-экономической и административной истории, выделяя то новое, что они дают исследователям в дополнение к изданным до войны греческим и коптским текстам.

Не вдаваясь в анализ всех опубликованных в рецензируемых изданиях текстов, мы ограничимся указанием в общих чертах на то, что может получить читатель в результате их исследования, останавливаясь подробнее только на более важных и интересных материалах.

Прежде всего, коптские тексты обогащают наши сведения по топографии, топонимике, ономастике, метрологии и т. д.

Органическое внедрение греческой терминологии в коптские тексты⁴, многие коптские юридические выражения, формулы, клаузулы, греческие параллели к которым П. В. Эрнштедт тщательно отмечает и комментирует⁵, известное, иногда значительное, сходство в структуре документов⁶ — все это не только показывает отбывательную живучесть «усвоенных до арабского времени навыков делового греческого языка»⁷

² См. П. В. Эрнштедт. Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах. ВВ, XII, 1957, стр. 224—231.

³ Дополнительный свет на глубину проникновения персидского влияния в Египте в указанное время проливают пехлевийские папирусы, в том числе папирусы собрания ГМИИ, на желательность издания которых указал П. В. Эрнштедт («Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах», стр. 230—231) и которые сейчас в основном изданы А. Г. Периханян (см. ВДИ, 1961, № 3, стр. 78—93). О месяце «даусати» см. J. D e r s c h e r. A New Coptic Month. JEA, XLVI, 1960, p. 111—112.

⁴ См. указатели греческих слов, а также большую литературу, имеющуюся по данному вопросу.

⁵ Например КТГЭ, стр. 12, 13, 14, 20, 32 и т. д. (чуть ли не в каждом тексте). С той же тщательностью отмечаются и коптские формулы, впервые встречающиеся в рецензируемых изданиях.

⁶ Значение в этом плане коптских документов неоднократно подчеркивалось исследователями. См. литературу, приведенную А. А. Шиллером (A. A. Schiller. *καπτοκ and καπτοκίτε in the Coptic Texts. «Coptic Studies in Honor of Walter Ewing Crum»*. Boston, 1950, p. 177), и сводную работу А. Штейнвентера (A. S t e i n w e n t e r. *Das Recht der koptischen Urkunden*. München, 1955).

⁷ П. В. Эрнштедт. Два административных коптских письма арабского времени. ПС, вып. 4 (67), 1959, стр. 5.

и унаследованных от Византии отдельных административных порядков и методов управления, но и помогает лучше уяснению содержания этих терминов⁸, а иногда способствует выявлению слов, терминов и должностей, ранее нам не известных⁹. Сопоставление коптских текстов арабского периода и греческих текстов византийского времени дает представление не только об изменениях, происшедших после завоевания Египта, но, дополняя иногда данные византийских папирусов, в отдельных случаях позволяет глубже проследить степень сохранения местного права в Египте и точнее установить сферу действия официального византийского законодательства.

Так, например, на основе сравнения штрафной клаузулы из КТГЭ, 6 [«Документальное оформление получения ценной утвари (икономом) на ответственное хранение»], предусматривающей наказание смертной казнью за провинность, приравняемую к ограблению церкви, с историей монаха Дулы и византийским законодательством П. В. Ернштедта приходит к выводу, что римское право практически применялось в данной сфере церковной жизни в византийском и арабском Египте, «что обозначало новшество по сравнению с более древними условиями» (стр. 28).

Интересным является и другой вывод, который делает П. В. Ернштедт на основе мастерского лингвистического анализа КТГЭ, 37, а именно, что «между заключительным периодом действия местного права в демотическом оформлении и применением коптского права при арабах лежит время местной правовой традиции, стоявшей под греческим влиянием и отодвинутой на задний план применением греческого оформления» (стр. 102). Мы привели два примера, но таких ценных наблюдений и выводов в рецензируемых изданиях много.

Ряд текстов уточняет и обогащает наши сведения о коптском праве, что, учитывая значительную зависимость его от византийского права, небезынтересно для исследователей последнего.

КТГЭ, 1 («Договор об аренде части дома»), изданный на основе воссоединения эрмитажного фрагмента с ВМ, 1017, представляет собой самый полный текст гермопольского договора о найме жилого помещения. Документ назван *μίσθωσις*, арендная плата обозначается термином *ψόρ* (= греческий *ἐνοίκιον*), заключено соглашение на ряд лет (точный срок установить нельзя), и это дает возможность П. В. Ернштедту во введении к документу опровергнуть мнение, высказанное А. А. Шиллером, что в документах, называемых *μίσθωσις*, в которых арендная плата обозначается словом *ψόρ*, срок найма не превышает одного года.

В КТГЭ, 3 («Арендный договор на земельный участок») два или три монаха снимают у другого монастыря участок земли на не встречавшийся, по данным П. В. Ернштедта, до сих пор в коптских документах и очень редко встречающийся в греческих папирусах¹⁰ срок, а именно — на срок жизни арендаторов.

КТГЭ, 7 («Документ о продаже земельных участков») дает возможность издателю на материале полностью сохранившегося текста установить структуру документа, названного составителем не *πράσις* или *ὄνη*, как обычно¹¹, а *ἀσφάλεια*, но не содержащего столь свойственной византийским и коптским текстам многословной *βεβαίωσις* — клаузулы¹² и обязательного в таких случаях подробного указания на вытекающие из ее нарушения последствия. Обращает на себя внимание, что 28 арур (3 аруры корма и 25 арур пастбища) продаются дешево (за 1⁵/₈ ном.)¹³⁻¹⁴. Трудно сказать, объясняется ли это плохим качеством земли или тем, что покупателем выступает монастырь.

⁸ См., например, предложенное П. В. Ернштедтом объяснение термина *εἰσβολή*, как налога, уплачиваемого в связи со сменой владельца недвижимости (КТГЭ, стр. 19), термина *δημόσιον* как арендного взноса, равносильного общераспространенному *φόρος* (КТГЭ, стр. 52), и т. д.

⁹ Например *ἀρχιγοστέτης* (КТГМИИ, стр. 62), *θεοτιμότης* (КТГЭ, стр. 110) и т. д.

¹⁰ P. Cairo Masp., II, 67243 и 67257. И. Геррманн (J. H e r r m a n n. Studien zur Bodenpacht im Recht der graeco-ägyptischen Papyri. «Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte», 41. Hft. München, 1958), разбирая вопрос о сроках, на которые заключались арендные договоры, не упоминает о пожизненном сроке. В составленной им сводной таблице договоров (op. cit., S. 284, № 147) в графе «срок» у P. Cairo Masp., II, 67243 стоит вопросительный знак, а P. Cairo Masp., II, 67257 вообще не включен в таблицу. Это — еще одно доказательство той тщательности, которая отмечает комментарий П. В. Ернштедта.

¹¹ A. S t e i n w e n t e r. Op. cit., S. 32.

¹² Ibid., S. 34. То, что в данном документе не перечисляются все потенциальные нарушители соглашения, объясняется, возможно, тем, что продающей стороной выступает в лице четырех представителей община не засвидетельствованного до сих пор селения Пōрахеу. В KRU, 13, как указывает А. Штейнвертер (op. cit., S. 34), подробное перечисление, однако, имеется, хотя речь идет о продаже имущества, принадлежащего монастырю, представленному его игуменом.

¹³⁻¹⁴ Ср. данные, приводимые А. Джонсоном и Л. Уэстом (A. C. J o h n s o n, L. C. W e s t. Byzantine Egypt: Economic Studies. Princeton, 1949, p. 78—79).

КТГМИИ, 2 («Документ о продаже коровы») дает нам «образец коптского документа из Файюма или Гераклеопольского округа о продаже движимого, точнее — «самодвижущегося», имущества», отличающийся значительно большей полнотой, чем немногочисленные другие документы подобного рода, побудившие А. А. Шиллера назвать их скорее квитанциями, чем договорами о продаже. Подробный анализ, которому П. В. Ернштедт подвергает этот документ, показывает, что издатель вполне обоснованно отказывается признать применимость этого определения А. А. Шиллера¹⁵ к данному документу.

Рецензируемые издания дают интересные сведения для характеристики монастырей и служителей церкви с точки зрения как внутренней структуры церковных учреждений и их хозяйственной жизни, так и связей с внешним миром. Не все, что мы узнаем, для нас ново, но во многих текстах имеются заслуживающие внимания данные, которые мы должны особенно ценить, поскольку речь идет о подлинных документах, а не о литературе апологетического характера. Иерархи не полагались ни на религиозное рвение подчиненных, ни на прививаемое им смиренное послушание¹⁶ и предпочитали требовать с них оформления письменных обязательств. КТГМИИ, 45 («Обязательство диакона»), подобно аналогичным ему СО, 29—35, — документ, фиксирующий обязательство, взятое диаконом перед епископом Авраамом. КТГМИИ, 46 («Поручительство») составлен, по-видимому, в связи с таким же обязательством.

В обоих документах содержится юридически закрепленное обещание никуда не отлучаться без спроса, причем во втором поручители обязуются уплатить в случае нарушения штраф в шесть номисм. За поведением подчиненных следили, о чем свидетельствует донос, содержащийся в КТГМИИ, 49. О слабой дисциплине говорит и письмо КТГМИИ, 55.

Монастыри охотно брали к себе людей, но это делалось не из добрых побуждений, а по расчету. Так, судя по КТГЭ, 10 («Копия служебного договора между монастырем и мирянами»), миряне, которые искали в монастыре спасения от тягот жизни, были вынуждены работать в монастыре («служить богу и святому строению»), причем, поскольку в тексте документа ничего не сказано о вознаграждении, а только о том, чтобы монастырь (в тексте договора имеется в виду его представитель) ими «ни в чем не пренебрегал», они это делают за предоставление крова, пищи и одежды. Срок договора не указан, и это позволяет думать, как отметил П. В. Ернштедт, что в данном случае мы имеем дело — впервые в коптских источниках — со служебным договором¹⁷, заключенным монастырем с мирянами, не связанным определенным сроком¹⁸.

По содержанию к нему непосредственно примыкает КТГМИИ, 43 («Документ об услужении церкви»), изданный П. В. Ернштедтом на основе соединения текста из собрания ГМИИ с фрагментом, изданным Г. Холлом. Лица, «спасенные из рук рипариев и народа», дают обязательство неизвестному лицу (П. В. Ернштедт, как нам кажется, с полным основанием, предполагает, что это иерарх или настоятель монастыря) «прислуживать во всем церкви и клирикам». И здесь не указаны ни вознаграждение, ни определенный срок действия соглашения, но имеется штрафная клаузула, полностью разоблачающая корыстный характер внешне человеколюбивого поступка представителя церкви: «Если мы не будем прислуживать, мы обязуемся отдать себя в руки рипариев и народа». Постоянно висящий над головой составителей документа Дамоклов меч использовался клириками не только как источник получения даровой рабочей силы, но и как средство ее прочного прикрепления¹⁹. КТГМИИ, 44 — плохо сохранившийся

¹⁵ Весьма близок к А. А. Шиллеру и А. Штейнвенгер (op. cit., S. 35).

¹⁶ См. КТГМИИ, 76 («Письмо») и аналогичные ему, как установил П. В. Ернштедт, СО 57, 58, 63.

¹⁷ О греческих служебных договорах кабального характера см. W. L. Westergma n. The Paramone as a General Service Contract. JJP, II (1948), p. 9—50.

¹⁸ До нас дошло определенное число договоров без указания о вознаграждении и сроке, но, как показывает собранный В. Тиллем материал (W. Till. Die koptischen Arbeitsverträge. «Eos», XLVIII, 1, 1956, S. 273—329), в отдельных документах указания о сроке или вознаграждении, возможно, просто не сохранилось — например № 22 (?); 25 (= CPR, IV, 164); 30; 31; 35. Кроме того, либо нанимается один человек [№ 21 (= CPR, IV, 163); 22; 25; 26; 30; 32; 34 — отец или сын], либо характер работы конкретно указывается (№ 25; 26; 30; 34), либо в роли нанимателя выступает частное лицо (№ 21; 22; 25; 26). Документа, подобного нашему, у В. Тилля не приводится, условно же его можно причислить к группе, которую В. Тилль обозначает названием «Nicht Symphonon-Arbeitsverträge».

¹⁹ О мирянах, прислуживавших клиру и помогавших ему, говорит и КТГМИИ, 1, в котором упоминается *κλίκαιον κλεφίλοποιον* монастыря аввы Феодора (перевод П. В. Ернштедта: «диакон организации трудников»). Но, вероятно, положение этих «трудников» совершенно иное, поскольку они не только не исправные работники, но образуют свое объединение (корпоративность), имеют своего иконома, владеют землей, которую сдают через иконома в аренду. В ВМ, 1013, к которому отсы-

договор, вероятно, об услужении монастырю, составленный неизвестным лицом и скрепленный четырьмя поручительствами; содержание соглашения, однако, неясно. КТГМИИ, 47 («Обязательство церковного служителя») — документ такого же типа, что и СО, 41 (около 600 г.), относимый В. Гиллем к разряду «Nicht Symphonon-Arbeitsverträge». В данном документе, как и в СО, 41, не указаны ни срок, ни оплата. Отличие заключается в том, что в СО, 41 дано имя принимающего на себя обязательство (работу должен выполнить составитель документа или его отец) и имеется штрафная клаузула.

Что же касается других сторон деятельности монастырей, то рецензируемые издания показывают их в роли покупателей земли (КТГЭ, 7), арендаторов земли (КТГЭ, 3), помещений (КТГЭ, 13, где упоминаются «комната хозяйственного строения», «комната продавца крестов», «место давления сезама»), наконец, учреждений, выдающих вознаграждение рабочим (КТГЭ, 12), вино ряду лиц, в том числе «шалиу» насып, «тянущему ведро», кузнецу (КТГЭ, 14), а также поставляющих одеяла в виде *συνήθεια* (КТГЭ, 39). Находят свое отражение в рецензируемых изданиях и вопросы обеспечения монастырей продовольствием (КТГМИИ, 55; 74).

Интересны и сведения по книжному производству²⁰, которые дают КТГМИИ, 12 и 56. Первый документ был издан Б. А. Тураевым, текст был подвергнут частичному пересмотру О. Э. Леммом, им занимался и У. Крам; но только после тщательного его переиздания П. В. Ернштедтом, снабдившим его подробнейшим филологическим и реальным комментарием, истинный смысл его стал ясен. Писцом в данном случае выступает, по-видимому, уважаемый монах (автор письма называет его не «братом», как остальных монахов, а «нашим отцом аввой Георгием») и «богобоязненным пресвитером». Он не только переписывал книгу, но сшивал ее ремешками, снабжал переплетом, т. е. выполнял весь комплекс работ. Книга хранилась, очевидно, в кожаном футляре. К работе приступали после предварительной договоренности, причем исполнителю выдавалась в виде аванса или в процессе работы определенная сумма (в нашем тексте — тримисий). Окончательный расчет производился после завершения работы. Папирус привозился с севера, и потребители спешили его приобрести, что говорит о перебоях в снабжении. Во втором документе заказчик обязуется выслать деньги, как только получит согласие исполнителя. Папирус предоставляется заказчиком. С точки зрения характеристики грамотности руководителей коптской церкви любопытны письма КТГМИИ, 77 и 78, написанные собственноручно епископом Авраамом «беспомощными каракулями» и содержащие пропуски и орфографические ошибки (например в КТГМИИ, 77 — *τεραπικς* вместо *τεραπικς*).

Большая группа текстов относится к различным сторонам административно-фискальной жизни Египта. Исключительный интерес представляет в этой связи КТГЭ, 22 («Поручительство за надзирателя каналов»), по мнению П. В. Ернштедта, наиболее ценный папирус Лихачевского собрания, поскольку он показывает, «какими приемами пользовались арабские власти в деле поддержки ирригационной сети» (стр. 78)²¹. Судя по документу, в ответ на публично оглашенное распоряжение администрации община избирает надзирателя, который обязан «дневно и ночью» следить за состоянием насыпей и каналов определенной, четко ограниченной территории. Так как выполнение необходимых работ зависело от числа выделенных общиной людей, а последние всячески старались увильнуть от принудительного труда, община берет на себя обязательство не допускать, «чтобы для вас (т. е. для администрации. — М. М., И. Ф.) не выяснилось, что он принял что-либо от рабочего и отпустил его»²². Община ручается за безусловное исполнение надзирателем своих обязанностей, причем это поручительство заключается в принятии обязательства внести в государственную казну то, «что должно поступить в течение его (т. е. надзирателя. — М. М., И. Ф.) пребывания в должности, что объясняется, как отмечает в своем обстоятельном комментарии П. В. Ернштедт, ролью, «которую играло безусловное обслуживание сети каналов как неизбежная предпосылка мало-мальски нормального экономического и финансового управления страной» (стр. 80). КТГЭ, 23, по-видимому, фрагмент аналогичного документа, но вследствие того, что от него сохранились только три неполные строки, о нем ничего не дает исследователю.

лает П. В. Ернштедт в своем комментарии, «трудники» выступают, по-видимому, на равных основаниях с «братьями» в качестве представителей монастыря (?) в юридической сделке.

²⁰ О книжном производстве см. собранный У. Крамом материал в кн.: *The Monastery of Eriphanius at Thebes, Pt. I. Publications of the Metropolitan Museum of Art, Egyptian Expedition, vol. 3. N. Y., 1926, p. 193—194.*

²¹ Хорошее представление о работах по очистке каналов в арабское время дают сравнительно недавно опубликованные греческие папирусы Р. Apoll. Anb, 26 и 27, где имеются ссылки на остальные источники.

²² Об этом говорится и в конце папируса.

К хорошо известной по греческим и частично коптским папирусам деятельности арабской администрации по строительству кораблей и обеспечению их матросами для организации морских походов против Византии относится ряд текстов различного содержания, а именно: КТГЭ, 18 [«Поручительство в связи с получением вознаграждения лицами, которым поручена передача поставленных пагархий матросов (?)»]²³, КТГЭ, 20²⁴ («Поручительство в связи с поставкой матросов»), КТГМИИ, 14 («Письмо»), в котором упоминаются лица, по-видимому, не желающие нести службу во флоте, КТГМИИ, 19 («Письмо»), плохая сохранность которого (две строки) позволяет только догадаться, что речь идет о какой-то расписке в связи с матросами. О поставках матросов говорится, возможно, и в КТГЭ, 37 («Письмо»).

Хотя рецензируемые издания содержат мало текстов, относящихся к налоговым повинностям, те, в которых в той или иной мере затрагиваются эти вопросы, рисуют далеко не отрадную картину. О неприятностях, связанных с налогами, говорят КТГЭ, 27 («Фрагмент документа»), КТГМИИ, 24 («Письмо»), 69 («Письмо») и т. д. Проверка выполнения правительственных распоряжений относительно поставок для флота (КТГМИИ, 21) показала, что ничего не выполнено, а население, возможно, бежало²⁵. О поимке беглого матроса или ремесленника говорит КТГЭ, 38 («Фрагмент документа»), из которого вытекает, что с укрывателя, т. е. вероятно, с общины, как предполагает П. В. Ернштедт, потребовали штраф в 45 номисм²⁶. О высоком штрафе в 100 номисм говорится в КТГЭ, 25 («Поручительство»), который П. В. Ернштедт связывает с опубликованным И. Краллем в СРР, II, 3 (теперь переиздан в СРР, IV, под № 1) предписанием сообщить точные сведения об обученных и подлежащих обучению рабочих, а также о насаждениях финиковых пальм и акаций. Положение налогоплательщиков и лиц, привлекаемых для выполнения принудительных работ²⁷, ухудшалось тем, что административно ответственные лица часто несправедливо и неравномерно распределяли нагрузку. Кроме уже упомянутого выше КТГЭ, 22, об этом говорится и в ряде других документов, например в КТГЭ, 24 («Фрагмент документа, касающегося раскладки»), который П. В. Ернштедт связывает с P. Lond., IV, 1356, в уже опубликованном в нашей научной печати КТГМИИ, 15²⁸ и т. д.

Наконец, рецензируемые издания заслуживают внимания как источники по определению функции отдельных представителей местной администрации, в особенности, деревенской. Как известно, в последнее время коптологов занимает вопрос о функциях *лашане* и *але* и взаимоотношениях между ними²⁹. КТГМИИ, 42 («Долговое обязательство о зерне») показывает, что *лашане* избирался сроком на год, иначе нельзя было бы объяснить несомненное эпонимное значение его должности (см. стк. 10—11: . . . [по такое-то число] (месяца) Паоне этого года, года Старшины Паама. . . — без указания иудикта), но подобная практика, которая, по-видимому, доказывается и на материале из Мединет Габу³⁰, возможно, не была универсальной³¹.

Рецензируемые издания ценны не только содержанием изданных текстов и обстоятельностью комментария, но и тем, что в известной степени способствуют более правильному и глубокому пониманию уже изданных коптских текстов. Это относится прежде всего к тем текстам, части которых хранятся в собраниях Государственного Эрмитажа и Музея изобразительных искусств и которые были воссоединены П. В. Ернштедтом³², как, например: КТГЭ, 1+BM, 1017; 15+КТГМИИ, 9; 19+P. Lond.,

²³ Содержание документа устанавливается П. В. Ернштедтом на основе сопоставления его с P. Lond., IV, 1497 и дополнения 6 стк. словом *когрсон*. Гарантия личная и имущественная.

²⁴ Документ получен в результате воссоединения с P. Lond., IV, 1504.

²⁵ См. КТГМИИ, стр. 56.

²⁶ Это ничтожная сумма по сравнению со штрафом в тысячу номисм, которым угрожал пагархам эмир Иордан за укрывательство даже одного конопатчика, сбежавшего со строительства флота в Вавилоне. См. многократно переиздававшийся P. Apoll. Anb, 9 с приведенной там литературой вопроса; ср. P. Apoll. Anb, 13 и 14.

²⁷ О поставке матросов см. выше. О поставке плотника говорится в КТГЭ, 43 («Письмо»).

²⁸ П. В. Ернштедт. Два административных коптских письма. . . , стр. 5—8.

²⁹ A. Steinwenter. Ред. на кн.: E. Stefanski and M. Lichtheim. Coptic Ostraca from Medinet Habu. Chicago, 1952, SZ, RA, 71 (1954), S. 498—499, 502—503; W. C. Till. Three Coptic Ostraca. «Studi in onore di R. Paribeni e A. Calderini», II. Milano, 1957, p. 496, 498; A. Steinwenter. Ред. на СРР, IV, in: BZ, LII, 1959, S. 407.

³⁰ Издание нам недоступно. См. A. Steinwenter. in: SZ, RA, 71 (1954), S. 498—499; W. C. Till. Three Coptic Ostraca, p. 496.

³¹ См. литературу, указанную в предыдущем примечании.

³² П. В. Ернштедту принадлежит заслуга воссоединения и ряда греческих папирусов. Так, в P. Ross. Georg., IV он воссоединил P. Ross. Georg., IV, 1+P. Lond., IV, 1382; 3+1334; 6+1391; 8+1377; 9+1390; 10+1387; 14+1396, а в статье «Два

IV, 1536; 20+P. Lond., IV, 1504; 33+P. Lond., IV, 1595; 37+P. Lond., IV, 1642; КТГМИИ, 9+КТГЭ, 1; 43+0. Hal. 58/3. В ряде случаев (КТГЭ, 1; 20; 37) соединенные части примыкают вплотную, но даже тогда, когда этого не удалось добиться, эти тексты стали полноценными источниками, так как исследователь получает не только полный (или более полный), но и улучшенный текст, поскольку П. В. Ернштедт внес ряд поправок почти в каждый текст *editio princeps*. Еще больше исправлений внес П. В. Ернштедт в текст переизданных им документов или при публикации им копий уже изданного текста³³. Достаточно сопоставить, например, КТГМИИ, 12 или 28 с *editio princeps*, чтобы получить представление о колоссальной работе, проделанной П. В. Ернштедтом. Поправки и замечания даются чуть ли не в каждом комментарии. Они относятся к греческим текстам³⁴, коптским текстам³⁵, к переводу отдельных слов и выражений³⁶, к определению характера документов³⁷. Много сделано П. В. Ернштедтом и для пополнения словаря Крама и исправления отдельных вкравшихся в него неточностей³⁸.

Наряду с исправлениями чтений ранее изданных текстов П. В. Ернштедту удается иначе определить содержание тех или иных документов, в том числе опубликованных Тураевым и Крамом (например, КТГМИИ, 83, 62).

Оба рецензируемых труда были закончены автором в 1939 г. Обстоятельства военного времени, а затем новые научные темы, над которыми работал П. В. Ернштедт, и его многочисленные научные и педагогические обязанности помешали ему вернуться к просмотру этих работ и пополнить их данными, появившимися в литературе после 1940 г.³⁹

Тем не менее обе работы сохраняют первостепенное научное значение не только по содержанию текстов и безупречной методике издания, но и благодаря чрезвычайно глубокому и всестороннему их анализу, который мог дать только такой великодушный специалист во всех областях коптологии и блестящий знаток коптского языка, каким является П. В. Ернштедт.

Как мы уже указывали, рецензируемые издания представляют огромный интерес как для филологов, так и для исследователей социально-экономической истории Египта конца византийского и, главным образом, начала арабского периодов. К сожалению, использование историками богатейшего материала, содержащегося в публикуемых текстах, затруднено в отдельных случаях тем, что издатель не датирует некоторых текстов, в то время как для историка даже приблизительная датировка текста по палеографическим данным — а никто не может это сделать лучше П. В. Ернштедта — имеет немалое значение. Поэтому было бы желательно, чтобы П. В. Ерн-

греческих папируса византийского периода из советских собраний» (ВДИ, 1952, № 2, стр. 201—215) — P. Ross. Georg., III, 39+SB, I, 4489 и P. Ross. Georg., V, 41+BGU, III, 972.

³³ Улучшения внесены даже в тексты, первое издание которых было осуществлено таким крупнейшим ученым, как У. Крам (ср. КТГМИИ, 62 с СТ, 258).

³⁴ Например: КТГЭ, стр. 60 (к P. Stud. Pal., XX, 261); КТГЭ, стр. 84 (к P. Lond., IV, 1356); КТГЭ, стр. 107 (к P. Lond., IV, 1421); КТГЭ, стр. 126 (к P. Oxy., VII, 1057); КТГМИИ, стр. 45 (к P. Jews., 1913) и т. д.

³⁵ Например: КТГЭ, стр. 13; 14; 15; 71; 86; 103; 122, 79; КТГМИИ, стр. 14; 51; 68; 98; 108; 122.

³⁶ Например: КТГЭ, стр. 32; 131; КТГМИИ, стр. 125—126; 158 и т. д.

³⁷ Например: КТГЭ, стр. 74; КТГМИИ, стр. 12; 100.

³⁸ КТГЭ, стр. 58; КТГМИИ, стр. 45; 66; 68; 92; 113; 119; 125—126 и т. д.

³⁹ Упомянем следующие работы: A. Steinwenter. Das Recht der koptischen Urkunden. «Handbuch der Altertumswissenschaft». 10. Abteilung, 4. Teil, 2. Bd. München, 1955; W. C. Till. Die koptischen Steuerquittungen der Wiener Papyrusammlung. «Orientalia», N. S., 16. Roma, 1947, p. 525—543; i d e m. Die koptischen Eheverträge. «Festschrift Josef Bick». Wien, 1948, S. 149—164; i d e m. Die koptische Stipulationsklausel. «Orientalia», N. S., 19. Roma, 1950, p. 81—87; i d e m. Koptische Parallelurkunden. «Studi in onore di V. Arangio-Ruiz», IV. Napoli [1952], p. 197—208; i d e m. Erhreichliche Untersuchungen auf Grund der koptischen Urkunden. «Sitzungsberichte d. Österr. Akad. d. Wiss.» Philos.-hist. Klasse, Bd. 229, Abh. 2. Wien, 1954; i d e m. Die koptischen Grabsteine der ägyptisch-orientalischen Sammlung des Kunsthistorischen Museums in Wien. «Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österr. Akad. d. Wiss.». Jg. 1955, № 13, S. 171—186; i d e m. Die koptischen Arbeitsverträge. «Symbolae R. Taubenschlag» I (= «Eos», XLVIII, 1), 1956, p. 273—329; i d e m. Die koptischen Bürgerschaftsurkunden. BSAC, XIV (1950—1957), 1958, p. 165—226; A. A. Schiller. A Family Archive from Jeme. «Studi in onore di V. Arangio-Ruiz», IV. Napoli [1952], p. 327—375. Работа: W. E. Crum. Varia Coptica. Aberdeen, 1939 — по-видимому, не была известна П. В. Ернштедту до завершения им работы над книгами.

штедт опубликовал в виде отдельной статьи или заметки свои соображения на этот счет ⁴⁰.

Другое пожелание, которое нам хотелось бы выразить, заключается в том, чтобы при дальнейшей публикации коптских текстов (в частности, остался неопубликованным ряд эрмитажных папирусов — см. предисловие к КТГЭ, стр. 3) П. В. Ернштедт добился бы включения большего количества фотографий текстов. Наличие достаточного числа фотографий, по которым читатель мог бы следить за обстоятельными и тонкими палеографическими наблюдениями П. В. Ернштедта, в значительной мере способствовало бы использованию этих весьма ценных изданий еще с одной точки зрения, а именно как пособия по коптской палеографии.

Опубликование рецензируемых изданий представляет собой крупное событие в истории советского (и не только советского!) коптоведения — мы говорим коптоведения, а не коптской папирологии, так как в силу богатства и разнообразия текстов и комментария издания затрагивают огромный комплекс вопросов, относящихся ко всей области коптоведения.

Главная заслуга принадлежит, конечно, П. В. Ернштедту, но думается, было бы уместно помянуть добрым словом О. К. Ернштедт, оказывавшую издателю повседневную помощь в процессе подготовки книг к печати, и ответственного редактора обеих книг академика В. В. Струве. Было бы весьма желательно, чтобы Отделение литературы и языка АН СССР, способствовавшее изданию рецензируемых книг, нашло бы возможным издать и другие, ждущие своей публикации труды П. В. Ернштедта

М. Э. Матъе, И. Ф. Физман

А. И. КЛИБАНОВ. РЕФОРМАЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В XIV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. М., 1960

Среди ряда исследований по истории русских еретических движений XIV—XVI вв., написанных за последние годы советскими историками и литературоведами (работы Н. А. Казаковой, Я. С. Лурье, Л. В. Черепнина и др.) ¹, особое место занимает книга А. И. Клибанова.

В этом фундаментальном труде сделана убедительная попытка нарисовать картину развития реформационных движений на Руси с XIV по середину XVI в. Необходимость решения этой задачи объясняется прежде всего тем, что в дореволюционной литературе бытовала мысль о коренной противоположности путей развития русской общественной мысли, косневшей в церковной схоластике, и западноевропейской, освоившей в годы Возрождения и Реформации громадный запас античной образованности. Эти же антинаучные построения усиленно повторяют и современные зарубежные буржуазные историки и философы (В. Филипп, В. Зеньковский, С. Томпкинс и др.), считая, что Россия, не знавшая реформации и гуманизма, осталась чужда идеям свободы и суверенной человеческой личности. Если же некоторые из них вынуждены признать явления гуманизма и реформации на Руси, то стараются объяснить их исключительно иноземными влияниями ².

Рецензируемый труд А. И. Клибанова, направленный своим острием против этой концепции истории русской общественной мысли, показывает, что и на Руси одной из форм «революционной оппозиции феодализму» (Энгельс) являлись реформационные движения.

Книга А. И. Клибанова состоит из трех частей. В первой автор рассматривает памятники русской реформационной мысли. До недавнего времени историки судили о взглядах русских вольнодумцев по сочинениям их идейных противников из числа

⁴⁰ Некоторые тексты можно датировать на основании указаний самого издателя. Так, например, КТГМИИ, 22, 24, 26 и 27 происходят из Файюма и относятся к VIII в., поскольку во введении к № 22 издатель отмечает, что письма № 22—27 «образуют группу, однородную в языковом, палеографическом и хронологическом отношении» (стр. 53), а № 23 и 25 датируются им VIII в. КТГМИИ, 56 следует, возможно, датировать VII в. — см. примечание к стк. 17/18 (стр. 127). КТГМИИ, 45, 47, 76, 77, 78 могут быть датированы по их связи с известным епископом Авраамом и т. д.

¹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960; Л. В. Черепнин. Из истории еретических движений на Руси в XIV—XV вв. «Вопросы истории религии и атеизма», вып. VII. М., 1959.

² G. S t ö k l. Das Echo von Renaissance und Reformation im Moskauer Rußland. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1959, Bd. 7, H. 4, S. 413—430.

воинствующих церковников. Высказывалось даже сомнение, что творения еретиков будут когда-либо открыты³. Однако А. И. Клибанов обнаружил, исследовал и частично издал ряд памятников, вышедших из еретической среды. В результате его работы наша наука обогатилась целым комплексом новых произведений, содержащих яркие антицерковные высказывания.

В первой главе А. И. Клибанов подвергает источниковедческому анализу так называемый Трифоновский сборник, написанный в 80-х годах XIV в. в Пскове⁴.

Еще А. Д. Седельников установил, что этот сборник является как бы рупором стригольнических идей⁵. Ядро сборника составляет так называемая Власфимия. А. И. Клибанову удалось установить, что старшая редакция Власфимии сложилась между 1274 и 1312 гг. и донесла до нас весь известный его составителю запас «древнерусских сочинений, так или иначе настраивающих на критику церкви» (стр. 28).

Для доказательства своего утверждения автор сравнивает Власфимию Трифоновского сборника с Соловецким сборником № 1194, где этот памятник представлен в более поздней редакции, сложившейся в княжение Ивана Калиты (1325—1340). Путем скрупулезного сличения памятников автору удалось установить, что более поздний редактор удалил из Власфимии ряд текстов, имевших явное антицерковное звучание. К Трифоновскому сборнику исследователи обращались и до А. И. Клибанова, стремясь найти в нем следы стригольнической письменности, но никто еще не ставил даже вопроса о наличии в нем значительного пласта антицерковных сочинений конца XIII—начала XIV в.

Благодаря неустанным поискам А. И. Клибанова обогатился и наш небольшой запас сочинений московских еретиков конца XV—начала XVI в. Автор рецензируемой монографии выявил и впервые изучил как памятники еретической литературы книги Ивана Черного (гл. II) (Еллинский летописец 1485 г., лествица Иоанна Лествичника и др.). Этот русский вольнодумец охотно применял для глосс на полях своих рукописей особый вид тайнописи — пермский алфавит, возможно, в конспиративных целях. Эта особенность рукописи Ивана Черного, равно как и некоторые другие палеографические данные, позволили А. И. Клибанову с достаточной убедительностью связать с именем Ивана Черного и ряд других памятников (сборник библейских книг из собрания Удольского № 1, книгу ветхозаветных пророчеств Ф. 1. № 3). В них были обнаружены и прямые антицерковные произведения (например, сочинение против монашества), и тексты книг священного писания, помеченные глоссами «зри», «удачно» и «дивно», которые использовались еретиками в их борьбе с господствующей церковью⁶. В сборнике библейских книг помещается перевод сочинения о мысленном рае, принадлежащего византийскому писателю Никите Стифату. Проникнутое духом мистико-аскетического богословия, это произведение ставит задачей доказать отсутствие «чувственного рая» и утвердить представление о рае как некоем духовном состоянии человека. В данном случае мы видим, как средневековая мистика использовалась в качестве средства для критики официальных догм православия.

Одним из руководителей московского кружка еретиков был Федор Курицын. В третьей главе А. И. Клибанов подробно характеризует памятники, вышедшие из-под пера этого вольнодумца. Исследуя религиозно-философское содержание Лаодикийского послания Федора Курицына, автор приходит к выводу, что его мотивы «подобраны тенденциозно в духе реформационных идей» (стр. 66). Его центральный тезис — понятие «самовластие души» как основы религии. А. И. Клибанов высказал весьма вероятное предположение о принадлежности Курицыну грамматического трактата «Написания о грамоте», где развивается передовая для того времени мысль о том, что сила человека — не в сумме книжных знаний, а в его разуме. Да и сама «грамота состроена от ума человеческого божим промыслом. . . И от грамоты учения и память, а крепость от ума».

Остается только пожалеть, что А. И. Клибанов специально не остановился на ряде памятников, которые косвенно отразили реформационно-гуманистические представления их авторов. Это — Повесть о Дракуле, создание которой исследователи вполне основательно связывают с именем Федора Курицына⁷, Кормчая его брата Ивана Волка Курицына⁸, а также Чудовская повесть (Основа Сказания о князьях

³ Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II. М., 1900, стр. 605.

⁴ Гос. публ. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Новгородское софийское собрание, № 1262.

⁵ А. Д. С е д е л ь н и к о в. Следы стригольнической книжности. ТОДРЛ, т. I, 1934, стр. 136 и др.

⁶ Опубликовано А. И. Клибановым в приложении к кн.: Н. А. К а з а к о в а и Я. С. Л у р ь е. Антифеодальные еретические движения. . . , стр. 280—299 (пермские глоссы), стр. 299—305 (сочинение против монашества).

⁷ Я. С. Л у р ь е. Идеологическая борьба. . . , стр. 400—402.

⁸ Ю. К. Б е г у н о в. Кормчая Ивана Волка Курицына. ТОДРЛ, т. XII, 1956, стр. 141—159.

Владимирских), которая, по всей вероятности, сложилась в еретическом кружке, группировавшемся вокруг внука Ивана III — Дмитрия⁹. В последней, например, самая попытка связать происхождение русских государей с римским императором Августом отражала гуманистический интерес к римской истории, характерный для эпохи Возрождения. Идея самовластия человека, развиваемая Курицыным в Лаодикийском послании, получила публицистическое звучание в его же Повести о мунтянском воеводе Дракуле.

Во второй части монографии А. И. Клибанов дает обстоятельную характеристику истории русских реформационных движений XIV — первой половины XVI в. Обычно, когда говорят о появлении ересей на Руси, начинают с рассказа о выступлении стригольников в Новгороде и Пскове во второй половине XIV в. А. И. Клибанов привел ряд данных, свидетельствующих о становлении антицерковных движений реформационного характера еще в конце XIII — первой половине XIV в., совпадающих с антифеодальными и противомонгольскими выступлениями в Новгороде, Ростове, Твери и других городах. Уже тогда начали складываться два пути ликвидации противоречий между обществом и средневековым православием: один путь — путь реформ «сверху», которые должны были обеспечить централизацию и упорядочение системы культа, ликвидацию наиболее вопиющих злоупотреблений духовенства. «Это, — пишет А. И. Клибанов, — была реформа, задуманная политическими верхами на чисто феодальной основе» (стр. 93). Другой путь разрешения противоречий, предусматривавший ликвидацию самой церковной иерархии и монашества на антифеодальной основе, являлся реформационным; его избирали представители демократических слоев русского общества, в том числе и социальных низов. Слабость русского реформационного движения XIV—XVI вв. А. И. Клибанов справедливо связывает со слабостью русского бюргерства того времени (стр. 93—94).

А. И. Клибанов показывает, что уже Владимирский собор 1274 г. и Переяславский собор 1312 г. созывались в обстановке подъема антицерковного движения, возглавлявшегося низшим духовенством. Смысл этого движения состоял в протесте против симонии («поставлен по мзде») и в требовании удешевления и демократизации церкви. Уже в это время появляются сочинения, в которых складывается понятие о «внутреннем человеке», начало того религиозного индивидуализма и рационализма, которое позднее найдет свое развитие у еретиков конца XV в. и особенно в «новом учении» Феодосия Косого. В Слове о живых учителях, написанном одним из авторов Власфимии, критика духовенства доведена уже до отрицания самого института церкви. В этом сказывался стихийный антицерковный протест демократических кругов русского общества.

Во второй половине XIV в. относится возникновение ереси стригольников. Низшее духовенство и горожане, выступавшие против господствующей церкви в Новгороде и Пскове, были прямыми наследниками антицерковного движения первой половины века (стр. 122—123). В активную борьбу с русским волюнтаризмом уже в конце века включается константинопольский патриарх Нил, написавший около 1382 г. специальное послание с критикой стригольничества¹⁰. А. И. Клибанов предложил новую гипотезу, объясняющую название еретиков. «Термин „стригольник“, — пишет он, — служил, по нашему мнению, для обозначения причетника или мирского человека, присвоившего себе роль священника» (стр. 135). Ношение особой дьяческой стрижки (отсюда термин «стригольники») было для этих лиц символом принципиального отрицания священства как «тайнства».

До работы А. И. Клибанова фактически не было ничего известно об антицерковных движениях в Твери XIV в. Теперь же в тверской письменности можно обнаружить явные следы религиозного критицизма.

В полемике тверского епископа Федора Доброго с новгородским архиепископом Василием Каликой А. И. Клибанов находит отзвуки варлаамо-паламитских споров, происходивших в Византии во второй четверти XIV в. В своем послании в Новгород Василий Калика в духе реакционного учения Григория Паламы отстаивает зримость «царства божия», т. е. возможность опытного познания сверхъестественных явлений¹¹. В противоположность этому, Федор Добрый утверждал, что рай земной погиб и существует только как «мысленный», т. е. как духовное состояние человека. Он, следовательно, пытался рационалистически переосмыслить христианско-православное вероучение. А. И. Клибанов приводит ряд сведений (в том числе рассказ Никифора Григоры), свидетельствующих о попытке паламитов вовлечь русскую церковь в борьбу с Варлаамом (стр. 146). Примечательно и то, что Варлаам после своего отъезда из Византии сделался учителем Петrarки и Бокаччо, сыграв видную роль в становлении гумани-

⁹ Об этом см. А. А. З и м и н. Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях Владимирских» («Исторический архив», 1956, № 3, стр. 236—237).

¹⁰ РИБ, т. VI, стб. 183—188; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . . , стр. 233—234.

¹¹ ПСРЛ, т. XII, стр. 388—390.

стической мысли в Италии. Таким образом, «идеи Варлаама, — пишет А. И. Клибанов, — оказываются источником, общим для интересов итальянских гуманистов и передовых русских людей в первой половине XIV в.» (стр. 150—151).

В Твери во второй половине XIV в. выступает с критикой церковных институтов епископ Ефимий Вислень, хотя у нас сохранилось слишком мало известий для того, чтобы судить о характере его выступления. Современником Ефимия и псковско-новгородских стригольников был ростовский еретик Маркиан. Разбирая житие ростовского епископа Иакова (1386—1392), А. И. Клибанов устанавливает, что Маркиан был антиринитарием и иконоборцем. Вопрос о троице продолжал волновать русских вольнодумцев и в XV в. Уже псковские споры о «трегубой аллилуйе» в середине XV в., вызвавшие наступление Евфросина в защиту троицы, показывают, что этот догмат переставал быть религиозной аксиомой.

Наиболее широкая волна реформационного движения прокатилась по Руси в конце XV—начале XVI в. Наряду с Новгородом и Москвою, вольномыслием, как это можно судить по посланию Иосифа Волоцкого тверскому архиепископу Вассиану, была заражена в конце XV в. и Тверь, где еретики стремились «троицу утайти»¹². Избегает говорить о троице в свских обширных рассуждениях на религиозные темы тверской путешественник и писатель Афанасий Никитин.

В последние годы мужественный образ выдающегося русского мыслителя середины XVI в. Феодосия Косого привлек к себе внимание многих исследователей¹³. Однако и в этой теме А. И. Клибанов нашел новые аспекты, которые оставались вне поля зрения его предшественников. Пламенная проповедь Феодосия Косого была направлена против основ социального гнета и выражала интерес крестьянской и посадской бедноты. Противопоставление «разума духовного» «человеческому преданию», т. е. «святоотеческой литературе», сближало его учение с доктриной Томаса Мюнцера. А. И. Клибанов показал смелые рационалистические и материалистические догадки, которые высказывал передовой русский мыслитель середины XVI в.

Менее удался А. И. Клибанову раздел о новгородско-московской ереси конца XV—начала XVI в. Тщательно и последовательно описав историю столкновения еретиков с обличителями, автор недостаточно уделил внимания самой сущности реформационных воззрений русских вольнодумцев, разнице между новгородским и московским еретическими кружками. Правда, ряд глубоких замечаний на этот счет сделан автором по ходу изучения мировоззрения Феодосия Косого. Вместе с тем А. И. Клибанов отказался от специального анализа памятников обличительной литературы. Известные основания для этого он имел: эти источники явились объектом специального исследования Я. С. Лурье¹⁴. Но читатель книги о реформационной мысли в России хотел бы найти в ней ответ на вопрос о том, в какой мере сочинения идейных врагов ереси могут быть использованы для ее характеристики, какие приемы следует применять для критики пасквилей, вышедших из-под пера Геннадия и Иосифа Волоцкого.

Третью часть монографии А. И. Клибанов посвятил гуманистическим идеям в русских реформационных движениях.

Самая постановка вопроса о наличии элементов гуманизма в России XV—XVII вв. чрезвычайно плодотворна: она позволяет понять общие пути развития культуры и общественной мысли как Восточной, так и Западной Европы. На это обратил внимание совсем недавно академик М. П. Алексеев в своем докладе на IV Международном съезде славистов¹⁵. В этой связи очень интересна попытка выяснить общие источники гуманистической мысли в России и некоторых европейских странах. Так, идеологи итальянского гуманизма Мирандола и Фичино черпали неоплатонические идеи из сочинений византийского писателя Псевдо-Дионисия Ареопагита. Псевдо-Дионисий и другие представители византийской патристики сыграли видную роль в ознакомлении русской литературы с греческой философской мыслью. Эта культурная база русского гуманизма, подчеркивает А. И. Клибанов, была более узкой, чем, например, в Италии, но игнорировать ее нет необходимости. Наряду с патристикой, на Руси были и другие возможности более непосредственного освоения античного наследия. Архиепископ Геннадий сообщает, что новгородские еретики интересовались, наряду с Псевдо-Дионисием, Менаандром¹⁶, т. е. сборником правоучительных сентенций, извлеченных из пьес

¹² «Послания Иосифа Волоцкого». М.—Л., 1959, стр. 142.

¹³ Р. Г. Л а п ш и н а. Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI в. ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 235—250; Д. К. Ш е л е с т о в. Свободомыслие в учении Феодосия Косого. «Вопросы истории религии и атеизма», вып. II. М., 1954, стр. 194—217; В. И. К о р е ц к и й. К вопросу о социальной сущности «нового учения» Феодосия Косого. «Вестник МГУ», ист.-филол. серия, 1956, № 3, стр. 105—124 и др.

¹⁴ См. Я. С. Л у р ь е. Идеологическая борьба. . ., стр. 95 сл.

¹⁵ М. П. А л е к с е е в. Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси. М., 1958, стр. 38.

¹⁶ Н. А. К а з а к о в а и Я. С. Л у р ь е. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 320.

греческого драматурга IV в. Одному из ярчайших русских писателей-гуманистов первой половины XVI в. Федору Карпову были известны в подлинниках, переводах или извлечениях произведения Аристотеля, Гомера и Овидия¹⁷. Историческая и художественная проза Византии, переводившаяся на Руси уже с XI в., также давала материал для размышлений на религиозно-философские темы. Обо всем этом хотелось бы найти в книге А. И. Клибанова больше сведений, чем автор счел возможным поместить.

Среди гуманистических идей, бытовавших в сочинениях русских передовых мыслителей XV—XVI вв., А. И. Клибанов выделяет идею утверждения («самовластия») человека, восходящую еще к античным представлениям о нравственной свободе человека. Из этой идеи делались далеко идущие выводы, отрицавшие всю систему феодальной иерархии.

Автор Валаамской беседы (конец XVI в.) писал: «Мнози убо глаголют в мире, яко самоволна человека сотвори ест бог на сесь свет. Аще бы самовластия человека сотворил бог на сесь свет, и он был не уставе царей и великих князей и прочих властей»¹⁸.

Гуманистические представления о «самовластии» человека содержатся уже в Лаодикийском послании Федора Курицына и Написании о грамоте. Аналогичные мысли высказывал и Иван Семенович Пересветов. Эти идеи, как тонко подмечает А. И. Клибанов, родственны рассуждениям Пико делла Мирандола в программном документе итальянского гуманиста XV в. — речи о достоинстве человека, в которой центральным пунктом является провозглашение самовластия человека (стр. 349).

Гораздо менее определенные сведения сохранились о мотивах гедонизма в русской литературе конца XV—XVI в. В сборнике еретика конца XV в. Ивана Черного был помещен перевод сочинения о духовном рае византийского писателя Никиты Стфата (XIV в.). В сочинении содержится классификация человеческих потребностей (их деление на естественные и необходимые), которая восходит через византийских отцов церкви к греческому философу Эпикуру. Философия «прятия жизни», реабилитация плоти использовалась русскими вольнодумцами в их борьбе со средневековым аскетизмом и монашеством.

В своей защите человеческого достоинства гуманисты исходили из понятия единства человеческого рода на земле, выступая против расового или религиозного, а иногда даже и социального неравенства. Уже в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина А. И. Клибанов находит зародыши понятия о равенстве вер и народов. Афанасий Никитин фактически сводил все понятие правой веры к монотеизму. Он писал: «правую веру бог ведаеть, а правая вера бога единого знати, или его призывати на всяком месте чисту»¹⁹. Характерно, что клерикальный редактор «Хожения», живший в XVII в., изъял это место, сомнительное с точки зрения ортодоксального православия, и подверг весь текст памятника сильной редакционной правке с целью искоренения из него следов вольнодумия и обличения инаковерующих (стр. 313—376). Чужд был религиозной нетерпимости и И. С. Пересветов, героем сочинений которого выступает мудрый правитель «неверный иноплеменник» Магмет-Салтан. Но наиболее последовательно выступал в защиту равенства народов и вер идеолог социальных низов, беглый холоп Феодосий Косой, учивший, что «все люди едино суть у бога, и татарове, и немцы, и прочии языцы»²⁰.

Справедливо отмечая общие предпосылки возникновения и сходство основных философских вопросов, волновавших русских и западноевропейских гуманистов, А. И. Клибанов, на наш взгляд, недостаточно подчеркивает специфику тех явлений гуманизма, которые обнаруживаются в русской общественной мысли XV—XVI вв.

В России в это время в силу сравнительной отсталости социально-экономического развития удельный вес города как в общественно-политической, так и в культурной жизни был еще невелик. Процесс государственной централизации возглавлялся дворянством. Отдельные требования бюргерства формулировались передовыми дворянскими представителями. Все это придавало особый оттенок русской общественной мысли. В сочинениях московских еретиков конца XV в., в посланиях Федора Карпова и в трудах Ивана Пересветова, т. е. в памятниках гуманистической мысли, мы обнаруживаем еще незавершенность процесса высвобождения человеческой личности из пут церковной идеологии. Церковному авторитаризму противостоял не человек вообще, а светское суверенное государство. Мудрый и сильный человек выступал в качестве монарха или его сподвижника. Складывался, таким образом, своеобразный вариант гуманизма,

¹⁷ Подробнее см. А. А. З м и н. Общественно-политические взгляды Федора Карпова. ТОДРЛ, т. XII, 1956, стр. 161.

¹⁸ Г. Н. М о и с е в а. Валаамская беседа. М.—Л., 1958, стр. 174—175.

¹⁹ «Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472». М.—Л., 1958, стр. 27.

²⁰ «Послание многословное. Сочинение инока Зиновья» М., 1880, стр. 143.

который можно было бы условно назвать политическим гуманизмом. Впрочем, этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

В целом монография А. И. Клибанова, новаторская как по основным выводам, так и по методике исследования, раскрывает просторы для постановки новых проблем истории русской общественной мысли XIV—XVI вв. В этом и состоит ее непреходящее значение для науки.

А. А. Зимин

**BIBLIOTHÈQUE NATIONALE, DÉPARTEMENT DES MANUSCRITS.
CATALOGUE DES MANUSCRITS GRECS. 3-ME PARTIE.**

Le Supplément grec, t. III, № 901—1371. Par Charles Astruc et Marie-Louise Concasty. Préface par Alphonse Dain. Paris, Bibliothèque Nationale, 1960, XIII, 789 p.

Национальная библиотека в Париже обладает самым богатым в мире собранием греческих рукописей, которое состоит из трех частей: Ancien fonds grec; Fonds Coislin; Supplément grec.

Ancien fonds grec (3117 рукописей) — основное и самое старое собрание греческих рукописей королевской библиотеки; оно было описано А. Омоном¹.

Fonds Coislin (389 рукописей) имеет два печатных каталога: первый был составлен Монфоконом², второй напечатан в 1945 г. библиотекарем Ватикана Робертом Деврэессом³.

Наконец, третья часть — Supplément grec (1371 рукопись), т. е. все греческие рукописи, поступившие в Национальную библиотеку после 1740 г. — даты, когда была открыта эта библиотека и когда был опубликован каталог ее собраний под названием: *Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae regiae, t. I—II*. Paris, 1740. (Описание греческих рукописей см. во втором томе.)

Эта последняя часть не была полностью описана в печати до выхода в свет рассматриваемого издания; 1329 номеров были ранее описаны А. Омоном в добавлениях к его уже названному выше каталогу, а 42 номера нигде не были описаны.

* * *

История этих двух собраний — Fonds Coislin и Supplément grec — различна: первое из них было составлено в XVII в. канцлером Пьером Серье, от которого по наследству перешло к его внуку Анри дю Камбу (Henri du Cambou), герцогу Куаленю, епископу Мецскому; по завещанию герцога Куаленя его собрание перешло к бенедиктинцам Сен-Жерменского аббатства, а во время Великой Французской буржуазной революции поступило в Национальную библиотеку. Именно из этого собрания, как известно, происходит большое число средневековых латинских и французских рукописей, хранящихся в настоящее время в Отделе рукописей старейшего русского национального книгохранилища — Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Число греческих рукописей из библиотеки герцога Куаленя, находящихся в настоящее время в Ленинграде, невелико — всего семь; сведения о них (см. № 91, 188, 196, 212, 300, 350, 379) включены Деврэессом в его каталог, так как некогда эти рукописи входили в состав Fonds Coislin. К сожалению, Деврэесс ничего не сообщает о тех кодексах, которые в свое время попали к П. П. Дубровскому⁴, но были проданы им в Англию и в Данию, а потому не

¹ H. O m o n t. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale, t. 1—3. Paris, 1886—1888. В предисловии к этому каталогу изложена история собрания.

² Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana, sive manuscriptorum omnium graecorum, quae in ea continentur, accurata descriptio. . . Studio et opera D. Bernardi de Montfaucon, presbyteri et monachi Benedictini e congregatione S. Mauri. Parisiis, 1715.

³ Bibliothèque Nationale. Catalogue des Manuscrits grecs, t. II. Le Fonds Coislin, par R. Devreesse, scriptor de la Bibliothèque Vaticane. Paris, Imprimerie Nationale, 1945, XVI, 428 p. Этот каталог не получил в свое время никакого отклика в советской печати, поэтому считаю уместным сказать кое-что и о нем в настоящей рецензии.

⁴ Рукописи из Куаленовой библиотеки были привезены в Россию чиновником русского посольства во Франции П. П. Дубровским. О нем и его собрании см. Т. В. Луизова. Собрание рукописей П. П. Дубровского в Гос. публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. ВИ, 1952, № 8, стр. 150—154.

поступили вместе со всем его собранием в Публичную библиотеку⁵. Не выясняет Девресс и судьбу двух кодексов, хранящихся в настоящее время в Научной библиотеке им. А. М. Горького Московского государственного университета, а лишь указывает, что этих кодексов в Национальной библиотеке нет (см. № 229 и 342).

Судьба второго собрания — *Supplément grec* — менее интересна: это рукописи, поступавшие в Национальную библиотеку в течение второй половины XVIII в., всего XIX в. и вплоть до 1958 г. Рукописи эти поступали как целыми коллекциями [например рукописи известного филолога Миноида Мины⁶ (№ 1226—1251)], так и отдельными единицами⁷.

История этих собраний в известной мере определила и состав их. Собрание герцога Куаленя, составленное в XVII в., содержит большое число древних кодексов; рукописей XVI—XVII вв. в нем сравнительно немного. В фонде *Supplément grec* рукописи, написанные после XV в., значительно превышают половину общего числа всех рукописей. Однако древнейшие рукописи находятся в фонде *Supplément grec*; это отрывки папирусов из Дура-Европы, датируемые II в. до н. э. (№ 1354); в Куаленевой библиотеке самым древним является отрывок из посланий апостола Павла VI в. (№ 202).

Подобно прочим собраниям средневековых рукописей, в Национальной библиотеке преобладают богослужебные и богословские тексты; однако в рассматриваемых каталогах описано много кодексов, содержащих памятники античной и византийской литературы, привлекавшихся для изданий этих памятников или для их изучения. Таковы, например, следующие рукописи: из *Fonds Coislin*: 1) № 317. Сочинения Фукидида и Ксенофонта; 2) № 318. История Полибия; 3) № 337. География Птолемея; 4) № 133. Хронограф Никифора Патриарха, хронограф Георгия Синкелла и хронограф Феофана; 5) № 138—143. История Георгия Пахимера; 6) № 305 и 310. Хроника Георгия Амартола; 7) № 311. Алексиада Анны Комнины; из *Supplément grec*: 1) № 1034. Константин Манассия, Феодор Продром и др.; 2) № 1156. Отрывки из сочинений Павла Эгинского, Феодора Ттеца и др.; 3) № 1158. История Георгия Кедрина; 4) № 1185. Тайная история Проккопия, отрывки из Хроники Иоанна Малалы и др.; 5) № 1248. XV. Отрывок из Церковной истории Феодорита Кирского. Можно ограничить число таких примеров, потому что фонды греческих рукописей Национальной библиотеки широко известны и всегда пользовались заслуженным вниманием эллинистов и византинистов всех стран.

Кроме папирусов (в небольшом числе) и средневековых рукописей, в рецензируемых изданиях описаны также бумаги, письма и материалы ученых, занимавшихся изданием и изучением текстов. См., например, из *Fonds Coislin*: 1) № 343. Копия сочинения Мануила Палеолога, переписанная Комбефизом при подготовке им издания этих сочинений; 2) № 357. Каталог греческих рукописей библиотеки канцлера Сежье; из *Supplément grec*: 1) № 1093. V. Письма Михаила Ле Кьена (Michel Le Quien); 2) № 1003. Заметки К. Газе (С.-В. Насе) и Е. Миллера (E. Miller) о греческих рукописях Национальной библиотеки; 3) № 1048—1073, 1203—1211. Рукопись *Thesaurus Graecae Linguae* Этьенна и печатное издание этого же словаря с заметками Миллера. Фото-снимки с рукописей также включены в общий ряд (см., например, *Supplément grec*, № 1097).

Такой разнообразный материал (особенно это касается фонда *Supplément grec*) для удобства обозрения лучше было бы систематизировать; рукописи же распределены в порядке их инвентарных номеров, одновременно служащих шифрами. Поэтому папирусы первых веков нашей эры оказались описанными вперемежку с бумагами XVIII—XIX вв. (см., например, № 901—925). Этот недостаток, однако, искупается благодаря прекрасным индексам, которых два: *Début des pièces inédites ou peu connues rencontrées dans les manuscrits du Suppl. Grec* и общий индекс личных имен, географических названий и предметов.

Описания рукописей составлены по правилам, принятым в Библиотеке Ватикана

⁵ L. Delisle. *Le cabinet de manuscrits de la Bibliothèque Nationale*, t. II. Paris, 1874, n. 2: Quelques-uns de ces manuscrits, grecs principalement, avaient été vendus à un Anglais, M. Edwards, et à un M. Dreyer, diplomate danois à Paris. К сожалению, мне недоступен недавно изданный каталог греческих рукописей Британского музея (M. Richard. *Inventaire des manuscrits grecs du British Museum I. Fonds Sloane, Additional, Egerton, Cottonian et Stowe*), а потому я не знаю, есть ли там греческие рукописи из Сен-Жерменского аббатства. Документы на французском языке из коллекции Сежье в Британском Музее имеются. См. R. Nares. *A Catalogue of the Harleian Manuscripts in the British Museum*, vol. I—IV. London, 1808—1812, № 4435—4436, 4449 и др.

⁶ О нем см. H. O m o n t. *Minoide Mynas et ses missions en Orient (1840—1855)*. «Mémoires de l'Institut National de France». Académie des Inscriptions et Belles Lettres, t. XL, 1916, p. 337—419.

⁷ Об этом фонде см. M.-L. C o n c a s t y. *Le Fonds «Supplément grec» du Département des Manuscrits de la Bibliothèque Nationale de Paris*. Byz., XX, 1950, p. 21—26.

и считающимся в настоящее время наилучшими⁸. Напоминаю, что в последние годы, в связи с развитием кодикологии, в литературе неоднократно обсуждался вопрос о составлении единых международных правил для описания греческих рукописей⁹. Были предложены, между прочим, некоторые дополнения к правилам, на мой взгляд, несколько перегружающие описание и не всегда могущие быть выполнены. Таково, например, требование обязательно отмечать типы разлиновки рукописей по изданию: Kirsopp and Silva Lake. *Dated Greek Minuscule Manuscripts to the year 1200*. I—X. Boston, Mass., 1934—1939. Indices, 1945.

Как я убедилась на собственном опыте, тип разлиновки при описании бумажных рукописей и фрагментов определить нередко бывает очень трудно, а то и просто невозможно; встречаются также типы разлиновки, в указанном издании незарегистрированные.

Описание отдельных кодексов в разбираемых изданиях разделяется на три части: 1. Краткая внешняя характеристика рукописи — шифр, дата, материал письма (папирус, пергамент, бумага), размер; 2. Содержание рукописи; 3. Оформление рукописи (число тетрадей, наличие миниатюр и орнамента, переплет, запись псалма и пометы), история рукописи и библиография. Как видно, третий раздел описания дополняет первый его раздел.

Эта схема дает возможность читателю достаточно полно представить себе отдельные кодексы, описанные в рецензируемых изданиях.

По поводу отдельных описаний представляется уместным сделать некоторые замечания.

При писании бумажных рукописей составители обоих каталогов не всегда уделяли надлежащее внимание филиграммам. Девресс вообще не указывает филиграней, встречающихся в бумажных кодексах Куаленовой библиотеки. Ш. Аструк и М.-Ж. Конкасти при определении филиграней пользуются только справочником: С. М. Briquet. *Les filigranes. Dictionnaire historique des marques de papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600*. I—IV. Paris, 1907¹⁰ (см., например, Suppl. grec, № 1087), или вообще филигрань не указывают (см., например, Suppl. grec, № 1101, рукопись на бумаге XIV в. или тот же фонд, № 1158, рукопись на бумаге XIII в.). Однако для описания филиграней бумажных рукописей XIII—XIV вв. следовало привлечь новое издание о филиграммах этих веков: V. A. Mošin et S. M. Traljić. *Filigranes des XIII-e et XIV-e siècles*. I—II. Zagreb, 1957.

При описании палимпсестов смытые тексты не выделяются как самостоятельные памятники (см., например, Suppl. grec, № 1021, 1226). Однако с этим нельзя согласиться. С точки зрения библиотечаря каждый кодекс-палимпсест представляет собой одну единицу хранения; но с точки зрения исследователя в каждом кодексе-палимпсесте представлено не менее двух памятников письменности, каждый из которых должен быть описан самостоятельно. Разумеется, это очень трудно сделать при отсутствии специальных снимков, на которых был бы выявлен смытый текст, но отметить такие тексты как отдельные памятники следовало, тем более что в предисловии к каталогу Suppl. grec сказано о работах по выявлению смытых текстов, ведущихся в Национальной библиотеке.

Неясно, почему при описании отдельных фрагментов каждый из них рассматривается не как отдельный, самостоятельный памятник, но лишь как часть искусственно составленной единицы хранения (см., например, Suppl. grec, № 1155, в котором заключается 21 фрагмент VII—XI вв., или тот же фонд, № 1238, заключающий в себе 19 фрагментов XIV—XIX вв.).

При описании неотожествленных текстов (которых очень немного) не приводятся начальные и конечные слова текста (см. Suppl. grec, № 1232. VII).

При описании рукописей нельзя ставить своей задачей дать полную биографию всех рукописей — это ненужно и невозможно. Однако описания отдельных кодексов, особенно в тематических каталогах, и их воспроизведение желательно указывать.

⁸ См. R. Devresse. *Introduction à l'étude des manuscrits grecs*. Paris, 1954, p. 278—285.

⁹ См., например, H. Gerstinger. *Vorschläge zur Schaffung eines Gesamtkataloges der griechischen Handschriften und eines einheitlichen internationalen Handschriftenbeschreibungsschema*. «Atti dello VIII Congresso Internazionale di Studi Bizantini», I. Roma, 1953, p. 87—92 (=«Studi Bizantini e Neocellenici», VII); R. Cantarella — A. Pertusi. *Proposta per l'adozione di norme generali per la descrizione dei codici greci*. Ibid., p. 3—5; A. Dain. *Rapport sur la codicologie byzantine*. «Berichte zum XI. Intern. Byzantinisten-kongress», VI. München, 1958; C. Gagnelli. 1. *Korreferat zu A. Dain. Rapport sur la codicologie byzantine*. Ibid., VII. München, 1958; H. Hunger. 2. *Korreferat zu A. Dain. Rapport sur la codicologie byzantine*. Ibidem. К сожалению, мне недоступна работа Ришара (M. Richard. *Règles à suivre pour la confection des catalogues de manuscrits grecs*. Bruxelles, 1954).

¹⁰ Лейпцигское издание этого справочника мне, к сожалению, недоступно.

Воспроизведения рукописей указаны (см., например, Suppl. grec, № 905). Что касается описаний, то некоторые из них пропущены: так, не названы описания рукописей фонда Coislin, № 38, 215, 216, 361; эти кодексы были описаны А. А. Дмитриевским в книге «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока». «Толки», ч. 2. (Пг., 1917, стр. 130—132, 161—162, 208—210, 344—345).

В описании отрывков из Посланий апостола Павла VI в. (Coislin, № 202) сказано, что два листа из этой рукописи хранятся в Ленинграде; отрывки из этого же кодекса (так называемого Codex H) хранятся также в Национальной библиотеке (Suppl. grec, № 1074), в Турине, в Лавре св. Афанасия на Афоне, в Гос. историческом музее и во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. Раньше отрывок из этого же кодекса хранился в Киеве, но был утрачен в годы Великой Отечественной войны, во время оккупации Киева немцами¹¹.

Отрывки из рукописи Suppl. grec, № 1262, содержащей Деяния апостолов (1101 г.), хранятся в настоящее время в Гос. публичной библиотеке в Ленинграде под шифром: греч. № 321; эти отрывки поступили в библиотеку в составе собрания Порфирия Успенского. Листы из Церковной истории Феодорита Кирского в списке X в. (Suppl. grec, 1248. XV) хранятся в той же библиотеке под шифром: греч. № 715; эти листы поступили в библиотеку в составе собрания А. И. Пападопуло-Керамевса¹².

Вряд ли стоит увеличивать число мелких добавлений и поправок. При составлении справочников подобные недосмотры неизбежны. Следует обратить внимание на главное: оба рецензируемых издания являются не только каталогами в узком смысле этого слова, раскрывающими состав описанных в них собраний, но могут также служить и должны быть использованы как справочники по средневековой греческой письменности, так как в них представлены все виды памятников и большая часть византийских авторов. Что же касается каталога фонда Supplément grec, вышедшего в свет уже после XI Международного конгресса византистов в Мюнхене, то его можно рассматривать как ответ на пожелание о скорейшем окончании работ по библиографированию всего мирового фонда греческих рукописей, высказанное Альфонсом Дэнном в его упоминавшемся выше докладе.

Е. Э. Гранстрем

THE GREAT PALACE OF THE BYZANTINE EMPERORS. SECOND REPORT, EDITED BY D. TALBOT RICE.

Edinburgh (The Walker Trust — the University of St. Andrews), 1958

Во втором отчете о работах шотландской экспедиции в Константинопольском дворце, изданном Д. Тальботом Райсом, публикуются исследования 1951—1954 гг. в перистиле, открытом перед второй мировой войной¹ вместе со вновь открытым примыкающим к нему апсидальным залом, а также в так называемом «доме Юстиниана», руины которого возвышаются над приморской оборонной стеной гавани Буколеон на Мраморном море.

Восточная оконечность Византия представляла когда-то скалистый мыс с крутыми скатами. Для того чтобы создать на рубеже II и III вв. н. э. площадку ипподрома, лежавшую на 32 м выше уровня моря, пришлось поднять его юго-западный закругленный конец на грандиозные сводчатые субструкции. В дальнейшем застройке между ипподромом, храмом Софии и морем тоже неизменно предшествовало многократное террасирование с разрушением и засыпкой более ранних сооружений строительным и бытовым мусором. Искусственными террасами являются и основание «дома Юстиниана», и верхняя терраса, на которой был построен перистиль с примыкающими к нему постройками. В верхнюю террасу заделаны здания и остатки зданий, восходящих к додворцовому времени и отличных от дворцовых построек по своей ориентации. Впоследствии, за долгим периодом заброшенности, связанным с перенесением придворной жизни в XII в. в другие дворцы, последовало разрушение, произведенное турками, и новое террасирование; в результате мозаичные полы перистили оказались в свою очередь на глубине 2,5—4 м под современной улицей Арасте Сокак с ее аркадами и лавнами.

¹¹ C.-R. G r e g o r y. Textkritik des Neuen Testaments, I. Bd. Leipzig, 1900, S. 114; Н. П е т р о в. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. 1. Киев, 1875, стр. 16—17, № 26.

¹² См. L. P a r m e n t i e r. Theodoret. Kirchengeschichte, 2. Aufl. Berlin, 1954, S. X.

¹ The Great Palace of the Byzantine Emperors. I report. London, 1947—1949 (далее — I отчет).

Во все периоды строительство не только сопровождалось, но и базировалось на вторичном использовании строительных материалов — от кирпича до мрамора; этим объясняется почти полное исчезновение сооружений, когда-то построенных за счет других, возможно, не менее грандиозных и восходящих частично к греческой античности.

В XIX в.² толчком к ознакомлению с руинами нижней террасы послужила постройка восточной железной дороги, которая вместе с тем разрушила значительную их часть. Ряд пожаров уничтожил с 1913 г. до наших дней турецкую застройку и создал к югу и востоку от мечети Ахмета огромное полукольцо пожарниц, что облегчило доступ к некоторым из древних построек. Однако в силу указанных выше обстоятельств археологические работы в константинопольских дворцах были необычайно трудоемки, а датировка их очень сложна. Вместе с тем систематическое изучение дворцовых построек, известных преимущественно по поздним описаниям придворного церемониала, имеет огромное историческое значение; их исследование должно раскрыть картину развития ранневизантийской архитектуры и декора.

Основоположником современного изучения византийского Константинополя в целом является А. М. Шнейдер, а большого дворца в частности — Е. Мамбери. Оба они посвятили этому делу многие десятилетия. Редко имея возможность вести настоящие раскопки, они, как и другие исследователи, были вынуждены базироваться главным образом на изучении наземных руин, немногих эксплуатирувавшихся подземных построек, а также на данных, выявляемых при рытье фундаментных рвов для современных сооружений. Этим объясняется некоторая ограниченность ценного труда Е. Мамбери³, справедливо отмечаемая рецензентами⁴. Для рассматриваемой публикации особое значение имеет произведенное Мамбери исследование сооружений по берегу Буколеона⁵ и тех зданий (Db и Dc)⁶, к которым примыкают перистиль и апсидальный зал. Участие Мамбери в шотландской экспедиции ограничилось начальным периодом довоенных раскопок, Шнейдер остался в стороне. Премстственности в изучении дворцов не могло не помешать также полное изменение полевого и авторского состава второй шотландской экспедиции, что отразилось на содержании второго отчета по сравнению с первым.

Начав свою деятельность в 1951 г. при сотрудничестве одной только своей супруги, руководитель новых работ Д. Тальбот Райс проводил консервацию мозаик, продолжал их перенесение под аркады Арасте Сокак, превращенные в настоящий музей; эта огромная работа осталась за рамками монографии. В 1952 г. к работам были привлечены Сп. Корбетт и Д. Стронг. На третий год с расширением состава (участие Д. Оутса и других) начались работы в «доме Юстиниана», законченные Корбеттом самостоятельно.

В конце 1953 г. руководство временно осуществлялось Уорд-Перкинсом — директором «Британской школы» в Риме; Уорд-Перкинс проездом в Малую Азию, где он изучал позднеримскую строительную технику, вторично посетил Стамбул в 1954 г. главным образом для сбора сравнительного материала по Византии. Так излагается на стр. VII—IX организация раскопок, в значительной мере определившая характер самой обширной публикации.

Если судить по оглавлению, то не может не показаться странным расположение материала: за написанными Райсом, Уорд-Перкинсом и Оутсом первыми двумя главами (о проверочных раскопках перистиля и об исследовании остатков зданий, обнаруженных — частично вновь — к юго-востоку от него) следует обширная обобщающая III глава Уорд-Перкинса о строительной технике, IV—VI главы Райса о кирпичных клеймах, о византийской керамике и о мозаиках. Глава VII (стр. 161—167), названная «Проблема идентификации» и подписанная обоими руководителями, предшествует VIII главе (стр. 168—193) о зданиях у гавани Буколеон (так называемом «доме Юстиниана»), подписанной Корбеттом.

Казалось бы, что небольшие главы о кирпичных клеймах и, особенно, обобщающие данные о конструктивных приемах должны были быть поставлены в конце книги, в завершение всей работы. Однако дело обстоит иначе. Хотя это и не оговорено, но глава о клеймах (стр. 106—109) относится только к первым двум главам; в нее не включены клейма из «дома Юстиниана» (стр. 175). В обобщающей III главе отсутствуют многие интересные данные об относительно поздней строительной технике в самом

² Летопись исследований: E. M a m b o u r g u. Les fouilles byzantines à Istanbul, 1847—1936. Byz., XI, fasc. 1, 1936, p. 229—289.

³ E. M a m b o u r g u und Th. W i e g a n d. Die Kaiserpaläste von Konstantinopel. Berlin, 1934 (далее — М а м б е р и — В и г а н д).

⁴ E. W e i g a n d. Mamboury und Wiegand. Die Kaiserpaläste. BZ, XXXVI, 1936, S. 166—170.

⁵ М а м б е р и — В и г а н д, стр. 6—18, табл. V и XII—XXXVIII.

⁶ Там же, стр. 33—35, табл. XXXV—XXXIX. Непонятно их игнорирование в работе: G. B r e t t. Byzantium. «Antiquity», vol. XI, № 43, 1937, p. 58.

«доме Юстиниана». При таком распределении конкретного материала последняя, VIII глава по существу является самостоятельным дополнением ко второму отчету и будет рассмотрена нами отдельно.

Те страницы отчета⁷, на которых опровергается прежняя идентификация перистилия и примыкающих к нему зданий⁸, представляют собой повторение замечаний Мамбери⁹ по поводу заметки Бретта¹⁰, а также Шнейдера¹¹ и Дауней¹² в отзывах о первом отчете.

Пятая глава посвящена поздней керамике и не играет роли в датировке перистилия и его мозаик; в данном контексте она интересна для последующей истории уже покинутых зданий. Основное значение труда состоит в фиксации того, что сохранилось от перистилия, от «дома Юстиниана» и связанных с ними построек.

К сожалению, во втором отчете также отсутствует генеральный план, которого нет ни у Мамбери—Виганда, ни в отчете. Поэтому мы нанесли новые данные на план Мамбери, опубликованный полностью Шнейдером¹³, а схематически — Лицманом¹⁴ (см. здесь рис. 1).

Прежде чем перейти к отдельным главам, сделаем несколько общих замечаний по поводу столь блестящей внешне публикации. Хотя авторы утверждают, что они продолжают традиции первого отчета, но это не совсем так. Забыты некоторые важные объекты, опубликованные ранее (например корпуса G, B₁). В первом отчете фиксация данных была точнее: планы нанесены там на сетку, вертикальные отметки отсчитываются от условного нуля (+26,10 м от уровня моря), нанесенного на блок «зеленого камня» в ряду, отделяющем заднюю стену СВ портика от ее фундамента (I отчет, стр. 2; профиль на табл. 59; точка D на табл. 60; разрезы на табл. 63).

Авторы второго отчета отказались от сетки, принятой в первом отчете, и не заменили ее какой-либо иной системой. Вместо вполне определенной нулевой отметки первого отчета во втором отчете за исходную точку принят «средний уровень» мозаичного пола (стр. 1); но из текста (стр. 4) и из рисунков (особенно рис. 3) ясно, что мозаичный пол во многих местах сильно осел; значит, не существует такого «среднего» уровня мозаичного пола, от которого можно было бы отсчитывать с достаточной точностью все другие высоты. Нет ясности, от какого именно уровня следует отсчитывать уровни и на больших разрезах А — С; отсутствие на чертежах вертикальных промеров тоже не может содействовать доходчивости чертежей, несмотря на очень крупный их масштаб. Отсутствуют (кроме VIII главы) схематические рисунки или разрезы, особенно полезные при анализе византийских кирпичных кладок; это не могло не привести к ряду неуязвок. Часто мешает весьма приблизительное (или вовсе отсутствующее) нанесение на план (рис. 1 или рис. 2) разрезных линий и точных контуров раскопов. Например, на рис. 3 изображены два разреза на расстоянии двух метров друг от друга, а на плане (рис. 2) они не показаны вовсе; не обозначен тот блок «зеленого» камня, о котором идет речь на стр. 4. Такая неясность могла получиться только в результате нанесения горизонтального расстояния на разрез, а не на план. Эти недочеты, кажущиеся на первый взгляд мелкими, лишают великолепное издание достаточной технической документальности.

Первая глава преимущественно содержит подробное описание уже ранее известных частей перистилия, а также немногих вновь открытых его участков. Раскопана новая часть мозаичного бордюра против точек А — А₁ северо-восточного портика (I отчет, табл. 61). Вновь публикуется юго-восточная часть этого портика (раскоп I) с большим и хорошо сохранившимся на всю его ширину фрагментом мозаики¹⁵, сопровождаемым соответствующим внутренним бордюром.

В сочетании с раскопами VI и VII они позволили установить, что юго-восточный портик был не уже (как предполагалось в I отчете, лл. 59—61), а шире остальных; на северо-восточной и юго-западной сторонах оказалось, таким образом, не по 13, а по 12 колонны (рис. 1—2 II отчета). Значительная ширина юго-восточного портика

⁷ II отчет, стр. XXIII, 162—163.

⁸ I отчет, разъясняющий план к форзацу (стр. 17—20 и план).

⁹ E. M a m b e r i u. Les fouilles à Istanbul en 1936—1937. Byz., XIII, fasc. 1, 1938, p. 304—305.

¹⁰ G. B r e t t. Op. cit., p. 356—359.

¹¹ A. M. S c h n e i d e r, отзыв для «Antiquity»; впервые напечатан во II отчете (стр. 194—198); в предисловии и введении не упоминают.

¹² G. D o w n e y. The Great Palace. AJA, vol. 53, № 1, 1949, p. 81—83 (с учетом высказываний Фогта).

¹³ A. M. S c h n e i d e r. Byzanz. Berlin, 1936, Taf. 10.

¹⁴ H. L i e t z m a n n. Mamboury und Wiegand. Die Kaiserpaläste. «Gnomon», Bd. XII, H. 5, 1936, S. 231—235.

¹⁵ Изображения фонтанного здания и обрабатывающих землю крестьян были открыты еще до второй мировой войны, но не попали в I отчет по техническим соображениям (I отчет, стр. 72, прим. 1).

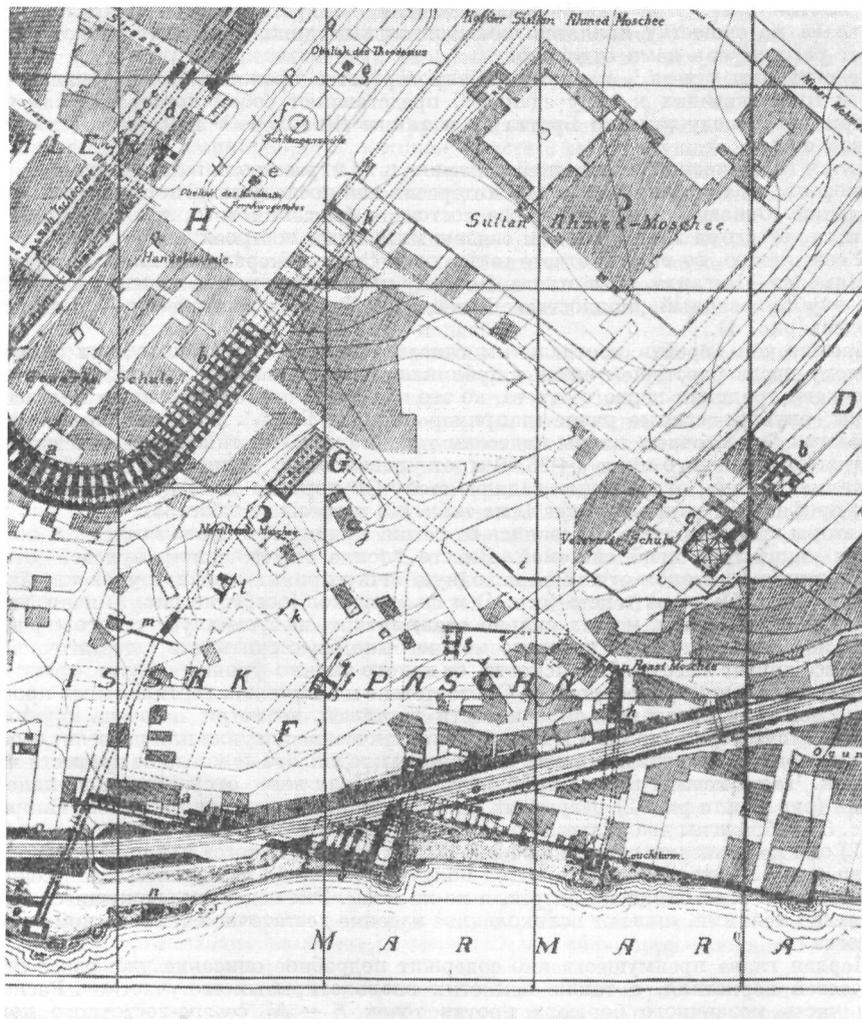

Рис. 1. Генеральный план перистилия с апси-

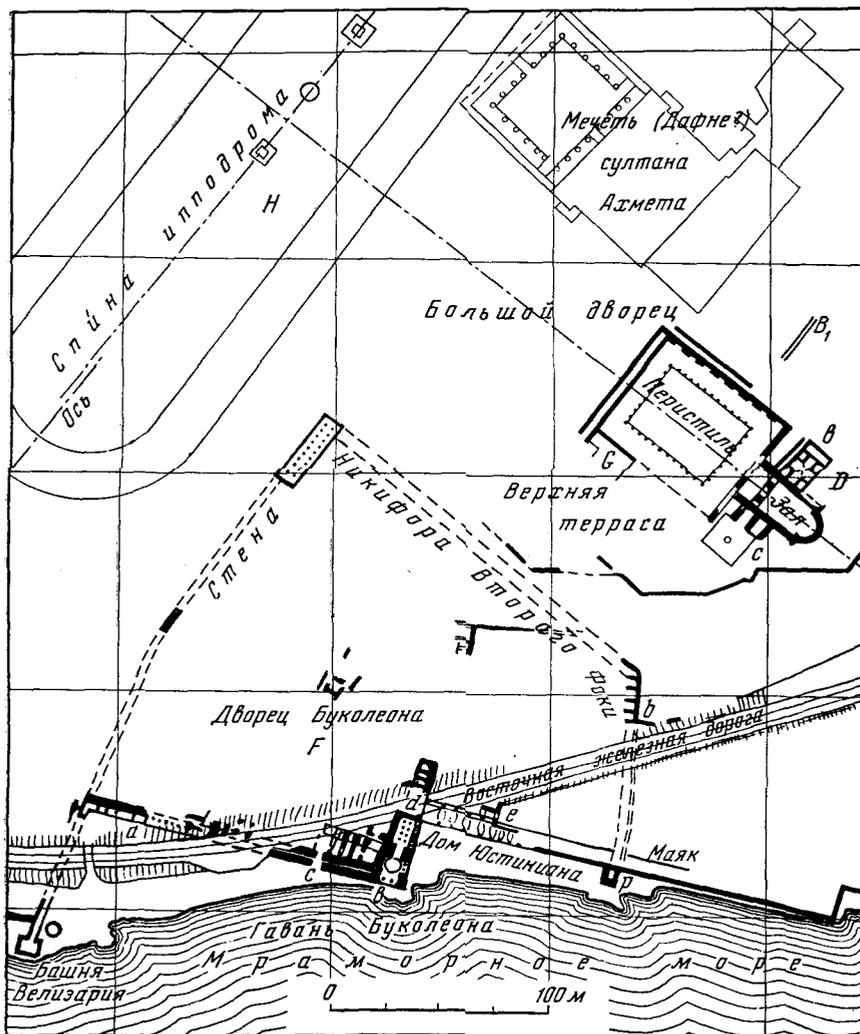
слева — часть плана Мамбери (А. М. Schneider. Byzanz, Taf. 10); справа —

хорошо подчеркивает его главную роль: именно он объединял перистиль с наиболее значительными из примыкающих зданий.

IV раскоп (стр. 12 сл.) в средней части «замощенной дорожки» и VII раскоп (стр. 19 сл.) в месте ее примыкания к зданиям, расположенным к юго-востоку, позволили установить, что дорожка покоилась не на простых аркадах (I отчет, табл. 2/3), а на высоком двухъярусном арочном виадуке (II отчет, рис. 7 и табл. 3 А). Этот виадук был целиком или почти целиком засыпан, так что дорожка оказалась уже первоначально примерно на уровне окружающей территории — вероятно, лужайки; самого виадука не было видно.

Кирпичная кладка и кирпичные арки виадука повреждены настолько сильно (стр. 13), что судить о характере кладки удается только на одном небольшом участке ее юго-западной стороны, которую удалось расчистить в VII раскопе (стр. 21—22)¹⁶.

¹⁶ Ссылка стр. 21 на то, что на стр. 13 будто бы зафиксирована сходная кладка, неверна.

диальным залом, гавани Буколеон и ипподрома.

тот же план с нанесением вновь раскопанного перистиля и апсидального зала

Кладка эта определяется как «stepped»¹⁷, но характер ее ввиду отсутствия схемы и четкости фото (табл. 4В) остается все же неясным.

В III раскопе (стр. 10 сл.) вновь была раскрыта старая траншея и проверено соотношение «замощенной дорожки» с северо-западным портиком перистиля (I отчет, стр. 7; разрезы 5—5 и 6—6 на табл. 63). Следует констатировать, что соотношение более ранней по времени дорожки с перерезавшим ее стоком и с уровнем мозаичного пола в северо-западном портике были показаны в I отчете гораздо нагляднее, чем во II (рис. 5). Вместе с тем в I отчете Мартини подробно описал кирпичную кладку стоков двух периодов¹⁸. Из наличия в ранних стоках косой обработки швов он сделал весьма смелый вывод¹⁹ об ошибочности периодизации, предложенной Шнейдером. Этот вывод

¹⁷ Поверхность раствора «trowelled at an inclined angle, flush with one brick and about 2 cm. behind the edge of the next» (р. 21—22). При всей детальности это описание неточно: неясно — с верхним или с нижним?

¹⁸ «The pointing slope back at an angle from the edge of the brick above it» (I отчет, стр. 10).

¹⁹ I отчет, стр. 10, прим. 1.

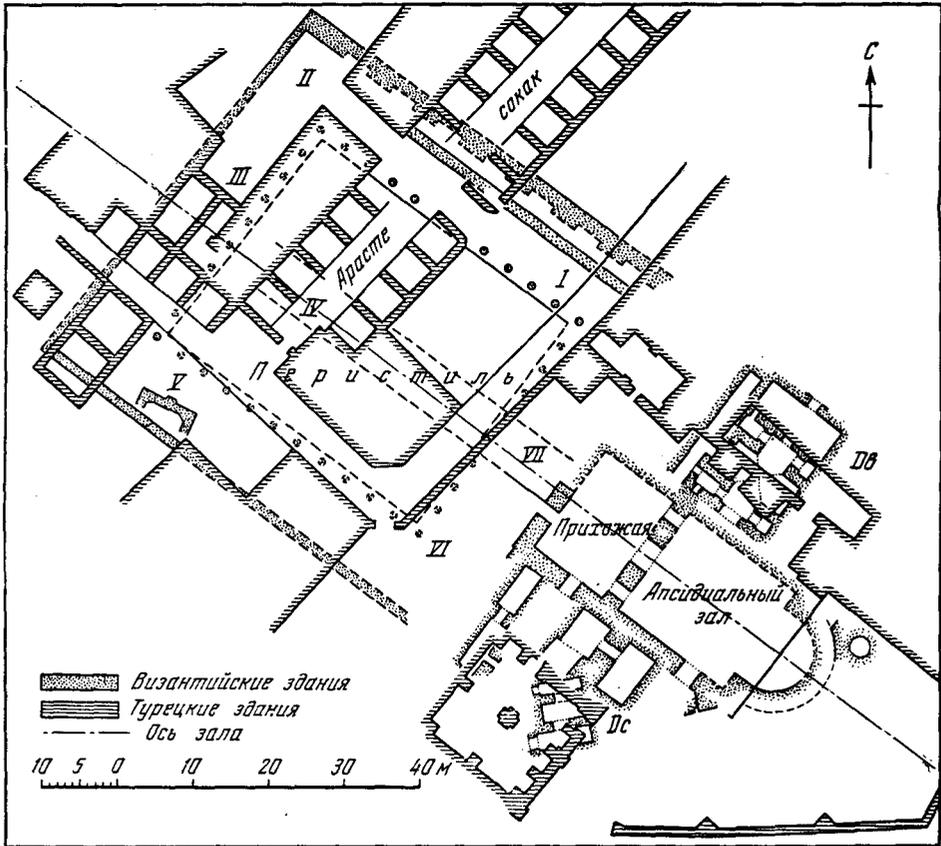

Рис. 2. План перистиля и апсидального зала
(II отчет, рис. 1)

не был опровергнут ни Райсом²⁰, ни самим Шнейдером (II отчет, стр. 195—198). Казалось бы, что столь важное, но не подтвержденное рисунком утверждение Мартини должно было быть проверено. К сожалению, наличие косой обработки швов в стоках, одновременных с перистилем, текстом II отчета не подтверждается, хотя и не опровергается. Рисунок 5 неточен, а фото неясно (табл. 1В). Сравнивая же описание «ступенчатой конструкции» в субструкциях дорожки, можно заключить, что речь идет об одном и том же, — по-видимому, о наиболее раннем приеме византийских каменщиков.

Особое значение для предшествующей истории террасирования и застройки района и для датировки перистиля должно было бы получить глубинное исследование, произведенное в V раскопе под юго-западным портиком (стр. 15—17). Внутри засыпки, на которой покоится портик, обнаружены остатки здания, половина которого как бы отрезана фундаментом задней стены перистиля (рис. 1, 2, 7). Здание это ориентировано совершенно иначе, чем перистиль и другие дворцовые постройки; оно, скорее всего, относится к частным постройкам, созданным и эксплуатировавшимся до того, как этот участок вошел в состав дворца с засыпкой до уровня верхней террасы. В этом отношении очень важно было бы знать разницу между уровнями полов старого здания и портика перистиля. На стр. 15 говорится о разнице в 1,5 м, а на рис. 7 получается по масштабу не менее 2,2 м; здесь мы видим наглядный пример того, как необходимо надписывать основные вертикальные отметки. Следует отметить, что к юго-западному портику перистиля непосредственно примыкало здание с залом той же ориентации, что и дворец (корпус G первого отчета). Стена корпуса G, разрушившая вторую половину древнего здания, должна была попасть и на план, и на разрез рисунка 7, но о ней забыли.

Судя по характеру отделки стен и пола, здание под юго-западным портиком могло-

²⁰ D. T. R i c e. The Great Palace. JHS, vol. 66, 1946, p. 136.

быть цистерной или баней. Его стены сложены из твердого, хорошо обожженного кирпича относительно малого размера ($34 \times 34 \times 5$ см), наполовину штампованного. Райсом эти именно штампы датируются IV или началом V в. (№ 1—3, стр. 106, 108), и во всяком случае не позднее 450 г. (стр. 105)²¹. Следует подчеркнуть, что таких штампов не обнаружено в других раскопах. Хорошее качество раствора и не слишком большая толщина швов тоже говорят в пользу ранней датировки старого здания под перистилем. В засыпке фундаментного рва обнаружены фрагменты терракотовой лампы и стеклянного сосуда, которые восходят к началу IV в. (стр. 16—17) и, казалось бы, еще раз подтверждают раннюю его датировку.

Вместе с тем на полу древнего здания, в засыпке, обнаружены три капители-импоста упрощенного типа, с широким абаком²², относящиеся к самому зданию или попавшие сюда не позднее его разрушения при постройке перистыля. Райс, производивший исследование V раскопа, усматривает в них сходство с капителями из Коринфа, Стоби и Александретты, относимыми Каучем не ранее, чем к рубежу V и VI вв.²³, а Краутхеймер — с более поздними, константинопольскими²⁴. Принятие этих датировок заставило бы отодвинуть сооружение перистыля чуть ли не к VII в.

Однако могут быть высказаны другие соображения. В цистерне Иере-Батан имеется множество капителей-заготовок сходного типа. Унгер считал их специально вытесанными для цистерны, построенной при Юстиниане²⁵; но при специальном изготовлении им вряд ли придали бы столь различную форму²⁶: они явно во втором употреблении. Мамбери считал возможным на основании знаков каменотесов отнести капители-заготовки в другой константинопольской цистерне к IV в.²⁷ Сами авторы не очень уверены в предлагаемой ими поздней датировке капителей-импостов: «Здание (под портиком) вряд ли старше времени около 350 г., значит, отнесение перистыля к IV в. отпадает» (стр. 17). Если бы датировка капителей «около 500 г.» была надежной, то отпала бы и датировка перистыля V в. Однако такого вывода не делается ни здесь, ни в главе седьмой.

Во второй главе (стр. 24—51) подробно рассматриваются остатки зданий к юго-востоку от перистыля. Все эти здания снесены до уровня террасы; их субструкции также использовались в качестве «карьеров», скорее всего, при постройках султана Ахмета. Здесь раскопаны субструкции важного дворцового сооружения, наличие которого стало ясным уже давно, в связи с раскрытием Мамбери и Вигандом здания (Db, Dc), примыкающих к двум его сторонам²⁸. Это сооружение, от которого сохранились только мощные субструкции, сложенные из блоков известняка («Апсициальный зал»), отвечало по ориентации перистылю и направлению сплны ипподрома. При постройке зала и его прихожей, занявших всю ширину нового корпуса, были снесены значительные предшествующие постройки. В этих полуразрушенных остатках устанавливается не менее четырех строительных фаз до постройки апсидиального зала; они различаются между собой по конструкции (рис. 12—15; листы А—С) и заметно отличаются от апсидиального зала по ориентации.

В монографии многократно подчеркивается, что техника кирпичной кладки и сводов будто бы почти не изменилась, из чего делается вывод о быстрой смене одной фазы другой, в частности четвертой фазы — самым апсидиальным залом. Однако первая фаза характеризуется кирпичными конструкциями с двумя раздельными сквозными рядами (высотой по 28—30 см) из «зеленого камня». Вторая определяется наиболее широким применением «зеленого камня» как в столбах, так и в арках. Третья фаза отмечена значительным повышением арок, сводов и покоившегося на них пола. В четвертой фазе был вновь широко применен «зеленый камень», но уже в сочетании с известняком.

Пятая, окончательная фаза — постройка субструкций апсидиального зала и его прихожей; эта фаза связывается с новым повышением террасы и с достаточно резким изменением ориентации. Некоторые части предшествующих построек стали опорами под полы апсидиального зала; они дают возможность хотя бы отчасти проследить историю застройки.

²¹ Но на стр. 17 фигурирует совсем другая датировка («концом V или даже VI в.»); по-видимому, она принадлежит не самому Райсу, изучавшему данный раскоп (стр. 15) и составившему главу о штампах, а коллективу авторов (стр. 51).

²² Фото (табл. 4, F), к сожалению, не сопровождается обмером капители.

²³ По R. K a u t s c h. Kapitellstudien. Berlin—Leipzig, 1936, № 244, 245, 500 и 666.

²⁴ Ibid., № 677, A—B.

²⁵ См. М а м б е р и — В и г а н д, стр. 56.

²⁶ Ibid., стр. 69; CXVI, правое фото.

²⁷ E. M a m b o u r g. Une nouvelle citerne byzantine. Byz., XI, fasc. 1, 1936, p. 175—176, 180; pl. XIX.

²⁸ М а м б е р и — В и г а н д, стр. 33—35, табл. XXXV—XXXIX, особенно стр. 34, где прямо говорится о значительном сооружении между Dc и Db.

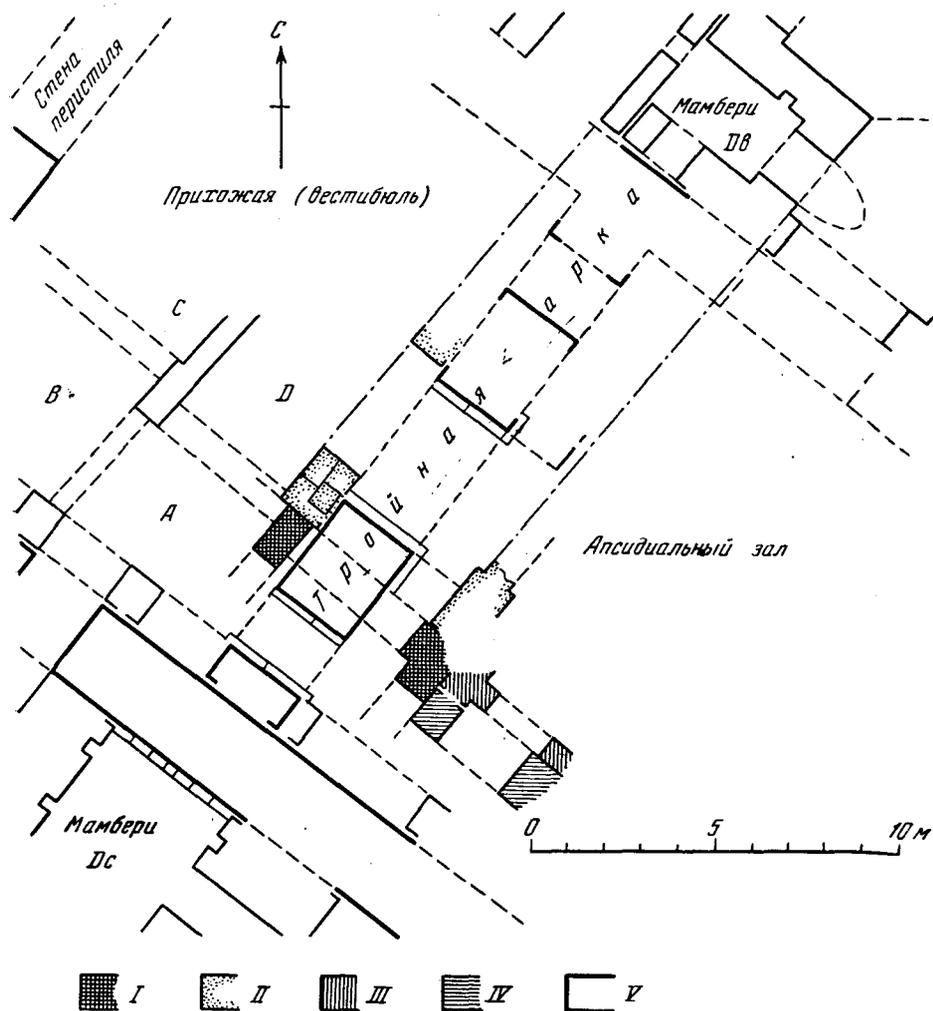

Рис. 3. Субструкции апсидального зала и вестибюля.

План составлен рецензентом на основании II отчета (рис. 9, 11, 12, 14), I отчета (табл. 59, 60), Мамбери — Виганда (табл. XXXV, Dб).¹⁰

I—IV — фазы, предшествующие апсидальному залу, V — субструкции самого апсидального зала

Основанием под мощные субструкции апсидального зала послужил слой бутобетона, заглубленный для большей надежности на 1,7 м по сравнению с более ранними. Сами наружные стены субструкций сложены из 19 рядов больших отесанных блоков известняка, уложенных на красном растворе. Случайное расположение углублений для пиროнов свидетельствует о вторичном употреблении блоков (стр. 47), что характерно для экономичности византийского строительства даже в парадном сооружении. Мощная тройная арка, отделяющая субструкции зала от субструкций его прихожей, сложена из того же известняка.

В верхнем ряду субструкций под апсиду сохранились один блок «зеленого камня» и нижняя часть кирпичной арки; они могут свидетельствовать о смешанной конструкции апсиды (стр. 43). Кирпичная же стена самого зала едва сохранилась настолько, чтобы можно было определить размеры кирпича и высоту рядов. По начертанию субструкций реконструируется самый апсидальный зал; от прихожей он должен был отделяться аркой, аналогичной тройной арке субструкций. Интересны субструкции под прихожую. В них были включены в качестве опор остатки предшествующих фаз и были добавлены новые столбы и стенки (рис. 11, табл. 5—7), чтобы по возможности уменьшить пролет кирпичных сводов. Помещения с пролетом около 3,3 (А и D) пере-

крыты кирпичными цилиндрическими сводами, исполненными наклонными отрезками (стр. 30—31); но в несколько большем помещении С, с пролетом около 4 м, цилиндрический свод сложен из радиально поставленных кирпичей. В квадратной камере В применен парусный свод низкого профиля. Итак мы видим, какими малыми пролетами ограничивалось исполнение сводов наклонными отрезками без опалубки. В более ответственных случаях переходили к обычным цилиндрическим, которые выкладывались в радиальном направлении по жесткой опалубке. Своды субструкций не имеют правильной геометрической формы ни в вертикальной проекции, ни в плане: ведь сохранные опоры имеют несколько иную ориентацию, чем вновь построенные.

Уже после постройки субструкций апсидального зала к их юго-западной стене были пристроены камеры и примыкающее к ним еще значительно более позднее сооружение, подробно изученные ранее Мамбери и Вигандом (Dc). Теперь удалось произвести их расчистку до уровня пола. Кирпичная кладка этой более поздней части характеризуется толстыми швами; судя по словесному описанию (стр. 46), они подрезаны горизонтально широкой бороздой на глубину в 3 см, причем профиль их «скорее прямой». Выступающие ряды из блоков известняка служили для поддержки подмостей и кружал. Кирпичные своды пролетом около 4,5 м сложены радиально, как обычно во все периоды при сколько-нибудь значительных пролетах.

Эти более поздние камеры предназначались для хранения воды: в сводах сохранились вертикальные борозды для приточных труб, а под полом — сточные каналы, покрытые, как и каналы перистилия, цилиндрическими сводиками, с чередованием наклонных отрезков и радиальной кладки. Такое чередование одинаково в самых ранних и в самых поздних частях комплекса, и оно не может служить для датировки.

Исследование засыпки в районе апсиды и позади подпорной стены террасы свидетельствует о том, что апсидальный зал перестал функционировать еще около середины XII в. После пяти веков заброшенности (в XVII в.) зал был сломан с целью получения строительного материала и была создана существующая подпорная стена.

В «Итогах и выводах» (стр. 23—24, 49—51) предлагается относительная датировка построек на месте перистилия и апсидального зала. Изучение перистилия приводит к заключению (стр. 23), что «замощенная дорожка» вела к какому-то одному зданию. Только с возникновением перистилия, вероятно, объединявшего целую группу зданий, застройка стала более интенсивной. Промежуток времени между исполнением мозаик и их сокрытием под мраморным полом был настолько продолжительным, что потребовалась значительная починка мозаик. Авторы первого отчета считали починку одновременной с укладкой мраморного пола; по данным второго отчета, она произошла задолго до этой переделки и до сужения северо-восточного портика.

О зданиях, предшествовавших апсидальному залу, сообщается, что они будто бы уже имели ту же ориентацию, что и другие дворцовые здания (стр. 49). Авторы связывают их с замощенной дорожкой; предполагается, что за все это время на территории будущего перистилия не происходило значительных изменений. Только возникновение апсидального зала могло изменить характер застройки. «Хотя решительное археологическое доказательство и отсутствует²⁹, но не приходится сомневаться (there can be little reasonable doubt) в том, что появление апсидального зала, коснувшееся всего северо-западного (т. е. обращенного к замощенной дорожке. — С. К.) фасада, оказалось причиной изменения подходов к нему и замены зданий, сопровождавших замощенную дорожку, четырьмя портиками перистилия с их мозаиками», — таков вывод авторов (стр. 50).

С этим положением трудно согласиться. Если мы не ограничимся схематическим рис. 9, а сопоставим его с детальными планами 11, 12 и 14, то увидим, что субструкции всех ранних периодов на месте апсидального зала отличаются от ориентации самого апсидального зала и перистилия, оси которых параллельны или перпендикулярны спине ипподрома. Вместе с тем ориентация первых двух фаз в точности соответствует ориентации соседнего здания (Мамбери—Виганд Db). Некоторые из стен первой фазы даже составляют прямое продолжение стен Db. Нетрудно убедиться в том, что здание Db близко к первой фазе также в конструктивном отношении; для этого достаточно сравнить рисунки 14—15 второго отчета с таблицами XXXV—XXXVIII Мамбери—Виганда. Оба здания построены из кирпича с изолированными рядами тесаного камня³⁰. Кирпич в здании Db, особенно в раннем его состоянии, относительно очень крупный³¹, т. е. сходный с первой фазой под апсидальным залом³². Можно поэтому

²⁹ Сопряжение зала с перистилем в значительной мере разрушено.

³⁰ Порода камня в Db не указывается; но, судя по табл. XXXVII—XXXVIII, это, по-видимому, тот же зеленый камень. На листе С II отчета, где (слева) видны блоки здания Db, их материал тоже не указан.

³¹ В ранней части Db—38-39 см в стороне (М а м б е р и — В и г а н д, стр. 34).

³² Размеры кирпичей первой фазы—38×38 см (II отчет, стр. 56).

считать установленным не только предшествующее существование здания Db, о чем глухо упомянуто на стр. 50, но и существование обширного раннего комплекса, охватывавшего группу Db и группу, остаток которой сохранились в виде первых двух фаз.

На рис. 1 и 9 второго отчета и на таблицах 59—60 первого бросается в глаза весьма значительный сдвиг оси апсидального зала по сравнению с осью перистилия. На оси зала оказался не интерколумний, как обычно, а одна из десяти колонн как в юго-восточном, так и в северо-западном портике. Позднеримской и ранневизантийской архитектуре чужда несимметричная планировка, если она не вызвана какими-либо особыми причинами практического порядка³³. В осевой композиции симметрия не могла быть нарушена, если бы апсидальный зал строился или хотя бы проектировался одновременно с перистилем. Поэтому история застройки рисуется скорее в следующем виде.

Неполное соответствие ориентации апсидального зала и перистилия с ориентацией предшествующих зданий и замощенной дорожкой говорит в пользу того, что замощенная дорожка связывалась с ранним комплексом из здания Db и из одной из ранних фаз (но не с первой, см. стр. 21 второго отчета) под апсидальным залом. Позднее, с созданием перистилия, который разбит уже в строгом соответствии со спиной ипподрома, должно было возникнуть незначительное расхождение осей, мало или вовсе незаметное при свободной еще планировке окружающих зданий.

Когда встала задача воздвигнуть возле перистилия с его мозаиками парадный приемный зал, то пришлось учитывать часть уже существовавшего к юго-востоку от перистилия комплекса. Следует предполагать, что входившее в его состав здание Db необходимо было по каким-либо причинам сохранить (быть может, это была дворцовая церковь?). Только наличие ранее существовавших перистилия и здания Db могло вызвать сдвиг нового апсидального зала с оси перистилия. Поэтому следует считать, что перистиль одновременно одной из последних фаз³⁴ на месте апсидального зала и предшествует созданию самого зала³⁵.

Написанная Уорд-Перкинсом третья глава, носящая название «Заметки о конструктивных и строительных методах в ранневизантийской архитектуре», превосходит другие главы по объему текста (стр. 52—104) и по числу фотоиллюстраций (табл. 16—35). Глава состоит из четырех параграфов.

Первый из них должен представлять обобщение о строительных материалах и методах, обнаруженных при данных раскопках; второй касается тех же вопросов, но в отношении других, лучше известных зданий и сооружений позднеантичного и ранневизантийского Константинополя. Третий является обширным экскурсом о предшествующем развитии строительной техники. В четвертом ранневизантийская строительная техника связывается с предшествующим совершенно безотносительно к тем остаткам императорского дворца, изучению которых посвящается данная монография. Глава эта, написанная крупнейшим специалистом по римской архитектуре, в частности по архитектуре провинций, заслуживает подробного рассмотрения.

Первый параграф является непосредственным продолжением и систематизацией тех данных о раскопках, которые изложены в первых двух главах. Из них сделана выборка по характеру применяемых материалов. Наибольшее внимание здесь, как и в дальнейшем, обращено на применение «зеленого камня» и на характер кирпичной кладки, которым придается особое значение в датировке построек. Однако здесь отнюдь не исчерпан раскопанный материал.

Остановившись на трактовке «зеленого камня» (стр. 54): со ссылкой на стр. 32, упоминается о его применении в фазе (одной?), предшествовавшей апсидальному залу. Между тем в тексте говорится о весьма различном применении «зеленого камня» в разных ранних фазах (стр. 34, 38—40, 49; рис. 12—15). Далее, упоминается о применении «зеленого камня» в перистиле, но все ссылки неверны³⁶; это тем более печально, что

³³ В рецензии C. M a n g o, Ir. L a v i n. The Great Palace... («The Art bulletin», vol. 42, № 1, 1960, p. 67—73) сдвиг оси зала по сравнению с перистилем не отмечен; их сочли одновременными.

³⁴ Предположение об одновременности перистилия с третьей фазой (но без обоснования) было высказано Уорд-Перкинсом (FA, VIII, 1956, № 5279).

³⁵ Ни в тексте, ни на планах (рис. 1—2), ни на рис. 6 II отчета не учтено существование корпуса G. В первом же отчете (стр. 12—13, рис. 2—3 на табл. 5; планы 60 и 61; разрез 2—2, табл. 63, справа) ничего не сообщается о его соотношении с перистилем во времени. Но, судя по более развитому крестовому своду корпуса G (фото 3 на табл. 5) по сравнению со сводами под замощенной дорожкой, в здании Db и в фазах 1—4 под апсидальным залом, мы вправе считать, что корпус G моложе перистилия; он не мог, следовательно, повлиять на смещение оси апсидального зала с оси перистилия.

³⁶ О применении «зеленого камня» для усиления колонн говорится не на стр. 5 I отчета, а во II отчете (стр. 4 и рис. 3). В качестве выравнивающего слоя между задней стеной портика и ее фундаментом блоки «зеленого камня» обнаружены в северо-

предметный указатель не полон³⁷. Неполнота данных не позволила дать объяснение той роли, которую блоки «зеленого камня» должны были играть в конструкции перистилия. Придается, как нам кажется, преувеличенное значение блоку «зеленого камня», сохранившемуся поверх сложенных из известняка субструкций апсиды; этот блок мог быть единственным, возможно, во втором употреблении, и потому не характерным для апсидального зала.

Весьма интересны замечания (стр. 57) о второстепенности бетоноподобной бутовой кладки, которую византийские строители применяли в качестве инертного заполнения, а не в качестве активной конструкции, как это делали строители римские. Упомянуто о применении такой кладки в древнейшей оборонной стене, обнаруженной под «домом Юстиниана», и в значительно более поздней стене, облицованной тесанными блоками; сходная кладка применена в починках наземной стены (VIII в., стр. 77). Значит, бетонобетонная кладка вряд ли может служить для датировки.

В отношении кирпичной кладки подчеркивается ее будто бы «замечательное единообразие» (стр. 55). Малое число изученных ранее и добавляемых ныне византийских клеев не позволяет сделать на их основе точные выводы о дате постройки, особенно из-за широко распространенного вторичного применения кирпича. О специальной обработке горизонтальных швов особым раствором лучшего качества и особого профиля упоминается очень кратко, что отчасти вытекает из небрежной трактовки вопроса в первых главах. Но на стр. 56 не использован даже и этот скудный материал. Здесь вводится новый термин — «подрезанные швы» (*undercut jointing*) — и утверждается, будто бы они обнаружены только в о д н о й т о ч к е (со ссылкой на стр. 21). Между тем мы уже упоминали о сходной обработке в каналах под портиком (I отчет, стр. 10).

В табличку кладок (стр. 56) включено только семь примеров: все они относятся к субструкциям зала и потому не дают представления о наиболее ранних и об относительно поздних кладках дворца. Если учесть уже отмеченное нами отсутствие схем и недостаточное четкое описание швов, то материал не может не показаться недостаточным для выводов. Говорить об однородности, неизменности всех кладок (стр. 55) пока преждевременно.

Наиболее подробны выводы об арках и сводах, почти исключительно кирпичных (стр. 57—61). Подчеркивается напуск горизонтальных рядов кладки для уменьшения сводчатой (в узком смысле слова) части и широкое применение наклонных отрезков при пролетах менее 4-5 м. Еще в древнейшей приморской стене наклонные отрезки сочетались с горизонтальным напуском нижних рядов (стр. 59; на рис. 35 это не показано). Купольный (парусный) свод мог выполняться почти без опалубки, о чем, по мнению автора, свидетельствует устойчивость сохранившихся нижних колец после разрушения верхней части (стр. 59, табл. 7, А—В). Заметим, что устойчивость древнего свода вовсе не свидетельствует о его устойчивости в процессе выполнения: свод — как бетонный, так и кирпичный — приобретает монолитность с течением времени. В исполнении сводов отмечается сочетание большой опытности с пренебрежением к правильности и красоте; автор убедительно подчеркивает, что правильные геометрические схемы Шуази могут только ввести в заблуждение. Однако небрежное исполнение без опалубки допускалось только в таких частях здания, которые не предназначались для обозрения. Принципиальная разница между тщательным исполнением главных несущих стен и «несколько случайными» сводами под болами правильно считается характерной чертой византийского строительства вообще: экономия времени и сил, достигаемая при исполнении сводов вертикальными отрезами, играла важную роль, но в строго ограниченных рамках подсобных помещений и сооружений.

В этом отношении субструкции дворца действительно типичны для византийской архитектуры в целом.

Для всех изученных субструкций характерна максимальная экономия дерева. Почти везде строители обходились или вовсе без лесов, или ограничивались легкими передвижными подмостями, опоры для которых сохранились в кладке. Своды по возможности делали без опалубки, а кружала под несущие арки опирали на выступающий в пятах ряд или на консоли. Применять металл, столь дефицитный в то время, вообще избегали; в тех случаях, когда нужно было скрепить блоки, применялось, по-видимому, только дерево.

Во втором параграфе (стр. 62—77) рассматриваются наиболее доступные или лучше всего опубликованные сооружения Константинополя, от позднеримских конструкций около Мезэ и в ипподроме до перестроек конца VI в. в церквях Софии и Ирины. Это — прекрасно иллюстрированная и очень полезная выборка, гораздо более деталь-

---

восточном крыле (I отчет, стр. 5) и в юго-западном крыле (II отчет, стр. 15 и рис. 7), а не в северо-западном и уж никак не в несуществующем «западном» (как указано на стр. 54).

³⁷ Так, в указателе на термин «greenstone» недостает ссылок на стр. 38, 39, 40 и 49 (т. е. более половины).

ная, чем у Дейхмана³⁸. Она дает представление об основных этапах развития техники столичного строительства в позднеимперское и ранневизантийское время. В целях идентификации и датировки вновь изученных частей дворца особо подчеркивается применение «зеленого камня», которое устанавливается автором только в церквях Софии, Ирины и в постройках, раскопанных в пространстве между ними. Особое внимание обращено на технику выполнения кирпичных сводов, причем отмечаются (начиная с храма Софии) те же особенности, что и в Большом дворце: широкое применение кладки наклонными отрезками. Интересны частично неопубликованные тогда данные о зданиях около Месе и около гексагона, позднее ставшего церковью Евфимии.

В связи с малым числом ранних памятников вообще и с почти полным отсутствием памятников второй половины V в. нельзя не пожалеть о том, что не было проведено проверочное исследование церкви Карпа и Папила; у Шнейдера³⁹ нет указания о профиле швов и о породе камня. Редким случаем применения «зеленого камня» оказываются два полукруглых башнеобразных выступа в комплексе зданий, связанных с церковью Евфимии. Отдельные ряды «зеленого камня» в их кирпичной кладке очень похожи, судя по описанию, на кладку I фазы под апсидиальным залом и здания Db около него: автор относит именно эту часть «к иной и почти наверняка к более поздней фазе истории» этого комплекса (стр. 69 и примечание 2 на стр. 76), но это важное положение остается, к сожалению, необоснованным⁴⁰.

Утверждение, что «все известные сколько-нибудь точно датируемые примеры «зеленого камня» могут быть отнесены ко времени Юстиниана» (стр. 76), основывается на предположении, что башни церкви Евфимии значительно моложе комплекса. Признается также, что «зеленый камень» встречается в доюстиниановской Софии и в недатированной стене между «домом Юстиниана» и церковью Сергия и Ваха (прим. 2 на стр. 76). Следует добавить замечание Шнейдера о том, что блоки из того же материала в водноломе и в фундаментах у гавани могли быть взяты из архаической (греческой) стены⁴¹. Если учесть, что предшественники апсидиального зала, в которых «зеленый камень» получил наиболее широкое применение, датируются V в. (стр. 166), то утверждение автора не может не быть поставлено под сомнение.

Прогрессивное увеличение толщины швов в кирпичной кладке установлено давно и уточнено Шнейдером. То, что сообщается об обработке швов (стр. 77), является, скорее всего, недоразумением; обработка швов, изображенная на табл. 17, Е, никак не могла «оставаться стандартной». Хотя подпись неточна («характерная кирпичная кладка более поздних фаз»), но это, по-видимому, не что иное, как кладка второго периода из «дома Юстиниана» (рис. 37в) (см. здесь рис. 5б). Выступающие швы, находящиеся на кирпич, — явление не старое, а новое; это признак поздней декоративности. Для ранних же кладок характерен шов в виде округлой или косой, но всегда в а п а д а ю щ е й борозды.

Ряд памятников не освещен ни в первом, ни во втором параграфе. Таковы, например, приморская стена и парадная лестница Fd, а также здания Da—Dc, исследованные Мамбери и Вигандом; корпуса B₁ и G первого отчета; «дом Юстиниана», описанный во втором отчете. Эти памятники, территориально и исторически близкие к исследуемым частям, могли бы быть наиболее полезны, поэтому умолчание о них совершенно не оправдано.

Третий параграф посвящен исторической обусловленности ранневизантийской строительной техники. Хотя автор и признает, что вопрос выходит за рамки исследования, ему уделено столько же места (стр. 77—101), сколько всем остальным вместе взятым.

Исследование начинается обзором достижений бетонной техники при Римской республике. Оно включает блестящие определения не только техники, но и пространственной концепции в разные периоды развития римской архитектуры и их противопоставление ранневизантийской технике и трактовке пространства. Показательно противопоставление внешне столь сходных аркад Остии, в которых кирпич одевает бетонную конструкцию, с «домом Юстиниана», целиком построенным из кирпича (стр. 78).

Автор обоснованно опровергает схемы Пиранези, позднее развитые Шуази, и подчеркивает монолитный характер большей части римских сооружений. Однако, полагаясь на работу Коццо⁴², он отвергает также все новые исследования итальянских авторов (стр. 80—81, прим. 1 на стр. 80). При этом умалчивается о применении в ка-

³⁸ F. W. Deichmann. Studien zur Architektur Konstantinopels im 5—6 Jh. Baden-Baden, 1956, Kap. I.

³⁹ A. M. Schneider. Op. cit., S. 1—4.

⁴⁰ Манзель (A. M. Mansel. FA, V, 1950, № 5953) сообщает, что «комплекс кое-где перестроен».

⁴¹ A. M. Schneider. Die griechischen Stadtmauern. BZ, Bd. 37, 1937. S. 154.

⁴² G. Cozzo. Ingegneria romana. Roma, 1928.

честве заполнителя легких и легчайших пород ⁴³. Пантеон рисуется как исключительное явление (стр. 81).

Для того чтобы опровергнуть итальянские исследования последних десятилетий, нужно их разобрать глубже. Еще Ривойра подчеркивал разницу между широко распространенными сетчатыми, небрежно выполненными арками из кирпича и конструктивно несущими арками поздних сооружений ⁴⁴. Указание же его о применении легких заполнителей подтверждено в последние годы лабораторными исследованиями. Вопрос об облегчении римских сводов ⁴⁵ нельзя обойти; он изложен более объективно в упомянутой работе Дейхмана.

Для объяснения происхождения византийских кирпичных сводов, в частности выполнявшихся наклонными отрезками без опалубки, автор обращается к традиции древнего Востока. Весьма интересный и мало известный фактический материал дает возможность показать (стр. 91—95), что древнейшая традиция таких сводов, выполнявшихся из сырца (а не из кирпича), не прекратилась с последними общеизвестными ассирийскими постройками VIII в. до н. э. в Хорсабаде. Более поздние своды из сырцового кирпича, исполненные наклонными отрезками и сохранившиеся в Файюмском оазисе, особенно в Каралисе, восходят преимущественно к первым трем векам нашей эры. Аналогичная конструкция позднегипетских сводов в Тебтуйосе, Сокнораю Невос свидетельствует о бытовании этого метода в рядовом строительстве того времени, когда монументальные здания создавались или в местной технике тесаного камня, или в римской технике бетона. Тот же метод, по-видимому, непрерывно применялся также в Месопотамии и сохранился по сей день в народном строительстве Южного Ирана.

Из приводимых иллюстраций (табл. 34—35; рис. 20) наглядно видно сходство этих сводов с византийскими; разница состоит в том, что ранние своды Месопотамии и Египта выполнялись обычно из сырца, а позднеримские, византийские и сасанидские — из обожженного кирпича.

Сводь наклонными отрезками, но уже из обожженного кирпича в римской Дура Европос ⁴⁶ свидетельствуют о том, что такие своды были известны ранее конца III в. н. э., когда их стали применять в монументальных сооружениях.

Автор стремится доказать, что техника сырцовых сводов наклонными отрезками встретила в римской техникой обожженного кирпича в Малой Азии и в Северной Эгееде; именно из этих районов, происходит, по его мнению, новая техника кирпичных сводов, в частности типично византийская кладка наклонными отрезками. Поскольку, кроме городов Малой Азии, учитываются только Салоники и Салона (Сплит), то остается непонятным, почему он не назвал этот второй район Балканским полуостровом. Кажется недостаточно оправданной диспропорция в показе памятников Малой Азии и памятников Балканского полуострова.

Признается, что в монументальном масштабе кирпичные своды известны только с тетрархии (стр. 89). Поскольку памятники Никомедии (Измира) почти не известны, судить об этом времени приходится по Сплиту и Салоникам. Однако именно им уделено очень мало внимания. Из таблиц по данной теме девять (табл. 24—32) относятся к Малой Азии и только одна (33) — к Салоникам; Сплит не иллюстрирован вовсе. Библиографическое приложение (стр. 96—101) охватывает только литературу о памятниках Малой Азии, но умалчивает о литературных работах, посвященных Сплиту и Салоникам. Между тем именно памятники Сплита и Салоник получили в последние годы широчайшее освещение не только в работах югославских и греческих авторов, но и в работах зарубежных исследователей, в частности в работах Диггве ⁴⁷. Такой односторонний показ не может не привести к искажению выводов.

Если проверить данные о Малой Азии по существу, то окажется, что автор не обнаружил ни одного раннего примера, вполне аналогичного византийской технике. Единственный, и притом не датируемый с достаточной точностью, случай из субструкций базилики в Аспенде принципиально отличается от византийских: судя по обоим снимкам (табл. 32), в нем отсутствует средняя, столь характерная, ромбовидная часть между двумя половинами свода. Значит, он исполнен не наклонными, а вертикальными отрезками, и притом с очень тонкими швами.

Таким образом, реальными предшественниками византийского сводостроения оказываются, по состоянию наших знаний, памятники конца III в. в Сплите и Салони-

⁴³ Краткое изложение см. С. А. Кауфман. О взаимосвязях ранневизантийских сводчатых покрытий с позднеримскими. ВВ, XX, 1961, особенно стр. 187—200.

⁴⁴ G. T. Rivoira. Roman architecture, transl. London, 1925, p. 174—175.

⁴⁵ См. библиографию: G. L u g i i. La tecnica edifizia romana. Roma, 1956.

⁴⁶ Сводь предшествуют падению Дуры в середине III в. н. э. (прим. 3 на стр. 93). Этот пример более надежен, чем своды под базиликой Аспенда, относимые предположительно к тому же III в. (стр. 90).

⁴⁷ Например E. D y g g v e. La région palatiale de Thessalonique. «Actes du II congrès international des études classiques», vol. I. Copenhague, 1958, p. 353—365.

ках. Специфические восточные приемы могли проникнуть сюда минуя Малую Азию — из Месопотамии через Сирию или же непосредственно из Египта. Подкрепляя тезис о восточном происхождении сводов наклонными отрезками вообще, глава дает мало нового о путях их проникновения на Балканы.

Вопрос о сводах с внутренней поверхностью из кирпича, которая служила как бы опалубкой при последующей бетонной кладке, также не освещен с достаточной полнотой. Наиболее яркие примеры этой переходной техники в Малой Азии — это своды театрального и, особенно, восточного гимнасиев, купол баптистерия и своды около апсиды церковного комплекса Марии в Эфесе (вторая половина IV в. н. э.); они недавно вновь исследованы Ф. Фазоло⁴⁸. В рассматриваемой главе эти наиболее интересные примеры отсутствуют; восточный гимнасий забыт вовсе, а баптистерий едва упомянут в приложении (стр. 97—98). Из кирпичных сводов дворца Диоклетиана в Сплите вскользь упомянуты только своды под его базиликой. Между тем общеизвестный купол мавзолея в том же дворце выложен «веерами» из кирпича и является, скорее всего, прямым предшественником купола эфесского баптистерия. Все эти недочеты и пропуски, быть может, незначительны каждый в отдельности, однако в целом они не могут не вести к недооценке вклада мастеров самого Балканского полуострова.

Интересный и блестяще иллюстрированный материал о римских памятниках Эфеса, Милета, Пергама и Аспенда был бы, несомненно, весьма ценен в статье, развивающей тезисы, ранее изложенные Уорд-Перкинсом⁴⁹. Но в главе, которая должна была объяснить происхождение византийской строительной техники, материал кажется недостаточно строго подобранным.

Заключительный, четвертый параграф главы краток (стр. 101—104). Признается, что обожженный кирпич происходит из Италии, принцип кладки наклонными отрезками заимствован с Востока, а тесаная кладка является местной традицией. Бутобетон, восходя в конечном счете к римскому бетону, приобрел свои особые черты. Все эти методы развились бок о бок не только в Константинополе, но и в «Эгейских провинциях Римской империи» вообще (стр. 102)⁵⁰. Константинополь был одной из многих новых столиц Поздней империи, построенных в основном местными архитекторами и мастерами из местных материалов. С распадом Империи и сокращением связей приток новых идей, новых методов сокращался или прекращался, а развитие стало медленным, иногда почти незаметным.

Храм св. Софии рисуется вне главного течения византийской архитектуры, как «римское бетонное здание, переведенное в кирпич, скорее высший *tour de force*, чем выражение непрерывной архитектурной традиции» (стр. 103). Основное развитие пошло иным путем, в соответствии с техническими возможностями кирпича, диктующего те немногие, вполне определенные и простые формы сводов (цилиндрического, крестового и купольного), которые оказались наиболее характерными для византийской архитектуры. Основным фактором в переходе к крестово-купольной системе признается кирпично-сводчатая конструкция. София и Сан-Витале рассматриваются как последние проявления сотрудничества римских и византийских идей и традиций. Но потом восторжествовала более простая традиция, и в этом активную роль сыграли византийские мастера и те материалы, из которых они строили (стр. 104), т. е. материальные условия производства. Мы не можем не согласиться с этим выводом⁵¹. Но как он, так и вся глава в целом были бы гораздо убедительней, если бы автор учел данные о «доме Юстиниана»; глава значительно выиграла бы в качестве заключения ко всей публикации в целом.

В шестой главе, написанной Д. Тальбот Райсом, сначала (стр. 121—127) описываются вновь публикуемые части мозаик северо-восточного портика; затем (стр. 127—160) дается тематический и технический анализ мозаик в целом, их сопоставление с другими позднеантичными и ранневизантийскими мозаиками и делается попытка датировки.

Репродукции вновь открытых мозаик — как однотонные, так и цветные — замечательны по качеству. Но для анализа общей композиции недостает таких снимков или по крайней мере таких схем, на которых вновь открытые части бордюра связывались бы наглядно с фигурами главного поля. При чтении второго отчета можно установить взаимосвязь крайнего из открытых ранее панно северо-восточного портика (I отчет, табл. 28 и табл. 64) с соседним, вновь открытым к юго-востоку от него (II отчет,

⁴⁸ F. F a s o l o. La basilica del Concilio di Efeso, con alcune note sull' architettura romana nella valle del Meandro. «Palladio», Anno VI, 1956, p. 1—30, особенно стр. 6—8 и рис. 3 (баптистерий и апсиды); стр. 16 и рис. 24 (восточные термы).

⁴⁹ J. B. W a r d P e r k i n s. Architettura tardo-romana e bizantina. «Corsi d'arte ravennata e biz.», 1955, fasc. 1, p. 46—52 (no BZ, Bd. 48, 1955, N. 2, S. 497).

⁵⁰ В понятие «эгейских провинций» включаются Азия и Адриатика.

⁵¹ Ср. С. А. К а у ф м а н. Из истории Софии Константинопольской. ВВ, XIV, 1958, стр. 232—233.

рис. 30)⁵². Но при принятой во втором отчете публикации отдельных сцен или частей бордюра изолированно от соседних остается неясным расположение в бордюре вновь открытой замечательной маски варварского вождя (цветная репродукция на вкладке С, деталь — табл. 49 С; фото бордюра — табл. 50). На стр. 125 указано, что часть бордюра с маской начинается под изображением собак (I отчет, табл. 34) и что маска находится в самом начале этой части. По аналогии с другими частями, описанными в первом отчете, можно догадаться, что маска относится к внутреннему бордюру и обращена под портик (а не к перистиллю, как сцены средней части). Но точное место вновь открытой маски неизвестно. Об этом следует пожалеть: ведь уже раньше было известно положение трех масок (а не двух, как ошибочно указано на стр. 130 II отчета), причем две из них⁵³ входят в состав той же северо-восточной стороны внутреннего бордюра, что и вновь открытая маска варварского вождя. Эта третья маска находится примерно на таком же расстоянии от маски на табл. 31 (I отчет), как и маска на табл. 31 от маски на табл. 28. При нанесении вновь открытой маски на табл. 64 первого отчета можно было бы судить и о композиции бордюра⁵⁴, и о степени точности при нанесении главных ритмических акцентов — масок.

Следует пожалеть об отсутствии общих снимков. Такие снимки лучше объяснили бы композицию или скорее отсутствие композиции, чем схематический рисунок 30. Жаль также, что не удалось сфотографировать среднее панно на месте; на табл. 45 оно перерезано швами, которые могут дать ложное представление о характере главной мозаики: ведь фактически членение на зоны почти отсутствует; отдельные объекты кажутся беспорядочно разбросанными на «пустом» белом фоне. Отсутствие общей композиции, общей темы, объединяющего пейзажа кажется наиболее характерной чертой константинопольской мозаики; как бы вырезанные изображения фигур, групп, деревьев, зданий беспорядочно брошены на белый фон, тщательно выложенный «веерами» из гессер.

Большое место в шестой главе занимает сопоставление константинопольских мозаик с другими. Этот раздел, к сожалению, недостаточно иллюстрирован⁵⁵.

Наиболее актуален заключительный параграф, названный «Проблемы датировки» (стр. 153—160)⁵⁶. В начале приводятся мнения Шеде, Шнейдера, Биттеля и Галасси, склонных к датировке IV веком. Затем излагается мнение тех, кто придерживается датировки V веком, предложенной в первом отчете (Бретта, Мамбери, Манго, Доро Леви). Следует пожалеть о том, что не учтена подробная рецензия Пикара⁵⁷: этот автор не склонен к завышению датировок и обычно проявляет разумный критицизм. В данном случае он принял датировку мозаик V веком, и его оценку полезно было бы учесть.

Мнение В. Н. Лазарева излагается более подробно в следующей форме: «Лазарев сравнивает мотивы декора с мотивами опубликованной Мацуловичем группы серебряных сосудов VI или VII вв. в Эрмитаже и с некоторыми из фресок[Санта-Мария Антика и считает, что пол вполне может относиться к середине шестого века»⁵⁸.

Собственный взгляд Райса на датировку мозаик сформулирован на стр. 148: «пол перистилля моложе 400 г. и старше времени ок. 530 (Сан-Витале). По стилистическим признакам дата между 450 и 500 кажется наиболее вероятной». Далее подтверждается, что рассматриваемая мозаика относится скорее ко второй, чем к первой половине V в. (стр. 157), а на следующей странице говорится, что «константинопольские мозаики вряд ли могут быть столь же поздними, как мозаики Сан-Витале, исполненные между 526 и 547 гг.». В конце параграфа (стр. 160) мы вновь читаем: «хотя возможно

⁵² Нога охотника, как бы оборванная на табл. 28 I отчета (справа), кончается на рис. 30 II отчета (№ 5, левее фонтана).

⁵³ I отчет: одна голова на табл. 28 и 40 (нижний рис.); другая — на табл. 31.

⁵⁴ Опровержение указания I отчета (стр. 66) во II отчете (стр. 125) неправомерно. На стр. 66 говорится не о единственной, а о центральной маске, от которой завитки идут в обе стороны; о единственной голове не могло быть речи, поскольку уже тогда были открыты две маски на одной и той же северо-восточной внутренней полосе бордюра.

⁵⁵ Табл. 42 А, В и Е, фото 42 С дублирует табл. 44 А II отчета, а фото 42 D — часть табл. 37 I отчета.

⁵⁶ Перечень высказываний по поводу I отчета не полон и недостаточно точен. Так, оценка Мамбери дана без ссылки; по первым результатам работ он был склонен датировать мозаики очень поздним временем (Byz., XI, 1936, fasc. 1, p. 281—282: «post-justinienne»); упущены соображения Бовини (G. Bovini. The Great Palace. RAC, Anni XXIII—XXIV, 1947—1948, p. 395—398) в пользу V в. и Румфа (A. Rumpf. Stilphasen der spätantiken Kunst. Köln, 1955, S. 40), который исключает возможность датировки мозаик послеюстиниановским временем.

⁵⁷ Ch. P (i s a r d). The Great Palace, RA, t. XXXIX, 1952, p. 231—234.

⁵⁸ Формулировка В. Н. Лазарева: «не ранее V века или, что вероятнее, середины VI века» (ВВ, VII, 1953, прим. 3 на стр. 373).

начало V в., но датировка второй его половиной кажется более вероятной по стилистическим соображениям». И вдруг совершенно неожиданно автор заявляет: «Можно заключить, что пол был уложен в какое-то время между 450 и 550 г., со ссылкой на возможность более точного вывода только на основании указаний чисто археологического характера. Эта концовка стоит в явном противоречии не только с данной главой, но и с соображениями, ранее высказанными Райсом по поводу первого отчета⁵⁹. Она служит как бы «формулой перехода» к выводам VII главы, в которой допускается создание мозаик при преемниках Юстиниана.

Седьмая глава, озаглавленная «Проблема идентификации», подписана Райсом и Уорд-Перкинсом; в ней делается попытка сбалансировать взгляды обоих руководителей на датировку перистилия и его мозаик. В первом отчете мозаики датировались временем Феодосия II (408—450 гг. — стр. 17 сл.). Авторы второго отчета склонны отнести их к более позднему периоду, исходя из умолчания источников о каких-либо постройках Феодосия II, кроме дворца на берегу Буколеона (стр. 161); однако допускается, что они могли быть сделаны между 439 и 443 гг. по заданию Евдокии (II отчет, стр. 162).

Наиболее вероятным авторы считают предположение Манго⁶⁰ об идентификации вновь открытой части дворца с «галереями» Маркиана (451—457 гг.), которые находились на самом краю дворца (если не считать добавления дворца Буколеон при Феодосии II). Допускается идентификация «галерей» Маркиана и с «замощенной дорожкой», и с перистилем⁶¹. Однако получают перевес выводы, полученные на основе изучения строительной техники и будто бы твердо указывающие на VI в. для перистилия и для зала.

Незаконченные капители-импосты, обнаруженные в древнем здании под мозаичным полом, широкое применение зеленого камня во время или даже до постройки замощенной дорожки (стр. 49) и близкое общее сходство строительной техники в субструкциях апсидального зала с применявшейся архитекторами Юстиниана повсеместно в Константинополе — все это укрепляет аргумент в пользу отнесения перистилия и апсидального зала к VI в., а их предшественников, замощенной дорожки и постройки из зеленого камня, — примерно к середине пятого. Окончательное решение вопроса откладывается: если считать «галереями Маркиана» перистиль, то здание под юго-западным портиком и замощенная дорожка с их субструкциями должны были быть созданы совсем незадолго до него. Если же постройкой Маркиана следует считать замощенную дорожку, то для перистилия и апсидального зала авторы допускают значительно более позднюю дату, «вплоть до Юстиниана или до его непосредственных преемников» (стр. 166). Глава кончается предположением об одновременности перистилия с хризотриклинием Юстина II (стр. 167). Такова постановка вопроса с сильным креном в сторону отнесения апсидального зала и будто бы одновременного с ним перистилия к VI в. и даже ко второй его половине.

Нельзя не указать на некоторую нелогичность рассуждения. Если авторы соглашались с отнесением к V в. построек, предшествующих апсидальному залу, характеризующих наиболее широким применением «зеленого камня», то датирующее значение этого материала должно отпасть. Ни кладка из блоков известняка, ни бетонобетонные стены не характерны ни для какого периода. Система малых сводов с напуском нижних рядов и с кладкой наклонными отрезками преобладает во всем византийском строительстве.

В этих условиях утверждаемое авторами сходство строительной техники с той, которая характерна для времени Юстиниана, не может не ограничиваться самими кирпичными кладками. Между тем именно кирпичные кладки не зафиксированы достаточно точно. Напомним, что забыто о наличии «ступенчатой» кладки в каналах перистилия (II отчет, стр. 10 и рис. 5), и что самая эта кладка названа на стр. 56 «кладкой с подрезанным швом», что не отмечено различие между такими вещами, как ранние кладки с западающим швом и поздние кладки с наплывающим на кирпич раствором (стр. 77). Утверждается, что разница между кладками, начиная с IV в., состоит только в толщине швов (там же). Таким образом, авторы второго отчета при-

⁵⁹ Райс (D. T. Rice. The Great Palace. JHS, vol. 66, 1946, p. 136) обоснованно относит мозаики не к сложившемуся византийскому искусству, а к более раннему, варварскому искусству позднеримской фазы на территории Византии. Совершенно сходна оценка Пикара (op. cit., p. 233).

⁶⁰ С. Манго. Autour du grand palais de Constantinople. C. Arch., V, 1951, p. 182.

⁶¹ Принимается ранее предложенное Манго широкое толкование, при котором под «галереями» можно подразумевать и перистиль (ibid., p. 165, n. 1—2; p. 166). Однако после появления II отчета Манго (С. Манго, in: «The Art bulletin», 1960, p. 69) считает время Маркиана слишком ранним даже для замощенной дорожки. Грабарь (A. Grabar. Deux études. C. Arch., XI, 1960, p. 270) не высказывает своего мнения о датировке мозаик и перистилия.

соединяются к авторам первого (стр. 10) в отрицании того, что сделано предшествующими исследованиями для периодизации византийских кладок⁶².

Читателю остается прибегнуть к собственным домыслам, затрудняемым отсутствием схем. Кладка виадука, описываемая как «ступенчатая» (II отчет, стр. 21), не может не быть идентичной кладке каналов, связанных с перистилем (I отчет, стр. 10). Эта кладка вряд ли имеет что-либо общее с той поздней кладкой, которую называют «зубчатой», «пилообразной»⁶³ и в которой уклон шва идет не внутрь, а наружу; при таком профиле не на что наступить, нет «ступенек», а есть верхний зазор. Ступенчатая кладка виадука и каналов, судя по ее описанию, должна скорее напоминать кладку, свойственную раннехристианским памятникам Италии IV—V вв., начиная с Санта-Констанца⁶⁴. Если описание и самый термин «ступенчатая» правильны, то наличие такой кладки должно свидетельствовать о ранней дате памятника; ведь такой кладки, насколько нам известно, не обнаружено ни в одном сооружении Константинополя VI—VII вв.⁶⁵ Исходя из наличия примитивной «ступенчатой» обработки швов в виадуке и сточных каналах, можно было бы с большей определенностью отнести к V в. не только замощенную дорожку, но и более поздний перистиль, что сделало бы возможной (но не обязательной) раннюю датировку мозаик.

По композиционным соображениям, высказанным нами выше, возникновение перистыля должно было заметно предшествовать постройке апсидального зала. Отнесение перистыля к V в. отнюдь не мешало бы датировке апсидального зала, скорее всего, VI веком. Принятие таких датировок объяснило бы долгую эксплуатацию перистыля, начавшуюся, возможно, на целое столетие раньше постройки апсидального зала, а тем самым и значительные починки до укладки поверх мозаик мраморного пола и до изменения всего характера перистыля.

Последняя, восьмая глава, озаглавленная «Здание к северу от гавани Буколеон, именуемое „домом Юстиниана“» (стр. 168—193), составлена Сп. Корбеттом. Как известно, это здание и оборонная стена — терраса, на которой оно стоит, подробно опубликованы Мамбери и Вигандом⁶⁶. В рассматриваемой главе производится проверка их данных, а также публикуется вновь открытая древнейшая оборонная стена, ограждавшая Константинополь со стороны Мраморного моря задолго до того, как эта юго-восточная часть города вошла в состав дворцовой территории.

В отличие от более поздней, древнейшая стена была свободно стоящей; внутри стены был крытый обход с узкими бойницами на обеих сторонах, а поверху — открытый ход, огражденный зубцами, которые сохранились со стороны моря. В нижней части стены, сложенной из больших тесаных блоков известняка, обнаружены ворота. Их

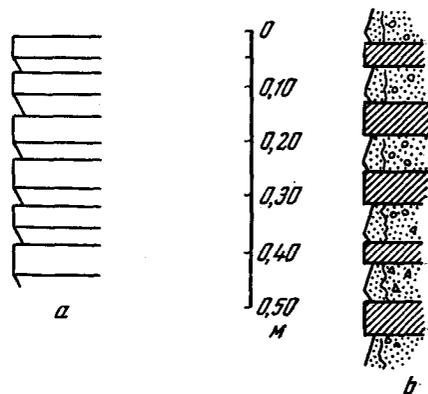

Рис. 4. Косой шов в кирпичных кладках:

а — ступенчатая кладка раннехристианских зданий Рима (по RAC, 1944—1945, рис. 8); б — пилообразная кладка из частей Св. Софии VII в.? (по Эмерсону и Найсу, рис. 9б).

⁶² N. Brunov. Die Odolar Djami. BZ, Bd. 26, 1926, S. 360—361, Abb. 4; A. M. Schneider. Byzanz, S. 13—14; Мамбери — Виганд, стр. 4 и рис. 1; W. Emerson and R. L. Nice. H. Sophia. AJA, vol. XLVII, № 4, 1943, p. 420—422, fig. 9.

⁶³ A. M. Schneider. Byzanz, S. 13 («sägeförmig»); Мамбери — Виганд, стр. 4 («übliche Art»); W. Emerson and R. L. Nice. Op. cit., p. 421, fig. 9b («saw-tooth profile»).

⁶⁴ B. M. Apollony-Ghetti, G. de Angelis d'Ossat, F. Ferrara, C. Venanzi. Le strutture murarie delle chiese paleocristiane. RAC, 1944—1945, p. 231—232, fig. 8. Авторы подчеркивают явно наклонную книзу ступенчатую профилировку горизонтальных швов и покрытие их особым веществом.

⁶⁵ Она встречается в XII в. в поздних частях стены Феодосия (около 1150 г.; см. B. Meyer-Plath und A. M. Schneider. Die Landmauer von Konstantinopel, II. Teil. Berlin, 1943, S. 25, Abb. 1, 4.).

⁶⁶ На их работу имеются отдельные ссылки, преимущественно в тех случаях, когда автор не согласен с ними; но, к сожалению, отсутствует указание, что уже в ней установлена общая периодизация построек, в целом подтверждаемая публикуемым исследованием.

проем перекрывает мраморной балкой с высеченным на ней крестом «латинского» начертания; эта балка покоится на консоли выпущенных профилированных блоках и разгружается мощной полуциркулярной кирпичной аркой. Проходящая в пятах арки прослойка в пять рядов кирпича отделяет нижнюю часть стены, сложенную из тесаных блоков, от верхней, бетонобетонной с прослойками по три ряда кирпича. Обход был покрыт кирпичным цилиндрическим сводиком пролетом в 1,05 м, который, по-видимому, был уже сложен совершенно так же, как своды, типичные для VI в. (стр. 59; в VIII главе этого указания нет)⁶⁷. Разнообразие клеем (рис. 36) приводит к мысли о вторичном употреблении кирпича (стр. 175—176).

Предполагается (стр. 172) одновременность вновь открытой стены с той, в которой находятся ворота Fc (по Мамбери—Виганду). По надписи их относили ко времени Константина. Это предположение не кажется достаточно убедительным; вновь открытая стена и ворота в ней отличаются от Fc не только отсутствием надписи (стр. 176), но и в конструктивном отношении⁶⁸. Поэтому соображения автора о датировке «Константиновских» ворот⁶⁹ не кажутся обязательными для вновь открытых. Судя по начертанию и по строительной технике (кирпичные прослойки, сходными с наземной стеной Феодосия, автор относит стену к V в. (стр. 178) и допускает лишь, что она несколько старше, чем окончание наземной (стр. 192).

Следует, однако, учесть, что аналогичный крытый сводами оборонный ход и открытый ход с зубцами поверх стены, и сходная бетонобетонная кладка в одежде из малых блоков, тоже пронизанная поясами по три-пять рядов кирпича, обнаружены в остатках дофеодосиевых стен XIV района (Влахери); они были созданы, несомненно, раньше наземной стены Феодосия⁷⁰ для обороны района, вновь возникшего за стеной Константина, т. е., скорее всего, во второй половине IV в. Кажется несомненным, что старый I район должен был тоже иметь свою оборонную стену задолго до того, как при Феодосии II здесь возник дворец Буколеона. По этим соображениям вновь открытую стену следует относить скорее к IV, чем к V веку.

Много позднее древнейшая стена была замурована в бетонное тело новой приморской стены — той, которая еще недавно именовалась «стеной I периода» (Мамбери—Виганд, стр. 3, 15). Выяснено, что новая стена с ее облицованным квадратами фасадом имела толщину в 7,8 м и подпирала террасу. На этой террасе возникла часть дворца Буколеона, неверно именуемая то «дворцом Хормизды», то «домом Юстиниана»⁷¹.

Время постройки новой стены имеет особое значение для датировки дворцового здания, руины которого подходят к самому ее краю. В бетонобетоне обнаружены фрагменты декора, напоминающие по материалу и по форме отделку времени Юстиниана в храме Софии и в Равенне (стр. 178). Автор кладет в основу датировки «скорее всего, VII веком» (стр. 193) и не ранее конца VI в. (стр. 178) большой архитектурный блок с монограммой Юстиниана во второй стене около ворот Fc, которую он считает одновременной с рассматриваемой (стр. 178, 193). Однако эти две части стоящей на самом берегу новой стены имеют между собой мало общего. Восточная часть, от лестницы Fd до маяка Fp, сложена из тесаных блоков черного и зеленого известняка (Мамбери—Виганд, стр. 13); западная же часть от Fd до ворот Fc состоит из всевозможных, преимущественно мраморных, строительных фрагментов во втором употреблении (Мамбери—Виганд, стр. 9; табл. XV—XIX). Сказанное нами допускает датировку стены под «домом Юстиниана» VI веком (например после пожара Нике) и притом без той натяжки, которую допускает автор (прим. 2 на стр. 178).

Графический анализ кирпичных кладок (рис. 37, схемы двух слегка различающихся между собою кладок — см. здесь рис. 5) дал Корбетту возможность доказать предположение Мамбери о двух периодах в постройке дворца. В книге Мамбери и Виганда

⁶⁷ Значительная часть древнейшей стены выбрана на материал; она известна только по отпечатку («негативу») в бетонном заполнении более поздней стены (стр. 173).

⁶⁸ Арка ворот Fc состояла из мраморных блоков, а арка вновь открытых — кирпичная и т. д.

⁶⁹ Стр. 177 и прим. 2. Эти соображения, основанные на некритическом принятии предположения Жанена, не кажутся убедительными. Если архитектурная балка с надписью действительно происходит из близлежащей церкви (R. J a n e n. Constantinople byzantine. Paris, 1950, p. 279—280), то отпадает не только датировка ворот временем Константина, но и единственное свидетельство об их ранней датировке вообще. Датировка надписи временем Константина, данная Лицманом (Мамбери—Виганд, стр. 78), подтверждена им позднее (см. H. L i e t z m a n. Op. cit., S. 234).

⁷⁰ A. M. S c h n e i d e r. Das Blachernenviertel. «Sitzungsberichte der preußischen Akademie», philos.-hist. Klasse, XXX—XXXII, 1933, S. 1157—1161, Taf. 1, 3; В. М e y e r. Die Technik. Ibid., S. 1168; В. М e y e r — P l a t h und A. M. S c h n e i d e r. Op. cit. (датировка — S. 100; описание частей стены — S. 105—106, fig. 24; S. 109, fig. 26, особенно S. 114—117, fig. 30—31, Taf. 58).

⁷¹ R. G u i l l a n d. Constantinople byzantine. Le Boucoléon. BS, X, 1949, p. 21; XI, 1950, p. 61—66; XII, 1951, p. 210—222.

имеется не только предположение (принадлежащее, очевидно, Виганду) об одновременности всей постройки (текст, стр. 18), против которого возражает Корбетт (стр. 179), но и вполне конкретное предположение о двух совершенно различных периодах (табл. XXVIII, подписанная Мамбери). Уже Мамбери показал графически, что выходящая на кромку приморской стены аркада не относится к первоначальной постройке, от которой сохранилось только несколько столбов (Мамбери, табл. XXVIII, столбы 1—4 и 7; ср. II отчет, рис. 33, T и лист D, столбы A, B, C, D). Большая заслуга Корбетта состоит в том, что путем более детального анализа, с привлечением графических схем ему удалось доказать предположение Мамбери.

Предположение об одновременности постройки парадной лестницы (у Мамбери—Виганда—Fd) с перестройкой дворца отражено на таблице XXVIII Мамбери—Виганда, где все эти части отнесены ко второму периоду. У Корбетта нет полной ясности: на рис. 33 лестница (N—N) отнесена ко второму периоду, а на рис. 44 — к первому.

В результате исследований Мамбери и Корбетта общая картина развития дворцового здания рисуется в следующем виде. Первоначальная постройка, восходящая, по мнению Корбетта, скорее всего, к VII в., представляла собой сводчатый вестибюль, перед которым тянулась по краю приморской стены широкая открытая терраса; она должна была ограничиваться с востока и запада малыми выступающими павильонами с трехчастными окнами. Сохранившиеся на самом краю приморской стены столбы (E—K на рис. 44 и на листе D II отчета) (см. здесь рис. 6) относятся ко второму периоду; место открытой ранее террасы занял тогда монументальный, крытый сводами портик. По краю приморской стены были пробиты отверстия для заделки консолей под балкон, который нависал теперь над набережной до монументальной лестницы. Интересная деталь: в качестве консолей заделаны колонные стержни; такое использование старых частей, маловероятное в VI и даже в VII в., само по себе может свидетельствовать об относительно поздней дате перестройки, скорее всего, о VIII в. Отнесение к VIII в. окончательной формы дворцового корпуса и монументальной лестницы соответствует выводам Шнейдера из описания арабского путешественника, посетившего Константинополь в 880 г.⁷², о чем Корбетт не упоминает.

Кирпичные арки и своды дворца сложены совершенно так же, как в V—VI вв.; как показано у Мамбери—Виганда (рис. 9), нижняя часть их исполнена напуском 9—10 рядов горизонтальной кладки, верхняя же сложена радиально. При значительном пролете (около 7 м) в раннее время тоже прибегли бы к этой технике, требовавшей жесткой опалубки.

Особенно поучительной является графическая фиксация кирпичной кладки. Работавший много лет Мамбери не смог доказать правильное предположение о двух периодах, так как он пользовался только методом фотографирования. Корбетт же сумел не только различить, но и доказать наличие этих двух периодов, установив графическим путем разницу в обработке лицевых швов⁷³.

Сопоставление двух схем на рис. 37 может, как нам кажется, свидетельствовать об усилении декоративности в обработке швов. В более поздней кладке (рис. 37в) поверхность раствора выступает против рядов кирпича, как бы наплывая на них и создавая впечатление шва еще более широкого, чем в действительности. Такая кладка может рассматриваться как подготовка к переходу к «кладке со скрытым рядом», которой нет в постройках, изучаемых в данной монографии (стр. 56; I отчет, стр. 4). Наиболее ранние из известных примеров византийской кладки со скрытым рядом не старше конца XI в.⁷⁴ На Руси же она установлена в более ранних постройках. С фиксацией переходной формы в частях дворца, более ранних, чем конец IX в., становится вероятным происхождение кладки со скрытым рядом из Константинополя, а не из Малой Азии, как предполагал Н. И. Брунов⁷⁵.

⁷² А. М. Schneider. Byzanz, S. 28—29, против — Мамбери — Виганда, стр. 13, где постройка парадной лестницы связывается с Никифором II Фоккой.

⁷³ В обеих схемах (рис. 37) имеется неточность: ни та, ни другая обработка не может относиться к конструктивному шву; следовало показать границу между конструктивным швом и декоративным.

⁷⁴ А. М. Schneider. Byzanz, S. 14. К примерам, приводимым там, можно добавить позднюю перестройку приморской стены Буколеона (Мамбери — Виганда, Fa, стр. 4 и рис. 1, слева).

⁷⁵ N. Brunov. Op. cit., S. 361.

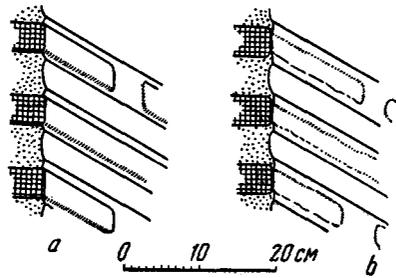

Рис. 5. Кладка из «дома Юстиниана» (II отчет, рис. 37):

a — первоначальный «вестибюль»; b — более поздние столбы на краю стены-террасы (E—K на рис. 44, здесь рис. 6)

В заключение следует пожелать, чтобы предшествующие сооружения и субструкции под апсидальным залом и перистилем были опубликованы с такой же технической документацией, как дворец у гавани Буколеона. За последние десятилетия изучение строительной техники сделало, как известно, большой шаг вперед; именно характер кладки становится все более и более надежным методом датировки памятников древней Греции, древнего Рима и даже древнейших известных сооружений Йемена в тех случаях, когда прямое указание на дату отсутствует.

В изучаемом комплексе открывается большая возможность изучения позднеантичных и ранневизантийских кирпичных кладок, чем, например, в храме Софии, почти все стены которой покрыты ковром мозаик. Поэтому публикация графических

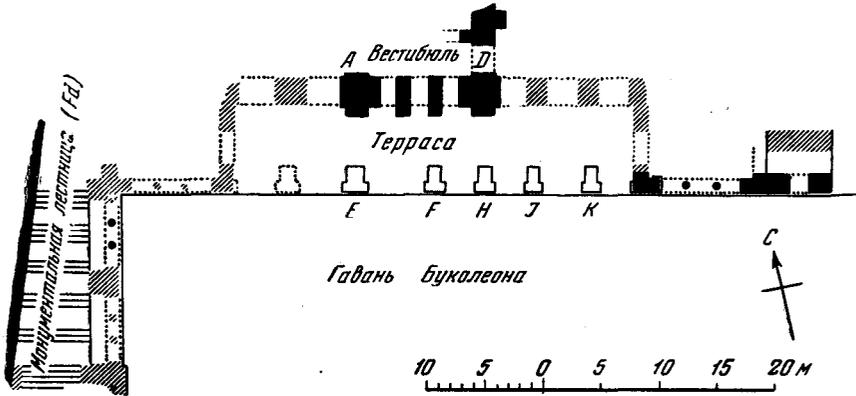

Рис. 6. Реконструированный план «дома Юстиниана» у Буколеона (II отчет, рис. 44)

изображений кладок, обнаруженных в перистиле и во всех примыкающих к нему зданиях разных эпох, имела бы очень большое значение для установления исторической последовательности кирпичных кладок Константинополя по крайней мере с начала V по VIII век. А это позволило бы в свою очередь опровергнуть некоторые сомнительные датировки и датировать, например, не здание, предшествовавшее перистиллю, на основании найденных в нем малохарактерных капителей-заготовок, а наоборот, относить такие капители к тому или иному времени в соответствии с состоянием строительной техники, в частности со способом обработки швов.

В конечном счете появилась бы возможность судить со значительно большей определенностью о столь мало известной нам архитектуре императорских дворцов Константинополя в VI и даже в V в., а также о времени, когда их украсили замечательными мозаичными полами.

С. А. Кауфман

КАТАЛОГ АРМЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ БИБЛИОТЕКИ ЧЕСТЕР БИТТИ.

S. der Nersessian. The Chester Beatty Library.

A Catalogue of the Armenian Manuscripts, with an Introduction on the History of Armenian Art. 2 vols. Dublin, Hodges Figgis and Co, 1958, (II) XLIV, 216 p.; (VI — с цветным фронтисписом, 66 таблиц) *

Каталог армянских рукописей библиотеки Честер Битти¹, подготовленный Спирарши дер Нерсесьян, является серьезным научным исследованием, вносящим большой вклад в дело изучения миниатюрной живописи Армении.

Основные задачи этого труда изложены в кратком предисловии. В нем автор квалифицирует армянские иллюстрированные рукописи как наиболее значительную по

* Рецензии: J. M u y l d e r m a n n. «Le Muséon», 73, 1960, 3/4. Рецензия содержит главным образом характеристику коллекции; C. J. F. D o w s e t t. «Bull. School of Or. and African Studies, Univ. London», vol. 23, 1960, 405; BZ, 52, 1960, p. Heft. 2, S. 497. Библиографическая справка (подпись J. M. H.), ссылка на рецензию C. J. F. D o w s e t t.

¹ Армянская секция библиотеки Честер Битти насчитывает 67 манускриптов (№ 551—617). Только два из них не иллюстрированы (№ 608 и 610).

своим художественным достоинствам группу кодексов христианского Востока, в которую входят большое количество дошедших до наших дней экземпляров, дающих непрерывную серию от IX до XVIII столетия. Однако лишь незначительное число иллюстрированных армянских рукописей издано, а большая часть сведений, касающихся их, разбросана в часто недоступных книгах и статьях на армянском языке. Отсутствуют или не полностью изданы даже каталоги самых крупных европейских собраний.

Систематическое изучение армянских рукописей является трудной, но крайне необходимой задачей, без которой не может быть решен ряд крупных проблем, выходящих далеко за пределы изучения собственно армянской миниатюры.

Автор подчеркивает, что библиотека Честер Битти является богатейшим частным собранием, превосходящим по своему значению почти все европейские публичные библиотеки. Ранний период, от которого вообще дошло мало рукописей, в ней не представлен. Начиная же с XII в. здесь хранятся образцы из всех значительных центров Армении, а также выдающиеся работы ведущих художников своего времени. Коллекция особенно богата рукописями XV—XVII вв., написанными в монастырях, расположенных вокруг озера Ван и близ Исфахана.

В большом вступлении на фоне исторических судеб страны дается обзор миниатюрной живописи Армении. Отдельные этапы ее развития, различные школы, а иногда и творчество отдельных мастеров иллюстрируется рукописями из собрания Честер Битти.

Особое внимание уделено позднему периоду (XV—XVII вв.), так как относящиеся к нему рукописи, по словам автора, еще не изучались. Поэтому для нас эта часть вступления представляет большой научно-исследовательский интерес.

Для характеристики кодексов Сирарши дер Нерсессян использует не только положения, высказанные ею в более ранних работах, но и полученные в результате изучения рукописей собрания Честер Битти.

Собственно каталог содержит подробное описание каждого кодекса, которое сопровождается примечаниями. В них выявляются характерные особенности живописного стиля миниатюр, необычный или интересный аспект иконографии или миниатюрного цикла. В том случае, если художник известен или может быть идентифицирован, о нем собрана возможная информация и дается список других его работ.

Каталог состоит из текста и альбома. В тексте кодексы расположены по порядковым номерам собрания, в альбоме — в хронологической последовательности. Таким образом, на воспроизведениях иллюстративного материала собрания Честер Битти возможно проследить пути развития армянской миниатюры. Нельзя вместе с тем не отметить, что пользование каталогом в том случае, если читатель идет от текста к альбому, несколько затруднено отсутствием около номеров кодексов указаний на относящиеся к ним таблицы.

Значительная часть рукописей представлена в альбоме одной или несколькими миниатюрами, в зависимости от их художественного значения. Не воспроизводится убранство второстепенных кодексов; на табл. 63—66 даются образцы переплетов и окладов рукописей коллекции.

Репродукции выполнены черно-белой печатью высокого качества; фронтиспис II тома выполнен в цвете.

Следует указать на наличие в каталоге тщательно обработанных индексов, таблиц, списков и чрезвычайно полной библиографии. К сожалению, в ней не упомянуты работы Л. А. Дурново, по-видимому, потому, что каталог в основном был закончен в 1951 г.

Переходим к обзору рукописей собрания Честер Битти в соответствии с характеристикой, которую автор дает им в своем вступлении и примечаниях. Из параллелей и аналогий, которые приводит автор, мы останавливаемся главным образом на рукописях Матенадарана, как более хорошо известных советскому читателю.

Самый ранний кодекс этого собрания № 554 (табл. 1), написанный в Эдессе, относится к XII в., и имеет, по мнению Сирарши дер Нерсессян, точки соприкосновения с рукописями Матенадарана 1038 г. (№ 6201) и Нареком 1173 г. (№ 1568). Стиль декоративного убранства кодекса № 555 (табл. 2) типичен для манускриптов Великой Армении конца XII—начала XIII в. Автор склонен объяснять низкое качество и архаический характер иллюстраций этого времени обеднением монастырей, нарушением художественной традиции и изоляцией Армении от значительных центров христианского искусства в период после сельджукского завоевания.

Отмечая наличие сильного византийского влияния в армянской миниатюре XI в., Сирарши дер Нерсессян подчеркивает значение для нее наряду с этим и сильной восточной тенденции, базирующейся на сасанидской традиции. Именно она и получает преобладающее значение в миниатюрной живописи Армении конца XII и раннего XIII в. Хорошим образцом рукописей этого типа в коллекции Честер Битти является кодекс № 556 (табл. 3—5).

Значительные успехи в развитии армянской миниатюры приводят, по словам автора, в XIII в. к более высокому качеству живописных работ, что ощущается в гармоничности орнаментальных композиций, точности рисунка, чистых красках на золотом фоне. Для этого этапа характерен кодекс № 557 (табл. 6—7). Сирарпи дер Нерсессян датирует его упомянутым в хипатакаране именем Садуна, которого она идентифицирует с Садуном III (ум. в 1285 г.)². Палеографические особенности и общий характер декоративного убранства рукописи также указывают на XIII в. На основании встречающихся в хипатакаране имен автор приближает дату рукописи к 1273 г.

К более раннему типу того же художественного направления автор относит Ахпатское евангелие 1211 г. и евангелие Таргманчац 1232 г. (Матенадаран № 6288 и 2743), а также рукописи, иллюстрированные художником Игнатисом между 1214—1236 гг. Кодекс № 557 коллекции Честер Битти дает представление о дальнейшем развитии того же направления. Миниатюры с изображением евангелистов добавлены, очевидно, позднее и могли быть написаны в Тбилиси в XIV столетии (табл. 24).

Киликийская миниатюрная живопись XIII в. представлена в собрании выдающимся экземпляром рукописи № 558 (табл. 8—17), написанной, возможно, в Ромкле для католикаса Константина I (1221—1267). На основании стиля и иконографии Сирарпи дер Нерсессян считает ее работой художника Киракоса, который украсил для Константина I еще два евангелия 1244 и 1249 гг., из которых последнее, имеющее серебряный оклад 1255 г., хранится в Матенадаране (№ 7690).

Киракосу принадлежит еще несколько рукописей, написанных для других заказчиков. По-видимому, он наряду с Торосом Рослином, работы которого в собрании Честер Битти не представлены, был одним из самых талантливых киликийских художников третьей четверти XIII в. (между 1248 и 1267 гг.).

Рафинированный стиль этого времени можно видеть еще и в некоторых рукописях раннего XIV в. Однако в это время начинают преобладать другие тенденции, заметные уже в ряде работ XIII столетия. Лучшим мастером нового стиля, который представлен также кодексом № 560 (табл. 18), был Саргис Пицак. В собрании Честер Битти хранятся три украшенных им кодекса — № 561 (табл. 19, 20), 613³ и 614 (табл. 21—23), еще более обогащающих наше представление об этом плодovitом и значительном мастере своего времени.

Работы Тороса Торонаци, крупного художника Гладзорской школы XIV столетия, в творчестве которого может быть отмечено воздействие киликийской школы, хотя он и остался верен традициям Великой Армении, в коллекции Честер Битти отсутствуют. Влияние этого мастера, сохранявшееся на протяжении веков, Сирарпи дер Нерсессян видит в убранстве евангелия 1536 г. (кодекс № 568); некоторые из его миниатюр копируют композиции Тороса Торонаци (табл. 42).

Если до последнего времени этот художник считался для XIV в. единственным представителем Сюника, то в настоящее время, по словам автора, известен ряд других имен. Новый свет на искусство Сюника и соседних с ним районов бросает имена дьякона Тороса (не Торонаци) и Авага. Аваг хорошо известен советским научным кругам по его рукописям, хранящимся в Матенадаране, фигура же Тороса-дьякона акцентируется Сирарпи дер Нерсессян впервые. Сохранившаяся в фрагментарном состоянии единственная иллюстрированная им в 1311 г. рукопись (кодекс № 559 — фронтиспис)⁴, два листа которой хранятся в собрании Честер Битти, по мнению автора, имеет большое значение. Ее миниатюры — свидетельство ранней ступени развития евангельского цикла. Новая интерпретация новых тем в некоторых миниатюрах доказывает, что мастера Великой Армении в XIV в. не были консервативны и не ограничивались повторением (с небольшими лишь изменениями) старых образцов.

Слабое представление о стиле искусного художника, каким являлся Аваг, мастерски сочетавший в своем творчестве традиции миниатюрной живописи Великой Армении и Киликии, дают иллюстрации кодекса № 572 (табл. 44, 45), украшенного в 1574 г.

Особого внимания заслуживают выводы Сирарпи дер Нерсессян, сделанные ею на основе изучения рукописей, написанных в районе Ванского озера. Автор считает возможным разделить их, грубо говоря, на две группы. Первую, связанную с Ванской школой, включающую в себя работы, написанные в Ване, Ахтамаре и в монастырях севернее и восточнее берегов озера Ван, и вторую — с Хизанской школой. К последней относятся рукописи, написанные в Хизане (юг озера Ван) и в соседстве с Мокской областью (западнее озера Ван). Типичным образцом Ванской школы в коллекции

² Садуна III — владетельный князь Кайена, ампрспасалар и атабек грузинских царей.

³ Иллюстрации кодекса № 613 не воспроизведены.

⁴ Четыре другие миниатюры, как указывает Сирарпи дер Нерсессян, были уже раньше изданы Маклером (Mac l e r. Documents d'art arménien. Paris, 1924, Pl. XCIX-C). На основании стиля фигур автор считает возможным прибавить к этой группе еще четыре миниатюры из коллекции Bernard Berenson.

Честер Битти является кодекс XV в. № 567 (табл. 38, 39); к ней, по-видимому, относится и менологий — кодекс № 602 (табл. 40, 41), написанный в 1489 г.

Живопись Ванской школы имеет более консервативный характер и сохраняет традицию миниатюрной живописи Великой Армении XIV в. Наиболее важные эпизоды из жизни Христа группируются в начале рукописи, им предшествуют символические сцены Ветхого завета, а заключают изображения, связанные со вторым пришествием Христа и страшным судом. Однако сцены Ветхого завета — жертвоприношение Исаака и изображение пророка Исаяи, — представленные в кодексе № 559, иллюстрированном дьяконом Торосом, не известны ни в одной из дошедших до нас рукописей этой школы. Вместо этого мы находим в них «Видение Иезекииля» как символ второго пришествия и «Древо Иессея» как символ воплощения.

Особенно хорошо, по словам автора, представлена в собрании Хизанская школа. Наиболее интересными являются относящиеся к ней рукописи XIV—XV вв.: кодексы № 555 (новая часть, табл. 26), 563 (табл. 27), 599 (табл. 30—32), 565 (табл. 33), 566 (табл. 34—37). Кодекс № 599 автор считает лучшим образцом этой школы. Многочисленные фронтисписы евангелий начинаются символическими сценами жертвоприношения Исаака и древа Иессея. Видение Иезекииля в этих манускриптах едва ли когда-нибудь изображалось. Эсхатологический цикл, хотя и очень развитый в некоторых рукописях Хизанской школы, реже включает страшный суд или украшенный крест с образом Христа и трубящими ангелами — вместо этого мы находим Христа, восседающего на тетраморфах. Значительные отличия произведений Хизанской школы от рукописей, иллюстрированных в других частях Армении, проявляются также в евангельском цикле, который включает различные чудеса, и в иконографии некоторых сцен (например брак в Кане Галилейской, крещение).

Из сказанного выше следует, что Сирарши дер Нерсессян различает Ванскую и Хизанскую школу в первую очередь по иконографическому признаку. Наряду с этим она останавливается и на вопросах стиля. Миниатюры рукописей Хизанской школы XIV—первой половины XV в., по словам автора, имеют связь с мусульманским искусством. Короткие, тяжелые фигуры с их круглыми лицами напоминают живопись так называемой Багдадской школы и еще больше живопись ряда манускриптов периода Ильханов. Здесь уместно напомнить о той исконной традиции, которая, как указывает Л. А. Дурново, связывает эти рукописи с Туруберанской школой XI в.⁵ Работы художников Хачатура и Мкртича, с именами которых, возможно, связан кодекс № 566 (табл. 34—37), написанный в 1451 г., автор считает высшей точкой развития миниатюрной живописи Хизана.

Выделение Хизанской школы и изучение связанных с ней рукописей было начато еще в 1928 г. Е. А. Никольской⁶. А. Н. Свирин в своей книге «Миниатюра древней Армении» (М.—Л., 1939) посвятил этой школе отдельную главу (стр. 107—116)⁷; позднее более углубленное и широкое изучение армянских иллюстрированных рукописей, хранящихся главным образом в Матенадаране, заставило Л. А. Дурново отказать от понятия Хизанской школы, в которую не укладывались все рукописи, написанные в районе озера Ван, и объединить их под общим термином Ванской школы⁸. Это было новым этапом в исследовании армянской миниатюры данного района. В работе Сирарши дер Нерсессян изучение этого вопроса поднято на новую ступень. На основе иконографических и стилистических данных миниатюр рукописей коллекции Честер Битти доказано существование в районе Ванского озера двух школ, которые, однако, находились друг с другом в постоянном взаимодействии, на что указывают, в частности, миниатюры кодекса № 564, написанного в XV в. (табл. 28, 29). Впервые на материалах собрания Честер Битти Сирарши дер Нерсессян освещает пути развития этих школ вплоть до XVII в. На основании данных хишатакаранов, иконографического и стилистического анализа книжного убранства автору удается выявить значительный вклад, внесенный мастерами Хизанской школы в армянскую миниатюрную живопись XVII в. в целом и в одну из ведущих школ этого времени, возникшую в Новой Джульфе, близ Исфахана, в частности. Эти выводы настолько новы и интересны, что мы остановимся на них более подробно.

В связи с тем, что многие рукописи, написанные в ареале Хизана в конце XV или начале XVI в., утеряны или недоступны, автору не удается проследить художествен-

⁵ L. A. Dourno. *Miniatures arméniennes*. Paris, 1960, p. 46, 48.

⁶ Е. А. Никольская. К изучению армянской миниатюрной живописи. Иллюстрации рукописи мастера Ованеса из Хизана. «Мистецтвознавство». Збірник 1, 1928, стр. 37—52.

⁷ К сожалению, работа Гарегина Овсепяна «Страницы из художественной истории Хизана» [*«Hayastanyaitz Yegehetzu»*. New York, VI (1944) (на арм. яз.)] осталась для нас недоступной.

⁸ Л. А. Дурново. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957, стр. 45—46. Первый наиболее полный список ванских рукописей дал Маклер (Mac l e r. *Miniatures arméniennes*. Paris, 1913, p. 4—11).

ную эволюцию Хизанской школы шаг за шагом. Изучение ее продукции становится возможным лишь с конца XVI и XVII в., когда в этой школе наблюдаются уже значительные изменения⁹. Иным становится евангельский цикл, опускаются характерные для ранней Хизанской школы композиции, или они появляются рядом со сценами, обычными для Ванской школы. Часто употребляются традиционные иконографические типы — стиль приближается к Ванской школе. Несмотря на индивидуальные различия в работах отдельных мастеров, в поздних рукописях Хизанской школы наблюдается большое единство, ученики порой точно копируют композиции своих учителей.

Признанным мастером Хизанской школы конца XVI в. был Мартирос, представленный в собрании Честер Битти кодексом № 573 (табл. 46, 47), написанным им в Константинополе. Мартирос принадлежал к семье художников, происходивших из Хизана и работавших там в конце XVI—начале XVII в. Большое количество иллюстрированных ими рукописей дошло до наших дней. Рукописи Мартироса часто служили образцом для его учеников, одним из которых был Месроп из Хизана¹⁰. В 1615 г. им уже в Исфахане была написана рукопись, два листа которой хранятся ныне в собрании Честер Битти под № 576 (табл. 51). Самое раннее упоминание Месропа встречается в евангелии, иллюстрированном в Хизане в 1605 г. Григорием, сыном его учителя Мартироса. Месроп в ту пору был одним из его помощников. Вскоре после этого он в Исфахане иллюстрирует ряд рукописей.

Переезд Месропа из Хизана в Исфахан, по словам автора, должен быть связан с насильственным переселением армян при Шах-Аббасе, что подтверждается данными хшатакарана одной из рукописей, украшенных этим мастером уже в Исфахане¹¹.

Композиции, характерные для скриптория Хизана, появляются в рукописях, иллюстрированных Месропом, и после того, как он покидает родной город. Так, иллюстрации евангелия 1615 г. (кодекс № 576), представленные в альбоме, соответствуют по своему стилю и иконографии работам поздней Хизанской школы.

Таким образом, Сирарпи дер Нерсессян на конкретном материале не только выявляет непрерывность традиции в развитии армянской миниатюрной живописи XVI—XVII вв., но и связывает ее с Хизанской школой.

Прекрасным образцом рукописи, написанной в Исфахане в 1655 г., автор считает кодекс № 578 (табл. 52—54) коллекции Честер Битти, иллюстрированный художником Хайрапетом¹². Миниатюры этого кодекса, по словам Сирарпи дер Нерсессян, близки к иллюстрациям рукописи, украшенной Месропом из Хизана (кодекс № 576), и в еще большей мере к евангелию, иллюстрированному в монастыре Ктуц на острове Ван писцом Сахаком. Большое сходство миниатюр этих трех рукописей дает автору основание предположить, что мастера пользовались одним и тем же образцом. Ряд миниатюр следует иконографическому типу, который вошел в репертуар художников Хизана в конце XVI в. из Ванской школы и был унаследован затем мастерами XVII в. Вместе с тем Сирарпи дер Нерсессян отмечает, что аналогии между Хизанской—Ванской и Исфаханской школами относятся в первую очередь к иконографии. Имитируя стиль своих предшественников, Хайрапет и другие художники Новой Джульфы постепенно отказывались от чрезмерной стилизации, пытались более тщательно моделировать фигуры и передавать реальные формы.

Если в ранний период ведущим художником этой школы, по словам автора, был Месроп, который принес в Джульфу традиции поздней Хизанской школы, то во второй и третьей четверти XVII в. здесь складывается эклектический стиль, в котором локальные традиции различных скрипториев слились вместе и часто заменялись намеренным подражанием убранству более древних кодексов. Нередко с предельной точностью копировались киликийские рукописи. Наряду с этим в работах мастеров Джульфинской школы начинает сказываться и западноевропейское влияние. Армянским посредником между рукописями Новой Джульфы и европейской библией была библия, иллюстрированная в Польше (точнее, во Львове) Лазарем Бабердаду в 1619 г. (Матенадаран, № 179/173).

Сирарпи дер Нерсессян отмечает большую популярность для этого времени западноевропейских композиций, которые из библии переходили в рукописи другого типа. Например, четыре сцены из жизни Давида встречаются в псалтыри (кодекс № 591, табл. 55). Автор считает убранство этой рукописи прекрасным образцом эклек-

⁹ Поздние рукописи этой школы представлены в коллекции Честер Битти кодексами № 573 (табл. 46, 47), № 574 (табл. 48), № 576 (табл. 51). Миниатюры кодексов № 592 и 593 в альбоме не воспроизведены.

¹⁰ Месроп учился также у Саргиса из Мокса; работой последнего является кодекс № 592, миниатюры которого в альбоме не воспроизведены.

¹¹ Oxford Bodleian Arm., d. 13. См. реценз. соч., р. 89.

¹² Хайрапет, выдающийся мастер Исфахана и Новой Джульфы, известен, как указывает Сирарпи дер Нерсессян, по многочисленным дошедшим до наших дней рукописям, частично хранящимся в Матенадаране (например, Библия 1649 г. — № 189).

тического стиля Новой Джульфы. Наряду с использованием европейских композиций здесь имеет место подражание киликийским образцам.

Предложенные Сирарпи дер Нерсессян выводы, касающиеся армянской миниатюры XVII в., полученные ею в результате изучения конкретных рукописей собрания Честер Битти, не вполне совпадают с теми, которые изложены Л. А. Дурново в работе «Краткая история древнеармянской живописи». Это в первую очередь следует объяснить эклектизмом Джульфинской школы. Оба исследователя, работая над материалами разных коллекций, выявляют различные ее истоки. Главное место в армянской миниатюрной живописи XVII в. Л. А. Дурново отводит Эрзерумской школе, связанной своей традицией с Татевской школой, возникшей в XIV—XV вв. и просуществовавшей почти до конца XVII в.¹³ Эрзерумскую школу Л. А. Дурново считает одним из основных компонентов Джульфинской школы. Виднейшим представителем последней, по словам Л. А. Дурново, был Аюп Джугаеци, которого она также связывает с Эрзерумской школой. Л. А. Дурново предлагает подразделять ее на Татевско-Эрзерумское, Ахтамарское и Новоджульфинское направление¹⁴. Возвращаясь к каталогу Сирарпи дер Нерсессян, хочется отметить, что иконографическая и стилистическая близость миниатюр Месропа из Хизана, украсившего в Исфахане в 1615 г. кодекс № 576 (табл. 51, рис. 3), к миниатюрам Аюпа Джугаеци в рукописи 1610 г.¹⁵, иллиминованной им там же, неоспорима. Л. А. Дурново также упоминает, что этот мастер работал в Ване в 1592 г., именуя себе уже Джугаеци. Интересно вместе с тем отметить, что кодексы № 570, 1541 г. (табл. 43а)¹⁶ и близкий к нему кодекс № 571, XVI в. (табл. 43б) тяготеют к рукописи 1632 г. Матенадараца, написанной, как указывает А. Н. Свириин, опубликовавший одну из ее миниатюр, в сел. Реванш в пределах Эрзерума¹⁷. Орнаментально-плоскостной стиль миниатюр этого кодекса А. Н. Свириин считает характерным для искусства армянской книги XV—XVII вв. Воздействие его, а также иконографического типа евангелистов этой рукописи, несомненно, сказалось и в работах Аюпа Джугаеци¹⁸.

Таким образом, многие вопросы, связанные со школами XVII в., все еще недостаточно ясны; тем более ценен вклад, сделанный в изучение этого периода Сирарпи дер Нерсессян.

Отмечая общее оживление армянской миниатюрной живописи в XVII в., автор каталога выявляет также и другие скриптории этого столетия, останавливаясь при этом только на тех, которые представлены рукописями изучаемой им коллекции.

Один из скрипториев этого времени находился в Амиде. Ведущим художником его, работавшим в конце XVI и в XVII в., был писец Ованес, который иллюстрировал сокращенную библию (кодекс № 551, табл. 49—50). Так же как и многих художников Новой Джульфы, его привлекали ранние киликийские рукописи, которым он успешно подражал. В некоторых деталях сказалось заимствование декоративных элементов из мусульманских рукописей. Европейские образцы, по-видимому, также были известны в Амиде.

Сирарпи дер Нерсессян указывает на существование в поздний период (после XV в.) скриптория и в Константинополе. Работы XVII в. имеют здесь тот же эклектический характер, как и в Новой Джульфе; также ценятся киликийские рукописи и имело место подражание западноевропейским образцам; одновременно сказывалось и поствизантийское влияние. Орнаментальные композиции рукописей, написанных в Константинополе, часто очень богаты, заставки занимают более половины страницы (кодекс № 553, табл. 56), в убранство, близкое к киликийским рукописям, влетают поздние мотивы.

С влиянием поствизантийских манускриптов Сирарпи дер Нерсессян связывает и кодекс № 605 (табл. 58—60), который, по ее мнению, мог быть написан в Константинополе или в Крыму, где были известны греческие образцы.

Несколько строк автор посвящает рукописям, написанным в Токате и представленным в альбоме кодексами № 586, 603 (табл. 62, 57), возможно, и кодексом № 606 (табл. 61). По словам Сирарпи дер Нерсессян, писцы Мкртич и его сын Аствацатур, украсившие, по-видимому, две первые рукописи, были более искусны в орнаментальных композициях, чем в изображении фигур. В целом же лицевые миниатюры и многочисленные маргиналы повторяют типы, обычные для XVII в. Западные образцы не пользовались, очевидно, большой популярностью в провинциальных городах Малой Азии.

¹³ Л. А. Дурново. Указ. соч., стр. 49, 50, 51. К сожалению, автор лишь упоминает две рукописи этой школы, не останавливаясь на них подробно.

¹⁴ Там же, стр. 52.

¹⁵ Л. А. Дурново. Древнеармянская миниатюра. Ереван, 1952, табл. 59.

¹⁶ Написан в Чемашкадзаке, вилайет Мамирет ель Азияз, севернее санджака Дерсима (см. реценз. соч., р. 69).

¹⁷ А. Н. Свириин. Указ. соч., стр. 122 и 127.

¹⁸ Л. А. Дурново. Древнеармянская миниатюра, табл. 58.

В течение этого позднего периода, заключает Сирарпи дер Нерсессян, когда большая часть активных центров находилась в колониях, расположенных за пределами Армении, где писцы не были больше связаны с монастырскими школами, имевшими собственные традиции, региональные различия не столь резко заметны, как в предшествующий период.

* * *

Каталог армянских рукописей библиотеки Честер Битти, автором которого является Сирарпи дер Нерсессян, представляет собой настольную книгу для всех, кто интересуется миниатюрной живописью Армении. Примечания, сопровождающие рукопись, в каждом отдельном случае могли бы быть развернуты в самостоятельную статью, посвященную личности художника, заказчиков, современной им исторической среде, школе, к которой принадлежит рукопись, связям с другими школами, традиции, на которой они вырастали и которую передавали последующим столетиям. В работе Сирарпи дер Нерсессян выявлен ряд имен средневековых художников, чем окончательно устанавливается несостоятельность точки зрения на безличное творчество средневекового мастера. Исчерпывающее знание публичных и частных собраний Европы и Америки позволяет автору сопоставлять синхронные рукописи, подробные сведения о которых даются в аппарате. На основании стилистического сходства и иконографических особенностей этих кодексов автор делает существенные обобщения, объединяет их около определенных центров, относит к тому или иному направлению, связывает с именем уже известного мастера.

Сирарпи дер Нерсессян привлекает хшатакараны (икофоны) и палеографические данные рукописи. Сопоставление миниатюр с текстами религиозных книг позволяет автору полнее решать вопросы иконографии, что столь существенно при классификации средневековых школ. Такое разностороннее владение материалом способствует особенно глубокому изучению армянских иллюстрированных рукописей.

Следует подчеркнуть, что труд Сирарпи дер Нерсессян далеко выходит за рамки собственно каталога. Именно исследовательский характер его заставляет сделать несколько принципиальных критических замечаний.

На стр. XXII автор отмечает в армянской миниатюре XI, а особенно XII—XIII вв., сильную восточную тенденцию, базирующуюся на ранней сасанидской традиции. Хотелось бы несколько уточнить это положение, отметив, что культура Сасанидского государства создавалась творческими усилиями не только иранского, но и других народов, входивших в его состав. Для Армении сасанидская культура в той или иной мере являлась собственным культурным наследием.

На стр. XXV указывается, что в декоративных композициях киликийских рукописей XIII в. репертуар ранних армянских миниатюр обогащен элементами, происходящими из разных источников, искусно скомпонованными в гармоничное единство. Такая постановка вопроса правильна, но недостаточна и кажется нам несколько механистичной. Желательно было бы в процессе исследования акцентировать те факторы, которые определили несомненно не случайный отбор этих элементов, явившихся одним из компонентов нового стиля.

Недооценка явлений идеологического порядка, вызванных к жизни в конечном счете изменениями в развитии общественных отношений, сказывается в ряде высказываний Сирарпи дер Нерсессян. Так, на стр. XXV автор отмечает, что «покровительство царей из династии Гетумидов, вступивших на престол в 1226 г., и католикоса Константина I... дало дальнейший стимул развитию искусства, и в частности рукописей XIII в., которыми отмечена одна из высших точек армянской иллюминации». Не отрицая роли отдельных личностей в общем процессе развития армянской миниатюры, нельзя согласиться с тем, что они определяли его. Расцвет киликийского искусства в целом был тесно связан с высоким подъемом общественной жизни страны и ее экономики.

Обладая огромной эрудицией, Сирарпи дер Нерсессян не ставит задачей найти внутреннюю закономерность в развитии искусства, которая вызывала к жизни новые явления. Чтобы объяснить их, автор вынужден искать внешние толчки, которые он зачастую находит в искусстве других стран, отдавая тем самым слишком большую дань вопросам влияния.

Например, на стр. XXXVII, анализируя работы художников Хачатура и Мкртчича из Хизана (XV в.), Сирарпи дер Нерсессян отмечает ослабление в них влияния мусульманских рукописей XIII—XIV вв. Вместе с тем она считает, что более стройные пропорции фигур в миниатюрах этих мастеров частично обязаны тем изменениям, которые происходили в искусстве тимуридского периода, хотя общий стиль Мкртчича и отличается большей динамичностью.

На стр. 98 (примечания к кодексу № 578) автор отмечает, что хотя «Хайрапет и другие художники Джульфинской школы имитировали стиль своих предшественников, они постепенно отказывались от чрезмерной стилизации. Под влиянием рукописей

более раннего периода, которые они копировали, может быть, также европейских работ, они пытались моделировать фигуры более тщательно и подражать реальным формам». С нашей точки зрения, изменения, происходившие в стиле этой школы, при сохранении зачастую прежних иконографических тем, определялись в первую очередь теми сдвигами в области идеологии, которые происходили в феодальном обществе Армении при переходе его на новый, очевидно, последний этап своего развития. Новые тенденции в ряде областей экономической и духовной жизни страны подготовили почву и для восприятия западноевропейских образцов.

Добавим несколько мелких замечаний.

1. Может быть, не стоило бы называть арабские и персидские рукописи мусульманскими, определяя их конфессиональным признаком, хотя они зачастую имеют светское содержание.

2. Как ни хороша рукопись, украшенная Киракосом, едва ли стоило уделять ей десять таблиц, если это шло за счет воспроизведения миниатюр других кодексов, не столько совершенных по своим художественным достоинствам, но менее известных, чем рукописи, принадлежащие к Киликийской школе.

3. Замеченные опечатки: на табл. 14 помещен евангелист Марк с подписью Матфей; на табл. 15 — евангелист Лука с подписью Марк; на табл. 16 — евангелист Матфей с подписью — Лука.

В заключение следует сказать, что значение рецензируемого труда нельзя переоценить. Он не только обогащает наши знания об армянской миниатюрной живописи публикацией рукописей прекрасной коллекции, находящейся в частных руках, но и новыми выводами, являющимися результатом всестороннего глубокого изучения иллюстрированных армянских кодексов.

Т. А. Измайлова

ПУБЛИКАЦИИ

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ, М. Ш. ФРЕЙДЕНБЕРГ

ДЕВОЛЬСКИЙ ДОГОВОР 1108 г. МЕЖДУ АЛЕКСЕЕМ КОМНИНОМ И БОЭМУНДОМ

В 13-й книге исторического труда Анны Комнины содержится текст договора, заключенного в 1108 г. между императором Алексеем I и антиохийским князем Боэмундом¹. Это — один из немногих крупных документов, который Анна считает необходимым сохранить на страницах своего произведения и который тщательно переписывает. Договор дошел до нас только в передаче Анны — этим, вероятно, следует объяснить тот факт, что он сравнительно слабо изучен в литературе: он как бы теряется среди той массы материала, который труд Анны Комнины предоставляет в распоряжение историка.

События, вызвавшие к жизни договор 1108 г., представляют собой звено как восточной политики Византии, так и крестоносного движения. Поэтому договор этот обычно упоминался в литературе наряду со свидетельствами западных хронистов — Альберта Аахенского и Фульшера Шартрского². Однако развернутой характеристики памятник не получил ни в работах по истории крестовых походов, ни в исследованиях, посвященных эпохе Комнинов. В последнее время заметно возрос интерес историков к этому документу. Так, в своем трехтомном труде по истории крестовых походов С. Рэнсимен не только излагает предысторию возникновения договора 1108 г., но и пытается решить вопрос о его действительности³. Э. Хонигманн называет договор важным документом эпохи и подробно анализирует его географические указания⁴. И тем не менее даже сейчас отдельные исследователи излагают все, что относится

---

¹ Мы использовали издание: Anne Comnène. *Alexiade, règne de l'empereur Alexis I Comnène*. Ed. B. Leib (далее — B. Leib), t. III. Paris, 1945.

² Alberti Aqensis. *Liber christianae expeditionis*, lib. X, cap. 44. «Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux», t. IV. Paris, 1879; Fulcherii Carnotensis *Historia Hierosolymnitana*, lib. II, cap. 39. *Ibid.*, t. III. Paris, 1866; W. Giesebrecht. *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*, Bd. 3. Leipzig, 1890, S. 807; W. Norden. *Papsttum und Byzanz*. Berlin, 1903, S. 73; R. Röricht. *Geschichte des Königreiches Jerusalem*. Innsbruck, 1898, S. 65—67; H. Kretschmar u. r. *Geschichte von Venedig*, Bd. I. Gotha, 1905, S. 165. Подробнее о договоре см. F. Dölger. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*, Bd. II. München—Berlin, 1925, S. 51—52, № 1243; F. Chalandon. *Les Comnènes, études sur l'empire byzantin au XIe et au XIIe siècle*, t. I. Essai sur la règne d'Alexis Ier Comnène. Paris, 1900, p. 247 sq.

³ S. Runciman. *A History of the Crusades*, vol. I. Cambridge, 1951, p. 33—52, 214 f.

⁴ E. Honigmann. *Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches (von 363 bis 1071)*. Bruxelles, 1935, S. 125—129.

к борьбе на Переднем Востоке в XI—XII вв., даже не упоминая о договоре и, видимо, не зная о его существовании⁵.

Эти обстоятельства подчеркивают необходимость специального исследования этого интересного источника, исследования, в процессе которого неизбежно должен возникнуть ряд проблем. Договор был заключен в пору активного проникновения западноевропейских государств на византийские земли, и в связи с этим было бы интересно выяснить, как отразил наш памятник воздействие государственных и правовых норм западного средневековья на внутренние распорядки империи. Следует решить проблему идентификации географических названий и в этой связи — вопрос о том, каким образом произошел раздел между Империей и Антиохийским княжеством. Наконец, интерес представляет и то, насколько действенным оказался договор 1108 г.

Как известно, конец XI и начало XII в. ознаменовались длительными военными и политическими столкновениями между Византийской империей и норманскими князьями Южной Италии. История этих столкновений насчитывала к 1108 г. уже четверть столетия и хорошо изучена в литературе. Интересующий нас этап этой борьбы, непосредственно предшествующий возникновению договора 1108 г., связан с обоснованием Боэмунда в Антиохии. Захватившим город крестоносцам приходится в начале XII в. вести борьбу на два фронта — как против империи, так и против мусульманских князей Северной Сирии и Малой Азии. В этой борьбе западное рыцарство терпит ряд тяжелых поражений. Первое из них приходится на 1101 г., когда Боэмунд после неудачной битвы попал в плен к малоазийскому эмиру Мелик Гази Данишменду, после чего Алексей I немедленно занял Восточную Киликию, входившую в состав Антиохийского княжества. Отпущенный на свободу Боэмунд вскоре вернул свои киликийские владения и приготовился к задуманному походу против турок-сельджуков. Однако его первоначальные успехи были сведены на нет крупнейшим поражением, понесенным крестоносными князьями под Харраном, древними Каррами, важной крепостью мусульман в Северной Сирии. Разгром под Харраном имел большое значение для судеб латинских государств в Сирии. Он значительно ослабил позиции крестоносцев и позволил войску императора вновь занять важнейшие центры Киликии — Тарс, Адану, Аназарб, Мамистру (древнюю Мопсуэстию), а флоту — захватить Латакию (древнюю Лаодикию).

В 1104 г. Боэмунд покидает Антиохию, оставив правителем своего племянника Танкреда, и направляется в Италию и Францию за поддержкой. Заручившись ею и даже вступив в родственные связи с французским двором, Боэмунд в октябре 1107 г. высадился с большим войском в окрестностях Валоны. Начался последний этап его борьбы с Византией. Войско Боэмунда находилось на подступах к Драчу, когда византийское правительство, только что заключившее мир с иконийскими турками и развязавшее себе руки, двинуло в союзе с венецианцами свою армию и флот против рыцарей. Из осаждающего Боэмунд быстро превратился в осажденного, в его войске начались болезни и голод, и в сентябре 1108 г. его военная экспедиция закончилась полным крахом. Боэмунд признал себя побежденным, его сомнения по поводу необходимости подписать мирный договор были сломлены настойчивыми советами окружающих⁶. Поражение Боэмунда было закреплено договором, подписанным тогда же на берегу р. Девол (Δεβόλις) в византийском лагере в присутствии императора. Девольский договор 1108 г. явился концом политической карьеры Боэмунда. Несмотря на то, что в тексте договора он именовался князем антиохийским и в этой роли брал на

⁵ См. K. M. Setton and M. W. Baldwin. A History of the Crusades, vol. I. Philadelphia, 1955.

⁶ История голода, болезней и начавшихся раздоров в лагере Боэмунда красочно описана у западных хронистов. См. O d e r i c V i t a l i s. Historia ecclesiastica, pars III, lib. XII. PL, t. 188, col. 819; F. Chalandon. Op. cit., t. I, p. 236—237; E. Honigmann. Op. cit., S. 125.

себя значительные обязательства, Боэмунд уже не возвратился на Восток: князь удалился в свои итальянские владения и там, отойдя от политической жизни, мирно скончался в 1111 г.

Такова история возникновения этого памятника. Обратимся теперь к рассмотрению его содержания и формы. Договор 1108 г. представляет собой акт, составленный от имени Боэмунда и врученный императору в обмен на царский хрисовул. Характерно, что Анна приводит не текст хрисовула, копией которого она, несомненно, располагала, а грамоту Боэмунда. По-видимому, это было сделано с целью отметить, что договор не остался лишь волеизъявлением императора, а был с покорностью принят Боэмундом. Нетрудно заметить отличие договора 1108 г. от документов, оформлявшихся в XI—XII вв. в императорской канцелярии. В нем нет ни протокола, ни призыва к св. Троице, ни обращения ко всем, кто прочтет документ, ни угроз по адресу будущих нарушителей. Документ сразу же начинается с изложения существа дела, минуя те формальности, которые были характерны для византийских императорских актов⁷. Часто повторяются обстоятельные клятвы в верности (см. § 3, 4, 5, 9, 27), в отдельных местах стиль договора приобретает особую приподнятость и торжественность, заметно отличаясь от остальных разделов, где очень просто, зачастую в будничном тоне оговариваются привилегии и обязательства Боэмунда. Клятва в верности выражается почти исключительно в обязательстве нести военную службу, которое дается как от имени Боэмунда, так и от имени его вассалов (§ 2, 4, 5, 10, 15 и др.); таким образом, обязательства князя напоминают обычную ленную присягу западноевропейского средневековья. Это внесение элементов западного вассалитета в договорные отношения императора с его подданным и является наиболее существенной особенностью разбираемого акта.

Любопытно, что некоторые нормы, зафиксированные в договоре, как бы списаны с законов западного феодального права. Таковы, например, «сорок дней», которые должны пройти между объявлением войны Боэмундом своему сюзерену-императору (здесь предусматривается и такая типично «невизантийская» возможность!) и ее началом. В течение этих 40 дней вассалы Боэмунда должны были способствовать примирению сторон (§ 13). Эти внешние особенности документа, являющиеся плодом творчества норманнских нотариусов, подтверждают указание Анны о том, что текст договора был составлен Боэмундом по его «собственному выбору и усмотрению»⁸.

Если же отвлечься от клятвенных заверений Боэмунда в верной службе, то бросится в глаза, что через весь договор проходит несколько основных тем. Уступая требованиям императора в одних пунктах, Боэмунд в других местах настойчиво отстаивает собственные интересы. Он обязуется не только нести, как отмечено выше, военную службу (§ 2, 4, 5 и др.), но также оберегать от посягательств земли императора (§ 7), передавать Алексею все захваченные территории (§ 8, 11) и подчинить ему своих вассалов (§ 13, 15, 17). Он также выговаривает со стороны Империи обязательство твердо соблюдать границы его владений (§ 18—19), компенсацию за отнятые у него в результате поражений территории (§ 23—24) и детально обуславливает получение из императорской казны ежегодной выдачи 200 литр золота (§ 25—26). Таким образом, во своему содержанию договор свидетельствует не только о покорности Боэмунда, о подчинении власти императора, но и о сохранении им известных прав и привилегий. Алексей I был вынужден согласиться с сохранением за Боэмундом всех этих прав, ибо по существу он добился основного: в договоре был закреплён переход Антиохии под верховенство Империи, император заручился военной поддержкой князя в борьбе с мусульманскими властителями, и, наконец, антиохийская церковь была полностью подчинена константинопольской патриархии (§ 20). Довольствуясь этими приобретениями, византийское правительство позволило Боэмунду оставить за собой известную сумму прав по отношению к Империи.

⁷ П. А. Яковенко. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на Хиосе. Юрьев, 1917, стр. 64—86.

⁸ А n n e C o m p è n e. *Alexiade*, t. III, p. 125.8.

Договор сообщает и греческие термины, оформляющие договорные отношения между Боэмундом и императором. Текст его пестрит упоминаниями «ἀνδροπος» «λίσιος» и «δοῦλος»⁹. За первым из них уже с X в. закрепляется смысл «вассал»¹⁰, второй является западным *ligius* в греческой передаче, наконец, термин «ὄποχείριος», который Анна употребляет в начале договора, ближе к понятию «вассал», чем к понятию «подданный». Создается впечатление, что, подписав договор с Боэмундом, император Алексей Комнин санкционировал введение в политическую практику Империи норм западного вассалитета, впрочем, заметно модифицированных при соприкосновении с византийской действительностью. Так, в тексте договора мы не только не обнаруживаем хорошо известного на Западе Европы принципа «вассал моего вассала — не мой вассал», напротив, в договоре можно найти прямые уклонения от этого правила. Боэмунд прямо заявляет, что приведет своих вассалов, как сопровождающих его в походе на Балканы, так и находящихся в Сирии, к присяге на верность императору, своему сеньору. При этом речь идет не только рыцарях (всадниках и «каваллариях»¹¹), обязанных Боэмунду военной службой, но и о людях, «владеющих землей по моему праву» (ἐμφ' δικαίῳ), как заявляет Боэмунд, т. е. связанных с ним поземельными держательскими отношениями. Устанавливается непосредственная связь высших и низших ступеней вассальной лестницы, не известная классической иерархии¹².

При этом не следует предполагать, что Боэмунд соглашается на установление связи своими вассалами и императором, считая себя уже несуществующим звеном феодальной иерархии. После подписания договора он действительно отошел от государственной деятельности, но в момент его подписания он бдительно стоит на страже своих прав. Он договаривается о точных границах владений, требует (и получает!) территориальную компенсацию, выговаривает ежегодные субсидии. На каждом шагу рядом с изъявлениями покорности и обещаниями верной службы Боэмунд стремится удовлетворить свои интересы. Поэтому мы полагаем, что связь вассалов князя с императором, отраженная в договоре, была вызвана отнюдь не тем, что Боэмунд считал себя выбывшим из политической игры, но явилась тем изменением, которое внесла византийская действительность в систему западноевропейского вассалитета, результатом приспособления этой системы к условиям централизованного Византийского государства.

Значительный интерес представляет в договоре характеристика территориального размежевания, взаимных уступок и приобретений Империи и Антиохийского княжества. Решить этот вопрос нелегко, ибо греческая топонимика с трудом поддается иденти-

⁹ Мы отказались от соблазна перевести *δοῦλος* как «раб» по ряду соображений. Прежде всего, даже в исконно, византийских текстах *δοῦλεῖα* начиная с X в. все чаще обозначает службу. Ясно также, что характеристика «раб» даже в фигуральном смысле не применима к владетельному князю. И, наконец, даже Б. Лейб и Э. Дауэс, переводчики Анны, обычно передающие *δοῦλος* как «раб» [*l'esclave* — В. Leib, p. 126; *slave* — *The Alexiade of the princess Anna Comnena*, transl. by E. Dawes (далее — E. D a w e s). London, 1928, p. 349], выражение *δοῦλος πιστός* считают необходимым перевести словами «верный слуга».

¹⁰ А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 118.

¹¹ Ф. Дэльгер считает, что *καβαλλάριος* это нем. Ritter. (F. D ö l g e r. *Byzantinische Diplomatie*. Ettal, 1956, S. 395, Anm. 41).

¹² Таким образом, С. Рэнсимен оказывается неправ, утверждая, что договор 1108 г. фиксирует вассальные обязательства Боэмунда в соответствии с латинскими обычаями (S. R u n s i m e n. *Op. cit.*, p. 51). Напротив, порядок вассальной зависимости, принятый в договоре, должен был заметно отличаться от иерархии латинских государств на Востоке, бывшей «классическим выражением феодального порядка» (см. письмо Ф. Энгельса К. Шмидту от 12 марта 1895 г. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Избранные письма. М., 1948, стр. 484).

фикация¹³. Исследователи средневековой сирийской топографии¹⁴ или ученые, изучающие эпоху крестовых походов¹⁵, оперируют либо арабскими и турецкими, либо античными названиями, воскресшими в средневековой латинской терминологии, очень часто не зная их византийских эквивалентов¹⁶. Подробную локализацию упоминаемых в тексте названий мы даем в комментарии, здесь же мы считаем необходимым в самых общих чертах обрисовать положение в Северной Сирии, сложившееся в результате договора 1108 г. За Боэмундом осталась значительная часть его владений, сравнительно компактно расположенная вокруг Антиохии, и почти вся долина Оронта. Исключением здесь является лишь Германикия, Дулук и фема Зуме, расположенные значительно севернее, в верховьях р. Пирамис. Такое необычное расположение владений объясняется, по всей видимости, тем, что прежняя территория княжества вначале была расположена обширным полукольцом вокруг залива Александретты. Успехи византийских войск в кампанию 1104 г. лишили Боэмунда северо-западной части этого полукольца с городами Тарс, Адана, Аназарб, Мамистра. Договор 1108 г. закрепил эту утрату, и у Боэмунда остался в руках кусок восточного полукольца — далекая Германикия и Дулук с расположенной неподалеку фемой Зуме, представляющие интерес лишь постольку, поскольку они контролировали дорогу на Эдессу. Параграфы 23—24 договора, где говорится о новых землях, полученных Боэмундом в порядке возмещения за утраченные территории, показывают, что это направление — на Эдессу — приобрело для Боэмунда новый смысл.

Княжество оказалось почти полностью отрезанным от моря. Помимо киликийского порта Аданы, Империя захватила почти все сирийское побережье с городами Латакия, Гавал, Антарад (Торгоса). В руках антиохийских рыцарей остался один лишь Суэтий, потерять который значило лишиться последней связи с Западной Европой. Таким образом, если Византия когда-либо ставила перед собой задачу отрезать крестоносцев в Северной Сирии от моря, то, судя по Девольскому пакту, эта задача была выполнена почти полностью.

Для Боэмунда, оказавшегося в таком положении, существенное значение должна была приобрести задача компенсировать себя новыми территориальными захватами. К сожалению, большинство названий в той части договора, которая повествует о землях, заново полученных Боэмундом, почти не поддается расшифровке. Удаётся лишь четко определить, что Боэмунд недвусмысленно заявляет о своих правах на области Алеппо и Эдессы (§ 24—25). Кроме того, обращают на себя внимание три места с одинаковым названием «Тилий» (Τίλια). По нашему мнению, это не что иное, как арабское «Tell» — холм, т. е. речь идет о районах, где преобладает арабская топонимика, о районах глубинной Сирии. Невозможность локализовать большую часть тех названий, которые числятся в договоре за Боэмундом, свидетельствует о том, что имеются в виду области, где местные географические названия не имели греческих эквивалентов.

Закончив перечисление местностей, находящихся в «ближней Сирии», Боэмунд договаривается с императором о получении фемы Аэт и фемы Лимниев, расположенных вблизи города Эдессы. К тому же названия некоторых мест из числа полученных Боэмундом удаётся разыскать лишь далеко к востоку от Эдессы. Создается впечатление, что Боэмунд не только притязает на власть в Эдессе, но и окружает город своими

¹³ Попытка Ф. Шаландона (F. Chalandon. Op. cit., t. I, p. 247 sq.) решить эту задачу оказалась неудачной (см. E. Honigmann. Op. cit., S. 126, Anm. 2). Б. Лейб, как он сам это признает, следует за Ф. Шаландоном (B. Leib, p. 133, n. 2).

¹⁴ R. Dussaud. Topographie historique de la Syrie antique et médiévale. Paris, 1927.

¹⁵ R. C. Smail. Crusading Warfare. Cambridge, 1956.

¹⁶ Особенно характерна в этом отношении работа: K. M. Setton and M. W. Baldwin. A History of the Crusades, авторы которой не знают, что классический Syetios — это средневековый Saint-Symeon, крупный порт в устье Оронта, что р. Пирамис — это греческий "Ερμων и т. д.

владениями. Объяснение здесь напрашивается само собой: стоит лишь вспомнить, что, по сообщению западных хронистов, разгром крестоносцев под Харраном был вызван ссорой Боэмунда и графа эдесского Балдуина, а после битвы поавший в плен граф был оставлен Боэмундом без выкупа¹⁷. Таким образом, Боэмунд, враг графа эдесского Балдуина, мог смело считать себя его наследником в Эдессе¹⁸. Обилие же арабских названий, часть которых удается локализовать лишь вблизи Евфрата, говорит о новых, более далеких планах Боэмунда на Востоке. Утратив Киликию и сирийское побережье, он должен был вознаградить себя в другом районе. Мы позволяем себе высказать предположение, что этим районом были не только области Эдессы и Алеппо, но и месопотамские фемы в направлении Алеппо — Мосул.

Остается выяснить, насколько действенным оказался Девольский договор 1108 г. Известно, что Танкред не признал соглашения с императором, а Боэмунд не предпринял никаких попыток принудить его к этому. Таким образом, все обязательства, торжественно принятые Боэмундом, остались на бумаге. Но дает ли это основание отрицать какую-либо историческую значимость Девольского договора? Отнюдь нет. Во-первых, самый факт подписания подобного договора побежденным и признавшим свое поражение князем Боэмундом сыграл поворотную роль в отношениях Империи с норманским государством в Южной Италии. Огнь для Византии исчезает угроза норманского вторжения на Балканы, и положение в районе Адриатики стабилизируется.

Во-вторых, как явствует из текста договора (§ 1), он отменил де-юре вассальную присягу Боэмунда, принесенную им императору вместе с вождями первого похода в 1096—весной 1097 г., и создал новую правовую основу в отношениях между Империей и латинскими государствами в Сирии, что дало возможность константинопольскому правительству в своих будущих действиях в этом районе ссылаться на Девольский пакт. Первый раз правительство Империи вспомнило о нем в 1111—1113 гг., безуспешно пытаясь с помощью иерусалимского короля заставить Танкреда выполнить условия договора 1108 г. Следующую, более серьезную попытку Византия предприняла в 1137 г., когда войска Иоанна Комнина заставили капитулировать Раймунда Антиохийского. Император не настаивал на въезде в город, но он потребовал принесения присяги и возобновления вассальных отношений по образцу тех, что были закреплены в договоре 1108 г.¹⁹ Девольский пакт был снова вызван к жизни. Разумеется, о нем вспомнили лишь в силу необходимости: крестоносцам было важно сохранить свои владения в Северной Сирии, а Иоанн нуждался в помощи рыцарей для борьбы с мусульманами. Но как бы то ни было, Девольский договор, даже не будучи проведенным в жизнь, создал правовую основу византийской политики в Северной Сирии в течение первой трети XII в.

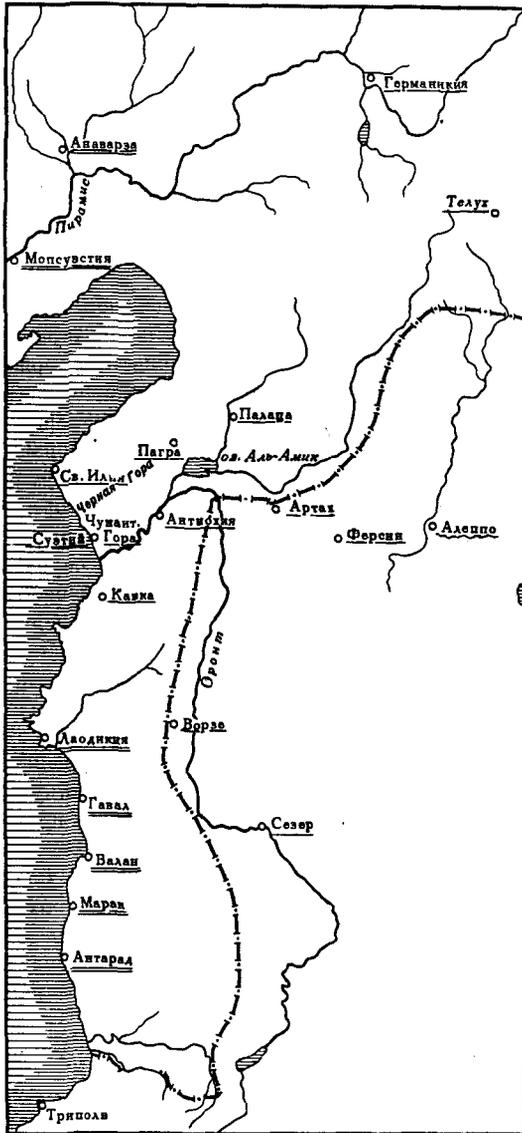
* * *

1. Предыдущий договор¹, который я заключил с твоим боговенчаным владычеством², когда останавливался вместе с многочисленным франкским войском в царственном городе, направляясь из Европы в Азию для освобождения Иерусалима, стал недействителен в результате превратностей судьбы — поэтому пусть он будет отменен и не имеет силы, ибо фактически он расторгнут самим изменившимся положением вещей. Твоя царственность не должна иметь ко мне никаких притязаний и опираться на пункты и условия прежнего договора. Ведь когда я объявил войну твоему от бога владычеству³ и нарушил соглашение, вместе с ним потеряли силу и обвинения твоего владычества против меня. Теперь же, как бы раскаявшись, подобно обътому ужасом рыболову⁴, я вновь обрел разум и чуть ли не стал благоразумнее благодаря твоему копыю. Поскольку ты решил взять меня под свою десницу и сделать своим вассалом, я, помня поражения и битвы прежнего времени, намереваюсь заключить с твоим влады-

¹⁷ Alberti A quensis Liber. . . , lib. IX, cap. 38—42, p. 614—616; Fulcherii Carnotensis Historia. . . , lib. II, cap. 27, 1—13, p. 477.

¹⁸ См. изложение событий у С. Рэнсимена (op. cit., p. 43—45).

¹⁹ S. Runciman. Op. cit., p. 213—214.

Византийские владения в Сирии и Антиохийское княжество по договору 1108 г.
(по Э. Хонигману)

— — — — — Граница византийских владений в Сирии в пору наибольших политических успехов империи в конце X в.; Ферсия — названия местностей, оставленных за Боэмундом; Гавал — местности, отошедшие к империи; Алеппо — местности, полученные Боэмундом в порядке компенсации. Масштаб — 1 : 850 000

эти земли и города приношу свою верность вашей царственности: твоей, великого самодержца кира Алексея Комнина, и твоего трижды дорогого сына и императора кира Иоанна; эту верность я обещаю сохранять неизменной и непоколебимой как надежный якорь. 4. Для того, чтобы я яснее повторить свое обещание и сохранить имена подписавших соглашение, повторяю: я, Боэмунд, сын Роберта Гвискара, вступаю в соглашение

честью новый договор в том, что становлюсь вассалом твоего скипетра⁵, или, говоря яснее и четче, слугой и подвластным⁶. 2. И вот отныне, согласно этому второму договору, который я желаю соблюдать вечно, в чем клянусь богом и всеми его святыми, при свидетельстве которых произносится и пишется это соглашение, я буду верным человеком твоей царственности и твоего горячо любимого сына — императора Иоанна Порфирородного. Я выступлю с оружием в руках против любого противника твоего владычества вне зависимости от того, будет поднявший на тебя руку христианского рода или же врагом нашей веры⁷, из числа тех, кого мы называем язычниками. Итак, из того, что содержалось в упомянутом ранее договоре, я извлекаю, считаю действительным и твердо сохраняю только один пункт, удовлетворяющий обе стороны — вашу царственность и меня: я буду слугой и вассалом твоей царственности и царственности твоего сына: в то время как остальные пункты договора упразднены, я как бы восстанавливаю это потерявшее силу соглашение и, что бы ни случилось, не буду отменять его. Не будет причины, ни явного или тайного средства, благодаря которым я мог бы оказаться нарушителем договора и нынешнего соглашения. 3. Но по хрисовулу твоей царственности я получаю в восточных областях землю, которая будет теперь ясно здесь названа; в хрисовуле твое владычество подпишется красными чернилами⁸, с него будет снята и вручена мне копия; принимая данную мне землю как дар вашей царственности и владея на основании хрисовула этим даром, я в качестве вознаграждения за

с вашим владычеством, и я решил твердо придерживаться этого соглашения с вашей царственностью (т. е. с тобой, киром Алексеем, ромейским самодержцем, и твоим порфиородным сыном— императором) в том, что буду истинным и верным вассалом, пока дышу и принадлежу к числу живых. Я выступлю с оружием в руках против всех врагов, которые появятся в будущем у вас и вашей царственности, навеки священные августы императоры Ромейской державы. 5. И если вы мне прикажете, я буду со всем своим войском безоговорочно служить вам и делать все, что будет необходимо. Если же появятся враги вашего владычества, если только они не будут подобны бессмертным ангелам, не будут неуязвимы для наших коней и тела их не будут стальными, я буду сражаться против них ради вашей царственности. Если только я буду здоров и свободен от войны с варварами и турками, я сам во главе войска буду сражаться в войне за вас. Если же мне помешает, как это часто случается с людьми, тяжелая болезнь или война настоятельно потребует моего участия, тогда я обещаю оказать вам сильную поддержку, отправив своих самых храбрых людей, которые восполнят мое отсутствие. Ведь истинная верность, в которой я сегодня клянусь вашей царственности, и состоит в том, что я, как уже говорилось, буду сам или же через своих людей неуклонно выполнять условия договора. 6. Я клянусь соблюдать договор в целом и в частностях и верно оберегать ваше владычество и вашу жизнь, я подразумеваю здешнюю, земную жизнь⁹. За вашу жизнь я буду стоять с оружием в руках как кованая железная стагья. Я распространяю эту клятву на ваше императорское достоинство и ваши императорские тела, если только будет замышляться против них зло каким-нибудь нечестивым врагом, которого я смогу уничтожить и отвратить от злого дела. Это относится также ко всем вашим землям и городам, большим и малым, к островам и вообще ко всей находящейся под вашим скипетром территории, на суше и на море, от Адриатического моря до всего Востока, и вдоль большой Азии, где простираются ромейские пределы. 7. Кроме того, я соглашаюсь, да услышит господь это соглашение и станет его свидетелем, никогда не захватывать и не присваивать никакой отошедшей сейчас или ранее под вашу власть области, города или острова и вообще никакой территории на Востоке и Западе, которой владела или владеет сейчас константинопольская империя: исключение составляют те области, которые были определенно подарены мне вашим от бога владычеством и которые поименно будут перечислены в настоящем письменном соглашении¹⁰. 8. Но если мне удастся захватить землю, бывшую некогда владением этой империи, и изгнать оттуда ее властителей, то я должен предоставить распоряжение ею на ваше усмотрение. В том случае если вы пожелаете, чтобы я как ваш вассал и верный слуга управлял захваченной землей, пусть будет так. Если же нет, то я без всяких колебаний передам ее тому, кого пожелает назначить ваша царственность. Ни от кого другого я не соглашусь принять землю, город или городок¹¹, которые некогда находились под властью империи; все, что было вашим, захваченное в результате осады или без осады, вновь станет вашим, и я не буду по этому поводу иметь ни малейших претензий. 9. Я не возьму клятвы ни с одного христианина и не дам ее никому, я не заключу никакого соглашения, которое могло бы принести вред и нанести ущерб вам и вашей империи. Я не стану без твоего согласия вассалом другого человека¹² или другого государства, большого или малого; одна власть у меня, которой я обещаю служить: твоя царственность и царственность твоего трижды дорогого сына. 10. А если явятся ко мне люди твоей царственности, поднявшие мятеж против твоего владычества, и пожелают служить мне, то я буду их ненавидеть, отвергну их предложения и, более того, выступлю против них с оружием в руках. Остальных же варваров, желающих встать под мои знамена, я приму, однако не от своего лица¹³, а заставлю их принести клятву тебе и твоему трижды дорогому сыну; их земли я возьму от имени вашей царственности и обещаю поэтому беспрекословно выполнять все приказы относительно этих земель. 11. Это относится к городам и землям, которые находились ранее под ромейским скипетром. Что же касается тех земель, которые никогда не были в повиновении у Романии, то я клятвенно обещаю, что все их, как доставшиеся мне без войны, так и в результате войны и сражений, я буду расценивать как данные мне вашей царственностью, будь они турецкими или армянскими, или, как сказали

бы люди, знающие наш язык, языческими или христианскими. Если же ко мне явятся какие-либо выходцы из этих племен и пожелают служить мне, то я приму их только при том условии, что и они станут людьми вашей царственности. На них будут распространяться мой договор с вашей царственностью и принесенные мною клятвы. Те из них, кого вы, во веки священные императоры, пожелаете подчинить моей власти, пусть будут подчинены мне, тех же, кого вы пожелаете, чтобы я послал к вашему владычеству, я с их согласия отправлю, если же они не захотят и откажутся служить вам, то и я не приму их. 12. С племянником моим Танкредом, если он не пожелает отказаться от ненависти к вашей царственности¹⁴ и не освободит из-под своей власти города вашей империи, я буду вести непримиримую борьбу. После того как, пожелает он того или не пожелает, города будут освобождены, я, с разрешения вашего владычества, буду властвовать над тем, что даровано мне хрисовулом и что будет здесь точно перечислено. Другие же города — в том числе Лаодикия в Сирии, — за исключением дарованных мне, будут присоединены к вашим владениям. Я никогда не приму беженцев из вашей империи, отправлю их назад и заставлю вернуться в вашу империю. 13. К тому же, дабы сделать договор более надежным, я в добавление к выше-сказанному обещаю следующее. Чтобы это соглашение навеки осталось незыблемым и непоколебимым, я согласен представить поручителями моих людей, которые должны будут по моему праву¹⁵ владеть дарованными мне твоей царственностью землей, городами и городками (последние будут здесь поименно перечислены). Я их обяжу страшной клятвой хранить истинную верность вашему владычеству и точно соблюдать все, чего требуют ромейские законы и что записано в настоящем договоре. Я заставлю их покаяться небесными силами и неотвратимым гневом божьим в том, что если (да не быть этому! Не допустите этого, о Спаситель, о справедливость божия!) я когда-нибудь замыслию что-либо против вашей царственности, они прежде всего будут на протяжении сорока дней¹⁶ всеми способами стараться обратить меня, возгордившегося, к верности вашей царственности. Это произойдет, если это вообще может произойти, только тогда, когда безумие и бешенство обуют меня или я явно лишусь рассудка. Если же я буду упорствовать в своем безумии, неуклонно отвергая их увещания, и бурный поток бешества охватит мою душу, они отрекутся от меня и передадут вашему владычеству свою руку, мысль и землю, которой владели по моему праву; они заберут их из-под моей власти и вручат вам и вашей стороне. 14. Они будут обязаны клятвой сохранять верность, покорность и преданность, какие и я согласился блюсти по отношению к вам; если же они узнают о каких-либо заговорщиках и смутьянах, то с оружием в руках должны будут выступить за вашу жизнь и земную честь и непрестанно сражаться за ваши царственные особы, дабы не понесли они ущерба ни от какого врага. Я кланюсь и призываю в свидетели бога, людей и высших ангелов, что я, обязав их страшными клятвами, заставлю совершать и делать все, что в их силах. Что же касается ваших крепостей, городов, земель и вообще всех областей, находящихся под вашей властью, которые расположены на Западе или лежат на Востоке, то мои люди клятвенно признают то соглашение, которое я заключил с вами. Они будут это делать как при моей жизни, так и после смерти. Ваше владычество будет в их лице иметь подвластных себе людей и пользоваться ими как верными слугами¹⁷. 15. Те из моих людей, которые оказались здесь и находятся со мной, немедленно принесут клятву верности и заключат соглашение с вами, севастами: с тобой, киром Алексеем, ромейским самодержцем, и с твоим порфирородным сыном — императором. Что же касается тех из моих всадников и тяжеловооруженных воинов, именуемых у нас обычно каваллориями¹⁸, которые сейчас отсутствуют, то пусть твоя царственность отправит человека в Антиохию, и они принесут там ту же самую клятву; посланный твоей царственностью примет ее. Я же со своей стороны, кланюсь тебе в этом, заставлю этих мужей дать клятву и заключить то же соглашение без всяких изменений. К тому же я соглашаюсь и кланюсь в том, что если ваша царственность пожелает поднять оружие и начать войну с теми, кто владеет городами и землями, принадлежавшими некогда константинопольской империи, то и я сделаю то же самое и с оружием в руках выступлю против них¹⁹. С теми же, против кого у тебя нет желания выставить войска, не будем воевать и мы.

Ведь мы решили во всем служить вашему владычеству и ставить всякое свое деяние и желание в зависимость от воли твоей царственности. 16. Если же перебежчики сарацины и исмаилиты явятся к твоей царственности и сдадут свои города, то я не буду им препятствовать и стараться привлечь их на свою сторону, за исключением тех, что обратятся к твоему владычеству, вынужденные сделать это моим оружием, и, доведенные до крайности, в момент опасности будут пытаться перейти к тебе, чтобы обеспечить себе спасение. Но всех этих и тех, кто, опасаясь франкского оружия и стремясь избежать грозящей смерти, призовет на помощь вашу священную царственность²⁰. . . не по этой причине будете вы претендовать на пленных, но, разумеется, только на тех, которые явятся в услужение к вам добровольно, а не вынужденные сделать это нашими трудами и усилиями. 17. К тому же я согласен в том, что те воины, которые пожелают вместе со мной переправиться из Лонгивардии²¹ через Адриатическое море, должны дать клятву и согласиться служить твоей царственности; клятву у них всех примет, разумеется, человек нашего владычества, которого вы для этой цели сами отправите на противоположный берег Адриатического моря. Если же кто-нибудь откажется дать клятву, то я вообще не позволю ему переправиться, как не желающему быть нашим единомышленником. 18. Нужно также, чтобы подаренные мне твоим от бога владычеством по хрисовулу области и города были обозначены в настоящей записи. Вот они: город Антиоха в Келесирии с укреплениями²², владениями и самим расположенным на берегу моря Суэтием²³, Дукс²⁴, включая его владения с Кавкой²⁵ и Лулом²⁶, Удивительная Гора²⁷, Ферсии²⁸ со всеми подвластными им областями, стратигида Святой Илия²⁹ с подвластными ей городками, стратигида Ворзе³⁰ и подвластные ей городки, вся область вокруг стратигиды Сезер, которую греки называют Лариссой³¹, а также стратигиды Артах³² и Телух³³ с их окрестностями; вместе с ними Германикия³⁴ и подвластные ей городки, Черная Гора³⁵ и все подчиненные ей крепости и вся лежащая под ней долина, разумеется, за исключением владений Льва и Феодора Рупениев, армян — подданных вашего владычества; кроме выше перечисленных, стратигат³⁶ Пагра³⁷, стратигат Палаца³⁸, фема Зуме³⁹ и все подвластные им крепости, городки и принадлежащие им области. 19. Все эти земли как дарованные мне до конца жизни божественным владычеством перечисляются и в хрисовуле вашей царственности; после же моего переселения из этого мира они должны будут вернуться под власть нового Рима, города-царя⁴⁰ Константинополя; при этом я должен через вас, вечно священных августов императоров, в чистоте хранить непоколебимую верность и доброе расположение к владычеству и престолу этого города и быть слугой и вассалом⁴¹ императорского жезла. 20. Я соглашаюсь и клянусь в этом богом, почитаемым в антиохийской церкви, что антиохийским патриархом не будет человек нашего племени, но тот, кого ваша царственность назначит из сынов великой константинопольской церкви; ваш посланец займет антиохийский престол и будет делать все, что подобает первосвященнику в хиротонии и других церковных делах согласно привилегиям этого престола. 21. Были также отторгнутые вашей царственностью от владений князя города Антиохии области, которые вы пожелали целиком взять под свою власть. Вот они: Фема Поданд. . .⁴², кроме того, стратигат города Тарса⁴³, город Адана⁴⁴, Мопсуэстия⁴⁵, Анаварза⁴⁶ и, коротко говоря, вся та часть Киликии, которая расположена между Кидном⁴⁷ и Гермоном⁴⁸. Кроме того, стратигида Лаодикия⁴⁹ в Сирии, разумеется, стратигат Гавал, который мы на варварский манер называем Зевел⁵⁰, стратигаты Валана⁵¹ и Марака⁵², а также Антарад вместе с Антартом⁵³ (это две стратигиды). Это все области, которые ваша царственность отняла от владений князя Антиохии и, отделив их, включила в круг своих владений. Я доволен тем, что мне даровано, и не оспариваю то, что отнято. 22. Я буду придерживаться прав и привилегий, которые получил от вас, и не буду претендовать на те, которые не получил. Я не переступлю границ, но, как уже говорилось, до конца жизни останусь в пределах дарованной мне территории, владея и пользуясь ею. После моей смерти (и это уже было записано выше) эти области вновь будут присоединены к тому государству, из которого они мне были выделены. Выражая последнюю волю, я прикажу управляющим и своим людям⁵⁴, чтобы они отдали все упомянутые земли под власть

Ромейской державы, не тщились получить их обратно и не затевали из-за них никаких распрей. Я клянусь и подтверждаю свое соглашение в том, что они без промедления и колебаний выполняют приказ. 23. Кроме того, пусть будет прибавлено к соглашению следующее: ввиду того, что я просил ваш престол возместить мне отнятое вашим владычеством из-под власти Антиохии и ее княжества и об этом же просили вашу царственность паломники⁵⁵, ваше владычество согласилось в качестве возмещения предоставить мне фемы, области и города, лежащие на Востоке. 24. Здесь нужно упомянуть и их названия, чтобы твоя царственность не питала никаких сомнений, а я имел то, о чем просил. Вот они: фема всей области Касиотида⁵⁶, чьим главным городом является Верея и которая на варварском языке называется Алеппо, фема Лапары⁵⁷ и все входящие в нее городки (Пласты, крепость Хоний, Ромайны, крепость Арамис, городок Амира, крепость Сарван⁵⁸, укрепление Телхампсон⁵⁹). Кроме того, три Тилия (Славотилий и два других), укрепление Сген, крепость Калциер; к тому же следующие городки: Коммермоери, Кафисмат, Сарсап и маленький городок Некра⁶⁰. Это все фемы, расположенные в Ближней Сирии. Из месопотамских же фем, находящихся вблизи города Эдессы: фема Лимниев и фема Аэт, обе со всеми своими укреплениями. 25. Нельзя оставить здесь без упоминания вопрос об Эдессе и талантах, назначенных мне твоим хранимым богом владычеством для ежегодной выплаты, я имею в виду двести литр в монетах чеканки Михаила⁶¹. Ведь, кроме прочего, священным хрисовулом вашей царственности мне было отдано и графство. . .⁶² в целом вместе со всеми подвластными ему укреплениями и землями, причем графская власть вручена не только мне, но по священному хрисовулу я имею право передать ее тому, кому сам пожелаю, если, разумеется, тот, кто ее получит, будет подчиняться приказам и воле вашей царственности, как вассал той же власти и той же империи, и будет разделять и признавать мое соглашение с вами. 26. Вместе с тем с этого времени, после того как я стал вашим человеком и принадлежу к сфере вашего владычества, я должен получать из императорской казны в качестве ежегодного дара двести талантов в монетах настоящего качества, имеющих изображение прежнего императора кира Михаила. Они будут доставляться мне послом, которого я буду с письмом посылать к вам в царственный город из Сирии, чтобы он получал для меня эти деньги. 27. Вы, навеки священные императоры, севасты и августы Ромейской державы будете, разумеется, соблюдать все записанное в хрисовуле вашей священной царственности и будете выполнять свои обещания. Я со своей стороны подкрепляю свой договор с вами следующей клятвой. Я клянусь страстями недоступного страданиям спасителя нашего Христа, непобедимым крестом его, который он принял ради спасения всех, и этими святейшими евангелиями, уловившими весь мир в свои тенета; держа их в руках и мысленно присовокупляя к ним крест Христа, драгоценный терновый венок, гвозди и копьё, пронзившее его божественный животворный бок, я клянусь тебе, могущественный и святой наш император господин Алексей Комнин, и разделяющему с тобой власть трижды дорогому кире Иоанну Порфирородному в том, что буду придерживаться всех соглашений и слов, слетевших с моих уст, и во все времена буду соблюдать их. Я клянусь, что забочусь сейчас и впредь буду заботиться о благе вашего владычества, что не допущу и мысли о ненависти и коварстве по отношению к вам, но останусь верен заключенным мною соглашениям, никоим образом не преступлю данной вам клятвы, не откажусь от обещаний и не буду замышлять ничего недружелюбного — ни я сам, ни все те, кто находится в моей власти и входят в состав моего воинства. Но мы облачимся в доспехи и выступим с оружием и копьями в руках против твоих врагов, а твоим друзьям протянем руку⁶³. Я буду всегда мыслить и поступать на благо и ради чести Ромейского государства. Пусть мне поможет в этом бог, крест и святые евангелия. 28. Такое было записано, и даны клятвы в присутствии поставивших свои подписи свидетелей в сентябре месяце второго индикта в конце 6617 года. При свершении этого присутствовали следующие свидетели, поставившие свои подписи: любезные богу епископ Амальфи Мавр и епископ Тарента Ренар вместе со своими клириками; богобоязненный аббат священного монастыря святого Андрея, расположенного в Лонгивардии на острове Бриндиз, и два монаха этого же монастыря; начальники паломников, которые подписались

собственноручно, а их имена были выведены рядом с их подписями рукой любезного богу епископа Амальфи, который прибыл к самодержцу как папский посол. От императорского двора присутствовали: севаст Марин, сын Дагоберта Рожер, Петр Алифа, Вильгельм Ганд, Ричард де Принчипато, Жофруа Мали, сын Рауля Умберт, Павел Римлянин⁶⁴, явившиеся из Дакии посланники от краля и зятя императора⁶⁵ жупан Пер, Симон и посланники Ричарда Сенешаля, новеллссим Василий-евнух и нотариус Константин. Такую письменную клятву самодержец взял у Боэмунда и вручил ему в ответ упомянутый выше хрисовул, подписанный, как полагается, киноварью императорской рукой.

ПРИМЕЧАНИЯ

Разбивка на параграфы дается по изданию: Anne Comnène. *Alexiade* *gègne de l'empereur Alexis I Comnène*, t. III (livres XI—XV). Ed. B. Leib. Paris, 1945.

1. Боэмунд имеет в виду договор, заключенный крестоносцами с императором Алексеем в 1096 г., во время Первого крестового похода (см. Аппа, X, 11).

2. *κράτος σου* (E. Dawes, p. 348: Majesty — «величество»).

3. Боэмунд, по всей видимости, имеет в виду свой призыв к крестовому походу против Империи в 1105 г. (см. Г. Острогорски. *История на Византија*. Београд, 1956, стр. 345), хотя военные действия между ними начались еще в 1099 г. (E. Honigmann. *Op. cit.*, S. 124).

4. Лука, гл. 5, ст. 9.

5. *λίσιος ἄνθρωπος τοῦ σκήπτρου σου*. *λίσιος ἄνθρωπος* мы здесь и далее переводим как «вассал» (E. Dawes, p. 349—ligeman), а слово *ἄνθρωπος* — как «человек», хотя и здесь имеется в виду вассал (см. вступ. статью).

6. *οἰκέτην καὶ ὑποχείριον* (B. Leib, p. 125: *serviteur et sujet*). В данном случае нам казалось более уместным перевести *ὑποχείριος* как «подвластный», а не «вассал» (см. К. Я. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII веке. Варшава, 1889).

7. Слово *αὐλή* употреблено здесь явно в смысле «религия», «вера» и в этом значении встречается у Анны еще раз (*τῆς ἡμετέρας αὐλῆς*. — B. Leib, 179.14). Э. Дауэс переводит *αὐλή* буквально — «двор» (*court* — E. Dawes, p. 349, 384), с чем мы не можем согласиться. Б. Лейб (p. 126, 179) переводит это слово совершенно верно как «религия». Употребление Анной *αὐλή* в смысле «религия» весьма характерно: Анна стремится убедить читателя в тождественности понятий «двор» и «церковь». Но именно это стремление и внушает подозрение, что в действительности дело обстоит иначе (О «дезарепапизме» в Византии см. А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин и З. В. Удалцова. *Византия и Запад в современной буржуазной историографии*. Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959, стр. 431 и сл.).

8. Красными чернилами подписывались императорские грамоты (см. П. А. Яковенко. Исследования в области византийских грамот, стр. 64).

9. Даем описательный перевод греческой фразы *Ὁρθὴν τε πίστιν φυλάττειν διόμωμι καὶ καθόλου καὶ κατὰ μέρος ὑπὲρ τοῦ ἡμετέρου κράτους καὶ τῆς ἡμετέρας ζωῆς*. Точный перевод: «Я клянусь соблюдать истинную верность в целом и в частности по отношению к вашему владычеству и вашей жизни».

10. *ἐν τῷ... ἐγγράφῳ*. Это первый случай, когда Боэмунд называет составленный от его имени документ.

11. *πολίχνιον*. Мы переводим это слово как «городок», хотя у Анны оно чаще всего обозначает «крепость», для того чтобы сохранить различие терминов писательницы: *πολίχνιον*, *φρούριον*, *κάστρον*, *καστέλλιον*.

12. В тексте *ἄνθρωπος ἑτέρου*, т. е. «человек другого». Мы сочли стилистически более правильным перевести «вассал».

13. *τοὺς δὲ ἄλλους βαρβάρους ἐθέλοντας δὲ ὅμως ὑπὸ τὸ ἐμὸν δόρυ γίνεσθαι, δεξαίτην μὲν, ἀλλ' οὐκ ἰδίῳ προσώπῳ*. Рейффершайд в своем издании обозначает лауну между *βαρβάρους* и *ἐθέλοντας*, считая, что исчезли слова, поясняющие, что речь идет о варварах, не подчиненных Византии. Но этот смысл уже заключен в определении *τοὺς ἄλλους*, т. е. другие, а не те, о которых говорилось в предыдущей фразе. Поэтому предполагать здесь лауну необязательно.

14. Как известно, Танкред, племянник Боэмунда, неоднократно участвовал в войнах с Византией на стороне своего дяди, и слова о его «ненависти» звучат в устах Боэмунда несколько неожиданно. Танкред так и не подчинился условиям договора, остался властителем Антиохии после отъезда Боэмунда в Италию,

и никакой борьбы последний с ним не вел (см. S. Runciman. Op. cit., p. 53—55).

15. ἐνφ' δικαίῳ κατέχειν. См. также § 13. На этот раз в роли сеньора выступает Боэмунд (см. прим. 14). Он является носителем права собственности (в смысле *dominium utile*).

16. Cp. Otto Frisingensis Gesta Friderici imperatoris, lib. I, cap. 34. MGH Scriptorum, 1884.

17. καὶ ἔξει καὶ τούτους τὸ κράτος ὑμῶν ἀνθρώπους ὑποχερίους καὶ χρήσει τοῦτοις ὅσα καὶ ὑπέρτατις πιστοῖς.

18. καβαλλάριους, т. е. рыцарями (F. Dölger. Byzantinische Diplomantik, S. 395, Anm. 41).

19. προσέτι συμφωνῶ καὶ ἐπόμυμι ὡς ἄρα καθ' ὃν μὲν ἀν βούληται ἡ βασιλεία ὑμῶν τῶν κατεχόντων πόλεις καὶ χώρας, αἱ ποτε ὑπέκειντο τῇ βασιλείᾳ τῆς Κωνσταντινουπόλεως, ἀντάραξαι χεῖρας καὶ ξυγκροτήσειν πόλεμον, τοῦτο ποιήσω καὶ ὀλοποιήσομαι κατ' αὐτῶν.

Все переводчики Анны Комнины (Шопен, Э. Дауэс, Б. Лейб), по нашему мнению, неверно передают смысл этого места. В их понимании эта фраза должна была быть переведена на русский язык следующим образом: «к тому же я соглашаюсь и кланусь в том, что если ваша царственность пожелает, чтобы я поднял оружие и начал войну с теми...». На невозможность такого понимания указывает хотя бы союз καὶ (καὶ ὡς).

20. Рейффершайд предполагает лакуну: отсутствует глагол, управляющий словами: τοὺς τοιοῦτους τε πάντας. Лейб в своем издании не отмечает лакуны, но трудно предположить, чтобы словами τοὺς τοιοῦτους τε πάντας управлял глагол ἀνδέξεσθε; «... а не вынужденные сделать это нашими трудами и усилиями» (см. ниже): ἀνευ πόνων καὶ κόπων ἡμετέρων дословно: «без наших трудов и усилий».

21. ἀπὸ Λογγυβαρίας, т. е. из Южной Италии. В дальнейшем имена и географические названия будут даваться в общепринятой транскрипции, т. е. Дагоберт (а не Такуперт), Бриндизи (а не Врентсий) и т. д.

22. ἡ περιουχὴ (E. Dawes, p. 355; B. Leib, p. 136 — fortifications в смысле *προτειγισμα*).

23. Σουέτιον, Seleukeia Pieria, соврем. as-Suwaidiya, у крестоносцев — Saint-Simeon, порт в устье р. Оронт (K. M. Setton and M. W. Baldwin. Op. cit., p. 306; E. Honigmann. Op. cit., S. 124, Anm. 5).

24. τὸ Δούξ. Б. Лейб отмечает его лишь как замок в Антиохийском княжестве (B. Leib, p. 133). По Э. Хонигману, это Dügsä (E. Honigmann. Op. cit., S. 126, Anm. 4). Однако на карте у Э. Хонигмана этого названия нет.

25. τὸ Κακκᾶ, латин. Vacas, араб. Vasaie, местечко в долине Оронта, в 40 км к юго-востоку от Антиохии (R. Dussaud. Op. cit., p. 472, carte XIV). Э. Хонигман (Op. cit., S. 126, Anm. 5) помещает Кавку (соврем. Gēbel-el-Agra) значительно ближе к морю.

26. ὁ Δούλος. Его не удается локализовать в том районе, который отошел к Боэмунду. Б. Лейб (со ссылкой на: W. M. Ramsay. The historical geography of Asia Minor. London, 1890) ошибочно помещает его к северо-западу от Подаяда, севернее Тарса, т. е. в том районе, который отошел к Алексею I (B. Leib, p. 133).

27. τὸ Θαυμαστὸν Ὅρος. Только Э. Хонигману удалось локализовать этот пункт (op. cit., S. 126, Anm. 7). Это — современный Gābal Mar Sim 'ān на правом берегу нижнего течения Оронта, против Антиохии.

28. Φερέσια — в латинских грамотах Tererpha, Cerept (см. E. G. Rey. Les colonies franques de Syria... Paris, 1883, p. 333), соврем. Terib — примерно на полпути между Оронтом и Алеппо.

29. στρατηγίς ὁ Ἅγιος Ἥλιος — город и монастырь на мысу к северу от устья Оронта. Э. Дауэс (p. 354) вслед за Дюканжем отождествляет стратигиду и стратигат (см. Sagoli Ducangii in Alexiadem Annae Comnenae notae historicae et philologicae. Воннае, 1839, p. 666). Дюканж ссылается на стратигаты Валан и Марак, названия также и стратигидами (στρατηγίδες γὰρ καὶ ἀμφότερα — p. 135.9). Однако, если бы оба эти понятия совпадали, тогда не имело бы смысла оговаривать, что Валан и Марак являются не только стратигидами, но и стратигатами. Кроме того, внимательное наблюдение позволяет установить, что στρατηγίς выступает как центр области, окруженной подвластными селениями, в то время как στρατηγάτος — это, напротив, область, окружающая центр (ср. «стратигат города Тарса» — § 21). Вот почему мы сочли необходимым четко разграничить оба эти понятия.

30. Βόρζε — латин. Bourzey, араб. Burziah — в долине р. Оронт в 40 с лишним км к западу от Лаодикий (Латакии) (см. R. Dussaud. Op. cit., carte XIV). Одна из сравнительно небольших крепостей, построенных крестоносцами (R. C. Smail. Op. cit., p. 218), — Qal'-at-Berze (E. Honigmann. Op. cit., S. 127, Anm. 4).

31. τὸ Σέζερ — ант. *Λαρίσσα*, Caesarea, соврем. Qal-'at-Sēgār — город в долине Оронта (E. Honigmann. Op. cit., S. 127, Ann. 2).

32. τὸ Ἀρτάχ — город, ныне заброшенный, к юго-востоку от озера Al-Amīq, расположенного к северо-востоку от Антиохии. Он прикрывает столицу Северной Сирии с севера; в свое время его даже называли «воротами в Антиохию» (K. M. Setton and M. W. Baldwin. Op. cit., p. 390, 625); соврем. Jrtāh (E. Honigmann. Op. cit., p. 127, Ann. 3).

33. τὸ Τελοῦχ — ант. *Δουλοῦχ* — крепость к югу от Рабана на горном плоскогорье к востоку от залива Александретта (в X в. — центр фемы) (Г. Острогорски. Указ. соч., стр. 272). В вассальной зависимости от Эдесского княжества (B. Leib, p. 258). Соврем. Tell Dülük (E. Honigmann. Op. cit., S. 127, Ann. 4).

34. ἡ Γερμανίαια. Б. Лейб вслед за Ф. Шаландоном (F. Chalandon. Op. cit., t. I, p. 248) и Р. Рёрихтом (R. Röricht. Geschichte des ersten Kreuzzuges. Innsbruck, 1901, S. 67, Ann. 1) полагает, что имеется в виду Германия на р. Евфрате, на запад от Самосаты. На наш взгляд, здесь речь идет о Германии на р. Пирамис (турецк. Magash). Здесь шла большая военная дорога византийцев от Никеи через Малую Азию и Антитавр до Антиохии. До 1097 г. находилась под властью армянских князей Киликии (E. Honigmann. Op. cit., S. 127, Ann. 5; K. M. Setton and M. W. Baldwin. Op. cit., p. 292, 678).

35. τὸ Μαῦρον Ὄρος — соврем. Amanos, горный массив между озером Al-Amīq и мысом св. Ильи (B. Leib, p. 134).

36. στρατηγάτον. Об отличии стратигата от стратигиды см. выше, прим. 29.

37. Παγρᾶς, ант. Pagrae, у крестоносцев Gaston — город к северо-западу от озера Al-Amīq в горном проходе (B. Leib, p. 136; K. M. Setton and M. W. Baldwin. Op. cit., p. 306 — Baghras).

38. Παλατζά — по Э. Хонигману, совр. Balgāt в долине р. Nahr-al-Aswad, в 20 км к северу от озера Al-Amīq (E. Honigmann. Op. cit., S. 127, Ann. 91).

39. Ζοῦμε. Б. Лейб устанавливает (p. 134), что это араб. Djomeous, около Ravendum (R. Dussaud. Op. cit., p. 452, carte XII), к 75 км прямо к северу от Алеппо (соврем. Grom.).

Обращает на себя внимание сравнительно малый размер фем, названных в договоре. Это не обширная территория, в состав которой входит несколько городов, а, как правило, город с окрестными селениями. Таким образом, здесь, на востоке Империи, уже в начале XII в. мы можем отметить тот процесс измелъчания фем, который для других областей был зафиксирован в более позднее время (см. Д. Ангелов. К вопросу о правителях фем в Эпирском деспотате и Никейской империи. BS, vol. 12, 1951, стр. 61).

40. ἡ βασιλις τῶν πόλεων — ср. «Царьград».

41. Новое сочетание *λίχιος ὑποχείριος*.

42. Фема *Ποδαγδόν* (соврем. Bozantichan) находилась к северу от Тарса (B. Leib, p. 135; W. M. Ramsay. Op. cit., p. 306).

43. Τάρσος, соврем. Тарс, в устье р. Кидн. Следуем чтению Рейффершайда, включающего *καὶ* между *μερίδες* и *παρὰ* и предполагающего лакуну между *τὸ Ποδαγδόν* и *καὶ πρὸς τοῦτους*.

44. ἡ Ἀδάνα πόλις — город в нижнем течении р. Сарус.

45. αἱ τοῦ Μάψον ἐστίαι (соврем. Мамистра) — город в нижнем течении р. Пирамис («Ермων»), соврем. al-Massisa (E. Honigmann. Op. cit., S. 124).

46. ἡ Ἀνάβαρζα — крепость в 16 милях к югу от города Сис, ныне заброшенная (K. M. Setton and M. W. Baldwin. Op. cit., p. 624). Возвращена империи в 962 г. войсками Никифора Фоки (Г. Острогорски. Указ. соч., стр. 272). Попеременно попадала в руки то империи, то киликийских армянских князей, то Антиохийского княжества до завоевания Киликии Иоанном Комнином в 1136 г. (Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 206).

47. ὁ Κόδνος — река, соврем. Nahr baradān, на которой стоит Тарс.

48. ὁ Ἐρμῶν — р. Пирамис (F. Chalandon. Op. cit., t. I, p. 248).

49. ἡ Δαοδίαια — соврем. Латакия, в XI—XII вв. важный порт к югу от Суэтия (см. R. Dussaud. Op. cit., p. 472).

50. Γάβαλα... Ζέβελ — город к югу от Лаодикии, соврем. Djebel (E. Honigmann. Op. cit., S. 94, 100).

51. τὸ στρατηγάτον Βαλανέως — город на сирийском побережье к югу от Гавала (см. R. Dussaud. Op. cit., p. 472, carte XIV), совр. Bāniyās (E. Honigmann. Op. cit., S. 100, Ann. 9).

52. τὸ στρατηγάτον Μαρακέως — поселение на побережье к югу от Балана (R. Dussaud. Op. cit., carte XIV; E. Honigmann. Op. cit., S. 125, 128).

53. ἡ Ἀντάραδος μετὰ τῆς Ἀντάρτους — ант. Antaradus, у крестоносцев — Tortosa (см. K. M. Setton and M. W. Baldwin. Op. cit., p. 306, 644; R. Dussaud.

Op. cit., p. 136, carte VII), соврем. Antartus. Э. Хонигман отмечает, что это по существу одно место (Op. cit., S. 128, Anm. 6).

54. τοῖς ἐμοῖς ἐπιτρόποις καὶ ἀνθρώποις.

55. οἱ περερῖνοι, т. е. крестоносцы. Именно об этих peregrines сообщают западные хронисты, отмечая основной факт, дошедший до них из Девольского договора, — свободу путешествия в святую землю.

56. Касногиду (τὸ θέμα τῆς Κασσιώτιδος) и большинство последующих названий не удалось локализовать ни одному из исследователей.

57. ἡ Δατάρα. Кедрин называет так часть Каппадокии, которая позднее именовалась Ликандом (Cedren., ed. Bonnæ, II, p. 422).

58. Возможно, что Σαρβάνος — это Tell Rouman (см. R. Dussaud. Op. cit., p. 499), который находится в 30 км от Низибиса по дороге на Мосул.

59. Τελευαρμόν — возможно Till Hamdun, в таком случае это крайняя сев.-зап. точка владений Боэмунда. Till Hamdun см. C. Cahen. La Syrie du Nord, a l'epoque des croisades et la principauté Franque d'Antioche. Paris, 1940, carte.

60. В тексте accusat. — τῆν Νέκραν. Ошибка переписчика понятна: он по аналогии с именами женского рода на —ις считает, что предыдущие названия стоят в accusat. (τὸ Καδισιάνιν, τὸ Σαρράπιν). Рейффершайд предлагает τὸ Νέκραν; скорее — ἡ Νέκρα, ибо в данном случае не случайная описка, а сознательное неверное исправление. Б. Лейб предлагает τὸ Νέκραν без всяких объяснений.

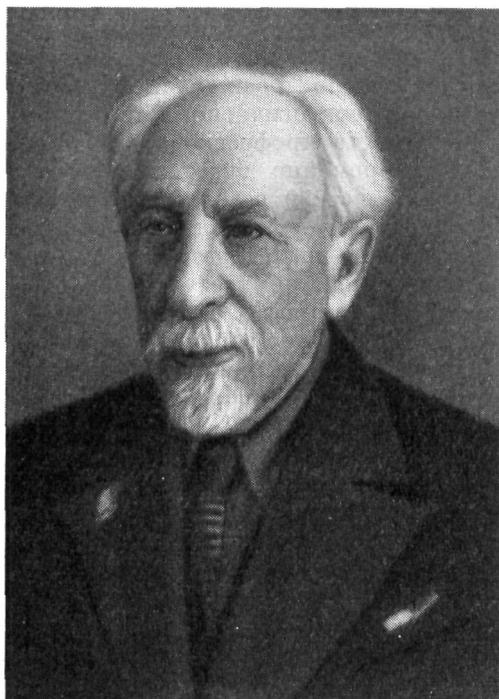
61. Ниже в тексте сказано: «прежнего императора Михаила». Это еще одно свидетельство ухудшения византийской монеты со второй половины XI в.

62. τὸ δουκάτον и далее лакуна. Рейффершайд считает, что здесь речь идет о графстве Эдесса. Исследователь истории Боэмунда Р. Юдэйл (R. B. Jewdale. Bohemond I, prince of Antioch. Anceton, 1924. Цит. по: E. Honigmann. Op. cit., S. 129, Anm. 6) подставлял сюда Антиохию. Мы считаем необходимым вернуться к прежнему мнению: речь идет об графстве Эдесса.

63. Ἀλλὰ καὶ ὑπὲρ τῶν σῶν ἐχθρῶν θωρακιοῦμεθα καὶ ἀρούμεν ὅπλα καὶ δόρατα. Рейффершайд предполагает лакуну между ὑπὲρ и τῶν σῶν ἐχθρῶν и предлагает дополнение σοῦ κατὰ, т. е. «но ради тебя мы...». Мы не можем привести других примеров употребления Анной предлога ὑπὲρ в значении «против», «на», но, учитывая волюность Анны и вообще авторов этого времени в употреблении предлогов, согласны допустить такое значение.

64. Обращает на себя внимание то, что при заключении договора присутствовало большое число императорских советников-уроженцев западных стран. Идентификации их имен посвящена специальная работа: De la Force. Les conseillers latins d'Alexis Comnène. Byz., XI, 1936.

65. οἱ ἐκ τῶν Δακῶν ἤκοντες ἀποκρισιάριοι παρὰ τοῦ κράλη καὶ συμπενθέρου τῆς βασιλείας. Э. Дауэс ошибочно считает «кралем» болгарского князя (prince of Bulgaria). Однако в Болгарии этого времени не было независимых правителей; к тому же слово «краль» не болгарского, а сербского происхождения. Речь идет о венгерском короле Коломане Арпадовиче, дочь которого Пирошка — Ирина была замужем за старшим сыном императора (Ф. И. Успенский. Указ. соч., т. III, стр. 196).

АРТЕМИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ГОТАЛОВ-ГОТЛИБ

27 июля 1960 г. в Одессе скончался после продолжительной болезни один из старейших ученых города профессор Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова, доктор педагогических наук Артемий Григорьевич Готалов-Готлиб.

Проф. А. Г. Готалов-Готлиб родился 15 января 1866 г. в Пскове; отец его был механиком, обслуживавшим немногочисленные в ту пору сельскохозяйственные машины, и семья находилась постоянно в разъездах по Украине и Бессарабии. В 1886 г. Артемий Григорьевич поступил на историко-филологический факультет Одесского (в то время Новороссийского) университета. Здесь он работал под руководством выдающегося русского византиста Ф. И. Успенского. В 1892 г. А. Г. Готалов-Готлиб окончил университет; конкурсная его работа «Военное устройство Византийской империи» была удостоена золотой медали, но участие в студенческом движении лишило его возможности быть оставленным при университете. С осени 1892 г. Артемий Григорьевич начал свою трудовую деятельность — сначала как учитель школы в Одессе и Пскове, затем в качестве преподавателя (а позднее — директора) гимназии в Петрограде, Ялте, Кишиневе и снова в Пскове. В эти годы А. Г. Готалов-Готлиб начал печататься — вначале в издававшейся в конце прошлого века энциклопедии Брокгауза и Ефрона, где ему принадлежат десятки статей по истории средних веков и нового времени, а затем в периодических изданиях. Уже тогда А. Г. Готалов-Готлиб пользовался известностью не только как эрудированный и вдумчивый учитель и воспитатель молодежи, но и как один

из представителей прогрессивного крыла русской педагогической мысли.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла Артемию Григорьевичу путь к преподаванию в высшей школе. В Одессе, где он навсегда поселился после гражданской войны, А. Г. Готалов-Готлиб был профессором Педагогического института, Института народного образования, Института профессионального образования и, наконец, университета. Одновременно он отдал много сил преобразованию среднего образования в Одессе и в области, последовательно выступая против левацких уклонов в деле школьного образования и строительства. Будучи членом Научно-исследовательского института педагогики РСФСР и научно-методического комитета Народного Комиссариата Просвещения Украинской ССР, проф. А. Г. Готалов-Готлиб опубликовал ряд книг, брошюр и статей по вопросам педагогики, истории педагогических учений и передовой общественной мысли.

В годы работы в Одесском университете Артемий Григорьевич заведовал кафедрами педагогики, затем истории древнего мира и археологии. Он подготовил ряд аспирантов, своевременно и успешно защитивших диссертации и ныне работающих в различных вузах Украины.

Круг научных интересов проф. А. Г. Готалова-Готлиба был широк и разносторонен: история Византии и славянских народов, история античного мира и его культуры, классическая филология и археология, наконец, педагогика и психология, — все эти дисциплины находились в его поле зрения. Об этом свидетельствует и его научное наследство. Начиная с последнего десятилетия прошлого века в течение почти 70 лет Артемий Григорьевич неустанно трудился, переходя от одной темы к другой и во всех областях проявляя свойственные ему глубину и разносторонность знаний и широту научного кругозора. Из-под его пера вышло более 200 трудов — монографий, статей, заметок, рецензий, популярных брошюр; большая их часть связана с историей педагогических и общественных идей. Смерть оборвала его работу над тремя монографиями — «Очерки военного устройства Византии», «Вопросы народного просвещения во Франции накануне буржуазной революции XVIII в.», «История Ришельевского лицея в Одессе». Две последние книги в сущности закончены.

Проф. А. Г. Готалов-Готлиб был не только выдающимся ученым и замечательным педагогом, но и принадлежал к числу передовых русских учителей-практиков. Об этом свидетельствует его борьба за передовую народную школу, за единство обучения, воспитания и трудовой подготовки еще в дореволюционные годы, его выступления против таких столпов реакции, как печально известный ялтинский градоначальник Думбадзе или бессарабские погромщики, вроде Крушевана; это было подтверждено всей его деятельностью в годы строительства молодой советской школы. Заслуги А. Г. Готалова-Готлиба перед советским народом были отмечены присуждением ему докторской степени *honoris causa*, а в дальнейшем — правительственными наградами (медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и орденом «Знак Почета»).

А. Г. Готалов-Готлиб был талантливым и трудолюбивым исследователем, чутким и внимательным, но строгим и требовательным учителем и воспитателем молодежи. До самой кончины на 94-м году жизни он продолжал следить за успехами советского народа и советской науки. Смерть его явилась тяжелым ударом для всех, кто знал его лично, и благодарная память о нем всегда будет жить в сердцах его сотрудников и учеников.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВС — Византийский сборник
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОРСАРАО — Записки отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИБИ — Известия на Института за българска история
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПС — Палестинский сборник
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
УЗ — Ученые записки
Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
AASS — Acta sanctorum Bollandiana
AB — Analecta Bollandiana
AHR — American Historical Review
AJA — American Journal of Archaeology
BNJ — Byzantinisch-Neugrichische Jahrbücher
BS — Byzantinoslavica
Byz. — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
C. Arch. — Cahiers Archéologiques
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
Cod. Just. — Codex Justinianus
DOP — Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ — Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
FA — Fasti Archaeologici
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
HZ — Historijski zbornik
JEA — Journal of Egyptian Archaeology
JHS — Journal of Hellenic Studies
JJP — Journal of Juristic Papyrology
JRS — Journal of Roman Studies
Jus — Jus Graeco-Romanum, ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856—1881
KRU — Die Koptische Rechtsurkunden der Papyrussammlung der Osterreichischen Nationalbibliothek. Wien, 1958
Δ — Διογραφία
MGH — Monumenta Germaniae Historica
PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
RA — Revue archéologique

RAC — Rivista di archeologia cristiana

Rad — Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti

RE — Pa y li - W i s s o w a - K r o l l. Real-Encyclopädie der klassischen Altertums-
wissenschaft

REB — Revue des Études Byzantines

SAWW — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, philos.-hist.
Klasse

SB — Studi Bizantini

ZS, RA — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische
Abteilung

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

И. А. Дворецкая (Москва). Организация управления в Остготском королевстве	3
Н. Н. Воронин (Москва). Андрей Боголюбский и Лука Хризверг (Из истории русско-византийских отношений XII в.)	29
Г. Диттен (Берлин — ГДР). Известия Лаоника Халкокондила о России . .	51
А. П. Каждан (Москва). Из истории византийской хронографии X в. 3. «Книга царей» и «Жизнеописание Василия»	95
Е. Ч. Скржинская (Ленинград). Греческая надпись из средневековой Алании (Северный Кавказ)	118
З. Г. Самодурова (Москва). К вопросу о малых византийских хрониках (По рукописям московских собраний)	127
А. Я. Сыркин (Москва). Сведения «Дигениса Акрита» о византийском быте и памятниках материальной культуры	148
А. Л. Якобсон (Ленинград). Средневековые сельские поселения Юго-Западного Крыма	165
Ся Най (Пекин — КНР). Золотая византийская монета, найденная в могиле периода династии Суй	178

Критика и библиография

Обзоры

М. А. Заборов (Москва) Крестовые походы в русской историографии первой половины XIX в.	183
М. М. Фрейденберг (Великие Луки). К истории общины на Балканах (Проблемы общины в югославской историографии)	198

Рецензии

М. Я. Сюзюмов (Свердловск). А. П. Каждан. Деревня и город в Византии в IX—X вв.	209
М. Э. Матье, И. Ф. Фихман (Ленинград). П. В. Ернштедт. Коптские тексты Гос. Эрмитажа; Коптские тексты Гос. музея изобразительных искусств	218
А. А. Зимин (Москва). А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в.	225
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Catalogue des manuscrits grecs, III	230
С. А. Кауфман (Москва). The Great Palace of the Byzantine Emperors. Second report	233
Т. А. Измайлова (Ленинград). Каталог армянских рукописей библиотеки Честер Битти	252

Публикации

Я. Н. Любарский, М. М. Фрейденберг (Великие Луки). Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комнином и Боэмундом	260
<u>А. Г. Готалов-Готлиб</u>	275
Список сокращений	277

**Византийский временник,
том XXI**

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР*

Технический редактор С. Г. Тихомирова
Корректоры А. В. Утина, Е. А. Мишакова

РИСО АН СССР № 47-82В. Сдано в набор 25/1 1962 г.
Подписано к печати 30/VI 1962 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 17,5. Усл. печ. л. 23,97. Уч.-издат. л. 27,2
Тираж 1400 экз. Т-08008-Изд. № 395. Тип. зак. № 539.

Цена 1 р. 63 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано.	Должно быть
52	24 сл.	ὄν	ὄν
60	32 св.	der	des
64	10 сл.	der	die
79	13 св.	Ναζηραίων	Ναζηραίων
89	4 сл.	Sciemann	Th. Schiemann
218	14 сл.	сансамогъ	санбамогъ
220	10—11 сл.	отмечает	отличает
243	7 сл.	Мезé	Месé
257	21 св.	себе	себя
274	16 св.	principaté	principauté
	20 сл.	Anceton	Princeton
ИСПРАВЛЕНИЕ К XX ТОМУ			
334	16 сл.	Константинополе	Трапезунте

Византийский времени, XXI г.